

аргументы истины

А. С. КАПТО

**НАЦИЗМ
И «ЛИБЕРАЛЬНЫЙ
АНТИСТАЛИНИЗМ»**

URSS

**ОТПОР
ФАЛЬСИФИКАТОРАМ
ИСТОРИИ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт социально-политических исследований

А. С. Капто

**НАЦИЗМ
И «ЛИБЕРАЛЬНЫЙ
АНТИСТАЛИНИЗМ»**

**Отпор
фальсификаторам
истории**

URSS
МОСКВА

Авторы идеи и концепции проекта «Аргументы истины»:

академик РАН Г. В. Осипов и доктор философских наук А. С. Капто

Редакционный совет:

С. Н. Бабурин, С. Ю. Глазьев, Н. К. Горшков, А. С. Капто (председатель),
В. С. Степин, А. П. Торшин, Ж. Э. Тощенко

Редакционная коллегия:

Ю. Ф. Голиусов, О. В. Дейниченко, А. С. Капто (председатель), С. В. Рогачев,
А. А. Сазонов, В. В. Серебрянников, В. В. Суходеев

Капто Александр Семенович

Нацизм и «либеральный антисталинизм»: Отпор фальсификаторам истории.
М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 656 с. (Аргументы истины.)

Книга доктора философских наук, Чрезвычайного и Полномочного Посла, заведующего отделом политического анализа и стратегических оценок, заведующего Международной кафедрой ЮНЕСКО при Институте социально-политических исследований РАН А. С. Капто посвящена одной из острейших проблем развернувшейся в начале XXI века «битвы за историю» — «идентичности» нацизма и сталинизма, «равноответственности» фашистской Германии и СССР за развязывание Второй мировой войны. В книге на обширном документальном материале раскрывается генезис и становление нацизма, «умиротворительная» политика западных демократий, которая позволила Гитлеру поочередно покорить европейские страны и развязать Вторую мировую войну. Отдельно рассматривается фальсификаторская деятельность некоторых отечественных и зарубежных политиков и исследователей в отношении итогов Второй мировой войны, вклада советского народа и руководства СССР в разгром фашизма; показана опасность для всего цивилизованного мира развернувшейся широкомасштабной кампании по реабилитации нацистов и их пособников, дискредитации Великой Победы, ревизии правовых основ послевоенного мироустройства и итогов Нюрнбергского трибунала.

Книга предназначена для ученых и преподавателей, политиков, журналистов, а также широкого круга читателей, безразличных к истории, которых волнует вопрос достоверности исторических фактов.

Рецензенты:

член-корр. РАН, д-р филос. наук, проф. *В. Н. Иванов*;
д-р филос. наук, проф. *А. А. Сазонов*

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»». 117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

Формат 60×90/16. Печ. л. 41. Зак. № 1385

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография №1». 428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

ISBN 978–5–397–02493–8

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете:
	http://URSS.ru
	Тел./факс (многоканальный):
URSS	+ 7 (499) 724–25–45

10877 ID 155091

9 785397 024938

Оглавление

Введение	5
Глава I. Феноменология нацизма	8
1. Расовый абсолютизм нацизма	8
2. Государство «фюрерпринципа»	16
3. Экспансионизм внешней политики	35
4. Нацистское кредо германизации	41
5. Приговор Истории	48
Глава II. Про- и антинацистские маневры европейской дипломатии	66
1. «Коричневые лики» Европы	66
2. Агрессора умиротворять?	70
3. Кульминация политики «умиротворения» агрессора	76
4. Ущербность германо-британского диалога	92
5. Вопреки французскому честолюбию	105
6. С позиций американского «изоляционизма»	112
7. Германо-польский сюжет предвоенной европейской дипломатии	118
8. Прибалтийский фактор в нацистской политике	139
9. Позиция СССР в предотвращении нацистской агрессии	157
Глава III. В плену антиистории	178
1. Фальсификация как средство политико-идеологической борьбы	178

2. Мистификация так называемого «пакта Молотова—Риббентропа»	205
3. Теоретико-политологические корни проблемы «нацизм—сталинизм»	225
4. Метастазы «ложного сознания»	260
Приложения	278
1. Документы предвоенной политической истории	278
2. Сообщения спецслужб	456
3. Материалы Международного Нюрнбергского Трибунала	594

Введение

В беспрецедентной глобальной политической «битве за историю», развернувшейся на рубеже XX–XXI вв., особое место заняла проблема нацизма. И весь исторический парадокс заключается в том, что после того, как Международный Нюрнбергский трибунал, казалось бы, поставил окончательную точку в деле фашистского режима гитлеровской Германии (военные преступники преданы справедливому суду, фашистский режим, его идеология и политика осуждены и запрещены, нацистские структуры разогнаны и т. д.), сегодня приходится говорить о фашизме как реальной опасности, как об инструменте политической борьбы как внутри отдельных стран, так и между ними.

Один их аспектов этого противоборства — протаскивание фальсификаторских мифов «о схожести», «идентичности» нацизма и сталинизма, об их равноответственности за развязывание Второй мировой войны. И спор по этим проблемам — не просто дискуссия в узком кругу интеллектуалов в духе «плюрализма мнений», а противоборство политических сил и политических волей самого высокого уровня: руководителей государств и правительств, европейских структур в лице Европейского Союза (ЕС), ОБСЕ, международных организаций, прежде всего ООН. Это противоборство стало реальным фактором внутривнутриполитической жизни самой России. От объективного ответа на возникшие вопросы напрямую зависит атмосфера двусторонних отношений между многими странами, строительство современного многополюсного миропорядка, уровень межстранового и глобального диалога по широкому кругу проблем международной жизни и, что крайне важно, консолидация российского общества, столь болезненно выходящего из системного кризиса.

Ход современного политико-идеологического противоборства по проблемам «нового прочтения истории», установления «исторической правды» и т. д. (именно противоборства, которое, как оказалось, не ушло в историческое социально-политическое небытие, а мимикрировало в новой политической реальности, впитав в себя многие рецидивы «идеологической борьбы», но демонстрируя время от времени якобы наступившую идеологическую «бесконфликтность», «деидеологизированный мир») выдвинул необходимость анализа и оценки нацизма в прямой привязке к так называемому «сталинизму». В связи с этим автор считает необходимым отметить, что в его задачу не входит анализ всей проблематики «сталинизма», — его мы коснемся лишь в той мере, в какой это необходимо в контексте этой публикации. А это в свою очередь не означает, что, категорически выступая против отождествления нацизма и «сталинизма», автор не видит изъянов последнего.

В принципиальном плане в оценке этих проблем, как и при анализе исторического прошлого и современной политической реальности, автор стоит на позициях конструктивного центризма, базирующегося, с одной стороны, на отсечении оценочных крайностей с какой бы стороны они ни исходили (правой или левой), а с другой — на опоре на том позитиве, который содержится в каждой ветви плюралистической реальности. Такой подход, разумеется, не распространяется на те явления, события и факты, которые изначально по своей сути являются однозначно негативными. В методологическом же плане в оценке советского прошлого для автора является ключевой концепция конвергенции выдающегося российско-американского социолога П. Сорокина, который на примере сопоставления двух общественных систем — капитализма и социализма — доказал конструктивность такого подхода. Историческую перспективу он выстраивал именно на интеграции ценного опыта, накопленного этими системами в прошлом, и на отказе от всего того, что в этих системах себя показало плохо и, тем более, себя изжило. Метод П. Сорокина применим не только в социологии, как считают некоторые авторы, он имеет универсальную ценность и может быть применим и при оценке исторического прошлого, и при умелом использовании его отдельных элементов в «новом прочтении истории», но, разумеется, при творческом его использовании, а не механическом переносе социологического инструментария на сферу исторического и политологического познания.

Автор исходит из того, что в «битвах за историю» необходимо твердо стоять на позиции уважения и защиты отечественной истории во всей ее правде, какой бы она ни была, последовательно и системно парировать применение против страны оружия исторической лжи, оберегать накопленное предками богатейшее духовное и интеллектуальное наследство, настойчиво отстаивать сегодняшние национальные интересы. И то, какое место в этом глобальном противоборстве занимает каждый политик, ученый, журналист, педагог, — дело совсем не личное, хотя, к сожалению, некоторые думают наоборот.

Но, как говорил Л. Толстой, «для того, чтобы научиться говорить правду людям, надо научиться говорить ее самому себе». И сегодня актуальным является совет патриарха отечественной историографии Н. М. Карамзина: «Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастье или умалять в своем изложении бедствия; он должен быть прежде всего правдив; но может, да и должен неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а в том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом. Только таким образом может он сделаться национальным бытописателем, чем прежде всего должен быть историк». Мысль о «национальном бытописателе» — ох, как актуальна сегодня!

Итак, что же собой представляет нацизм? Каковы его идеология и политика? Откуда «выросли ноги» у постулата об «идентичности» нацизма и сталинизма? Как могло случиться, что некоторые «правдоискатели» стремятся одеть на героическую историю борьбы нашего народа с фашизмом нацистский мундир? Почему в сознании людей соседствует правда (в том числе и со знаком минус) с величайшей и чудовищной неправдой, ложью? Как могло случиться, что сегодня приходится защищать Великую Победу не только от чужеземных клеветников, но и от собственных, т. е. российских «пероценщиков» священных страниц национальной памяти?

Предложенный читателю труд автор рассматривает как одну из попыток, предпринимаемых интеллектуальным сообществом, политическими элитами, в целом всем обществом, ответить на проблемы, оказавшиеся на гребне сложнейших перипетий общественного развития в XXI в., проблемы, которые, как можно с уверенностью предположить, не будут сняты с повестки дня в будущем, во всяком случае — в ближайшей перспективе.

Глава I

Феноменология нацизма

1. Расовый абсолютизм нацизма

Нацизм — политическое течение и идеология, возникшие в 20-е гг. и утвердившиеся на государственном уровне в 30-е гг. XX столетия в Германии на основе национал-социалистической доктрины Национал-социалистической партии Германии (нацистской) и идей Гитлера, изложенных в его книге «Майн кампф». Нацизм как разновидность фашизма по принципиальным позициям и установкам очень близок к другим его разновидностям: фашизма в узком смысле (Италия), фалангизма (Испания), солидаризма (ряд стран Латинской Америки). При наличии общих черт, объединяющих различные виды фашизма с нацизмом, последний имеет и «свои» особенности, связанные со спецификой социально-политической среды, из которой он вырос (т. е. нацизм имеет конкретный национальный адрес: нацистскую Германию во главе с наиболее зловещим нацистом Гитлером), с конкретными формами воплощения и путями его развития, с внешнеполитическими установками (экспансия с целью расширения «жизненного пространства», реванш за «позор» перемирия по итогам Первой мировой войны и ограничения Версальского мирного договора и Сен-Жерменского мирного договора и т. д.).

Если итальянский фашизм вырос из идеи «корпоративного общества» (в Италии даже было создано министерство корпораций, которое возглавлял сам дуче — Б. Муссолини), то для нацизма, имеющего много общего с тоталитаристской доктриной Муссолини, на первом месте была расистская идея об «особости» арийской расы и «чистоте» арийской крови, все же остальные идеи «подверстывались»

именно под расистскую версию об особом историческом мессианстве немецкой нации. Основа нацизма — концепции немецкого национализма, национального социализма и немецкого антилиберализма.

По своим теоретическим и политическим установкам испанский фашизм времен Франко и португальский фашизм Салазара были «ближе» к итальянскому фашизму именно по тем соображениям, что этим режимам не были свойственны столь демонстративно внедряющиеся Гитлером расистские идеи об «избранности» одной нации. Но подобные частичные различия не снимают общую негативную оценку всех разновидностей фашистской диктатуры, т. е. фашизм есть фашизм, какими бы экзотическими элементами в конкретных странах он не отличался. Нацизм — это вариант фашизма, ассоциирующийся с гитлеризмом; именно в этом контексте «нацизм» и «гитлеризм» — понятия-синонимы.

В метапонятии же «нацистская Германия, фашистская Италия и милитаристская Япония», которое употребляется для определения участников «оси Берлин—Рим—Токио» как виновников развязывания Второй мировой войны, эпитеты «нацистская», «фашистская», «милитаристская» применительно к указанным странам являются разными не в силу стилистических соображений (избежать тавтологии), а содержательных, потому что они точно характеризуют особенности режима каждой из указанных стран на фоне тех общих объединяющих их экспансионистских целей, установок на агрессивную войну, на передел насильственным образом существующего миропорядка.

Идеологический стержень нацизма — расизм, утверждающий превосходство ариев-германцев над другими народами, абсолютизация расового и этнического начал общественной жизни как неизбежного, внутренне противоречивого двигателя в истории человечества и связанные с этим шовинизм, ксенофобия, переходящая в геноцид по отношению к «чужим» национальным и социальным группам, объявление евреев и славян врагами «нордической расы».

По определению нацистов, люди так называемой «германской крови» являются «высшей расой» и, соответственно, призваны покорять, господствовать и уничтожать другие «расы» и народы. Подготовка почвы к осуществлению идеи мирового господства основывалась на тезисе о том, что высшая миссия германского народа — руководить и господствовать в силу его нордической крови и расовой чистоты.

Шовинистские и антисемитские взгляды Гитлера получили развитие еще до Первой мировой войны в условиях сложной политической атмосферы, которая царила тогда в многонациональном габсбургском государстве. Путь же в политику себе он открыл после войны, протестуя против Версальского договора. В 1921 г. он стал главой Национал-социалистической рабочей партии Германии. После первой провалившейся попытки национал-социалистического путча (9 ноября 1932 г.) НСДАП была запрещена, а Гитлер осужден на 5 лет, но отсидел всего лишь год. Находясь в тюрьме, написал «Майн кампф», в которой изложил свои политические цели: создание авторитарного государства и завоевание жизненного пространства, прежде всего на Востоке. После выхода из заключения воссоздал нацистскую партию.

Вторая часть книги «Майн кампф» посвящена теории так называемой «расы господ» — доктрине арийского превосходства над другими нациями и права немцев, в силу их «превосходства», господствовать над другими и использовать их для достижения собственных целей.

Еще в объявленной Гитлером в Мюнхене 24 февраля 1920 г. программе Германской рабочей партии в одном из 25 пунктов было записано: «Пункт 4. Только тот, кто принадлежит к германской расе, может быть гражданином; только тот принадлежит к германской расе, в чьих жилах течет германская кровь, независимо от вероучения. Следовательно, ни один еврей не может принадлежать к германской расе».

В дневнике начальника генерального штаба главного командования сухопутных войск Германии (ОКХ) Ф. Гальдера содержится такое директивное положение, сформулированное Гитлером на состоявшемся в начале марта 1941 г. совещании командующих всеми видами вооруженных сил: «Война в России будет такой, которую нельзя будет вести по рыцарским правилам. Это будет война идеологий и расовых противоречий (подчеркнуто нами. — *Авт.*), и она будет вестись с беспрецедентной безжалостной и неутомимой жестокостью».

Нацизму, как свидетельствует история, свойственны культ грубой силы, экспансионистская внешняя политика (завоевание «жизненного пространства» за счет других государств), жесткий контроль и регулирование общественной деятельности и личной жизни, высокомерно-негативное отношение к человеческой личности

как существу, нуждающемуся для нормального существования в беспрекословном подчинении ничем не ограниченной силе тоталитарного государства.

Расовую интерпретацию придали нацисты и судопроизводству. В письме имперского министра юстиции начальнику имперской канцелярии 17 апреля 1941 г., к подготовке которого имел непосредственное отношение Гесс, рассматривались «предполагаемые уголовные законы в отношении евреев и поляков на оккупированных восточных территориях». Основной посыл этого документа таков: «Особые условия, превалирующие на присоединенных восточных территориях, требуют особых мер по линии уголовного законодательства и уголовного судопроизводства в отношении поляков и евреев»¹. О каких же «особых мерах» идет речь? «Судопроизводство, — отмечается в документе, — делавшее обязательным предъявление обвинения, было упразднено, поскольку казалось совершенно нетерпимым, чтобы поляки и евреи могли иметь возможность заставить германского обвинителя предъявлять им обвинение...»². А 5 ноября 1942 г. главное имперское управление безопасности издало одобренный фюрером секретный документ «о судопроизводстве по делам поляков и других восточных народов», в котором зафиксировано, что между рейхсфюрером СС и имперским министром достигнуто соглашение относительно того, «чтобы положения юстиции не распространялись на судопроизводство по делам польских и других восточных народов»³.

В основе соглашения лежит соображение о том, что «поляки и восточные народы — люди низшей расы, живущие на территории немецких имперских областей. Отсюда для немецкого народного порядка возникает значительная опасность, приводящая к мысли о том, что для негерманцев необходимо установить иной порядок судопроизводства, чем для немцев»⁴ (подчеркнуто нами. — *Авт.*). В документе предписывалось: «В будущем лиц негерманского происхождения необходимо передавать полиции... ..соответственно обращаться с евреями и цыганами».

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1959. Т. IV. С. 747.

² Там же.

³ Там же. С. 579.

⁴ Там же.

Положения об этом «ином порядке судопроизводства» конкретизируются следующим образом: «При осуждении негерманца личные мотивы преступника должны полностью отметаться. Мерилом при этом может служить то, насколько его преступление угрожает немецкому порядку, и отсюда, какие меры должны быть предприняты, чтобы устранить эту угрозу. Иными словами, преступление негерманца нужно рассматривать под углом зрения полицейской охраны безопасности, а не с точки зрения юридического искупления. Следовательно, необходимо передать судопроизводство по делам негерманцев из рук юстиции в руки полиции»¹ (подчеркнуто нами. — *Авт.*).

Согласно изданному в соответствии с имперским законом о гражданстве от 1 июля 1939 г. (подписан Борманом) документу все евреи были лишены всякой защиты обычных судов и переданы юрисдикции гиммлеровской полиции. Рейхсминистр Розенберг, руководствуясь декретом Гитлера от 17 июля 1941 г., издал 17 февраля 1942 г. закон специально для людей не немецкой национальности, установив для них смертную казнь за малейшие выступления против германизации и за всякие насильственные действия против лиц немецкой национальности. Созданные Розенбергом 12 января 1942 г. «чрезвычайные суды» не имели никаких юридических оснований, они состояли из председательствующего в лице полицейского офицера и двух подведомственных ему полицейских. Решения таких «судов» — только смертные приговоры и конфискация имущества, других наказаний «суды» не определяли, а вынесенные приговоры обжалованию не подлежали. Смертные приговоры кроме розенбергских «судов» выносила также политическая полиция, приводившая их в исполнение в тот же день. 4 декабря 1941 г. был принят закон, в соответствии с которым предусматривалось применение карательных мер против евреев и поляков, проживающих на оккупированных восточных территориях.

Фактом является и то, что утверждению в Германии нацистской идеологии содействовали и многие представители науки. На Нюрнбергском процессе были представлены неопровержимые доказательства проведения в концлагерях «исследований», посвященных поиску «доказательств» превосходства арийской расы над другими,

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1959. Т. IV. С. 580.

«чистоте» немецкой крови и т. д. Такие «исследования» сопровождались различными экспериментами над военнопленными и гражданами различных стран, доставленными в Третий рейх с оккупированных территорий. Началось же все это еще задолго до начала Второй мировой войны, причем не только в Германии, но и в западных демократиях. Так, широкую известность получил французский хирург и патофизиолог Алексис Каррель не только за присужденную ему Нобелевскую премию «За признание работы по сосудистому шву и трансплантации кровеносных сосудов и органов», но благодаря опубликованной им книге «Человек — это неизвестное». Основная суть проповедуемой им в этой книге доктрины: первое — люди изначально биологически неравны; второе — умственная и физиологическая отсталость пролетариата на фоне превосходства (умственного и физиологического) других слоев общества; третье — умственная и физиологическая отсталость передается по наследству. Он утверждал, что проблема предупредительной медицины подавляет естественный отбор. Показательно, что эта книга вышла в свет в 1932 г. и вскоре она стала органично вписываться в нацистскую идеологию. И неслучайным является то, что Каррель во время оккупации Франции активно сотрудничал с гитлеровцами.

На Нюрнбергском Трибунале отмечалось, что «интеллектуальное банкротство и моральная извращенность нацистского режима не касались бы международного права, если бы не были использованы для того, чтобы провести „расу господ“ гусиным шагом через границы государства»¹.

Именно через расистскую призму «недочеловеков» рассматривал Гитлер русских. Вдумаемся в такой его пассаж: «Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы. Именно так были созданы многие могущественные государства на земле. Не раз в истории мы видели, как народы более низкой культуры, во главе которых в качестве организаторов стоят германцы, превращались в могущественные государства и затем держались прочно на ногах, пока сохранялось расовое ядро

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 10.

германцев. В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго держать в своем подчинении это громадное государство. Сами евреи отнюдь не являются элементом организации, а скорее ферментом дезорганизации. Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель».

«Мое отношение к полякам, — в свою очередь заявил Г. Франк на совещании начальников отделов РСХА или НСДАП. 19 января 1940 г., — можно сравнить с отношением муравьев к древесной тле. Если я дружественно отношусь к поляку, его по-приятельски щекочу, то делаю я это исходя из того, что его работоспособность принесет мне пользу. Это является чисто тактически-технической, но не политической проблемой... Там же, где вопреки мероприятиям производительность труда не увеличится, или там, где я найду малейший повод для вмешательства, я не отступлю и от проведения драконовских мер»¹.

Считая себя «расой господ», нацисты превратили программу беспощадного истребления евреев в государственную политику, проводимую как в официальном порядке, так и путем подстрекательства к массовому и индивидуальному насилию. Антисемитизм, не являющийся ни изобретением, ни монополией нацистской партии, был принят ее руководителями с самого начала, он рассматривался ими как «психологическая искра, которая воспламенит толпу». После захвата власти нацисты объявили антисемитизм официальной политикой режима. Нацистскому преступнику Розенбергу принадлежат слова: «Антисемитизм является объединяющим фактором реконструкции Германии». Он же в другом месте заявил: «Германия будет считать еврейский вопрос разрешенным только после того, как ни одного еврея не останется на жизненном пространстве великой Германии... Европа будет считать еврейский вопрос разрешенным только после того, как последний еврей покинет континент». Другой представитель нацистской верхушки Лей заявил: «Мы клянемся, что мы не оставим борьбы до тех пор, пока не будет истреблен последний еврей и пока он не будет умерщвлен.

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1959. Т. IV. С. 590.

Недостаточно изолировать еврейских врагов от человечества — еврей должен быть уничтожен». Ему же принадлежат и такие слова: «Вторым секретным оружием Германии является антисемитизм, потому что, если он будет упорно проводиться Германией, то он станет всеобщей проблемой, которую вынуждены будут разрешать все нации».

Зловеще звучат слова и нацистского преступника Штрейхера: «На земле не будет светить солнце до тех пор, пока не умрет последний еврей». Программа действий против евреев включала большое разнообразие применяемых средств: лишение избирательных прав, лишение гражданских прав и прав собственности, клеймение, применение насилия, ссылки, рабство, подневольный труд, голод. В этом же ряду — убийства и массовые истребления евреев. По «осторожным» подсчетам Нюрнбергского трибунала, судившего нацистских преступников, из 9 600 000 евреев, живших в разных частях Европы, находившихся под властью нацистов, 5 700 000 исчезло, и большинство из них было умышленно умерщвлено гитлеровцами.

1 апреля 1933 г. нацистский имперский кабинет одобрил бойкот еврейских предприятий, в течение последующих лет была проведена серия антисемитских законов, ограничивавших деятельность евреев в гражданских учреждениях, в правовых учреждениях, в журналистике и в вооруженных силах. Наиболее важным последствием изданных в сентябре 1935 г. так называемых Нюрнбергских законов явилось лишение евреев германского гражданства.

На состоявшемся 20 января 1942 г. в пригороде Берлина Ванзее совещании, организованном руководством Главного управления имперской безопасности (председательствовал обергруппенфюрер СС Р. Гейдрих, присутствовали группенфюрер СС Г. Мюллер, начальник отдела РСХА оберштурмбаннфюрер А. Эйхман и др.) было признано, что ранее разработанный план выселения европейских евреев на остров Мадагаскар в силу ряда причин оказался нереализуемым. Поэтому решено было принять экстраординарные меры по «окончательному» решению «еврейского вопроса», т. е. поголовному истреблению евреев. На этом же совещании особо отмечалась «большая положительная» работа айнзатцгрупп, действовавших тогда на оккупированной территории СССР. Такие группы (их было четыре) функционировали по географическому принципу: Центральная Россия, Прибалтика, Киевская область, южные регионы. Из числа

местных жителей в состав таких групп входили члены «вспомогательной полиции», которые, например, в Прибалтике, как отмечалось на совещании, действовали особенно успешно. Именно с помощью «местных друзей», как доложил Гейдрих своему шефу Г. Гиммлеру, Эстония была очищена от евреев, а в Риге их число уменьшилось с 29 500 до 2500 человек. Всего же, по данным Нюрнбергского трибунала, действовавшая в Прибалтике айнзатцгруппа умертвила свыше 135 тыс. человек.

2. Государство «фюрерпринципа»

Характерная особенность нацизма — опора на массовую тоталитарную политическую партию — Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП). Она была образована в декабре 1920 г. на базе существовавших с 1919 г. Немецкой рабочей партии (А. Дрекслер и А. Гитлер) и австрийской Немецкой национал-социалистической рабочей партии (В. Риель). Политическими ориентирами для новой партии стали сочинения лидеров партии — «Майн кампф» Гитлера и «Миф 20 в.» Розенберга и др. Несмотря на то, что первоначально партия не имела солидной социальной и финансовой базы, набор ее политических установок и лозунгов был поистине амбициозным: захват власти, установление полного контроля государства над обществом для решения проблем германского общества; уничтожающая критика и борьба за ниспровержение Версальской системы и, как считали нацисты, неспособного социал-демократического правительства Веймарской республики; завоевание «жизненного пространства» для немцев; строительство шовинистически истолкованной новой цивилизации без классовый борьбы; спекуляции на чувствах рабочих, крестьян, средних слоев и пропаганда «социализма для всех» в духе концепции авторитарного государства, разделявшей ранее И. Г. Фихте, Ф. Гегелем, О. Бисмарком; критика индивидуалистического гедонизма буржуазного строя. Перед тем, как НСДАП стала в 1932 г. первой партией рейхстага (241 место) и 30 января 1933 г. после победы на выборах вошла в состав правительства, ей пришлось преодолеть множество сложившихся перипетий и коллизий: неудавшаяся попытка государственного переворота в Баварии в 1923 г. («пивной бунт»), последовавшее осуждение Гитлера на пятилетний срок тюрьмы, а за-

тем его досрочное освобождение, неудачи на парламентских выборах (на первых выборах с участием НСДАП в 1924 г. — 6,6 % голосов, в 1928 г. — всего 2,6 %), кризис в самой партии, когда ее «левое крыло» (Штрассеры и Й. Геббельс) требовало даже исключения Гитлера из партии из-за его стремления заполучить поддержку юнкерства и монополий, с чем не согласны были его «левые» оппоненты (они выступали за национализацию землевладения). В этой ситуации Гитлер и его сообщники прибегли к тактике маневрирования — внедрения в государственные структуры и легального завоевания власти, умиротворения оппозиции внутри партии (создание внутрипартийного трибунала «USCHLA»), и исключения из ее (оппозиции) рядов не поддающихся умиротворению, блокирования с другими националистическими партиями («Стальной шлем»), ставки на баварскую буржуазию, а в условиях разразившегося кризиса — на крупный капитал, создания на местах параллельных структур власти во главе с гаулейтерами, а также различных военизированных молодежных и профсоюзных отделений и организаций, наращивания насильственного потенциала отрядов штурмовиков (СА) и СС (первоначально — личная охрана Гитлера, а с июля 1944 г. — войска СС).

Приход нацистов к власти в 1933 г., когда Гитлер объявил о победе «национал-социалистической революции», сопровождался небывалой конфронтацией политических сил. После того, как президент Пауль фон Гинденбург назначил лидера НСДАП рейхсканцлером, соотношение сил в новом правительстве было таковым: 8 министров-консерваторов и 3 национал-социалиста. В этих условиях национал-социалисты повели жесткую борьбу, чтобы распустить рейхстаг и ландтаги, а затем на основе закона от 28 февраля 1933 г. развязали в стране кампанию открытого террора. Президент же Гинденбург после провокации по поджогу рейхстага, в чем без всяких оснований нацисты обвинили коммунистов, под предлогом «защиты народа и государства от коммунистических актов насилия, угрожающих государству», принял решение аннулировать важнейшие гражданские права: на свободное выражение личного мнения, гарантии личной свободы, свободу печати, сохранение тайны переписки и телефонных разговоров, создание организаций и проведение собраний. А после того, как на выборах в рейхстаг 5 марта национал-социалисты вышли победителями и получили абсолютное большинство мест, Гитлер добился принятия 23 марта закона о чрезвычайных полномочиях (одобрен рейхстагом 444 голосами против 94).

Полномочия предоставлялись Гитлеру на 4 года, рейхсканцлер получал права издавать законы без консультаций с парламентом, в том числе и не соответствующие Веймарской конституции. Все гражданские права аннулировались, парламентская система власти была фактически разрушена, а вслед за этим и предрешена судьба Веймарской республики.

Спровоцированный нацистами 28 февраля 1933 г. поджог рейхстага в Берлине был использован Гитлером и его кабинетом для издания декрета, отменявшего конституционные гарантии свободы (декрет был подписан президентом Гинденбургом и скреплен подписью Гитлера и имперского министра внутренних дел Фрика). Затем декрет об отмене гарантий был использован для проталкивания «закона о защите народа и империи», который давал Гитлеру полную законодательную власть, включая и полномочия на отход от принципов конституции. При этом Гитлер осуществил две акции, обеспечившие принятие такого закона. Во-первых, в виду того, что к тому моменту НСДАП в рейхстаге имела 288 мест из 647 мест (это, разумеется, лишало Гитлера возможности проводить в рейхстаге свои законы), нацисты воспользовались декретом об отмене гарантий свободы и подвергли так называемому «превентивному заключению» большое число коммунистов-депутатов и партийных работников, сократив таким образом число голосов оппонентов. Во-вторых, перед голосованием был дан ясный сигнал о том, что в случае, если закон не пройдет, будут приняты насильственные меры. В результате — 24 марта 1933 г. «Закон о защите народа и империи» был принят, после чего НСДАП стала забирать в свои руки все области жизни германского общества. А дальше последовали шаги, еще больше укреплявшие нацистскую тоталитарную государственную машину: преследование политических партий (конфискация их имущества, отправка в концлагеря активистов и функционеров других партий и т. д.); основание Герингом в Пруссии 26 апреля 1933 г. государственной тайной полиции (гестапо), главной задачей которой являлось уничтожение политических противников национал-социализма и Гитлера; издание 14 июля 1933 г. закона, объявлявшего НСДАП единственной политической партией и считавшего преступлением существование или создание любой другой политической партии; меры направленные на централизацию и усиление контроля над деятельностью государственных учреждений, тщательная чистка всей гражданской администрации.

После смерти 86-летнего президента Пауля фон Гинденбурга рейхсканцлером стал Гитлер, сразу же узурпировавший функции президента и вынудивший армию присягнуть президенту, а не конституции.

Став правящей государственно-монопольной организацией, НСДАП диктаторскими и террористическими методами начала устанавливать тоталитарный «корпоративный порядок», осуществлять «унификацию» партии и государства, под которой (унификацией) понималось их сращивание (все государственные посты занимались только членами национал-социалистической партии, контроль за работой всех без исключения государственных органов осуществлялся опять-таки нацистской партией и т. д.), проводить работу в таком направлении, чтобы преодоление индивидуализма и разобщенности общества наилучшим образом отвечало требованиям «национального духа», готовности ради него на все, и обеспечивало сотрудничество всех сословий во имя высших интересов нации.

В соответствии с нацистской доктриной именно лидеры нацистской партии были правомочны определять структуру, политику и практику германского государства и всех относящихся к нему учреждений, направлять и контролировать деятельность всех лиц в пределах государства и уничтожать всех противников.

После прихода нацистов к власти широкого размаха достигли такие явления, как: роспуск всех политических и профсоюзных структур; культ вождя («фюрера»); функционирование террористических организаций типа СА, СС, гестапо и др., а также массовых фашистских организаций, непосредственно примыкающих к Национал-социалистической немецкой рабочей партии — Немецкий рабочий фронт, Гитлеровская молодежь («Гитлерюгенд»), Национал-социалистический женский союз; разветвленный и мощный пропагандистский аппарат; создание партийных отделений пропаганды и наблюдения на производстве; объединение крестьян в «имперское земельное сословие» под тотальным контролем нацистов; создание концентрационных лагерей для противников режима (Дахау в 1933 г., Бухенвальд в 1937 г.).

Внутрипартийная жизнь нацистов строилась на непреложном соблюдении «фюрерпринципа» («принципа фюрерства»), согласно которому власть должна находиться в руках «фюрера», от которого его помощники получали полномочия в иерархическом порядке, причем каждый из них, безоговорочно подчиняясь своему непосредственному

начальнику, должен был иметь неограниченную юрисдикцию в пределах своей компетенции, обладая при этом правом управлять, администрировать и издавать распоряжения без всякого контроля и по своему собственному усмотрению, руководствуясь только указаниями сверху. «Фюрерпринцип» осуществлялся прежде всего в отношении самого Гитлера как фюрера партии и затем в отношении всех других партийных чиновников.

Власть «фюрера» никем и ничем не ограничивалась и распространялась на все стороны общественной и личной жизни. Авторитет вождя-фюрера был непререкаем, как харизматический лидер он был вершиной партийно-государственной пирамиды и персонифицировал волю всего народа, выражал его расовый дух, и именно этим определялось единство вождя и народа. Сам же немецкий народ в интерпретации нацистов — это общность людей, объединенных одной кровью; его монолитность обеспечивается единством биологических, политических и мировоззренческих начал; он величина бесконечно более важная, чем сами по себе составляющие его члены; как основополагающая ценность он выступает субстратом государственности и официальную организационную форму своего бытия получает лишь в государстве.

Принцип «фюрерства» был введен в различных сферах жизни германского государства. Так, в области промышленности предприниматели объявлялись «фюрерами», рабочие — их подчиненными; благодаря этому любое потенциальное сопротивление рабочих оказывалось тщетным. Благодаря принципу «фюрерства», введенному в школах, нацистская партия взяла под жесткий контроль всю систему образования, подчинив ее идеологической и психологической подготовке молодежи к предстоящей войне.

Фюрерами на своем участке были различные хохайтстрегеры¹. «Маленькими фюрерами» были блоклейтеры, пользовавшиеся весьма реальной властью над гражданами, проживающими в их районе. Блоклейтеры как важная часть фашистской партии, хотя и не были разработчиками планов агрессивных войн, но делали очень многое, чтобы эти планы стали реальностью: они непрерывно распространяли нацистскую идеологию, отравляли сознание людей; они были проводниками национал-социалистического мировоззрения среди политически доверенного им населения и членов фашистской пар-

¹ См. следующий абзац.

тии; они вербовали членов в «Гитлерюнгенд», СА, СС и ДАФ («Дейче арбейтерфронт»); они обеспечивали участие в демонстрациях, посещение национал-социалистических выступлений и т. д.

Руководящий состав НСДАП, образованный из числа членов нацистской партии, включал: фюрера — во главе, рядом с ним рейхслейтеров, затем амтслейтеров; вслед за ними — пять категорий лидеров, являющихся руководителями различных административных единиц, которые назывались хохайтстрегерами (или «ответственными партийными руководителями»); затем — гауляйтеры, руководившие обширными областями; далее шли другие политические лидеры: крейслейтеры, ортсgruppenлейтеры, целленлейтеры, — и, наконец, самое низкое звено — блоклейтеры, осуществляющие надзор за группами домов в количестве от 40 до 60.

Устав нацистской партии определял четко прописанный порядок назначения политических руководителей. Фюрер назначал всех рейхслейтеров и всех политических руководителей в рамках рейхслейтунга (имперский партийный директорат), включая женских руководителей; всех гауляйтеров, включая политических руководителей, занимающих посты в гаулейтунгах (партийный директорат гау), включая женских руководителей гау; всех крейслейтеров. Гауляйтер назначал: политических руководителей и женских руководителей в рамках партийного директората гау; политических руководителей и лидеров женских обществ в рамках партийного директората крейса; всех ортсgruppenлейтеров. Крейслейтер назначал политических руководителей и лидеров женских обществ в рамках ортсgruppen, блок- и целленлейтеров. Старшим представителем партии во всех организациях, находящихся в той или иной зоне, был хохайтстрегер, который нес ответственность за политическое положение в своей зоне, его директивам подчинялся руководитель СА в этой зоне, он давал задания отрядам СА и имел право использовать отряды СА для осуществления его политических задач. Такие же полномочия имел хохайтстрегер по отношению к СС и НСКК (национал-социалистические моторизованные части). В партийном уставе провозглашено: «Руководящий состав несет ответственность за полное проникновение в германскую нацию национал-социалистического духа». Главная же заповедь национал-социалистов в уставе сформулирована так: «Фюрер всегда прав... Эта программа должна быть твоей догмой. Она требует полного подчинения национал-социалистическому движению». Как правило, каждый деятель,

входивший в состав рейха (а значит, и самые приближенные и самые верные фюреру), был многоликим. Геринг, например, был одновременно министром, командующим военно-воздушными силами, уполномоченным по четырехлетнему плану, рейхслейтером, высшим руководителем СА и СС; Гесс объединял функции министра, заместителя Гитлера по партии, генерала войск СС и СА; Розенберг был имперским руководителем национал-социалистической партии по вопросам идеологии и внешней политики, министром и обергруппенфюрером СА и СС; рейхсфюрер СС Гиммлер одновременно являлся рейхслейтером нацистской партии; министр иностранных дел Риббентроп был генералом СС; председатель тайного совета Нейрат был генералом СС; а один из руководителей гестапо — Бест — был крейслейтером гитлеровской партии и т. д. Система сочетания руководящих должностей в гитлеровской партии с руководящими должностями в территориальных организациях повторяла «схему верхов». Закон «Об обеспечении единства партии и государства» провозгласил членов фашистской партии и штурмовых отрядов, включая подчиненные им организации, «руководителями и движущей силой национал-социалистического государства». Такой «многоликостью» нацистскому режиму удавалось достичь если не абсолютной, то самой максимальной концентрации в своих руках всех ветвей власти: политической, экономической, военной, внешнеполитической и духовной.

Каждый нацистский руководитель принимал присягу, текст которой в соответствии с партийным уставом звучал так: «Я клянусь в нерушимой верности Адольфу Гитлеру. Я клянусь беспрекословно повиноваться ему и назначенным им руководителям». В соответствии с «принципом фюрерства» все указания Гитлера, требования гитлеровской программы и политики имели обязательный характер для всей партии и ее руководящего состава. Этот принцип устанавливал также полную и единоличную власть политических руководителей в данной области; он применялся не только Гитлером, как верховным лидером, но и политическими руководителями, подчиненными ему, и, таким образом, пронизывал весь руководящий состав партии и государства. Партийный устав гласил: «Прочная основа всех организаций в рамках партийной структуры и тесная связь с суверенными руководителями НСДАП обеспечиваются применением принципа фюрерства». «Партия — это орден фюрера», — гласит устав.

Германия в период нахождения у власти нацистов приняла диктатуру со всеми ее террористическими методами, с ее циничным и открытым отрицанием управления посредством закона. НСДАП забрала в свои руки все области германской жизни.

Закон об обеспечении безопасности и единства партии и государства предусматривал, что нацистская партия — основа германского государства и неразрывно с ним связана; ее устав — часть народного закона, ее организация устанавливается фюрером. Таким образом, нацистская партия становилась олицетворением государства. О господстве нацистской партии над германским государством говорило и то, что фюрер нацистской партии, будучи в то же время рейхсканцлером, мог издавать распоряжения, которые имели силу закона. «Не государство дает нам приказы, а мы даем приказы государству», — так заявил Гитлер на нюрнбергском партийном съезде 1935 г. 1 августа 1934 г. Гитлер объединил посты имперского президента и канцлера, став таким образом верховным главнокомандующим вооруженными силами, главой государства и фюрером нацистской партии. По им же изданному 4 февраля 1938 г. декрету Гитлер принял на себя «непосредственное командование над всеми вооруженными силами». В соответствии с законом от 15 сентября 1934 г. партийный флаг со свастикой стал государственным флагом Германии.

В произнесенной в апреле 1942 г. речи Гитлер заявил, что поскольку он является руководителем народа, верховным командующим вооруженными силами, главой государства и фюрером партии, каждый немец, каждый солдат, судья, должностное лицо и партийный работник должны выполнять его желания. 26 апреля 1942 г. рейхстаг Германии принял закон, которым признавались ничем неограниченные права фюрера.

С целью передачи в руки нацистов полного контроля над правительственной машиной была издана серия законов и декретов, ограничивающих полномочия областных и местных правительств во всей Германии, и превращавших их в ведомства, подчиненные правительству империи. Были уничтожены правительственные законодательные органы в провинциях, а вместе с ними были ликвидированы все местные выборы. Путем централизации и в результате тщательной чистки всей гражданской администрации нацистское правительство обеспечило контроль над деятельностью государственных учреждений. В соответствии с принятым 7 апреля 1933 г. законом осуществлялась отставка чиновников «неарийского проис-

хождения», а также тех, кого «в связи с их прошлой политической деятельностью нельзя с уверенностью рассматривать как людей, которые отдадут себя безоговорочно службе национал-социалистическому государству». Под контроль были взяты и судебные органы: судьи снимались со своих постов по политическим и расовым признакам, за ними шпионили, они подвергались сильнейшему давлению с тем, чтобы они вступали в нацистскую партию, в противном же случае им грозило увольнение. На должность судей специального суда для преследования лиц, совершивших политические преступления, назначались только члены нацистской партии. Аресты граждан по политическим мотивам осуществлялись СС, эти лица содержались в тюрьмах и концентрационных лагерях, причем судьи не имели никакой власти каким-либо образом препятствовать этому. Члены же нацистской партии, осужденные за совершение преступлений, амнистировались.

Руководители НСДАП предприняли решительные шаги по подчинению себе профсоюзов. Гитлер в апреле 1933 г. приказал тогдашнему руководителю отдела кадров политической организации НСДАП «взять на себя руководство профессиональными союзами». В результате большинство профессиональных союзов Германии было объединено в две большие федерации: «Свободные профессиональные союзы» и «Христианские профессиональные союзы». В соответствии с директивой НСДАП от 21 апреля 1933 г. 2 мая была проведена «акция по координации» действий против свободных профсоюзов; директива предусматривала участие членов СА и СС в запланированном «захвате собственности профессиональных союзов и в помещении в превентивное заключение работников профсоюзов». Национал-социалистические ячейки на предприятиях устраняли прежнее руководство свободными профсоюзами и брали его в свои руки. В это же время, как сообщало пресс-бюро НСДАП 3 мая 1933 г., «христианские профсоюзы безоговорочно отдали себя под руководство Гитлера». Так, вместо профсоюзов нацистское правительство создало «германский трудовой фронт» под полным контролем НСДАП, в который были обязаны вступать все рабочие Германии. Одновременно с этим под стражу взяли всех бывших председателей союзов, подвергнув их жестокому обращению, включавшему все — начиная от физического насилия и побоев и кончая убийством.

Нацистским гонениям подверглась и церковь в Германии. Предлог — защита «позитивного христианства». Избегая таких крайних

мер, как запрещение исповедания христианской религии, нацисты из года в год делали все, что могли, для того, чтобы ограничить влияние христианства на германский народ не в пользу нацистского режима. Гестапо определяло и назначало «специалистов по делам церкви», давая им инструкции в качестве конечной цели стремиться к уничтожению конфессиональной церкви. «Христианская религия и национал-социалистические доктрины несовместимы», — такое утверждение содержится в официальном письме нациста Бормана другому нацисту — Розенбергу. Пропагандировалась «народно-государственная религия» с верой в Германию и обожествлением фюрера. В изданном в июне 1941 г. тем же Борманом секретном декрете об отношениях между христианством и национал-социализмом заявлялось: «Впервые в истории Германии фюрер сознательно и полностью держит руководство в своих руках. В лице партии, ее составных частей и примыкающих к ней организаций фюрер создал для себя, и тем самым для Германской империи, орудие, которое делает его независимым от договора (т. е. от Конкордата, заключенного в 1933 г. Папой Римским с Гитлером. — *Авт.*)... Следует все более и более изолировать народ от церкви и ее органов — пасторов... Никогда более нельзя уступать влияния на народ и руководство им церкви. Это влияние должно быть уничтожено целиком и навсегда. Только имперское правительство и, по его указанию, партия, ее составные части и примыкающие к ней организации имеют право руководить народом».

На укрепление нацистского режима были направлены и коренные изменения в сфере образования. Было сделано все для того, чтобы германская молодежь воспитывалась в духе национал-социализма и беспрекословно воспринимала национал-социалистические идеи.

Сущность расистского понимания образования изложена имперским министром В. Функом на совещании начальников отделов НСДАП 2 декабря 1939 г. в присутствии Геббельса: «Полякам должны быть предоставлены только такие возможности образования, которые ясно показывали бы им безнадежность судьбы их народа. Поэтому речь может идти лишь о самых плохих фильмах или о таких фильмах, которые демонстрировали бы силу и мощь немцев»¹.

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1959. Т. IV. С. 596.

Вдалбливание идей «Майн кампф» осуществлялось во всех школах и университетах Германии, в рядах «Гитлерюгенд», а также в СА, СС, среди германского населения в целом. Эта книга служила официальным «свадебным подарком» для всех молодоженов Германии. И именно от «Майн кампф» начиналась прямая дорога к газовым камерам Майданека и печам Освенцима. Об этом заявил на Нюрнбергском процессе, например, генерал СС фон дем Бах-Зелевский: «Если вы проповедуете в течение десятка лет, что славянские народы являются низшей расой и что евреи „недочеловечи“, логически должно последовать, что убийство миллионов этих людей становится естественным явлением»¹.

В соответствии с принятым 7 апреля 1933 г. законом о реорганизации государственной службы нацистское правительство устранило всех «неблагонадежных в политическом отношении» учителей и укомплектовывало школы такими педагогами, которым можно было доверить внедрение в создание учеников национал-социалистические доктрины. В этой работе нацистские руководители опирались также на организацию «Гитлеровская молодежь» («Гитлерюгенд») для обеспечения фанатической поддержки своему режиму со стороны молодого поколения.

Первая нацистская молодежная организация начала свое существование в 1922 г., а официально была признана НСДАП лишь в 1925 г., как организация «Гитлеровская молодежь». Имперским руководителем молодежи НСДАП был назначен в 1931 г. Бальдур фон Ширах, который вступил в НСДАП в 1925 г. Под непосредственным руководством Шираха, все молодежные организации Германии были распущены или поглощены «Гитлеровской молодежью» (за исключением организации католической молодежи). Организовывалась «Гитлеровская молодежь» по строго военному принципу. А в проведении допризывной подготовки принимал непосредственное участие вермахт.

Особое внимание нацисты уделяли пропаганде. Обязанностью официально учрежденных агентств было оказание влияния на прессу, радио, кино, издательства и т. д. и осуществление строгого контроля за ними: был установлен надзор за развлечениями, искусством и культурой. Полную ответственность за осуществление этого

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1958. Т. II. С. 19.

надзора несло возглавляемое Геббельсом министерство народного просвещения и пропаганды, которому были подчинены все официальные агентства и которое взаимодействовало с соответствующей организацией в НСДАП и с имперской палатой культуры. Ведущую роль в распространении национал-социалистических доктрин играли: от имени партии — Розенберг, от имени государственных органов — Фриче вместе с Геббельсом.

«Лебенсraum» («жизненное пространство») — один из основных лозунгов гитлеровцев, оправдывавших территориальную экспансию германского фашизма. Суть этой пропаганды выражена в таких словах фюрера: «Мы снова хотим оружия... Поэтому все, начиная от букваря ребенка и до последней газеты, каждый театр и каждое кино, каждый столб для плакатов и каждая свободная доска для объявлений, должны быть поставлены на службу этой единственной большой миссии»¹.

В изданной в 1934 г. в Бреслау книге Хорста фон Метцша «Война как посев» можно найти такие слова, характеризующие нацистскую философию войны: «Национал-социалистическое движение невозможно себе представить без войны. Ее немецко-солдатская слава — отец его, ее лучший мушкетер — вождь его, ее испытанный дух — его дух»². В соответствии с главной целью Гитлера — подготовка и проведение агрессивной войны — большое число подчиненных фашистам организаций было военизировано, чтобы, в случае необходимости, немедленно использовать их как орудие войны. К числу таких организаций необходимо отнести СС, СА, «Гитлерюгенд», Национал-социалистический авиационный корпус, «Трудовой фронт», «Организацию Тодта».

Особую роль в становлении и приходе к власти немецкой национал-социалистической партии сыграли милитаристские круги и монополистический капитал, которые рассматривали ее как свою организацию, призванную завоевать мелкобуржуазные массы, придав их движению нужный вектор. Председатель Международной комиссии в Сааре Джеффри Нокс отмечал, что «...нацистская партия до тех пор, пока ее не подобрали руководители прусской военщины, была всего лишь жалкой шайкой сводников и бродяг, не имеющих ни малейшего значения».

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1960. Т. VI. С. 700–701.

² Там же. М., 1958. Т. II. С. 219.

Сам же Гитлер (Адольф Шикельгрубер) начал свою карьеру в качестве агитатора рейхсвера, проявил себя также активным шпионом баварской контрразведки, возглавляемой полковником генштаба Реном. В 1923 г. судьба не случайно свела идеолога германской военщины Людендорфа с Гитлером, ведь они оба стали активными участниками Мюнхенского путча. Но по-настоящему судьба улыбнулась Гитлеру тогда, когда в условиях обострившейся борьбы за власть в 1932–1933 гг. (когда собственно и решался вопрос, быть или не быть нацистам у власти), ему «посчастливилось» встретиться в Фюрстенберге на военном плацу с командующим рейхсвера генералом фон Шлейхером, в котором он нашел не просто рассудительного союзника, но и такого командующего рейхсвера, который пообещал сделать все от него зависящее, чтобы Гитлер стал рейхсканцлером. На Гитлера это произвело такое впечатление, что он не мог сдержаться себя и обратился к генералу: «Нужно на перекрестке прибить доску: „Здесь произошла достопамятная беседа Адольфа Гитлера с генералом Шлейхером“». Сам же Шлейхер в беседе с Папеном (это было подтверждено на Нюрнбергском процессе), заявив: «Ищем канцлера»¹, начал действовать активно и без всяких промедлений. О том, что решающую роль в том, чтобы привести Гитлера к власти, сыграл вермахт, Папен в изданной уже после войны книге «Дорога к власти» писал так: «Вермахт был решающим фактором в этом случае... Вот почему я хочу сказать, что не только определенная группа генералов была ответственна за события, приведшие к 30 января 1933 г., но и офицерский корпус в целом требовал правительства во главе с сильным человеком»². И в те решающие дни именно Шлейхер сыграл большую роль, чтобы сформировать новое германское правительство на базе «объединения»³ рейхсвера с НСДАП. Союз нацистской партии и германской военщины стал олицетворением мощной политической и военной машины «Третьей империи». Произошло полнейшее совпадение интересов: фюрер использовал военную машину для проведения внутренней и внешней нацистской политики, а германский генералитет получил в лице Гитлера гаранта в подготовке реваншистской

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 662.

² Там же. С. 663.

³ Там же.

войны, которую он (генералитет) рассматривал как свою святую обязанность и к которой он готовился задолго до прихода нацистов к власти. И утверждения Гальдера, содержащиеся в его послевоенных мемуарах о том, что бешенные темпы вооружения Германии в 1934–1938 гг. «были навязаны германскому командованию Гитлером вопреки... решительным возражениям» генералов¹ — явный блеф. Ближе к истине был германский военный министр Бломберг, который на Нюрнбергском процессе подтвердил, что германский генералитет жаждал реванша за поражение в Первой мировой войне и что «это была одна из главных причин отчасти тайного перевооружения, которое началось примерно за 10 лет до захвата власти Гитлером и особенно усилилось при нацистском господстве»². Что же касается разногласий германских генералов с Гитлером, то многие из них утверждали это после того, как нацистская машина рухнула, а военные преступники оказались на скамье подсудимых. Но окончательную точку в этом деле поставил еще Нюрнбергский процесс, который фальсификаторы истории стремились «прочитать по-новому» в прошлом и стремятся сделать это и в наше время.

Мощной опорой гитлеровского режима в становлении совершившего чудовищные преступления нацистского государства стали, наряду с милитаристскими кругами, германские монополии. В симбиозе «нацизм—монополии», как в случае с германским генералитетом, четко просматривается взаимный интерес: Гитлеру монополии нужны были для создания современной военной машины, обеспеченной в достаточном количестве новейшей техникой и вооружением; в свою очередь монополисты в условиях глубочайшего экономического кризиса 1929–1933 гг. рассматривали фашизм как последнее средство своего собственного спасения. Причем Гитлер и монополисты «нашли» друг друга еще до того, как власть в Германии оказалась в руках нацистов.

В ноябре 1932 г. крупнейшими промышленниками и финансистами была подписана и представлена президенту фон Гинденбургу петиция, призывавшая его доверить канцлерство Гитлеру; в сборе подписей под петицией заметное участие принял Шахт (имперский министр экономики, имперский министр без портфеля, президент

¹ Halder F. Hitler als Feldherr. München, 1949. S.9.

² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 663.

германского имперского банка). В доме кельнского банкира фон Шрёдера 4 января 1933 г. произошла встреча фон Папена с Гитлером, затем 9 января он имел беседу с президентом Гинденбургом, а после 22 января стал официально обсуждать с Гинденбургом вопрос о формировании кабинета во главе с Гитлером. Приведем выдержки из рассказа Шахта на Нюрнбергском процессе: «Выборы Гитлера должны были состояться 5 марта (1933 г. — *Авт.*), и для этой избирательной кампании он нуждался в деньгах. Он попросил обеспечить его деньгами, и я это сделал... Геринг собрал всех этих людей (крупных промышленников. — *Авт.*) и произнес речь... Я попросил их сказать, на какие денежные суммы они могут подписаться, и провести подписку в пользу выборов. Они подписались на общую сумму в 3 млн марок и распределили ее между собой... Старый Густав Крупп поднялся со своего места, благодарил Гитлера и говорил тогда с ним с большим энтузиазмом»¹. А еще раньше, 27 января 1932 г., на состоявшейся в Дюссельдорфе очередной встрече с Гитлером короли германской промышленности с вожделием внимали захватывающим дух плану Гитлера, который, назвав демократию «господством глупости», принципом разрушения, под бурные аплодисменты присутствующих заявил: «Мы приняли твердое решение полностью искоренить марксизм в Германии»².

Наполнением до отказа кассы фашистской партии занимались самые крупные германские промышленные и финансовые магнаты: Крупп, Кирдорф, Стиннес, Тиссен, Штраус, Шмиц, Флик и др. Более того, «трогательную» заботу о нацистах проявил и американский банкир Сидней Уорбург, который передал нацистской партии 10 млн долл. в 1929 г. и 15 млн — в 1931 г.

Финансировались же не только «общие», но и «специальные» дела нацистов. Так, в Кельнском банке фон Штейна и Шрёдера был открыт засекреченный счет «С», куда все крупные германские монополии регулярно перечисляли деньги, предназначенные для создания человеко-истребительной индустрии, строительства газовых камер и концентрационных лагерей. Для «особых заданий» Гиммлера с 1935 г. банкиры стали выделять особые фонды. Как показал на Нюрнбергском процессе крупнейший банкир Курт фон Шрёдер, только «по-

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 675.

² Там же.

жертвования» банкирского дома Шрёдера—Штейна для Гиммлера составляли ежегодно миллион марок. Но это был не единственный канал, по которому к Гиммлеру стекались миллионы марок для реализации изуверских нацистских планов. Покровителями Гиммлера и его эсэсовцев были также председатель наблюдательного совета «Ганаг» Фридрих Рейнгард, Бютерфиш из «И. Г. Фарбениндустри», адъютант Гиммлера Кранефус, представлявший интересы концерна «Брабаг», Карл Линдеман из «Норддейгер Ллод», граф фон Бисмарк и др.

С большим восторгом давая нацистам деньги, германские монополисты прекрасно понимали, что собой представляет их (нацистов) программа, сулившая германским монополиям успокоенный тыл и огромные прибыли. Относительно «успокоенного тыла» Ричард Сэсюли в свое время отметил: «Два „достижения“ Гитлера завоевали ему симпатии... В фашистской Германии не было стачек, а через год после прихода Гитлера к власти в Германии не было уже организованного рабочего движения»¹. Нацистами было уничтожено все, что мешало монополиям безудержно эксплуатировать рабочий класс: ликвидированы профсоюзы, фабзавкомы, соответствующие политические партии. С другой же стороны, они обеспечили капиталистам снижение взносов в фонд страхования от безработицы, высокие дивиденды, уменьшение подоходного налога, снижение заработной платы на 20 % по сравнению с 1932 г. с одновременным повышением интенсивности труда.

Что же касается германских монополий, которые торопили Гитлера с осуществлением агрессивных планов, то тот же Сэсюли писал: «Немецкая промышленность являлась основой нацистского заговора против мира»².

Период фашистского правления был для германских монополий «золотым временем». В 1934 г. финансовый капитал заявил устами своего агента Папена, что в обществе «социальную демагогию надо прекратить». Это же требование было повторено и на встрече Гитлера с Круппом.

О том, как на реализации нацистских планов наживался германский капитал, а вермахт укреплял свою военную машину, свидетельствуют документы, представленные Нюрнбергскому Трибуналу. Так, сразу же после вторжения гитлеровских войск в Судеты, фюрер полу-

¹ Сэсюли Р. И. Г. Фарбениндустри. М., 1948. С. 134.

² Там же. С. 35.

чил телеграмму: «Под глубоким впечатлением возвращения Судетско-немецкой области Рейху... акционерное общество „И. Г. Фарбен“ передает „в ваше распоряжение полмиллиона рейхсмарок“»¹. А захват Австрии позволил этому акционерному обществу поглотить «Шкоде-Верне», «Ветцлер», химический трест «Пульверфабрик». В Чехословакии же объектом поглощения стала четвертая по величине химическая компания в Европе «Ауссигер-Ферейн». И это акционерное общество не было исключением, так как захват заводов и фабрик покоренных гитлеровцами стран был поставлен на четкую организационную основу: этим специально занимались идущие в обозе нацистских войск представители монополий. Эмиссары того же общества «И. Г. Фарбениндустри», двигавшиеся вслед за гитлеровской армией во Франции, прикарманили там концерны «Сен-Клер дю Рон» и «Кюльман».

Но обогащение такими методами не ограничивалось, ему был подчинен весь чудовищный «конвейер смерти», т. е. изготовление специальной технической базы для массового уничтожения людей, в том числе и на немецкой земле. С германскими промышленниками щедро расплачивались за «труды» по производству оборудования концентрационных лагерей: крематориев, газовых камер, костедробилок и других средств издевательств над людьми. С согласия Гимmlера германские монополии широко использовали обреченных людей на каторжных работах, вынуждая их «выработаться до смерти», прежде чем войти в крематорий. Дело дошло до того, что опять-таки с согласия Гимmlера германские монополисты стали строить концлагеря при своих предприятиях. Так, около полумиллиона граждан всех стран Европы прошли через печально известный концлагерь «И. Г. Фарбениндустри» в районе Освенцима — Моновице. Зверинопреступная сущность сделки этой монополии и СС проявилась в том, что концерн продавал эсэсовцам ядовитые газы и химикаты для массовой ликвидации заключенных в лагерях.

Как к этому относились сами монополисты, свидетельствует допрос на Нюрнбергском Трибунале одного из руководителей «И. Г. Фарбениндустри» Шницлера:

Вопрос: Что вы сделали, когда узнали, что химикаты «И. Г.» применялись для того, чтобы умерщвлять людей в концлагерях?

Ответ: Я ужаснулся.

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 677.

Вопрос: Предприняли ли вы что-либо?

Ответ: Я не стал говорить об этом, так как это было слишком страшно... Я спросил Мюллера-Кунради: знаете ли вы, Амброс и другие директора о том, что газы и химикаты применяются для убийства людей?

Вопрос: Что же сказал он?

Ответ: Да, это известно всем директорам «И. Г.»¹.

Собственные концентрационные лагеря, где нещадно эксплуатировались сотни тысяч несчастных людей, были созданы также на заводах Круппа, предприятиях Мессер-Шмидта и Хенкеля, Зауэра и Хенкеля, «Миттельдейчепапирверке», «Рейнметалл-Борзич» и др. Концентрированным выражением чудовищной сущности нацизма явились получившие мировую «известность» гитлеровские концлагеря: Маутхаузен, Освенцим, Майданек, Дахау, Равенсбрюк, Бухенвальд, Трешлинка и др.

А вот директива СС от 6 августа 1942 г. «Об использовании срезанных волос», предназначенная для комендантов концлагерей, предписывала, «чтобы все срезанные человеческие волосы, добытые в концлагерях, были соответствующим образом использованы», и разъясняла: «Человеческие волосы перерабатываются в промышленный войлок и пряжу. Из расчесанных и срезанных женских волос вырабатываются для команд подводных лодок ступни чулок из волосяной пряжи и для имперских железных дорог чулки из волосяного войлока»; для заключенных мужчин отдельное предписание: в виде «опыта» «стричь их лишь тогда, когда они по стрижке достигают 20 мм длины»². В директиве также указано: «Чтобы предотвратить возможность побегов в связи с удалением волос в случаях, когда комендант найдет нужным, надо производить пометку заключенных таким образом, чтобы посредством узкой машины посередине головы выстригалась волосяная дорожка»³. С целью эффективного использования волос, добытых в лагерях, было решено создать в одном из концлагерей особую производственную установку и учредить порядок, в соответствии с которым о количестве ежемесячно собранных волос (женские волосы отдельно от мужских)

¹ СС в действии. Документы о преступлениях СС. М., 1960. С. 460.

² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1959. Т. IV. С. 392–393.

³ Там же.

сообщалось в специально определенное место 5-го числа каждого месяца, начиная с 5 сентября 1942 г.

Необходимо привести выдержки и из «делового» документа — письма акционерного общества «Заводы Дидье» от 25 июля 1943 г. с предложением об установке кремационных печей для СС в Белграде: «Мы заявляем о своей готовности составить чертежи печей надлежащим образом, с указанием арматур и системы сцепления с землей, а именно, чертежи печей для вышеозначенной цели. Смета составит 600 рм. Половину этой суммы следовало бы заплатить, остальную сумму — после изготовления чертежей. При постройке печей следует обратить особое внимание на то, чтобы для достижения быстрого сооружения установки внутреннюю часть построить не на особом материале, а на обычном шамотном кирпиче. Это же соображение надо иметь в виду при изготовлении металлических конструкций для печей. Для поставки трупов в печь мы предлагаем двухколесные конвейерные трубчатые валы. В каждой печи имеется отделение для пепла; так как не предполагается применение гробов, то ширина отделения составляет 600 мм, высота — 450 мм. Для транспортировки трупов из места их хранения в печи мы советуем применять легкие тележки на колесах, и мы предоставили вам чертежи этих тележек...»¹.

На заводах Зауэра, Даймлера и Бенца, подчиненных Шпееру, строились «газенвагены» («душегубки»), в которых подчиненные Кальтербрунера умерщвляли людей. Имперский министр Вальтер Функ открывал в подвалах имперского банка специальные сейфы для хранения золотых зубов, вырванных у мертвецов комендантом Освенцима Рудольфом Гессом. Приказы об уничтожении военнопленных, которых умерщвляли профессиональные палачи соединения «Тотен копф» («Мертвая голова») и лагерная охрана, подписывались фельдмаршалом германской армии Кейтелем. Именно от нацистской верхушки поступали команды о сроках уничтожения людей, о создании специальной техники умерщвления, идеологически обосновывалось «право высших рас» на уничтожение, истребление «неполноценных народов». Безжалостно наблюдая за замученными жертвами, нацистские преступники произносили парадные речи «о еще новом шаге», пройденном гитлеровцами по пути очищения «жизненного пространства» от «низших рас».

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1959. Т. IV. С. 370.

3. Экспансионизм внешней политики

О новой геополитической доктрине нацистов Гитлер писал так (его подчеркивание оставляем для сохранения абсолютной идентичности позиции автора): «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе. Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраины государства, которые ей подчинены».

Внешняя политика нацистской Германии, как установлено Нюрнбергским Трибуналом над главными немецкими военными преступниками (это нашло отражение в обвинительном заключении и приговоре Трибунала), определялась формулой: «Общий план или заговор для совершения преступлений против мира», что означало «планирование, подготовку, развязывание и ведение агрессивной войны против ряда государств». Трибунал установил, что «Общий план или заговор» охватывал период в 25 лет, начиная от образования нацистской партии в 1920 г. до конца войны в 1945 г. Целями заговора было: уничтожение Версальского договора, приобретение территорий, утраченных Германией в последней войне, и «жизненного пространства» в Европе с помощью, если необходимо, вооруженных сил с помощью агрессивной войны. Заговор нашел свое выражение в программе секретного перевооружения, в уходе Германии с конференции по разоружению и из Лиги Наций, во введении всеобщей воинской повинности и ремилитаризации Рейнской области. Намеренно предпринятыми внутригосударственными шагами для осуществления «Общего плана или заговора» стали: захват власти нацистами, установление тоталитарной диктатуры, применение в стране террора, уничтожение профсоюзов, нападки на христианское учение и церковь, преследование евреев, муштровка молодежи, воспитание ее в духе агрессивного милитаризма.

Важнейшее звено реализации «Общего плана или заговора» — нарушения нацистской Германией международных договоров. Нюрнбергский Трибунал четко определил, какие именно договоры и соглашения и в каком объеме были в данном случае нарушены. Гагская конвенция о мирном разрешении международных споров 1899 г. была нарушена в том, что Германия, применяя силу и оружие, вторглась на территорию суверенных государств Греческого Королевства (6 апреля 1941 г.) и Королевства Югославии (6 апреля 1941 г.) без предварительной попытки разрешить свои споры с указанными державами мирным путем. Нарушения, вытекающие из аналогичной Гагской конвенции 1907 г., были допущены по отношению к Королевской Дании (9 апреля 1940 г.), Великого Герцогства Люксембургского (10 мая 1940 г.), Королевства Бельгии (10 мая 1940 г.), Королевства Нидерландов (10 мая 1940 г.), СССР (22 июня 1941 г.). III Гагская конвенция относительно начала военных действий 1907 г. была нарушена в том, что Германия без предварительного предупреждения в форме мотивированного объявления войны или предъявления ультиматума с условным объявлением войны начала военные действия против Польской Республики, Королевства Норвегии, Королевства Дании, Королевства Бельгии, Королевства Нидерландов, Великого Герцогства Люксембургского и СССР. В нарушение V Гагской конвенции относительно прав и обязанностей нейтральных стран и лиц в случае войны на суше 1907 г. Германия, применяя силу и оружие своих вооруженных сил, пересекла границы, вторглась и оккупировала территории суверенных государств, тем самым нарушив их нейтралитет (Королевство Норвегия, Королевство Дания, Великое Герцогство Люксембургское, Королевство Бельгия, Королевство Нидерландов, СССР).

Относительно Версальского договора Гитлер в речи, произнесенной в Мюнхене еще 13 апреля 1923 г., заявил, что нацистское движение уже при своем возникновении выдвинуло три требования: 1) аннулирование мирного договора; 2) объединение всех немцев; 3) земля и территория для германского народа.

Отказ от Версальского договора стал определяющим мотивом в попытке оправдать экспансионистскую политику германского правительства. Требование о воссоединении всех немцев в пределах великой Германии коренным образом повлияло на события, предшествовавшие захвату Австрии и Чехословакии. Требования же земельных приобретений служили оправданием для захвата «жизненного про-

странства» за счет других государств. К числу стратегических установок нацистов относилось исключение евреев из расового единства германской крови, что привело к масштабным зверствам против еврейского населения. А требование создания национальной армии в свою очередь привело к перевооружению в самом широком масштабе, созданию мощной военной машины и в результате — к войне.

Осуществленный нацистами демонтаж Версальского договора 1919 г.¹ включил в себя: нарушение статей 42–44 в отношении демилитаризованной зоны в Рейнской области; аннексия Австрии 13 марта 1938 г. в нарушение статьи 80; включение в состав империи района Мемеля 22 марта 1939 г. в нарушение статьи 99; включение в состав империи свободного города Данцига 1 сентября 1939 г. в нарушение статьи 100; включение в состав империи провинций Богемия и Моравия 16 марта 1939 г. в нарушение статьи 81; нарушение положений договора, касающегося военного, морского и воздушного вооружения Германии в марте 1935 г. или до этого срока.

Эти перечисленные нарушения были осуществлены вопреки тому, что 21 мая 1935 г. Германия объявила, что хотя она отказывается от тех положений Версальского договора, которые касаются разоружения, все же она будет уважать территориальные ограничения и выполнять условия Локарнского пакта². Однако поступила

¹ Версальский мирный договор подписан 28 июня 1919 г. и формально завершил Первую мировую войну. По территориальным вопросам были приняты следующие решения: Эльзас и Лотарингия возвращались Франции; левый берег Рейна и 50-метровая полоса на правом берегу демилитаризовывались, но оставались в составе Германии и под ее суверенитетом; Франция вступала во владение Саарским угольным бассейном; четко определялись границы германского государства. Между державами-победительницами были разделены колонии Германии. Разногласия вызвал вопрос о границах Польши; 8 декабря 1919 г. Верховный Совет Антанты принял декларацию по поводу временных восточных границ Польши.

² Локарнские соглашения приняты на прошедших 5–16 октября 1925 г. в г. Локарно (Швейцария) переговорах между Великобританией, Францией, Германией, Италией, Бельгией, Чехословакией и Польшей. Были заключены следующие соглашения: общий гарантийный договор между Германией, Францией, Бельгией, Великобританией и Италией (Рейнский гарантийный пакт); франко-германский, германо-бельгийский, германо-польский и германо-чехословацкий договоры об арбитраже, франко-польский и франко-чехословацкий гарантийные договоры. Основным был Рейнский гарантийный договор, по которому Германия, Франция и Бельгия обязывались сохранять неприкосновенность германо-французских и германо-бельгийских границ, установленных Версальским мирным договором 1919 г. Гарантами Рейнского гарантийного пакта стали Англия и Италия.

она прямо наоборот, поэтому в отношении инкриминируемых ей нарушений по территориальным вопросам Нюрнбергский Трибунал счел обвинение доказанным и учел это при вынесении обвинительного приговора.

Выступая в рейхстаге 28 апреля 1939 г., Гитлер подверг критике Версальскую систему договоров, пытался оправдать захват Австрии и Чехословакии, а также заявил, что Мюнхенское соглашение не решило всех вопросов, связанных с перекройкой европейских границ. Дипломатический ход в отношении Англии заключался в том, что фюрер, с одной стороны, объявил о денонсации англо-германского морского соглашения 1935 г., а с другой — заявил о желании установить дружественные отношения с Англией, но при непременном условии: если она будет проявлять понимание в отношении интересов Германии, которые, как известно, к этому времени имели четко выраженное экспансионистское очертание. Кроме того, фюрер, сообщив, что польское правительство отклонило немецкие предложения об урегулировании разногласий между Германией и Польшей, заявил об аннулировании Германией польско-германской декларации о дружбе и ненападении.

В этом же ряду — нарушение договора между Германией и другими государствами, предусматривающего отказ от войны как средства национальной политики, подписанного в Париже 27 августа 1928 г. и известного как пакт Келлога—Бриана. В данном случае нарушение проявилось в том, что вооруженные силы Германии напали на ряд суверенных государств: Польшу, Норвегию, Данию, Бельгию, Люксембург, Нидерланды, Грецию, Югославию, СССР и США, т. е. Германия прибегла к войне против этих государств, нарушив свое торжественное заявление, осуждающее обращение к войне как способу разрешения международных разногласий, а также свой торжественный отказ от войны как средства национальной политики в своих отношениях с этими государствами и свое торжественное обязательство по поводу того, что все споры или конфликты любого характера или происхождения, возникающие между нею и данными государствами, должны разрешаться только мирными средствами.

Германией в одностороннем порядке были также нарушены такие договоры о взаимных гарантиях, арбитраже и ненападении, как: договоры о взаимных гарантиях, подписанные Германией в Локарно 16 октября 1925 г. с Бельгией, Францией, Великобританией и Италией

с заверением о соблюдении территориального статус-кво; договоры об арбитраже, заключенные Германией в Локарно с Чехословакией, Бельгией и Польшей; конвенции об арбитраже и согласительной процедуре, заключенные между Германией, Нидерландами и Данией в 1926 г. и между Германией и Люксембургом в 1929 г.; декларации о ненападении между Германией и Польшей от 26 января 1934 г.; двусторонние договоры о ненападении, заключенные Германией с Данией и СССР в 1939 г.

Сюда же следует отнести нарушение договора между США и Германией о восстановлении дружественных отношений (Берлин, 25 августа 1921 г.), проявившееся в отказе Берлина в марте 1935 г. соблюдать положения различных частей раздела V договора (пункты, касающиеся военных, морских и воздушных сил). Нюрнбергским Трибуналом были установлены также: нарушение заверения Германии от 21 мая 1935 г. в том, что неприкосновенность и целостность Австрии будет признана; нарушение австро-германского соглашения от 11 июля 1936 г., проявившееся в том, что Германия за период от 12 февраля 1938 г. до 13 марта 1938 г. путем принуждения и различных актов агрессии заставила Австрию отказаться от своего суверенитета в пользу германского государства, и нарушение обязательств Германии признать полный суверенитет Австрии; нарушение заверений, данных Германией 30 января 1937 г., 28 апреля 1939 г., 26 августа 1939 г. и 6 октября 1939 г., уважать нейтралитет и территориальную неприкосновенность Нидерландов; нарушение заверений, данных Германией 30 января 1937 г., 13 октября 1937 г., 28 апреля 1939 г., 26 августа 1939 г. и 6 октября 1939 г., уважать нейтралитет и территориальную неприкосновенность Бельгии; нарушение Мюнхенского соглашения и приложений к нему от 29 сентября 1938 г., проявившееся в том, что Германия принуждением и угрозой военной интервенцией заставила Чехословакию передать судьбу чешского народа и всей страны в руки фюрера германского государства; нарушение торжественных заверений, данных Германией 3 сентября 1939 г., 28 апреля 1939 г. и 6 октября 1939 г. в том, что она не нарушит независимости и суверенитета Норвегии; нарушение заверений, данных Германией 28 апреля 1939 г. и 26 августа 1939 г., уважать нейтралитет и территориальную неприкосновенность Люксембурга; нарушение заверений, данных Германией 6 октября 1939 г., уважать нейтралитет и территориальную целостность Югославии.

Наиболее серьезным обвинением, предъявленным нацистам Нюрнбергским Трибуналом, явилось обвинение в планировании, подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн против ряда государств с целью установления мирового господства и территориального расширения империи.

В оглашенной Гитлером в Мюнхене 24 февраля 1920 г. программе Германской рабочей партии содержались такие положения: «Пункт 3. Мы требуем земли и территории для существования нашего народа и для колонизации их нашим избыточным населением». «Земля, на которой мы живем, — отмечается в „Майн кампф“, — не была даром небес нашим предкам. Они должны были завоевать ее, рискуя жизнью. Точно так же и в будущем наш народ не получит территорий и тем самым средств к существованию как благодеяние какого-нибудь народа; он должен будет завоевать их силой торжествующего меча». Стратегическое видение Гитлером решения этой проблемы в его сочинении изложено так: «Мы положили конец вечному германскому продвижению на Юг и Запад Европы и обратили наши взоры к землям на Восток. Мы, наконец, положили предел колониальной политике и торговой политике предвоенных времен и перешли к территориальной политике будущего. Но когда мы говорим о новых территориях в Европе сегодня, мы должны, главным образом, думать о России и о пограничных государствах, подчиненных ей».

«Проблемы, стоящие перед Германией, — заявил Гитлер на закрытом совещании, состоявшемся в Берлине в имперской канцелярии 5 ноября 1937 г., — могут быть разрешены лишь силой. А это никогда не может быть сделано без риска... Если мы сделаем решение применить силу и идти на риск... тогда нам останется лишь ответить на вопросы „когда“ и „как“».

Нюрнбергский Трибунал доказал, что все 12 войн (против Польши 1 сентября 1939 г., против Великобритании и Франции 3 сентября 1939 г., против Дании и Норвегии 9 апреля 1940 г., против Бельгии, Нидерландов и Люксембурга 10 мая 1940 г., против Югославии и Греции 6 апреля 1941 г., против СССР 22 июня 1941 г., против США 11 декабря 1941 г.) являлись для Германии войнами агрессивными, захватническими и проводившимися с ее стороны в нарушение международных договоров, соглашений и обязательств.

Все они были заранее и тщательно спланированы и начинались в качестве операций со специальными наименованиями-кодами:

«План Барбаросса» — нападение на СССР; «План Везер» — оккупация Норвегии и Дании; «План Вайс» («Белый план») — вторжение в Польшу; «План Гельб» («Желтый план») — вторжение в Нидерланды; «План Грюн» («Зеленый план») — захват Чехословакии; «План Зеелеве» («План морской лев») — вторжение в Англию; «План Изабелла» — оккупация Испании; «План Отто» — захват Австрии; «План Марита» — нападение на Грецию. «План Голубой песок», «План Северный олень» и «План Черно-бурая лиса» — это наименования нацистских планов нападения на север СССР через Норвегию и Финляндию и, в частности, захвата Мурманской железной дороги. Нацистский план экономического разграбления оккупированных территорий СССР был разработан еще до вероломного нападения гитлеровской Германией на СССР и получил кодовое наименование «План Ольденбург», а для осуществления этого грабительского плана была создана даже специальная организация под названием «Штаб Ольденбург».

4. Нацистское кредо германизации

В числе преступных деяний нацистов осуществление германизации. Она охватывала две взаимосвязанные сферы: с одной стороны, соби́рание всех немцев, проживающих к тому времени в разных странах, в единое германское государство и изгнание из этой среды людей неарийской крови (славян, евреев, цыган и др.), а с другой — отделаться от местного населения на новых завоеванных территориях путем изгнания и истребления его для того, чтобы колонизировать освободившуюся территорию немцами, внедрить здесь германский дух и германский образ жизни так, как их трактовали нацисты. Германизация, или онемечивание, означала уничтожение национального характера захваченных территорий и искоренение всех элементов, которые не принимали нацистскую идеологию. В «Майн кампф» германизация выражена такими словами: «Народы одной крови должны жить в пределах одной империи». А пункт 1 программы Германской рабочей партии гласил: «Мы требуем объединения всех немцев в Великую Германию на основе права народов на самоопределение».

В осуществляемый нацистами план германизации входили: меры по ассимиляции захваченных территорий с Германией в политическом,

культурном, социальном и экономическом отношениях; уничтожение прежнего национального характера этих территорий; насильственное выселение жителей, которые в основном не являлись немцами, и вселение сюда немецких колонистов; экономическое господство Германии; занятие территории, учреждение марионеточных правительств; присоединение к Германии оккупированных территорий и принудительная вербовка их населения в германские вооруженные силы. Такие меры были осуществлены в большинстве оккупированных стран, включая Норвегию, Францию (особенно в департаментах Верхний Рейн, Нижний Рейн и Мозель, Арденны, Эна, Нор, Мертц и Мозель), Люксембург, оккупированная часть Советского Союза, Дания, Бельгия и Голландия.

Планами германизации предусматривалось расселение на оккупированных территориях СССР, Польши, Латвии, Литвы, Эстонии, Чехословакии и Югославии примерно 100 млн представителей германской расы. Большую часть населения этих стран планировалось переселить в Сибирь, оставшееся население германизировать, «освободившиеся» земли заселить в ближайшие десять лет 20 млн немцев, стереть таким образом эти страны с политической карты Европы.

Вопросами, касающимися немцев вне Германии, занималось агентство «Фольксдейче миттельш-телле», которое наряду с «Национальным союзом немцев, живущих за границей» (ФДА), «Союзом немцев Востока» (БДО) составляло широко разветвленную сеть специальных организаций нацистской партии, которые под руководством так называемой «Аусландорганизацион» вели подрывную и шпионскую деятельность.

Опытным полем для проверки концепции германизации и захватнических теорий гитлеровцев относительно завоевания «жизненного пространства» стала, например, Польша. Ее западные границы были фактически включены в состав Германии (приказ от 8 октября 1939 г., подписанный Гитлером, Ламмерсом, Герингом, Фриком и Гессом), остальная часть захваченной нацистскими войсками Польши по приказу Гитлера от 12 октября 1939 г. была названа генерал-губернаторством Польши. Цель гитлеровцев заключалась в том, чтобы эксплуатировать людей и материальные ресурсы генерал-губернаторства Польши для того, чтобы усилить нацистскую военную машину, чтобы разорить генерал-губернаторство и превратить его в вассальное государство. Со временем были сформулированы планы создания островков немецких поселений в бо-

лее плодородных районах для того, чтобы поглотить польское население и ускорить процесс онемечивания. Безжалостному онемечиванию подлежали те районы Польши, которые должны были стать частью германской империи. Планами нацистов предусматривалось: а) сохранить производственные возможности в захваченных районах с тем, чтобы все, что будет производиться, использовать нацистской военной машиной; б) вводить в генерал-губернаторство сотни тысяч евреев, представителей интеллигенции и других несогласных с нацистами элементов, которые в таких условиях были обречены на быстрое уничтожение. Уничтожению подлежала и та часть польской интеллигенции, которая не поддавалась германизации; в) вывозить всех физически годных польских граждан в Германию, чем преследовалась двоякая цель — выполнение требований немецкой военной промышленности на рабочую силу и предотвращение рождения нового поколения поляков; г) превратить всех жителей областей, включенных в состав германской империи и у которых была хоть капля немецкой крови, в германских подданных, фанатично верящих в нацистские принципы. Для этого осуществлялась четкая система расовой регистрации, в ходе которой отказавшиеся регистрироваться заключались в концлагеря; д) вывозить тысячи немецких подданных в эти включенные в империю районы для расселения их; е) конфисковать всю собственность поляков, евреев и недовольных нацистами. Эта мера в отношении евреев была частью большой программы по их уничтожению. Кроме того конфискация преследовала три дополнительные цели: вывоз польской собственности в Германию для военного производства, получение земли для новых германских поселенцев в качестве их вознаграждения за «верность и преданность» и вывоз польских мужчин отдельно от их жен, чтобы предотвратить рост населения за счет поляков.

Осуществление программы германизации возлагалась на Гимmlера в соответствии с секретным декретом, подписанным 7 октября 1939 г. Гитлером, Герингом и Кейтелем. В этом приказе задачи по дальнейшей германизации в самой империи звучали в такой гитлеровской редакции: «Осуществить возвращение обратно в империю всех лиц германской национальности и полноценных в расовом отношении немцев из иностранных государств; уничтожить вредное влияние тех чуждых элементов населения, которые представляют опасность для империи, для германского народа; создать новые германские поселения путем переселения и в особенности путем

расселения возвращающихся из-за границы в Германию граждан и полноценных в расовом отношении немцев». Сам же Гиммлер свои представления о характере германизации изложил в июле 1942 г. так: «В наши задачи не входит германизация Востока в том смысле, как это понималось раньше, т. е. германизация, заключающаяся в обучении немецкому языку и немецким законам; мы хотим добиться того, чтобы на Востоке жили исключительно „люди чистой немецкой крови“»¹. В продолжение этих суждений он в октябре 1943 г. заявил: «Меня ни в малейшей степени не интересует судьба русско-го или чеха. Мы возьмем от других наций ту здоровую кровь нашего типа, которую они смогут нам дать. Если в этом явится необходимость, мы будем отбирать у них детей и воспитывать их в нашей среде. Вопрос о том, процветает ли данная нация или умирает с голоду, интересует меня лишь постольку, поскольку представители данной нации нужны нам в качестве рабов для нашей культуры; в остальном их судьба не представляет для меня никакого интереса»². «Славяне должны на нас работать. Если они нам более не нужны, они могут умереть. Поэтому обязательные прививки и медицинское обслуживание немецкими врачами представляются излишними. Рост славянского населения является нежелательным»³, — такие суждения содержатся в осуществленном в августе 1942 г. одним из подчиненных Розенберга анализе политики немцев в отношении восточных территорий, ранее сформулированной Борманом.

12 сентября 1940 г. Гиммлер как рейхсуполномоченный по консолидации германской нации подписал специальный декрет, которым была одобрена система расовой регистрации во включенных в империю районах. В основу расовой регистрации была положена классификация людей, которые, по мнению нацистов, должны обладать немецкой кровью. В соответствии с указанным декретом список этнических немцев подразделялся на четыре категории.

Первая категория — это те этнические немцы, которые активно участвовали в этнической борьбе. Фактом активности в такой борьбе считалась любая деятельность в пользу немцев против иностранного государства.

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 384.

² Там же. С. 385.

³ Там же.

Вторая категория — этнические немцы, не действовавшие активно в пользу германской национальности, но сохранившие вполне очевидные черты германского происхождения.

Третья категория — лица германского происхождения, которые были тесно связаны с нацией другого государства в течение многих лет, но которые хотели стать полноправными членами германской расы. К этой группе были отнесены также люди немецкого происхождения, которые состояли в смешанном браке с этническими германцами и на которых благотворно сказалось влияние немецкого супруга.

Четвертая группа — ренегаты, т. е. лица германского происхождения, которые политически были поглощены другой нацией.

В декрете определялись социально-политические особенности указанных категорий этнических немцев, которые нацисты учитывали в своей практической деятельности. Так, быть принятым в партию согласно указаниям заместителя фюрера могли только лица первой группы. Различия между первой и второй группами были очень важными с точки зрения национализма. Общим для третьей и четвертой групп этнических немцев явилось предоставление им права быть использованными для «реконструкции Востока» (т. е. онемечивания этой территории). Лица обеих этих групп должны были быть воспитаны как «полноценные немцы», т. е. снова онемечены с течением времени путем специальной воспитательной системы внутри самой Германии. «Ни одна капля германской крови» не должна была быть употреблена во благо иностранцев. В отношении лиц, принадлежащих к четвертой группе (гитлеровцами они назывались «колониализированными немцами»), существовало особое предписание: к тем, кто противится германизации, «полиция безопасности должна принять жесточайшие политические меры».

Основными элементами германизации чешских территорий Богемии и Моравии объявлялись: ассимиляция половины чешского населения немцами, насильственная германизация тех, кого считали расово полноценными, вывоз на рабский труд в Германию всех остальных, уничтожение и вывоз «любого рода методами» второй половины чешского населения, особенно интеллигенции и тех, кто не отвечал расовым требованиям нацистов. Решение этих задач явилось практическим воплощением нацистской философии, которую Гиммлер сформулировал так: «Или мы приобретем хорошую кровь, которую мы сумеем использовать и дадим ей место среди нашего народа, или мы уничтожим эту кровь».

Жертвой германской «операции по высылке» стало население Эльзаса. В распоряжении Нюрнбергского Трибунала оказался германский отчет от 7 августа 1940 г., в котором предусматривалось следующее: «Прежде всего будет обращено внимание на расовую проблему; этот процесс должен быть разрешен таким образом, чтобы лица, представляющие ценность в расовом отношении, вывозились в Германию, а представители низшей расы отправлялись во Францию»¹.

В ходе первой операции нацистов по германизации Эльзаса с июля по декабрь 1940 г. 105 тыс. человек были или высланы из Эльзаса, или получили запрещение возвратиться на родину. Это были главным образом евреи, цыгане и другие лица «чужой расы», а также французы и франкофилы. Население, говорившее на местном диалекте, было «прочесано» и вывезено в результате целой серии облав, точно так же, как и другие эльзасцы. Чистка в Эльзасе проводилась по прямому указанию фюрера.

На состоявшемся 16 июля 1941 г. совещании у Гитлера с участием Розенберга, Геринга, Кейтеля и других лиц обсуждались проблемы германизации через призму плана эксплуатации советского народа и советских территорий. Тогда фюрер заявил, что «вся Прибалтика должна стать областью империи точно так же, как должен стать областью империи Крым с прилегающими районами. Волжские районы должны стать областью империи точно так же, как Бакинская область»². Касаясь Крыма, фюрер заявил, что он «должен быть эвакуирован. Из него должны быть вывезены все иностранцы и там должны быть расселены только немцы». На том же совещании он так определил в целом цель Германии на Востоке: «Во-первых, господствовать, во-вторых, управлять Востоком и, в-третьих, эксплуатировать Восток»³.

В этом же ключе рассуждал и рейхскомиссар Кох на Украине: «Я выгоню из этой страны всех, вплоть до последнего человека. Я пришел сюда не для того, чтобы изливать благодать»⁴. А Франку принадлежат слова о том, что после того, как из оказавшихся в гитлеровском рабстве людей будет выжата вся рабочая энергия, «мож-

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 386.

² Там же. С. 168.

³ Там же. М., 1958. Т. II. С. 814.

⁴ Там же. М., 1961. Т. VII. С. 42.

но будет превратить в котлету поляков, украинцев и всех тех, кто находится по близости, неважно к чему это приведет»¹.

А вот какие цели по германизации Прибалтики и Белоруссии ставились в инструкции рейхскомиссару по этим территориям: «создание германского протектората с тем, чтобы впоследствии превратить эти области в составную часть великой германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями германской расы и уничтожения нежелательных элементов».

Самым изуверским планом тотального геноцида русского народа стал подготовленный в 1940 г. ведомством Гимmlера совместно с Восточным министерством Розенберга пресловутый «Генеральный план Ост» (он был разработан еще до составления директивы № 32 и «совершенствовался» после нападения на СССР). Вот как формулировалась главная цель плана: «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается, скорей всего, в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их. Только если эта проблема будет рассматриваться нами с биологической, в особенности с расово-биологической точки зрения. И если в соответствии с этим будет проводиться немецкая политика в восточных районах, появится возможность устранить опасность, которую представляет для нас русский народ... Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе»².

К средствам подрыва «могущества русского народа» кроме, разумеется, военной силы были отнесены: максимальное уменьшение численности русского населения путем сокращения рождаемости, насаждения бедности, устранения медицинского обслуживания и снабжения лекарствами, переселение за Урал, на Кавказ, в Африку и даже в Южную Америку более 50 млн русских из европейской части России. Особое внимание уделялось ликвидации образования, уничтожению интеллигенции, «культуртрегеров», определяю-

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 42.

² Цит. по: Дашичев В. Русских должно было остаться лишь 14 миллионов // «НВО». 2010. № 15, 23–29 апреля.

щих интеллектуальный, духовный и нравственный потенциал нации. С этой целью предписывалось: «Ни в коем случае не следует давать местному населению более высокого образования. Если мы совершим эту оплошность, мы сами породим в будущем сопротивление против нас. Поэтому, по мнению фюрера, вполне достаточно обучать местное население, в том числе так называемых украинцев, только чтению и письму»¹.

Ключевой же целью «Генерального плана Ost» являлись подрыв и уничтожение централизованной власти русского народа, обеспечивавшей на протяжении веков независимость и суверенитет страны, ее экономическое и духовное могущество: «Всю территорию России нужно разделить на ряд государств с собственными правительствами... Надо предусмотреть разделение территории, населяемой русскими, на различные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие... чтобы они ни при каких обстоятельствах не ориентировались на Москву... Нет сомнения, что такое административное дробление русской территории и планомерное обособление отдельных областей окажется одним из средств борьбы с усилением русского народа... Следует уничтожить носителей государственной политической идеи»².

Политике германизации должна была служить и «Операция СЕНО» — фашистский план захвата на оккупированных территориях СССР 40–50 тыс. подростков от 10 до 14 лет и вывоза их в гитлеровскую Германию для онемечивания.

5. Приговор Истории

Именно как «Приговор Истории» справедливо оценило мировое сообщество решение Нюрнбергского Трибунала, признавшего нацистскую агрессию тягчайшим преступлением и покаравшего организаторов и исполнителей преступных планов агрессивной войны.

Нюрнбергский процесс примечателен не только тем, что он стал первым в истории случаем, когда суд имел логическое завер-

¹ Цит. по: *Дашичев В.* Русских должно было остаться лишь 14 миллионов // «НВО». 2010. № 15, 23–29 апреля.

² Там же.

шение, т. е. осуждение виновных и приведение решения трибунала в исполнение. Дело в том, что аналогичная попытка была предпринята и после Первой мировой войны, когда под давлением общественного мнения в Версальский договор был включен специальный раздел, предусматривающий ответственность военных преступников. В частности, в статье 227 договора говорилось, что специальный суд, состоящий из пяти судей, назначенных из представителей США, Великобритании, Франции, Италии и Японии, будет судить Вильгельма II Гогенцоллерна по обвинению «в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров». Кроме того, в соответствии со статьей 228 предусматривалось право союзников судить сподвижников Вильгельма, которые нарушали законы и обычаи войны, причем Германия обязывалась выдавать таких лиц союзникам независимо от суда над ними в самой Германии. Однако вопреки декларации Версальского договора, Вильгельм судим не был, да и никакого специального суда пяти держав образовано не было. Стало очевидным, что суд над Вильгельмом не входил в расчеты правительств держав Антанты, они и не помышляли об осуществлении правосудия над германским экс-кайзером. Сам же Вильгельм II, боясь наказания немецкого народа, бежал в Голландию. Приютившее его правительство Нидерландов отказало союзным державам выполнить их требование от 15 января 1919 г. выдать Вильгельма для суда над ним. Мотивы отказа были таковы: во-первых, нормы Версальского договора для Голландии не являлись обязательными, так как договор был заключен без ее участия; и, во-вторых, Вильгельму II в Голландии предоставили убежище «как жертве международного конфликта», и его выдача суду шла бы вразрез с конституционным правом Голландии. К тому же и требования союзных держав не отличались необходимой твердостью, они декларировались больше для успокоения общественного мнения. Другие же требования союзников к Германии — выдать для суда в международных и национальных судах 890 военных преступников, включая фельдмаршала Гинденбурга, генералов Людендорфа и Макензена, баварского кронпринца Рупрехта, адмирала Тирпица, канцлера Бетман-Гальвега и др. — Германией тоже выполнены не были. И союзники не настаивали! Попытки наказать виновников Первой мировой войны оказались бесплодными и в истории международного правосудия они навсегда остались позорным пятном. Поэтому на Нюрнбергском процессе британский лорд-судья Джеффри Лоренс

заявил от имени Международного Военного Трибунала, что «процесс... является единственным в своем роде в истории мировой юриспруденции и он имеет величайшее общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре»¹.

На Нюрнбергском процессе многое было «впервые»: впервые за всю историю человечества правосудию пришлось иметь дело с преступлениями такого масштаба и с такими тяжелейшими их последствиями; впервые на скамье подсудимых оказались преступники, которые не только завладели всем государством, но и сделали его орудием своих чудовищных злодеяний; впервые перед судом предстали не только сами преступники, но и созданные ими преступные учреждения и организации, а также человеконенавистнические «теории» и «идеи», которые распространялись ими в целях осуществления давно задуманных преступлений против мира и человечества.

Предметом обстоятельного изучения Нюрнбергским Трибуналом и разоблачения перед всем миром стали звериная сущность нацизма, его теории, преступная политика и практика, его связи — внутренние и международные. Однако главным же было то, что перед тем, как судить нацизм, его надо было сначала победить. Известный американский публицист Альберт Кан написал: «Если страны всего мира были спасены от страшного господства нацизма, если ночь фашистского темного века не воцарилась на земле, если победа оказалась на стороне человеческого достоинства и прогресса, то это прежде всего благодаря нестигаемой воле, безграничной храбрости и выдающемуся военному искусству Советского Союза»².

Лондонское соглашение³, в соответствии с которым был создан Нюрнбергский Трибунал, по мнению главного обвинителя от США Р. Джексона, ознаменовало собой сдвиг в международном праве, который в общих чертах соответствует эволюции во внутреннем за-

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 652.

² Там же. С. 649.

³ Соглашение между правительствами СССР, США, Соединенного Королевства Великобритании, Ирландии и Временным правительством Французской республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран «оси», принятое в Лондоне 8 августа 1945 г., предусматривало привлечение к суду военных преступников, преступления которых не связаны с определенным географическим местом, независимо от того, будут ли они обвиняться индивидуально или в качестве членов организаций или групп, или в том и другом качестве.

конодательстве, заключающейся в том, что люди, карая преступление, совершенное внутри страны, стали руководствоваться при определении наказания доводами рассудка и результатами расследования¹. «Сообщество народов, — подчеркивал он, — выросло из примитивного закона „преследований и криков“, из закона „лови и убивай“. Оно стремится применять санкции для того, чтобы утверждать международное право, но руководствоваться в этом применении санкции законом и разумом, а не интуитивным протестом»². Исключительный, чрезвычайный характер Нюрнбергского Трибунала заключается прежде всего в том, что это был Международный Военный Трибунал, не являющийся частью установленной конституцией системы юстиции ни одной из подписавших Лондонское соглашение сторон. Существенным было и то, что хотя Германия безоговорочно капитулировала, тем не менее к этому времени еще не был подписан никакой мирный договор и не было достигнуто никакого соглашения по поводу такого мирного договора, т. е. хотя политическая и военная система Германии прекратила свое существование, союзники формально все еще находились в состоянии войны с ней. Поэтому суд стал, с одной стороны, Военным Трибуналом, продолжившим военные усилия союзников, а с другой — Международным Трибуналом, не связанным никакими процессуальными или другими утонченностями системы юриспруденции или конституционной системы каждой из подписавших Лондонское соглашение сторон, а это означает, что решения Трибунала не несут новых прецедентов во внутреннюю систему гражданской юстиции стран-подписантов соглашения. Таким образом, как Международный Военный Трибунал этот суд поднялся над местным и преходящим и стремился руководствоваться не только международным правом, но и основными принципами юриспруденции, нашедших воплощение в кодексах всех народов и ставших достоянием всей цивилизации.

Правовую основу Нюрнбергского процесса над главным немецкими военными преступниками составил Устав Нюрнбергского Трибунала, в котором преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность, определены следующие действия или любые из них: а) пре-

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 8.

² Там же.

ступления против мира: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или договоре, направленных к осуществлению любого из вышеуказанных действий; б) военные преступления, а именно: нарушение законов ведения войны, к которым относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийство заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления; в) преступления против человечности: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет¹.

В Уставе Трибунала также содержится положение о том, что руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего нацистского плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана.

Крайне важен и такой момент. Любой исследователь материалов Трибунала, если он только не намерен грешить против истины, не может не отметить то, что в Нюрнберге правосудие ушло от проявлений мести и не допустило того, чтобы Трибунал был превращен в «суд победителей над побежденными»; в форме суда над главными немецкими военными преступниками восторжествовала величайшая победа права над беззаконием. Главный военный обвинитель от США Р. Джексон в своей вступительной речи на Нюрнбергском процессе заявил в связи с этим: «Тот факт, что четыре Великие державы, упоенные победой и страдающие от нанесенного им ущерба, удержали руку возмездия и передали своих пленных врагов на Суд справедливости, является одним из самых выдаю-

¹ См.: Нюрнбергский процесс над главным немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 312–313.

щихся примеров той дани, которую власть платит разуму»¹ (подчеркнуто нами. — *Авт.*). Нюрнбергский процесс имеет необычайную силу, благодаря прежде всего безупречному правовому его развитию и безукоризненной обоснованности приговора. Крайне важно и то, что все без исключения главные немецкие военные преступники на Нюрнбергском процессе пользовались такими процессуальными гарантиями и такими возможностями для защиты от предъявленных обвинений, которые отсутствовали не только в судах «Третьего рейха», но и во многих странах Запада. Набор процессуальных гарантий для подсудимых включал: вручение каждому подсудимому за месяц до начала процесса обвинительного акта на немецком языке; обеспечение всех подсудимых защитниками, в качестве которых выступали избранные по желанию подсудимого немецкие адвокаты, многие из которых были официальными единомышленниками подсудимых, т. е. были членами нацистской партии; предоставление подсудимым возможности в течение неограниченного времени давать суду объяснения, ходатайствовать о вызове свидетелей и истребовать документы; возможность для защитников подвергать перекрестному допросу свидетелей обвинения; предоставление подсудимым возможности выступить перед Трибуналом с последним словом после выступления обвинителей; предоставление защите копий всех документальных доказательств обвинения не в одном, а во многих экземплярах; оказание помощи защитникам в отыскании и получении документов и доставка их по желанию адвокатов в Нюрнберг. Кроме процессуальных гарантий, предусмотренных Уставом Трибунала, защите предоставлялись дополнительные возможности для выполнения адвокатами своих обязанностей.

Главный обвинитель на Трибунале от США Р. Джексон выразил не только свою, а всего суда точку зрения, когда заявил: «Мы можем быть уверены в одном: будущим поколениям никогда не придется с недоумением вопрошать, что же могли сказать нацисты в свое оправдание. История будет знать: все, что они могли сказать, им было позволено сказать. Они получили возможность предстать перед судом такого рода, право на который в дни их процветания и славы они не предоставляли никому»². А то, что обвинение строилось

¹ Нюрнбергский процесс над главным немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1957. Т. I. С. 277.

² Там же. Т. VII. М., 1961. С. 9.

столь основательно на германских документах, аутентичность которых неоспорима, свидетельствует о том, что подсудимые сами «помогли написать себе обвинительный приговор»¹.

Весьма интересен опубликованный 15 августа 1946 г. американским управлением информации обзор восьми опросов немецкого населения о его отношении к суду над главными немецкими военными преступниками: процент населения, считавшего, что нацисты подверглись справедливому суду, в опросах не опускался ниже 75, причем такой показатель сохранялся и тогда, когда выступали представители Советского Союза; средние данные всех восьми опросов — 80 % респондентов считали, что нацистские лидеры находятся перед справедливым судом; 4 % — считали суд несправедливым; никакого мнения по этому вопросу не высказали 16 %. Особенно разительными оказались ответы на вопрос о виновности подсудимых: на виновность подсудимых в участии и планировании войны указали каждые семь из десяти опрошенных, и лишь один заявил, что не все виновны. А на вопрос о невиновности подсудимых получены такие ответы: 1 % опрошенных высказался, что никто не виновен; 9 % — назвали некоторых виновных; 70 % опрошенных ответили, что все виновны². И когда Гудериан в своей книге «Так это не пойдет!», вышедшей в 1951 г., стал утверждать, что правовая основа судебного процесса в Нюрнберге, а также в других пунктах, «была не прочна», то этим он лишь подтвердил, что сам он — незадачливый фашистский вояка — не только был военным преступником, но и оказался человеком неспособным воспринять оценку, которую дало фашистским выродкам (и ему в том числе) население Германии.

Приговор Международного Военного Трибунала, осудившего к повешению главных немецких военных преступников — Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Кальтербруннера, Фрика, Франка, Штрейхера, Йодля, Заукеля и Зейсс-Инкварты — был приведен в исполнение в ночь 16 октября 1946 г. в здании Нюрнбергской тюрьмы. Ходатайства Геринга, Йодля и Кейтеля о замене казни через повешение расстрелом были отклонены. Геринг за два с половиной часа до казни покончил жизнь самоубийством, приняв цианистый калий. Приведение приговора в исполнение началось в 1 час 11 минут и за-

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. Т. VII. М., 1961. С. 10.

² См.: Там же. С. 658.

кончилось в 2 часа 46 минут. Приговор поочередно оглашали члены Трибунала и их заместители; последнюю результативную часть приговора, содержащую лишь меры наказания подсудимым, признанными виновными, огласил председательствующий лорд-судья Д. Лоренс. Приговор оглашался каждому подсудимому в отдельности и в отсутствии остальных. Все приговоренные восприняли решение Трибунала достойно, лишь Штрейхер устроил истерику, и его пришлось тащить к виселице силой, но он каким-то образом выскочил из петли, и американскому сержанту Вудду, который был назначен палачом, пришлось додушить его руками. В качестве официально уполномоченных свидетелей от немецкого народа присутствовали министр-президент Баварии д-р Вильгельм Хогнер, главный прокурор г. Нюрнберга д-р Фридрих Лейснер, которые видели труп Германа Вильгельма Геринга. При казни главных немецких военных преступников присутствовали восемь журналистов — по два от каждой из оккупировавших Германию держав. Гитлер, страшая справедливого возмездия, покончил жизнь самоубийством в бункере имперской канцелярии в Берлине. На Нюрнбергском процессе он признан главным нацистским военным преступником.

Последние минуты существования нацистской ставки адъютант Гитлера Отто Гюнше описал так: «Мы еще раз поприветствовали фюрера, после этого он отправился с Евой Браун в свою комнату и закрыл дверь. Геббельс, Аксман, Гевель, Кемпка и я стояли в коридоре в ожидании. Прошло примерно 10 минут, которые показались вечностью. Тишину разорвал выстрел. Через несколько секунд Геббельс открыл дверь, и мы вошли в комнату. Фюрер выстрелил себе в рот и, кроме того, раскусил ампулу с ядом. Череп был разворочен и выглядел страшно. Ева Браун не воспользовалась своим пистолетом. Она приняла яд. Мы обвернули голову фюрера одеялом. Геббельс, Аксман и Кемпка вынесли трупы вверх по лестнице в парк... Затем я вместе с Кемпкой полил тела бензином и бросил на них из входа в бункер горящую тряпку. Мгновенно оба трупа охватило пламя».

Подсудимые Гесс, Редер и Франк были осуждены к пожизненному тюремному заключению, подсудимые Ширах и Шпеер — к 20 годам, Нейрат — к 15 годам, Денниц — к 10 годам тюремного заключения. Подсудимый Борман, осужденный заочно, разыскан не был. Местом отбывания наказания подсудимых, приговоренных к тюремному заключению, была установлена тюрьма Шпандау в Берлине. Подсудимые Шахт, Папен и Фриче были оправданы. Трибунал

признал преступными организациями руководящий состав фашистской партии, гестапо, СД, СС. Было сделано официальное заявление члена Трибунала от СССР о несогласии с решением суда об оправдании Шахта, Папена и Фриче и отказе от признания преступными организациями гитлеровского правительства, верховного командования и генштаба. Эти возражения изложены в особом мнении, которое было оглашено в суде и составляет часть приговора.

Правосудие было осуществлено не только над главными военными преступниками, злодеяния которых, как значилось в ряде официальных документов, «не связаны с определенным географическим местом», и имеющими всеобщий характер (т. е. злодеяния главных немецких военных преступников), но и над преступниками, поступки которых имеют более конкретную территориальную или географическую «привязку». Еще в Московской Декларации от 30 октября 1943 г., подписанной Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем, отмечалось: «Немцы, которые принимали участие в массовых расстрелах итальянских офицеров или в казнях французских, нидерландских, бельгийских и норвежских заложников, или критских крестьян, или же те, которые принимали участие в истреблении, которому был подвергнут народ Польши, или в истреблении населения на территории Советского Союза, которые сейчас очищаются от врага, должны знать, что они будут отправлены обратно в места их преступлений и будут судимы на месте народами, над которыми они совершали насилие. Пусть те, кто еще не обагрив свои руки невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзных державы наверняка найдут их даже на краю света и предадут их в руки обвинителей с тем, чтобы могло свершиться правосудие»¹.

А в подписанной 8 августа 1945 г. декларации между правительствами СССР, США, Соединенного Королевства Великобритании, Северной Ирландии и временным правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси (эта декларация вошла в пакет официальных документов Нюрнбергского процесса) заявлено, что «германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за зверства и преступления или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в стра-

¹ См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1957. Т. I. С. 21.

ны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы»¹.

Опираясь на легитимную международно-правовую базу, многие страны на протяжении десятилетий разыскивали и судили фашистов и их пособников. По данным на 1987 г., в СССР было осуждено 17 175 человек, в Чехословакии — 16 000, в Австрии — 13 625, в ГДР — 12 874, в ФРГ и Западном Берлине — 6465, в Польше — 5385, во Франции — 4891, в США — 1517, в Нидерландах — 204, в Дании, Норвегии, Бельгии, Люксембурге вместе взятых — 303.

В числе наказанных судами разных государств: Эрих Кох (обергруппенфюрер СС, облеченный особым доверием Гитлера, гаулейтер Пруссии, рейхскомиссар Украины. По его приказу на территории Польши были убиты сотни тысяч людей. После краха Третьего рейха скрывался возле Гамбурга под фамилией Бергер. На состоявшееся в конце 1958 г. – начале 1959 г. судебном процессе в Польше приговорен к повешению); фашистский диктатор Италии Муссолини (который был захвачен партизанами и по приговору Комитета национального освобождения Северной Италии 28 апреля 1945 г. был расстрелян); Ион Антонеску (маршал, военно-фашистский диктатор Румынии в 1940–1944 гг. Казнен по приговору Народного суда румынской республики в Бухаресте 1 июня 1946 г. за тягчайшие преступления против мира и человечности, против румынского народа); Л. Бардоши (с января 1941 г. министр иностранных дел, а с 3 апреля 1946 г. премьер-министр Венгрии. Военный преступник, втянувший Венгрию в войну против СССР на стороне фашистской Германии. Казнен в 1946 г. по приговору Народного Суда Венгерской Республики). В этом же ряду: Бест Рудольф Вернер (группенфюрер СС, «теоретик» полиции, один из главарей СД, в 1942 г. заместитель оккупированной Дании. В 1946 г. за совершенные злодеяния приговорен к смертной казни. В 1951 г. помилован и выпущен из тюрьмы); Иозеф Бюлер (ближайший сообщник Франка, палач польского народа, начальник управления, а затем статс-секретарь так называемого генерал-губернаторства. В 1947 г. приговорен Верховным национальным трибуналом Польской республики к смертной казни); Далюге Курт

¹ См.: Нюрнбергский процесс над главным немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1957. Т. I. С. 63.

(группенфюрер СС, генерал полиции, один из доверенных Гитлера и ближайший соучастник Гимmlера, преемник Гейдриха в качестве «протектора Богемии и Моравии»). В 1946 г. повешен как военный преступник); Крамер Иозеф (фашистский палач, комендант концлагерей Освенцим и Берген-Бельзен. Судим в Люксембурге в 1947 г. и по приговору трибунала повешен); Либегеншель (Либехеншель) Артур (оберштурмфюрер СС, в 1943–1944 гг. начальник гарнизона и комендант Освенцима, в последующем начальник отделения инспекции всех концлагерей. В 1947 г. осужден в Кракове и повешен). Суровые наказания понесли также: Осима Хирочи (японский генерал, в 1936–1938 гг. японский военный атташе, а в 1938–1939 и 1941–1945 гг. посол в Берлине. Международным Военным Трибуналом для Дальнего Востока приговорен 4 ноября 1948 г. к пожизненному заключению); Петэн Анри Филипп (маршал Франции, фашист, предатель французского народа. В августе 1945 г. приговорен к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением); Поль Освальд (оберштурмфюрер СС, один из ближайших подручных Гимmlера, генерал-инспектор всех гитлеровских лагерей и начальник главного административно-хозяйственного управления СС. За совершенные преступления был приговорен американским военным трибуналом к повешению); Шварцгубер Ганс (оберштурмфюрер СС, фашистский палач, комендант лагеря уничтожения Биркенау — филиал Освенцима, с января 1945 г. заместитель коменданта концлагеря Равенсбрюк. В феврале 1947 г. повешен по приговору трибунала в Гамбурге); Штроп Юрген (бригаденфюрер СС, генерал полиции, один из подручных Гимmlера. Осуществил уничтожение гетто в Варшаве и кровавую расправу над его населением. Повешен по приговору Верховного трибунала Польской Республики). К смертной казни приговорен военный преступник, гитлеровский генерал-полковник, командир нацистских войск в Норвегии Фалькенхорст Николаус. Верховным национальным трибуналом Польской Республики к смертной казни приговорен один из подручных Гимmlера, губернатор Варшавского округа в период фашистской оккупации, палач польского народа Фишер Людвиг. В 1947 г. в Польше приговорен к смертной казни военный преступник, один из главарей гитлеровской партии, нацистский гаулейтер Данцига Форстер Альберт. Как военный преступник казнен в 1946 г. Б. Имреди — премьер-министр Венгрии в 1938–1939 гг., министр без портфеля, организатор и руководитель фашистской партии «Венгерское обновление».

На Нюрнбергском процессе наряду со свидетельствами о политических и военных преступлениях нацистской верхушки, были представлены обширные материалы, показывающие ее (верхушки) нравственное уродство, аморальность, алчность, стяжательство всех «фюреров» и «лейтеров», всех правителей «Третьего рейха». В этом отношении весьма показателен один из фрагментов заседания суда — допрос 9 апреля 1946 г. начальника имперской канцелярии, рейхсминистра и обергруппенфюрера СС Ганса Генриха Ламмерса:

«Обвинитель: И вы и ваши коллеги получали большие выгоды от этого режима. Не так ли?

Ламмерс: Да, конечно, я имел доходы.

Обвинитель: Вы в качестве начальника имперской канцелярии передали 1 млн марок Лею?

Ламмерс: Да, это была дотация...

Обвинитель: И Риббентроп тоже получил миллион?

Ламмерс: Да, он получил миллион в два срока.

Обвинитель: И Кейтель тоже стал миллионером, он получил миллион?

Ламмерс: Да, он получил дотацию и имение, так как фюрер восстановил дотации, существовавшие при старых прусских королях.

Обвинитель: А вы сами получили 600 тыс. марок. Не правда ли?

Ламмерс: В день, когда мне исполнилось 65 лет, я получил 600 тыс. марок»¹.

Уникальность Международного Нюрнбергского Трибунала заключается в том, что впервые в истории человечества произошел судебный процесс такой значимости: на скамье подсудимых находились лица, преступная деятельность которых вышла далеко за пределы одного государства и привела к неслыханным по своей тяжести последствиям. И в первое послевоенное время казалось, что Нюрнбергский процесс навечно сделал прививку от возрождения нацизма, что над нацистским прошлым подведена окончательная черта. Однако для однозначно оптимистических суждений на этот счет нет никаких оснований.

Духу и букве Нюрнбергского трибунала не отвечают:

- либерализация отношения со стороны официальных властей в некоторых странах (прежде всего ФРГ) к нацистским преступникам в послевоенное время, проявившаяся не только в досроч-

¹ См.: Нюрнбергский процесс над главным немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 683.

ном и без достаточных оснований освобождению их из мест заключения, но и в «трогательной» заботе о социальных условиях их жизни. Так, гитлеровский фельдмаршал, военный преступник Фриц Манштейн был осужден английским судом к 18 годам тюремного заключения, но вскоре был не только освобожден, но и обласкательствован боннскими властями генеральской пенсией; одному из организаторов гестапо, сообщнику Геринга правительство ФРГ назначило солидную правительственную пенсию. Группенфюрер СС, нацистский гаулейтер Шлезинг-Голштейна, рейхскомиссар «Остланда», палач народов Литвы, Латвии и Эстонии Генрих Лозе не только не отсидел в тюрьме определенных судом 10 лет, но и выйдя на свободу через три года получил пенсию как «отставной чиновник». Бригаденфюрер и генерал-майор СС, командир дивизии «Гитлерюгенд» Курт Мейер за убийство канадских военнопленных был приговорен в 1947 г. к смертной казни, которая в порядке помилования была заменена 20 годами тюремного заключения, очень скоро он был освобожден, получил денежную «компенсацию» и занялся возрождением эсесовских банд. Приговоренному к пожизненному заключению, но уже в 1952 г. выпущенному на свободу военному преступнику, статс-секретарю гитлеровского министерства юстиции Шлегельбергеру Францу боннские власти выдали солидную денежную компенсацию и назначили пенсию в пять раз превышающую пенсию высококвалифицированного рабочего и т. д. и т. п.;

- открытая государственная политика ряда стран после войны (прежде всего ФРГ, а также США) по интеграции военных преступников в государственные, экономические, общественные и другие структуры по принципу канцлера ФРГ Конрада Аденауэра: «Грязную воду не выплескивают, когда нет чистой». Так, арестованный как военный преступник гитлеровский генерал-полковник, начальник генерального штаба сухопутных сил Германии Гейнц Гудериан вскоре был освобожден американцами и использован в качестве консультанта Пентагона. Фашистский фельдмаршал, друг Гитлера, последний главнокомандующий гитлеровскими войсками в Бельгии, Италии и Франции, палач и убийца Альберт Кессельринг после войны был приговорен к смертной казни, но помилован американцами и вскоре выпущен на свободу, после чего возглавил в Западной Германии фашистско-милитаристскую организацию «Стальной шлем». Ближайший

соратник Гитлера, военный преступник Мантейфиль Гассо сразу же после окончания войны использовался властями ФРГ в целях восстановления армии и военной промышленности, стал совладельцем фирмы «Немецко-атлантические объединения». Брейтингем Отто, представитель германского отдела гитлеровского министерства иностранных дел в министерстве оккупированных восточных территорий и офицер связи между этим министерством и гитлеровской ставкой, сообщник Розенберга и непосредственный виновник истребления сотен тысяч людей после войны, получил руководящие должности, в том числе — генерального консула ФРГ в Гонконге. Глобке Ганс, ответственный чиновник в гитлеровском министерстве внутренних дел, пропагандист так называемых Нюрнбергских законов (расистских), приближенный Эйхмана после войны стал ближайшим советником Аденауэра и статс-секретарем ведомства боннского канцлера;

- серьезные сбои в работе судебной машины в ряде стран по розыску военных преступников и привлечению их к ответственности: медлительность в рассмотрении дел, необъективность оценок, снисхождение и т. д. Хотя после войны в ФРГ было проведено около 100 тыс. судебных разбирательств, наказаниям подверглись лишь 6465 человек, из числа которых 12 человек приговорены к высшей мере, пожизненное заключение получили 163 человека, а многие просто «отделались легким испугом». Благодаря снисходительности и «сердоболию» сохранили жизнь, а затем получили свободу 16 из 30 высших руководителей СС и полиции, 8 из 12 руководителей главных управлений СС, 3 из 6 начальников отделов этой организации. Результаты рассмотрения направленных российской стороной в 1977–1982 гг. за рубеж, в том числе в США, ФРГ, Австрию и Голландию, более 3 тыс. протоколов допросов свидетелей и потерпевших оказались более чем скромными¹.

Без достаточных оснований германское правосудие помиловало многих военных преступников. Бест Карл Рудольф Вернер, группенфюрер СС, «теоретик» полиции, один из главарей СД, наместник оккупированной Дании, за совершенные преступления был приговорен к смертной казни, но через 5 лет после суда был выпущен из тюрьмы и стал безбедно проживать в ФРГ. Осужден-

¹ См. «Аргументы и факты». 2010. № 23. С. 42.

ный в 1947 г. к пожизненному заключению за военные преступления и преступления против человечности генерал-полковник, заместитель начальника штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил гитлеровской Германии, палач испанского народа, командир легиона «Кондор» Варлимонт Вальтер вскоре после суда был помилован американцами. Вейцекер Эрнст, гитлеровский дипломат, ближайший помощник Риббентропа, статс-секретарь министерства иностранных дел, с 1943 г. посол в Ватикане, был осужден в 1947 г. как военный преступник, но вскоре помилован американцами. Американцы помиловали и директора политического отдела и статс-секретаря министерства иностранных дел в 1938–1943 гг. и одного из ближайших помощников Риббентропа Э. Вермана вскоре после того, как он в 1947 г. был осужден как военный преступник. Один из наиболее приближенных к Гитлеру нацистских головорезов, обергруппенфюрер СС, командир дивизий СС «Адольф Гитлер» и 6-й танковой армии во время наступления в Арденах Дитрих Зепп, будучи осужденным к пожизненному заключению, уже в 1955 г. был выпущен на свободу. Осужденный к пожизненному заключению за преступления против человечности гитлеровский фельдмаршал, заместитель Геринга, военный преступник Эрхард Мильх через несколько лет был освобожден американцами и по поручению боннских властей стал руководить военными поставками и координацией производства многих заводов ВВС. Гитлеровский шпион и палач, военный преступник Теодор Оберлендер со временем был министром в течение многих лет в кабинете Аденауэра и после того, как под давлением общественного мнения вынужден был уйти в отставку, получил большую пенсию. Бургомистром в Боннской Республике и управлении курорта Зильт стал военный преступник, группенфюрер СС, особо доверенное лицо Гимmlера, палач польского народа Гейнц Рейнефарт. Не только советником Аденауэра, но и командующим сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе стал после краха «Третьего рейха» Шпейдель Ханс — при Гитлере помощник военного атташе во Франции, где он организовал убийство югославского короля Александра и французского министра Барту. Матерый фашист, нацистский гаулейтер Гамбурга, один из руководителей подпольной организации в послевоенной ФРГ Кауфман был арестован, но в 1953 г. боннскими властями освобожден. Приговоренный в 1947 г. американским трибуналом к пожизненному заклю-

чению гитлеровский фельдмаршал, военный преступник Лист Вильгельм уже в 1954 г. вышел на свободу.

Высокой «чести» главнокомандующего западногерманского бундесвера был удостоен гитлеровский генерал, бывший заместитель начальника нацистского генерального штаба Адольф Хойзингер, кредо которого звучало так: «Сохраним для будущего те старые основы, которые у нас были». Какие же такие «старые основы» были у этого самого Хойзингера, что сделали его военным преступником? А. Хойзингер входил в список «30 руководящих генералов», деятельность которых контролировалась лично Гитлером. При его непосредственном участии и под его руководством были составлены планы вооруженной агрессии против Польши, Бельгии, Франции, Голландии, Дании и Норвегии. Он же явился и руководителем плана нападения на СССР (пресловутый «план Барбаросса»). По свидетельству бывшего начальника германского генерального штаба генерала Цейтцлера, «генерал-лейтенант Хойзингер был незаменим для фюрера»¹. Не менее востребованным оказался он и для западногерманского бундесвера.

Пост главнокомандующего военно-воздушными силами бундесвера в свое время занял другой гитлеровский генерал — Йозеф Каммхубер, который не только принимал активное участие в планировании и осуществлении агрессии против Чехословакии и Польши, но и «прославился» чудовищной провокацией: по его приказу немцы под видом французских военных летчиков провели бомбардировку своего собственного (!) города Фрейбурга в целях получения повода для «ответных» зверских бомбардировок мирных европейских городов.

Весьма показательное поведение в послевоенное время верховного комиссара США в Германии Макклоя, который проявил просто «трогательную заботу» о военных преступниках, осужденных за тяжчайшие военные преступления и преступления против человечности и заключенных в крепость Ландсберг. Используя свой высокий служебный статус, он содействовал освобождению из тюрьмы таких матерых нацистских преступников, как: заместитель Геринга фельдмаршал Мильх; генерал Рейнеке; начальник штаба Гиммлера с 1936 г. по 1943 г., а в последующем руководитель СС в Италии группенфюрер Карл Вольф; обергруппенфюрер СС, руководивший массовым истреблением своих же коллег по партии во время так

¹ О тех, кто против мира. М., 1957. С. 345.

называемого «путча Рема», командующий 6-й эсэсовской танковой армией, принявший участие в убийстве 340 американских солдат и 90 бельгийских мирных жителей Дитрих Зепп; штандартенфюрер СС, активный участник 60 тыс. убийств во время службы в карательных отрядах гиммлеровского ведомства доктор Зандберг и др.

О многом говорит и тот факт, что военное министерство и госдепартамент США еще задолго до окончания войны, а именно, в 1943 г., согласовали руководящие принципы работы с немецкими военнопленными, выполнение которых было обязательным для всех должностных лиц (военных и гражданских), назначенных для работы в лагерях. Что собой представляют эти принципы, сформулированные на совещании персонала лагерей, проведенного 27 июля 1943 г. представителем военного министерства полковником Винлокком, свидетельствует такое его заявление: «На нас возложена задача подготовить из немцев кадры, которые могли бы быть использованы для укрепления престижа Америки и проведения нашей политики в самой Германии после оккупации ее союзниками... Термины „фашист“, „нацист“ надо изгнать из нашего лексикона. Помните, что для нас, американцев, для будущей Европы непопулярные до сих пор национал-социалисты могут быть и будут полезней и удобней разных антифашистов и вообще демократов... В Германии и Европе мы, американцы, будем устанавливать порядок, а для этого нам нужны многочисленные и близкие нам по духу и убеждению кадры...»¹.

А бывший председатель «Комиссии Объединенных Наций по расследованию военных преступлений» Сесиль Хэрст ратовала за то, чтобы с Гитлером поступили так, «как это было с Наполеоном, который не подвергся суду, а был только выслан». Не наказывать военных преступников, а ограничиться «высылкой их на какой-либо остров, как это было сделано в отношении Наполеона»², — с таким предложением выступил американский журнал «Форчун».

Не менее показательно и сделанное уже в период подготовки Нюрнбергского процесса такое официальное обращение представителя «Общества хранителей привилегий короля» Чарльза Ф. Аштона к Международному Военному Трибуналу: «Ввиду того, что я был апологетом германского национал-социалистического режима,

¹ «Новое время». 1948. № 7. С. 23.

² См.: Нюрнбергский процесс над главным немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 653.

который возглавлялся Адольфом Гитлером, в то время, когда этот режим находился на вершине своей власти, я самым настоятельным образом хочу выступить на процессе в качестве свидетеля защиты в момент, когда превратности судьбы постигли этот режим...»¹.

После крушения просуществовавшего 12 лет нацистского военно-политического однопартийного государства, капитуляции фашистских войск Германия потеряла суверенитет. Перед немецким народом и союзниками по антигитлеровской коалиции встала общая задача — денацификация страны и определение будущей судьбы Германии. Нюрнбергский Трибунал признал в том числе и то, что война с нацистской Германией велась с целью освобождения народов, восстановления поправленных прав людей и наций, недопущения агрессии.

Какие же уроки извлекла из поражения во Второй мировой войне сама Германия? Эти уроки весьма поучительны не только для стран Европы, которые пытался покорить Гитлер, но и для всего мирового сообщества. С достоинством приняв капитуляцию (безоговорочную), Германия признала и свою вину за преступления национал-социалистов. Немцы, покаявшись перед всеми, кто пострадал от нацизма, не только осудили фашизм, но и законодательно обеспечивают условия для предотвращения возрождения нацистской идеологии на немецкой земле. В Германии в соответствии с принятым в 1985 г. законом (со временем он претерпел ряд изменений в сторону ужесточения) одобрение или только отрицание холокоста или других преступлений нацистов карается лишением свободы до пяти лет или крупными штрафами. Чудовищные преступные деяния фюрера во внутренней и внешней политике, экономике и социальной сфере, способствовавшие зарождению и «процветанию» «коричневой чумы», широко обсуждаются и осуждаются в научном сообществе, в школе, в литературе, в обществе в целом. Как отмечают многие аналитики, даже в быту у немцев существует неписанное правило не носить темно-коричневую одежду — она воспринимается ими как нацистский атрибут. Аналогично и отношение к некоторым ставшими резонансными в гитлеровское время словам, таким, как «арийский» и др. Сам же Гитлер воспринимается ныне 95 % немцев всех возрастных групп как чудовище².

¹ Цит. по: Нюрнбергский процесс над главным немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 654.

² См. «Независимое военное обозрение». 2010, 19–25 ноября. № 43. С. 14.

Глава II

Про- и антинацистские маневры европейской дипломатии

1. «Коричневые лики» Европы

Когда Нюрнбергский процесс называют судебным процессом над виновниками Второй мировой войны, возлагая всю ответственность лишь на одну нацистскую Германию, — налицо искажение истории, ее одностороннее препарирование. Слов нет, вряд ли кто-то будет отрицать аксиоматичную истину, о том, что главный виновник мировой бойни — гитлеровская клика, германский фашизм. Но честный и объективный подход столь же неопровержимо позволяет говорить и о другой стороне медали: о тех внешних по отношению к Германии условиях, в которых происходило вызревание нацизма, его «победное» шествие по континенту и, наконец, его бесславный конец.

За Второй мировой войной, как, впрочем, и за Первой мировой, стоит множество других включенных в систему международных связей государств и их лидеров. Словом, речь идет о позиции европейских стран в той крайне противоречивой, иногда открытой, а нередко и тайной, «подковерной» дипломатической игре, которой была охвачена предвоенная Европа.

За хронологическую точку отсчета в данном случае, по нашему мнению, надо взять 1933 г., т. е. приход Гитлера к власти, хотя нельзя забывать и его экспансионистские высказывания и агрессивное поведение как сформировавшегося фанатика-нациста в предшествующий период.

Открыто в поддержку нацистов выступил лишь вождь (дуче) итальянских фашистов Бенито Муссолини, который пошел на такое глубокое сближение с Гитлером, что стало возможным подписание ими 25 октября 1936 г. в Берлине военно-политического блока двух фашистских государств («Ось Берлин — Рим»¹), свидетельствующее об открытой подготовке фашистских стран к развязыванию Второй мировой войны.

Фашисты пришли к власти кроме Италии и Германии также в Испании, которая путем военного переворота и последовавшей трехлетней гражданской войны усилиями генералиссимуса Франсиско Франко была превращена в централистско-авторитарное государство, причем существенную роль в этом процессе сыграла сила германо-итальянского оружия. Режим австрофашизма в Австрии провозгласил 7 марта 1933 г. канцлер Энгельберт Дольфус, которого, впрочем, австрийские нацисты убили 25 июля 1934 г. после принятой попытки государственного переворота.

В Австрии после аншлюса был создан фашистский союз «Остмаркише ферейн». Здесь вплоть до 1945 г. существовала военно-фашистская организация «Хеймвер». По указке Гитлера в 1939 г. была создана судетско-немецкая партия, фактически представлявшая собой филиал нацистской партии в Чехословакии (это сопровождалось запретом существовавшей до этого национал-социалистической партии). Деятельность судетско-немецкой партии была направлена на расчленение и захват Чехословакии нацистской Германией. В захвате Чехословакии участвовала гитлеровская военная организация судетских фашистов — так называемый «Свободный корпус» («Фрайнкор»).

Для Эстонии март 1934 г. был «ознаменован» переходом правительства профашистски настроенного Константина Пяста к диктаторским методам правления. В том же году аналогичные события имели место в правительстве К. Улманиса в Латвии. В апреле 1936 г.

¹ Образование «Оси Берлин—Рим» положило начало официальному оформлению складывающегося блока фашистских агрессоров: Германия признавала захват Эфиопии Италией; Берлин и Рим договорились о разграничении сфер экономического проникновения на Балканах и в Придунайских государствах; Германия и Италия подтверждали признание ими правительства Франко в Испании и разработали мероприятия по оказанию ему дальнейшей помощи. Следующим шагом в создании блока фашистских государств стало подписание 25 ноября 1936 г. Германией и Японией «антикоминтерновского пакта».

в Греции был установлен диктаторский режим генерала Иоаниса Метексаса. В феврале 1938 г. свою диктатуру в Румынии учредил король Кароль II.

Еще в 1923 г. во Франции была создана фашистская организация «Боевые кресты». В 1931 г. ее возглавил полковник де ля Рок. В соответствии с указом правительства Народного фронта от 16 июня 1936 г. ряд правых организаций, в том числе и «Боевые кресты», подлежали роспуску. После этого часть членов организации «Боевые кресты» перешла в другие экстремистские организации, а позже (во время Второй мировой войны) де ля Рок и его сторонники из «Боевых крестов» поддержали пронацистский режим Виши. В феврале 1934 г. французские фашисты предприняли попытку правового государственного переворота, организовали «поход» на Бурбонский дворец, где в палате депутатов должен был выступить с правительственной декларацией новый премьер-министр радикал Даладье. Целью фашистских лиг, в том числе и организации «Боевые кресты», было: распустить парламент, ликвидировать республиканский строй и установить диктатуру. Благодаря политике единых действий прогрессивных сил Франции путч провалился.

Если к этому добавить, что в 30-е гг. XX столетия в политическое пространство европейских стран «вклинились» возникшие многочисленные фашистские и авторитарные движения: «Железная гвардия» в Румынии, «Аксьон Франсез» во Франции, «Скрещенные стрелы» в Венгрии, «Фаланга» в Португалии и Испании, — нетрудно представить, какие силы стремились задавать тон во внутренней и внешней политике многих европейских стран. К 1939 г. в Европе осталось всего 12 стран с демократической формой правления.

Попытку осуществить мятеж в Румынии предприняла осенью 1938 г. прогитлеровская организация «Железная гвардия». Когда же румынские газеты сообщили о том, что главарь организации и 13 его сообщников убиты «при попытке к бегству», это вызвало резкую реакцию германской прессы и официальных лиц. Против румынского короля Кароля II в печати была развернута непристойная кампания, а Геринг заявил, что расправа над «Железной гвардией» похоронила возможность заключения германо-румынского политического соглашения.

К сожалению, просвещенная и мудрая Европа не проявила должного политического чутья, не рассмотрела в зародыше те явления и тенденции, которые вели к фашизации континента. Даже гитлеровский

национал-социализм многие европейские лидеры не воспринимали вначале слишком серьезно, считая его временным явлением.

В это же самое время нарастала милитаристская угроза и на Дальнем Востоке. Еще 18 сентября 1931 г. японской военщиной близ Шэньяна был спровоцирован инцидент, послуживший поводом для захвата японской армией трех маньчжурских провинций Китая. На территории этих провинций 1 марта было насильственно создано марионеточное государство Маньчжоу-го, признать которое отказались ведущие державы мира. На это Япония в 1933 г. ответила демонстративным шагом — выходом из Лиги Наций, что не могло не повлиять на обстановку в этом регионе. А 7 июля 1937 г. с нападения Японии на мост Марко Поло юго-западнее Пекина началась китайско-японская война, продолжившаяся вплоть до 1945 г. Пока в Европе еще теплилась надежда предотвратить новую войну, в Восточной Азии она уже шла полным ходом.

На внешнеполитическую напряженность отрицательно повлияла внутренняя дестабилизация Японии, связанная с попыткой младшего офицерского состава японской армии совершить военный переворот (армии все же удалось сосредоточить в своих руках ведущие политические позиции в стране). Но самое главное — во внешней политике Японии все четче стало просматриваться ее сближение с теми странами, где установились фашистские диктатуры, т. е. Германией и Италией. Такое сближение оказалось настолько интенсивным, что в конце 1936 г. Германия и Япония подписали так называемый Антикоминтерновский пакт, направленный на координацию германо-японской политики в отношении Советского Союза. А 27 сентября 1940 г. в Берлине был подписан «Пакт трех государств», что означало образование «Оси Берлин — Рим — Токио».

В лоне такого «благодущия» и родилась политика «умиротворения агрессора». Агрессор же умело пользовался близорукостью европейских политиков и последовательно проводил свой курс на международное господство, часто даже не прибегая к маскировке.

В этом контексте остановимся на основных европейских политических и дипломатических перипетиях второй половины 30-х гг. XX столетия, не ставя, однако, задачу описывать их в полном объеме (это хорошо осуществлено в ряде публикаций последнего времени). Выделим лишь те аспекты, которые представляют предмет нашего исследования в данном случае, т. е. попытаемся увидеть, какова же была реакция разных стран Европы на внешнеполитические акции

Гитлера, столь стремительно шагавшего по европейскому континенту в 1933–1941 г., как европейские страны относились к миротворческим инициативам Москвы, да и что она сама предлагала в условиях стремительно нарастающей мировой катастрофы.

2. Агрессора умиротворять?

Ключевой вопрос в этом контексте — политика «умиротворения агрессора». Она разрабатывалась и осуществлялась франко-английской дипломатией с целью обуздать фашистскую экспансию. Авторами ее явились Чемберлен, Лаваль, Фланден и Бонэ. Если Франция проводила политику умиротворения «нехотя», то Великобритания осуществляла ее «рьяно» (как отмечал Г. Киссинджер). Свой вывод Г. Киссинджер подкрепляет следующими утверждениями: в 1937 г., через год после ремилитаризации Рейнской зоны, министр иностранных дел лорд Галифакс «стал символом морального отступления демократии»; посещая «орлиное гнездо» в Берхтесгадене, он восхвалял нацистскую Германию как «бастион Европы против большевизма» и перечислил ряд вопросов, по которым «возможно наметить предполагаемые изменения, осуществляемые со временем» (названы были Данциг, Австрия и Чехословакия)¹.

Зародилась политика «умиротворения» незадолго до прихода Гитлера к власти (с осени 1931 г.) и активно проводилась вплоть до лета 1939 г. Сам термин «умиротворение» как официальное выражение употреблялся (особенно накануне 1939 г.) в франко-английских дипломатических документах, в официальной дипломатической переписке, в выступлениях политиков и дипломатов, в средствах массовой информации. По своей сути политика «умиротворения» — это своеобразный вариант политики непротивления, а в данном конкретном случае — политики поощрения фашистских агрессоров, предоставления им свободы действий. На самом деле, эта политика была весьма далека от того, чтобы «умиротворять» агрессора, она лишь поощряла и усиливала его. Подобное «умиротворение» равнозначно было понятию «невмешательство».

В конечном же итоге, как показало время, эта политика не только не обеспечила мира, но лишь способствовала подготовке войны,

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 275.

которую можно было бы если не избежать, то, по меньшей мере, сократить ее катастрофические масштабы. Политика «умиротворения» агрессора с самого начала не была общенациональной в современном понимании: она отражала интересы определенных политических сил и была ничем иным, как махинациями охваченных беспокойством правящих кругов Франции и Англии. Следовательно, она обуславливалась, с одной стороны, внутренними причинами — страхом перед социальными изменениями внутри страны (что многими современными авторами игнорируется); а с другой — наивными надеждами на укрощение агрессора при помощи эластичных форм воздействия на него и страстным желанием повернуть гитлеровскую агрессию на Восток, против Советского Союза. Как отмечается в книге французских авторов Ж. Бувье и Ж. Гакон, такая политика была нужна, «чтобы накормить фашистского зверя мясом большевиков»¹. Весьма показательны, как оценивали «умиротворение агрессора» государственные деятели и журналисты, ставшие ее живыми свидетелями. Известный французский консервативный журналист Пертинакс, например, говоря о внутренних факторах, стимулировавших внешнеполитический курс Франции в духе «умиротворения», отмечал: «Собственники не могли забыть развевающихся знамен на оставленных заводах (имеются в виду события 1936 г. во Франции) и кулаков, сжимавшихся при проезде автомобилей; их преследовал призрак приближающейся революции. Гитлер и Муссолини были для них скорее классовыми союзниками, нежели врагами их нации»².

«Среди так называемых консервативных классов, — отмечал тот же Пертинакс в октябрьском номере „Юроп нувель“ за 1938 г., — многие пришли к пониманию того, что социальная опасность сильнее германской опасности, что тоталитарные государства должны рассматриваться в качестве гарантии против Москвы, что Адольф Гитлер и Бенито Муссолини — это оплот нашей цивилизации и что война против них привела бы к непоправимым социальным потрясениям».

А вот что писал в период аншлюса (1938) Черчилль, касаясь внешних аспектов политики «умиротворения» тогдашнего премьер-министра Чемберлена: «Премьер-министр (Чемберлен. — *Авт.*) стремился поддерживать дружественные отношения с обоими диктаторами (Гитлером и Муссолини. — *Авт.*) и был убежден в том, что

¹ Бувье Ж., Гакон Ф. Правда о 1939 годе. М., 1955. С. 15.

² Там же. С. 13.

лучший способ достигнуть этого — это проявлять сговорчивость и воздерживаться от того, что может вызвать их неудовольствие»¹.

Первым заметным шагом к сближению между двумя «друзьями» — фашистским германо-итальянским и действовавшим в духе «умиротворения» франко-британским — стало заключение 15 июля 1933 г. в Риме «пакта четырех» между Италией, Англией, Францией и Германией (обратим внимание на то, что это произошло буквально через несколько месяцев после прихода к власти нацистов). Инициатором «пакта четырех» выступила итальянская сторона: 18 марта 1933 г. Муссолини вручил в Риме английскому премьер-министру Р. Макдональду и министру иностранных дел Дж. Саймону проект договора. В основу подписанного «пакта четырех» лег выдвинутый правительством Франции контрпроект договора.

Для английского и французского правительств этот договор представлял собой попытку разрешить противоречия с Германией и Италией и установить над Европой директорат четырех держав. В договоре содержались обязательства сторон действовать сообща во всех вопросах, касающихся общих интересов. По своей направленности этот договор представлял большую потенциальную опасность для стран Восточной Европы, в том числе и для Советского Союза. Неслучайно, он явился в определенной мере прототипом мюнхенского сговора 1938 г. Как и следовало ожидать, этот сговор вызвал серьезную негативную реакцию во многих европейских странах. Особенно резкую критику он встретил во Франции, против него выступили многие политики. В конечном итоге, для авторов этой затеи все закончилось печально: договор не был ратифицирован и в силу не вступил. Такой поворот событий показал, что в европейской политике в то время существовали силы, которые не только смогли разглядеть опасный «флирт» «франко-британской демократии» с германским нацизмом и итальянским фашизмом, но и сумели перекрыть ему дорогу.

Ответом Советского Союза на растущую в Европе военную опасность явилось выдвинутое 28 декабря 1933 г. предложение о заключении регионального соглашения о совместной защите от агрессии со стороны Германии, в котором приняли бы участие Советский Союз, Франция, Чехословакия, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия и Бельгия. Идея нашла многих сторонников, обсуждалось даже

¹ Бувье Ж., Гакон Ф. Правда о 1939 году. М., 1955. С. 13.

возможное название документа — Восточный пакт. Многие в Европе считали, что заключение такого соглашения стало бы важнейшей мерой по обеспечению мира и безопасности на континенте.

Однако, как часто бывало в 30-е гг. XX столетия, вокруг казалось бы понятного и ясного вопроса, по которому у будущих подписантов соглашения был достигнут предварительный консенсус, затеялись «дипломатические игры». Началось с того, что Англия внесла предложение пригласить к участию в соглашении... Германию. Последняя в обсуждении этой проблемы участие приняла, но в объявленном 8 сентября 1934 г. специальном правительственном меморандуме выступила против Восточного пакта, не без оснований считая, что он станет серьезным препятствием в осуществлении ее агрессивных планов. В этой ситуации оставался вполне логичный вариант (как это предлагало советское правительство с самого начала) — заключить соглашение без участия Германии и тем самым продемонстрировать, кто «за» и кто «против» обеспечения региональной безопасности. Но карты попутала Польша: 27 сентября 1934 г. она отказалась от участия в соглашении, «обосновав» это... неучастием в нем Германии. Восточный пакт оказался похороненным, еще не родившись.

К этому времени относится еще одна мирная инициатива Москвы: внесение польскому правительству 14 декабря 1933 г. предложения опубликовать совместную советско-польскую декларацию (Балтийскую декларацию) в связи с агрессивными планами Германии в отношении Прибалтики. В ней предполагалось указать, что обе страны заявляют о твердой решимости защищать мир в Восточной Европе и в случае угрозы прибалтийским странам они обсудят создавшееся положение. Разумеется, такой шаг был бы для Гитлера серьезным сигналом, а для дела сохранения мира в Прибалтике имел бы существенное значение.

Как же повело себя в этой ситуации польское правительство? 19 декабря 1933 г. оно заявило о своей готовности в принципе принять советское предложение, и в это же самое время провело с гитлеровской Германией параллельные секретные переговоры. 26 января 1934 г. состоялось подписание германо-польской декларации о дружбе и ненападении. Так была похоронена еще одна советская мирная инициатива, направленная на защиту Прибалтики от нацистской агрессии. Вместо нее Польша подписала декларацию о дружбе с будущим агрессором. Время доказало, что заверения гитлеровцев,

о том, что они не имеют в отношении Польши каких-либо агрессивных планов, имели вероломный характер. Сразу после подписания декларации Гитлер заявил в кругу своих приближенных: «Все наши соглашения с Польшей имеют только временное значение»¹.

Одним из звеньев экспансионистской политики фюрера стал аншлюс Австрии, присоединение которой к Германии являлось давнейшей мечтой Гитлера. Начало 1938 г. оказалось подходящим временем для реализации этой задачи. 11 марта после того, как федеральный канцлер Курт Шушнинг отказался от проведения референдума о независимости Австрии, Германия в ультимативной форме потребовала его отставки. И уже 12 марта германские войска вступили в Австрию, а Гитлер объявил о присоединении ее к Третьему рейху. В срочном порядке австрийский министр внутренних дел Артур Сеис-Инкварт сформировал национал-социалистическое правительство. После аншлюса начались преследования евреев и противников нацизма.

Как же отреагировала на это «демократическая Европа»? По свидетельству Г. Киссинджера, «демократические страны в полсилы протестовали против аннексии Австрии Германией и едва-едва выражали моральную озабоченность, уходя в сторону от каких-либо конкретных мер. И поскольку по системе коллективной безопасности уже прозвенел погребальный колокол, Лига Наций хранила молчание в то время, как государство — член Лиги было проглочено могучим соседом. Демократии теперь стали вдвойне приверженными умиротворению, ибо надеялись, что Гитлер остановит свой марш, когда вернет всех этнических немцев в Фатерланд»².

Таким образом, на статье 80 Версальского договора, устанавливавшей, что «Германия признает и будет строго уважать независимость Австрии в границах, которые будут установлены договором, заключенным между этими государствами и главными союзными и объединившимися державами», Гитлер поставил крест. Была нарушена и статья 88 Сен-Жерменского договора, запрещающая Австрии предпринимать какие-либо действия, «способные прямо или косвенно нарушать ее независимость», без согласия Лиги Наций. Остается лишь добавить, что после аншлюса Австрии гитлеровцы даже дали этой стране другое название — Остмарк.

¹ *Rauschning H. The Voice of Destruction (Hitler speaks). N.-Y., 1940. P. 119.*

² *Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 278.*

Весьма интересна коллизия с погашением германским правительством австрийских долгов Великобритании, США, Франции и другим странам после аншлюса. Как следовало бы ожидать решение этой проблемы должно было бы стать предметом заботы Берлина. И вполне логично поступило английское правительство, заявившее 12 апреля 1938 г, что оно полагает, что Германия примет на себя ответственность за всю внешнюю задолженность Австрии. И как же ответил Берлин? Германское правительство в ответном заявлении от 12 мая 1938 г. спокойно сообщило: оно не считает возможным взять на себя обязательства о покрытии внешней задолженности бывшего австрийского правительства.

О том, что после аншлюса Австрии возросла экспансионистская угроза Чехословакии со стороны нацистской Германии, стало очевидным фактом для всех здравомыслящих и ответственных европейских политиков, к которым, как показало дальнейшее развитие событий на континенте, нельзя было отнести правящие круги Англии, Франции и США, продолжавших политику попустительства германской агрессии.

В своем заявлении от 17 марта 1938 г. советское правительство не только обратило внимание на то, что в результате захвата Австрии «возникает угроза Чехословакии», но и выразило готовность «участвовать в коллективных действиях, которые... имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии»¹. Более того, Москва предложила западным державам созвать международное совещание по этому вопросу. При этом советское правительство неоднократно заверяло правительство Чехословакии, что СССР выполнит свои обязательства по советско-чехословацкому договору 1935 г. Как же к этому отнеслись западные демократии? Они не только не поддержали предложение Москвы, но фактически стали на путь сговора с нацистской Германией за счет Чехословакии. Особую активность в этом проявило английское правительство, возглавляемое Н. Чемберленом.

Черчилль 17 ноября 1938 г. так высказался о политике «умиротворения» Чемберлена: «Премьер-министр считает, что может достигнуть удовлетворительного урегулирования для Европы и империи путем соглашения с Гитлером и Муссолини... Премьер-министр убежден, что Гитлер не стремится к новым территориальным

¹ См. «Известия». 1938, 18 марта.

приобретениям в Европе и что господство над Чехословакией удовлетворило нацистские аппетиты. Возможно, он пожелает вернуть Германии мандатные территории... Чемберлен убежден, что все это должно привести к общему согласию, к умиротворению неудовлетворенных держав и к прочному миру... Тут он уже заходит в область мечтаний»¹.

Рассуждая о неспособности западных демократий, отдавших предпочтение политике «умиротворения» Гитлера, разобраться в причинах появления и созревания нацизма, Г. Киссинджер отмечал: «В 30-е гг. британские лидеры сомневались, верно ли поняты истинные цели Гитлера, а французские лидеры, в силу неуверенности в себе, не могли действовать на основании оценок, справедливость которых не в состоянии были доказать. Цена познания истинной природы Гитлера обошлась в десятки миллионов могил, протянувшихся с одного конца Европы до другого. С другой стороны, если бы демократы оказали решительное сопротивление Гитлеру на ранних этапах его правления, историки спорили бы до сих пор, был ли Гитлер непонятым националистом или маньяком, помешанным на мировом господстве»². В другом месте он писал, что западные демократические страны «так и не уразумели, какая идеологическая пропасть отделяет их от германского диктатора. Они верили в мир, как в конечную цель, и напрягали каждый свой нерв, лишь бы избежать войны. Гитлер, с другой стороны, боялся мира и жаждал войны»³. При этом Г. Киссинджер напомнил слова Гитлера из «Майн кампф»: «Человечество стало сильным в вечной борьбе и погибнет оно только от вечного мира».

3. Кульминация политики «умиротворения» агрессора

Кульминационным моментом в политике «умиротворения» агрессора, проводимой английскими и французскими правящими кругами при поддержке США накануне Второй мировой войны,

¹ Churchill // «Journal politique». 1948. P. 280–281 (Сборник статей, написанных в 1936–1939 гг.).

² Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 263–264.

³ Там же. С. 278.

стали Мюнхенские соглашения, направленные на уничтожение Чехословакии как самостоятельного государства. Эта акция именуется еще и как «начало конца умиротворения».

Мюнхенскому «сговору четырех» предшествовала состоявшаяся 22 сентября 1938 г. в Бад-Годесберге встреча Гитлера и Чемберлена, в ходе которой фюрер предъявил британскому премьеру так называемую «годесбергскую программу», в которой в ультимативной форме были сформулированы требования Гитлера относительно немедленной передачи нацистской Германии ряда населенных немцами районов Чехословакии без предварительного проведения плебисцита и предоставления международных гарантий. По содержанию и по форме «годесбергская программа» являлась грубейшим нарушением норм международного права и представляла собой неприкрытое посягательство на государственный суверенитет Чехословакии, само ее существование. Поэтому совершенно закономерно, что Чемберлену не удалось заручиться согласием на ее принятие ни со стороны чехословацкого, ни со стороны французского правительств.

Однако позже, при выработке Мюнхенского соглашения, английские и французские «умиротворители» проявили беспринципность — вместо того, чтобы опровергнуть агрессивные притязания фюрера, они постарались придать захвату немцами Судетской области видимость соблюдения законности. В Мюнхенском соглашении в отличие от «годесбергской программы» на несколько дней перенесены сроки оккупации, а также содержится пункт о предоставлении Чехословакии в будущем гарантий четырех держав, предусмотрено создание четырехсторонней комиссии для установления окончательной линии границы и для наблюдения за плебисцитом по определению статуса в некоторых оккупированных районах. Однако эти условия, ограничивающие «годесбергскую программу», Гитлер выполнять не собирался. Чехословакия так и не получила международных гарантий своих новых границ, а четырехсторонняя комиссия так и не смогла выполнить возложенные на нее задачи и в конце 1938 г. она была ликвидирована.

Основные положения гитлеровского плана захвата Чехословакии (план «Грюн») были изложены еще в директиве военного министра фашистской Германии В. Бломберга от 24 июня 1937 г. и после детального обсуждения были утверждены Гитлером в декабре 1937 г. С учетом изменившейся стратегической обстановки (после

захвата Австрии) Гитлер утвердил план «Грюн» в измененном виде и дал указание проводить энергичную подготовку, планируя начать его осуществление не позднее 1 октября 1938 г.

Ключевыми элементами плана «Грюн» являлись политические, дипломатические и пропагандистские шаги и мероприятия; тактические задачи различных родов войск фашистской Германии, которым предстояло выполнение его боевой части; изоляция Чехословакии на международной арене; привлечение союзников для участия в агрессии против Чехословакии. Расчеты Гитлера строились на том, что он практически исключал вероятность столкновения с Англией и Францией из-за Чехословакии, и именно поэтому решил оставить на западной границе Германии лишь слабые заслоны, не исключая при этом возможности оказания военной помощи Чехословакии со стороны Советского Союза, в частности военно-воздушными силами. Первым шагом в осуществлении плана «Грюн» явился захват фашистской Германией в начале октября 1938 г. Судетской области Чехословакии, что стало возможным в результате Мюнхенского сговора.

Отторжение Судетской области от Чехословакии и присоединение ее к Германии с самого начала представляло собой незаконный акт: оно было несовместимо с основными принципами международного права. Само Мюнхенское соглашение было достигнуто под угрозой агрессивной войны и применения силы против Чехословакии. Оно представляло собой составную часть преступного заговора гитлеровской Германии против мира и грубое нарушение основных норм международного права, а потому являлось недействительным со всеми вытекающими отсюда последствиями (по договору между ЧССР и ФРГ от 11 декабря 1973 г. Мюнхенское соглашение было объявлено ничтожным).

Весьма показательным, что в совместном заявлении правительств Великобритании и Франции правительству Чехословакии от 19 сентября 1938 г. содержалось предложение о решении проблемы судетских немцев путем прямой передачи Германии округов, немецкое население которых составляет свыше 50 %. Что же касается вопроса об установлении границ и возможном обмене населением, то это предлагалось передать на рассмотрение специальной комиссии.

Обращает на себя внимание и то, что в решении так называемой «судетской проблемы» в пользу Гитлера Лондон использовал не только классические дипломатические каналы, но и другие, неофициальные возможности закулисной игры. Свидетельство тому — миссия

во главе с председателем тайного королевского совета Великобритании лордом Ренсименом, которая в июле 1938 г. была направлена английским правительством по договоренности с французами в Прагу для осуществления «посредничества» между чехословацким правительством и нацистской так называемой судетско-немецкой (генлейновской) партией, являвшейся фактически агентурой Гитлера в Чехословакии. Первоначально чехословацкое правительство Бенеша не давало согласия на такой приезд, так как «судетская проблема» являлась внутренним делом Чехословакии. Однако под давлением Англии и Франции Бенеш вынужден был согласиться на приезд в Прагу Ренсимена, после чего «судетской проблеме» был придан международный характер. Сам Ренсимен добивался удовлетворения требований гитлеровцев чехословацким правительством, открыто вмешиваясь во внутренние дела Чехословакии. Что же касается английского правительства, то оно исходило из того, что в случае провала миссии Ренсимена, всю вину можно было бы возложить на Прагу, используя затем это в качестве предлога для отказа от оказания помощи Чехословакии против германской агрессии. Английский посол в Берлине Н. Гендерсон в связи с этим отмечал: «Если бы лорд Ренсимен, несмотря на все свои усилия, не достиг соглашения, то стало бы ясным, что вина за этот неуспех легла бы на чехов и что немцы оказались бы правы, утверждая, что из-за неуступчивости чехов успешным будет единственное средство применение силы»¹. Закончилось же это дело тем, что Ренсимен, возвратясь 16 сентября 1938 г. в Лондон, представил английскому правительству итоговый доклад о работе миссии, в котором, по существу, предлагалось отторгнуть Судетскую область от Чехословакии и передать ее фашистской Германии.

26 сентября 1938 г. Гитлер предъявил ультиматум Чехословакии с требованием передачи Германии Судетской области. Состоявшаяся же 29–30 сентября 1938 г. Мюнхенская конференция четырех держав (Великобритании, Франции, Германии и Италии) потребовала от Чехословакии удовлетворения требований Гитлера. В ночь с 29 на 30 сентября главами названных выше правительств — Чемберленом, Даладье, Гитлером и Муссолини — было подписано соглашение без участия самой Чехословакии. Неслучайно эта акция

¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. М., 1981. Т. 1. С. 127.

вошла в историю международных отношений как осуществленный с помощью грубой силы «сговор».

Утром 30 сентября 1938 г., когда в Лондоне стали известны условия мюнхенского соглашения, полпред СССР в Великобритании И. М. Майский посетил посланника Чехословакии в Великобритании Масарика, чтобы выразить сочувствие народам Чехословакии и свое глубокое возмущение предательством Лондона и Парижа в отношении Чехословакии. Вот как описывает эту встречу И. М. Майский: «Масарик — высокий, крепкий, в обычных условиях несколько циничный мужчина — упал мне на грудь, стал целовать меня и расплакался как ребенок». «Они продали меня в рабство немцам, — сквозь слезы восклицал он, — как когда-то негров продавали в рабство в Америке!»¹.

По Мюнхенскому соглашению Чехословакия обязана была начать передачу Судетской области и приграничных с Австрией районов Германии 1 октября и полностью осуществить ее в десятидневный срок. Передаваемая чехословацкая территория делилась на четыре зоны, в первую из которых германские войска должны были вступить на следующий день после подписания соглашения, т. е. 1 октября. Предписывалось также, чтобы территория подлежала передаче со всеми заводами, фабриками, запасами сырья, путями сообщения, средствами связи и т. д. Чехословакия обязывалась также в течение трех месяцев удовлетворить территориальные притязания Польши и Венгрии. Гарантировать «новые границы чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии» обязывались Англия и Франция вместе с Германией.

Мюнхенское соглашение нарушало общепринятые нормы международного права, противоречило статусу Лиги Наций; оно было неправомерно также с точки зрения внутренних законов Чехословакии, по которым изменение государственной границы не могло быть осуществлено без согласия Национального собрания как высшего законодательного органа страны (с условиями соглашения чехословацкое правительство было ознакомлено на следующий день после его подписания и приняло их без обсуждения в Национальном собрании). Соглашение резко изменило обстановку в Европе в пользу Германии, значительно укрепило политические и стратегические позиции Германии и ее союзников, разрушило и без того неустойчивую

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 41.

договорную систему, имевшую цель сдерживать германскую агрессию — договоры СССР, Франции и Чехословакии о взаимопомощи, союзные обязательства Франции и стран Малой Антанты и Балканской Антанты, а также Польши.

Весьма показательны некоторые детали самой встречи четырех руководителей. Прежде всего, встреча проходила на родине нацистской партии, что являлось особенно символичным для победителей. Пока на встрече происходило расчленение Чехословакии, ее представители томились в приемных. Представители Советского Союза вообще не были приглашены. Франция и Великобритания в конечном итоге согласились на расчленение Чехословакии и тешили свою большую совесть, предлагая гарантии тому, что от нее осталось. Муссолини, почувствовавший, что со стороны Чемберлена и Даладье могут последовать пассажи, которые усложнят ход разговора, достал лист бумаги, содержащий бад-годесбергские предложения Гитлера, которые им были сформулированы на состоявшейся 22 сентября в Бад-Годесберге встрече глав четырех государств (несогласие на длительную процедуру плебисцитов по областям и демаркации границы, требования немедленной эвакуации судетской территории, корректировка границ с Венгрией и Польшей и др.). После этого Гитлер определил круг вопросов в форме саркастического ультиматума.

«Мюнхен, — отмечал Г. Киссинджер, — вошел в наш словарь, как отклонение особого рода — как наказание за уступку шантажу. Мюнхен, однако, был не единичным актом, а кульминацией подхода, начавшегося в 20-е гг. и усиливавшегося с каждой новой уступкой. В продолжении более чем десятилетия Германия раз за разом сбрасывала с себя ограничения Версаля: Веймарская республика освободила Германию от репарации, от Союзной военной контрольной комиссии и союзной оккупации Рейнской области. Гитлер отверг ограничения на вооружение, запрет на введение в Германии всеобщей воинской повинности, отверг он и условия Локарно, касающиеся демилитаризации. Даже в 20-е гг. Германия ни разу не признавала восточные границы, а страны Антанты так и не настояли на их признании. В конце концов, как это часто бывает, решения, накладываясь одно на другое, стали сами по себе предопределять ход событий»¹. «В течение двух десятилетий, — писал он, — само понятие равновесия сил то отвергалось, то высмеивалось; лидеры

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 281.

демократических стран говорили своим народам, что отныне мировой порядок будет основываться на принципах высокой морали. А когда наконец новому мировому порядку был брошен вызов, демократии — Великобритания искренне и убежденно, Франция с сомнением, смешанным с отчаянием, — испили до дна чашу умиротворения, демонстрируя своим народам, что Гитлера на самом деле умиротворить нельзя»¹ (подчеркнуто нами. — *Авт.*).

Но на Мюнхене Гитлер не остановился. 15 января 1939 г. в 6 часов утра германские войска оккупировали территорию Чехии и Моравии. А 16 марта фюрер провозгласил германский протекторат над всей Чехословакией, после чего она оказалась включенной в состав рейха. Вот чем закончилось франко-британское «умиротворение» Гитлера в отношении Чехословакии.

Унизительной для Праги оказалась и сама форма подписания документа о ликвидации независимости Чехословакии. Для осуществления этой процедуры в срочном порядке были вызваны в Берлин президент Чехословацкой Республики Э. Гаха и министр иностранных дел Ф. Хвалковский. Их принял фюрер в присутствии Риббентропа и Геринга. Гитлер, не стесняясь в выражениях, указал, что речь не идет о переговорах: чешских государственных деятелей пригласили для того, чтобы ознакомить с решениями, принятыми Берлином, они должны им подчиниться. Затем последовала угроза: любая попытка к сопротивлению будет подавлена, а всякое «стремление противостоять маршу германских войск» будет сломлено вводом в действие бомбардировочной авиации. После таких заявлений фюрера президент Гаха, глубокий старик, находящийся в состоянии большой физической депрессии, упал и потерял сознание. В чувство его привели уколами личные врачи Геринга, после чего старик подписал документ, по которому чешское правительство, «преисполненное доверия», вручило в руки фюрера судьбы Богемии и Моравии. И незамедлительно, в тот же день, т. е. 15 марта 1939 г. в Чехословакию вторглись германские войска, Чехия была превращена в германскую провинцию — «протекторат Богемия и Моравия», а Словения, провозгласив свою «независимость», стала зависимым от рейха марионеточным государством.

Вот как описываются эти события в письме посла Франции в Германии Р. Кулондра министру иностранных дел Франции Ж. Боннэ

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 282.

от 16 марта 1939 г.: «Спустя шесть месяцев после заключения мюнхенского соглашения и всего четыре месяца после венского третейского решения Германия, обращаясь со своей собственной подписью и подписями своих партнеров как с чем-то несущественным, спровоцировала раздел Чехословакии, силой заняла Богемию и Моравию и присоединила эти две провинции к рейху. Со вчерашнего дня, т. е. с 15 марта, свастика развевается над Градчанами, куда на глазах у потрясенной и оцепеневшей публики въехал фюрер под охраной танков и бронеевтомобилей (подчеркнуто нами. — *Авт.*). Словения преобразовалась в так называемое независимое государство, поставив, однако, себя под защиту рейха. Что же касается Закарпатской Руси (имеется ввиду Закарпатская Украина. — *Авт.*), то она отдана Венгрии, чьи войска уже перешли границу. Чехословакия, которая пошла в Мюнхене на такие ужасные потери ради сохранения мира, перестала существовать. Осуществилась мечта самых оголтелых нацистов о ее уничтожении. Она исчезла с карты Европы»¹ (подчеркнуто нами. — *Авт.*). Надо лишь добавить: произошло это у нее (Европы) на глазах, при ее (Европы) попустительстве, под ее (Европы) убаюкивающие аккомпанементы «умиротворения» агрессора.

Полпред СССР в Лондоне И. М. Майский, встретившийся 17 марта 1939 г. с главным дипломатическим советником министра иностранных дел Англии Р. Ванситтартом (сторонником сотрудничества Англии и СССР в целях отпора германской агрессии), передал телеграммой в Москву, что его британский собеседник признал, что «внешняя политика премьера потерпела полный крах», и что аннексия Чехословакии нанесла по ней «окончательный удар» и поэтому «политика умиротворения мертва, и возврата к ней не может быть»². При этом британский собеседник отметил: «Несомненно одно: остановить экспансию Германии можно лишь путем быстрого создания блока из Англии, Франции и СССР с включением всех других угрожаемых государств (таких), как Польша, Румыния, Скандинавия и так далее»³. И далее добавил: «Беда 1938 г. состояла в том, что Гитлер сыпал удары на Европу разрозненную, неподготовленную. Если в 1939 г. мы хотим противостоять германской агрессии,

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 281–282.

² Там же. Т. 2. С. 386.

³ Там же.

Европа должна быть объединенной и подготовленной. Первым шагом для этого должно быть сближение между Лондоном, Парижем и Москвой, выработка общих планов действий заранее, а не в момент кризиса»¹.

Р. Ванситтарт в данном случае изложил не только свою точку зрения, но и позицию многих других британских дипломатов, но не британского руководства, которое вместе с руководством Франции систематически саботировало всякий коллективный отпор агрессору, с чем согласился и сам Р. Ванситтарт.

Весьма показательно, что «дипломатическая игра» четверки (Гитлер, Муссолини, Чемберлен, Даладьё) привела не только к солидарному подписанию Мюнхенского соглашения, но и продемонстрировала «подковерную борьбу» внутри самой четверки. Дело в том, что 30 сентября 1938 г., т. е. на следующий день после Мюнхенской конференции состоялась встреча германского фюрера и английского премьер-министра, закончившаяся подписанием англо-германской декларации («пакт двух»). Эта акция явилась своеобразным обменом услугами: правительство Чемберлена за обязательство Германии о ненападении на Англию фактически предоставила Гитлеру свободу действий в отношении стран Восточной Европы. Стороны продемонстрировали согласие в том, что «вопрос англо-германских отношений имеет первостепенное значение для обеих сторон и для Европы». Стороны рассматривали подписанное накануне Мюнхенское соглашение и англо-германское морское соглашение «как символизирующие желания наших двух народов никогда более не воевать друг с другом»².

Чемберлен придавал «пакту двух» большое значение и был разочарован тем, что немецкая сторона «по достоинству» не оценила значение этого шага. Об этом в Англии судили по тому факту, что англо-германская декларация не была отмечена в публичных речах фюрера.

«Пакт двух» оказался неожиданностью не только для Москвы, но и большим сюрпризом для Парижа, демонстрировавшего общность позиций с Лондоном по «умиротворению» агрессора всего лишь сутки назад. Вот что сообщал по этому поводу в Москву нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов, прибывший в Париж

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 386.

² Там же. Т. 1. С. 29.

2 октября 1938 г. и встретившийся с главой внешнеполитического ведомства Франции Боннэ: «О Мюнхенской конференции он сообщил мало нового, но не скрывал, что беседа Гитлера с Чемберленом и в особенности Коммюнике (имеется в виду двусторонняя англо-германская декларация. — *Авт.*) вызвали у него тревогу, и он сейчас же потребовал от англичан объяснений. Те ответили, что, так как накануне произошел обмен резкостями между Гитлером и Чемберленом, то их последующая встреча и Коммюнике имели целью это сгладить. Вряд ли этому французы верят и продолжают тревожиться». И это при том, что как заверил Боннэ Литвинова, «как на самой конференции, так и в частных беседах с Даладье, кроме чехословацкой, другие проблемы не затрагивались»¹.

«Примеру» нацистской Германии по предъявлению территориальных притязаний к Чехословакии последовала и хортистская Венгрия, требовавшая передать ей города Братиславу, Нитру и Кошице. Но начавшиеся в октябре 1938 г. чехословацко-венгерские переговоры по этому вопросу не привели к соглашению, и венгерское правительство (при поддержке Муссолини) с просьбой о третейском разбирательстве обратилось к Германии, Италии и Польше. Берлин отклонил участие Польши в этом мероприятии, и роль арбитра стали выполнять Германия и Италия (конкретно эту задачу решали Риббентроп и Чиано). В соответствии с вынесенным 2 ноября 1938 г. в Вене решением (так называемый «первый венский арбитраж») к Венгрии отошли южные районы Словении и Закарпатской Украины с населением свыше 1 млн человек. Кроме того, под давлением Германии чехословацкое правительство 11 октября 1938 г. дало согласие на создание правительства автономий «Закарпатской Украины». Поддерживая тогда идею автономии Закарпатской Украины, Берлин в то же время выступил против польско-венгерских планов о присоединении к Венгрии всей Закарпатской Украины и образования таким образом общей польско-венгерской границы, полагая, что это могло бы стать определенной помехой при дальнейшем осуществлении агрессивных германских планов. А германская печать пошла еще дальше: она раздула шумную кампанию за присоединение к Закарпатской Украине всей Советской Украины. Закончилось все это тем, что венгерское правительство с согласия Гитлера ультимативно потребовало от Чехословакии передать Закарпатскую Украину

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 39–40.

Венгрии, и венгерские войска 14 марта 1939 г. заняли Закарпатскую Украину.

Мюнхенское соглашение коснулось и судьбы Малой Антанты¹, которая в условиях нарастания фашистской угрозы изменила ранее существовавшую резкую, враждебную позицию по отношению к Советскому Союзу. Страны Малой Антанты, преследуя цель укрепления своего международного положения, даже подписали совместно с СССР Лондонский протокол 1933 г. об определении агрессии. А в 1934 г. двумя членами Малой Антанты — Румынией и Чехословакией — были установлены дипломатические отношения с Советским Союзом. После подписания же 16 мая 1935 г. советско-французского договора о взаимопомощи последовало заключение аналогичного договора между СССР и Чехословакией.

Сказать, что названные выше договорные механизмы действовали эффективно, — это не отвечало бы истине. Правдой является и то, что правительства стран Малой Антанты не проявили последовательности в своей политике и не использовали потенциал сотрудничества в целях коллективного отпора германской агрессии. Но Мюнхенский сговор, санкционировавший расчленение Чехословакии Германией, нанес уничтожающий удар по самой Малой Антанте, положив конец ее существованию. Разумеется, это в свою очередь не могло определенным образом не сказаться на общеевропейской политической обстановке в целом.

В сложное положение попали и другие малые страны Европы. Убедившись в нереальности получения какой-либо помощи от Англии и Франции, а тем самым и от Лиги Наций, многие из них фактически отдались на милость агрессоров. Произошло неблагоприятное изменение соотношения и расстановки сил в Европе. В высшей степени осложнилось международное положение Советского Союза, который усилиями Мюнхенского сговора фактически был поставлен в положение опасной изоляции. Новый размах получила

¹ Малая Антанта — политический альянс Чехословакии, Румынии и Югославии, созданный при содействии Франции после Первой мировой войны. Юридическую основу создания союза составили такие договорные акты: чехословацко-югославский, чехословацко-румынский и югославо-румынский договоры, заключенные в 1920–1921 гг. Франция заключила в 1924–1927 гг. со странами — членами Малой Антанты военно-политические соглашения. С самого начала своего существования Малая Антанта превратилась в значительной степени в орудие французского влияния в Юго-Восточной Европе.

пропаганда «крестового похода» против СССР, где роль ударного отряда отводилась фашистской Германии на Западе и милитаристской Японии на Востоке. Начался шантаж Польши со стороны Германии.

Здесь важно отметить такой существенный момент. Ошибочность политики «умиротворения» Париж и Лондон остро ощутили лишь после того, когда гитлеровские войска 15 марта 1939 г. оккупировали Прагу, пересекли территорию Чехословакии и оказались в центре Закарпатской Украины, т. е. рядом с Советской Украиной и в четырехстах километрах от Киева. Происшедшее вызвало бурную реакцию общественного мнения: в Англии и особенно во Франции люди осознали всю глубину проповедовавшейся с октября 1938 г. лжи, о том, что Мюнхен — это мир. Все явственно ощутили приближение войны; всеобщим требованием стало «Задержать агрессию!» и образовать для противостояния экспансии блок государств, включая и СССР. К сожалению, реакция французской и британской дипломатии и в некоторой степени и общественного мнения на такой поворот событий носила скорее эмоциональный характер. Французский посол в Берлине Робер Кулондр в своем донесении в Париж от 19 марта 1939 г. отметил: «Если новое расширение германского влияния в направлении на Восток не могло никаким образом нас удивить, то, напротив, мы имели все основания возмущаться как формами, в которые было облечено это действие, так и беспримерными методами, к которым прибегал рейх. Собственно говоря, эти методы и формы представляли собой разрыв с политикой ослабления напряжения, торжественно провозглашенной в Мюнхене; политикой, нашедшей свое выражение в декларациях от 30 сентября и 6 декабря»¹. В свою очередь и британский посол в Берлине сэр Невиль Гендерсон, спустя несколько месяцев, писал своему правительству: «Не столько само включение австрийцев и судетских немцев в рейх вызвало возмущение мирового общественного мнения, сколько бессовестные методы, использовавшиеся Гитлером при этом»².

И действительно, факты подтверждают, что после 15 марта 1939 г. содержание дипломатии «мюнхенцев» не изменилось ни на йоту. Главный упрек Лондона и Парижа в адрес немцев относился не к агрессии как таковой, а к ее форме и методам. Французскую и бри-

¹ Документы и материалы конца Второй мировой войны. М., 1948. Т. I. С. 35–36.

² Цит. по: Бувье Ж., Гакон Ж. Правда о 1939 году. М., 1955. С. 51.

танскую дипломатию больше всего озадачил не захват Чехословакии, а отказ от намерения образовать «Великую Украину», что неизбежно привело бы к войне между Германией и Советским Союзом. Осуществление военных надежд Лондона и Парижа на превращение гитлеровской агрессивности в антисоветский крестовый поход было отложено. Только после того, как 16 марта Германия разрешила Венгрии аннексировать Западную Украину, правящие круги Англии заявили о «вероломстве» Гитлера. Это было озвучено Чемберленом в его речи в Бирмингеме 17 марта 1939 г.

Американский профессор Фредерик Л. Шуман из Уильямс-колледжа проанализировал сложившуюся ситуацию и оценил ее следующим образом: «Только в пятницу, 17 марта, в Бирмингеме Чемберлен отдал себе отчет в глубине народного возмущения и заявил об изменении позиции Англии в отношении нацистских захватчиков. Решительным событием, убедившим его в „вероломстве“ Гитлера, была не оккупация Праги, а одобрение Германией... аннексии Венгрией Закарпатской Украины...»¹. И далее он делает убийственный вывод: «Чемберлен и его собратья ошиблись в предположении, что за оккупацией нацистами Австрии и Чехословакии последует выступление против Советского Союза... Оставляя в стороне главную цель агрессии, Гитлер „обманул“ своих западных друзей и показал, что ближайшими жертвами его безумия будут слабые, а не сильные. Восстановить утраченные силы, попытаться воссоздать эффективную коалицию против рейха — такова была ближайшая задача англо-французских руководителей»².

Как же оценила в те дни Мюнхенский сговор мировая элита?

Великобритания. При неоднозначности подхода к этой проблеме со стороны разных политических сегментов британского истеблишмента и несмотря на «глупое заявление» (по словам Г. Киссинджера) Чемберлена по прибытии в Лондон о том, что он будто бы привез «мир на все времена», наибольшее распространение здесь получило мнение, что своим поведением в Мюнхене Гитлер исчерпал последние резервы британской доброй воли. Политическое маневрирование британского премьера программировало, по сути, роковой исход, так его двойственная позиция (с одной стороны, нерешительность в политике «умиротворения» агрессора, а с другой — продолжающиеся

¹ Цит. по: Бувье Ж., Гакон Ж. Правда о 1939 году. М., 1955. С. 50.

² Там же.

одобрительные кивки в адрес Мюнхена) фактически стимулировала развитие поэтапной экспансии Гитлера.

Франция. Париж шел в фарватере британской дипломатии. При обсуждении 4 октября 1938 г. в национальном собрании позиции Франции в Мюнхенских переговорах большинством голосов было выражено доверие правительству. После Мюнхена, как сообщал 2 октября 1938 г. нарком иностранных дел М. М. Литвинов после беседы с министром иностранных дел Франции Боннэ, «Даладьё попал в народные герои, а Чемберлена боготворит вся европейская печать. Открывается подписка для подношения подарков, в его честь переименовываются улицы, требуется для него Нобелевская премия и т. д.»¹. Официальную оценку итогов Мюнхенской конференции французским правительством изложил премьер-министр Франции Э. Даладьё в выступлении в национальном собрании 4 октября 1938 г. Пытаясь оправдать Мюнхенский сговор, он утверждал, что он (сговор) якобы позволил избежать применения силы, дал Чехословакии международные гарантии и др. Даладьё обратился с призывом к национальному собранию улучшать отношения с Германией, «которая является нашим соседом, которая была нашим врагом и с которой мы хотим установить прочный мир». При этом глава французского правительства ни одним словом не обмолвился о советско-французских отношениях, хотя Франция имела с Советским Союзом договор о взаимопомощи².

А вот какие признания были сделаны сразу после Мюнхена французским послом в Германии А. Франсуа-Понсе в беседе с Г. Герингом: в Париже «сильное стремление найти вместе с Германией новые и долговременные возможности урегулирования. Даладьё очень доверяет фюреру»³. Эта встреча состоялась 3 октября 1938 г., а уже 6 декабря того же года Франция подписала с Германией декларацию о ненападении. А вскоре министр иностранных дел Франции Ж. Боннэ в информации французским послам в других странах с удовлетворением отмечал: «Германская политика отныне ориентируется на борьбу против большевизма. Германия проявляет свою волю к экспансии на Восток»⁴.

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 40.

² Documents on International Affairs, 1938. London, 1943. Vol. 2. P. 307–314.

³ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 46.

⁴ *Reynaud P.* La France a sauvé l'Europe. P., 1947. Vol. 1. P. 375.

И это при том, что Франция в 1935 г. заключила с Советским Союзом договор о взаимопомощи. Правда, уклоняясь (не без воздействия Лондона) от придания данному обязательству должной эффективности, т. е. отказываясь от подписания соответствующей военной конвенции. И когда в условиях чехословацкого кризиса 1938 г. встал вопрос о поддержке Францией и СССР Чехословакии, то французская дипломатия не сочла себя связанной ранее данным ею обязательством. Таким образом, Париж позорно предал своего чехословацкого союзника и советского партнера.

Однако в числе французских дипломатов были и те, кто здраво оценивал итоги Мюнхенского сговора. Робер Кулондр, работавший послом Франции в Москве (1936–1938), а затем в Берлине (1938–1939), в своей книге «От Сталина к Гитлеру» писал: «Что сделали Франция и Великобритания? Ничего... Раздался только один голос, но он был с Востока. Это был голос Литвинова (в то время народный комиссар иностранных дел СССР. — *Авт.*), который предложил созвать конференцию с целью выработки наиболее эффективных мероприятий для обеспечения мира. В силу многочисленных причин... его призыв остался без ответа»¹. Он же, письменно информируя 15 декабря 1938 г. министра иностранных дел Франции Ж. Боннэ о новых, постмюнхенских очертаниях германской внешней политике, отмечал: «Считать хозяином в Центральной Европе, подчинив себе Чехословакию и Венгрию, затем создать Великую Украину под немецкой гегемонией — такова в основном, кажется, концепция, принятая теперь нацистскими руководителями и, конечно, самим Гитлером»².

США. Реакция Франклина на «успехи» Чемберлена в «умиротворении» выражена эпитетом: «Хороший человек!». Однако гораздо более реалистична оценка, сделанная значительно позже Г. Киссинджером: «Мюнхен был не капитуляцией („умиротворителей“ перед Гитлером. — *Авт.*), а состоянием умов и почти неизбежным следствием усилий демократических стран поддержать геополитически ущербное урегулирование риторикой относительно коллективной безопасности и права на самоопределение»³.

Канада. Премьер-министр этой страны, демонстрируя солидарность членов Британского содружества, был более красноречив,

¹ Цит. по: Бувье Ж., Гакон Ж. Правда о 1939 годе. М., 1955. С. 23.

² Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 147.

³ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 279.

чем американский лидер: «Осмелюсь передать горячие поздравления канадского народа и вместе с ними выражение искренней благодарности, которое ощущается по всему доминиону из конца в конец. Мои коллеги и правительство разделяют со мной безграничное восхищение услугой, оказанной вами человечеству»¹.

Австралия. Австралийский премьер-министр, не желая, чтобы его кто-то переплюнул, писал: «Мои коллеги вместе со мной желают выразить самые горячие поздравления в связи с исходом переговоров в Мюнхене. Австралийцы вместе со всеми народами Британской империи чувствуют себя в неоплатном долгу перед вами и выражают благодарность по поводу ваших непрерывных усилий в деле сохранения мира»².

Германия. Вклад британской дипломатии в Мюнхенские договоренности министр иностранных дел Германии Риббентроп оценил так: Чемберлен «сегодня подписал смертный приговор Британской империи и предоставил нам поставить дату приведения этого приговора в исполнение»³.

Советский Союз. Москва, как уже отмечалось выше, не только не была приглашена на Мюнхенскую конференцию и не только дала отрицательную оценку Мюнхенскому сговору, но и вынуждена была несколько раз официально опровергать различного рода измышления на этот счет. Так, в сообщении ТАСС от 2 октября 1938 г. «нелепой выдумкой от начала до конца» была названа информация парижского корреспондента «Юнайтед Пресс» о том, что якобы правительство СССР уполномочило Даладье выступить на конференции четырех держав в Мюнхене от имени СССР. В сообщении говорилось, что советское правительство никаких полномочий Даладье не давало, «равно, как и не имело и не имеет никакого отношения к конференции в Мюнхене и к ее решениям»⁴. Несмотря на такое официальное заявление инсинуации по этому вопросу продолжались. Так, в заявлении ТАСС от 4 октября 1938 г. говорилось о том, что в офицозе министерства иностранных дел Чехословакии «Прагер пресс» от 30 сентября под заголовком «Париж — Лондон — Москва» помещено сообщение парижского корреспондента названного

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 282.

² Там же.

³ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 7.

⁴ Там же. С. 41.

органа, будто бы правительство Франции и Англии регулярно информировали правительство СССР о положении чехословацкого вопроса и что якобы между представителями этих стран «происходили будто бы длительные совещания по этому вопросу». Отсюда корреспондент «Прагер пресс» заключил, что Мюнхенская конференция «представляет собой не просто пакт четырех». В связи с этим ТАСС был уполномочен заявить, что вышеприведенное сообщение чехословацкого корреспондента совершенно не соответствует действительности, что в контактах советских дипломатов с министром иностранных дел Франции, имевших место в то время, сообщалась «лишь такая информация, содержание которой не выходило за рамки сведений, публикуемых в ежедневной прессе», что никаких совещаний между правительствами СССР, Франции и Англии по вопросу о судьбе Чехословацкой республики и об уступках агрессору не происходило, «что ни Франция, ни Англия не консультировались с СССР, а лишь сообщали правительству СССР о совершившихся фактах». Со ссылкой на заявление ТАСС от 2 октября 1938 г. было вновь подтверждено, что к конференции в Мюнхене и ее решениям «советское правительство никакого отношения не имело и не имеет»¹.

4. Ущербность германо-британского диалога

Разумеется, британо-германские отношения в предвоенные годы не исчерпывались только «мюнхенским умиротворением». Лейбористы и либеральная часть консервативной партии не одобряли политику Чемберлена (как накануне Мюнхена, так и после Мюнхенского сговора) и выступали за сотрудничество с Советским Союзом. Такие настроения были широко распространены в общественном мнении Англии. Здравомыслящие и ответственные политики четко представляли, что аннексия Чехословакии, ультиматум Румынии, наступление на Венгрию и другие страны Юго-Востока полностью укладываются в ту концепцию направления гитлеровской экспансии на Восток, на которой базировалось Мюнхенское соглашение. Не мог не видеть этого и Чемберлен, продолжавший вести игру с несовместимыми полюсами политической реальности, все более и более загоняя в тупик свою собственную политику «умиротворения»

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 46–47.

агрессора. Но такие тенденции просматривались еще и до прихода к власти Чемберлена.

Так, проявлением политики попустительства германской агрессии, проводившейся английским правительством, явилось подписание 18 июня 1935 г. англо-германского морского соглашения, в котором Лондон в одностороннем порядке санкционировал нарушение Германией военных ограничений Версальского мирного договора 1919 г. В нем предусматривалось, что германский военно-морской флот не должен превышать 35 % тоннажа военно-морских сил Британского содружества наций. Германия обязывалась содержать подводный флот, не превышающий 45 % британского, она получала право на тоннаж подводных лодок, равный общему тоннажу подводного флота Британского содружества наций¹.

Такое увеличение германского флота представляло наибольшую угрозу для Советского Союза и для прилегающих к Балтийскому морю государств. Как позже признал Черчилль, английское правительство согласилось на увеличение германского флота, с тем, чтобы он мог стать «хозяином Балтийского моря»². Что же касается Германии, то она, почувствовав попустительство со стороны западных демократий, в декабре 1938 г. заявила Англии, что она будет содержать подводный флот, равный по тоннажу британскому; а в апреле 1939 г. англо-германское морское соглашение было расторгнуто — для Германии оно оказалось уже не нужным.

Пришедшее к власти в мае 1937 г. правительство Н. Чемберлена сразу же взяло курс на проведение активной политики по сближению Англии с нацистской Германией. В ходе состоявшейся в Берлине 19 ноября 1937 г. продолжительной беседы влиятельного члена английского правительства лорда Галифакса с Гитлером визитер из Лондона расточал дифирамбы в адрес фюрера, отмечал его «особые заслуги» в превращении Германии в «бастион Запада против большевизма», заявлял о готовности Англии предоставить Берлину «свободу рук в Восточной Европе» (в этой связи Галифакс упомянул Данциг, Австрию и Чехословакию), но при условии, что Германия будет осуществлять перекартку карты Европы «путем мирной эволюции»³.

¹ Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. Ser. C. Vol. 4. P. 323–326.

² Churchill W. The Second World War. Boston. 1948. Vol. 1. P. 140.

³ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. М., 1981. Т. 1. С. 35–46.

Чего больше в утверждениях британского политика о такой «мирной эволюции» — наивности или политического цинизма — даже не стоит обсуждать.

Интересам фашистских государств отвечал следующий план, внесенный английским правительством в Комитет по невмешательству 14 июля 1937 г. (в связи с испанским кризисом). План включал в себя: изменение системы контроля на сухопутных границах, сохранение контроля на сухопутных границах, но отмену морского патрулирования и введение вместо него системы наблюдателей в испанских портах; отвод иностранных войск и добровольцев из Испании; предоставление Франко прав воюющей стороны, после того, как Комитет по невмешательству сочтет, что в деле отвода иностранных комбатантов достигнут «существенный прогресс». Германская и итальянская дипломатия приветствовали такое предложение, так как оно в значительной степени соответствовало интересам фашистских государств, оно существенно ослабляло неугодный Германии и Италии морской контроль, ставило фактически на одну доску законное правительство Испании и фашистских мятежников, содействуя признанию мятежников воюющей стороной, что, в свою очередь, дало им право устанавливать морскую блокаду республиканской Испании. Английский план был принят 5 июля 1938 г., но только после того, как Комитетом по невмешательству в этот план были внесены существенные поправки, предложенные советским правительством.

Весьма симптоматично, что именно в это время, т. е. в сентябре 1938 г. адмирал Карлс официально заявил «о проекте ведения морской войны против Англии», который включал такие элементы: а) «если, согласно решению фюрера, Германия хочет занять положение мировой державы, ей нужно не только достаточное количество колониальных владений, но также безопасные морские коммуникации и безопасный выход к океану; б) оба требования могут быть осуществлены лишь вопреки англо-французским интересам и путем ограничения господствующего положения этих стран как великих держав. Считается маловероятным, чтобы это могло быть достигнуто мирным путем. Следовательно, решение возвысить Германию в ранг морских держав толкает нас на необходимость проводить соответствующие военные приготовления; в) война с Англией в то же время означает войну против Британской империи, против Франции и, возможно, против России и против большого

количества заокеанских стран, другими словами, против 1/2 или 1/3 всего мира»¹.

Нельзя не обратить внимание и на то, что 16 апреля 1938 г. было заключено англо-итальянское соглашение, по которому Англия обязалась признать захват Италией Эфиопии, подтвердить право свободного прохода итальянских судов через Суэцкий канал. Компенсацией Италии было обязательство о немедленном выводе части итальянских «добровольцев» из Испании (остальных — после окончания гражданской войны). Налицо не только неравнозначность договорных обязательств сторон, но и нескрываемая Лондоном поддержка аннексионистских устремлений фашистской Италии.

Воспользовавшись условиями англо-германского морского соглашения от 18 июня 1935 г., Германия, как это следовало из ноты, врученной германским послом в Лондоне Г. Дирксеном лорду Галифаксу 10 декабря 1938 г., увеличивала тоннаж германского подводного флота до уровня тоннажа подводного флота Англии, изменялся также тоннаж и калибр строящихся немецких тяжелых крейсеров. Версальские договоренности продолжали «гореть белым пламенем».

В связи с денонсацией Германией англо-германского морского соглашения 1935 г. английское правительство в своем меморандуме по сему случаю указало, что оно не может признать оправданной и правомерной эту акцию германского правительства. Вместе с тем английское правительство высказалось за начало переговоров о заключении между Германией и Англией нового морского соглашения. Характеризуя же в целом настроения правящих кругов Англии в эти дни, германский посол в Лондоне Г. Дирксен в письме в министерство иностранных дел Германии от 24 июня 1939 г. выделил такие ключевые элементы, как: стремление Англии договориться с Германией, использование англо-франко-советских переговоров в Москве только в качестве прикрытия для будущих более серьезных переговоров с Германией. Дирксен писал: «Растет убеждение, что создание неагрессивного фронта должно служить лишь основанием и предпосылкой для конструктивной политики в отношении Германии»². Германский дипломат обращал внимание и на то, что англи-

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 23.

² Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Ser. D. Bd. 6. S.654.

чане исходят из того, что новые союзники и рост военного потенциала дадут английскому правительству возможность вести переговоры с Берлином о немецких требованиях в отношении колоний и по другим вопросам с более прочных позиций, чем при выработке Мюнхенского соглашения или в марте 1939 г. при подписании документов о ликвидации независимости Чехословакии. А речь Галифакса в палате лордов 8 июня 1939 г., в которой содержалось заявление о постоянном стремлении Англии «к взаимопониманию с Германией», Дирксен расценил как попытку «подготовить общественное мнение внутри страны к конструктивной политике в отношении Германии»¹.

Вот к каким выводам пришел постпред СССР в Великобритании И. М. Майский в отношении наметившейся постмюнхенской политики Чемберлена: «„Генеральная линия“ его — не на сопротивление, а дальнейшее отступление перед агрессором; отсутствие серьезных попыток противостоять германской политике в Юго-Восточной Европе (в окружении Чемберлена была распространена такая сентенция: „Какой смысл подкармливать корову, которую все равно зарежет Гитлер?“); явно капитулянтская позиция британского премьера в вопросе о колониях, что проявилось в том числе и в том, что Чемберлен в это время создал специальную комиссию для выработки плана или планов по удовлетворению колониальных притязаний Германии (работа этой комиссии вращалась главным образом около того проекта, который годом раньше развивался Шахтом и Герингом, в беседе с Галифаксом во время известного свидания последнего с Гитлером, т. е. речь шла о создании Германией себе „африканской империи“ в составе: Того, Камеруна, Анголы и большей части Бельгийского Конго)». Информировав об этом Москву специальным письмом от 25 октября 1938 г. И. М. Майский высказывал сомнение, «насколько Гитлер удовлетворился бы... подобным подарком, но его английские благодетели имеют в настоящее время в виду как раз только что названный проект». И далее он продолжил: «Не подлежит, конечно, ни малейшему сомнению, что получив колонии, Гитлер денонсирует англо-германский договор (если он не сделает этого раньше), но Чемберлен готов капитулировать и по данному пункту... В окружении премьера сейчас в большом ходу теория, что Германия „свирепствует“ лишь потому, что у нее „пустой

¹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Ser. D. Bd. 6. S. 654.

желудок“. Когда „желудок“ несколько заполнится, Германия станет спокойнее»¹.

В этом плане нельзя не обратить внимания на состоявшуюся 11–14 января 1939 г. поездку Н. Чемберлена и лорда Галифакса в Рим для переговоров с дуче. Советский постпред в Италии Б. Е. Штейн, анализируя итоги визита, информировал Москву о том, что, по его представлению, основной концепцией Чемберлена (а также Боннэ) является направление агрессором «оси Рим — Берлин» на Восток. «Для этой цели, — отмечал он, — необходимо сделать уступки на Западе, добиться временного удовлетворения притязаний „оси“ и таким путем изменить направление ее агрессии. Мне кажется, что основной целью визита Чемберлена и был зондаж Муссолини относительно подобной перспективы»².

В третьей декаде августа 1939 г. состоялся письменный «диалог» Гитлера и Чемберлена. 22 августа британский премьер-министр письменно обратился к Гитлеру с призывом «восстановить доверие, чтобы дать возможность проводить переговоры в атмосфере, отличной от той, которая преобладает сегодня»³, напомнив ему об объявленных им (Чемберленом) 31 марта 1939 г. в палате общин о таких гарантиях Польше: «В случае любой акции, которая будет явно угрожать независимости Польши и которой польское правительство, соответственно, сочтет необходимым оказать сопротивление своими национальными вооруженными силами, правительство Его Величества считает себя обязанным немедленно оказать польскому правительству всю поддержку, которая в его силах. Оно дало польскому правительству заверение в этом»⁴. Кроме того британский премьер-министр предлагал фюреру «обсудить более широкие проблемы, затрагивающие будущее международных отношений», в том числе и вопросы, представляющие интерес для Великобритании и Германии⁵.

Ответ Гитлера последовал 25 августа 1939 г., когда он через английского посла в Берлине Гендерсона передал письмо Чемберлену. В этом заочном диалоге Гитлер сыграл роль двуликого Януса.

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 84.

² Там же. Т. II. С. 375.

³ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 7. P. 127.

⁴ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 354.

⁵ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 7. P. 128.

С одной стороны, он при передаче письма английскому послу заявил, что всегда желал установления добрых отношений с Англией, более того он попросил посла лично довести до сведения британского правительства, что Германия хочет соглашения с Англией, а с другой — выставил условия, при соблюдении которых Берлин мог бы заключить соглашение с Англией и гарантировать целостность Британской империи: должны быть удовлетворены германские колониальные требования и не должны затрагиваться обязательства Германии в отношении ее союзников. Только при таких условиях фюрер обещал пойти на «разумные ограничения вооружений», он заявил, что «изменение границ на Западе не входит в его планы», более того, прозвучало заверение: «Западные укрепления, сооружение которых стоило миллиарды, являются окончательной границей рейха на Западе»¹.

Подобные рассуждения Гитлера (даже при жесткости выдвигаемых им «условий») внешне создавали впечатление, что он находится в рамках переговорного процесса. А британская дипломатия продолжала пребывать в состоянии благодушия, веря в возможность «умиротворения» агрессора. Ведь содержащееся в письме британского посла в Берлине министру иностранных дел Великобритании от 25 августа заявление о том, что «г-н Гитлер все еще хочет избежать мировой войны»² относится к тому времени, когда уже были отданы все приказы вооруженным силам Германии о начале операции «Вайс» (и британская разведка не могла не знать этого) и до 1 сентября, т. е. до начала войны оставались уже не месяцы и не недели, а считанные дни. В это же время кроме двусторонних англо-германских контактов Лондон использовал и другие, в том числе неофициальные контакты для переговоров с нацистами и для поиска возможного с ними компромисса за счет польского и других народов Восточной Европы. В этих условиях были использованы посреднические услуги представителя шведских деловых кругов Далеруса, с которым 25 августа встретился Геринг, вручивший ему германские «условия» соглашения с Лондоном. В ответном послании Галифакса Герингу, которое было передано на следующий день тем же Б. Далерусом, отмечалось: «Мы будем стремиться сохранить тот самый дух, который проявил фюрер: а именно, желание найти

¹ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 7. P. 227–229.

² Ibid. P. 235.

удовлетворительное решение вопросов, вызывающих в настоящее время беспокойство»¹. Параллельно Лондон осуществил активные дипломатические контакты с правительством фашистской Италии, стремясь использовать ее в качестве посредника в англо-германских отношениях. «Мы, конечно, не откажемся вести переговоры с Германией»², — такое заверение прозвучало со стороны Галифакса в его телефонном разговоре с министром иностранных дел Италии Г. Чиано 27 августа.

В новом послании рейхсканцлеру от 28 августа Чемберлен отметил, что он полностью разделяет его (Гитлера) желание «сделать дружбу основой отношений между Германией и Британской империей»³. Наряду с этим в очередной раз была подтверждена готовность Лондона оказать помощь Польше в случае конфликта. Отвечая на ранее переданные ему предложения фюрера, британский премьер-министр отметил: «Правительство Его Величества полностью готово принять их, с некоторыми дополнениями, в качестве темы для обсуждения, и оно было бы готово, если разногласия между Германией и Польшей будут улажены мирным путем, приступить так быстро к таким переговорам, как это окажется целесообразным, с искренним желанием достичь соглашения»⁴. При вручении фюреру послания британского премьер-министра, Гендерсон заявил Гитлеру: «Премьер-министр может довести до конца свою политику соглашения, если, но только если г-н Гитлер будет готов сотрудничать»⁵. Чем же ответил фюрер на такие предложения англичан? В ответном послании, которое было направлено Чемберлену на следующий день, т. е. 29 августа, в твердой форме прозвучало требование Гитлера передать Германии Данциг и «коридор», а также обеспечить права немецкого национального меньшинства на территории Польши. Скептически относясь к перспективам успешного исхода переговоров с польским правительством, фюрер из чисто дипломатических соображений заявил, что германская сторона, тем не менее, готова принять предложения Лондона и начать прямые переговоры с польским правительством.

¹ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 7. P. 283.

² Ibid. P. 302.

³ Ibid. P. 330.

⁴ Ibid. P. 331.

⁵ Ibid. P. 351–354.

В качестве «аргумента» было использовано то, что германским правительством получена «письменная декларация» о желании правительства Великобритании заключить «договор с Германией»¹. И в эти пустые обещания главы нацистского государства «умиротворители» из Лондона продолжали верить. Можно только удивляться тому, что в тот момент, когда стало известно, в том числе и Лондону, о сосредоточении на восточном фронте Германии 40 гитлеровских дивизий, готовых тот час же вторгнуться на польскую территорию, Галифакс заявлял на заседании правительства Великобритании, что «эта концентрация войск не является действенным аргументом против дальнейших переговоров с германским правительством»². Чего здесь больше — святой наивности? Политической близорукости? Неадекватного реагирования на реалии конфронтационной политики? Это уже детали. Главное результат — Гитлер переиграл Чемберлена, переговоры с фюрером изначально не имели никакой перспективы, он использовал их исключительно с целью локализации подготавливавшейся им войны с Польшей. Гитлер вел переговоры с Великобританией, в то же время готовясь к агрессии — вначале против Польши, а вслед за ней против западных демократий.

Проходившим летом 1939 г. секретным англо-германским переговорам Лондон придавал несравненно большее значение, чем переговорам с СССР. Кроме переговоров, которые английские дипломаты вели в Лондоне с германским эмиссаром Х. Вольтатом, английское правительство придавало, как и ранее, большое значение попыткам урегулирования англо-германских отношений при помощи шведских посредников Б. Деларуса и А. Веннера-Грена³. В это же время предпринял поездку в Германию газетный магнат лорд Кемели, который имел конфиденциальные беседы с рядом влиятельных нацистов, в том числе и с фюрером. А германский посол в Англии Г. Дирксен в составленной им в августе–сентябре 1939 г. записке, анализируя взгляды английских политиков на англо-германские отношения, информировал Берлин о том, что лейборист Р. Банстон по сравнению с У. Вильсоном «сильнее подчеркивал политическую сторону англо-

¹ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 7. P. 388–390.

² Public Record Office. Cab. 46/39. P. 423.

³ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 6. P. 483–484, 737–742, 760.

германского примирения, чем экономическую»¹. Это был важный ориентир для Берлина.

Инициатива в проведении англо-германских секретных переговоров исходила от ближайшего сотрудника и советника Чемберлена Г. Вильсона, который, как отмечал в своей записи германский посол в Англии Г. Дирксен, «развил широкую программу урегулирования англо-германских отношений». Хотя план и не был реализован в предложенном варианте, этот документ представляет большую ценность, так как дает ясную картину того, что именно влияло на позицию Англии на летних 1939 г. англо-германских секретных переговорах. Предложения Г. Вильсона в изложении Дирксена выглядели так: «Программа предусматривала соглашения политического, военного и экономического характера. В политической сфере предусматривался пакт о ненападении, заключающий отказ от принципа агрессии. Сокровенная цель этого договора заключалась в том, чтобы дать возможность англичанам постепенно отделаться от своих обязательств в отношении Польши на том основании, что они этим договором установили бы отказ Германии от методов агрессии. Затем должен был быть заключен договор о невмешательстве, который служил бы до некоторой степени маскировкой для разграничений сфер интересов великих держав. В военном отношении были предусмотрены переговоры о заключении соглашения об ограничении вооружений на суше, на море и в воздухе. В экономической сфере были сделаны предложения широкого масштаба, предусматривались переговоры по колониальным вопросам, об обеспечении Германии сырьем, о разграничении индустриальных рынков, по международным долгам, по применению клаузулы о наибольшем благоприятствовании»².

Эта программа Вильсона была сообщена чиновнику по особым поручениям ведомства по осуществлению четырехлетнего плана Германии Х. Вольтату и подтверждена германскому послу Дирксену, который воспринял ее «как официальный зондаж со стороны Англии, на который ожидается ответ Германии»³. При этом Дирксен не ограничился только передачей британских предложений в

¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. М., 1981. Т. 2. С. 290.

² Там же. С. 289.

³ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 168.

Берлин, но и сообщил важную для Берлина информацию о политическом самочувствии английской дипломатии: «Нельзя было не почувствовать тяжкую озабоченность английской стороны в связи с трудным положением, в котором находится британское правительство и до которого оно довело себя своими маневрами. С одной стороны, общественное мнение, взбудораженное правительственной политикой и антигерманским воздействием на него; с другой — стремление путем соглашения с Германией предотвратить войну, которую в противном случае считают неизбежной»¹. Дирксен сообщал также, что, как ему показалось, в данном случае для Англии «беспокойство о том, что политика окружения может пострадать, стоит... на втором плане, здесь (т. е. в Англии. — *Авт.*) преобладало впечатление, что возникшие за последние месяцы связи с другими государствами являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией»². И хотя в беседе Г. Дирксена с Г. Вильсоном привлечение к англо-германским секретным переговорам Франции и Италии «имело... только подчиненное значение», Вильсон все же сказал, что в случае заключения соглашения между Германией и Англией, «если бы было сочтено желательным, можно было бы, конечно, привлечь к нему Италию и Францию»³.

За многоходовым маневрированием Лондона (заигрывание с Гитлером, «трогательная» забота о «гарантиях» Польше, двулика политика в отношении СССР) просматривалась четкая тенденция: стремление любой ценой договорится с Гитлером, не считаясь с интересами других партнеров. Это особенно ярко проявилось по отношению к Польше. «С заключением англо-германской Антанты английская гарантийная политика будет фактически ликвидирована. Соглашение с Германией предоставит Англии возможность получить свободу в отношении Польши на том основании, что соглашение о ненападении защитит Польшу от германского нападения; таким образом, Англия освободилась бы начисто от своих обязательств. Тогда Польша была бы, так сказать оставлена в одиночестве

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 168.

² Там же.

³ Там же.

лицом к лицу с Германией¹ (подчеркнуто нами. — *Авт.*) — эти слова были сказаны германскому послу Г. Дирксену советником Чемберлена Г. Вильсоном и они (эти слова — *Авт.*) отражали не только личную точку зрения чиновника, но и в целом позицию британского кабинета министров. Именно поэтому на заседании правительства 2 августа 1939 г. Галифакс, комментируя позицию Лондона по польскому вопросу, заявил, что захват немцами Данцига «не следует рассматривать как представляющий собой *casus belli*»², что означало: в случае начала польско-германской войны из-за Данцига Великобритания не намерена приходить на помощь Польше. О «гарантиях» Польше не менее определенно высказался на заседании правительства и английский посол в Берлине Н. Гендерсон: «Реальная ценность нашей гарантии Польше состоит в том, чтобы дать возможность Польше прийти к урегулированию с Германией»³. Исходя именно из этого, посол предлагал осуществить новый нажим на Польшу и «заставить понять, что ради нее поставлено на карту»⁴. Даже когда Варшава отвергла предложение Гитлера о Данциге и «коридоре» (т. е. о «мирной» передаче их Германии), британская дипломатия продолжала заниматься самообманом, надеясь на невозможное — уступки фюрера. Высказавшись за прямые переговоры между Германией и Польшей, Галифакс на заседании правительства 27 августа 1939 г. заявил: «Мы стремимся достичь урегулирования с Германией». В свою очередь Чемберлен на этом же заседании сообщил, что уже недвусмысленно дал понять шведскому промышленнику Б. Деларусу, который был посредником секретных англо-германских переговоров, что поляки могут согласиться на передачу немцам Данцига⁵. Весьма показательно, что Чемберлен сделал такое заявление, не проводя с поляками никаких консультаций на этот счет, да и вообще обсуждать подобные вопросы с Польшей британское правительство избегало, не без оснований считая, что это «связано с некоторым риском потери доверия» к Англии со стороны поляков⁶.

¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. М., 1981. Т. 2. С. 291.

² Public Record Office. Cab. 40/30. P. 277.

³ Public Record Office. Cab. 43/39. P. 379.

⁴ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 7. P. 235.

⁵ Public Record Office. Cab. 44/39. P. 399, 401.

⁶ Ibid. P. 354.

Соглашаясь на начало переговоров с Советским Союзом Лондон в то же время предпринимал попытки договориться с Гитлером. Чемберлен в палате общин заявил 19 мая 1939 г., что английское правительство готово обсуждать методы, удовлетворяющие обоснованные претензии других стран, даже если в результате их применения существующее положение дел претерпит определенные изменения. В частности, британский премьер повел разговор о «множестве уступок», с которыми можно было бы согласиться без больших затруднений, если бы только существовала уверенность, что эти уступки будут использованы в тех случаях, ради которых они были сделаны¹. Вслед за этим последовал еще один шаг британской дипломатии: через германского посла в Лондоне Г. Дирксена было передано Гитлеру пожелание британского правительства, чтобы тот сделал публичное заявление с указанием того, что Германия хочет мира, и чтобы были перечислены вопросы для возможных англо-германских переговоров. Как подчеркнул Галифакс при передаче этих предложений Г. Дирксену, такой шаг со стороны Гитлера встретил бы «благожелательный отклик в официальных кругах Англии» и открыл бы двери для дальнейшего улучшения англо-германских отношений². Стремление Англии к достижению договоренностей с Германией было подтверждено и в письменном ответе Чемберлена на запрос в палате общин 8 июня 1939 г. При этом он сделал существенное уточнение: любые предположения о том, что Англия «желает изолировать Германию, или стать на пути ее естественной и законной торговой экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе, или планировать против нее войну, являются фантастическими»³. А вечером того же дня в неофициальной беседе с представителем правящих кругов Германии Трот цу Зольцем британский премьер высказал ему мысль, что «европейская проблема может быть решена лишь по линии Берлин—Лондон»⁴.

И еще об одном вопросе. Активность британских и французских промышленных и финансовых кругов по оказанию Германии экономической помощи, которая была ей необходима прежде всего в целях выполнения громадной программы наращивания вооружений,

¹ Parliamentary Debats. House of Commons. Vol. 347. Col. 1840.

² Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 5. P. 600–603.

³ Parliamentary Debats. House of Commons. Vol. 348. Col. 635–636.

⁴ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Ser. D. Bd. 6. S.568.

имела целью побудить Гитлера занять менее враждебную позицию в отношении западных стран и поощрить его экспансию на Восток. Для реализации этой цели по просьбе британского правительства бывший премьер-министр Бельгии П. Ван-Зееланд подготовил даже специальный доклад о возможностях более тесного экономического и политического сотрудничества между Соединенными Штатами Америки, Англией, Францией, Германией и Италией. Содержание опубликованного в январе 1938 г. доклада составили следующие предложения: расширение международного экономического сотрудничества; снижение таможенных пошлин; отмена всех пошлин и ограничений, касающихся экспорта сырья; создание специального фонда при Банке международных расчетов для субсидирования закупок сырья странами, бедными сырьем. Такие внешне привлекательные и не вызывающие на первый взгляд критических суждений предложения явились фактически маскировкой предложений о предоставлении крупных займов для Германии и Италии. Для обсуждения доклада Ван-Зееланда предлагалось провести конференцию ряда стран (по крайней мере Франции, Англии, США, Германии и Италии), однако все более обостряющаяся обстановка на континенте не благоприятствовала созыву такой встречи.

5. Вопреки французскому честолюбию

Как бы это не ущемляло честолюбие французской дипломатии в ее отношении к возрастающей фашистской угрозе, факт остается фактом: в этих вопросах она следовала в фарватере британского внешнеполитического курса. Еще в ходе Мюнхенской конференции глава французского правительства Даладье в беседах с фашистским диктатором Италии Муссолини выразил готовность признать де-факто фашистский режим Франко в Испании. Французское правительство не однократно давало понять Берлину, что оно после Мюнхена фактически не придает особого значения своим договорам с СССР¹ и Польшей, признавая Восточную Европу сферой влияния Германии.

¹ Договор о взаимопомощи между СССР и Францией подписан в обстановке растущей угрозы германской агрессии. Договор устанавливал: в случае угрозы или опасности нападения со стороны какого-либо европейского государства на одну из сторон, Франция и СССР приступают к немедленным консультациям; стороны

По мнению Г. Киссинджера, франко-советское соглашение 1935 г. продемонстрировало «весь диапазон французской политической и психологической демократизации». Если до Первой мировой войны Париж охотно шел на политический альянс с Россией, добившись превращения политического взаимопонимания в военный пакт, то в 1935 г. положение Франции в стратегическом смысле было намного слабее, «нужда в советской военной поддержке стала совершенно отчаянной». И несмотря на это при заключении с Советским Союзом альянса политического характера Франция особого энтузиазма не проявляла, более того переговоры представителей военных штабов она решительно отвергла, а советских наблюдателей на свои ежегодные маневры она не допускала даже в 1937 г.¹ Г. Киссинджер назвал три причины «столь отстраненного поведения французских лидеров, лишь увеличивающего врожденное недоверие Сталина к западным демократиям»: «Во-первых, они опасались, как бы сближение с Советским Союзом не ослабило необходимые для Франции связи с Великобританией. Во-вторых, восточноевропейские союзники Франции, находившиеся между Советским Союзом и Германией, не были готовы допустить советские войска на свою территорию, делая затруднительными переговоры между французскими и советскими штабами. Наконец, еще в 1938 г. французские руководители были до такой степени напуганы Германией, что опасались, будто штабные переговоры с Советским Союзом, по словам тогдашнего премьер-министра Шотана „вызовут объявление войны Германией“»².

Улучшению франко-германских отношений было уделено основное внимание в ходе состоявшегося 18 октября 1938 г. приема

обязывались оказать немедленную помощь и поддержку подвергшейся неспровоцированному нападению третьей европейской державе; одновременно был подписан протокол, уточняющий его положение, порядок оказания взаимной помощи; в протоколе указывалось, что оба правительства считают желательным заключение регионального соглашения о взаимной помощи, которое должно заменить собой договор. Ратификация договора задерживалась по вине Лавала, и только после его ухода в отставку договор был ратифицирован палатой депутатов Франции 27 февраля, а сенатом 12 марта 1938 г. Переговоры же по практической реализации договора начались только в 1939 г. после оккупации германскими войсками Чехословакии. В переговорах приняло участие правительство Англии, однако по вине французской и британской дипломатии, не желавшей сотрудничать с СССР, они были сорваны.

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 265.

² Там же. С. 265–266.

Гитлером французского посла А. Франсуа-Понсе с прощальным визитом в связи с назначением его послом в Италию. Предложения, внесенные французским дипломатом от имени французского правительства, включали такие пункты: окончательное признание франко-германской границы, проведение консультаций между двумя странами по сложным внешнеполитическим вопросам, предоставление совместных гарантий Бельгии, запрещение и ограничение бомбардировок в целях «гуманизации» войны, заключение соглашения по валютным вопросам. Дальнейшие дипломатические переговоры привели к достижению согласия о подписании 6 декабря 1938 г. франко-германской декларации.

Услужливость французской дипломатии перед немецкой стороной приводила даже к преднамеренной дезинформации советского правительства, являющегося союзником Франции. Это произошло, в частности, в ходе встречи советского полпреда Я. З. Сурица с Боннэ, на которой последний ознакомил своего собеседника с результатами состоявшихся 6–8 декабря 1938 г. его переговоров в Париже с Риббентропом. Так, глава французского внешнеполитического ведомства ничего не сказал о настойчивых заявлениях нацистского министра о том, что Германия рассматривает Восточную Европу как «область своих интересов» (против этого Боннэ не выдвинул никаких возражений, тем самым как бы молчаливо солидаризируясь с германской позицией). Не упомянул Боннэ в беседе с Сурицем и о том, что Риббентроп в недоброжелательной форме говорил о советско-французском договоре, а он, Боннэ, не только пытался принизить значение договора, но даже отмежевался от него и возложил ответственность за его подписание на других, но зато в подчеркнутой форме заверил немецкого гостя, что французское правительство «абсолютно враждебно большевизму»¹.

А как повело себя французское правительство после Мюнхенского сговора? Конкретные факты свидетельствуют, что оно стало предпринимать новые дипломатические и политические усилия по дальнейшему сближению с нацистской Германией. Одним из шагов в этом направлении стал зондаж о возможности визита во Францию главного дипломата нацистской Германии Риббентропа, проведенный 13 октября 1938 г. французским послом в Германии А. Франсуа-Понсе в беседе со статс-секретарем германского МИДа Э. Вайцеккером.

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 377.

В качестве возможных тем франко-германской встречи французский посол назвал: заключение между Германией и Францией пакта о ненападении, соглашения о консультациях, а также соглашения по финансовым вопросам. Однако, как сразу же выяснилось, в планы Гитлера не входило заключение с Францией таких далеко идущих соглашений, и стороны ограничились подписанием декларации. Тем не менее франко-германская декларация стала важным политическим документом. Это был своего рода пакт о ненападении, перечеркнувший, по существу, заключенный в 1935 г. советско-французский договор о взаимной помощи. К тому же, по свидетельству тогдашнего посла Франции в Польше Л. Ноэлля, руководитель внешнеполитического ведомства Франции Ж. Боннэ заявил ему тогда, что намерен «денонсировать целиком и полностью соглашения, заключенные Францией на Востоке. Наряду с франко-польскими соглашениями он подразумевал под этим, безусловно, франко-польский пакт о взаимной помощи»¹.

Расчеты правящих кругов Франции строились на том, что декларация, подписанная в итоге переговоров Боннэ и Риббентропа, должна обеспечить безопасность Франции, а Германия получит свободу действий в Европе. Позже Поль Рейно, характеризуя французскую дипломатию тех дней, отметил: «Сам Боннэ в циркулярной записке всем послам заявил, что в результате этих переговоров у него сложилось впечатление, что отныне германская политика будет направлена на борьбу с большевизмом. Рейх дал понять о наличии у него стремления к экспансии в восточном направлении»². Франко-германская декларация стала поощрением агрессивных планов фашистской Германии, так как этот акт со стороны Франции укреплял у руководства рейха мнение о том, что уже ничто не остановит его движение на Восток и что Польша в случае, если она будет подвергнута нападению, в тот же день, в свою очередь, будет брошена Францией.

В конечном же итоге, франко-германская декларация, как и англо-германская декларация от 30 сентября 1938 г., свидетельствовали о полном отказе правящих кругов Великобритании и Франции от политики коллективной безопасности, коллективного отпора агрессии и означала формирование единого блока ведущих европейских держав на антимосковской основе.

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 376.

² Там же.

Разумеется, такое поведение Лондона и Парижа еще больше укрепило недоверие к ним со стороны Сталина и не могло не повлиять на ход англо-франко-советских переговоров 1939 г.

Ж. Боннэ в беседе с германским послом в Париже заявил 24 января 1939 г., что он уже заявил Риббентропу «о своей положительной позиции в отношении победы Франко» и «намерен в данное время установить дипломатические отношения с Франко». Коснувшись франко-итальянских отношений, глава французского внешнеполитического ведомства подчеркнул, что «он сделал все, чтобы их улучшить и пойти на встречу высказанным в свое время пожеланиям Муссолини»¹.

Не может не обратить на себя внимание тональность состоявшейся 1 июля 1939 г. беседы Ж. Боннэ с германским послом Й. Вильчеком, который выполнял поручение Берлина изложить французской стороне некоторые соображения, касающиеся польско-германских отношений. Сославшись на военную и этнополитическую мощь рейха, германский дипломат недвусмысленно дал понять, что Берлин намерен «урегулировать» свои отношения с Польшей еще в 1939 г. Как Гитлер намеревался «урегулировать» эту проблему, Боннэ стало ясно после того, как Вильчек фактически пригрозил ему катастрофическими последствиями, которые возникнут для Франции, если она будет оказывать помощь Польше. Казалось бы, такие угрозы должны были бы задеть честолюбие главы французского внешнеполитического ведомства. Но, как говорится, не тут-то было. Как сообщил посол в Берлин, Боннэ «очень полно характеризовал свои заслуги в деле достижения взаимопонимания с Германией и в осуществлении Мюнхенского соглашения, которое призвано было путем исключения в будущем применения силы создать основу для урегулирования всех спорных претензий Германии»². Достижение такого урегулирования Боннэ видел в том, чтобы «состояние напряженности на восточной границе Германии, особенно в Данциге, уступило место более спокойной атмосфере»³. При этом француз в ходе беседы ссылался на «отношения дружбы и доверия», которые у него лично сложились с Риббентропом, и попросил собеседника передать германскому министру записку, в которой содержалось

¹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Ser. D. Bd. 4. S.428–429.

² Ibid. S.693.

³ Ibid.

напоминание о существовании франко-польского союза и французской декларации о предоставлении гарантий Греции и Румынии, а также сообщение о том, что в случае какой-либо акции, имеющей целью изменить статус-кво в Данциге и вызвать тем самым вооруженное сопротивление со стороны Польши, Франция вынуждена была бы ввести в действие франко-польское соглашение¹.

Политика уступок Германии правящими французскими кругами в предвоенные годы закончилась для Польши роковыми последствиями. Дуализм французской дипломатии проявился в том, что, с одной стороны, она фактически отказалась выполнять свои союзнические обязательства по отношению к Чехословакии, ограничиваясь уступчивым «словесным маневрированием», она все делала для того, чтобы не пришлось выполнять аналогичные обязательства и по отношению к Польше, а с другой — на протяжении 1938–1939 гг. Франция подтверждала готовность «любой ценой» договориться с Гитлером и пойти на соглашение с ним, что практически означало политическую капитуляцию. Франко-германская же декларация, подписанная 6 декабря 1938 г., еще больше укрепила у Гитлера и Риббентропа мнение о том, что никто не воспрепятствует осуществлению нацистского броска на Восток, и что в случае нападения на Польшу она будет брошена Францией на произвол судьбы, т. е. произойдет нечто аналогичное тому, как Чехословакия была покинута Францией с ее широко декларируемыми «гарантиями» для Праги. Но к весне 1938 г. оказалось, что Франция «переиграла» саму себя — именно к этому времени расширяющаяся фашистская агрессия стала реальной угрозой и для нее. В этот момент Париж ощутил необходимость укрепления франко-польских союзнических отношений, что нашло отражение в подтверждении в апреле 1938 г. провозглашенных «гарантий» Польше в случае нацистской агрессии. Но в ходе начавшихся франко-польских переговоров французскому министру иностранных дел Боннэ удалось так искусно оформить обязательства, что они могли быть аннулированы Францией в любое время под каким-либо подходящим предлогом. И такой предлог долго не пришлось ожидать — французская дипломатия стала делать ставку на нежелание польского правительства согласиться на получение военной помощи от СССР. Боннэ «добивался» согласия на проход советских войск, рассчитывая на то, что получить этого

¹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Ser. D. Bd. 4. S.692.

согласия не удастся. Переговоры с советским правительством в Москве, которые Франция вела в это время вместе с Англией, французская дипломатия выстраивала таким образом, чтобы сохранить возможность в критическую минуту отказаться и от подписания пакта с Москвой и от выполнения обязательств в отношении Варшавы. Таким маневрированием Париж как бы резервировал за собой возможность действовать по ситуации: либо заключить сделку с фюрером, либо покинуть Польшу в расчете на то, что, разгромив ее, нацистская армада вторгнется затем в пределы СССР.

А как относилась Германия к «гарантиям» чехословацкому правительству, которые провозгласила Франция? Риббентроп на этот счет высказался совершенно однозначно, например, в беседе с Боннэ 6 декабря 1938 г.: «Германия рассматривает французские гарантии Чехословакии как вмешательство в сферу наших интересов». Он недвусмысленно заявил, «что идея таких гарантий не будет способствовать взаимопониманию»¹ между Германией и Францией.

Реальностью является и то, что коньком нацистской пропаганды как до, так и после Мюнхена была независимость Украины. В этот период (декабрь 1938—январь 1939 гг.) Гитлер предлагал Польше совместно выступить против СССР для раздела Украины. Каково же было отношение к этому Франции? Министр иностранных дел Боннэ, выступая в комиссии сената по иностранным делам 14 декабря 1938 г., продемонстрировал неприкрытое двурушничество, которое характеризовало французскую дипломатию того времени: с одной стороны, он подтвердил, что соглашения Франции с Польшей и СССР остаются в силе, а с другой — сразу же резервировал французскую позицию на случай, «если Россия и Польша не смогут воспрепятствовать чересчур сильному автономистскому движению, имеющему целью образование независимой Украинской Республики»². Как отметила «Ля Ревю политик э парламантэр» от 10 января 1939 г.: «Таким образом, Боннэ совершенно ясно предупредил Германию, что, применяя для фашизации Украины методы, которые привели к аннексии судетских территорий, она совершенно не рискует тем, что Франция вмешается»³. Отдавая Украину немцам, Боннэ именно 14 декабря 1938 г. направил руководителям французских

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 136.

² Цит. по: Бувье Ж., Гакон Ж. Правда о 1939 годе. М., 1955. С. 37.

³ Там же.

диппредствительств в крупнейших столицах мира специальную ноту об итогах «широкого обмена мнениями» с Риббентропом, в ходе которого с французской стороны не выдвигалось никаких возражений, а только демонстрировалось «полное удовлетворение». «Риббентроп, — писал Боннэ французским послам, — старался убедить меня, что, по его мнению, ничто не препятствует гармонизации (подчеркнуто нами. — *Авт.*) отношений между четырьмя державами, что фактически может привести к установлению сотрудничества обеих осей»¹ (выражение «две оси» означает ось «Берлин — Рим» и ось «Париж — Лондон». — *Авт.*).

6. С позиций американского «изоляционизма»

...Сколько раз человечеству приходилось удивляться загадочности ее величества Истории, осмысливая события которой волею-неволею начинаешь верить в ее магическое свойство, когда она предстает не только как цепь организованных государствами, политическими партиями, личностями событий, но и в виде ее (истории) «самостоятельно» расставленных акцентов, которые, не будучи «спланированными», тем не менее органично вплетаются в общую ткань исторического бытия. В самом деле, как можно было «спроектировать», чтобы в рамках 1933 г. рядом стали две даты, связанные, без преувеличения будет сказано, с судьбой человечества: с одной стороны, приход к власти Гитлера (рейхсканцлером), который вскоре пойдет войной не только против коммунистического СССР, но и против западных демократий, а с другой — установление дипломатических отношений США с Советским Союзом после шестнадцатилетнего непризнания его, с которым (СССР) уже через восемь лет Вашингтон (наряду с другими странами) станет фундатором антигитлеровской коалиции, которая ценой небывалых в истории жертв спасет человечество от «коричневой чумы» и с помощью Международного Нюрнбергского Трибунала совершит праведный Суд Истории. Но, перед тем, как это совершилось, опять-таки произошло много трагических событий, свидетельствующих о том, как ее (истории) тревожные импульсы неадекватно воспринимались

¹ Цит. по: Бувье Ж., Гакон Ж. Правда о 1939 году. М., 1955. С. 37.

теми политическими силами, от которых действительно зависел «организованный» ход истории. Уже в ходе Второй мировой войны государственный секретарь США Э. Стеттинус сделал признание о том, что если бы западные демократии «захотели остановить Японию в 1931 г., Италию в 1935 г. и Германию в 1936 г., если необходимо, то и силой оружия, мы смогли бы избежать необходимости вести самую большую войну в истории»¹ (подчеркнуто нами. — *Авт.*). Почему же такое признание сделано «вдогонку» истории? Почему буквально за неделю до нападения Гитлера на СССР в объявленном Меморандуме госдепартамента США от 14 июня 1941 г. провозглашалось, что США «не предпримут никаких шагов к сближению с Советским Союзом», а также содержался призыв к «сдержанности» в случае соответствующих советских инициатив?

При поиске ответов на эти вопросы нельзя не обратить внимание на то, что, несмотря на проводившуюся в предвоенные годы правительством США политику изоляционизма², американская дипломатия не была «нейтральной» по отношению к набирающему силу гитлеризму, она сыграла немаловажную роль в том числе и в подготовке Мюнхенского сговора. Так, государственный секретарь США К. Хэлл, получив информацию о предполагаемой встрече Гитлера с Н. Чемберленом, 15 сентября 1938 г. заявил: «За сегодняшней исторической встречей премьер-министра Великобритании и канцлера Германии, разумеется, с величайшим интересом следят все народы, глубоко заинтересованные в сохранении мира»³. Англо-французскую политику «умиротворения» Германии за счет Чехословакии активно поддерживали американские послы в Великобритании и Франции — Дж. Кеннеди и У. Буллит, которые, впрочем, не ограничились только демонстрацией своей точки зрения и в ряде случаев прибегали к «нажимным» методам работы. Так, Буллит, оказывая давление на французское правительство, пригрозил, что в случае франко-германского конфликта Париж не должен рассчитывать на поддержку со стороны Вашингтона, более того, он даже уведомил

¹ *Stettinius E. Lend-Lease. Weapon for Victory. N.-Y., 1944. P. 3.*

² Изоляционизм выступал против осуществления правительством США активной политики вне пределов американского континента; как политическое течение возник в США в XVIII в.; несостоятельность этой политики особенно сильно проявилась накануне Второй мировой войны.

³ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 371.

французское правительство, что в случае войны, США не сможет поставить заказанные Францией в мае 1938 г. самолеты для французских военно-воздушных сил (в силу законов США о нейтралитете).

И все же различные обращения американского правительства, как правило, облачались в форму внешне благовидных призывов к миру и фактически были проявлением все той же политики «умиротворения» агрессора, так как она в конечном итоге содействовала удовлетворению «мирным» путем экспансионистских устремлений гитлеровской Германии в отношении Чехословакии.

Свою лепту в подготовку Мюнхенской встречи внес и Ф. Рузвельт, который 26 сентября и дважды 27 сентября 1938 г. направил послания Гитлеру, Муссолини, Чемберлену, Даладьё и Бенешу, в которых содержался призыв приложить новые усилия для предотвращения вооруженного столкновения, созвав с этой целью конференцию «непосредственно заинтересованных стран»¹. Такая американская политика «умиротворения» агрессора получила высокую оценку у британских политиков и дипломатов. Так, Галифакс 29 сентября 1938 г. выразил послу США Дж. Кеннеди глубочайшую «благодарность правительства Его Величества за помощь, которую оказал президент своим вмешательством в последние два или три дня»².

Не удержался от положительных оценок Мюнхенского сговора и заместитель госсекретаря США С. Уэллс, заговоривший в данном случае не только от своего имени: «Каждый гражданин Соединенных Штатов разделяет всеобщее облегчение по поводу того, что война предотвращена (т. е. Судетская область захвачена Гитлером не вооруженным, а „мирным“ путем. — *Авт.*)... Сегодня быть может в большей степени, чем в любое иное время на протяжении последних двух десятилетий, имеется возможность для установления всеми странами нового мирового порядка, основанного на справедливости и законности»³.

Летом 1938 г. состоялось несколько бесед американского посла в Лондоне Дж. Кеннеди с германским послом Г. Дирксеном. В ходе встречи 13 июля 1938 г. дипломат заявил своему германскому собеседнику, что «Соединенные Штаты должны будут установить дружественные отношения с Германией». Как отмечал Дирксен, Кеннеди

¹ Foreign Relation of the United States. 1939. Vol. 1. P. 657–658, 677, 685.

² Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 2. P. 625.

³ Documents on International Affairs, 1938. London, 1943. Vol. 2. P. 306.

«неоднократно выражал свое убеждение в том, что в экономических вопросах Германия должна иметь свободу рук на Востоке и Юго-Востоке. Положение Советского Союза он оценивал крайне пессимистично»¹, т. е. американский посол недвусмысленно давал понять, что Вашингтон не намерен выступать против германской экспансии на Восток, тем более, если она будет направлена против СССР.

Весьма показательны и такие детали этой беседы. Дж. Кеннеди, заявил, что он «с пониманием и симпатией относится к нынешней Германии», хотел бы внести свой вклад в налаживание американо-германских отношений. Поэтому как человек, близкий к президенту Рузвельту, который, по его словам, в то время не допускал к себе тех людей, «которые с симпатией относятся к Германии», Дж. Кеннеди хотел бы добиться аудиенции у Гитлера. При этом американский посол отметил даже, что, как он полагает, его беседа с фюрером «может оказаться плодотворной и по той причине, что он много слышал от премьера Чемберлена о впечатлениях последнего, полученных им во время переговоров в Германии. Чемберлен, прежде всего, убежден в искренности фюрера и в его доброй воле, а также в том, что фюрер будет навсегда придерживаться взятых на себя обязательств»².

Подчеркнуто прогерманскую направленность имели два таких «посыла» Дж. Кеннеди: а) в беседе с Дирксеном он неоднократно подчеркивал «симпатию, с которой средний американец относится к немцу и которая превосходит чувство дружбы, питаемое американцем к среднему англичанину»; б) как и в прошлых беседах, Кеннеди и в данном случае говорил о том, что в США «имеют место очень сильные антисемитские тенденции и что широкие слои населения проявляют понимание позиции немцев в отношении евреев»³ (подчеркнуто нами. — *Авт.*).

Как выразился В. Молотов, выступая 31 мая 1939 г. на сессии Верховного Совета СССР, «духом миролюбия» было проникнуто направленное 14 апреля 1939 г. президентом США Ф. Рузвельтом послание Гитлеру и Муссолини. Американский президент призвал их к решению существующих проблем за столом переговоров, т. е. мирным

¹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Ser. D. Bd. 1. S.580–584.

² Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 62.

³ Там же. С. 63.

путем, а также запросил фюрера и дуче, согласны ли они подтвердить заверения в том, что их вооруженные силы в течение 10 или 25 лет не совершат нападения на перечисленные им в этом послании 30 европейских и ближневосточных стран.

В свою очередь Рузвельт заявил не только о готовности США принять участие в переговорах о разоружении и расширении международной торговли, но и в случае согласия Гитлера и Муссолини с его предложениями, осуществить услуги «добротного посредника».

Какова же была ответная реакция? Предложения Рузвельта отвергли — Муссолини сделал это в своей речи 20 апреля 1939 г., а Гитлер в своем выступлении 28 апреля 1939 г. Более того, Берлин и Рим именно в это время обострили военно-политическую обстановку в Европе: глава германского государства уничтожил два важных международных договора — морское соглашение Германии с Англией и пакт о ненападении между Германией и Польшей; а 22 мая 1939 г. Германия и Италия заключили военно-политический договор наступательного характера, в соответствии с которым стороны обязались поддерживать друг друга в любых военных действиях, начинаемых одной из этих стран, включая любую агрессию, любую наступательную войну. При этом не скрывалось, что военно-политический договор между Германией и Италией направлен не столько на поддержку так называемого «антикоминтерновского пакта», который имел явную антисоветскую направленность, сколько против главных европейских демократических стран.

А 27 сентября 1940 г. между Германией, Италией и Японией был заключен тройственный союз, после чего, в числе других шагов, Германия стала побуждать Японию напасть на британские владения на Дальнем Востоке. Берлин при этом исходил из того, что именно таким путем можно ускорить поражение Англии и предотвратить вступление США в войну. Вместе с тем, как установил Нюрнбергский Трибунал, обсуждался вопрос о возможности непосредственного нападения на США, и это считалось вопросом недалекого будущего. Война Германии против США рассматривалась в качестве завершающего этапа (после завоевания Англии) установления нацистами мирового господства.

Фалькенштейн, офицер воздушных сил при оперативном штабе ОКВ, анализируя обсуждавшиеся в Берлине в октябре 1940 г. военные проблемы, отмечал, что тогда признавалась возможность «вступления

в войну против Америки позднее»¹. В Приговоре Нюрнбергского Трибунала четко определено, что в ситуации, о которой в данном случае идет речь, «германская политика, заключающаяся в том, чтобы предотвратить, если возможно, вступление Америки в войну, не мешала Германии обещать поддержку Японии даже против Соединенных Штатов»².

Вскоре эти стратегические установки были воплощены в конкретные политические акции. Так, в ходе состоявшейся 4 апреля 1941 г. беседы с японским министром иностранных дел Мацуока Гитлер в присутствии Риббентропа заявил, что в случае если нападение Японии на Сингапур приведет к войне между Японией и США, Германия «нанесет удар без промедления». Риббентроп в свою очередь буквально на следующий день потребовал от главы японского внешнеполитического ведомства вступления Японии в войну. Подписанной Гитлером директивой № 32 предусматривалось, что после победы над Советским Союзом нацистская экспансия будет направлена против Англии и США. Как зафиксировано в дневнике верховного главнокомандования от 4 июня 1941 г., для этих целей предусматривалось «создание европейско-африканского бастиона против англо-американской коалиции». Что собой должен представлять этот противостоящий Англии и США бастион, 3 июля 1941 г. описал в своем дневнике начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер: «Подготовка наступления в направлении междуречья Нила и Евфрата как со стороны Киренаики, так и через Анатолию и, возможно, с Кавказа на Иран... Операция через Анатолию против Сирии, в сочетании с вспомогательной операцией с Кавказа, будет начата после развертывания необходимых сил в Болгарии, которые одновременно следует использовать для политического нажима на Турцию, чтобы добиться от нее пропуска войск».

О своем намерении «предпринять энергичные действия против США» Гитлер заявил на состоявшемся 25 июля 1941 г. (т. е. спустя чуть больше месяца после начала операции «Барбаросса») совещании с главнокомандующим ВМС Редером. Бомбардировку американских городов восточной части США планировалось начать уже осенью 1941 г. С этой целью предполагалось занятие Азорских островов,

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 359.

² Там же.

опорных пунктов на западном побережье Африки, в Исландии, а также в Бразилии.

К нападению на США и Великобританию Риббентроп подстрекал Японию через ее посла в Берлине 28 ноября 1941 г., т. е. за десять дней до нападения на Перл-Харбор, заявляя при этом, что в случае, если Япония будет вовлечена в войну с США, Германия вступит в войну немедленно. Когда же Германия и Италия были проинформированы японскими представителями о том, что Токио ведет подготовку к нападению на США и просит оказать поддержку, Берлин и Рим подтвердили свое согласие на оказание помощи Японии, вопреки тому, что в тройственном пакте предусматривалась такая помощь только в том случае, если Япония подверглась бы нападению. Когда же нападением на флот США в Перл-Харборе Япония начала агрессивную войну против Америки, Германия приняла решение немедленно вступить в эту войну на стороне Японии и объявить войну США. Так завершилось участие Вашингтона в политике «умиротворения» агрессора с позиций американского «изоляционизма». Остается лишь вспомнить в этой связи, что говорилось Гитлером в его сочинении «Вторая книга», изданном еще в 1928 г., о неизбежности борьбы между США и Европой, которую должны будут возглавить немцы, и о «включении Соединенных Штатов в германскую мировую империю»...

7. Германо-польский сюжет предвоенной европейской дипломатии

Да, Польша стала жертвой нацистской агрессии, она подверглась неспровоцированному нападению гитлеровских войск, что послужило началом Второй мировой войны. Но у этой бесспорной истины есть и вторая сторона: так ли уж невинна была жертва, и не совершала ли сама Польша в предвоенные годы такие шаги в своей внешней политике, которые способствовали накоплению на европейском континенте конфронтационного милитаристского потенциала? Ведь неоспоримым фактом является то, что отношения будущей «жертвы» и агрессора были весьма теплыми.

О том, что после прихода Гитлера к власти, Польша связала свою судьбу с агрессивными державами, угрожающими общему миру, и что она решила поддерживать их политику, направленную против

Советского Союза, свидетельствуют многочисленные факты. В новых условиях она сделала такие политические шаги, как: создание трудностей при заключении с СССР пакта о ненападении; отказ от опубликования совместной с Советским Союзом Балтийской декларации 1933 г., предупреждавшей Германию от агрессии против Прибалтики; активное противодействие польского правительства осуществлению Восточного регионального пакта, направленного на обеспечение взаимной защиты от агрессии со стороны Германии; защита позиций Италии, Германии и Японии в Лиге Наций, агрессивные выступления против Литвы и Чехословакии. С трибуны Лиги Наций польские дипломаты оправдывали вероломные нарушения гитлеровской Германией Версальского и Локарнского договоров, поддерживали введение в Германии всеобщей воинской обязанности, выступали за отмену для Германии военных ограничений и за вступление гитлеровских войск в демилитаризованную Рейнскую зону в 1936 г. По отношению к агрессивным государствам, вовлеченным в крупные международные конфликты в предвоенный период, Польша, как правило, занимала сторону агрессора; это четко проявилось и при захвате Италией Эфиопии, и в отношении к гражданской войне в Испании, и при нападении Японии на Китай, и при захвате Германией Австрии (аншлюс), и при расчленении Чехословакии.

С другой стороны, нацистская Германия поощряла экспансионистские притязания Польши, в том числе и колониальные. Так, министр иностранных дел Польши Бек в выступлении в бюджетной комиссии сейма 12 января 1937 г. с сожалением заявил, что проблемы эмиграции населения и получения сырья уже не могут решаться прежней системой так называемых колониальных вопросов. В шумную демонстрацию с требованием заморских колоний для Польши превратился помпезно отмеченный 18 апреля 1938 г. «день колоний», проведенный под руководством и по поручению правительства генералом Сосиковским. В кинотеатрах демонстрировались фильмы на колониальные темы, а в костелах по сему случаю были проведены специальные торжественные службы. А в разработанной высшим советом Лагеря национального освобождения (польская правящая партия) и опубликованной 11 марта 1939 г. польской программе по колониальному вопросу содержалось заявление, что Польша, подобно другим европейским державам, должна иметь доступ к колониям. Такое же требование содержалось в выступлении

генерала Сосиковского в Гдыне 10 февраля 1939 г. по случаю спуска на воду новой подводной лодки «Орёл».

Неслучайным является и то, что Польша явилась первой страной, подписавшей с Гитлером уже 25 января 1934 г. двусторонний межгосударственный акт, — декларацию о дружбе и ненападении между Германией и Польшей. Затем последовало множество других двусторонних актов, имевших, кстати, общую черту — планирование совместных действий против СССР.

Предложенная же 24 октября 1938 г. И. Риббентропом польскому послу в Берлине Ю. Липскому широкая программа германопольского альянса наряду с укреплением «дружбы» между двумя странами предполагала проводить «общую политику» в отношении России на базе антикоминтерновского пакта¹. Риббентроп выдвинул также предложение об общем урегулировании спорных проблем, существующих между Польшей и Германией, к которым он отнес прежде всего «воссоединение Данцига с рейхом», при этом Польше давались заверения в сохранении за ней в Данциге благоприятных условий в области железнодорожного сообщения и экономики (речь могла идти о строительстве экстерриториальной автомобильной дороги и железнодорожной линии через Поморье). В числе предложений нацистского дипломата значились также пункты о возможности продления польско-германского соглашения на 25 лет, о гарантиях польско-германских границ, о совместных действиях по колониальным вопросам, а также по вопросам эмиграции евреев из Польши. Коснувшись спорной проблемы «объединения Прикарпатской Руси с Венгрией», Риббентроп заявил, «что, если польское правительство согласилось бы с немецкой концепцией относительно Данцига и автомобильной дороги, вопрос о Прикарпатской Руси мог бы быть решен в соответствии с позицией по этому вопросу Польши»².

Столь «многообещающая» нацистская инициатива в Варшаве была воспринята одобрительно, хотя некоторые пункты риббентроповских предложений были восприняты неоднозначно. Это касалось прежде всего Данцига, который поляки не хотели отдавать немцам, а также «русской проблемы», которую, по мнению экстремистски настроенных польских деятелей, Польша была в состоянии решить

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 85.

² Там же. С. 86.

одна¹. Взор Варшавы был обращен также и в сторону Бухареста. Так, 26 ноября 1938 г. польский посол в Румынии повел разговор о совместном решении «украинского вопроса» с министром иностранных дел этой страны П. Комненом. Как же отреагировал на это глава румынской дипломатии? По его мнению, Польша и Румыния образуют «могучий блок около 60 млн человек», и «такая сила могла бы предпринять активные действия» для решения поднятых польским послом проблем. При этом рассуждения Комнена сопровождались ссылками на высказывания румынского короля о желательности уменьшения размеров Советского Союза и создании отдельного «украинского государства». Подтверждая идентичность позиции Польши по данному вопросу, польский посол заявил: «Несомненно, далеко идущие преобразования на территории сегодняшних Советов возможны, и чем скорее Польша и Румыния согласуют свои точки зрения и тактику в этом вопросе, тем больше они смогут сделать...»².

Польша, опасаясь Советского Союза, особенно в связи с улучшением советско-чехословацких отношений, стала в 1936 г. искать защиты у Венгрии и готова была начать с ней переговоры по дунайскому вопросу. В связи же с сосредоточением польских войск у границ Чехословакии Советское правительство 23 сентября 1938 г. сделало заявление польскому правительству, в котором содержалось предупреждение, что в случае, если бы польские войска вторглись в пределы Чехословакии, Советский Союз считал бы это актом агрессии и денонсировал бы без дальнейшего предупреждения пакт о ненападении с Польшей. Частичному снижению накала в отношениях между Варшавой и Москвой способствовало принятие советско-польского коммюнике, значение которого поляки в беседах с немцами, итальянцами и японцами, как писал нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу 31 декабря 1938 г., «стараясь умалить», «говоря об устранении лишь того недоразумения, которое возникло между нами и Польшей в период чехословацкого кризиса, когда мы объявили о возможности денонсации советско-польского пакта. Беку, конечно, трудно переключиться на другую политику, ибо это

¹ См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1969. Т. 6. С. 372.

² Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 17.

означало бы признание ошибочности всей его прежней внешнеполитической концепции. Он, вероятно, надеется новым отказом от сближения с нами купить кое-какие уступки у Гитлера»¹.

Дух особого «союзничества» между Варшавой и Берлином проявился при совместном разделе Чехословакии, в результате чего Тешинский район был присоединен к Польше. Об «окончательном установлении добрососедских отношений обеих сторон» было заявлено польским и германским министрами иностранных дел во время визита Риббентропа в Варшаву в январе 1939 г. Гитлер в выступлении в Берлине 30 января 1939 г. назвал совместные германопольские действия по разделу Чехословакии «решающим фактором политической жизни Европы».

Однако этот дух особого «союзничества» был для Гитлера ширмой, за которой скрывались закулисные дипломатические и политические маневры по осуществлению нацистской экспансии на Восток. В процессе подготовки нацистской агрессии против Польши можно выделить несколько периодов.

Первый период — мюнхенский, продолжался до конца сентября 1938 г. Он характеризуется тем, что Гитлер будучи занятым «чехословацким вопросом», никак не хотел вызвать у поляков какие-либо подозрения, поэтому Польшу в это время всячески ублажали. Об этом свидетельствует речь Гитлера в рейхстаге 20 апреля 1938 г., секретный меморандум министерства иностранных дел Германии от 26 августа 1938 г., а также состоявшаяся в это время встреча между польским послом Ю. Липским и министром иностранных дел Германии Риббентропом. В этом же контексте и речь Гитлера в Спортпаласе 26 сентября 1938 г., в которой фюрер заявил, что Мюнхен означает конец его территориальных проблем в Европе, и что у него к полякам безграничная симпатия.

Второй период — постмюнхенский, охватывающий промежуток времени после подписания Мюнхенского соглашения и до захвата Праги. На этой стадии, хотя и произошли в польско-германских отношениях незначительные перемены, атмосфера все же оставалась внешне дружелюбной (у Гитлера еще не все было решено на «чехословацком направлении») и он считал, что время для решения «польского вопроса» еще не подошло). Вместе с тем в состоявшейся в это время встрече Риббентропа с послом Липским обозначались

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 165.

проявления некоторых разногласий — после того, как Риббентроп выдвинул «миролюбивые» предложения по поводу урегулирования вопроса о Данциге, поляки 24 октября 1938 г. ответили, что возврат Данцига империи является неприемлемым, предложив при этом немцам заключить двустороннее соглашение. Такую позицию польская сторона подтвердила и во втором ответе от 31 октября 1938 г. В промежутке между этими двумя датами германское правительство вело активные приготовления, чтобы неожиданным ударом захватить Данциг. 5 января 1939 г., т. е. двумя месяцами позднее (в это время захват Праги еще не состоялся), Гитлер в беседе с министром иностранных дел Польши Бекком предложил новое решение вопроса, которое было конкретизировано Риббентропом на следующий день в беседе с Бекком: не может быть и речи о решении вопроса о Данциге путем применения силы, между двумя странами происходит дальнейшее укрепление дружественных отношений. О «продолжающемся прогрессе и укреплении дружественных отношений» Риббентроп говорил польскому руководству и в ходе своего визита в Варшаву 25 января 1939 г. Примерно в таком же духе разглагольствовал Гитлер, выступая в рейхстаге 30 января 1939 г. Таким образом, с одной стороны, секретные приготовления данцигской операции были завершены, а на дипломатическом уровне о Данциге говорилось в высокопарных, «миролюбивых» выражениях потому, что к этому времени Прага еще не была захвачена. Таков был второй период.

Третий период — весна и начало лета 1939 г. Датированный 3 и 11 апреля 1939 г. «План Вайс» (был представлен Нюрнбергскому Трибуналу), без всякого сомнения, доказывает, что его подготовка шла тогда полным ходом. Но дело не ограничивалось разработкой только военно-организационных и оперативных элементов операции, намечалась стратегическая задача, которая выходила далеко за рамки Данцига. Вот как эту задачу сформулировал Гитлер на имперском совещании 23 мая 1939 г.: он вполне ясно заявил, что Данциг не имеет ничего общего с существом польского вопроса. «Я, — говорил он, — должен заняться вопросом Польши потому, что я хочу жизненного пространства на Востоке»¹. Следовательно, Данциг был лишь предлогом для начала войны с Польшей, а главный вопрос

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1958. Т. II. С. 780.

сводился к войне для того, чтобы захватить жизненное пространство на Востоке.

В секретной записке советника посольства Германии в Польше Р. фон Шелли, составленной «для разведки одной из западных держав» 7 мая 1939 г., воспроизводится план действий Германии, разработанный на основе сообщений ближайшего сотрудника Риббентропа Клейста, прибывшего в Варшаву с заданием «определить настроение в Польше», и германского военно-воздушного атташе в Варшаве полковника Герстенберга (об отдельных частях этого плана слышал, находясь в Берлине, и германский посол в Варшаве фон Мольтке). Ценность этого документа заключается не только в том, что в нем были определены объекты нападения со стороны Гитлера (со стопроцентной точностью подтвержденные последующим развитием событий), но и в том, что в нем была сформулирована мотивировка для военно-политического маневрирования нацистской Германии. Вот основные элементы этого плана. Из высказываний Клейста и Герстенберга следовало, что нанесение удара по Польше планировалось уже с 1938 г. (весьма весомый аргумент, свидетельствующий о несостоятельности «концепции равноответственности» Германии и СССР за развязывание Второй мировой войны. Так называемый «пакт Молотова—Риббентропа» был подписан намного позже того времени, когда Гитлер «созрел» для броска на Восток).

Через стратегическую «польскую призму» рассматривались все последующие события. Германия не препятствовала присоединению к Польше Тешинской области Чехословакии в расчете на то, что отношения между чехами и поляками на долгие годы будут испорчены (что и удалось сделать).

В связи же с предстоящим нанесением удара по самой Польше Берлин вначале отказывался устанавливать общую польско-венгерскую границу, но со временем, чтобы продемонстрировать Венгрии, что это решение зависит не от Польши, а от Германии, установить такую границу, наконец, пообещали.

В документе отмечается, что германские меры в Словакии (создание протектората и военная оккупация) — «звенья в рамках осуществления широкого военного плана, преследующего цель охвата Польши с севера и юга»¹.

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1958. Т. II. С. 433.

Тот факт, что «немецкое предложение Польше было вручено польскому послу в Берлине спустя несколько часов после оккупации Мемеля, объяснялся намерением Германии поставить Польшу в условия, исключающие принятие этого предложения»¹. Расчет строился и на том, что, если бы Варшава приняла это предложение, то фюрер мог бы связать свой первый визит в Мемель со своим первым посещением Данцига. Но, как отмечается в записке, «в широком немецком плане, направленном против Польши, в результате этого ничего бы не изменилось»².

Намеченный план включал и чисто военные вопросы. Наступление предполагалось начать внезапной бомбардировкой Варшавы, которая должна была быть превращена в руины. За первой волной эскадрилий бомбардировщиков через шесть часов должна была последовать вторая, целью которой являлось полное уничтожение города. Разгром же всей польской армии планировалось осуществить в 14 дней.

Идеологическое обеспечение военной агрессии осуществлялось через широкую пропагандистскую кампанию в прессе и на радио, значительное место в которой занимало освещение преступных деяний руководящих деятелей Польши, совершаемых ими на сексуальной почве, методов их обогащения и эксплуатации крестьян и рабочих.

Предусматривались меры по инсценировке восстания в Восточной Галиции, которое могло бы быть использовано в качестве предлога для интервенции. При этом учитывалось отличное функционирование связи Берлин—Львов, в частности через партию немецкой молодежи в Польше.

В плане предполагалось также всячески побуждать Венгрию предоставить украинскому населению некоторые автономные права, но в то же время делался расчет на поддержку Венгрии ввиду того, что она получит Словакию и вместе с ней будет поставлена под германскую защиту. В конечном итоге, германская армия достигла бы румынской границы и смогла бы воздействовать и на румын, позицией которых Берлин был озабочен. Какие-то новые предложения Варшавы в этих условиях Германией были бы восприняты лишь отрицательно.

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1958. Т. II. С. 433–434.

² Там же. С. 434.

Суммируя высказывания Клейста и Герстенберга, автор секретной записки указывал на то, что немецкая программа-минимум включала в себя присоединение к Германии всего коридора, а по возможности также Верхней Силезии и больших частей провинции Познань, прежде всего ее сельскохозяйственных районов. 20 апреля в день своего рождения Гитлер сообщил в узком кругу, что необходимо теперь ускорить осуществление этой программы. Покончив же с Польшей, «Германия обрушится всей своей мощью на западные демократии, сломает их гегемонию и одновременно определит Италии более скромную роль», а затем последует «великое столкновение Германии с Россией, в результате которого окончательно будет обеспечено удовлетворение потребностей Германии в жизненном пространстве и сырье»¹.

Недальновидная внешняя политика Варшавы привела к тому, что «дружба» с Германией завершилась, в том числе и «данцигским кризисом». В самую критическую фазу этот кризис вошел после того, как 21 марта 1939 г. И. Риббентроп передал польскому послу Ю. Липскому германские предложения Польше: возвращение Данцига в качестве самостоятельной единицы в состав Германии и получение Германией права на строительство экстерриториальной железнодорожной линии и автострады, которые позволили бы связать Германию с Восточной Пруссией. А 23 марта 1939 г. германский посол в Варшаве получил телеграмму от Риббентропа, в которой поручалось заявить польскому правительству, что в результате передачи Германии Данцига международное положение Польши укрепитя, а также что Польша и Германия смогут проводить единую восточную политику, так как интересы обеих стран по «защите от большевизма» совпадают. Но на этот раз полякам не понадобилось много усилий, чтобы разгадать эту наглую игру Гитлера. 26 марта 1939 г. Липский передал Риббентропу меморандум польского правительства, в котором германские предложения отклонялись. Ответ Берлина последовал через два дня: Германия, ссылаясь на отказ польского правительства принять германские предложения, 28 апреля 1939 г. аннулировала германо-польскую декларацию 1934 г. о дружбе и ненападении, мотивируя это тем, что Польша фактом ее вступления в союзные отношения с Англией сама аннулировала германо-польскую

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1958. Т. II. С. 434–435.

декларацию. Кроме того германское правительство в меморандуме от 27 апреля 1939 г. выразило сожаление, что польское правительство отклонило немецкое предложение об «урегулировании вопроса о Данциге» и об установлении окончательной польско-германской границы. Ответом польской стороны на германский меморандум явилось опровержение 5 мая 1939 г. утверждения германского правительства о том, что англо-польское коммюнике о взаимном предоставлении гарантий будто бы является несовместимым с германо-польской декларацией 1934 г. При этом польская сторона, исходя из принципа добрососедства, подтвердила свою готовность начать переговоры о новом договорном урегулировании германо-польских отношений.

Представляет интерес состоявшаяся 11 и 12 августа 1939 г. встреча министра иностранных дел фашистской Италии и зятя дуче Чиано с германским руководством. Приводим фрагменты его (Чиано) диалогов с Риббентропом, а позже Гитлером, которое он воспроизвел в своих мемуарах:

«Я: Послушайте Риббентроп, чего Вы хотите? Данциг или Коридор (польский коридор — территория по нижнему течению Вислы, отошедшая по Версальскому договору к Польше. — *Авт.*)?»

Риббентроп: Значительно больше. Мы хотим войны».

Далее Чиано отмечает: «Риббентроп отвергает все предложения, допускающие возможность удовлетворения Польшей немецких требований. Я уверен, что, даже если бы немцы получили больше того, что требуют, они все-таки напали бы».

Что же касается беседы с Гитлером, то Чиано в тех же мемуарах написал: «Все бесполезно. Он решил действовать и продолжать действовать»¹. Эта беседа еще одно подтверждение, что фюрер неотступно и несмотря ни на какие сомнения своих союзников и уступки англо-французов двигался к намеченной ранее цели по развязыванию войны против Польши в намеченные им сроки. И все это не имело никакой «привязки» к подписанному в августе 1939 г. советско-германскому договору о ненападении.

Уже давно не является секретом и то, что в большом торге за «данцигский коридор» (т. е. возврат Германии Данцига, обладавшего после Первой мировой войны статусом «вольного города») Гитлер обещал солидную компенсацию — часть территории Советской

¹ Цит. по: *Бувье Ж., Гакон Ж.* Правда о 1939 годе. М., 1955. С. 12.

Украины¹. 28 декабря 1938 г. посланник Польши в Ираке Я. Каршо-Седлевский в беседе с советником посольства Германии в Польше Р. Шелли так изложил позицию Варшавы в польско-германских отношениях, которые к тому времени дали некоторые сбои: «Политическая перспектива для европейского Востока ясна. Через несколько лет Германия будет воевать с Советским Союзом, а Польша поддержит, добровольно или вынужденно, в этой войне Германию. Для Польши лучше до конфликта совершенно определено стать на сторону Германии, так как территориальные интересы Польши на Западе и политические цели Польши на Востоке, прежде всего на Украине, могут быть обеспечены лишь путем заранее достигнутого польско-германского соглашения (курсив наш. — Авт.)»².

Об умонастроениях польской верхушки тех лет профессор Исторического института Варшавского университета П. Вечоркевич в своем интервью 28 сентября 2005 г. газете «Rzeczpospolita» (официальный орган Польской республики) заявил, что Польша могла бы «найти место на стороне рейха почти такое же, как Италия, и наверняка лучше, нежели Венгрия или Румыния. В итоге мы были бы в Москве, где Адольф Гитлер вместе с Рыдз-Смиглы (маршал, главнокомандующий польской армией в 1939 г. — Авт.) принимали бы парад победоносных польско-германских войск»³.

В этом контексте весьма показательны высказывания Гитлера в ходе его встречи с польским министром иностранных дел Ю. Бекем 5 января 1939 г. «При всех обстоятельствах, — отметил фюрер, — Германия будет заинтересована в сохранении сильной национальной Польши, совершенно независимо от положения дел в России. Безразлично, идет ли речь о большевистской, царской или какой-либо иной России... и потому Германия крайне заинтересована в сохранении Польшей своих позиций»⁴. Фюрер пытался также убедить собеседника в том, что Германия не имеет каких-либо намерений относительно Украины и что «в этом отношении Польша ни в малейшей степени не должна опасаться Германии»⁵. В свою очередь

¹ Буллок А. Гитлер и Сталин. Смоленск, 1994. С. 217.

² Цит. по: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. М., 1990. Т. 1. С. 162.

³ Цит. по: Стариков Н. В. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина? Роковая ошибка Гитлера. СПб., 2009. С. 239.

⁴ См.: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. М., 1990. Т. 1. С. 168.

⁵ Там же. С. 169.

Бек заверил Гитлера, что «Польша никогда не согласится быть зависимой от России и будет продолжать линию независимой политики»¹. Касаясь Украины, Бек напомнил слова Пилсудского о «балканизации Центральной Европы», а затем, между прочим, заметил, что, по его мнению, «население так называемой Карпатской Украины — русины — не имеют ничего общего с населением собственно Украины»². Закончил же Бек рассуждения об Украине так: «„Украина“ — это польское слово и означает „восточные пограничные земли“. Этим словом поляки вот уже на протяжении десятилетий означали земли, расположенные к востоку от их территории, вдоль Днепра»³. Столь прозрачные намеки Гитлер счел необходимым не комментировать.

Тема Украины получила свое продолжение и в состоявшейся 6 января 1939 г. встрече Бека с Риббентропом, на которой польскому собеседнику было четко сформулировано положение о необходимости сотрудничества Германии и Польши «во всех отношениях... в украинском вопросе». При этом Риббентроп заявил: «При общем широком урегулировании всех проблем между Польшей и нами (т. е. Германией. — *Авт.*) можно было бы вполне договориться, чтобы рассматривать украинский вопрос как привилегию Польши и всячески поддерживать ее при рассмотрении этого вопроса. Это опять-таки имеет предпосылкой все более явную антирусскую позицию Польши, иначе вряд ли могут быть общие интересы»⁴. На заданный же Риббентропом вопрос: «Не отказались ли они (т. е. поляки. — *Авт.*) от честолюбивых устремлений маршала Пилсудского в этом направлении, т. е. от претензий на Украину?», — Бек, улыбаясь, ответил, что «они уже были в самом Киеве и что эти устремления, несомненно, все еще живы и сегодня»⁵.

Касаясь же вопроса о понимании немецкой стороной проблемы «Великой Украины», Бек не без удовлетворения отметил, что заверения фюрера, что немцы в ней «не заинтересованы», «весьма его успокоило», и он с радостью «принял к сведению ясную и постоянную линию фюрера относительно дружественного взаимопонима-

¹ См.: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. М., 1990. Т. 1. С. 173.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 176.

⁵ Там же.

ния с Польшей»¹. Что же касается чешской Закарпатской Украины, то в записи беседы Риббентропа с Бекем значится: «Здесь я повторил, что в Мюнхене установлены этнографические границы. Если в этой связи какой-либо стороной будет поднят принципиальный вопрос о политических границах, то Германия, конечно, не сможет остаться безучастной. Хотя германские политические интересы сами по себе и не простираются за Карпаты, Германия не может сказать, что она равнодушно отнесется к смещению границ за пределы Карпат в районе Чехословакии и Закарпатской Украины, так как она в результате таких событий легко может быть втянута в конфликт. Где бы сегодня в Европе не раздался пушечный залп, Германия в принципе не может оставаться безучастной»².

В ходе ответного визита Риббентропа в Польшу Бек заявил ему, что «Польша претендует на Советскую Украину и на выход в Черное море», на что немецкий гость ответил замечанием «о пассивном характере» позиции Бека в отношении СССР и пожелал ему выступить против Советского Союза в пропагандистском плане, а также «присоединится к антикоминтерновскому пакту»³.

Разумеется, решение «украинского вопроса» Польша напрямую увязывала с не меньшим германо-польским приоритетом — с экспансией на Восток, т. е. против Советского Союза. Поэтому она была готова «вписаться» в любой план Гитлера, для которого названная выше задача была высшей его целью. В этом плане заслуживают внимания суждения о польской политике наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова, изложенные им в письме полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому. Отмечая, что Польша «продолжает мечтать о собственной сфере влияния на Украине», он обратил внимание и на то, что «она (Польша. — *Авт.*), однако, будет готова в случае надобности поступиться своими мечтаниями и не возражать против похода (против СССР. — *Авт.*) через Румынию... Не возражала бы Польша также против похода Гитлера через Прибалтику и Финляндию, с тем, чтобы она сама выступила против Украины, синхронизируя все это с политикой Японии»⁴.

¹ См.: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. М., 1990. Т. 1. С. 175.

² Там же.

³ Там же. С. 195.

⁴ Там же. С. 232.

Тема налаживания сотрудничества между Германией и Польшей против Советского Союза стала предметом переговоров Риббентропа с Беком в ходе визита в Варшаву главы германского МИДа 26 января 1939 г. по случаю пятилетия германо-польской декларации о дружбе и ненападении 1934 г. Тогда Риббентроп, подняв вопрос о политике Польши и Германии по отношению к Советскому Союзу и в этой связи по вопросу о Великой Украине, снова предложил Беку сотрудничество между Польшей и Германией в этой области. Как говорится в немецкой записи беседы, «г-н Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю»¹. Германский посол в Варшаве Г. Мольтке сделал такой вывод после беседы Риббентропа с Беком: «Обстановка полностью ясна. Мы знаем, что Польша в случае германо-русского конфликта будет стоять на нашей стороне. Это совершенно определено»².

Стремясь подыгрывать Гитлеру, Варшава шла на такие внешнеполитические шаги, которые никак не вписывались в рамки честной дипломатии. Это проявилось, например, в том, как польский МИД «налаживал» отношения с Великобританией весной 1939 г. Тогда Бек накануне визита в Лондон разработал специальный план переговоров, который, вопреки секретности, стал достоянием французов, передавших эту «абсолютно достоверную» информацию в МИД Англии. План представлял собой не столько перечень предложений для налаживания англо-польского сотрудничества, сколько схему поведения Бека в ходе переговоров: он предлагает англичанам союз в расчете на то, что это предложение будет признано неприемлемым, после возвращения в Варшаву сообщает об отказе Лондона поддержать польскую инициативу, после чего заявляет: «У Польши были две альтернативы — склоняться к Великобритании или Германии, и теперь ясно, что она должна объединиться с Германией»³.

В этом контексте важно обратить внимание и на то, как Варшавой были восприняты советские предложения англичанам и французам от 17 апреля 1939 г., предусматривавшие оказание тремя державами помощи Польше в случае осуществления против нее агрессии. По этому поводу 10 мая даже состоялся визит в Варшаву В. П. Потемкина, который после беседы с Беком информировал Москву об

¹ См.: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. М., 1990. Т. 1. С. 115.

² Там же. С. 228.

³ Там же. С. 18.

успехах предварительных договоренностей: «Путем подробного анализа соотношения сил в Европе и возможностей эффективной франко-английской помощи Польше привел Бека к прямому признанию, что без поддержки СССР полякам себя не отстоять (подчеркнуто нами. — *Авт.*). Со своей стороны я подчеркнул, что СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она этого пожелала»¹.

Таким образом, вырисовывался крайне желательный вариант прежде всего для Польши — в условиях реально нависшей над ней агрессии, когда до войны против нее (как скоро стало ясно) оставалось три месяца, принятие скоординированных упреждающих действий Лондона, Парижа, Москвы и Варшавы не имело никакой другой альтернативы. Как же повела себя Варшава? Реакция была оперативной и однозначной — официальная информация, переданная польским послом в Москве В. Гжибовским В. М. Молотову на следующий день после переговоров, содержала пункты, которые не оставляли никакой возможности для продолжения переговоров:

- 1) инициатива в переговорах трех держав о гарантии Польше «не соответствует точке зрения польского правительства, которое такого рода переговоры считает возможным вести только само»;
- 2) «Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР ввиду практической невозможности оказания помощи Советскому Союзу со стороны Польши»².

Первоначально высказавшись за то, что Польша не может быть против заключения пакта о взаимопомощи между СССР, Англией и Францией, в то же время на уточняющий вопрос В. М. Молотова: «Заинтересована ли Польша в таком пакте?», польский посол отвечал уклончиво, перечитывая полученные из Варшавы инструкции. Когда же В. М. Молотов спросил: «Заинтересована ли Польша в гарантии граничащих с СССР европейских государств?», последовал ответ: «Это не должно относиться к Польше»³. В советской записи существует такой вывод В. М. Молотова об этой беседе: «Вся беседа свидетельствует о том, что Польша не хочет в данный момент связывать себя какими-либо соглашениями с СССР или согласием на участие СССР в гарантировании Польше...»⁴.

¹ См.: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. М., 1990. Т. 1. С. 444.

² Там же. С. 449.

³ Там же.

⁴ Там же.

Деструктивной оказалась позиция Варшавы и в самый критический момент трехсторонних англо-французско-советских переговоров по вопросу о заключении между ними договора о взаимопомощи и военной конвенции, в которой предусматривались гарантии и Польше. Это выпало на середину августа 1939 г., когда до нападения Германии на Польшу оставались считанные дни. Тогда вопрос о помощи Польше оказался в центре внимания переговоров военных делегаций трех стран, а камнем преткновения стала проблема пропуска через польскую территорию советских войск с целью предотвращения агрессии. Суть предложения советской делегации состояла в том, чтобы в случае агрессии против Польши или Румынии военные силы СССР могли бы вступить в Виленскую область, в Галицию, на румынскую территорию. СССР мотивировал эти условия: а) опасением, что его призовут на помощь полякам или румынам, когда уже будет слишком поздно; б) желанием предпринять наступательные операции в интересах Франции в том случае, если главный германский удар будет первоначально направлен против западного фронта; в) необходимостью избежать какой бы то ни было потери времени в случае германской агрессии против Прибалтийских стран. Казалось бы, более убедительных аргументов не может быть. И вот вопреки тому, что успешное завершение переговоров СССР, Англии и Франции отвечало жизненным интересам польского народа, национально-государственным интересам Польши, Варшава, отказав в пропуске через ее территорию советских войск, фактически заблокировала весь трехсторонний переговорный процесс.

Как отметил французский посол в Москве, поведение Польши «не может не иметь серьезных последствий для дела мира»¹. Ведь провал переговоров в результате позиции, занятой Варшавой, мог побуждать Гитлера к началу военных действий. Попытки французской дипломатии повлиять на правительство Польши результатов не дали, даже несмотря на то, что, как отмечалось в записке ведомства Франции о переговорах в Москве, советская делегация для облегчения полякам решения в пользу сотрудничества с Советским Союзом даже четко ограничила зоны прохода советских войск через польскую территорию и определила их из соображений «исключительно стратегического характера». На предложения о пропуске советских войск через территорию Польши маршал Рыдз-Смиглы

¹ См.: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. М., 1990. Т. 1. С. 19.

отвечал таким заявлением: «С немцами мы рискуем потерять свободу, с русскими мы потеряем душу».

О реакции польской стороны на предложение о пропуске советских войск через польскую территорию свидетельствует и такой фрагмент из записки военного министерства Франции о переговорах военных миссий трех стран (не ранее 20 августа 1939 г.): «Г-н Бек и начальник штаба армии генерал Стахевич проявили в этом отношении непримиримую враждебность, соглашаясь только на то, чтобы, с целью не доводить дело до разрыва московских переговоров, наша военная миссия могла маневрировать так, как если бы ни одного вопроса не было поставлено перед поляками» (подчеркнуто нами. — *Авт.*).

Справедливость стратегического предложения СССР о пропуске его войск через польскую территорию с целью их выхода к германским границам полностью признал Черчилль, заявивший в этой связи: «Нужно признать, что доводы Кремля были основательны»¹. В свою очередь английские представители на переговорах зафиксировали такое заявление Молотова: «Вы хотите, чтобы мы сражались вместе с Вами, и Вы же лишаете нас возможности защищать Вас»².

Именно в эти дни наиболее полно проявился цинизм Гитлера по отношению к Польше, когда, как говорится, «маски» были сброшены и фюрер в речи перед главнокомандующими от 22 августа 1939 г. объявил о ранее принятом решении начать немедленную войну с Польшей. На этой встрече он заявил: «Каждый должен ясно представлять себе, что мы с самого начала были полны решимости воевать с Западом. Борьба не на жизнь, а на смерть... Прежде всего уничтожение Польши. Задача — уничтожение живой силы, а не достижение какой-либо определенной географической линии. Если даже завяжется война с Западом, уничтожение Польши будет основной задачей...»³ (подчеркнуто нами. — *Авт.*). И объяснил главнокомандующим, как он намерен начать эту войну: «Я дал пропагандистский повод для начала войны — неважно, будет ли он правдоподобен. Победителя никто никогда не спросит, говорил ли он правду. В начале и ходе войны важно не право, а победа...»⁴. Как

¹ Цит. по: Бувье Ж., Гакон Ж. Правда о 1939 годе. М., 1955. С. 92.

² Там же.

³ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 344–345.

⁴ Там же. С. 345.

известно, «поводом» для начала боевых действий явилась провокация, организованная нацистами на польско-германской границе¹.

В тот день, когда фюрер в речи перед главнокомандующими объявил о своем решении немедленно начать войну с Польшей (22 августа 1939 г.), британский премьер-министр обратился с письмом к Гитлеру, в котором писал: «Таким образом, выяснив наши позиции, я хочу повторить вам мое убеждение в том, что война между нашими народами будет величайшим из возможных бедствий»².

Как же на это ответил (23 августа) Гитлер? «Решение вопроса о разрешении европейских проблем на мирной основе, — сообщал он, — зависит не от Германии, а главным образом от тех, кто с момента преступления, совершенного созданием Версальского диктата, упорно и настойчиво противился его мирному пересмотру. И только после изменения позиции несущих за это ответственность держав могут произойти изменения в отношениях между Англией и Германией»³. В данном случае Гитлер всего на всего повторил то, что он провозглашал до и сразу же после прихода к власти, т. е. снова потребовал разрушения Версальской системы мироустройства. Это западные демократии, безусловно, не могли не видеть изначально, даже находясь в плену своей собственной политики «умиротворения» агрессора.

И на этот раз к призывам британского премьер-министра Гитлер остался глух. Таким же образом он поступил и по отношению к обращениям предотвратить превращение польского вопроса в войну, последовавших от президента США Рузвельта 24 и 25 августа, от его Святейшества Папы Римского — 24 и 31 августа, от премьер-

¹ Нюрнбергскому Трибуналу были представлены документальные свидетельства о том, что же послужило «поводом» для вооруженного конфликта на польско-германской границе. Операцией под кодовым названием «Консервы» руководил Гейдрих — обергруппенфюрер СС, доверенное лицо Гитлера и ближайший помощник Гимmlера. Заключалась она в подготовке инсценировки нападения на радиостанцию близ Глейвицка около польской границы и создании такого впечатления, что нападающие якобы были поляками. Для этого на место конфликта была доставлена группа немецких осужденных уголовных преступников, одетых в польскую форму, которым были произведены смертельные подкожные впрыскивания, а затем нанесены огнестрельные ранения. После этого на место инцидента были приглашены представители прессы, а позже составлен соответствующий отчет.

² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 345.

³ Там же.

министра Франции Даладьё — 26 августа. Польшу не спасло и заключение ею 25 августа 1939 г. договора о союзе с Великобританией, которое давало понять Германии, что Лондон согласен защищать «польский вопрос» лишь путем переговоров.

Таким заявлением англичан Гитлер был обескуражен, к тому же и Муссолини подал сигналы о нежелании Италии начинать войну на стороне Германии. В этой ситуации Гитлер принял решение назначенное на 26 августа вторжение в Польшу отложить и сделать еще одну попытку убедить Лондон не вмешиваться. А дальше последовали такие «многоходовки» в закулисных переговорах, которые вполне могут претендовать быть названными «дипломатическим детективом»: Гитлер предложил Лондону заключить широкое соглашение, но лишь «как только вопрос будет разрешен». На это последовало контрпредложение англичан разрешить польский вопрос путем переговоров. Затем 29 августа Гитлер сделал заявление британскому послу о том, что, несмотря на скептическое отношение Берлина к возможным результатам переговоров, в столице рейха готовы принять польского представителя, если последний прибудет в Берлин до полуночи 30 августа и будет облечен чрезвычайными полномочиями. На это польское правительство отреагировало отрицательно и решило такого представителя в Берлин не посылать. А в это время Геринг, используя посреднические услуги уже упоминавшегося в нашей книге шведа Деларуса, предпринимал безуспешные попытки изолировать Польшу, стремясь отговорить Великобританию от противодействия германским намерениям в отношении Польши. Кстати, выступая в эти дни с посредническими функциями, Деларус, как он потом подтвердил на Нюрнбергском процессе, не знал ни о совещании главнокомандующих у Гитлера 22 августа, на котором фюрер объявил о решении начать немедленную войну с Польшей, ни о германских военных директивах относительно нападения на нее.

Попытки убедить Германию согласиться на урегулирование спора с Польшей на разумных основаниях и на этот раз провалились. Гитлер неотступно следовал к поставленной цели, свою окончательную директиву о нападении на Польшу ранним утром 1 сентября он подписал накануне — 31 августа. Одновременно он дал указание о необходимых мерах в случае вступления в войну Англии и Франции на стороне Польши.

Когда сегодня польские политики и исследователи ищут виновников развязывания Второй мировой войны за пределами своего

собственного государства, считая себя только «невинной жертвой» агрессии, у объективного человека не может не возникнуть вполне логичный вопрос: «А вы что забыли о „флирте“ Польши с нацистской Германией, длившемся долгие 5 лет?». Можно сколько угодно перелицовывать историю, но из нее не выбросить того, что никогда не сможет быть забыто, того, что в человеческой памяти осталось навсегда. К сожалению, человек помнит все: и хорошее, и плохое.

Важным элементом «польского вопроса» были британские гарантии Польше. Впервые они обсуждались на заседании английского правительства 30 марта 1939 г., на котором Галифакс внес предложение опубликовать заявление о том, что Англия придет Польше на помощь в случае нападения на нее Германии. Предложение было поддержано Чемберленом, который при этом отметил, что ресурсы Чехословакии уже используются Берлином, и в случае если к рейху отойдут еще и ресурсы Польши, то это будет иметь самые серьезные последствия для Англии, т. е. «гарантии Польше» изначально рассматривались не через призму европейской безопасности, а с позиции интересов Англии. Именно поэтому при обсуждении этого вопроса на заседании британского правительства указывалось, что если правительство вовремя не займет твердую позицию по «польскому вопросу», то авторитет Англии будет серьезно подорван во всем мире. Вместе с тем на заседании правительства вопрос о сотрудничестве между Англией и СССР, в том числе и в обеспечении безопасности Польши ни в какой форме не обсуждался. Об истинных мотивах британских гарантий Польше свидетельствуют слова, сказанные премьер-министром при обсуждении этого вопроса на заседании внешнеполитического комитета британского правительства: «Генеральная линия нашей политики в отношении Германии определяется не защитой отдельных стран, которые могли бы оказаться под германской угрозой, а стремлением предотвратить установление над континентом германского господства, в результате чего Германия стала бы настолько мощной, что могла бы угрожать нашей безопасности» (подчеркнуто нами. — *Авт.*). Господство Германии над Польшей и Румынией усилило бы ее военную мощь, и именно поэтому мы предоставили гарантии этим странам». И далее: «Господство Германии над Данией не увеличило бы военной мощи Германии, и поэтому в данном случае нам не следует брать обязательство о военном вмешательстве с целью восстановления

статус-кво»¹. Этот последний пассаж Чемберлена является окончательной точкой в трактовке гарантий официальным Лондоном: если в отношении Польши он готов объявить гарантии, так как это напрямую затрагивает интересы Англии, то он не намерен делать этого в подобной ситуации с Данией, так как британские интересы в данном случае не затрагиваются. А о коллективной европейской безопасности Лондон даже не упоминает.

Но в связи с предоставлением гарантий Польше в марте–апреле 1939 г., а потом аналогичных гарантий Румынии возникла еще одна дипломатическая коллизия. В отношении предоставленных гарантий Лондон не сказал ни слова о том, что они направлены против Германии. На это незамедлительно последовала реакция Москвы. В состоявшейся 17 апреля 1939 г. беседе с послом Великобритании в СССР У. Сидсом М. М. Литвинов заявил: «Заявление Чемберлена в парламенте о помощи Польше, несомненно, было вызвано надвинувшейся на Польшу угрозой со стороны Германии. Заявление же, однако, было сделано об агрессии вообще, и поляки могли это понять как обещание помощи и против СССР. Хотя мы и не собираемся нападать на Польшу, но мы все же считали бы соглашение между Англией и Польшей против нас несовместимым с отношениями, которые предлагается ныне установить между нами и Англией»². При этом советское правительство не ограничилось только декларацией, но и предложило английскому правительству уточнить, что гарантии Польши и Румынии предоставляются только на случай германской агрессии.

Когда же весной 1939 г. перед Польшей и Румынией советским и английским правительствами был поставлен вопрос о желательности изменения содержания принятого 3 марта 1921 г. польско-румынского договора о союзе, с тем чтобы обе страны обязаны были прийти друг другу на помощь в случае нападения Германии на одну из них, польское правительство не согласилось с таким предложением. И неслучайно — ведь Польша не намеревалась выступать против использования Германией румынской территории в качестве плацдарма для нападения на Советский Союз. В этой связи 13 апреля 1939 г. М. М. Литвинов отметил: «Бек старается сознательно сорвать всякие гарантии Румынии, чтобы в эту сторону направить германскую агрессию. Бек еще в 1934 г. в Москве говорил мне,

¹ Public Record Office. Cab. 27/625. P. 138.

² Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 386.

что Германия изберет Румынию плацдармом для наступления на Украину, причем Бек не выражал никакого беспокойства по этому поводу. Можно было даже понять, что на этот счет у него имеется соглашение с Гитлером»¹.

В этом контексте заслуживает внимания и такой факт. Находившийся с официальным визитом в Польше 17–19 июля 1939 г. генеральный инспектор заморских войск Англии генерал У. Айронсайд, с одной стороны, убедившись в недостаточности оснащения польской армии, решил «подыграть» Варшаве и обратился к английскому правительству с предложением ускорить завершение англо-польских переговоров о предоставлении Польше займа, позволяющего ей перевооружить свои войска, в результате чего польская армия могла бы дольше «сдерживать германское наступление» и тем самым «сберечь жизни английских солдат»², а с другой — дал понять, что Англия не хотела бы ввязываться в мировую войну из-за «случайных» столкновений в Данциге или на германо-польской границе. При этом он подчеркнул, что необходимо изучить условия, при которых вступают в силу английские гарантии Польше³. А это означало, что английское правительство недвусмысленно предупредило Варшаву, что оно не считало себя обязанным автоматически приходить на помощь полякам в случае их конфликта с Германией, и оставляло за собой право решать вопрос о том, было бы ли достаточно «обоснованным» вступление Польши в войну с Германией и обязана ли Англия в таком случае оказывать ей помощь.

8. Прибалтийский фактор в нацистской политике

Когда сегодня в научных дискуссиях, телепередачах, политических шоу и т. д. заходят разговоры о прибалтийских странах, сразу же всплывает проблема так называемых советских «оккупантов». При этом даже не упоминается, что там в предвоенные годы были проведены легитимные выборы в высшие органы законодательной вла-

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 390–391.

² Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 6. P. 379.

³ Ibid. P. 416.

сти, в результате которых победили левые силы, которые собственно и стали основной движущей силой вхождения этих стран в состав СССР. Сам же термин «оккупанты» употребляется безо всяких на то юридических оснований. Ведь в соответствии с международным правом оккупации всегда предшествует акт агрессии, т. е. вторжение или нападение вооруженных сил одного государства на территорию другого государства. В данном случае ничего подобного не было. Размещение же воинских контингентов СССР на территории этих стран обуславливалось соответствующими двусторонними договорами. А то, что это сопровождалось большой активностью Москвы, этого никто никогда не отрицал, но это уже другой вопрос, которому есть свое объяснение. В данном случае уместно сослаться на обнародованные 23 ноября 2006 г., по запросу Государственной Думы РФ, службой внешней разведки РФ секретные архивные документы, свидетельствующие, что США и Великобритания в 1940-х гг. с пониманием отнеслись к вводу советских войск в прибалтийские государства. Западными демократиями это рассматривалось как малоприятная, но необходимая мера для противодействия агрессии нацистской Германии. Лидеры США и Великобритании считали также, что возвращение в состав Союза бывших российских территорий не является чрезмерной ценой. Ведь, как следует из материалов, проводившаяся правящими кругами Литвы, Латвии и Эстонии германофильская политика грозила превращением территории этих прибалтийских государств в плацдарм для нападения Гитлера на СССР. Именно поэтому смещение прогерманских режимов в странах Балтии и ввод советских войск в регион в военно-политической ситуации, когда перед Европой встал вопрос быть или не быть, воспринимались в западных демократиях как, безусловно, своевременный шаг. Следовательно, в данном случае важен вопрос о внутри- и внешнеполитических перипетиях в этих странах: кто был у власти до победы левых сил, каковы были внешнеполитические ориентиры режимов этих государств и, разумеется, как выглядел прибалтийский фактор в нацистской политике. Словом, речь идет о «корнях».

В планируемой агрессии Гитлера против СССР наряду с Польшей (в разных вариантах — либо в качестве союзника Германии, либо лояльного рейху польского тыла, либо силой подчиненной Польши) особая роль отводилась Прибалтике. Вот документально подтвержденные факты: в это время в Эстонии, Латвии, Литве и Финляндии в значительной степени активизировались военные спецслужбы рейха;

16 марта 1939 г. посланнику Латвии в Берлине в требовательной форме было сделано заявление, о том, что его страна должна следовать за Берлином и тогда «немцы не будут заставлять ее при помощи силы становиться под защиту фюрера»; был разработан план захвата Литвы после нападения на Польшу в соответствии с утвержденной 11 апреля 1939 г. операцией «Вайс»; в выступлении перед генералитетом в мае 1939 г. Гитлер дал установку решить «прибалтийскую проблему».

По заданию германского генерального штаба и на немецкие деньги активную прогерманскую деятельность в прибалтийских странах, а также в Польше и Финляндии осуществляла организация «Прометей». Именно эта прометеевская организация и стояла за руководителем эстонского путча в 1936 г. Отделением «Прометей» было действовавшее по рецептам генштаба Германии Карельское академическое общество (КАО).

Неслучайно прибалтийские станы представляли собой один из сложнейших сюжетов европейской дипломатии кануна Второй мировой войны, в которой (дипломатии) переплелись экспансионистские устремления нацистской Германии, меры политического руководства СССР по минимизации германских угроз для страны (с учетом того, что в неизбежности войны с Германией сомневаться не приходилось), двойственная и непоследовательная позиция в прибалтийском вопросе «европейских демократий» (прежде всего Великобритании и Франции), следование польской дипломатии в фарватере внешнеполитической экспансии рейха. Эти факторы характеризовались крайней внутренней конфликтностью, антагонизмом, стремлением стран решать «свои» вопросы, которые, как правило, не согласовывались с интересами укрепления европейской безопасности и миротворческого потенциала на континенте. Гитлер же на этот счет имел четкие ориентиры. В соответствии с планом, представленным фюреру рейхсминистром А. Розенбергом еще до нападения на СССР, на Востоке планировалось образование пяти генерал-губернаторств, одно из которых под названием Остланд должно было включить Эстонию, Латвию и Литву. А о том, что «вся Прибалтика должна стать областью империи», Гитлер заявил четко и однозначно на совещании нацистского руководства в июле 1941 г., хотя первоначально он о таких притязаниях не говорил. Так, в ходе состоявшейся 15 сентября 1938 г. в баварской резиденции Гитлера «Бёрхтесгаден» встрече рейхсканцлера Германии с премьер-министром

Великобритании Н. Чемберленом, на которой отработывался сценарий удовлетворения нацистских притязаний на Судеты и расчленение, а далее и ликвидацию Чехословакии, со стороны главы британского кабинета последовал уточняющий вопрос: возникнут ли после Мюнхена новые территориальные притязания Германии. Успокаивая собеседника, Гитлер дал такое пояснение: Судетская область отходит к рейху, Тешин получают поляки, Словакия получает самостоятельность, для Богемии и Моравии определяется статус германского протектората, а что касается населенной немцами территории Мемеля, то Гитлер к тому времени, как он заявил Чемберлену, был удовлетворен существующим положением вещей, т. е. на этой встрече никакие части Прибалтики не рассматривались в качестве геополитического торга.

В планах имперского Берлина страны Балтии занимали вполне конкретное место как с политической, так и сугубо военной точки зрения, поскольку этот регион представлял собой отличный плацдарм для развертывания сил вермахта в осуществлении «блицкрига» на Восток. Существенным было и то, что тогдашние режимы прибалтийских стран полностью ориентировались на Германию, и Берлин рассчитывал на то, что они (эти режимы) будут действовать в русле интересов рейха. А в политических верхах имелись конкретные фигуры, которые выступали последовательными германофилами. В их числе — президент Латвии К. Улманис и министр иностранных дел В. Мунтерс. Существовали тесные и доверительные контакты с гитлеровцами президента Эстонии К. Пятса и командующего эстонской армией генерала Й. Ляйдонера, которые были уверены в том, что со временем их страна будет оккупирована Германией (именно это было основной причиной поездок начальника эстонского генштаба в столицу Третьего рейха). Что касается Литвы, то трудно было скрыть факты ведения мемельскими немцами интенсивной работы по подготовке присоединения Мемельской области к фашистской Германии. Сведения, полученные тогда как по дипломатическим каналам, так и по линии спецслужб, свидетельствовали о том, что в случае германской агрессии в прибалтийские страны, их политическая верхушка и военное руководство были бы настроены капитулянтски, и именно в этом направлении они и выстраивали внешнеполитическую линию своих стран.

На такой их настрой никак не могли повлиять и проводимые советским руководством беседы на высшем уровне с целью убедить

руководителей прибалтийских государств в необходимости принятия мер, которые были бы адекватны реально нависшей угрозе потери этими странами своей независимости и суверенитета (приезд в Москву в 1939 г. Мунтерса, конфиденциальные консультации в Москве начальников генеральных штабов всех трех прибалтийских стран и др.).

Несмотря на многие общие черты, немецкий фактор в политике каждого из прибалтийских государств преломлялся своеобразно, с учетом конкретных условий в каждом из них. Так, например, германофильская группа латвийского премьера Улманиса при поддержке немцев, заметно улучшивших свое положение в Латвии при помощи того же Улманиса и генерального секретаря МИД Мунтерса, во второй половине 1935 г. повела ожесточенную борьбу против президента Квесиса (поддерживаемого вице-премьером Скуенеком и военным министром Балодисом) за изменение формы управления государством по образцу Германии, т. е. совмещения Улманисом поста президента и должности премьер-министра страны. Германофильская политика Улманиса сопровождалась отходом латвийского правительства от укрепления связей с СССР, чинились многочисленные препятствия развитию торговли с ним и заключению договора на продажу СССР животноводческой продукции.

Президент Улманис всецело зависел от Берлина. Как и руководитель латвийского МИДа Мунтерс, по происхождению немец, пользовавшийся большим авторитетом у президента Улманиса, старый немецкий агент, проводник политики усиления германского влияния в Латвии. Демократические круги пытались ослабить растущее политическое значение Мунтерса (даже нелегально выпустили листовку, в которой обвинили его в измене и германофильстве), однако в стране нашлись политические силы, которые поддержали Мунтерса и укрепили его позиции. Германофильские круги правительства Латвии, возглавляемые Мунтерсом, не без участия Улманиса вели с Германией секретные переговоры о блоке. В это же время латвийско-германские отношения укреплялись путем заключения ряда экономических договоров на крупные суммы (продажа для нужд германской армии животноводческой продукции, переконструирование рижского и либавского беконных заводов по производству мясных консервов опять-таки для обеспечения армии Германии, поставка некоторых видов растениеводческой продукции и др.). Причем при заключении договоров цены на все закупаемые товары устанавливались на 20 % выше мировых, чем создавался ажиотаж,

используя который латвийское правительство сворачивало торгово-экономические отношения с Советским Союзом.

В Латвии нелегально существовала фашистская националистическая организация «Перконткруст», активным участником которой был сын президента страны Квесиса, который скрывал у себя дома — в президентском замке — типографию «Перконткруст».

В октябре 1935 г. организация «Перконткруст» была разоблачена сторонниками премьер-министра Улманиса, который вел ожесточенную борьбу против президента страны Квесиса с целью свержения последнего с поста. Организованный же эстонскими вабсами путч финансировался немцами через Финляндию, причем средства шли через Финляндский государственный банк («Канссалис-Банк») и через сотрудника финского Страхового общества «Салама».

В этом отношении представляет интерес отправленная 17 апреля 1939 г. с грифом «немедленно» телеграмма полномочного представителя СССР в Латвии И. С. Зотова в Народный комиссариат иностранных дел СССР. В ней сообщалось, что, несмотря на протесты местного латвийского населения, власти санкционировали празднование так называемого «дня освобождения Риги от большевиков» немецкой группой жителей Латвии. Это действо было превращено в шумную политическую акцию, в которой приняли участие не только местные немцы, но и немцы, приглашенные из Эстонии и Латвии, а также прибывшая пароходом из Германии тысяча ландесверовцев. Участниками «дня освобождения» стали составленные из членов отборных отрядов Гитлера большие группы «экскурсантов», прибывших по водным, железнодорожным и автопутям. На эти «торжества» получил приглашение и фон дер Гольц — немецкий генерал, участвовавший в свержении советской власти в Латвии в 1919–1920 гг.

Как отмечалось в телеграмме, «все чаще появляется молодежь в форме, демонстративно употребляет гитлеровское приветствие, затрагивает латышей и вызывает их на споры, ссоры и драки. Немцы ругают латышей за прошлое и настоящее... В Межапарке (место проведения общей массовой демонстрации. — *Авт.*) властями обнаружено нелегальное собрание немецкой молодежи, — репрессии не приняты»¹.

Свое специфическое преломление имел немецкий фактор и в Литве. Одним из лидеров руководимой президентом Сметоной

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 387.

фашистской партии таутининков был литовский фашист Аугустинас Вольдемарас, занявший после фашистского переворота 17 декабря 1926 г. пост премьер-министра правительства буржуазной Литвы. При поддержке гитлеровцев он в 1934 г. предпринял попытку свергнуть Сметону и полностью захватить власть. Вольдемарас и его сторонники были платными агентами нацистской Германии, они способствовали захвату фашистскими войсками Клайпедской (Мемельской) области, а также в годы немецкой оккупации Литвы занимали в так называемой администрации руководящие посты. На Нюрнбергском процессе было установлено, что Риббентроп в тесном сотрудничестве с Гейдрихом возбуждал волнения в Литве, используя для этой цели группу пронацистски настроенных лиц, именовавшихся «сторонниками Вольдемараса».

Предоставим слово документу — письму Гейдриха Риббентропу, в котором содержится запрос о помощи «сторонникам Вольдемараса»: «Дорогой товарищ по партии фон Риббентроп. При сем прилагается дальнейший отчет относительно „сторонников Вольдемараса“. Как уже говорилось в предыдущем отчете, „сторонники Вольдемараса“ все еще просят поддержки из империи. Поэтому я прошу Вас рассмотреть вопрос об оказании финансовой поддержки им. Прошу Вас принять определенное решение по этому вопросу. Просьбу „сторонников Вольдемараса“ о финансовой поддержке, по моему мнению, следует удовлетворить¹. В другом более полном отчете имеется приписка, сделанная от руки: «Я за регулярную выплату небольшой суммы, примерно 2–3 тыс. марок каждый квартал». И подписано: «Р», т. е. Риббентроп².

В 1936 г. Чехословакия проявила заинтересованность связывать балтийский союз с Малой Антантой через посредство Литвы. Первой попыткой в реализации этого замысла стало подписание летом 1935 г. «прессе-антанта», что явилось важным шагом к политическому союзу. Однако, если литовская дипломатия проявляла в этом деле активность, то эстонцы и латыши не были особенно воодушевлены этой идеей и не спешили ратифицировать соответствующее соглашение.

Сложные перипетии наметились в литовско-польских отношениях в условиях чехословацкого конфликта. В этом конфликте по-

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1958. Т. II. С. 778.

² Там же.

зияция Польши была крайне двойственной. С одной стороны, она в союзе с фашистской Германией приняла участи в деление чехословацкого государства (присоединение Тешина), а с другой — опасаясь занятия немцами не только Клайпедской (Мемельской) области, но и всей Литвы, и боясь оказаться окруженной с трех сторон, 16 марта 1938 г. обратилась к литовскому правительству с предложением объединить в одно целое Литву и Польшу. По замыслу поляков такое объединение предполагалось осуществить путем слияния военных сил, внешнеполитических ведомств и проведения ряда других мероприятий. У литовского правительства тоже было достаточно оснований для беспокойства по этим вопросам: оно не могло не считаться с реальной возможностью агрессии со стороны фашистской Германии в отношении Литвы и не могло не учитывать возможную поддержку нацистов внутри страны «Союзом литовских активистов», вольдемарсовцами, хадеками и ляудинниками. Поэтому вполне ожидаемым было то, что поначалу при обсуждении предложения поляков на заседании литовского правительства 16 и 17 марта 1938 г. большинство членов кабинета министров во главе с президентом Сметоной были склонны принять предложение польской стороны и в случае гитлеровской агрессии — оказать вооруженное сопротивление. Но по ходу дискуссии возник вопрос о возможных протестах народных масс, среди которых после образования самостоятельного литовского государства преобладали антипольские настроения. Часть литовских военных высказались даже в том духе, что в случае немецкой агрессии «литовский вопрос» предпочтительнее разрешить «мирным путем», т. е. путем капитуляции перед нацистами, но отнюдь не путем объединения с Польшей, поскольку это могло бы привести к потере самостоятельности Литвы, физической гибели лучшей части народа и в конечном итоге лишило бы литовский народ возможности вести борьбу за независимость в будущем. В итоге польско-литовский союз не состоялся, что, разумеется, играло на руку, прежде всего, Гитлеру.

После захвата Чехословакии Германией немцы, проживающие в Клайпедке (Мемельская область), и ставшие к этому времени фактически хозяевами Клайпеды, в открытую начали работу по подготовке присоединения области к Германии. Сеймиком стали игнорироваться все существующие законы литовского правительства по Клайпедской области. Были созданы фашистские организации и штурмовые отряды, вооружение и обмундирование для которых

обеспечивалось Германией. О присоединении Клайпеды к Германии стал публично заявлять руководитель клайпедских фашистов доктор Нейман, который с целью спровоцировать конфликт с литовцами стал распространять недостоверную информацию о том, что литовцы якобы готовятся выступить против мемельских немцев.

Подобные заявления явились ни чем иным как провокацией к вооруженному вмешательству нацистов с целью захвата Клайпеды. Именно нагнетание германофильской истерии привело к конфликтам в Клайпедде, когда 10 и 28 июня 1938 г. в районе порта (по случаю дней захода в порт немецких пассажирских пароходов) немцами были организованы многочисленные демонстрации ярко выраженного фашистского характера, сопровождавшиеся лозунгами в честь Гитлера и рейха. В этой ситуации власти вынуждены были для разгрома фашистской демонстрации применить силу, после чего более 100 человек (большинство литовцев) были ранены, из них несколько человек тяжело, а один умер. Эти события, а также похороны умершего вызвали в Клайпедде большую напряженность. А литовские правительственные круги получили еще одно подтверждение, что гитлеровцы ведут активную пропагандистскую и психологическую подготовку к захвату Клайпедской области.

23 марта 1939 г. нацистские войска оккупировали Клайпеду (Литва). Гитлер, стоя на палубе броненосца «Германия», объявил о присоединении Клайпеды к рейху. Это произошло при молчаливом согласии Англии и Франции, которые в связи с этим вопиющим актом агрессии не заявили даже протеста Германии. И это при том, что их подписи стояли под Клайпедской конвенцией¹!

Что касается позиции эстонского правительства в предвоенные годы, то она однозначно сводилась к подготовке и планированию совместных действий Германии и Эстонии против СССР в случае советско-германской войны. Обсуждение этих вопросов началось еще в 1938 г. Так, 5 июля 1938 г. германский посланник в Эстонии Фройвайн после встречи с начальником штаба эстонской армии Рэком сообщил в Берлин о том, что для Таллина было бы очень важно, чтобы в случае войны, Германия осуществляла контроль над Балтийским морем.

¹ Клайпедская (Мемельская) конвенция была разработана комиссией Совета Лиги Наций и подписана в Париже 8 мая 1924 г. представителями Франции, Великобритании, Италии и Японии. Согласно этой конвенции Клайпедская область признавалась составной частью Литвы.

Более того, «генерал Рэк... заявил далее, что Эстония также может оказать содействие в этом деле. Например, Финский залив мог бы быть очень легко заминирован против советских военных кораблей, не привлекая никакого внимания. Имеются также и другие возможности»¹. А 7 марта 1939 г. советский полпред в Эстонии К. Н. Никитин сообщил в Народный комиссариат иностранных дел СССР о том, что «имеются сведения, что Эстония заключила с Германией тайный договор о пропуске германских войск через Эстонию. В связи с этим идет реорганизация направления эстонских железных дорог»².

Целью состоявшейся в мае 1936 г. в Эстонии конференции министров иностранных дел прибалтийских государств явилось провозглашение освобождения Прибалтики от влияния и союза с СССР и Францией. Ведшиеся на этой конференции переговоры с Литвой были направлены на ее освобождение из-под влияния СССР (на этот раз такие переговоры имели бóльший успех, чем раньше).

В совершенно секретном сообщении НКВД СССР за 1935 г. говорилось о том, что в политических кругах Эстонии оживленно обсуждается вопрос о намеченном в ближайшее время визите к президенту Эстонии Пятсу лидера прибалтийских организаций в Берлине профессора Курселя, связанного с внешнеполитическим отделом нацистов. Основная цель визита — обсуждение вопроса об образовании так называемой Скандинавской Антанты, т. е. столь желаемом Германией слиянии эстонской и финской политики и отрыве Эстонии от сближения с Латвией и Литвой. Пятс, не имея к этому времени твердой точки зрения в этом вопросе, вынужден был пойти на такую встречу³.

Проживающий в Таллине известный белогвардеец, представитель РОВСа полковник Энгельгарт по указанию немцев и за их средства организовал в Эстонии террористические, шпионские и диверсионные группы для переброски на территорию СССР. Он вербовал людей главным образом среди безработных белых офицеров как в Таллине, так и в провинции, преимущественно в граничащей с СССР полосе — Нарва, Юрьев, Печера. Директивы и деньги от немцев передавались через присяжного поверенного Кроммеля, работавшего в 1918 г. в германской миссии в Москве и занимавшегося разведкой.

¹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Ser. D. Bd. 5. S.384.

² Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 251.

³ См.: Прибалтика и геополитика 1935–1945 гг. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации. М., 2009. С. 33.

Германо-эстонское сближение сопровождалось усиленным насаждением немцев в Эстонии. Как правило, после заключения той или иной торговой сделки с Эстонией Германия получала в секретном режиме разрешение эстонских властей на въезд и длительное пребывание в стране определенного количества немцев. Широкое распространение тогда получила практика закупки германским правительством больших участков земель в Эстонии. Как правило, такие сделки Германия стремилась маскировать. Выступая в качестве тайного заемщика, она посылала деньги окольным путем в один из земельных банков Таллина. Поскольку же действовать приходилось из Германии, было решено представить заимодавцем находящееся в Берлине «Балтийское товарищество» («Балтийское братство»). В 1936 г. германское правительство для покупки земельных участков в Эстонии дополнительно отпустило 500 000 марок сверх рамок предоставленного для этой цели бюджета. В свою очередь усилия в этом деле прикладывало и министерство пропаганды, создав для начала специальный реферат. В усилении влияния Германии в Эстонии большое содействие оказывал банк «Шелл». То, что большинство руководителей эстонского правительства экономически зависели от этого банка, говорит само за себя: президент страны Пятс вел с банком коммерческие операции, командующий армией генерал Лайдонер состоял членом совета этого банка; Пятс и Лайдонер получали от Германии денежную дотацию и т. д.

Ярым германофилом, проводником политики сближения с нацистской Германией был премьер-министр Эстонии Ээнпалу. Он не только сблизился с Народным национальным союзом немцев в Эстонии, и не только стал секретно субсидировать эту организацию, но и являлся еще и ее советником. Он рекомендовал организации обратить бóльшее внимание на публичные выступления с расчетом популяризации идей немецких организаций в эстонских общественных кругах. Обещая организации поддержку прессы, особое внимание обращал на планомерное воспитание будущих вождей немецкого населения в Эстонии с таким расчетом, чтобы в нужный момент Народный национальный союз немцев в Эстонии смог бы дать для немецкого движения нужных руководителей¹. Глава эстонского правительства благожелательно высказывался в отношении финансиру-

¹ См.: Прибалтика и геополитика 1935–1945 гг. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации. М., 2009. С. 63.

вания всех без исключения немецких национальных организаций в Эстонии, а также вместе с министром просвещения Канном одобрил легализацию в Эстонии немецкой фашистской молодежной организации «Гитлер-Югенд» (однако, опасаясь протеста со стороны советского полпредства, они не стали реализовывать эту идею).

По протекции Пятса в МИД на должность помощника директора торгового департамента был назначен гитлеровский агент, прибалтийский барон фон Миквиц, от которого даже его руководитель (директор торгового департамента) вынужден был скрывать секретные дела.

Углубление германо-эстонских контактов сопровождалось все большим и большим возрастанием зависимости эстонского правительства от немцев, нарастало ощущение приготовления к войне и потери страной самостоятельности. Эстонское правительство, понимая, что в случае войны Германия займет Эстонию, заранее примирилось с такой судьбой и даже предприняло ряд мер с учетом предполагаемых изменений: осуществило перевод государственных предприятий в частные руки, способствовало созданию крупных капиталов, которые потребовались бы в будущем. Начался переход крупных пакетов акций предприятий, финансируемых государством, в руки частных лиц, особенно в руки семьи президента Пятса и лиц, близких к генералу Лайдонеру. А министр Сельтер купил на свое имя у частных предпринимателей из Германии акции разных заводов на сумму 750 000 эстонских крон. Характеризуя обстановку в стране в это время, экс-президент Теннисон отмечал: «Окружение Пятса и его семьи начинает выглядеть чудовишно. Немцы медленно начинают просто подкупать их. Министр иностранных дел Акель никакой роли не играет. Всю внешнюю политику ведет сам Пятс, а задача Акеля закрывать глаза на все происходящее»¹.

Пятс патронировал крупнейшую операцию по приобретению в Германии вооружения всех видов, не исключая танков, орудий и т. д., причем как нового, так и уже бывшего в употреблении (всего приблизительно на 1 млн английских фунтов). Основной смысл этой операции — тщательное вооружение Эстонии усилиями Германии, даже если она (Германия) понесет от этого финансовые убытки. По условиям, определенным немецкой стороной, в качестве оплаты использовалось эстонское сланцевое масло. Шел также разговор и о

¹ См.: Прибалтика и геополитика 1935–1945 гг. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации. М., 2009. С. 62.

предоставлении Эстонией Германии базы для германских подводных лодок и других подобных концессий. Осуществляя такую программу, эстонское правительство панически боялось, чтобы сведения об этих сделках не проникли в Советский Союз. Чтобы скрыть эти мероприятия, решено было проводить их под шведским флагом, поставки оружия производить из германских заводов в Швеции, а для поставок масла создать шведское акционерное общество в Эстонии.

С целью еще большего углубления торгово-экономических отношений с Эстонией, немцы еще в 1937 г. заявили о том, что они готовы закупить весь эстонский экспорт с тем, чтобы эстонцы импортировали немецкие промышленные товары, особенно военные материалы. Когда же Таллин заключил со Скандинавией договор о продаже 2 млн литров эстонского спирта, немцы внесли встречное предложение: они готовы купить весь эстонский экспорт спирта вплоть до 5 млн литров.

Отмеченные выше прогерманские ориентации правительств прибалтийских государств в «домюнхенский период» не являются, разумеется, единственным направлением всей их внешней политики. Дипломатия этих стран имела множество оттенков как во внутристрановом, так и межстрановом аспекте, кроме того она была подвержена сильному воздействию общеевропейской политической конъюнктуры, которая, в свою очередь, отличалась большой подвижностью, в ряде случаев неопределенностью и изменчивостью. Особенно сложной оказался период второй половины 1938 – первой половины 1939 гг., вполне обоснованно названный политиками и исследователями «годом кризиса» (имелся в виду не календарный год, а год, состоящий из двух полугодий). В укрупненном плане внешнеполитическая нюансировка прибалтийских государств выглядит следующим образом.

Латвия. Германофильство президента Улманиса и его единомышленников отнюдь не означало, что в случае возникновения европейского конфликта, Рига будет однозначно следовать в немецком фарватере. Латыши наверняка заняли бы позицию нейтралитета, не питая при этом иллюзий по поводу возможности долго его сохранять. При этом не исключалось столкновение на территории Латвии немецких и советских войск; допускались различные виды интервенции: а) немецкая и советская интервенция морским путем; б) наступление немцев по старым дорогам Восточной Пруссии через Литву; в) наступление советских войск по старой, хорошо из-

вестной дороге через Эстонию, а также через Даугавпилс, расположенный вблизи латвийско-польско-советской границы.

Окончательное же решение латышского правительства, как отмечали аналитики в то время, зависело бы от первоначальных успехов той или иной стороны (СССР или Германии). Но в любом случае Улманису пришлось бы считаться с тем, что наиболее многочисленный слой страны — крестьянство — было настроено антигермански: оно страшилось власти баронов, которые, будучи переполнены чувством мести за проведенную в Латвии земельную реформу, вошли в национал-социалистические дружины, способные в случае оккупации Латвии немецкими войсками расправиться с неугодными им элементами.

Антигерманские настроения господствовали и среди военных, в том числе и среди генералитета. К германофильству склонялись финансисты, предприниматели и торговцы. Это была хоть и богатая, но все же незначительная часть населения страны, а потому правящие круги не могли с этим не считаться. В декабрьском докладе 1938 г. чешского посла в Латвии Барачека в МИД Чехословакии по вопросу об отношении Латвии и других прибалтийских стран к вероятному советско-германскому конфликту и мировой войне, отмечалось: «В случае столкновения русских и немецких войск на территории Латвии латыши, пожалуй, решили бы стать на советскую сторону, учитывая симпатию большинства народа»¹. Свое видение этой ситуации чешский дипломат обосновывал такими аргументами: «Даже при поверхностном знакомстве с положением в Латвии нетрудно убедиться в том, что латышский народ в большинстве своем настроен антинемецки. Подобные антинемецкие настроения берут свое начало еще со времени владычества прибалтийских баронов в Латвии, которым русское царское правительство, к сожалению, покровительствовало. Однако бесспорно и то обстоятельство, что к русским, в особенности, к большевикам, латыши особых симпатий также не питают. Причем эта симпатия направлена не столько против русского народа вообще, сколько против русского государственного режима, как царского, так и советского»² (подчеркнуто нами. — *Авт.*).

¹ См.: Прибалтика и геополитика 1935–1945 гг. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации. М., 2009. С. 91.

² Там же. С. 90–91.

Литва. Во многом решающим для нее был геополитический фактор — территориальное расположение ее между Германией, Советским Союзом и Польшей. То, что столкновение этих государств стоило бы Литве жизни, — аксиома. Искать самую надежную позицию при наличии такой устрашающей перспективы оказалось делом крайне сложным, и в нем были допущены некоторые просчеты. В самом деле, обращаться за защитой к Англии и Франции? Надежд мало не только потому, что они далеко, но и из-за их крайне непоследовательной европейской политики, особенно в вопросе борьбы с нависшей фашистской угрозой. Прибегнуть к нейтралитету? Но это означало бы изолированность, ведущую в тупик. Каков же выход из создавшегося положения? В рапорте финляндского посланника в Каунасе Палина МИДу Финляндии от 29 марта 1937 г. изложено финское видение этой проблемы: «Таким образом, Литва должна выбирать между Польшей, Германией и Советским Союзом, причем Литва выбирает последнее. Трудности, существующие у Литвы во взаимоотношениях с Германией и Польшей, не существуют у нее во взаимоотношениях с Советским Союзом. Уже в двух конкретных случаях была получена от Советского Союза помощь. Поэтому в Литве не сомневаются в том, что Советский Союз естественный друг, и если опасность, угрожающую со стороны Польши и Германии, расценивают как очень большую, то является только естественным, что дружба с Советским Союзом занимает такое большое место в политике Литвы»¹ (подчеркнуто нами. — *Авт.*).

Эстония. Ее внешняя политика имела резко выраженное анти-русское настроение, предпочтение отдавалось полонофильской политике. Эстонская внешнеполитическая позиция строилась на вере в успех политики нейтралитета, которую полковник Бек охарактеризовал такими словами: «Ни столкновения, ни соглашения», что означало, в случае возникновения войны между Германией и СССР, недопущение блоком нейтральных стран ни столкновения, ни соглашения с вступившими в вооруженный конфликт сторонами. Однако наблюдатели тогда отмечали, что Эстония в случае войны и поражения польской политики, скорее всего, станет не на сторону Германии, а на сторону СССР.

¹ См.: Прибалтика и геополитика 1935–1945 гг. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации. М., 2009. С. 73.

Впрочем, когда речь идет о внешнеполитических позициях прибалтийских государств в предвоенные годы, то следует иметь в виду, что они (позиции) не были максимально консолидированными среди руководящей и политической элиты этих стран. Более того, нередко давали себя знать негативные внутригрупповые и межличностные проявления. Так, начальник эстонского генштаба генерал Реек перед отъездом в Москву на встречу начальников генеральных штабов прибалтийских стран (май 1936 г.) даже не зашел к тогдашнему министру иностранных дел Сельяме, продемонстрировав тем самым, что между военным и внешнеполитическим ведомствами существуют нездоровые отношения. Начальник же латвийского генштаба генерал Гартманис приехал в Москву вопреки желанию командующего армией генерала Берниса, препятствовавшего этой поездке. А командующий эстонской армией генерал Лайдонер неоднократно подчеркивал отсутствие какой-либо политической значимости поездки генерала Реека в Москву.

И тем не менее, характеризуя внешнюю политику прибалтийских государств в целом, следует отметить, что при наличии в ней множества нюансов, свойственных для каждой из этих стран, на нее воздействовало несколько общих для Латвии, Литвы и Эстонии внешних факторов: а) сила соперников в германо-советском противостоянии и виды на победу в этом противоборстве; б) позиция и реакция на эти события Англии и Франции; в) общее состояние европейской безопасности.

На этом фоне высвечивались и проблемы Прибалтийской Антанты. Так, дружественный настрой Литвы по отношению к СССР отрицательно действовал на Латвию и Эстонию, которые стремились к полному нейтралитету. Особенно нервировал Латвию вопрос о военной помощи СССР Литве, поскольку Латвия находилась в военных связях с Эстонией. Характер советско-литовских отношений в это время беспокоил и Германию.

Необходимо выделить и вопрос о гарантиях прибалтийским государствам, который ставился советской стороной в ходе англо-франко-советских переговоров постоянно. Лондон, в отличие от ситуации с обсуждением таких же гарантий (при определенных оговорках) для Польши и Румынии, в данном случае отмалчивался. Почему? Некоторым образом прояснить вопрос, «почему Чемберлен не желает предоставлять гарантии прибалтийским государствам», поможет информация, которую латвийскому посланнику в Бельгии

М. Вальтерсу передал вернувшийся из Лондона китайский посол в Брюсселе Дзинь Тай, получивший сведения по данному вопросу в авторитетных лондонских кругах. Вальтерс, обобщив сказанное ему, сообщил 5 июня 1939 г. в МИД Латвии: «Оставляя прибалтийские государства вне гарантий, Германии указывают путь к границам Советского Союза. Если определенные границы оставляют негарантированными, то из этого ясно, что на них можно нападать». И далее, по словам посла, в Лондоне указали, что «Чемберлен желает, чтобы Германия все же, в конце концов, оказалась в состоянии конфликта с Советским Союзом, что является давнишним планом Чемберлена»¹ (подчеркнуто нами. — *Авт.*).

Проблема гарантий прибалтийским государствам стала предметом острых дискуссий и после того, как 15 июня 1939 г. британская сторона предложила свои поправки к советскому проекту трехстороннего англо-франко-советского договора. Суть этих поправок сводилась к тому, что, по мнению английского и французского правительств, СССР должен оказать немедленную помощь Польше, Румынии, Бельгии, Греции и Турции в случае нападения на них агрессора и вовлечения в связи с этим в войну Англии и Франции, между тем как Англия и Франция не берут на себя обязательств по оказанию СССР немедленной помощи в случае, если Советский Союз будет вовлечен в войну с агрессором в связи с нападением последнего на граничащие с СССР Латвию, Эстонию и Финляндию. В памятной записке, врученной В. М. Молотовым 16 июня 1939 г. послам Великобритании и Франции в СССР, было заявлено: «Советское правительство никак не может согласиться с этим, так как оно не может примириться с унижительным для Советского Союза положением, в которое он при этом попадает»² (подчеркнуто нами. — *Авт.*).

В этих условиях, учитывая возражения Англии против предоставления англо-франко-советских гарантий прибалтийским странам, советское правительство предложило пока снять вопрос о гарантиях другим странам и принять действенные меры по ускорению подписания соглашения трех держав о взаимной помощи друг другу. Однако Лондон и Париж отвергли эти предложения, чем

¹ Цит. по: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 397.

² Там же. Т. 2. С. 33.

продемонстрировали незаинтересованность в скорейшем завершении переговоров и заключении соглашения об оказании помощи СССР в случае нападения на него, а также обеспечении трехсторонних гарантий прибалтийским государствам.

Новый виток противостояния по проблеме гарантий произошел после того, как 21 июня 1939 г. советской стороне был передан проект статьи 1 договора о взаимной помощи между Великобританией, Францией и Советским Союзом. Вручение этого проекта В. М. Молотову сопровождалось таким заявлением английского и французского послов: «Учитывая точку зрения советского правительства, а также данные географического порядка, прибалтийские государства, Польша и Румыния являются, если оба правительства не ошибаются, именно теми соседними европейскими государствами, неприкосновенность которых представляет один из элементов безопасности СССР. Что касается Франции и Великобритании, то для них Бельгия, Голландия и Швейцария являются теми европейскими странами, которые имеют для безопасности Франции и Англии то же значение, что и пять вышеуказанных государств для России»¹.

Такой постановкой вопроса Лондон и Париж стремились представить дело таким образом, что новые англо-французские «инициативы» учитывают все пожелания Советского Союза и интересы его безопасности, в том числе и в отношении распространения гарантий на прибалтийские государства. На самом же деле, это было далеко не так.

Во-первых, на заданный В. Молотовым вопрос английскому и французскому послам о том, кто будет решать, представляет ли агрессия против какой-либо европейской страны опасность для одной из трех держав, послы ничего внятного не могли заявить, а лишь признали, что по этому вопросу в их проекте «ничего не сказано»². А во-вторых, теперь уже для советской стороны оказался неприемлемым официально поставленный англичанами и французами вопрос о распространении гарантий трех держав на Голландию и Швейцарию, что означало для СССР существенное расширение возлагавшихся на него обязательств. Так, в очередной раз был создан еще один «дипломатический тупик» — как по вопросу гарантий

¹ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 6. P. 135.

² Ibid.

для прибалтийских государств, так и в более широком плане — по проблеме заключения «договора трех».

23 июня 1939 г. В. М. Молотов в порядке ориентировки дал такую телеграмму полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу: «Переданные нам 21 июня англо-французские предложения сопровождаются мотивировкой, будто они основаны на „полнейшем равенстве для трех договаривающихся сторон“, но на деле представляют совсем другое. По-прежнему в этих „новых“ предложениях Англия и Франция уклоняются от тройственной немедленной помощи против агрессора трем прибалтийским странам, предусматривая тройственную немедленную помощь известным пяти странам (Польша, Румыния, Бельгия, Греция, Турция. — *Авт.*). К этим пяти странам в „новых“ англо-французских предложениях добавлены еще две: Швейцария и Голландия, которым СССР также должен обязаться оказывать помощь вместе с Англией и Францией, хотя, как известно, у СССР нет даже дипломатических отношений со Швейцарией и Голландией. Ввиду такого положения нами дан краткий ответ, в котором указано, что последние англо-французские предложения являются повторением старых предложений Англии и Франции, против которых советское правительство уже сделало серьезные возражения. И поэтому эти предложения отклонены как неприемлемые»¹.

9. Позиция СССР в предотвращении нацистской агрессии

Советский Союз осознал опасность для дела мира со стороны фашистской агрессии сразу же после прихода к власти Гитлера. При этом Москва не исключала и такого развития событий, когда агрессия раньше всего будет направлена против творцов Версальского и Сен-Жерменского актов и государств, возникших и расширившихся на основе этих пактов. Но даже при этом Советский Союз считал фашистскую агрессию общей опасностью, для предотвращения которой необходимы общие усилия и налаживание сотрудничества всех неагрессивных государств. Именно этими соображениями обуславливалось вступление в Лигу Наций, которая по идее

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 51.

и должна была быть (но не стала) аппаратом именно такого международного сотрудничества и коллективной безопасности. Настойчиво вносимые Москвой на протяжении пяти лет предложения как раз и были направлены на укрепление Лиги, придание ей действенной силы, т. е. на создание системы региональных пактов, проведение региональных совещаний по проблемам безопасности, применение к агрессорам предусмотренных Уставом Лиги санкций, готовность участвовать в таких санкциях, независимо от того будут ли задеты интересы СССР отдельными случаями агрессии.

В качестве ответа на возникшую после аннексии Австрии опасность нападения нацистов на другие среднеевропейские государства Москва предложила тогда немедленный созыв совещания заинтересованных государств. На укрепление европейской безопасности был направлен и советско-чехословацкий договор о взаимной помощи¹. Когда же разразился судетский конфликт, СССР предложил Франции и Чехословакии провести совещание генеральных штабов и совершенно недвусмысленно заявил о своей готовности выполнять свои обязательства в отношении Чехословакии на предусмотренных советско-чехословацким договором условиях (т. е. при одновременном оказании помощи Чехословакии также и Францией). Антифашистскую позицию заняла Москва и в испанском кризисе.

Как же реагировали на все это западные демократии? Англия и Франция игнорировали предложения СССР, они также отвергали принципы Лиги, отдавая предпочтение разрешению отдельных проблем, причем не путем сопротивления агрессии, а фактически капитуляцией перед ней. Со стороны Лондона и Парижа не последовало адекватной реакции на ясно наметившийся агрессивный блок Германии, Италии и Японии. Любые предложения о проведении совещаний миролюбивых сил отклонялись под предлогом, что это может быть истолковано агрессивными странами как проведение блоковой политики против них. Политика «умиротворения» агрессора завершилась для Англии и Франции мюнхенской капитуляцией, вдохновившей фюрера на новые агрессивные акты.

¹ Советско-чехословацкий договор о взаимной помощи от 16 мая 1935 г. содержал не только обязательство сторон оказывать друг другу помощь в случае нападения на одну из договаривающихся сторон со стороны какого-либо европейского государства (аналог с советско-французским договором от 2 мая 1935 г.), но и оговорку о том, что обязательства о взаимной помощи будут действовать лишь при условии, если помощь стороне-жертве нападения будет оказана со стороны Франции.

Западные демократии продемонстрировали общность позиций и в испанском вопросе. Вслед за нацистской Германией и фашистской Италией 27 февраля 1939 г. официально признали фашистский режим Франко в Испании правительства Англии и Франции, США — 1 апреля 1939 г. А франкистская Испания, в свою очередь, 27 марта 1939 г. подписала протокол о присоединении к «антикоминтерновскому пакту». На следующий же день, т. е. 28 марта 1939 г. войска Франко заняли Мадрид.

В этих условиях Советский Союз, не отказываясь от сотрудничества с другими странами, пришел к выводу, что он, как никакая другая страна, должен сам позаботиться о защите своих границ. Сотрудничество же с другими странами рассматривалось прежде всего как взаимодействие на пути действительного общего сопротивления агрессорам, когда базой такого сотрудничества является признание агрессии в качестве единой проблемы, требующей общих действий независимо от того, касается ли она в том или ином случае интересов того или иного из участников сотрудничества. Москва последовательно исходила из того, что агрессия, как таковая, требует общей борьбы с ней независимо от того, происходит ли она в Европе, Азии или на другом континенте. Поэтому в условиях, когда существование агрессивных блоков является реальностью, нет никаких оснований отрицать необходимость совещаний и конференций и соглашений антиагрессивных стран. Что же касается конъюнктурных, необязательных и необязывающих совещаний, которые, от случая к случаю, могут лишь служить средством в дипломатической игре того или иного государства, то Москва высказалась против такой неэффективной практики и официально поставила об этом в известность руководителей западных стран. Такой подход со стороны СССР был изложен, например, в беседе наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова министру по делам заморской торговли Великобритании Р. Хадсону 23 марта 1939 г.: «Мюнхенская политика уничтожила международное доверие, а также авторитет великих держав среди малых государств. После пятилетнего периода инициативы, всякого рода предложений с нашей стороны и безуспешных усилий осуществления международного сотрудничества мы вправе занять выжидающую позицию в ожидании инициативы и предложений со стороны других. Вряд ли могут быть достигнуты какие-либо серьезные результаты, если сотрудничество сведется к тому, что одна сторона будет вопрошать, а другая должна отве-

чать... Мы с достаточной полнотой и ясностью излагали наши международные концепции. Вытекающие отсюда детали могут быть выяснены со стороны всех государств только путем общего обмена мнениями, а потому мы и предложили конференцию шести»¹.

Англия и Франция, стремясь хоть как-то отреагировать на такой поворот событий, дали весной 1939 г. заверения Польше, Румынии, Греции и Турции, что не бросят их на произвол в случае возникновения агрессии против них. 25 августа 1939 г. Великобритания и Польша подписали договор о союзе, чем дали понять Германии, что Великобритания намерена защищать «польский вопрос» лишь в ходе переговоров. Это не могло не повлиять на то, что Гитлер отложил нападение на Польшу, запланированное на 26 августа.

После захвата немцами Чехии и присоединения ими 23 марта 1939 г. Клайпеды Франция и Великобритания начали переговоры со Сталиным о заключении договора о взаимной поддержке, направленного против нацистской Германии. Чемберлен при этом имел в виду и советские гарантии для Польши, аналогичные тем, которые декларировались Великобританией уже 31 марта. Сталин же настаивал на подписании договора о взаимной поддержке, в который была бы включена проблема прибалтийских стран и Финляндии. Но эти страны отвергли советские предложения, отказалась подписывать советский вариант договора и Польша, рассчитывавшая на военную и политическую поддержку западных государств.

Весной 1939 г. Лондон установил контакты с Москвой на предмет возможного согласования позиций перед лицом разрастания нацистской агрессии. К начавшемуся англо-советскому обмену мнениями со временем подключилась и Франция. Однако, как вскоре выяснилось, главная цель британской дипломатии заключалась в подталкивании Берлина к соглашению с Англией и Францией, но отнюдь не в достижении взаимопонимания с СССР. На Гитлера и его окружение британская инсценировка решимости искать в Москве альтернативу соглашения с Германией не произвела никакого впечатления.

В этой ситуации 17 апреля 1939 г. Москва выступила с инициативой: заключить между Советским Союзом, Англией и Францией договор о взаимной помощи, предусматривающий в том числе и оказание помощи европейским государствам в случае если против

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 318.

них будет осуществлена агрессия. Дабы избежать потери времени и различного рода проволочек, которые, как правило, возникают в таких случаях, Москва даже предложила проект возможной военной декларации, учтя при этом некоторые предложения, которые были высказаны предварительно французской стороной. Этот документ, состоящий из восьми пунктов, содержал такие положения: стороны обязывались (на 5–10 лет) оказывать друг другу немедленную всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств; оказывать всяческую, в том числе военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств; в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств, тем государствам, о которых речь шла выше; английское правительство давало свое разъяснение по поводу того, что обещанная им Польше помощь предполагается лишь в случае агрессии исключительно со стороны Германии; существующий между Польшей и Румынией союзный договор объявлялся действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии либо же вовсе отменялся, как направленный против СССР; стороны обязывались после открытия военных действий не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия; подписывать соответственное соглашение одновременно с конвенцией по вопросам установления размеров и форм военной помощи, оказываемой договаривающимися сторонами другим странам; признавалась необходимость для Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении и о военной помощи.

Как мы видим, предложения впечатляющие и всеобъемлющие. А время уже было критическое: всего через четыре месяца начнется Вторая мировая война...

Как же ответили «умиротворители агрессора» на советские предложения, направленные на предотвращение уже нависшей реальной военной угрозы? Британский кабинет во главе с Н. Чемберленом 26 апреля счел эти предложения «неприемлемыми». Министр иностранных дел Англии лорд Галифакс заявил на заседании правительства 26 апреля 1939 г., что «время еще не созрело для столь всеобъемлющего предложения, и мы предложили русскому прави-

тельству подвергнуть дальнейшему рассмотрению наш план»¹. А 3 мая 1939 г. на заседании кабинета министров тот же Галифакс сообщил, что он запросит Россию, «не будет ли она готова сделать одностороннюю декларацию о том, что она окажет помощь в такое время и в такой форме, которая могла бы оказаться приемлемой для Польши и Румынии»². Так, вместо ответа по существу Лондон начал маневрировать, а точнее, — путем выдвижения разных встречных предложений заниматься проволочками, фактически блокируя советские предложения. Глава же Северного департамента МИД Англии Л. Кольер, характеризуя позицию своего правительства, высказался более чем определенно, отметив, что оно (правительство) не желает связывать себя с СССР, «а хочет дать Германии возможность развивать агрессию на Восток за счет России»³.

Как лавировала британская дипломатия в вопросе о дальнейшей позиции в англо-франко-советских переговорах после подписания 22 мая 1939 г. германо-итальянского договора, свидетельствует меморандум, составленный 22 мая 1939 г. в министерстве иностранных дел Англии.

С одной стороны, авторы меморандума не могли не признать наличие положительных для Англии позиций в договоре между Англией, Францией и Советским Союзом. Отмечалось даже, что такой договор является «единственным средством предотвращения войны». При этом высказывалось пожелание заключить какое-то соглашение, в соответствии с которым в случае нападения на Англию Советский Союз должен был бы прийти ей на помощь: а) для того, чтобы Германии пришлось воевать на два фронта; б) для того, чтобы «попытаться вовлечь в войну и Советский Союз», с тем чтобы он не остался невредимым, в то время как Англия и Германия будут разбиты⁴.

С другой стороны, в качестве отрицательного для Англии момента указывалось на то, что в результате заключения такого договора могут сделать «вывод, что правительство Его Величества окончательно отказалось от всякой надежды добиться урегулирования с Германией...». Создавать же такое впечатление правящие круги Англии, все еще надеявшиеся заключить соглашение с фашистской

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 391.

² Там же.

³ Там же. Т. 1. М., 1990. С. 9.

⁴ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 5. P. 640–646.

Германией, не хотели. В меморандуме высказывалось также и опасение, что в случае заключения договора Англия «в результате неспособности Польши или Румынии оказать сопротивление германскому нападению или в результате нападения Германии на Советский Союз морем или через прибалтийские государства может быть втянута в войну не с целью защиты независимости какого-либо малого европейского государства, а для оказания поддержки Советскому Союзу против Германии»¹. Помогать же СССР в планы Лондона не входило — ни раньше, ни в данном случае, ни в дальнейшем.

К вопросу о заключении трехсторонних англо-франко-советских соглашений аналогичным образом отнеслись и в Париже, согласившись с мнением Лондона, что предложение СССР «не отвечает требованиям нынешней ситуации»². При этом Англия и Франция избрали тактику выдвижения перед Москвой односторонних требований: домогаясь от СССР готовности помогать как им, так и тем государствам, которым Лондон и Париж дали свои гарантии, они уклонялись от принятия на себя обязательств о помощи Советскому Союзу. Поэтому советское правительство вполне резонно расценило подобные претензии как «издевательские». Так, вопрос о взаимности стал серьезным препятствием для безотлагательного принятия «договора трех» о взаимной помощи, что угрожало самому переговорному процессу. Но англичане и французы отдавали себе отчет в том, что прекращение переговоров с Москвой может подтолкнуть ее к поиску иной альтернативы, тем более, что они не могли не обратить внимание на проснувшиеся в Берлине интересы к известной нормализации отношений с Москвой (на первых порах в экономике). И вот в этих условиях наметился водораздел между политиками и военными в обосновании необходимости заключения англо-франко-советского договора о взаимопомощи.

Как бы это удивительно ни звучало, но военные в этом споре оказались мудрее, о чем свидетельствует внесенный на заседание британского правительства 16 мая 1939 г. меморандум начальников штабов трех видов британских вооруженных сил. Вот мнение военачальников: соглашение «будет представлять собой солидный фронт внушительной силы против агрессии», неподписание же документа окажется «дипломатическим поражением, которое повле-

¹ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 5. P. 640–646.

² Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 9.

чет за собой серьезные военные последствия»; отвергая союз с Россией, Великобритания толкнула бы ее на соглашение с Германией, и «мы совершили бы огромную ошибку жизненной важности»¹. И ошибка огромной жизненной важности все же была допущена, но не по вине военных, а политиков — на этом же заседании лорд Галифакс сказал, что политические аргументы против пакта с Советским Союзом более существенны, чем военные соображения в пользу пакта², а Н. Чемберлен заявил, что он «скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами»³.

Но для противодействия нормализации отношений между Берлином и Москвой британской дипломатией было признано целесообразным «какое-то время продолжать поддерживать переговоры с Советским Союзом»⁴. С этого момента «умиротворители агрессии» избрали тактику «переговоры ради переговоров» с установкой на то, что они никогда не должны завершиться подписанием официального документа. Такая циничная игра осуществлялась несмотря даже на то, что после того, как с середины июня они проходили в Москве, советскую сторону представлял глава правительства и нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов. Приглашение же советским правительством на переговоры Галифакса было отклонено Н. Чемберленом, заявившим, что визит в Москву британского министра «был бы унижительным»⁵. Несмотря на беспрецедентную дипломатическую беспардонность, советская сторона не пошла по пути конфронтации, а стремилась во чтобы то ни стало вести курс на достижение поставленной цели — подписания трехстороннего договора, от которого зависела судьба мира.

На московской части переговоров Англию представлял посол в Москве У. Сидс, на подмогу которому был направлен руководитель одного из департаментов Форин офиса У. Стрэнг, сопровождавший Чемберлена осенью 1938 г. во время его поездки в Германию для переговоров с фюрером. Францию на переговорах представлял посол в Москве П. Наджиар. За полтора месяца (с 15 июня по 2 августа) состоялось 12 заседаний, как правило, продолжительных по времени.

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 10.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Тактика британской стороны сводилась к тому, чтобы в ходе дискуссий создавать впечатление заинтересованности Лондона в успехах переговоров. Однако в секретных директивах была запрограммирована их безрезультативность. Для маскировки был даже представлен англо-французский вариант проекта итогового документа.

После состоявшегося 15 июня первого заседания В. М. Молотов вынужден был в порядке ориентировки сообщить советским полпредам в Лондоне и Париже о нечестной игре англо-французской дипломатии: «Англо-французские предложения... в основном повторяют их предыдущие предложения. В частности, от нас требуют немедленной помощи известным пяти странам, но отказываются от немедленной помощи трем прибалтийским странам, ввиду будто бы их отказа принимать такую помощь. Это означает, что французы и англичане ставят СССР в унижительное неравное положение, с чем мы ни в коем случае не можем мириться... Нам кажется, что англичане и французы хотят заключить с нами договор, выгодный им и невыгодный нам, т. е. они не хотят серьезного договора, отвечающего принципу взаимности и равенства обязательств. Ясно, что мы не пойдем на такой договор»¹.

Серьезность намерений Москвы вынужден был признать даже Чемберлен: «Русские преисполнены стремления достигнуть соглашения»². Тем не менее в переговорном процессе подвижек не наблюдалось. Более того, ситуация обострилась в связи с фактическим отказом англичан и французов заключать наряду с политическим соглашением также и военную декларацию. В телеграмме министра иностранных дел Франции Ж. Боннэ французским послам в Москве и Лондоне от 24 июня содержалось четкое указание: политическое соглашение не должно быть обусловлено заключением военного соглашения³. Лондон и Париж настоятельно ухаживали также от того, чтобы брать на себя обязательство не заключать в случае войны сепаратного мира с нацистами.

Когда же на состоявшемся 4 июня 1939 г. заседании британского правительства рассматривался вопрос о срыве московских переговоров, вновь была подтверждена линия на то, что дискуссии в Москве надо продолжать, но к соглашению дело не вести. Лорд

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 34–35.

² Там же. Т. 1. С. 11.

³ Там же.

Галифакс твердо и однозначно подтвердил ранее сформулированную позицию Лондона: «Наша главная цель в переговорах с СССР заключается в том, чтобы предотвратить установление Россией каких-либо связей с Германией»¹. И это при том, что военный министр Л. Хор-Белиша предупреждал своих коллег по кабинету, что «хотя это в настоящее время кажется невероятным, элементарная логика подсказывает возможность соглашения между Германией и СССР»². И тем не менее лорд Галифакс дал указание британской делегации в Москве отклонить оба предложения советского правительства, которые тогда обсуждались на переговорах: предложение об одновременном подписании политического и военного соглашения, а также советский проект определения косвенной агрессии. При этом Лондон исходил из того, что если бы и пришлось заключать соглашение о косвенной агрессии, то его надо было бы сформулировать таким образом, чтобы Англия могла уклониться от его выполнения.

Обструкционистскую позицию заняло и французское правительство: оно сообщило англичанам 11 июня, что считает неприемлемым предложение Москвы об одновременном вступлении в силу политического и военного соглашения. При этом выдвигался аргумент: в переговорах по военным вопросам могут возникнуть трудности, связанные с получением согласия Польши и Румынии на проход советских войск через их территорию³.

К 17 июня переговоры забуксовали, они оказались на грани срыва. А одновременно с этим мобилизационные мероприятия в Германии достигли небывалых масштабов, что вызвало тревогу англичан и французов. Особое беспокойство Парижа объяснялось тем, что, во-первых, в случае нападения Германии на Польшу, англичане должны были ограничиться только блокадой нацистского рейха; а во-вторых, в случае отсутствия соглашения с Советским Союзом после разгрома Польши основным фронтом оказался бы германо-французский, и Франция стала бы после Польши очередным объектом нацистской агрессии. И вот в этой ситуации Париж вспомнил о подписанном в 1935 г. двустороннем франко-советском договоре о взаимопомощи, превращение которого в трехсторонний, т. е. англо-франко-советский стало бы для Франции спасением

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 12.

² Там же.

³ Там же.

(ведь Гитлер не считал возможным развязывать войну, если придется одновременно воевать против Франции, Англии и Советского Союза).

Вот только на этом этапе Лондон и Париж (опять-таки не без многих проволочек) в конце июля подтвердили готовность заключить одновременно с политическим также и военное соглашение, для чего начать переговоры военных представителей. Этому шагу можно было бы радоваться. Но британцы оказались верны своей двуликой политике: Н. Чемберлен вступил в тайные контакты с Гитлером, в ходе которых Лондон подтвердил, что в случае договоренности с Германией, англичане аннулируют гарантии, данные ими некоторым государствам, находящимся в германской сфере интересов. Заявлено было также, что «Великобритания воздействовала бы на Францию в том смысле, чтобы Франция уничтожила свой союз с Советским Союзом и свои обязательства в Юго-Восточной Европе. Свои переговоры о пакте с Советским Союзом также прекратила бы»¹.

Такие маневры британских консерваторов имели серьезные последствия: с одной стороны, они подтвердили то, что Н. Чемберлен не пересмотрел свою мюнхенскую политику и не склонен был делать этого в перспективе, а с другой — закулисная игра, о которой стало известно и в Москве (об этом сообщила «Правда» 24 июля 1939 г.), усилила подозрение со стороны Москвы по поводу подлинных намерений Лондона и Парижа.

К тому же именно в этот момент состоялся так называемый «дальневосточный Мюнхен»: 24 июля было опубликовано англо-японское соглашение, по которому Лондон обязывался не поощрять какие-либо меры или действия, препятствующие достижению японскими войсками их целей в Китае, плюс к этому военные действия против советско-монгольских войск в районе р. Халхин-Гол, в чем Лондон политически ассистировал Токио, что не могло не иметь серьезных последствий. Это особенно ярко проявилось в так называемом «Тяньзиньском конфликте» (начался он в июне 1939 г. с осуществления нажима японского правительства на Англию, Францию и США с целью вынудить их признать японские захваты в Китае. 14 июня 1939 г. была установлена блокада английских концессий в

¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. М., 1981. Т. 2. С. 290.

Тяньзине), когда Япония 24 июня, в очередной раз, заявила, что она будет продолжать прежнюю политику до тех пор, пока Англия не пойдет на сотрудничество с Японией в Китае.

О том, что это означало для Москвы, явствует из телеграммы посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Боннэ от 17 июля 1939 г.: «Принятие требований правительства Токио, происшедшее с таким небольшим разрывом во времени после решительных заявлений, которым правительство Чемберлена дало понять, что оно не уступит японским угрозам, привносит новый элемент в недоверие, с которым советские власти оценивают подлинные намерения Англии и действительный характер ее программы противодействия агрессии»¹ (подчеркнуто нами. — *Авт.*). Положение же в Европе к этому времени еще больше осложнилось, достоянием европейских столиц становилась информация из надежных источников о скором нападении Германии на Польшу. Гитлер действовал, исходя из убеждения, что в этом конфликте Англия останется нейтральной. А англо-франко-советские военные переговоры в Москве по-прежнему пробуковывали.

Вот в такой ситуации и начался тройственный переговорный процесс по военным вопросам, к которому совершенно по-разному относились его участники. Хотя английское правительство приняло (после долгих проволочек) 25 июля 1939 г. советские предложения о начале таких переговоров, английские и французские военные представители прибыли в Москву только 11 августа (и это на фоне разразившегося общеевропейского политического кризиса).

На самих же переговорах повторилось то же самое, что происходило на предыдущих англо-франко-советских политических переговорах. С советской стороны — самый высокий уровень протокола — главным советским делегатом на переговорах был назначен нарком К. Е. Ворошилов. С британской же стороны — главный адъютант короля по морским делам адмирал П. Дракс, к тому времени комендант Потсмута, практически находившийся в отставке и никогда не состоявший в штабе адмиралтейства, маршал авиации Ч. Бэрнет — выдающийся летчик и преподаватель летного искусства, но не стратег, генерал-майор Хейвуд — такой же простой строевой офицер, полковник Дэвидсон, капитан авиагруппы Кольер, капитан 3-го ранга Робертшоу, капитан Колтмэн, военно-морской атташе

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 143.

капитан Клейнчи, военный атташе в Москве полковник Файербрейс и военно-воздушный атташе подполковник Хэллауэлл. Разумеется, на такой британский состав не могли не обратить внимание, прежде всего, немецкие дипломаты, пристально следившие за всеми перипетиями трехсторонних военных переговоров Англии, Франции и СССР. Как отмечалось в письме посла Германии в Великобритании Г. Дирксена статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вайцеккеру от 1 августа 1939 г.: «Это свидетельствует о том, что военная миссия скорее имеет своей задачей установление боеспособности Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения»¹.

Что же касается французской военной миссии, то по своему составу это была копия британского варианта: генерал армии Думенк, генерал Вален, капитан 1-го ранга Вийом, майор Кребс, капитан Бофр, капитан Зовиш, капитан де Вийскот де Ринкэз, военный атташе в Москве генерал Палас, помощник военного атташе капитан 3-го ранга Абраам, военно-воздушный атташе Люге.

Советский полпред во Франции, отметив, что, судя по составу французской миссии, правительство Франции поставило перед ней «скромную программу», сообщил в Народный комиссариат иностранных дел: «Ее (делегации. — *Авт.*) подбор по преимуществу из узких специалистов свидетельствует и об инспекционных целях делегации: о намерении в первую голову ознакомиться с состоянием нашей армии»². Для полноты картины приведем основные задачи английской военной миссии в Москве, сформулированные 26 июля 1939 г. на заседании английского правительства. В протоколе заседания правительства они определены так: «Все были согласны с тем, что нашим представителям следует дать указание вести переговоры очень медленно, пока не будет заключен политический пакт». И далее указывалось также, что не следует начинать переговоры с предоставления советскому правительству информации, касающейся английских планов, надо стремиться к тому, чтобы «русские информировали наших представителей относительно того, что они могли бы сказать, например, чтобы оказать помощь Польше»³. Такой под-

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 151.

² Цит. по: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 403.

³ Public Record Office. Cab. 39/39. P. 225.

ход английского правительства отражен и в официально данной английской военной делегации директиве¹.

Далее, советская сторона положила на стол переговоров подготовленные начальником Генерального штаба РККА Б. М. Шапошниковым обстоятельные и конкретные предложения, тогда как перед британской делегацией инструктирующий ее 2 августа лорд Галифакс вовсе не ставил задачу заключения военной конвенции, а поручил вести «переговоры ради переговоров» и «тянуть с переговорами как можно дольше»², т. е. фактически британская делегация вообще не имела каких-либо полномочий, у нее полностью отсутствовали планы по налаживанию военного сотрудничества трех держав.

Французская делегация аналогичным образом была уполномочена вести переговоры, но никак не подписывать никакие официальные документы.

В ходе дискуссии ключевым оказался вопрос о том, смогут ли советские войска, в случае осуществления германской агрессии против Польши, пройти через польскую территорию, чтобы, как было заявлено советской делегацией на заседании делегаций 14 августа 1939 г., «непосредственно соприкоснуться с противником». Со стороны К. Е. Ворошилова последовало уточнение о том, что речь идет о проходе советских войск через ограниченные районы Польши — через Виленский коридор на севере и Галицию на юге. При этом особо было подчеркнуто: без положительного ответа на этот вопрос заключение военной конвенции «заранее обречено на неуспех»³. На такую постановку вопроса британская и французская делегации отреагировать адекватно оказались не готовы. Они были не в состоянии даже высказать свое отношение к таким предложениям. А глава британской делегации в своем кругу после заседания проронил фразу: «Я думаю, наша миссия закончилась». Так оно и произошло. К 17 августа переговоры зашли в тупик и надежды на заключение трехсторонней военной конвенции окончательно растаяли.

¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. М., 1981. Т. 2. С. 166–170.

² *Drax R. P. Mission to Moscow. August, 1939. «Naval Review». 1952. № 3. P. 252.*

³ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 210–218.

Имитация каких-то действий продолжалась до 21 августа. В этот день британская и французская делегации попросили очередной тайм-аут на 3–4 дня, на что К. Е. Ворошилов ответил, что в создавшихся условиях созывать новые совещания нет никакого смысла. 22 августа британская сторона проинформировала советскую делегацию о том, что получила сообщение из Лондона о предоставлении ей права подписать с Советским Союзом военную конвенцию. Однако это было рассчитано на то, чтобы «выторговать» еще несколько дней для продления переговоров. Но поскольку французская делегация к этому моменту не дождалась положительного ответа польского правительства на запрос советской стороны о проходе войск через Польшу — создался новый тупик (ответ был получен лишь 23 августа).

Затягивание переговоров и обоюдное недоверие сделали невозможным подписание политических и военных англо-франко-советских соглашений в августе, что было на руку Гитлеру.

Когда же 23 августа 1939 г. был подписан Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, начался новый отсчет времени в европейской политике. Англо-франко-советские военные переговоры оказались окончательно похороненными. Москва вынуждена была избрать другую альтернативу.

Ключевым элементом дипломатических переговоров о заключении англо-франко-советского договора о взаимопомощи против агрессии стал вопрос о взаимных гарантиях в предотвращении агрессии. Лондон проводил жесткую линию на то, чтобы Советский Союз оказывал помощь Великобритании в случае вовлечения ее в войну, но при этом не желал даже разговаривать об оказании Англией какой-либо помощи СССР. В такой политике британская дипломатия блокировалась с французской, стремясь при этом сохранять ведущую роль.

Приведем некоторые документальные свидетельства. В беседе, например, с американским послом в Париже У. Буллитом генеральный секретарь министерства иностранных дел Франции А. Леже сообщил своему собеседнику о том, что лондонское правительство продолжает добиваться предоставления Советским Союзом односторонних гарантий Польше и Румынии, но «не готово предоставлять Советскому Союзу какую-либо гарантию со стороны Англии»¹.

¹ Foreign Relation of the United States. 1939. Vol. 1. P. 244.

У. Буллит, информируя 5 мая 1939 г. госдепартамент о политике английского правительства в отношении СССР со времени вторжения Гитлера в Чехословакию, характеризовал ее (политику) как «медленную и едва ли не оскорбительную»¹. Кроме того, У. Буллит сообщал в Вашингтон, что министр иностранных дел Франции Ж. Боннэ и глава британской миссии в Париже Э. Фиппс «против привлечения Советского Союза к тесному сотрудничеству с Францией и Англией»². О том, что своей позицией англичане «добавляли, с советской точки зрения, к обиде еще и оскорбление»³, отмечал поверенный в делах Франции в СССР Ж. Пайяр.

Когда же И. М. Майский во время встречи с лордом Галифаксом 9 мая 1939 г. подверг английские предложения резкой критике за отсутствие в них взаимности, глава британского внешнеполитического ведомства дал согласие рассмотреть «другую формулу», выдвинув тут же встречное требование, чтобы в ней («другой формуле») было учтено, что Лондон может дать гарантии Польше и Румынии «на условиях, что: а) имеется прямая или косвенная угроза их независимости; б) они сами оказывают сопротивление агрессору»⁴. А через два дня, т. е. 11 мая 1939 г. со стороны того же Галифакса последовало еще одно дополнение: в советской «контрформуле» речь может идти «только о Польше и Румынии, но не о прибалтийских странах»⁵. Англия продолжала настаивать на том, что она готова в той или иной степени сотрудничать с Советским Союзом в борьбе против агрессии только в том случае, если Германия совершит агрессию против Польши или Румынии и последние окажут агрессору сопротивление. Что же касается заключения англо-франко-советского договора о взаимопомощи против агрессии, то и в этом случае Лондон в очередной раз ушел от обсуждения этой проблемы.

Вот и возникает вопрос: «Как же могли развиваться события по предотвращению агрессии в этой ситуации?».

К примеру, Гитлер осуществляет агрессивные действия против Прибалтики, и Советский Союз решает оказать противодействие

¹ Foreign Relation of the United States. 1939. Vol. 1. P. 248.

² Ibid. P. 250.

³ Ibid.

⁴ Цит. по: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 393.

⁵ Там же.

нацистской акции. Каково место в этом конфликте Англии? В случае подписания договора на приведенных выше условиях — она в стороне.

Второй возможный вариант: правящие круги Польши и Румынии дают согласие пропустить германские войска через свою территорию, не оказывая им сопротивления, или еще хуже — договорившись с Гитлером о совместных действиях против СССР. Кто в данном случае должен противостоять нацистам? Лондон от таких обстоятельств свободен. В фарватере с ним и Франция. Следовательно, остается единственный вариант — Советский Союз, который вынужден был бы воевать с Германией один на один.

Далее. Важной частью возможного англо-франко-советского антигитлеровского соглашения был вопрос о польско-советских отношениях. Это и понятно, так как без допуска войск СССР к немецкой границе через Польшу, как отмечалось выше, практически исключалось реальное участие советских войск в военных операциях против нацистской Германии. Варшава же на протяжении всех англо-франко-советских переговоров демонстрировала традиционную для буржуазно-помещичьей Польши антисоветскую линию. Об этом, в частности, говорило и то, что 11 мая 1939 г. польское правительство отвергло советское предложение о двустороннем взаимном сотрудничестве в случае германской агрессии. Как и можно было ожидать, такой шаг был высоко оценен германской дипломатией. К этому времени относится и особо доверительная беседа посла Польши в Москве Гржибовского с итальянским послом Россо, в ходе которой польский дипломат успокаивал фашистских главарей, сообщая, что «отношение Польши к переговорам о пакте остается неизменным. Польша ни при каких обстоятельствах не разрешит советским войскам вступить на ее территорию» (т. е. пропустить к германской границе. — *Авт.*).

При этом надо подчеркнуть, что англо-французская дипломатия располагала реальными возможностями, чтобы побудить польское правительство изменить свою позицию. О том, как же «использовались» имеющиеся возможности свидетельствует такой факт. 19 августа 1939 г., т. е. как раз в момент ведения переговоров в Варшаве, Боннэ в заявлении, сделанном английскому поверенному в делах для передачи Галифаксу, сообщал, что он был «счастлив, что политический договор с Польшей еще не был заключен», поскольку такой договор представлял бы собой средство давления на польское правительство. В конечном итоге в результате маневров

Боннэ подготовленное в ходе франко-польских переговоров летом 1939 г. политическое соглашение, оформлявшее обязательства сторон по оказанию взаимной помощи, не было заключено. Такая же судьба постигла и англо-польский договор.

Так, Польша стала камнем преткновения в создании фронта отпора фашизму на европейском континенте. Но такая позиция польского руководства, подобно бумерангу, наносила сокрушительный удар по польским национальным интересам и лишь приближала тот роковой момент, когда нацистские войска должны были перейти государственную границу самой Польши.

Сложные переговорные коллизии возникли и в связи с проблемой «косвенной агрессии». Дело в том, что во врученном В. Молотову 2 августа 1939 г. послами Великобритании и Франции проекте определения понятия «агрессия» оставался открытым вопрос о том, когда же в случае возникновения «косвенной агрессии» вступают в силу гарантии трех держав другим государствам. Конкретно же в данном случае шла речь о возможной косвенной агрессии Германии в Прибалтике. Английское правительство, признавая на словах обоснованными опасения СССР на этот счет, тем не менее, на деле не стремилось к скорейшему урегулированию этого вопроса. Более того, Галифакс в письме от 28 июля 1939 г. ориентировал английского посла в Москве У. Сидса в том духе, что «нет опасности срыва переговоров в течение ближайших критических недель», поэтому решено начать военные переговоры. Галифакс также указывал послу, что в изменившихся условиях британская дипломатия может «занять несколько более жесткую позицию» в отношении пункта об определении косвенной агрессии, поэтому английскому послу предлагалось не отходить в дальнейшем от существа сформулированного в предложениях от 8 июля 1939 г. английского определения косвенной агрессии¹.

Это вызвало не только неудовлетворение советской стороны, но даже и удивление США. Временный поверенный в делах США в Великобритании Х. Джонсон в телеграмме государственному секретарю США К. Хэллу от 8 августа 1939 г. заметил, что англо-франко-советские переговоры «о политическом соглашении, которое висит в воздухе почти исключительно из-за вопроса „о косвенной агрессии“»², должны продолжаться.

¹ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 6. P. 525.

² Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 181.

О том, что британская дипломатия не только сознательно тормозила разрешение этого противоречия, но и фальсифицировала существо вопроса, свидетельствует состоявшееся 31 июля 1939 г. выступление в парламенте заместителя министра иностранных дел Батлера, после чего появилось сообщение ТАСС об одной из причин затяжки переговоров с Великобританией. В нем говорилось, что английское правительство принимает все меры «к ускорению ликвидации существующих разногласий между СССР и Англией, главным из которых является вопрос о том, должны ли мы (т. е. СССР. — *Авт.*) посягать на независимость балтийских государств или нет»¹. Батлер, согласившись с тем, что это не стоит делать, сказал, что «именно в этом разногласии кроются причины затяжки переговоров»². ТАСС уполномочен был заявить, что Батлер допустил искажение позиции советского правительства. «На самом же деле, — говорилось в заявлении ТАСС, — разногласия состоят не в том, чтобы посягать или не посягать на независимость балтийских стран, ибо обе стороны (СССР и Великобритания. — *Авт.*) стоят за гарантию этой независимости, а в том, чтобы в формуле о „косвенной агрессии“ не оставить никакой лазейки для агрессора, покушающегося на независимость балтийских государств»³. И в заключение ТАСС заявил, что одна из причин затягивания переговоров состоит в том, что английская формула⁴ оставляет такую лазейку для агрессора.

Крайне важен и такой вопрос. В борьбе с нависшей фашистской угрозой СССР не ограничивался использованием только по-

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 153.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Английская формула «косвенной агрессии» содержалась в Проекте определения понятия «косвенная агрессия», врученном В. М. Молотову послами Великобритании и Франции в СССР У. Сидсом и П. Наджиром 2 августа 1939 г.: «Между тремя договаривающимися правительствами (т. е. Великобританией, Францией и СССР. — *Авт.*) условлено, что слова „косвенная агрессия“... должны пониматься как не исключающие (или как исключающие) акцию, принятую государством, о котором идет речь, под угрозой силы со стороны другой державы и имеющую последствием потерю его независимости или нейтралитета. Если создадутся обстоятельства, которые не подпадают под предшествующее определение, но которые, по мнению одного из договаривающихся правительств, содержит угрозу независимости или нейтралитету государства, о котором идет речь, договаривающиеся правительства приступят по просьбе одного из них к немедленной консультации в целях любой акции, о которой будет принято решение с общего согласия».

тенциала миросозидательной дипломатии. Можно сколько угодно критиковать Коминтерн с сегодняшней исторической высоты (тем более, что он давно прекратил свое существование), но, следуя исторической правде (и только ей), надо признать его исключительно большие заслуги в антифашистской борьбе. Делегаты состоявшегося в июле–августе 1935 г. в Москве VII конгресса Коминтерна, глубоко осознавая угрозу фашизма, настоятельно высказались за проведение последовательной политики единого народного фронта на континенте.

На конгрессе была одобрена политика сотрудничества с социал-демократами и другими партиями антифашистской ориентации. Под воздействием тактики единого фронта существенно менялась и политика самого Коминтерна: после VII конгресса социал-демократия перестала рассматриваться как главный его противник, а главным врагом был объявлен фашизм.

К сожалению, политику единого фронта в полной мере осуществить не удалось. В качестве положительного примера можно привести проведенные в июне 1936 г. успешные реформы народного фронта Франции, когда в демократических преобразованиях удалось объединить усилия социалистов, коммунистов и радикальных социалистов и (наряду с другими полезными делами, прежде всего, социального плана) удалось предотвратить предпринятый генералитетом переворот.

Неопровержимым фактом является и то, что именно Советский Союз был единственным государством, оказавшим военную помощь республиканской Испании, когда после совершенного 17–18 июля 1936 г. военного мятежа правых генералов, переросшего в трехлетнюю гражданскую войну, Франсиско Франко Баамонде при военной поддержке нацистской Германии и фашистской Италии был провозглашен генералиссимусом и главой антиреспубликанского профашистски настроенного правительства.

Кстати, использование Гитлером и Муссолини «Оси Берлин — Рим» послужило в том числе и для определения принципов германо-итальянского сотрудничества в испанской гражданской войне (режим Франко Германия и Италия признали 18 ноября 1936 г., т. е. через четыре месяца после путча).

Именно тогда на испанской земле по разные стороны военных баррикад (в прямом смысле этого слова) оказались советские добровольцы, которые с оружием в руках выполняли свой интернацио-

нальный долг по недопущению сползания Испании в фашистскую пропасть, и посланный Гитлером нацистский воздушный легион «Кондор»¹. Советские добровольцы сражались в составе прибывших туда из разных стран интербригад, членами которых было около 40 000 представителей 35 национальностей. Их девизом было: «Испания станет могилой для европейского фашизма».

Надвигающейся фашистской угрозе сказали твердое «нет» широкие слои советской общественности. На предприятиях, в учебных заведениях, государственных учреждениях постоянно проводились мероприятия антифашистской направленности. Активную позицию в антифашистской борьбе заняла творческая и научная интеллигенция страны.

Большую роль в консолидации антифашистских сил в мире, в укреплении движения за упрочение мира в Европе сыграл первый съезд советских писателей (1934), на котором присутствовало 40 знаменитых литераторов из 15 стран, среди которых: А. Барбюс, Р. Альберти, Л. Арагон, М. Андерсен-Нексе, В. Бредель, В. Незвал и др. Выступивший на съезде немецкий писатель-антифашист И. Бехер призвал к единению всех, кто готов бороться против новой смертельной угрозы войны.

Советские деятели культуры стали активными участниками состоявшегося в 1935 г. в Париже Международного конгресса писателей, посвященного вопросам защиты культуры, ее места в борьбе за духовный и социальный прогресс. А Второй Международный конгресс писателей (открылся в Валенсии и Барселоне в 1937 г., продолжился в осажденном Мадриде и завершился в Париже) собрал писателей-антифашистов всего мира. От Советского Союза в нем приняли участие А. Н. Толстой, И. Г. Эренбург, М. Е. Кольцов, А. А. Фадеев, В. В. Вишневский и А. Л. Барто. Общие цели борьбы за мир против фашизма сблизили писателей разных идейных и эстетических позиций. В 1941 г. выдающиеся мастера культуры Запада Л. Фейхтвангер, Э. Синклер, Г. Уэллс, Р. Кент и др. направили в Москву специальное послание с выражением горячей солидарности с теми, кто героически вел смертельную борьбу с немецким фашизмом.

¹ Легион «Кондор» «прославился» тем, что его летчики в ходе налета практически уничтожили баскский город Герника (1645 погибших и 889 раненых), ставший символом террора, развязанного испанскими путчистами и нацистскими пособниками против мирного населения.

Глава III

В плену антиистории

1. Фальсификация как средство политико-идеологической борьбы

Проблематика «соотношения» нацизма и сталинизма стала ключевой в развернувшейся на рубеже XX–XXI вв. новой «битве за историю».

В одном случае, нацизм и сталинизм «уравниваются» путем поиска их «общих черт», разумеется, для доказательства их «равноответственности за начало войны и за преступления» во время войны и т. д., и т. п.

В другом случае, сталинизм демонизируется и выдвигается на первый план как главный «виновник» катаклизмов XX в., а нацизм на этом фоне объявляется лишь *одним из* виновников.

В третьем случае — ползучий реваншизм, реабилитация нацистов и их сообщников, отрицание освободительной миссии Красной Армии в период Второй мировой войны и приписывание СССР политики «оккупации» тех стран, которые были освобождены Советским Союзом от гитлеризма. Советскому руководству приписывается даже сознательное содействие развязыванию Второй мировой войны, исходя из желания «раздуть революционный пожар в Европе», или же «обосновывается» тезис о подготовке Советским Союзом нападения на Германию на основе общих рассуждений о верности Сталина «ленинскому завету» сокрушить капитализм военным путем.

Ревизуются документы Нюрнбергского Трибунала, в оборот запущены тезисы о пересмотре геополитических итогов Второй

мировой войны, о провокационном навязывании России нравственной вины за события тех лет, подводится идеологическая база для предъявления ей различного рода компенсационных претензий.

Правительства прибалтийских государств делают заявления о «нелегитимности послевоенного мироустройства». Эстония, отвергая итоги Второй мировой войны, говорит о своих претензиях на часть Псковской и Ленинградской областей. Литва высказывается за создание международного суда над «советским геноцидом». Специальная правительственная комиссия Латвии занимается подсчетами ущерба, якобы нанесенного ей Россией.

Созданная в Молдавии государственная «комиссия по изучению и оценке тоталитарного коммунистического режима» по примеру прибалтов готовит свои «счета» к России.

Прибалтийские республики, настаивая на термине «оккупация» применительно к их присоединению к СССР, ищут призрачный шанс получить некую компенсацию. В специально разработанном плане действий в этом направлении (аж до 2020 г.!) значатся такие пункты, как: создание трибунала по бывшему СССР, приравнение действий СССР к преступлениям Третьего рейха, осуждение коммунизма, выдвижение политико-финансовых и историко-моральных требований к России.

Парламентарии трех прибалтийских стран, сменив в новых исторических условиях антисоветскую риторику на антироссийскую, развернули против России агрессивную политико-идеологическую войну с использованием самых худших приемов «холодной войны». Войну эту они ведут как с трибуны своих национальных государственных институтов, так и в структурах европейского сообщества, куда их страны входят в качестве равноправных членов — Евросоюз, Европарламент, НАТО и т. д. За громогласными инсинуациями об «одинаково преступном» характере политики довоенного Советского Союза и фашистской Германии четко просматривается стремление учинить новый нюрнбергский процесс с целью объявить СССР преступным государством, распространив такую оценку и на современную Россию как правопреемницу СССР.

У властей Латвии и Эстонии в почете престарелые пособники эсэсовцев. Национальными героями Украины были объявлены бандеровцы, которые по своей жестокости против своего же народа в ряде случаев превосходили даже гитлеровцев. В пропагандистских кампаниях против «русских оккупантов» выступают поляки, которые

«забывают», что некоторые из их соотечественников лично выслуживались перед рейхом.

В некоторых постсоветских республиках и бывших соцстранах развернулась беспрецедентная война с памятниками, увековечившими Великую Победу над фашизмом, причем акты вандализма осуществляются или с молчаливого согласия, или даже с участием официальных властей: достаточно вспомнить об уничтожении при помощи взрывчатки по указанию Саакашвили памятника героям Отечественной войны в Кутаиси и о демонтаже «Бронзового солдата» (памятника советским воинам) в эстонской столице, его переносе из центра Таллинна на находящееся на окраине города военное кладбище и навешивании на него таблички «оккупант».

За несколько месяцев до демонтажа монумента Воину-Освободителю в Таллинне эстонский парламент одобрил закон, приравнивающий советскую символику к нацистской, и принял поправки к закону «О праздничных датах», согласно которым предписано отмечать траурный день памяти «борцов за освобождение Эстонии» из числа легионеров Ваффен-СС, других нацистских пособников и «лесных братьев», но зато запрещено праздновать в Эстонии 22 сентября День освобождения Таллинна от немецко-фашистских захватчиков.

Весьма своеобразной оказалась реакция некоторых стран на эти действия эстонских властей: критически отреагировали только правящие круги Словакии и Бельгии, а также бывший канцлер ФРГ Герхард Шрёдер, в то время как Вашингтон, ЕС и НАТО проявили понимание «эмоций» Таллинна.

Устроители своего рода историко-информационных спецопераций выглядят не столько ангажированными и агрессивно настроенными пропагандистами, сколько политическими, сознательно действующими диверсантами от истории. Не иначе как идеологической диверсией можно назвать попытки героизировать пособников нацистов и «лесных братьев» в Прибалтике, игнорируя многочисленные подлинные документы, свидетельствующие об их военных преступлениях и развязанном ими масштабном терроре против лояльных советской власти местных жителей.

Идея равнозначности нацистской Германии и Советского Союза заложена и в так называемых «антисоветских поправках» в уголовный кодекс Литвы (инициировала депутат от фракции консерваторов «Союз Отечества» Вилия Алякнайте-Абримикене), одобренных

литовским сеймом осенью 2010 г. Суть поправок — распространить уголовную ответственность на всех, кто отрицает или оправдывает «советскую агрессию» против Литвы, санкционировать штраф, арест или лишение свободы сроком до двух лет для всех, кто публично одобряет «агрессию СССР» или нацистской Германии против Литвы. Уголовные наказания предусмотрены и для тех, кто отрицает «геноцид в отношении граждан Литвы» или «другие преступления против человечности», совершенные лицами, осуществлявшими «агрессию против Литвы» или участвовавшими в ней, — причем, во всех упомянутых случаях выражения «геноцид», «агрессия», «преступления против человечности» относятся к действиям СССР.

Приравняв СССР к нацистской Германии, г-жа Алякнайте-Абримикене предложила запретить использование во время массовых акций советской и нацистской символики, а также исполнение гимнов нацистской Германии и СССР. Кроме того, вне закона были объявлены собрания, участники которых используют флаги, гербы, знаки и военную форму нацистской Германии, СССР и Литовской ССР, свастику или красную пятиконечную звезду, гербы, знаки и форму, на которых присутствует советская или нацистская символика.

16 марта в Латвии отмечается как день латышского легиона Ваффен-СС. Суд Клайпеды признал свастику «историческим наследием современной Литвы».

В этом же ряду — закрытие польскими властями экспозиции в Освенциме, посвященной уничтоженным советским гражданам, создание «музеев советской оккупации» (Польша, Молдова, Тбилиси и т. д.) с одновременной героизацией пособников нацистов.

Некоторые страны Балтии празднуют день ввода войск вермахта, проводят марши легионеров, торгуют значками со свастикой, издают календари с призывом «брать Москву», платят щедрые зарплаты псевдоисторикам. Только за период с 2005 г. по 2010 г. в Эстонии выпущено 50 мемуаров бывших эсесовцев. В Эстонии ветеранов СС вписали в число репрессированных советской властью, причем завысив эту цифру в 17 раз.

Нынешние молдавские власти переименовали праздник 9 мая, проигнорировали торжества в Москве по случаю 65-летия Великой Победы и выпустили юбилейные награды в виде фашистских крестов. По их указанию убирают цветы, возлагаемые к мемориалу в честь советских воинов в Кишиневе, — под чудовищным и нелепым предлогом, что они портят гранитные плиты.

Громкий скандал разразился в Молдавии в сентябре 2010 г. В пригороде Кишинева мэр поселка Кодру назвал одну из улиц именем маршала Иона Антонеску — румынского диктатора, под руководством которого Румыния присоединилась к Тройственному пакту¹ и воевала против Советского Союза на стороне нацистской Германии. На руках Антонеску кровь около 64 тыс. молдаван, русских, евреев, им на территории Приднестровья была построена сеть концлагерей, куда свозили пленных со всей Восточной Европы. Об этой акции доктор истории, ведущий специалист Института истории, государства и права Молдовы Р. Шевченко высказался так: «Это все равно, что в Израиле улицу назвать Гитлерштрассе»².

За 5 лет своего правления в Украине «оранжевые» реабилитировали пособников нацистов. За эти годы украинская госмашина так промыла мозги своим гражданам, что уже 15–20 % населения стали считать Бандеру и Шухевича героями³.

По мнению некоторых украинских экспертов, главными чертами фашизации на Украине во время нахождения во власти Ющенко—Тимошенко стали героизация украинских националистов из террористической организации ОУН, коллаборационистов и пособников Гитлера, формирование образа врага в лице инакомыслящих, не разделяющих галицийско-украинские идеалы, разжигание этнической ненависти, враждебность к соседним народам, русофобство, ксенофобия, нетерпимость. Как отмечает народный депутат Украины, председатель Совета Правозащитного общественного движения «Русскоязычная Украина» В. Колесниченко, «парадокс, но реабилитация и героизация фашистских коллаборационистов происходит на глазах мировой общественности, в то время как правительства Франции, Норвегии, Финляндии, Словении, Нидерландов, Бельгии преследуют своих военных преступников и коллаборационистов, воевавших под руководством фашистской Германии»⁴.

¹ Тройственный пакт заключен 27 сентября 1940 г. между Германией, Италией и Японией с целью объединения этих стран в агрессивный военно-политический союз. Пакт фиксировал предварительный раздел мира между сторонами. Он явился также продолжением Антикоминтерновского пакта.

² См. «Комсомольская правда». 2010, 1 октября.

³ Чинкова Е. Нужна ли нам повторная прививка от фашизма // «Комсомольская правда». 2010, 23 июня.

⁴ См. «Национальные интересы». 2010. № 3 (68). С. 51–52.

Путем публикации очевидных фальшивок, подаваемых как «совершенно секретные документы», якобы до сих пор скрываемые «официальными» историками в недрах архивов, в общественное сознание внедряются мифы о сотрудничестве НКВД и гестапо перед войной в целях борьбы с «мировым еврейством». За подобными фактами стоят должностные лица, власти ряда стран. Переписывая историю, они потакают бывшим фашистам и тем самым возвращают новых нацистов.

Дважды знаковым событием стало открытие в 2010 г. в Немецком историческом музее первой после войны выставки, посвященной Адольфу Гитлеру: с одной стороны, такой шаг снял «табу» с итогов Второй мировой войны, включая идеологические и финансово-экономические аспекты поражения Третьего рейха, а с другой — продемонстрировал недовольство немцев (88 % по итогам соцопросов) действующей социально-политической системой в стране и их ожидания сильной власти.

Политически ангажированный характер приобрели слова нового председателя Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека (он же советник Президента) М. Федотова о том, что приоритетом его деятельности будет десталинизация общественного сознания России (обратим внимание — не борьба с проявлениями фашизма и нацизма, получившими широкое распространение, а со сталинизмом).

Назвав занятие М. Федотова делом «забавным», авторитетнейший ученый, академик РАН Николай Петраков задался вопросом, в чем же новый правозащитник видит свою задачу в условиях, когда государственно-партийная власть СССР официально осудила репрессии 30-х гг. прошлого века еще 54 года назад на XX съезде КПСС 1956 г., а 90 % современного российского общества не только не жили при Сталине, «но мало, что знают, чем отличается Керенский от Ленина, а Сталин от Троцкого». И далее академик спрашивает: «А почему тогда не заняться „дероманизацией“ дореволюционной России? Ведь за Романовыми тоже немало грехов. Петр „Великий“ построил столицу С.-Петербург на болоте ценой десятков тысяч крепостных крестьян, рубил головы стрельцам и боярам, убил собственного сына! А каков Николай Павлович (в народе Палкин). Пять повешенных и многие сотни демократически мыслящих аристократов и дворян, пожизненно сосланных на каторгу. А „невинно“ погибший Николай II? Расстрелявший 9 января 1905 г. мирную манифестацию

народа у Зимнего дворца, постоянно разгонявший Государственную думу, поощрявший судебные расстрельные тройки Столыпина, вовлекший страну в бессмысленную войну... ..Как же в организационном плане М. Федотов будет бороться за десталинизацию? Может быть, это выразится в борьбе за всеобщие выборы мэров и губернаторов? Или будет возражать против фактического скатывания политической системы в однопартийную? Возможно, М. Федотов встанет на защиту опусов телеведущего А. Пивоварова, в которых уничтожается героический подвиг народа в Великой Отечественной войне?»).

Николай Петраков делает однозначный вывод: «Заявления М. Федотова о десталинизации заслуживают комментариев из-под пера Зошенко и Булгакова, коих бог не дал нам в смешной мир нынешней России. Но можно предложить ему (М. Федотову. — *Авт.*) такой ход. Печально известный пятый пункт исчез из российских паспортов. Рекомендую М. Федотову восстановить пятый пункт, но писать там — „сталинист“ или „антисталинист“. Для нашей законодательной и исполнительной власти это будет очередная забавная и бессмысленная работа»¹.

Солидаризируясь с Н. Петраковым и выражая мнение многочисленной читательской аудитории, «Литературная газета» в своем постскриптуме к статье академика, обращает внимание на то, что от Федотова — одного из авторов демократического закона о печати, человека, занимавшего пост министра печати и долгое время проработавшего секретарем Союза журналистов — «можно было ожидать конструктивных и объединяющих общественность подходов». «Тем удивительней, — отмечается в постскриптуме, — прозвучало его заявление о желании начать свою деятельность на новом посту с пресловутой „десталинизации“. Еще поразительнее было объяснение, как ему представляется сей процесс, — оказалось, что это что-то вроде денацификации послевоенной Германии. То есть Россия для него аналог побежденной фашистской Германии, которой победители диктуют, что и как надо делать. Видимо, самого себя господин Федотов видит в числе победителей, которые теперь будут диктовать побежденной стране свои условия» (подчеркнуто нами. — *Авт.*).

Но для Федотова и этого оказалось мало. В постскриптуме говорится: «Нам объяснили, что вся Россия — это всего-навсего предтеча

¹ Петраков Н. По пятому пункту // «Литературная газета». 2010. № 42–43 (62970), 27 октября – 3 ноября.

сталинизма. И потому нам должно стыдиться и стесняться своего прошлого, чувствовать себя виноватыми перед всеми другими народами, которые, надо отметить, с удовольствием принялись бить нас бесчисленными грехами и требовать за них компенсации. Ценой огромных усилий и громадных потерь вроде бы удалось устоять, не довести народ до самоуничтожения. И вот теперь операцию собираются повторить люди, убежденные, что с помощью „десталинизации“ можно пресечь неудовольствие нынешним положением дел, отвлечь от действительно насущных проблем. Опять ничего не забыли и ничему не научились» (подчеркнуто нами. — *Авт.*).

К этому остается лишь добавить: подобные политические шаги — попытка реализовать программу «либерального реванша» за те провалы (в экономике, политике, в духовной сфере), которые продемонстрировал российский либерализм в постсоветское время. Именно поэтому российское общество резко критически отреагировало на федотовскую затею. (По данным опроса, проведенного ВЦИОМ накануне 66-й годовщины Победы, 45 % опрошенных полагают, что проект «десталинизации» — это миф, который не имеет ничего общего «с реальными задачами, стоящими перед страной, и в случае его реализации будет исковеркано историческое сознание»¹. Своевременной мерой назвали «десталинизацию» лишь 26 % респондентов.) И, казалось бы, ее инициатор, как человек, считающий себя либералом, должен был бы прислушаться к общественному мнению.

Но не тут-то было. Он пошел еще дальше, вынося в феврале 2011 г. на заседание своего совета новую программу «десталинизации», автором проекта которой выступил его единомышленник С. Караганов. Что же собой представляет эта очередная федотовская затея? Очевидно, надо начинать с названия. Оно звучит так: «Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы „Об увековечивании памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении“» — на мой взгляд, яркий образчик агрессивной социальной конфронтации в обществе, возведенной в ранг общенациональной да еще и государственно-общественной акции. А слова о национальном примирении в данном контексте кажутся только насмешкой над здравым смыслом, так как сам документ пронизан духом нетерпимости и «борьбы с

¹ См. «Комсомольская правда». 2011, 28 апреля.

неверными» и несет в себе заряд дальнейшего социального раскола общества. Далее авторы широко применяют прием терминологического маневрирования. М. Федотов, с самого начала своей деятельности столкнувшийся с отрицательной реакцией общества на истинные намерения «десталинизаторов», решил сделать ход конем: в тексте проекта оглашенной программы слово «десталинизация» было заменено термином «детоталитаризация». Так произошло «обогащение» словарного запаса антисоветизма: термин «детоталитаризация» стал в один ряд с «десталинизацией», «десоветизацией», «декоммунизацией», «разленинизацией», которые, отличаясь друг от друга в частности, имеют общий прицел: тотальное уничтожение семидесятилетней советской истории.

Впрочем именно по этой причине С. Караганов в качестве метапонятия употребляет триаду «коммунизм — сталинизм — тоталитаризм», имея в виду сугубо советский тоталитаризм и, очевидно, не получив «благословения» на критику других тоталитаризмов в нацистском (Гитлер) и фашистском (Муссолини, Франко) исполнении.

Что же касается содержательной стороны предложенной М. Федотовым и С. Карагановым программы «детоталитаризации», то здесь не обойтись без цитирования ее положений. В ней содержится, например, требование «принять официальное постановление о том, что публичные выступления государственных служащих любого ранга, содержащие оправдание или отрицание преступлений тоталитарного режима, несовместимы с пребыванием на государственной службе». Но ведь что-то подобное в истории уже было. В разгар «холодной войны» глава сенатской комиссии США по расследованию антиамериканской деятельности сенатор от штата Висконсин Джозеф Маккарти развязал публичную охоту на коммунистов. Без всяких доказательств, исключительно на основе беспочвенных подозрений, «коммунистическим гнездом» был назван государственный департамент США, обвинены в заговорщицкой деятельности члены конгресса и представители армии, в обществе процветало доноительство, подозрительность друг к другу. Борьба с гипотетическими врагами американского общества закончилась печально, но не для «врагов», а для самого Маккарти — 2 декабря 1954 г. он со скандалом был отправлен в отставку. Но в историю США он все же вошел: маккартизм как общественно-политическое явление стал одной из позорных страниц процесса развития американской демократии.

«Детоталитаризация» (читай и знай — «десталинизация») по федотовски и по-карагановски означает: а) во внутривнутриполитическом плане — тоталитаризация сознания якобы в целях борьбы с наследием тоталитаризма, раскол общества, нагнетание социальной напряженности, «охота за ведьмами», углубление поколенческого разрыва, борьба с инакомыслием путем агрессивного либерального тоталитаризма, придание политической конфронтации общенационального государственно-общественного масштаба; б) во внешнеполитическом плане — формирование имиджа страны как нестабильной и ненадежной в реализации внешнеэкономических программ; превращение страны-победительницы во Второй мировой войне в страну-преступницу, в страну-изгоя; признание Российской Федерации как правопреемницы Советского Союза равноответственной с Третьим рейхом за итоги войны; дезавуирование не только нашей Великой Победы, но и памяти тех миллионов наших соотечественников, которые погибли от рук нацистских агрессоров; «расчленение» тройки лидеров антигитлеровской коалиции на «носителей добра» (Черчилль, Рузвельт) и «носителей зла» (Сталин).

Кошунственным выглядит и то, что программа «детоталитаризации» объявлена за несколько месяцев до 70-летия начала Великой Отечественной войны, и нетрудно представить себе, на что она пытается переключить общественное мнение, внимание средств массовой информации, экспертного сообщества.

Отличительная черта федотовско-карагановской программы — ее компилятивный характер, отсутствие чего-то нового, ранее не использованного радикалами-русофобами из Европарламента, Польши, Прибалтики, Грузии, Украины, Молдовы. В этой программе, безусловно, будут черпать «вдохновение» выжившие власовцы, недобитые бандеровцы, и до сих пор жаждущие реванша «лесные братья» и, разумеется, политиканы общеевропейских структур и отдельных государств, для которых разыгрывание «российской карты» в своих эгоистических интересах стало своеобразным «профессиональным» занятием.

Новую программу «десталинизации» сторонники скомпрометированного либерализма, потирая руки, восприняли с надеждой на «реванш», абсолютное же большинство общества — как зловещий удар по еще неокрепшим росткам социальной стабильности. Ту форму, в какой намерены действовать «федотовцы», можно назвать крайней формой радикал-либерализма, которая смыкается с тем, что ни на есть

самым агрессивным тоталитаризмом и, как выразился авторитетнейший российский юрист, доктор юридических наук, генерал-майор в отставке, начальник российского бюро Интерпола в 1997–1999 гг., советник председателя Конституционного суда РФ в 2004–2011 гг. Владимир Овчинский, близок к «либеральному фашизму».

В. Овчинский на страницах «Независимой газеты» выделил четыре неразрешимых вопроса, вытекающих из проекта «десталинизации».

«Вопрос первый. Понимают ли авторы проекта, что в условиях правовой и исторической неопределенности, неизвестности многих исторических событий и лиц, в них участвовавших, применение этого закона превратится в противоположность целям, провозглашенным „десталинизаторами“, а именно будет способствовать массовому стукачеству на политических и экономических конкурентов или на своих „товарищей“ по партиям власти?!

Вопрос второй. Абсолютно ясно, что маккартистский закон о запрете на профессию „тоталитаристам“ скрывает еще неопубликованную часть проекта. Я имею в виду запрет политических партий и СМИ, которые также осмелятся сомневаться в „героях и палачах“ прошлого. Ведь исходя из логики авторов проекта, члены, например, КПРФ, которые хорошо говорят о Сталине и всем периоде „тоталитаризма“, не имеют права избираться в мэры городов, другие муниципальные органы. И тем более быть назначенными на государственные должности.

Вопрос третий. До осуждения каких преступлений дойдет „модернизация сознания“? Будет ли, например, признан преступлением тоталитаризма ввод войск в Афганистан? Если да, то будут ли уволены со службы те, кто считает, что воюя в Афганистане, они защищали Родину, а не совершали преступление против нее?

Вопрос четвертый. На всех ли госслужащих будет распространен закон о запрете на профессию? Будет ли он распространен на руководителей ФСБ, в кабинетах которых висят портреты Дзержинского и на столах стоят его бюсты? И готовы ли с радостью встретить такой закон указанные сотрудники? Или „десталинизаторы“ ФСБ не трогают? Ведь есть же в проекте предложение отменить ныне действующий праздник — День милиции (10 ноября). Но нет аналогичного предложения об отмене Дня чекиста (20 декабря)»¹.

¹ Овчинский В. Стерилизаторы памяти // «НГ». 2011, 11 апреля.

По мнению В. Овчинского, метаморфоза Федотово-Карагановского плана «десталинизации» состоит в том, что он из антисталинского превращается в худший вариант сталинизма, ведущий к поиску «врагов народа».

Что же касается поступка С. Караганова, то В. Овчинский с сожалением называет его «бывшим другом» и дает ему свою нравственную оценку: «Я подчеркиваю это, потому что после такой публикации я больше не могу считать его своим другом. Потому что публикация подобной статьи — это акт предательства (подчеркнуто нами. — *Авт.*). Предательства истории своей Родины, предательства Совета по внешней оборонной политике, который он двадцать лет возглавлял и куда входят многие люди, которые любят свою Родину и ее историю. Заявив, что он предает анафеме не только Сталина и какие-то конкретные преступления, которые были в период его правления, а весь более чем 70-летний советский период отечественной истории, память наших отцов, наших дедов, все достижения этого периода, которые до сих пор составляют основу современной России, он предаст анафеме и индустриализацию, и Великую Отечественную войну, и послевоенное восстановление, и освоение космоса. Ради чего?»

Формулируя конкретные предложения, например, ввести запрет на профессии для тех, кто положительно оценивает деятельность Сталина, — а это сегодня, согласно всем социологическим опросам, три четверти населения страны, — кто положительно оценивает весь советский период, он предлагает худшую форму „охоты на ведьм“. Либеральная модель терпит крах не только в России: она терпит крах во всем мире. И в этот момент предлагать ее насильственное внедрение от имени государственной власти в формах, близких „либеральному фашизму“¹.

«Поэтому, — продолжает В. Овчинский, — план „десталинизации“ в том виде, в котором он предложен Сергеем Карагановым и его единомышленниками из Совета по развитию гражданского общества и правам человека, по сути, является преступлением, наносящим ущерб национальным интересам России»².

К этому остается лишь добавить: с этой позицией В. Овчинского, которая была оглашена радиостанцией «Русская служба новостей» (РСН), согласились 93,4 % радиослушателей.

¹ Овчинский В. Инженеры хаоса // «Завтра». 2011. № 14 (907), апрель.

² Там же.

А вот как в проблеме «нацизм — социализм» расставил акценты экс-мэр г. Москвы Г. Попов¹. Он фактически «уравнял» социализм СССР (он называет его социализмом в «интернациональном варианте») с «социализмом» национал-социалистическим, т. е. с нацизмом, игнорируя при этом то, что национал-социализм никогда (ни в теории, ни в практике) социализмом в классическом его понимании не был. И наличие в словосочетании «национал-социализм» лексемы «социализм» не должно вводить в заблуждение, так как она (эта лексема), первоначально появившись в наименовании австрийской Немецкой национал-социалистической рабочей партии В. Риеля, а затем закрепившись в наименовании Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), возникшей на основе объединения в декабре 1920 г. указанной выше партии и аналогичной по целям организации, употреблялась из чисто популистских соображений: с целью завербовать на сторону НСДАП как можно больше рабочих, крестьян и представителей средних слоев. В содержательном же плане антимарксистский «социализм» НСДАП («социализм для всех») опирался на постулаты авторитарного государства, провозглашенные в свое время И. Г. Фихте, О. Бисмарком и др. и утверждал расизм, превосходство ариев-германцев над другими народами, считая славян и евреев врагами «нордической расы». «Национал-социализм» являлся лживой маской германского фашизма.

По утверждению Г. Попова, первоначально социализм в «интернациональном варианте» т. е. в СССР объединился с национал-социализмом, т. е. с нацистской Германией, с целью «учредить социализм» на нашей планете. «Это была атака мирового социализма на старое общество», — утверждает Г. Попов, грубо игнорируя лежащие на самой поверхности мирового процесса факты о том, что Вторая мировая война началась не между социализмом и капитализмом, а между капиталистическими государствами и иной характер она обрела лишь в 1941 г. после нападения Гитлера на СССР. Поэтому рассуждения Г. Попова о том, что социалистический СССР и нацистская Германия объединили усилия (надо полагать после подписания так называемого «пакта Молотова—Риббентропа») для того, чтобы учредить социализм в мировом масштабе, — это бред, по поводу которого вести научную полемику просто бессмысленно.

¹ Попов Г. Великая Отечественная — это не знамя над Рейхстагом // «НГ». 2010, 29 апреля.

Но и это не все. Г. Попов проявил «оригинальность» и в своих «уточнениях» о том, что же собой представляла война СССР с Германией. Его «глубокомысленные» суждения в конечном итоге сводятся к тому, что в полном смысле эту войну для советского народа нельзя считать великой отечественной, она была отечественной не на всем ее протяжении, а только в определенный промежуток времени. И для «подтверждения» такого вывода он предлагает свою конструкцию хода войны.

Первый период — до лета 1941 г. — это период не отечественной войны, а войны «за победу мирового социализма», куда он относит не только первые месяцы войны с нацистами, но и события, происшедшие еще до начала Второй мировой войны, т. е. до 1 сентября 1939 г., когда Германия напала на Польшу. В этом контексте Г. Попов заявляет, что ради победы мирового социализма мы «завоевали и Прибалтику, и с Финляндией воевали, и с Гитлером». Описанный таким образом первый (не отечественный) период войны завершился, по Попову, к моменту Смоленского сражения (10 июля — 10 сентября 1941 г.), и начался второй период, уже отечественной войны, который закончился, как он пишет, «на границе России где-то в 44-м», а дальше «шла новая война — за завоевание Европы, социализма». И чтобы подтвердить свои рассуждения о третьем периоде войны (не отечественной), он проводит историческую параллель: «Отечественная война была в 1812 г., а дальше, в 13-м, это уже называлось заграничным походом русской армии». При этом Попов не утруждает себя тем, чтобы вспомнить хотя бы то, что в отличие от войны 1812 г. в 1944 г., когда Красная Армия вышла к государственной границе СССР, в Европе (и прежде всего в Германии) находились миллионы советских граждан («перемещенные лица», насильственно вывезенные в нацистское рабство мирные граждане, военнопленные и др.), которые могли быть освобождены только в результате именно Великой Отечественной войны как составной части Второй мировой войны.

Подобные рассуждения Попова о третьем периоде войны (не отечественной) потребовались для того, чтобы провести еще одну историческую параллель: «В России никто никогда не праздновал ни штурм Парижа, ни знамя над Парижем, ни Лейпцигскую победу, ни Ватерлоо. Праздновали Бородинское сражение, Березину, Мальй Ярославец — праздновали Отечественную войну». Поэтому, по логике Попова, победу в Великой Отечественной войне советского

народа праздновать надо «насколько это нужно». Столь туманная формулировка о таком праздновании становится более понятной, когда читаешь рядом стоящее предложение: «А праздновать ту войну (имеется в виду не предложенный Поповым период от Смоленской битвы до 1944 г., а вся отечественная война. — *Авт.*), спорить, был ли грузин возле знамени над Рейхстагом или не был... все это за пределами». Окончательно же свою точку зрения Попов четко обозначил заголовком данной публикации: «Великая Отечественная — это не знамя над Рейхстагом». Плюс к этому еще и продемонстрировал свое уважение к изменнику Родины, предателю Власову, назвав его «наиболее дальновидным военачальником».

Но это же покушение на Великую Победу! Покушение циничное, вероломное, направленное на самую большую и самую дорогую духовную и нравственную святыню российского народа, на самую чувствительную и болевую точку его исторической памяти. Это беспредельный геростратизм, направленный на разрушение того, что является предметом национальной гордости народа — за выполненную им перед всем человечеством высокую миссию по уничтожению «коричневой чумы» на планете.

А вот историк Б. Соколов, известный своими произвольными трактовками многих событий, в том числе и периода Великой Отечественной войны, занялся ревизией оценки Берлинской операции 1945 г.¹, демонстрируя при этом свое неудовольствие тем, что отечественная историография определила эту операцию как одну из решающих битв Второй мировой войны и как один из образцов советского военного искусства. Лейтмотив его рассуждений таков: подготовка и проведение Берлинской операции — это сплошная цепь ошибок Сталина и Жукова в планировании операции, определении решающих стратегических ее направлений, наконец, в реализации самого замысла операции. Голословно, без всякой аргументации он утверждает, что «с точки зрения разведки позиций противника и взаимодействия войск в наступлении Берлинская операция была подготовлена довольно плохо».

Для того, чтобы повысить градус дегероизации подвига Красной Армии в этой битве, Б. Соколов решил прибегнуть к манипулированию статистическими данными о численности противостоящих в этой битве советских и германских войск. Указав, что войска

¹ Соколов Б. Как брали Берлин // ВПК. 2010. № 40 (356), 13–19 октября.

трех советских фронтов, непосредственно участвовавших в Берлинской операции, насчитывали 2,1 млн человек, он сообщил, что численность группы армий «Висла» перед началом наступления на Берлин «вряд ли была больше 250 тыс. человек... и даже с учетом пополнения из фольксштурма едва достигала 300 тыс.». А после этого, поставив две цифры рядом: 2,1 млн человек с советской стороны и 300 тыс. — с немецкой (что должно произвести впечатление на читателя), автор проводит мысль, что подавляющее превосходство Красной Армии в людях и технике советским командованием использовалось неумело, из-за чего советские потери в этой битве, по его утверждению, составили более 300 тыс. человек только убитыми. В этом контексте возникает вопрос: на чем основываются эти утверждения? Ведь автор не называет никаких источников, подтверждающих эти цифры, — ни официальных документов, ни архивных материалов, более того, он избегает обращаться к пользующимся доверием научным исследованиям по этим вопросам как отечественных, так и западных аналитиков. Далее он пишет: «Замечу, что все оценки носят условный характер, поскольку нет точных данных об укомплектованности немецких соединений» (подчеркнуто нами. — *Авт.*). (Таким пассажем он, на мой взгляд, сам себя высек, как унтер-офицерская вдова.) Если историк Б. Соколов при оценке такого масштабного сражения как Берлинская битва оперирует не достоверными, подтвержденными документальными данными, а «условным» их характером, то это никакая не наука, а самая настоящая профанация, цель которой — фальсификация.

Апофеозом дегероизации подвига Красной Армии в Берлинской операции являются утверждения Б. Соколова о том, что продвигавшиеся в сторону Берлина с запада американские войска 13 апреля 1945 г. остановились в 85 км от германской столицы из-за того, что якобы западные союзники не желали «раздражать» Сталина и решили уступить ему столицу рейха. «В результате, — делает он „открытие“, — на пути к Берлину развернулась гонка не между советскими и американскими войсками, а между соединениями 1-го Белорусского фронта маршала Жукова и 1-го Украинского фронта маршала Конева». В этом «соревновании» Сталину, «несомненно, хотелось, чтобы основную часть германской столицы захватил Жуков — его заместитель на посту Верховного главнокомандующего. Поэтому сил и средств у 1-го Белорусского фронта было почти вдвое больше, чем у 1-го Украинского». Сотканное из лжи, построенное

на преднамеренном искажении фактов, снабженное личными, ничем не подтвержденными «предположениями» (типа «можно также предположить, что Гитлер, повернув 12-ю армию Венка от Эльбы к Берлину, надеялся помимо всего прочего на то, что американцы двинутся вслед за ней к Берлину и столкнутся с русскими на подступах к столице рейха») сочинительство Б. Соколова, осуществленное под предлогом исторического «правдоискательства», направлено на искажение и фальсификацию одной из героических страниц отечественной истории, на формирование ущербного представления об этом событии, на низведение настоящего героического подвига до уровня заурядного события со множеством негативных оттенков.

Приведем данные на этот счет современного российского энциклопедического издания¹. Эти данные свидетельствуют о том, что автор, прежде всего, неверно информирует читателей о составе германской группировки, оборонявшей Берлин: он ограничивается упоминанием группы армий «Висла» и «по своему усмотрению» ничего не сообщает о 4ТА и 17А группы армий «Центр» генерал-фельдмаршала Ф. Шёрнера, а это 48 пехотных, 9 моторизованных, 6 танковых дивизий и много других частей и соединений — всего 1 млн человек, 10 400 орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, поддержка действий наземных войск с воздуха 3300 боевыми самолетами 6ВФ и ВФ «Рейх». К этому следует добавить и находившиеся в резерве главного командования 8 дивизий. И кроме того, в самом Берлине было сформировано около 200 батальонов фольксштурма (ополченские фашистские формирования), а общая численность гарнизона превышала 200 тыс. человек (Б. Соколов произвольно утверждает, что гарнизон германской столицы составлял 50 тыс. человек).

А теперь тоже сопоставим некоторые цифры. Как было сказано выше, Б. Соколов определил германскую группировку в 300 тыс. человек. Но как эта цифра корреспондируется с данными о том, что в этой битве Красная Армия взяла в плен около 480 тыс. человек — что же в плен взяли в полтора раза больше, чем насчитывала вся группировка? Но ведь были еще и убитые, а также «пропавшие без вести», а точнее, бросившие винтовки и разбежавшиеся кто куда немецкие солдаты...

Европейский «исследователь» Тимоти Снидер в своей книге «Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным» выдвинул

¹ Военная энциклопедия. В 8 т. М., 1997. Т. 1. С. 449, 453.

чудовищную версию о «двойном геноциде» поляков со стороны Советского Союза и Германии. «Доказывает» он это при помощи таких «аргументов»: мол, в 1937–1938 гг. по приказу Сталина было расстреляно больше 100 тыс. советских граждан преимущественно польского происхождения, а во время войны уничтожение поляков СССР и Третьим рейхом продолжилось. Словом, если Ющенко в бытность своего президентства в Украине тему геноцида против украинского народа со стороны Москвы «раскручивал» при помощи «голодомора», то Снидер это делает, приводя ничем не подтвержденные данные о расстреле 100 тыс. советских граждан именно польского происхождения (!). Попутно Снидер предложил дату заключения так называемого «пакта Молотова—Риббентропа» 23 августа 1939 г. считать началом Второй мировой войны.

Глава израильского отделения Центра Симона Визенталя, один из «охотников» за нацистами Эфрам Зурофф, высказывая не только свою точку зрения, но и многих своих единомышленников, проживающих на Западе, так ответил автору «Кровавых земель...» на страницах британской газеты «The Guardian» (опубликовавшей интервью со Снидером): «Снидер начисто игнорирует контекст, в котором началась и длилась война, — пишет Зурофф. — Если для нацистов пакт Молотова—Риббентропа был неотъемлемой частью их стратегии завоевания Европы, то Сталин подписал его, так как не имел другого выхода: переговоры об антигитлеровском альянсе с Британией и Францией провалились, а Польша не согласилась пропускать советские войска по своей территории. Пакт позволил Сталину хотя бы выиграть время на подготовку Красной армии к неизбежному столкновению с вермахтом... За начало Второй мировой, массовую бойню и зверства гитлеровцев в конечном итоге СССР не несет ответственности... Снидер вуалирует кровавожадные намерения нацистского режима, его фанатичное, движимое идеологией стремление истребить еврейский народ, его долгосрочные планы на уничтожение большей части других народов Восточной Европы... Приравнивать СССР к нацистской Германии — значит снимать основную вину с главного виновника войны и научно обосновывать теории двойного геноцида... Эти теории, в последнее время господствующие в посткоммунистическом мире, опасно искажают историю Второй мировой войны и Холокоста».

А церковный историк, профессор Санкт-Петербургской духовной академии протоирей Георгий Митрофанов, видимо, перепутав

предназначение церковной кафедры, на протяжении нескольких лет предает анафеме все, чем жило поколение победителей во Второй мировой войне, при этом нравственно реабилитируя Власова. Можно ли с христианским смирением или с гражданским равнодушием воспринимать то, что человек, принадлежащий к церковной интеллектуальной элите, позволяет в публичных выступлениях говорить о том, что «наше общество состоит из людей, в подавляющем большинстве живших во лжи, служивших злу и сейчас упорно делающих вид, что вся их жизнь прошла в служении правде»¹. И далее: «Они „служили России“ — называлась ли она Советским Союзом, называется ли она Российской Федерацией, — а на самом деле это люди, не способные вот так честно и последовательно, как Власов и его сподвижники, перечеркнуть свою прошлую жизнь, служили не России и служат не России, а служат только себе»². Только в воспаленном мозгу коллаборационизм предателя может предстать единственно правильным служением России! А созданная оккупантами из числа православных священников-коллаборационистов псковская духовная миссия, служившая гитлеровскому рейху, вызывает у церковного историка не только одобрение, но и восхищение.

Нельзя не согласиться с писателем из Петербурга Б. А. Подопригорой, что «Божья милость» к предателям ставит в неудобное положение саму Церковь, не нашедшую две с лишним тысячи лет назад оправданий для Иуды Искариота. Он задается вопросом: «Какие последствия ждут общество, если церковное благословение распространяется на антикоммунистическое самоедство? Кто, в конечном счете, „победит“ и где „побежденные“ будут искать утешения? Видит ли РПЦ свою миссию во „врачевании“ ожесточенности и „исцелении“ непримиримых? Или она строго по „науке“ продолжит делить на своих и чужих не только здравствующих, но и давно ушедших? Их-то не спросишь, кем они себя считали в первый час послевоенной тишины — спасателями Отечества или „неразумными марионетками сталинского режима“? Не считает ли РПЦ, что сама идея коллаборационизма разрушительна для страны? Тем более, что наше „прошедшее время“ при политизированном столкно-

¹ См.: Подопригора Б. А. С кем вы, мастера слова Божьего? // «НГ». 2010, 3 декабря.

² Там же.

вании с „настоящим“ приобретает дополнительную силу разрушения нашего же духовного самосознания»¹.

Диктор НТВ Пивоваров сочинил настоящую геббельсовскую агитку на тему «фашисты и русские» в созданном им фильме «Брест. Крепостные герои». «Отстранившись от сложившейся за советские годы мифологии», он предложил телезрителям свою сотканную из лжи, фальсификации, построенную на смещении акцентов, «интересных фактах» и «фактиках», «любопытных совпадениях», фирменной ироничности, за которой «абсолютный космический вакуум» (О. Пухнавцев), и т. д., версию одной из героических страниц Великой Отечественной войны.

Для Пивоварова Брестская крепость — это не беспримерное, героическое противостояние защищающих Родину воинов Красной Армии против фашистских агрессоров, а борьба находящихся в осажденной крепости между собой, выявление трусов, негодяев и извергов в собственном окопе. Оказывается, наши солдаты только и ждали выстрелов в спину от своих же.

Что же касается немцев, то автор ставит знак равенства между советскими воинами и фашистами, при этом ни разу не используя слова «нацист», «фашист», «оккупант». Фашисты у Пивоварова — люди благородные, они поступают с ранеными и пленными гуманно, «оказывают пленным командирам известное уважение», «женщин отпускают, мужчин гонят прочь», а советские воины поступают иначе: они убивают немцев вилами, чтобы не тратить патроны.

Выполняя режиссерскую задачу, актер Маркус Кунце создал образ благородного фашиста. Словом Пивоваров делает претенциозное «открытие» — широким планом рисует картину «гитлеровского гуманизма», облагораживает нацистов. Его «философия» настолько чудовищна и омерзительна, что спорить с ее автором нет никакой необходимости, поскольку все это находится за пределами здравого смысла, элементарной порядочности, честности, профессиональной чистоплотности.

Хотелось бы привести здесь два примера, которые более чем убедительно говорят о гитлеровском «гуманизме».

Пример первый. Как записал Ф. Гальдер в своем дневнике, Гитлер на состоявшемся в начале марта 1941 г. совещании командующих

¹ См.: *Подопригора Б. А.* С кем вы, мастера слова Божьего? // «НГ». 2010, 3 декабря.

всеми видами вооруженных сил заявил, что в предстоящей войне с СССР «немецкие солдаты, виновные в нарушении международных правовых норм... будут прощены» (это содержится и в показаниях Гальдера на Нюрнбергском процессе 22 ноября 1945 г.).

Пример второй — он свидетельствует о том, каким «гуманизмом» руководствовался Гитлер, определяя судьбу Москвы и Ленинграда после того, как они, по его убеждению, падут 18 сентября 1941 г. Он издал строгий приказ: «Капитуляцию Ленинграда и Москвы не принимать, даже если она будет предложена». Какая судьба ожидала ленинградцев и москвичей, Гитлер разъяснил своим командирам в директиве от 29 сентября: «Фюрер решил стереть Санкт-Петербург (Ленинград) с лица земли (подчеркнуто Гитлером. — *Авт.*). Дальнейшее существование этого большого города, как только Советская Россия будет повержена, не представляет интереса... Цель состоит в том, чтобы окружить его и сравнять с землей артиллерийским огнем и непрерывными налетами авиации... Просьбы о сдаче нам города будут отклонены, так как проблема выживания его жителей и снабжения их продовольствием не может и не должна решаться нами (подчеркнуто Гитлером. — *Авт.*). В этой битве за существование мы не заинтересованы даже в сохранении части населения этого крупного города»¹.

Разумеется, для Пивоварова, судя по его кинофильму, такие документы интереса не представляют.

Пивоваров с большим уважением относится к немецкой армии, он просто в восторге от «умения» и «мастерства» фашистских командиров, которые в отличие от советских очень заботятся о том, как бы не допустить слишком много жертв в бою, и чувствуют, когда надо отступить, чтобы уберечь солдат. (Кстати, «умению» немцев воевать и неумению Красной армии уделено много внимания и в другом фильме Пивоварова, посвященном Ржевской битве.) В фильме о Брестской крепости он с умилением говорит: «Вермахт (сколько еще раз в этой войне проявит он свое отличие от Красной Армии) не воюет числом. Поняв, что русские не сдадутся, немцы отводят войска».

О том, насколько далеки от реальности пивоваровские фантазии об «особой» заботе нацистских командиров о простом немецком солдате, можно было бы привести бесчисленное множество документально подтвержденных свидетельств. Приведем лишь одно

¹ Цит. по: От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. М., 1988. С. 49.

из них. Известно ли Пивоварову, как повело себя германское командование по отношению к окруженной в Сталинграде 300-тысячной группировке фашистских войск, для которых сопротивление советским войскам потеряло всякий смысл, и единственно возможным вариантом оставалась капитуляция, позволявшая прекратить совершенно бессмысленные потери живой силы? Генерал-фельдмаршал Паулюс в написанном 9 января 1946 г. (уже в лагере для военнопленных) заявлении советскому правительству (оно в качестве официального документа содержится в материалах Нюрнбергского Трибунала) написал: «Они (Кейтель и Йодль. — *Авт.*) несут... ответственность за принципиальный запрет капитуляции находящихся в безнадежном положении войск и, особенно, за отказ в моем настоятельном ходатайстве 20 января 1943 г. о разрешении капитулировать»¹. Паулюс заявил также: «Военные преступники Кейтель, Йодль и Геринг виновны в том, что не выполнили своих торжественных обещаний доставить воздушным путем снабжение окруженной в Сталинграде 6-й армии»². И далее: «Обвиняемый Геринг несет еще особую вину за то, что он не только не выполнил обещание доставить воздушным путем недостающие продукты питания, но даже за его легкомысленное обещание принять на себя снабжение по воздуху, что побудило Гитлера и Кейтеля предоставить 6-ю армию своей судьбе»³. В таких случаях говорят: комментарии излишни.

По Пивоварову, защитники Брестской крепости оказались не перед лицом смертельной схватки с фашистами, а «между жертвами двух бесчеловечных машин, государственной и военной, абсолютно безразличных к частным судьбам»⁴. Подменив фашистское зло советской государственной и военной «машинной», диктор Пивоваров обвиняет эту «машину» в том, что якобы именно она, а отнюдь не нацистская агрессия (!) «поставила этих людей (защитников крепости. — *Авт.*) в такие чудовищные условия, когда единственный выбор — это умереть героем»⁵. При этом он назвал защитников Бреста

¹ Нюрнбергский процесс над главным немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1958. Т. II. С. 598.

² Там же. С. 599.

³ Там же.

⁴ См.: Интервью А. Пивоварова газете «Комсомольская правда». 2010, 24 сентября.

⁵ Там же.

«дважды крепостными», и чтобы его «правильно поняли» через газету уточнил: он употребил термин «крепостные» и в буквальном смысле, т. е. как «находящиеся в крепости», и в иносказательном, т. е. как «крепостные государственной и военной машины». Отсюда вывод — в бой с фашистами шли не патриоты Родины, а «крепостные». Это делается для того, чтобы телезрители, посмотревшие творение Пивоварова, проецировали понятие «крепостные» и на защитников Москвы, Ленинграда, Сталинграда и, наконец, на штурмовавших Берлин. Это тот случай, когда зловещему цинизму нет предела.

Фраза одного из фашистских вояк в фильме Пивоварова «Мы защищали под Ржевом свою землю» на взгляд непросвещенного зрителя может показаться абсурдной. Но это на первый взгляд. Как здесь не вспомнить многократно провозглашенные фюрером обещания обеспечить нацистских вояк после их победы в войне надлами нашей земли с крестьянами и сделать их (нацистских вояк) господами. Сентенция от лица нациста явно импонирует внутреннему ценностному настрою Пивоварова, как и раздраженные «доказательства» другого недобитка: «Мы ушли из Ржева непобежденными».

В обращении с историческими фактами Пивоваров действует как манипулятор, придающий им в лучшем случае искаженный, а чаще — вообще противоположный смысл (в духе замысла кинофильма!).

Так, он часто использует термин «западники», под которыми он понимает тех обиженных советской властью лиц, которые стреляли в спины красноармейцев, мстя, таким образом, советам. Но дело то в том, что он перепутал: такие «западники» действительно были, но не в Белоруссии, а в Украине. В Белоруссии же подобным образом действовали польские жандармы и унтер-офицеры, которые боролись с Красной Армией еще в 1919 и 1920 гг., зверствовали в Берёза-Куртузском концлагере, где содержались польские коммунисты. Именно их-то и поселили в западных областях Белоруссии, и с приходом немцев они напомнили о себе.

Другой пример. Проведенный генералом Гудерианом после окончания немцами польской кампании в Бресте ритуальный армейский парад в интерпретации Пивоварова превратился в акцию «дружбы», «союзнчества» между нацистскими и советскими войсками, чего в природе не могло быть. Пивоваров же утверждает:

22 сентября 1939 г. «в честь нерушимой советско-германской дружбы в Бресте проводится местный парад».

Когда же Пивоваров говорит о том, что советские войска захватили часть Польши, то он демонстрирует элементарное незнание (или желание незнания) общеизвестных истин: в сентябре 1939 г. Красная Армия вышла на установленную в декабре 1919 г. Верховным Советом Антанты восточную этнографическую границу Польши, известную как «линия Керзона» и не «захватила» часть Польши, а освободила от польских захватчиков Западную Украину и Западную Белоруссию, отторгнутых от Советской России по несправедливому Рижскому мирному договору 1921 г.

В числе фальсификаций Пивоварова и выдумки небезызвестного Резуна-Суворова о том, что Сталин якобы готовился напасть на фашистскую Германию.

Чтобы поставить знак равенства между нашими и фашистами, Пивоваров предлагает телезрителям сцену встречи Гудериана с генералом Кривошеевым в 1939 г. в такой интерпретации: «Какая поразительная сцена: честный служака фюрера и еврей-большевик ведут аристократическую беседу на французском». А после этого — оскорбительный штрих: «Расстаются почти друзьями».

«Образцом» крайне субъективного и претенциозного непрофессионализма стало очередное «творение» А. Пивоварова — анонсированное на том же НТВ как «масштабная» драма «Вторая ударная. Преданная армия Власова». В содержательном плане эта лента Пивоварова повторяет мотивы его сочинения «Брест. Крепостные герои», разумеется, с привлечением другого «фактического» материала. Как «мастер» смещения акцентов, избирательного подхода к историческому материалу и его крайне односторонней и предвзятой интерпретации, Пивоваров в данном случае как бы «нанизывает» факты и фактики на два основных стержня фильма.

С одной стороны, все та же песня о том, что из Кремля, т. е. от Сталина, а также от высших командиров из «теплых» кабинетов поступали на фронт только глупые приказы и призывы «ура», из-за чего места сражений немцы «забросали трупами» красноармейцев, рассказы фашистского недобитка о коварных комиссарах, которые якобы готовых стрелять в спину своим же солдатам, показ советских солдат покорно идущими на смерть по приказу своих жестокосердечных генералов. То есть общий мотив — пораженческий. (И то, что в конечном итоге в войне победили советские воины из фильма

не ясно. Как писала «Литературная газета», победами «иностранец» Пивоваров не занимается, ему важно, что «цена победы чрезмерна», что, пожалуй, ее и не было вовсе.)

С другой стороны, полное отсутствует какого-либо осуждения агрессора. Нацистов показывают не как вероломно напавших на нашу страну, а просто как участников войны, где на одной стороне «правильные» сытые европейцы, а на другой — «неправильные» голодные русские жертвы советских командиров и комиссаров. По Пивоварову, у немцев самые современные истребители, а у Красной Армии У-2. Причем, оказывается, советским летчикам даже не выдавали парашюты, чтобы они не выпрыгивали из самолетов.

Фильм изобилует словесными ремарками автора. Вот он хвалит гастрономическое изобилие у немцев: тушенка, сосиски, шоколады и даже сигареты. А вот советские солдаты питаются корой дерева и тухлым мясом сдохших лошадей, которых автор называет «социалистической собственностью», вещая при этом (опять-таки от своего имени), что в это же время Жданову в голодающий блокадный Ленинград самолетами доставлялась икра, а для советских генералов на фронте содержались персональные коровы, чтобы они могли питаться свежим молоком.

Немецкие вояки, представленные в фильме как живые участники боев против 2-й ударной армии, не только не каются за совершенные ими злодеяния, а более того — выступают обвинителями советских солдат. В «масштабном» спектакле Пивоварова не нашлось места для героических поступков советских воинов, совершенных ими в те действительно драматические дни. Нет даже ни малейшего упоминания о 14 тысячах советских бойцов, которые, несмотря на неравенство сил и даже на то, что генерал Власов, добровольно капитулировав, фактически передал 2-ю ударную в руки немцев, все же преодолели кольцо окружения.

Провокация заложена уже в названии фильма: «Преданная армия Власова». Перед телезрителями предстает не *армия, преданная генералом-изменником Власовым*, а кем-то «преданная армия Власова». Одно лишь изменение падежа в фамилии истинного предателя позволило переложить вину на кого-то другого, только не на Власова. Вот и возникает вопрос: «кем же она предана?». Автор фильма «предоставляет» телезрителям возможность самим додумать, кто это. Сталин? Или кто-то еще? «Творческо»-провокационный прием все тот же, что и в фильме «Брест. Крепостные герои».

Л. Жукова, анализируя «творения» А. Пивоварова, назвала «вывертом мозгов» те эпизоды, в которых отечественные «критиканы осуждают не зачинщика мировой бойни — Гитлера, — а организатора сопротивления ему — Сталина, — значит, всех героев сопротивления, не щадивших своей жизни ради того, чтобы выгнать оккупантов с родной земли». «Но разве не противоестественно, — продолжает она, — что не в странах-капитулянтах, кормильцах „непобедимой армии“, а в нашей Отчизне-победительнице находятся „ревизоры“ сражений Великой войны и ее полководцев? Подвигов солдат! Калькулируется цена Победы. Общество потребителей любит считать убытки и прибыли. Так пусть подсчитают устрашающее число жертв перестройки, затеянной в мирное время „лучшим немцем“, ныне почетным юбиларом Горбачевым: погибших в терактах, технокатастрофах, локальных конфликтах, на службе в армии, покончивших с собой от безысходной безработицы и бездомности, умерших от наркотиков, болезней, алкоголя, убитых в бандитских разборках. Какой удар наносится генофонду нации продажей наших малышей на чужбину, проституцией, развращением подростков?»¹.

Во времена своего процветания на НТВ Е. Киселев проводил с подчиненными оперативные совещания, получившие название «пятиминутки ненависти» (чаще, правда, тренировки ненависти получались длиннее!), на которых давались «ЦУ» как надо бороться с теми, кто не соглашался с ельцинским курсом на построение криминально-олигархического капитализма. В наши дни Е. Киселева решил «переплюнуть» А. Пивоваров, предложивший многомиллионной телезрительской аудитории уже не пятиминутки, а целый «сериял злобы», состоящий из тенденциозных и примитивных фильмов-скороспелок, которые он сам называет «масштабными» и сделанными «впервые». Если, к примеру, С. Бондарчуку для создания масштабного кинопроизведения требовалось 7–8 лет, то А. Пивоваров производит их в перерывах между основной работой в качестве директора телевидения — словом, как бабка блины печет.

В числе злобных фальсификаций распространение мифов о «массовых преступлениях» и «зверствах» советских военнослужащих на освобожденной ими немецкой территории. По ничем неподтвержденным данным англичанина Бивора (он пишет об этом в вышед-

¹ Жукова Л. Честь и смертный жребий // «Литературная газета». 2011. № 10 (6314), 23–29 марта.

шей в 1992 г. своей книге), советские солдаты изнасиловали 2 млн немцев: «Русские солдаты насильовали всех немцев от 8 до 80 лет. Это была армия насильников»¹. Другой американский «ученый» насчитал уже 15 млн изнасилований. А между тем, существуют подлинные архивные документы, в которых указано точное число советских военнослужащих, наказанных за жестокое отношение к мирному населению, в том числе и за изнасилования — 4148 человек². (Кстати, эти «показатели» практически одинаковы с данными о числе солдат союзников, попавших под военный трибунал за изнасилования в 1944–1945 гг.) Конечно, подобные преступления — серьезные нравственные издержки для любой армии. Но спекулировать на «масовости» неблагоприятных поступков, якобы совершенных советскими военнослужащими, при наличии подтвержденных официальных данных — не менее безнравственно.

И почему же авторы подобных публикаций «забыли» о том, что этим преступным деяниям была дана официальная оценка уже в те самые далекие дни? Приведем два документа. Первый — приказ Сталина от 19 января 1945 г.: «Офицеры и красноармейцы! Мы идем в страну противника... Оставшееся население на завоеванных областях, независимо от того, немец ли, чех ли, поляк ли, не должно подвергаться насилию. Виновные будут наказаны по законам военного времени. На завоеванной территории не позволяются половые связи с женским полом. За насилие и изнасилования виновные будут расстреляны».

Документ второй — из Директивы Ставки Верховного Главнокомандования, 20 апреля 1945 г.:

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Потребуйте изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и гражданским. Обращаться с немцами лучше. Жестокое отношение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам не выгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне.

2. В районах Германии создавать немецкие администрации, а в городах ставить бургомистров-немцев. Рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относятся к Красной Армии, не трогать.

И. Сталин

¹ См.: Победители или насильники? // «Комсомольская правда». 2010, 19 ноября.

² Данные приводятся по книге: *Мединский В.* Мифы СССР. Война. М., 2010.

Вот и возникает вопрос: кому же на руку такое мифотворчество? Логика у этих авторов проста: доверительно сообщая нам *свою* «правду» об отдельных событиях, приукрашивая ее *своими* фактами и фактиками, исказить Великую Правду о подвиге армии-освободительницы, представить ее армией насильников и толпой остервенелых уродов, превратить немцев из агрессоров в жертв, и в конечном итоге подвести к «выводу» о равноответственности нацизма и «сталинизма» за развязывание и ведение войны, за военные преступления и т. д.

При таком подходе легко «назначить» виновников (в такой интерпретации, разумеется, — Гитлер и Сталин), представив их в качестве «сил зла», и определить носителями добра Америку, Великобританию, другие «демократии». А отсюда — к следующему шагу: предъявить уже сегодняшней России «исторические счета», потребовать от нее различных «компенсаций» и выполнения своих территориальных притязаний — Калининградская область, Сахалин, Курильские острова, Карелия, Выборг... Не говоря уже о вытеснении ее из геополитического и экономического пространства Восточной Европы, СНГ и т. д.

2. Мистификация так называемого «пакта Молотова—Риббентропа»

Особая роль в фальсификаторских упражнениях по «обоснованию» «равноответственности» СССР и нацистской Германии за «развязывание» Второй мировой войны отводится так называемому «пакту Молотова—Риббентропа». Мы не случайно говорим «так называемому», поскольку документа под таким названием как правовой реальности не существовало. Такое название советско-германские договоренности от 23 августа 1939 г. получили лишь после окончания Второй мировой войны в качестве неофициальной (но никак не правовой!), часто употребляемой с негативным оттенком, публицистической формулы, которая объединила реальный документ под названием «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом» (именно под таким названием он был опубликован в «Правде» и «Известиях» и ратифицирован 31 августа 1939 г. Верховным Советом и Рейхстагом) и копию так называемого «секретного протокола», найденного в архивах Риббентропа. Словосо-

четание «пакт Молотова—Риббентропа» никогда не употреблялось в качестве легитимного правового термина ни в политических, ни в дипломатических документах СССР (России), но зато стараниями некоторых политиков и журналистов (зарубежных и отечественных) в короткое время превратилось в публицистическое клише с четко выраженными обвинительным акцентом: «пакт Молотова—Риббентропа» называется основной причиной развязывания войны, «советско-нацистским сговором».

На этом стоят многие европейские политики, прибалтийские государства, либеральная российская политическая элита. Такая позиция отличается крайней жесткостью, неприятием мнения оппонировающей стороны, а самое главное, избирательным подходом к историческому материалу и трактовкой его с крайне субъективных позиций. Мы не станем анализировать все аспекты этой проблемы, а назовем лишь несколько аргументов, которые подтверждают, что утверждения о «равноответственности» СССР и нацистской Германии за «развязывание» Второй мировой войны или что названный выше пакт стал основной причиной ее (войны) начала, есть не что иное как неприкрытая ложь и преднамеренная фальсификация.

Обратимся к фактам, которые были подтверждены на Нюрнбергском процессе. Еще 24 ноября 1938 г. была издана директива ОКВ германским вооруженным силам, касающаяся подготовки нападения на Данциг. В ней, в частности, говорилось: «Фюрер приказал: 1. Подготовка должна также производиться для внезапной оккупации свободного города Данциг германскими войсками»¹. А 3 апреля 1939 г. была издана новая, измененная директива ОКВ, предназначенная для вооруженных сил, в которой говорилось о варианте операции «Вайс» (военное кодовое обозначение нацистского вторжения в Польшу): «Фюрер добавил следующие указания к варианту „Вайс“: 1. Вести приготовления таким образом, чтобы операция могла быть предпринята в любое время, начиная с 1 сентября 1939 г. 2. Верховному командованию вооруженными силами было поручено составить точное расписание для операций варианта „Вайс“ и путем совещаний согласовать во времени взаимодействие трех составных частей вооруженных сил»².

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 341.

² Там же. С. 342.

В «Директиве относительно единой военной подготовки вооруженных сил на 1939/1940 гг.» операция «Вайс» (наряду с обеспечением границ германской империи, защитой против внезапного воздушного нападения и овладением Данцига) названа приоритетной задачей рейха. К 1 мая 1939 г. Германия имела пересмотренный, модернизированный, обстоятельно составленный план агрессии против Польши.

В утвержденной 10 мая 1939 г. «совершенно секретной» директиве Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии уточнено две позиции операции «Вайс»: быстрый захват в неповрежденном виде польских предприятий, в особенности в Верхней Силезии и Тешинской области, а также немедленная блокада Польши с моря.

В «особом распоряжении» к директивам относительно операции «Вайс» сформулированы некоторые «правовые основания» операции, в том числе предоставление права «дополнить» Гаагскую конвенцию в части, касающейся сухопутной войны (сам факт, чтобы отдельное государство по своему усмотрению «дополняло» международный документ, подписанный группой стран — это нонсенс!); определены мобилизационные задачи (проведение мобилизации без публичного оповещения, распространение мобилизации на невоенную сферу, включая промышленность, указания об организации исполнительной власти в оккупированных территориях и др.).

Свое решение напасть на Польшу (что и послужило началом Второй мировой войны) Гитлер подтвердил и 23 мая 1939 г. на совещании в его кабинете в новой имперской канцелярии в Берлине. Среди участвующих были Геринг, Редер и Кейтель. Объявляя о таком решении, Гитлер признал, что «причиной для нападения явились не споры с Польшей о Данциге, а необходимость расширения „жизненного пространства“ Германии и обеспечения снабжения продовольствием»¹. При этом фюрер подчеркнул: «Для решения этой проблемы нужна смелость. Принцип уклонения от разрешения проблемы путем приспособления к обстоятельствам недопустим. Обстоятельства должны быть приспособлены к целям. А это невозможно без вторжения в иностранные государства или посягательства на чужую собственность».

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 343.

После этого совещания в течение нескольких недель был созван еще ряд совещаний и изданы директивы о непосредственной подготовке к войне. А состоявшееся 23 июня 1939 г. 2-е заседание Имперского совета обороны подтвердило, что уже в июне 1939 г. были полностью закончены планы подготовки агрессии против Польши¹.

А теперь сопоставим приведенную выше хронологию подготовки Гитлера к агрессии против Польши с датой 15 августа 1939 г. Именно в этот день впервые в советско-германских контактах была упомянута в общей форме тема заключения между СССР и Германией «пакта о ненападении». В своей беседе с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов задал последнему такой вопрос: «Существует ли у германского правительства определенное мнение по вопросу заключения пакта о ненападении с СССР?». Ответ Шуленбурга: «С Риббентропом (министр иностранных дел Германии. — *Авт.*) этот вопрос пока не обсуждался. Германское правительство не занимает в этом вопросе ни положительной, ни отрицательной позиции». В свою очередь В. Молотов заявил, что в связи с тем, что как Риббентроп, так и Шуленбург говорили об «освежении» и о пополнении действующих советско-германских соглашений, важно выяснить мнение германского правительства по вопросу о пакте ненападения или о чем-либо подобном ему. И в конце заключил: «Поэтому если германское правительство относится положительно к идее пакта о ненападении или к аналогичной идее и если подобные идеи включают сегодняшнее заявление Шуленбурга, то надо говорить более конкретно»².

Таким образом, возникает вопрос: как разворачивавшиеся с 15 по 23 августа 1939 г. события, связанные с заключением Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом, могли «задним числом» повлиять на принятие Гитлером названных выше документов: 24 ноября 1938 г., 3 апреля 1939 г., 23 мая 1939 г. и др., не говоря уже о 2-м заседании Имперского совета обороны от 23 июня 1939 г., подтвердившем готовность фашистской военной машины к нападению на Польшу. Полнейший абсурд!

¹ См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1958. Т. II. С. 77.

² См.: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 231.

А это означает лишь одно: был бы подписан в августе 1939 г. так называемый «пакт Молотова—Риббентропа» или нет — в любом случае Гитлер осуществил бы свою намеченную ранее мечту о нападении на Польшу. Следовательно, что касается позиции СССР в этой ситуации, то для него существовало два варианта: первый — заключить пакт о ненападении и, памятуя о немецких планах завоевания «жизненного пространства» на Востоке (т. е. покорения Советского Союза), зарезервировать хотя бы какое-то время для подготовки отпора агрессии; второй — не подписывать германо-советский договор о ненападении, что означало бы целый букет негатива: обострение агрессивной реакции Гитлера, обвинение Москвы «мировой общественностью» в нежелании заключать «мирный» договор в условиях проводимой западными демократиями политики «умиротворения» агрессора, и, наконец, что крайне важно, предоставление Германии возможности при захвате Польши занять отошедшие ей по Рижскому мирному договору 1921 г. Западную Украину и Западную Белоруссию, т. е. существенно передвинуть новую германскую границу на Восток, войти в прямое соприкосновение с СССР, заполучив таким образом «открытую дверь» на границе для прямого похода на Москву.

Советское правительство посчитало, что первый вариант в тех условиях наиболее полно отвечал национальным интересам страны. Третьего варианта у него не было. (Что же касается заявления Л. Млечина о том, что всех этих перипетий можно было бы избежать путем нанесения Советским Союзом превентивного удара по нацистской Германии и таким образом лишить Гитлера возможности осуществить «Дранг нах остен», то подобные суждения надо оставить в стороне хотя бы потому, что сам Млечин не причисляет себя к историкам-профессионалам.)

Можно только удивляться тому, как некоторые «борцы» за историческую правду так бесцеремонно игнорируют реально существующие вещи.

Далее. В стремлении придать советско-германским договоренностям заговорщицкий, агрессивный характер ныне объединяются усилия (трудно поверить!) европейских структур (Совет Европы, ОБСЕ), прибалтийских политиков, российских исследователей (например, авторы учебника по отечественной истории под редакцией директора Института российской истории, члена-корреспондента РАН А. Н. Сахарова назвали советско-германские договоренности не иначе как

«сговор двух диктаторов»¹) и таких идеологических зашоренных журналистов, фальсифицирующих историю, как Н. Сванидзе и Л. Млечин (называем их не потому, что они являются авторитетными и объективными исследователями-историками, а потому, что они основательно закрепились в СМИ и имеют неограниченные возможности для оказания воздействия на общественное мнение в нужном для них направлении) и др.

Но о чем говорит сам договор?

Семь его статей зафиксировали обязательства сторон: в двусторонних отношениях воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами; воздерживаться поддерживать в какой-либо форме третью державу, осуществившую агрессию по отношению к одной из договаривающихся сторон; правительствам обеих договаривающихся сторон в будущем поддерживать контакты друг с другом для консультаций по представляющим общий интерес вопросам: обязательства сторон не участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны; обязательства сторон разрешать споры и конфликты исключительно мирным путем.

Последние две статьи Договора определили сроки его действия (10 лет), порядок его ратификации и возможность в будущем его продления (или денонсации).

Спрашивается, каковы могут быть претензии к документу, содержащему статьи, полностью отвечающие нормам международного права, к документу, который стоит в целом ряду аналогичных договоров?

Остается лишь добавить, что этот договор стал последним из аналогичных договоров, которые Германия заключила ранее с рядом других государств: с Польшей в 1934 г., с Англией и Францией в 1938 г., с Литвой, Латвией и Эстонией в 1939 г. И Советский Союз также к моменту заключения советско-германского договора имел пакты о ненападении с Латвией, Польшей и Эстонией.

В этом контексте важно упомянуть такой интересный эпизод. В. Молотов во время беседы с германским послом в СССР Ф. Шуленбургом 19 августа 1939 г. узнал от собеседника, что германская

¹ См.: История России. С древнейших времен до наших дней. Учебник. М., 2009. Т. 2. С. 523.

сторона намерена предложить для обсуждения проект договора, состоящий из двух статей (статья об обязательстве сторон не прибегать к войне или иным способам применения силы и статья о том, что этот договор вступает в силу немедленно и действует без денонсации в течение 25 лет), он с удивлением спросил: «Неужели весь договор состоит только из двух пунктов?». И добавил: «Существуют типичные договоры, которые можно было бы использовать при составлении проекта пакта»¹ (подчеркнуто нами. — *Авт.*). На это Шуленбург ответил, что он «ничего не имел бы против использования этих пактов. Гитлер готов учесть всё, чего пожелает СССР», и добавил: «Представленный же советскому правительству пакт соответствует аналогичному пакту Германии с Латвией»². В свою очередь В. Молотов, напомнив собеседнику о том, что и СССР имеет пакты о ненападении с Польшей, Латвией и Эстонией, заявил: «Желательно было бы знать, имеет ли германское правительство какие-либо возражения против принятия одного из таких пактов за основу при составлении проекта советско-германского пакта о ненападении. Если таких возражений со стороны германского правительства нет, то пусть оно укажет, какой именно из этих пактов оно сочло бы приемлемым для себя»³. Возражений с германской стороны не последовало.

На этом в рассуждениях об «ущербности» Договора, его «заговорщицком характере» можно ставить точку, но, разумеется, при обязательном условии: определении места и роли в этой проблеме так называемого «секретного протокола». В данном случае необходимо подчеркнуть такие моменты.

Во-первых, «секретный протокол», по нашему мнению, в юридическом смысле (подчеркнем — именно в юридическом) не является составной и неотъемлемой частью Договора, так как он не включался в процесс ратификации советско-германских договоренностей от 23 августа 1939 г. и, таким образом, не обладает той правовой легитимностью, которая свойственна самому Договору. К тому же ни в Договоре, ни в «секретном протоколе» нет соответствующих статей, в которых говорилось бы, что протокол является составной частью Договора. Фальсификаторы же, объединяя в одном так называемом «пакте Молотова—Риббентропа» юридически ле-

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 275.

² Там же.

³ Там же.

гитимный «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом» и не обладающий этим статусом «протокол» придают Договору совершенно другое, искаженное содержание.

Во-вторых, как «секретный протокол», так и сам Договор, с началом войны, согласно нормам международного права, потеряли свою силу и перестали существовать как правовая реальность. Они стали просто фактом истории, который можно по-разному оценивать, но никак не включать в аргументацию при принятии политических решений в новых ситуациях. И послевоенный миропорядок строился уже совершенно на других основаниях: на Ялтинско-Потсдамской системе мироустройства и документах Хельсинского процесса. Поэтому всякие попытки использовать так называемый «пакт Молотова—Риббентропа» в качестве идеологического оружия не только против бывшего СССР, но и современной России — это политизированный, не имеющий никаких правовых аргументов подход.

Не случайно попытка Гесса Зайдля, защитника Риббентропа на Нюрнбергском процессе, использовать копию «секретного протокола» (которую, как он позже признался, он добыл в американской разведке) для защиты нацистских преступников Трибуналом была отклонена как не имеющая никаких правовых оснований. Такая же судьба постигла и «инициативу» немецкого канцлера Штрауса, который в 1972 г. настоятельно предлагал парламенту ФРГ дать «новую оценку» Договору о ненападении, однако это предложение было решительно отвергнуто.

В этом отношении беспрецедентным и не имеющим никаких юридических оснований явилось осуществленное на Съезде народных депутатов СССР под руководством М. Горбачева и А. Яковлева и под политически мотивированным давлением прибалтийских депутатов политическое и правовое осуждение советско-германских договоренностей от 23 августа 1939 г. Вдуматься только: негативная правовая (именно правовая!) оценка дается «секретному протоколу», не прошедшему в свое время процедуру юридической легитимации и являющемуся документом с совершенно неопределенным правовым статусом. Не говоря уже о вынесении правового вердикта всему пакету советско-германских договоренностей от 23 августа 1939 г., которые после 22 июня 1941 г. стали просто историческим экспонатом архива. Тем не менее осуждение Договора, как того добились прибалты, состоялось, чем они и воспользовались в качестве аргумента для выхода из состава СССР. Эта «победа» сепаратистов

и агрессивных нацистов и сегодня на идеологическом вооружении тех, кто приравнивает нацизм к сталинизму (или социализму), требует учинить новый нюрнбергский трибунал для объявления Советского Союза преступным государством, кто реабилитируют отъявленных нацистов, бандеровцев, «лесных братьев» и т. д.

В-третьих, принципиальное значение имеет проблема «секретного протокола» — его появления и его «политической жизни». Ведь между ним и основным документом — «Договором о ненападении между Германией и Советским Союзом» — существует, как нам удалось установить, ряд несостыковок и странных коллизий. Важнейшая из них — это то, что как уже отмечалось выше, он не был включен в пакет документов для ратификации, что в юридическом плане означает его (протокола) правовую нелегитимность. Сама же хронология появления и «мытарства» протокола может претендовать на детективную историю, в которой малейшая деталь заслуживает внимания. Итак, все по порядку.

Первоначально, т. е. 15 августа 1939 г., когда в беседе В. Молотова с германским послом Ф. Шуленбургом впервые был поднят вопрос о возможном заключении пакта о ненападении между Германией и СССР, о дополнительном протоколе (или протоколах) не говорилось ничего. Через два дня (17 августа 1939 г.) в ходе встречи этих же собеседников Шуленбург высказался за то, чтобы не ограничиться подписанием договора о ненападении, а осуществить еще один шаг — «плюс протокол по вопросам внешней политики, в которых заинтересованы договаривающиеся стороны», подчеркнув при этом, что он «усматривает трудности в дополнительном протоколе»¹. На это В. Молотов ответил предложением: «Хорошо бы получить схему пакта, и тогда можно перейти к протоколу»². Шуленбург, в свою очередь, подчеркнул, что, по его мнению, центр тяжести «будет лежать в протоколе, и поэтому желательно получить от советского правительства хотя бы эскиз протокола»³. Заметив, что «вопрос же о протоколе пока не детализируется», В. Молотов подчеркнул: «Инициатива при составлении протокола должна исходить не только от советской, но и от германской стороны»⁴.

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 270.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

В памятной же записке, врученной В. Молотовым Ф. Шуленбургу 17 августа 1939 г. подтверждена позиция СССР о заключении пакта о ненападении «с одновременным принятием специального протокола о заинтересованности договаривающихся сторон в тех или иных вопросах внешней политики, с тем, чтобы последний представлял органическую часть пакта»¹ (подчеркнуто нами — *Авт.* Как говорилось выше, и об этом речь будет идти и при изложении дальнейшего развития событий, в конечном итоге протокол, не будучи включенным в процедуру ратификации, не стал этой «органической частью»).

В очередной беседе В. Молотова и Ф. Шуленбурга 19 августа 1939 г. германский посол, в очередной раз настаивая на приезде в Москву Риббентропа, «которому (приезду) также и Гитлер придает громадное значение»², заявил, что «Риббентроп смог бы заключить протокол, в который бы вошли как упоминавшиеся уже вопросы, так и новые, которые могли бы возникнуть»³.

В письме Гитлера Сталину от 21 августа 1939 г. в настоятельной форме высказывается вторичная просьба срочно, «во вторник, 22 августа, но не позднее среды, 23 августа» принять в Москве Риббентропа, имеющего «всеобъемлющие и неограниченные полномочия, чтобы составить и подписать как пакт о ненападении, так и протокол»⁴.

Вот на этом цепочка официальных документов о протоколе, который, кстати, в вышеупомянутых беседах ни разу не назывался «секретным», и обрывается. Что говорилось о протоколе в ночь с 23 на 24 августа 1939 г., когда сторонами обсуждался проект договора о ненападении, а затем и подписывался, — ничего не известно, так как запись переговоров не велась, а черновики Риббентропа были им же сожжены.

В опубликованных в печати 24 августа 1939 г. документах о результатах переговоров о протоколе не было никаких упоминаний, и это при том, что в проекте Договора, переданного В. Молотовым Ф. Шуленбургу 19 августа 1939 г., значится такой постскрипtum: «Настоящий пакт действителен лишь при одновременном подписании особого протокола по пунктам заинтересованности Договариваю-

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 273.

² Там же. С. 275.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 302.

щихся Сторон в области внешней политики. Протокол составляет органическую часть пакта»¹. Итак, этот пункт в проекте был, а в опубликованных (после подписания) материалах и, разумеется, ратифицированных, отсутствует, т. е. юридически он не стал составной частью договоренностей.

А после этого началась его загадочная жизнь.

Период с 1939 г. по 1945 г. — это время абсолютного забвения протокола (за исключением 28 августа 1939 г., когда сторонами было подписано «Разъяснение — к секретному дополнительному протоколу от 23 августа 1939 г.»). Его никто не упоминал ни в официальных документах, ни в публикациях. К нему относились как к документу, который если и имел какое-то значение, то действовал лишь до 4 часов утра 1941 г., после чего он, как и все советско-германские договоренности, как говорится, «сгорели в пламени» начавшейся войны, т. е. потеряли статус действующих документов.

Настоящий же пропагандистский бум разразился после того, как в 1945 г. произошла утечка копий протокола, имеющих своим источником негативы микрофильмов, снятых по приказанию Риббентропа, начиная с 1943 г. Копия документа на микрофильме была передана в документальный архив МИД Германии. После этого при невыясненных обстоятельствах, благодаря служащему германского МИД Карлу Лёшу, эта копия оказалась в руках военнослужащих оккупационных войск Великобритании, которые без промедления ознакомили с этой находкой американскую поисковую группу, после чего и произошла утечка в американские СМИ. После специальной «обработки» материалов для Черчилля был подготовлен доклад по этому вопросу. Со временем позитивы микрофильмов оказались в Национальном архиве США, затем тема «протоколов» была раскручена прессой и в период «холодной войны» стала использоваться в качестве идеологического оружия против СССР. Националистические же силы прибалтийских республик тему так называемого «пакта Молотова—Риббентропа» эксплуатировали с целью доказать «оккупацию» Советским Союзом этих республик и расчислить путь для выхода из СССР. Все это происходило, тем не менее, только на пропагандистском уровне.

Настоящим шоком явилось осуществленное под руководством М. Горбачева и А. Яковлева в угоду националистическим и сепара-

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 278.

тистским силам прибалтийских республик политическое и правовое осуждение Съездом народных депутатов СССР советско-германских договоренностей от 23 августа 1939 г. Мы уже говорили о том, что тот факт, что юридический вердикт выносился по документам, которые потеряли свою правовую силу — это нонсенс. А если еще и добавить, что при принятии такого решения в распоряжении Съезда не было оригинала «секретного протокола», а имелась только его копия, то иначе чем правовым беспределом это не назовешь. К этому можно добавить, что в информационном пространстве «гуляет» как минимум полсотни различных вариантов копий «секретного протокола».

Что же касается оригиналов «секретного протокола» (по дипломатическому протоколу их должно быть два: на русском и немецком языках, — и они должны быть идентичны), то ведомство федерального канцлера ФРГ на запросы специальной комиссии Съезда народных депутатов СССР во главе с А. Яковлевым ответило, что в германских архивах оригинал протокола не найден.

Горбачев же, давая поручения комиссии Яковлева «любой ценой найти оригинал», как выяснилось позже, лукавил, так как он не только знал о том, что этот протокол лежит в секретной папке, доступной только генсеку, но сам, как подтвердил тогдашний зав. Общим отделом ЦК КПСС В. И. Болдин, знакомился с содержимым этого пакета. Словом, генсек поручал искать ветра в поле! Вот такие перестроечные перлы М. Горбачева.

Итак, что же представляет собой «секретный протокол» с точки зрения принадлежности к официальным советско-германским договоренностям от 23 августа 1939 г.? Каков его правовой статус?

Совершенно очевидно, что будучи исключенным из процедуры ратификации, этот протокол не имеет юридически закрепленного статуса международного. По нашему мнению, которое изложено в публикациях автора в качестве постановочного, дискуссионного вопроса¹, этот документ может интерпретироваться в нескольких вариантах: а) он мог представлять собой со стороны СССР выражение намерений двух человек (Сталина и Молотова), сформулированных в отдельном документе, о котором в отличие от самого Договора, как выяснилось позже, не знало ни советское правительство,

¹ См.: *Kanno A. C.* Пакт Молотова—Риббентропа: фальсификации или реальность. М., 2009. С. 37.

ни Верховный Совет СССР, ни ЦК ВКП(б), ни абсолютное большинство членов Политбюро ЦК, не говоря уже о руководящих работниках МИДа СССР; б) с протокольной точки зрения его можно рассматривать и как документ двух внешнеполитических ведомств, не ставший межгосударственным документом из-за того, что он не прошел необходимые процедуры по правовой легитимации в качестве межгосударственного акта; в) возможен вариант, в соответствии с которым в ходе подписания Договора о ненападении состоялись устные (не оформленные в виде официального документа) договоренности сторон по некоторым «сферам влияния» двух держав, по которым немецкие участники переговоров сделали черновые записи относительно этих договоренностей, выдавая их со временем за «секретный протокол»; г) он может интерпретироваться, как отмечалось на II Съезде народных депутатов СССР, и как «сговор», выражающий намерения подписавших его физических лиц¹ (подчеркнуто нами — *Авт.*); д) имеет полное право претендовать на такую позицию по этому вопросу (изложенную в Постановлении Съезда народных депутатов СССР «О политической и правовой оценке советско-германского Договора о ненападении от 1939 г.»): решение о подписании протокола «было по существу и по форме актом личной власти и никак не отражало волю советского народа, который не несет ответственности за этот сговор» (подчеркнуто нами — *Авт.*).

К этому необходимо добавить и то, что с точки зрения дипломатической протокольной практики «секретный протокол» содержит ряд таких элементов, которые не могли появиться из-под пера дипломата-профессионала, знающего все тонкости этого жанра международно-правовых документов, в том числе и так называемых атрибутивных тонкостей, являющихся, впрочем, фирменным знаком внешнеполитического ведомства. К ним надо отнести в первую очередь такие дублирующие друг друга элементы, как указание в заголовке о «секретности документа» (обычно в таких случаях о секретности говорится не в заголовке, а указывается специальной, размещенной сверху на правой стороне листа рубрикой «секретно» или «совершенно секретно»), подчеркивание «строгой конфиденциальности» в преамбуле (и это при том, что выше уже было при помощи термина «секретный» сказано о конфиденциальности), да

¹ II Съезде народных депутатов СССР. 1989, 12–24 декабря. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета СССР. М., 1990. Т. IV. С. 271.

еще и в ст. 4: «Этот протокол будет сохраняться обеими сторона в секрете...».

К числу несвойственных международным договорам и соглашениям, а также прилагаемым к ним протоколам следует отнести также: отсутствие в нем (протоколе) обязательных для таких случаев данных о количестве экземпляров и на каких языках он изготовлен, одинаковы ли они по своей силе, когда протокол вступает в силу, почему он не только «секретный», но и «дополнительный». Значит, тексты протокола и Договора писались разными людьми, с разным опытом дипломатической практики.

Наконец, на какой из текстов протокола при его «многовариантности» в информационном пространстве будет оправданным опираться? В самом деле, в большинстве научных исследований, в учебной литературе, в официальных документах Прибалтийских стран, не говоря уже о СМИ, фигурирует «секретный дополнительный протокол» от 23 августа 1939 г. Но ведь его нельзя считать «окончательным», так как 28 августа 1939 г. стороны подписали «Разъяснение» к нему, в котором («разъяснении») содержалась существенная поправка о том, что в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Писсы, Наревы, Вислы и Сана (в протоколе от 23 августа р. Писса не указана, и речь идет о «линии рек Нарева, Висла и Сан»)¹.

Так все-таки что же следует считать легитимным источником? И чем можно объяснить, что на основе «неокончательных» источников различными органами, в том числе II Съездом народных депутатов СССР, принимаются определенные решения?

О «многовариантности» протокола свидетельствуют и такие факты: циркулирование в информационном пространстве никем не заверенных «машинописных копий» при отсутствии оригинала; наличие русских текстов в версии «копии с копий», копии с негативов микрофильмов Риббентропа; «случайно» обнаруженный машинописный текст «секретного протокола», заверенный сотрудником Совнаркома СССР неким В. Паниным; документы, переданные сотрудником германского МИДа Лёшем англо-американской поисковой группе; наконец, текст протокола, под которым стоит

¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 321, 335.

подпись Молотова, сделанная латиницей (он-то мог подписывать только на русском языке — это протольно-дипломатическая аксиома. — *Авт.*).

А теперь попытаемся сделать обобщающие выводы.

Прежде всего — утверждения о том, что «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом», который был подписан значительно позже того времени, когда Гитлер решил напасть на Польшу и когда (в июне 1939 г.) уже были полностью закончены планы реализации предполагаемой агрессии, повлиял на «развязывание» Второй мировой войны, — неприкрытая и злобная фальсификация.

Далее, сам Договор не может рассматриваться как «сговор двух диктатур», так как он, по мнению объективных историков, дипломатов и особенно юристов-международников, в юридическом отношении является документом безупречным и во всем объеме отвечающим нормам международного права. Принятый в этой конкретно-исторической обстановке он стал единственно правильным внешнеполитическим шагом СССР, отвечавшим национальным интересам страны. После ратификации Верховным Советом СССР и Рейхстагом он стал межгосударственным договором, который пополнил серию подобных документов, принятых с различными странами как Германией, так и СССР.

В отличие от Договора «секретный протокол» совершенно иного юридического уровня, он не прошел процедуру легитимации в качестве межгосударственного документа и является продуктом закрытой, закулисной дипломатии, в тайне от народа и высших органов законодательной и исполнительной власти страны осуществленным Сталиным и Молотовым. А это означает, что ответственность перед историей за этот шаг несут лично они, но отнюдь не советское государство и его официальные органы.

Фальсификация же заключается в том, что ее ретивые исполнители официальное название основного документа советско-германских договоренностей заменяют словом «пакт», украсив его именами двух одиозных исторических фигур (параллельно употребляется и «пакт Сталина—Гитлера»), тем самым придается еще больший масштаб «злодейству»), затем в содержательном плане этот «пакт» начинается статьями «секретного протокола» и негативными комментариями при оттеснении на задний план или без упоминания самого Договора о ненападении, все это подкрепляется широко растиражированными фотографиями с фальшивыми текстовками к ним

(вместо содержащихся в «Правде» и «Известиях» от 24 августа 1939 г. текстовок под фотографиями к заключению советско-германского Договора о ненападении дается: «Подписание пакта Молотова—Риббентропа. Москва. 23 августа 1939 г.»).

Вот так и создан муляж «злодейского акта», «зло» вскрыто, виновниками войны определены два диктатора, остальные активные игроки на европейской политической доске, если не в почетном президиуме истории, то, как минимум, в тени, как под зонтиком в жаркую погоду. Вот так и слеплен образ «исторического злодейства» и «разоблачен» имперский характер предвоенной советской внешней политики, приравненный к нацистскому экспансионизму.

В сюжете о германо-советском «сближении» присутствует существенный элемент, относящийся к так называемому субъективному фактору — кто начал? Имеющаяся сейчас документальная база позволяет сделать однозначный вывод: именно гитлеровцы первые обратились с предложениями в Москву. Вот мнение профессора Сорбонны Пьера Ренувэна: «На основе германских документов мы знаем, что германо-русские переговоры были начаты по инициативе Германии. Гитлер, пятнадцать лет твердивший, что большевизм — худший враг, вдруг сделал крутой поворот. 10 апреля 1939 г. Геринг говорил Муссолини, что он согласен искать сближения с СССР; а 30 мая Гитлер дал германскому послу в Москве инструкцию установить контакт с русскими руководителями»¹. В свою очередь Поль Рейно в «Франс суар» еще 14 мая 1947 г. писал: «Теперь мы знаем, что именно Германия первая сделала предложения Москве и, таким образом, взяла на себя инициативу сближения. Риббентроп признал, например, 9 марта 1946 г. на процессе в Нюрнберге, что, начиная с марта 1939 г., он отдал указания осуществлять зондаж в Москве»². Добавим к этому высказывание Риббентропа, которое приводит в своей книге Р. Картье: «Именно я внушил фюреру мысль заключить соглашение с Россией. Сначала он отказался, но затем присоединился к моему мнению»³.

Наконец, сошлемся на телеграмму французского посла в Берлине Кулондра, которую он отправил министру Ж. Боннэ 22 августа 1939 г.,

¹ *Renouvin P. Histoire générale du XX-e siècle. Cours édité par le Centre de documentation universitaire. P. 354.*

² Цит. по: *Бувье Ж., Гакон Ж. Правда о 1939 году. М., 1955. С. 107.*

³ *Cartier R. Les Secrets de la guerre dévoilés par Nuremberg, 1946. P. 107.*

относительно поездки в Москву Риббентропа: «Поездка предпринята по германской инициативе. Русский посол здесь говорит, что англо-франко-русские переговоры могут продолжаться. Партия еще не сыграна».

Таким образом, хронологическая цепочка выстроилась четко: 30 мая 1939 г. германский посол в Москве Шуленбург получил от Гитлера инструкции — далее осуществляются дипломатические маневры Риббентропа, являющиеся составной частью его «большой политики»; в середине августа со стороны Гитлера осуществляется массивный нажим на Сталина «срочно» принять в Москве Риббентропа — Сталин медлит и не спешит удовлетворить просьбу Гитлера; наконец, прибытие 23 августа в Москву Риббентропа. Все звенья этой хронологической цепочки — в полном смысле слова — немецкое предприятие.

Многие политики и исследователи (как зарубежные, так и отечественные) выдали германо-советскому Договору о ненападении своеобразный фальшивый паспорт: его окрестили «договором о союзе», а некоторые пошли еще дальше, назвав состоявшиеся 23 августа 1939 г. переговоры и подписанный на них Договор о ненападении «актом дружбы», используя в качестве «доказательств» и несколько тщательно подобранных фотографий. (Кстати, сразу же после заключения этого Договора в политических кругах Запада можно было обнаружить самые разные оценки этого документа: вынужденная мера Москвы (после провала англо-франко-советских переговоров); геополитический экспансионизм СССР (расширение «сфер влияния») и т. д. Такие оценки нередко не только не совпадали, а имели прямо противоположный смысл. Но при всем этом в то время не было никаких упоминаний о «дружбе» Москвы и Берлина. Миф об «акте дружбы» получил распространение в послевоенное время, он особенно активно эксплуатировался в период «холодной войны», он на вооружении и сегодняшних фальсификаторов истории.)

Итак, как же выглядела немецко-советская «дружба» на переговорах по поводу подписания Договора о ненападении? Как она проявилась? Кто и насколько искренне ее демонстрировал? Предоставим слово документам.

Первый из них — найденное в Берхтесгадене в числе других секретное донесение оберфюрера СС Баура, старшего пилота личного самолета Гитлера, на котором Риббентроп был доставлен в Москву 23 августа 1939 г. Вот о чем он свидетельствует: «Мы прибыли в

Москву в 12 часов 19 минут. Мы увидели аэродром, покрытый самолетами. Так как мы шли на посадку с выключенными моторами, я услышал, как Риббентроп говорил сопровождающим его советникам: „Партия, которую нам предстоит сыграть, обещает быть трудной. Нужно усыпить недоверие Советов, которые завтра, так же, как и сегодня, останутся нашими врагами. Придет день — и свастика заполочется здесь на месте серпа и молота“¹. Вот таковы были «мирные установки» главы нацистского внешнеполитического ведомства на переговорах в Москве.

Второй документ — выдержки из отчета руководителя юридического департамента и статс-секретаря министерства иностранных дел доктора Фридриха Гауса, который сопровождал Риббентропа во время его поездки в Москву (арестованный в 1945 г. и представший перед Нюрнбергским Трибуналом не опроверг своего донесения): «По прибытии Потемкин (один из руководителей Народного Комиссариата иностранных дел, официально встречавший германскую делегацию. — *Авт.*) оказал нам гостеприимство в следующих выражениях: „Счастлив видеть Вас в Москве“, — и не добавил ни слова. В его тоне была сухость, которая буквально леденила кровь”². Когда же гости сели в машины, Риббентроп сказал вполголоса Гаусу: «Вы не находите, что прием несколько холоден?»³. Далее Гаус свидетельствует: после того, как сопровождаемая Потемкиным германская делегация разместилась в здании бывшего австрийского посольства, «он (Риббентроп. — *Авт.*) весьма живо воспринял мало любезный прием. Риббентроп поделился со мной: „Мне очень хотелось тотчас вернуться в Берлин, захлопнув дверь у них перед носом. Министр иностранных дел рейха не привык, чтобы с ним обращались как с простым супрефектом“. В тот момент лицо Герр фон Риббентропа стало зеленым. Что произойдет? У меня было чувство, что малейший гневный жест может все испортить. Министр, без сомнения, подумал о поручении фюрера, так как быстро овладел собой и сказал мне: „Мы будем обращаться с ними так, как нам будет угодно“»⁴. Когда же немецкая делегация прибыла в Кремль, ей пришлось ждать официальной встречи с руководством СССР

¹ Цит. по: Бувье Ж., Гакон Ж. Правда о 1939 годе. М., 1955. С. 117.

² Там же. С. 117–118.

³ Там же. С. 118.

⁴ Там же.

пять минут, по истечению которых «представительный блондин с голубыми глазами» обратился к делегации по-немецки: «Его превосходительство Председатель Совета Народных Комиссаров Молотов сейчас примет Вас». Далее Гаус вспоминает: «Нас провели в кабинет. Молотов был там. Мы очень холодно пожали друг другу руки, и тот час начался разговор. Риббентроп хотел начать с долгой пространной речи и сказал: „Дух братства, который связывал русский и германский народы...“. Молотов оборвал его: „Между нами не может быть братства, если хотите, поговорим о цифрах“. Последовало несколько секунд молчания. Но вдруг появилось новое лицо. Риббентроп, Шуленбург и я остолбенели. Как он вошел? Человек, оказавшийся перед нами, был не кто иной как сам Сталин. Он был в серых брюках и блестящих черных сапогах. Сталин пригласил нас сесть»¹.

Как развивались события дальше, Риббентроп описал в своем письме Гитлеру, который в тот момент находился в Берхтесгадене: «Я сразу же спросил Сталина, каким путем мы сможем получить его нейтралитет. Сталин ответил: „Не может быть нейтралитета с нашей стороны, если Вы сами не перестанете строить агрессивные планы в отношении СССР“. Затем он уточнил: „Мы не забываем того, что вашей конечной целью является нападение на нас“. Я ответил Сталину, что он ошибается, так как национал-социализм и большевизм могут договориться и господствовать в Европе и даже во всем мире. Сталин ответил мне: „Что касается нас, то у нас достаточно дела и у себя, чтобы желать бросить искру к соседу“»².

Ключевой же момент советско-германских переговоров 23 августа 1939 г. в докладе уже упоминавшегося Гауса изложен следующим образом: «Молотов энергично выступил против интерпретации, которая могла бы заставить поверить в военный союз между Германией и СССР. Он заявил: „Не может быть и речи о заключении пакта дружбы. Слишком большая разница между нашими точками зрения. Но, если Вы желаете, мы можем заключить соглашение, главная статья которого гласила бы, что договаривающиеся стороны обязуются не участвовать ни в какой группировке держав, которая прямо или косвенно была бы направлена против другой договаривающейся стороны“. Тогда Риббентроп потребовал рассмотрения

¹ Цит. по: Бувье Ж., Гакон Ж. Правда о 1939 годе. М., 1955. С. 118–119.

² Там же. С. 119.

торгового соглашения. Не ответив ему, Молотов внезапно встал и заявил: „Сегодня нам не удастся договориться“. Риббентроп также приготовился встать, но, обращаясь к Молотову, начал говорить об окружении, которое англо-французы направляют против национал-социалистической Германии и Советской России. Молотов сразу не ответил, но через некоторое время энергично заявил: „Вы все-таки хотите, чтобы мы рассмотрели военный союз между Москвой и Берлином?“. „А почему бы и нет?“, — резко заявил Риббентроп. На это Молотов решительно заявил: „Об этом не может быть и речи“¹. Завершились же переговоры заключением Договора о ненападении. И это был тот предел, который был намечен Москвой заранее и за который она ни в коем случае не хотела выходить. В данном случае советская сторона проявила в ходе переговоров с Германией разумный прагматизм, за которым никак не могли просматриваться малейшие детали, говорящие о дружбе, военном союзе.

Одна из фальшивок, «гуляющих» в современном информационном пространстве, — миф о «превентивном характере» войны Германии с СССР, так как якобы нацистская агрессия не была таковой, а явилась упреждающим ответом на готовящееся нападение Советского Союза. В свое время боннский министр обороны Франц Йозеф Штраус заявил даже, что «Гитлер несет ответственности за нападение на СССР», так как сам Советский Союз «хотел второй мировой войны». Но подобные чудовищные версии выдвигаются без всяких на то оснований. Достоверными же источниками в этом являются не только официальные документы СССР того времени, но и сам Нюрнбергский процесс, на котором со стороны защиты военных преступников была предпринята попытка обелить нацистских злодеев, используя миф о «превентивной» войне.

О «превентивном характере» войны говорил на процессе, например, Йодль, но в ходе допроса он был разоблачен собственным признанием, сделанным в 1943 г. в докладе гитлеровским гаулейтерам: «Еще в тот период... когда продолжалась кампания на Западе, Гитлер информировал меня — Йодля — о своих намерениях выступить против СССР»². Аналогичные показания дали заместитель Йодля генерал Варлимонт, фельдмаршал Паулюс и др.

¹ Цит. по: Бувье Ж., Гакон Ж. Правда о 1939 году. М., 1955. С. 119–120.

² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 666.

Нюрнбергскому Трибуналу были представлены бесспорные документальные доказательства и показания самих гитлеровцев, протоколы различных совещаний у Гитлера, из которых, в частности, видно, что план нападения на СССР в общей форме был уже одобрен летом 1940 г. Поэтому Международный Военный Трибунал решительно отверг фальшивый миф нацистов о «превентивной войне» против СССР и в Приговоре записал, что нападение фашистской Германии на СССР осуществлено «без тени законного оправдания. Это была явная агрессия»¹.

Когда же на Нюрнбергском процессе после демонстрации фильма, смонтированного из немецких кинокадров, спросили у Кейтеля, какое впечатление произвел на него этот фильм, он ответил: «Это ужасно! Когда я вижу такие вещи, мне стыдно, что я немец». И в духе свойственного нацистским преступникам стремления перекладывать вину на других, добавил: «Это все эти грязные свиньи из СС»².

Не будем уточнять, кто же все-таки, выражаясь языком Кейтеля, «грязные свиньи» — или СС, или гестапо, или СД, или нацистский генералитет. Ограничимся лишь одним примером на этот счет. За две недели до нападения на СССР между германским командованием и главным имперским управлением безопасности было заключено соглашение, предусматривавшее сотрудничество нацистской военщины и гитлеровских карательных органов в осуществлении планов массового уничтожения мирного населения на оккупированных немцами территориях СССР.

3. Теоретико-политологические корни проблемы «нацизм—сталинизм»

А теперь зададимся вопросом: чем же озадачены те, кто решил сотворить проект «десталинизации» (и даже декоммунизации) в XXI в., желая охватить им не только все российское общество, но и, как это было заявлено на заседании Совета по развитию гражданского общества 1 февраля 2011 г., включить в этот процесс страны СНГ и даже бывшего «соцлагеря», т. е. провести своеобразное, почти

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 666.

² Там же. С. 667.

общеевропейское «разоружение сталинизма»? В связи с чем? Есть свидетельства, что сегодня «сталинизм» угрожает государственной безопасности? Или он организационно оформлен и представляет опасность для властей? Или может быть «сталинисты» выходят шеренгами на улицы и площади и провоцируют социальную напряженность? Или это они, а не профашистские и националистические экстремисты постоянно разжигают межэтнические конфликты, сопровождающиеся гибелью людей? А кто виноват в агрессивном национализме? А «взорвали» Кавказ — тоже «сталинисты»? А может быть, они виновны и в том, что все российское общество поражено беспредельным терроризмом и метастазами «системной коррупции»? Или «сталинизм» виновен в том, что, как свидетельствуют социологические исследования, 38 % респондентов ответили, что сегодня нарушаются права граждан на охрану здоровья, 35 % — на жилище, 32 % — на образование, 21 % — на отдых, 20 % — на социальное обеспечение по возрасту и болезни (казалось бы, какой простор для деятельности возглавляемого Федотовым Советом правозащитников, но, увы — его основная энергия направляется на «десталинизацию»)? Перечень подобных вопросов можно было бы продолжать до бесконечности, но ни один здравомыслящий человек не сможет найти ни одного объективно обоснованного аргумента, подтверждающего, что нынешний «сталинизм» представляет угрозу в каких-то областях нашего общества.

Следовательно, современному «сталинизму» нужен точный диагноз — и с точки зрения того, что он собой реально и без «страшилок» представляет, и того, как адекватно «обходиться» с этим явлением в современной жизни. Ведь мудрый и объективный политик, аналитик, публицист и т. д. просто обязан и для себя, и для других ответить на сакраментальный вопрос: почему же все-таки после проведенных в разное время столь ширококомасштабных антисталинистских кампаний с использованием мощного пропагандистского, административного и властного ресурса: «хрущевской», «послехрущевской», «перестроечной», «ельцинской» и нынешней «либеральной», — число людей, положительно относящихся к личности Сталина, не только не уменьшается, но и имеет устойчивую тенденцию к росту. Да и в конкретном количественном отношении все выглядит довольно внушительно.

Директор Российского государственного архива социально-политической истории А. Сорокин обращает внимание на то, что «все

социологические замеры обозначают очень простой факт: большинство населения России положительно оценивает фигуру Сталина¹. То есть в данном случае речь идет даже не о миллионах, а десятках или даже сотнях миллионов граждан нашего общества.

Либералы, назвав возросшую популярность личности Сталина признаком «тяжелой болезни общества», не отвечают (не могут ответить? или не хотят это сделать?) на главный вопрос, чем же объяснить, что, несмотря на массированный поход против «сталинизма» с использованием всей мощи либерального журнализма и либерального экспертного сообщества, кстати, поощренного властью, за последние двадцать лет не только существенно, как уже отмечалось, увеличилось количество сторонников Сталина, но и, что не менее важно, расширился горизонтальный срез социума просталинистских симпатий: если в начале постсоветского времени сталинизм популярен был только среди «красных», то сегодня среди его сторонников можно обнаружить не являющихся коммунистами: государственников, монархистов, глобалистов, воцерковленных православных и т. д., — причем не только среди очень возрастных людей, но и среди молодежи.

В самом деле, в чем «секрет» того, что на мощнейшее «действие» в виде уже нескольких проведенных, начиная с горбачевских времен, «походов» по «десталинизации» страны (равно как и по ее «разленинизации») с использованием всего информационного потенциала, который находится под безраздельным контролем властных или либеральных структур, последовало такое не менее внушительное «противодействие» организационно неоформленной, не имеющей никаких информационно-пропагандистских возможностей многочисленной части социума. А происходит это потому, что люди не приемлют попытки переписать и извратить историю, «опрокинуть» или «откорректировать» ее в нужном для кого-то направлении, представить ее только через призму «ангелов и злодеев». Люди хотят знать путь своей страны не в виде усеченной и отшлифованной, как галька, копии, а в подлиннике со всеми его позитивными и негативными гранями.

- Если одна кампания по «десталинизации» страны сменяется другой, каждый раз обостряя политическое противостояние в обществе;

¹ «НГ». 2011. № 20 (5218), 2 февраля.

- если, как и по «десталинизации», объявляются очередные шумные пропагандистские походы с включением всей мощи СМИ по перезахоронению Ленина при мотивировке, что это надо было бы сделать в соответствии с христианским обычаем (и это для атеиста, причем воинственного, которым был вождь революции), да еще и потому, что якобы погребения Ленина в землю хотели его родственники (но при этом игнорируется то, что в данном случае возобладала воля и желание народа — и это святая правда, как бы это кому-то и ни не нравилось; что же касается родственников вождя, то чисто из семейных соображений они могли это высказать, но потом они никогда не ставили вопрос о перезахоронении, тем более никого не уполномочивали сделать это в будущем);
- если не жалеется негативных красок для оценок деятельности Сталина при характеристике начального периода войны и при этом или отрицаются, или замалчиваются, или просто искажаются его суммарные заслуги в достижении Великой Победы, что признано в том числе и лидерами антигитлеровской коалиции;
- если демонстрировавший «беспредельную» преданность И. Сталину Н. Хрущев, чья (Хрущева) подпись стоит под списками репрессированных и расстрелянных в довоенное и послевоенное время, усилиями современных либеральных аналитиков и публицистов преподносится в качестве революционера-«десталинизатора»;
- если в адрес советской власти и социализма сегодня звучат одни проклятия и заклинания и предаются забвению многие завоевания (индустриализация крестьянской страны в фантастически короткие для истории сроки, достижения в космосе, ядерной мирной энергетике, завоевавшая мировое признание система образования, решение многих социальных вопросов в пользу всех слоев общества);
- если Александр Невский снимается с исторического пьедестала и объявляется тоталитаристской предтечей Сталина;
- если даже мировая профессиональная слава гениальной Галины Улановой рассматривается как осуществление советской номенклатурой «коммунистического проекта» по обеспечению международного престижа СССР;
- и если такие «если» на протяжении уже двух с половиной десятилетий, повторяясь изо дня в день, ежемесячно, ежегодно,

выстраиваются в бесконечный ряд, концентрируясь исключительно на негативе, то все это в конечном итоге означает уход от исторической правды, погружение в мифотворчество, а, следовательно, это движение — в тупик. В таких случаях объемное сознание подменяется сознанием фрагментарным, клиповым, а десоветизация никак не может возродить убывающее на глазах чувство патриотизма наших сограждан.

Сошлемся на О. Попцова: «Уважаемые прорицатели и стражи истории нашей, вас беспокоит сталинизм, и вы готовы бросить все силы на десталинизацию. И вам кажется, что ваши действия — это действия во благо. Увы, это не совсем так, хотя бы уже потому, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Чем яростнее вы в своих борениях, тем не менее яростно неприятие этой борьбы у большинства общества. И как мрачный итог этих борений — тень Сталина, поднимающаяся во весь рост и начинающая заслонять наше время. И люди в творимое вами якобы благо не верят. Они воспринимают это не как выражение чувств и мысли народа, а как заказ определенных политических сил общества, что, по существу, и наличествует. И в этом несогласии присутствует своя логика. Всякая беда, несчастье объединяет страну. Война сплотила народ, и советский народ ее выиграл. Это бесспорно. Но народ — это толпа, ничего выиграть не может. Для того чтобы совершить нечто, толпу следует организовать, возглавить, вселить в нее веру, и только тогда она становится народом. И совершив все это, повести народ в бой»¹.

И далее он предельно объективно отмечает: «Без Суворова, Кутузова, Нахимова, Жукова, Рокоссовского, Сталина мы бы не одержали нашей Победы. И более того, несмотря на бесчеловечные репрессии, количество людей, переживших их, кратно меньше тех, кто воспринимал социализм как великое благо для себя, своей страны, всего мира. И перевернуть сознание этих людей, как бы этого кому-то ни хотелось, невозможно. Пусть каждый помнит то, что он помнит. Это его личная правда, она другая, рожденная его жизнью. У живущего рядом есть его правда, она тоже другая потому, что рождена другой жизнью. Попробовать столкнуть лбами эти правды — значит расколоть народ. Поэтому воздадим должное и

¹ Попцов О. Осатаневшая благодать // «Литературная газета». 2011. № 1 (6307), 19–25 января.

радостям, и грехам прошлого и будем жить дальше»¹ (подчеркнуто нами. — *Авт.*).

Можно ли, к примеру, представить, чтобы в демократических США определенная часть политического класса, используя демократические лозунги гласности и свободы слова и опираясь на всю мощь информационно-пропагандистской машины, сконцентрировала свое внимание прежде всего на негативных сторонах американской истории, каждодневно, в прямом смысле этого слова, занимаясь разоблачением и осуждением истории собственной страны и одновременно именно в этом контексте целенаправленно фальсифицируя позитивные ее страницы? И как бы все это выглядело, если бы разоблачительные «кампании», «акции», «уроки по исправлению истории», сменяя друг друга, выстроились в один последовательно пополняемый подобными мероприятиями ряд: многократно повторяемый детальный рассказ нынешним американцам с максимальным использованием документально-фактологического материала о первом в мировой истории атомном «эксперименте» над японскими городами Хиросима и Нагасаки, когда чудовищная сила ядерного оружия проверялась на совершенно незащищенных мирных жителях этих городов, сменить кампанией по установлению «исторической правды» о массовом уничтожении американской военной в ходе вьетнамской войны химическим оружием мирных жителей? Затем, нарушая для разнообразия историческую хронологию, панорамно и объемно показать агрессивную эпопею по отторжению от Мексики половины ее территорий, которые сейчас имеют статус отдельных штатов американского государства (Техас, Калифорния, Нью-Мексико)? А потом — посмаковать, как в демократической Америке происходит «отстрел» президентов, как путем неприкрытого обмана мирового общественного мнения под надуманным предлогом началась американская агрессия в Ирак, как усердствовали американские политики и дипломаты, особенно спецслужбы, по «раскручиванию» «цветных революций» вдалеке от американского континента?.. А к этому перечню добавить еще большой список подобных акций, но не в разрозненном и дозированном формате, а в виде долгосрочной единой «системной акции», рассчитанной (для начала) хотя бы на два с половиной десятка лет

¹ *Попцов О.* Осатаневшая благодать // «Литературная газета». 2011. № 1 (6307), 19–25 января.

(как в России: чуть больше горбачевской «перестроечной» пятилетки плюс два постсоветских десятилетия)? Вдобавок к этому можно было бы посеять сомнение в совершенно позитивных вещах, попенять цели неправильного становления американской сверхдержавы (российские либералы обвинили индустриализацию нашей страны в том, что она осуществлялась сверхбыстрыми темпами). Вот и возникает вопрос: каков был бы имидж американского народа за рубежом и что он думал бы о себе, если бы его история предстала только в таком виде, да еще и с использованием самых агрессивных и разрушительных средств воздействия на сознание людей? Разумеется, такая, пусть изложенная и в гипотетической форме, картина в США невозможна Абсолютно!

Другое дело, в современной России, где на подобном «мракописании», как грибы, вырастают политиканы-выскочки, масс-медийные крикливые пиарщики, претенциозные, но интеллектуально немощные «исследователи», мигрирующие от одного политического берега к другому, бесхребетные приспособленцы. Для такой публики фальсификация истории своего народа стала «хлебом» не только материальным, но и «духовным».

Отрицать же, а тем более разрушать тот позитив, который был свойственен «советскому социализму» при всех его недостатках, это означает перемещение из одного мифа о его (социализма) «сияющих вершинах» в другой миф, представляя его как историческую кляксу, «дыру» в истории Отечества. Смотреть на всю советскую историю через створ ГУЛАГА не только прискорбно, но и непозволительно, если даже это ГУЛАГ солженицынский.

И. Митин на поставленный им же вопрос: «Почему либеральная общественность постоянно навязывает нам сталинскую тему?», — сам же и отвечает на страницах «Литературной газеты»: «По очень простой причине. Они считают, что перевод всех стрелок на сталинизм — это их абсолютное оружие, с помощью которого они выигрывают в любой современной дискуссии о чем бы то ни было. Они убеждены, что всегда, в любой ситуации достаточно огреть оппонента дубиной сталинизма, и ты становишься совершенно прав и неуязвим в любых своих действиях и поступках»¹.

Остается лишь к этому добавить: если бы сегодняшние либералы лишились этой «дубины», этого «абсолютного оружия», при

¹ См. «Литературная газета». 2011. № 11–12 (6315), 30 марта–5 апреля.

помощи которых они осуществляют «крестовый поход» против советского периода отечественной истории (т. е. против истории своих отцов и дедов) и сталинизма как его составной части, они (либералы) выглядели бы просто безработными, поблекли бы их телевизионные шоу-представления, сошел бы на нет глянец «борцов» за «историческую правду», как туман рассеялся бы ореол носителей абсолютной истины. Осталось бы одно: как предлагает один из наиболее платежных поборников с «десталинизацией» Караганов, — заняться покаянием (но либералам никто сегодня не мешает каяться, а каяться им есть за что) и сооружением надгробий.

Сторонники тотального отрицания и уничтожения позитивных наработок социалистического строительства, наличия в нем высокого смысла и прагматической целесообразности напоминают британских луддитов конца XVIII—начала XIX вв., которые в безрассудном гневе выступали против применения машин в ходе промышленного переворота в Великобритании, тем самым поддерживая «инициативу» в общем-то способного подмастерья Неда Лудда, первым разрушившего машину. Уместно в связи с этим вспомнить мысль В. Путина о том, что тот, кто не уважает советское прошлое, не имеет сердца, а тот, кто считает возможным возврат в прошлое, лишен разума.

А Президент РФ Д. Медведев, поздравляя М. Горбачева с награждением его по случаю 80-летия со дня рождения Орденом Святого апостола Андрея Первозванного за «большой труд», который «могут по-разному оценивать, и вы это отлично знаете», сказал награжденному: «Я вижу в этом символ уважения к тому государству, которое Вы возглавляли, к тому государству, которое было нашей общей Родиной — к Советскому Союзу». В этих словах важно не столько подтверждение прочно утвердившегося в нашем обществе и мировом общественном мнении признания неоднозначности фигуры бывшего лидера СССР, а выражение четкой позиции главы сегодняшнего российского государства об «уважении» к «нашей общей Родине» — к СССР. И неужели те, к кому в полном объеме применима афористичная фраза Тараса Бульбы «Худа та птица, которая свое гнездо марает», и на этот раз пропустят мимо ушей мудрый и сверхполезный совет? Очень не хотелось бы так думать.

Теоретическая несостоятельность и политическая некорректность отождествления нацизма и сталинизма, заключается в следующем.

Во-первых, термин «нацизм» получил юридическую легитимацию в Ялтинских и Потсдамских договорах, закрепленных затем в документах Нюрнбергского Трибунала, в которых, впрочем, при характеристике гитлеровской Германии, отдается предпочтение употреблению не термина «фашизм», а именно «нацизм» в различных его проявлениях: партия — нацистская, идеология — нацистская, режим — нацистский, преступники — нацистские и т. д. В Ялте руководителями трех союзных держав была поставлена задача: «стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения; устранить всякое нацистское и милитаристское влияние из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни германского народа и принять совместно такие другие меры к Германии, которые могут оказаться необходимыми для будущего мира и безопасности всего мира»¹ (подчеркнуто нами. — *Авт.*). В принятом на Потсдамской конференции Соглашении о политических и экономических принципах координированной политики союзников в отношении побежденной Германии в период союзного контроля говорится, что будет искоренен «германский милитаризм и нацизм», распущены все «нацистские учреждения», отменены все «нацистские законы», полностью устранены «нацистские и милитаристские доктрины», ни в какой форме не будет возобновлена и предотвращена «всякая нацистская и милитаристская деятельность»².

«Нацисты», «нацистская Германия», «нацистский режим» в Германии, «нацистская партия», «нацистская программа антисемитских преследований», «нацистское движение» как «сильная рука партии», «нацистская идеология и пропаганда» — именно эти термины вошли в словарь документов Нюрнбергского процесса³. Таким образом, понятие «нацизм» является термином международного права точно так же, как такими терминами являются геноцид, апартеид и т. д. Термин же «сталинизм» такого юридического статуса не имеет, в официальных документах международного сообщества он никогда и никем не употреблялся, не употребляется и в настоящее время.

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1947. Т. III. С. 103.

² См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1957. Т. I. С. 39–41.

³ Там же. Т. VII. М., 1961. С. 307–516.

Во-вторых, в отличие от понятия «нацизм» термин «сталинизм» появился как условный журналистский публицистический штамп для массового пользования, причем и в совершенно другое историческое время, и другой политической обстановке. Этот термин родился в лоне «холодной войны», в условиях активизации заказной советологии, когда в западной пропаганде была раскручена парадигма тоталитаризма, провозглашавшая тождество нацизма и коммунизма на основании тотальной идеологии и террора. Как справедливо замечает В. Мусатов, «эта линия использовалась для демонизации СССР и левых сил на Западе»¹.

В принятой 6 июля 2009 г. Восемнадцатой ежегодной сессией Парламентской ассамблеи ОБСЕ резолюции «Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» вопреки исторической правде, содержащейся в официальных документах международного сообщества, в том числе в материалах Ялтинской и Потсдамской конференций глав правительств союзников, решений Нюрнбергского Трибунала, содержится сотканное из грубой лжи и фальсификации заявление, что «в двадцатом веке европейские страны испытали на себе два мощных тоталитарных режима, нацистский и сталинский, которые несли с собой геноцид, нарушения прав и свобод человека, военные преступления и преступления против человечества».

Навязывание кощунственного тождества между нацизмом и сталинизмом, а следовательно и между СССР и нацистской Германией, «подкрепляется» ссылкой на несуществующую «общую — тоталитарную — систему», что выглядит неприкрытой антироссийской спекуляцией. Сравнить, как это делает ПА ОБСЕ, нацистский тоталитаризм с советским обществом, которое хотя еще и не было в то время, о котором идет речь, демократическим в современном понимании этого слова, но провозгласившим в отличие от расистских, экспансионистских проектов гитлеровцев идеалы равенства и справедливости, с утверждением неотъемлемых прав человека, как то: право на труд, право на отдых, право на жилье и др., — так могут поступать только те политики, которые по-прежнему смотрят на Россию через призму враждебных, конфронтационных постулатов «холодной войны». Но если уж и проводить исторические параллели,

¹ Мусатов В. О фальсификациях истории Второй мировой и Великой Отечественной войны // «Дипломатическая служба». 2010. № 4. С. 27.

то как не вспомнить о претендующих на «образцовую демократичность» и «безупречное соблюдение прав человека» Британию и США, где расцветал апартеид, в времена маккартизма во второй половине XX столетия в США с его политическими репрессиями, преследованиями и уничтожением людей за их политические убеждения, о полуфашистских, расистских государствах-лимитрофах Прибалтики, о русофобской и юдофобской Польше. В этой же резолюции поддерживается «инициатива» Европейского парламента объявить 23 августа, т. е. день подписания Советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г., «общеевропейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма во имя сохранения памяти о жертвах массовых депортаций и казней».

Таким образом, осуществляется попытка возложить вину за жертвы, понесенные в ходе Второй мировой войны, на сталинизм и выдвигается требование проведения над ним международного суда. Так, СССР как жертва войны, как страна — победитель над фашизмом, как освободитель Европы от коричневой чумы и, наконец, как страна — участница Нюрнбергского Трибунала, осудившего нацистскую идеологию и нацистские органы власти, кощунственными фальсификаторами превращается в виновника мировой бойни, в сообщника нацистского зла. Сделанное летом 2009 г. заявление ПАСЕ, в котором она поставила на одну доску и сделала равноответственными за Вторую мировую войну фашистскую Германию и Советский Союз, Президент России Д. Медведев назвал «просто циничной ложью».

В-третьих, содержательная сторона дела. Бесспорным фактом является то, что «сталинизм» — это политологический симулякр, не имеющий никакого однозначного и точного определения, юридически строгого толкования. Если «нацизм» имеет совершенно четкие смысловые параметры (философские доктрины, политические идеи и концепции, идеологические и организационные механизмы реализации нацистского проекта и т. д.), то «сталинизм» никогда не являлся характеристикой политической системы в целом, которая во все времена (при жизни Сталина и после его смерти) не исчерпывалась только Сталиным. «Сталинизм» не имеет базовых методологических характеристик, употребляется сугубо избирательно и толкуется разными авторами с позиций их личностной субъективной интерпретации: для одних авторов — это некоторые принципы сталинского управления, для других — определенный

стиль функционирования государственной машины, ассоциируемый в первую очередь со Сталиным, для третьих — определенный период правления Сталина и т. д., и т. п.

Что же касается идеологии, то никакой доктринально оформленной «сталинской идеологии» не было, управленческая практика Сталина базировалась на коммунистической идеологии; хороша она или нет, это другой вопрос, в данном случае главное то, что идеология была не «сталинская», а коммунистическая.

И если сравнивать идеологические основы нацизма и сталинизма, то здесь абстрактные сентенции не союзник в осознании этой проблемы. Истину можно установить, лишь опираясь на официальные доктринальные источники, известные политической истории и характеризующие ту или иную концепцию. Для нацизма таким источником являются, прежде всего, объявление Гитлером в Мюнхене 24 августа 1920 г. программы Германской рабочей партии и, разумеется, гитлеровский «Майн кампф», являющийся его (нацизма) библией. Для довоенного же сталинизма — это «История ВКП(б). Краткий курс», которая выражала официальную идеологическую доктрину СССР того времени (насколько всеобъемлюще, полно — другой вопрос); к другим наиболее весомым источникам сюда же можно отнести партийные документы (решения съездов, Политбюро и т. д.) и сталинскую работу «Вопросы ленинизма». Так что для ответа на вопрос об идеологической «схожести» этих двух феноменов надо сравнивать указанные труды и искать эти «общие черты». Вот так, фальсифицируя совершенно ясный вопрос, можно довести его до абсолютного абсурда. Так, наряду с «театром абсурда» появляется «жизнь абсурда» — духовного, нравственного, интеллектуального.

После известного «доклада Н. С. Хрущева на XX съезде» (эти слова мы взяли в кавычки по той причине, что указанный доклад состоялся не на съезде, а после его окончания и не может быть документом самого съезда; только на XXII съезде КПСС говорилось об ошибках Сталина и репрессиях того времени) некоторыми авторами «сталинизм» трактовался исключительно с негативистских позиций и использовался для критики «сталинской» внутренней и внешней политики. Особенно же настойчиво и агрессивно этот термин внедрялся в общественное сознание в ходе горбачевской перестройки и после развала СССР.

Если для Хрущева борьба со «сталинизмом» явилась одним из основных факторов «отмежевания» его (Хрущева) от того советского

руководства, с которым он сам был органично слит и должен нести ответственность за все деяния этого руководства, то со временем плацдарм борьбы со «сталинизмом» значительно расширился и приобрел отчетливую политизированную направленность: в одном случае он используется в качестве «аргумента» в утверждении мифа о равноответственности сталинизма и нацизма за развязывание Второй мировой войны; в другом — «для доказательства» «сговора двух диктаторов» (Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом); в третьем — для изменения толкования всей Второй мировой войны; в четвертом — для «обоснования» «оккупации» Советским Союзом Прибалтийских стран, Молдавии, Украины (это относится к периоду президентства Ющенко) и даже Грузии и т. д., и т. п.

Реактивизация постулата о равноответственности нацизма и сталинизма в постсоветское время осуществлялась с целью переписать на социалистический строй, идеологию все беды и трудности в развитии восточно-европейских стран. Распространенными стали суждения не только о том, что сталинизм и фашизм представляют собой явления одного порядка, но все больше прослеживаются попытки представить фашизм и нацистскую Германию как меньшее зло. Особенностью «войны за историю» в последнее время является то, что в одном ряду с фальсификаторами из западных стран, их сотоварищами из бывших социалистических стран, из бывших республик Балтии оказались российские ученые и журналисты либерального толка.

Российские либералы, потерпевшие историческое крушение со своим, а точнее прозападным «либеральным проектом» для России, оказались неспособными предложить российскому обществу реальную, выстроенную на социальной справедливости перспективу. Они не желают признать допущенные просчеты и даже критикуют вслед за Европой фразу Путина о том, что развал СССР был крупнейшей геополитической катастрофой XX в. Такое же у них отношение и к признанию М. Горбачева о том, что разделение Советского Союза — это было «резать по-живому». Поэтому они используют полемику вокруг сложных и неоднозначных проблем, «сталинизма» для тотальной критики каждого квадрата советского прошлого, которое для них кажется черной исторической «дырой». Такая борьба со сталинизмом стала неотъемлемым компонентом той новой субкультуры постмодернизма, которая построена на осуждении и разрушении всего советского и придании забвению его позитивных

сторон. В таком контексте «сталинизм» предстает как вся история страны времени правления Сталина, а целая эпоха государства, совершившего гигантский индустриальный рывок, спасшего все человечество от нацистской чумы, осуществлявшего атомную программу и т. д., преподносится как абсолютное зло. Ныне фальсификации подобного плана приобрели масштабы и размах, которых не было даже в период «холодной войны». И делается это либералами под прикрытием «плюрализма мнений», «нового прочтения истории». При таком подходе проблематика истинного зла, т. е. нацизма, как бы отодвигается на задний план, острота восприятия его злодеяний анестезируется, а в эпицентре фальсификаторства оказывается абсолютное «зло сталинизма».

В-четвертых, чудовищной идеологической манипуляцией является, как это делают ПА ОБСЕ, Прибалтийские республики, Польша, Молдавия, некоторые российские исследователи, рассмотрение «схожести» нацизма и сталинизма через призму тоталитаризма, поиска их «общей основы». Эта «общая основа» нацизма и сталинизма в интерпретации упомянутой резолюции ПА ОБСЕ проявляется в «геноциде, нарушениях прав и свобод человека, военных преступлениях и преступлениях против человечества». В связи с таким пассажем у объективных аналитиков возник закономерный вопрос: что же является в данном утверждении критерием тоталитарности — соответствие режима хотя бы одному из перечисленных пунктов или же всей их совокупности? Но если поверить утверждению о том, что названными совокупными признаками обладал «сталинский тоталитаризм», то как можно согласиться с обвинениями в его адрес в геноциде, который никогда и никем не осуществлялся в СССР (бредовые рассказы на этот счет бывшего президента Украины Ющенко отвергли даже его западные покровители)? Спасал же от геноцида целые нации Советский Союз: в период Второй мировой войны невероятно большой ценой жизни своих людей, а в послевоенное время твердой и последовательной дипломатией, в том числе и в ООН.

Абсурдность обвинений СССР в «преступлениях против человечества» особенно выпукло выглядит на фоне обладающих абсолютной истиной фактов: СССР был не только подписантом, но и инициатором подписания Устава Международного Нюрнбергского Трибунала, в котором подобные преступления четко зафиксированы, и даже гипотетически невозможно представить, чтобы Совет-

ский Союз пошел бы на принятие международного законодательства, которое в будущем могло бы быть использовано против него самого. Фактом является и то, что Сталин еще в 1942 г. не согласился с требованием Черчилля уничтожить нацистскую верхушку без суда и следствия и настоял на том, чтобы для этой цели принять международное законодательство и учредить международный трибунал (такую позицию поддержал и Рузвельт, сделав некоторые оговорки). Благодаря такому подходу нацисты были казнены не из-за мести и ненависти, а по нормам международного правосудия, что явилось поучительным уроком для всего мирового сообщества.

Построение же «доказательств» тождества нацизма и сталинизма путем ссылок на то, что якобы Советский Союз, как и фашистская Германия, допустил «военные преступления и преступления против человечества», несостоятельны еще и потому, что СССР, в отличие от нацистов, не имеет никакого отношения к преступлениям, которые были определены в Конвенции о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 года, в том числе такие преступления, как «изгнание в результате вооруженного нападения или оккупации и бесчеловечные действия, являющиеся следствием политики апартеида, а также преступления геноцида».

Что же касается военных преступлений в годы Второй мировой войны, инкриминируемых СССР, то ПА ОБСЕ со своей резолюцией и по своей воле попадает еще в одну «ловушку»: ведь за такие преступления он (СССР) виновен точно так же, как и другие союзники по антигитлеровской коалиции, что в свою очередь означает либо невиновность Советского Союза, либо признание виновными всех государств, воевавших с нацистской Германией.

В-пятых, европейские страны, поставившие свои подписи под официальными документами ПАСЕ и ПА ОБСЕ по отношению к нацизму и сталинизму, фактически дискредитируют своих политических предшественников, голосовавших в свое время от имени этих стран в ООН за подтверждение провозглашенных Уставом Нюрнбергского Трибунала принципов международного права. Как известно, Генеральная Ассамблея ООН 11 декабря 1946 г. уже на одном из своих первых заседаний после ее учреждения приняла специальную резолюцию, в которой «в целях поощрения прогрессивного развития международного права и его кодификации» подтвердила «принципы международного права, признанные Уставом

Нюрнбергского Трибунала и нашедшие выражение в приговоре Трибунала»¹. Ассамблея однозначно высказалась за «внесение принципов, признанных Уставом Нюрнбергского Трибунала и нашедших выражение в его приговоре, в общую кодификацию преступлений против мира и безопасности человечества или в Международный уголовный кодекс»².

Некоторые политики современной Польши, отождествляя нацизм и сталинизм и требуя осуждения «сталинизма» за его, по их мнению, «злодеяния» в период войны, «забывают» даже о тех документах о наказании военных преступников, которые в свое время были подписаны польским правительством. Польша является, например, соавтором переданной в 1942 г. И. В. Сталину коллективной ноты правительств ряда стран (Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии, Греции, Бельгии, Голландии, Люксембурга и Французского Национального Комитета), подписавших «Декларацию о наказании за преступления, совершенные во время войны» и выразивших пожелание, «чтобы со стороны Советского Союза было сделано предупреждение об ответственности за злодеяния, совершенные гитлеровцами в оккупированных ими странах»³. В ответ на эту коллективную ноту 14 октября 1942 г. последовало официальное заявление советского правительства, в котором говорилось, что оно считает своевременным подтвердить выраженное в его официальных заявлениях убеждение в том, что гитлеровское правительство, признающее только грубую силу, «должно быть сломлено всеокрушающей силой свободлюбивых народов» ибо «интересы всего человечества требуют, чтобы как можно скорее и раз и навсегда покончить с шайкой оголтелых убийц, именуемой правительством гитлеровской Германии»⁴. При этом в заявлении советского правительства была выражена солидарность с заявлением Президента США Рузвельта, сделанным им в его речи 12 октября 1942 г. по вопросу о наказании «нацистских лидеров, конкретно ответственных за бесчисленные акты зверств», а именно, что «клика лидеров и их жестоких сообщников должна быть названа по имени, аре-

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 549.

² Там же. С. 550.

³ Там же. Т. I. С. 18–19.

⁴ Там же.

ствована и судима в соответствии с уголовным законом»¹. К этому надо добавить, что Польша в числе других стран (Греция, Дания, Югославия, Голландия, Чехословакия, Бельгия, Эфиопия, Австралия, Гондурас, Норвегия, Панама, Люксембург, Гаити, Новая Зеландия, Индия, Венесуэла, Уругвай и Парагвай) заявила о своем присоединении к заключенному 8 августа 1945 г. Правительствами Великобритании, СССР, США и Временного правительства Французской Республики Соглашению, в соответствии с которым учреждался Трибунал для суда над военными преступниками, злодеяния которых не связаны с определенным географическим местом. Значит, Польша, как и некоторые ныне входящие в Европейский Союз страны, не только четко формулировала свою позицию о том, кто является преступником, носителем зла, но и обращалась за защитой к Советскому Союзу, а потом поставила свою подпись под документами о необходимости учреждения Нюрнбергского Трибунала². А еще 4 декабря 1941 г. в Декларации правительств СССР и Польской Республики «О дружбе и взаимопомощи» провозглашалось, что наказание военных преступников неразрывно связано с обеспечением прочного и справедливого мира и что «после победоносной войны и соответственного наказания гитлеровских преступников задачей Союзных Государств будет обеспечение прочного и справедливого мира». Таким образом, ПАСЕ и ПА ОБСЕ, принимая решения об уравнении нацизма и сталинизма и требуя проведения международного суда над «советским тоталитаризмом», ревизуют документы Нюрнбергского Трибунала, за учреждение которого в свое время поставили визы согласия страны, ныне являющиеся членами указанных европейских структур.

Вот какой водораздел между нацизмом и «сталинизмом» осуществил У. Черчилль в своей речи по радио 22 июня 1941 г. в связи с нападением фашистской Германии на СССР: «За последние 25 лет не было более последовательного противника коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которые я сказал о нем. Но все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем... Любой человек или государство, которые борются против нацизма,

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. 1. С. 18.

² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1944. Т. I. С. 192.

получат нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером — наши враги. Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем». И далее: «Опасность, угрожающая России — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара. Усвоим же уроки, уже преподанные нам столь горьким опытом. Удвоим свои усилия и будем бороться сообща, сколько хватит сил и жизни»¹.

А посол СССР в США К. А. Уманский 22 июня 1941 г. в телеграмме в Народный комиссариат иностранных дел СССР, информируя руководство страны о первой реакции в Америке на нападение Гитлера на СССР, сообщил, кроме всего прочего, об обращении американских граждан в советское посольство с просьбой о принятии их добровольцами в Красную Армию. В данном случае лидер британской нации и рядовой американский гражданин одинаково пронизательно увидели и прочувствовали масштаб пропасти между нацизмом, с одной стороны, и всем остальным миром, прежде всего западными демократиями и коммунистическим Советским Союзом — с другой. Западная демократия сама поняла и убедилась, что только в союзе со сталинским СССР возможно противостоять гитлеризму.

И. о. государственного секретаря США С. Уэллс в выступлении 23 июня 1941 г., расценив нападение Германии на СССР «как вероломное», обратил также внимание и на то, что обороне и безопасности США способствует «любая борьба против гитлеризма». Весьма показательная и такая деталь: в это заявление президент Ф. Рузвельт лично вставил фразу, что «в настоящее время гитлеровские армии, являются главной опасностью для американского континента»². А 24 июня он, Ф. Рузвельт, в своем выступлении подтвердил готовность оказать СССР «всю возможную помощь»³.

О настроениях в американском обществе в связи с нападением нацистов на Советский Союз свидетельствует проведенный тогда

¹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. В 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 513.

² См.: Советско-американские отношения во время Великой отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. В 2 т. 1941–1943. М., 1984. Т. 1.

³ Там же.

опрос общественного мнения в США: 72 % опрошенных высказались за победу СССР, 4 % — за победу Германии, остальные своего мнения не высказали¹. На этом общем фоне дали о себе знать и другие, реакционные силы. В уже упоминавшемся выше сообщении посла СССР в Вашингтоне от 22 июня 1941 г. в НКВД СССР обращалось внимание и на то, что «реакционные изоляционисты Гувер, Линдберг и вся антирузвельтовская фашиствующая группировка сразу показали свое лицо»². Сенатор Уиллер, например, заявил, что советско-германской войне надо радоваться и Москве помогать нечего. Из сообщения советского посла следовало, что к этой «фашиствующей группировке относились: группа республиканцев и отдельных демократов плюс группа наших профессиональных врагов типа Буллита—Бэрли, плюс католическая иерархия»³.

И все же главным было ни это, а то, что впервые в истории коммунисты и некоммунисты, в том числе и непримиримые антикоммунисты (У. Черчилль был не единственным в этой роли), отодвинув в сторону идеологические споры и противоречия, встали единой стеной против нацизма. Исторический урок весьма поучительный! В этих условиях мировой процесс и мировая политика приобрели принципиально новое измерение: вместо противоборства двух общественно-политических систем (капитализма и социализма) развернулась неведомая ранее глобальная борьба между, с одной стороны, силами зла в лице гитлеровской Германии и ее сателлитов и, с другой стороны, силами всемирного Добра, кузнецом которого волей истории и беспримерного подвига народа стал Советский Союз вместе со всеми союзниками по антигитлеровской коалиции.

В контексте выяснения теоретико-политологических аспектов сталинизма возникает еще один вопрос. С позиций политологии это явление представляет собой состояние общественного сознания у определенной части населения, на что повлияла целая совокупность факторов как личного плана (определение конкретным человеком своих политических и ценностных ориентаций, мировоззренческих установок и т. д.), так и объективного характера —

¹ См.: Советско-американские отношения во время Великой отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. В 2 т. 1941–1943. М., 1984. Т. 1.

² Там же. С. 42.

³ Там же.

состояние социума, поколенческая преемственность, жизнь одного поколения в принципиально разных социально-политических условиях, более того в разных общественно-политических системах и др. Вдуматься только, нынешнему самому старшему поколению пришлось жить, как провозглашалось, и в обществе «строящегося социализма», и в период «перехода от социализма к коммунизму», и в эпоху «зрелого социализма», и тогда, когда горбачевская перестройка проводилась под лозунгом «больше социализма, больше демократии», затем пришлось пережить времена соблазнов «социализма с человеческим лицом», а потом «распродажи социализма», и, наконец, оказаться в топке криминального капитализма. И все это прошло через головы людей и не могло не повлиять определенным образом на политическую культуру народа.

Но вместе с тем общество, во всяком случае его большая часть, жило жизнью не вождей, а своей собственной, как она складывалась для каждого в то или иное время. А жизнь эта была не одномерно негативной, как это пытаются представить некоторые сегодняшние авторы. Прав Олег Попцов, когда на этот счет рассуждает так: «Жизнь в Советском Союзе вмещала всё: жестокость, кровь, несправедливость, как равно и факт состоявшихся человеческих судеб и воплотившихся надежд. И вот этих людей, для которых жизнь в СССР стала воплотившейся надеждой, было большинство, а неприятие той жизни пострадавшими в те времена было значительным, но всё равно меньшинством, которое даже в силу этого численного неравенства никогда не переубедит большинство. И проводите сколько угодно десталинизацию, десоветизацию, ничего путного не получится. Память нельзя перелицевать. У каждого она разная. Это в компьютере можно заменить память, а у человека нет. И любую попытку это большинство будет считать политическим давлением. Справедливо обвиняя большевиков в довлеющей диктатурности, не следует ее подменять диктатурностью либеральной»¹.

Перед тем, как высказать на этот счет несколько конкретных суждений, одно общее замечание: «сталинизм» во времена Сталина и «сталинизм» (вернее, его проявляющиеся вербальные рецидивы) в наше время — это, как выражаются в таких случаях в одном городе, две большие разницы. Если в первом случае это явление име-

¹ Попцов О. Осатаневшая благодать // «Литературная газета». 2011. № 1 (6307), 19–25 января.

ло всеохватывающий характер, т. е. было широко распространено во всех слоях общества и имело мощнейшие государственно-управленческие и идеологические опоры, то во втором случае можно говорить как об отдельном сегменте социума, не имеющем таких опор, причем сегменте не структурируемом, хаотичном. Причем проявляется такой «сталинизм» не столько в защите самого Сталина (за исключением открытых его апологетов), а в неприятии перекоса негативных оценок вождя на всё тогдашнее общество, на целые поколения советских людей, жизнь и созидательная деятельность которых заслуживают самой высокой гражданской и нравственной оценки. Сам факт, что человек, жил в «сталинское» время, отнюдь не является основанием считать этого человека «сталинистом». Но когда такой человек сегодня ощущает на себе одностороннее и крайне субъективное препарирование фактов истории, у него в силу психологических свойств, происходит «эффект отторжения». При объединении в идеологическом воздействии достоверной «негативной правды» (особенно большой) о событиях, фактах, личностях с фальсификацией «положительной правды» (тоже не менее масштабной) создается ситуация, когда человек становится в оппозицию даже трудно отрицаемой «негативной правде».

А теперь конкретные вопросы.

Что же собой представляет с позиций опасности (или безопасности) для общества современный «сталинистский» срез общественного сознания?

Во-первых, он (сталинизм) проявляется преимущественно не на теоретическом, а на обыденном, «житейском» уровне.

Во-вторых, это сознание крайне индивидуализировано, оно у разных людей неодинаково, поэтому среди так называемых современных «сталинистов» можно обнаружить и тех, кто продолжает относиться к личности Сталина с апологетических позиций (за чем в каждом конкретном случае стоят определенные причины), и тех, кто не является ни «сталинистом», ни «антисталинистом», а тем «нейтралом», который в какой-то совершенно конкретной ситуации по конкретному поступку или высказыванию может быть причислен к «сталинистам», и тех, кто вообще далек от споров о «сталинизме», но, оказавшись в «толпе», может стать участником какой-то акции.

В-третьих, члены нашего общества, у которых в той или иной мере проявляется «сталинизм» на обыденном уровне, организационно

не структурированы, у них нет своих организаций, объединений и т. д., и проявляют свою позицию они как бы каждый сам по себе, каждый в отдельности.

В-четвертых, в отличие от агрессивных националистов, религиозных фанатиков, политических экстремистов, в числе которых выходцы из «младореформаторской власти» (несистемная оппозиция), представителей преступного криминалитета, современные так называемые «сталинисты» не являются источником социальной, да и политической угрозы государству и обществу.

В-пятых, по формам проявления этот «сталинизм» не деятельностный, а вербальный, т. е. его носители свои оценки истории, в том числе и того времени, в котором они жили и трудились, выражают словесным путем, не трансформируя свое поведение в какие-то конкретные, в том числе и агрессивного деструктивного характера действия.

В-шестых, в содержательном плане «сталинизм» как характеристика лично Сталина, его взглядов и политической деятельности и «сталинизм» (в разных его проявлениях) как ментальное свойство каких-то сегментов социума в определенный исторический период существования советского и постсоветского времени — далеко не одно и то же.

В-седьмых, носителями современного «сталинизма» являются преимущественно люди старшего возраста, что вполне объяснимо: многие из них жили в сталинское и послесталинское время, причем не в качестве посторонних наблюдателей, а активных участников тех, несомненно масштабных преобразований в стране, которые не могут быть перечеркнуты различными злодеяниями политического режима. И когда политические и нравственные предпочтения, образ мыслей критические суждения тех людей, которые представляют целые поколения советских тружеников, плодами которых беззастенчиво и вероломно воспользовался современный криминальный капитализм, оцениваются, как это часто делают политики и особенно СМИ, пассажем «так это же пенсионеры», то это не только социально несправедливо, но преступно и чудовищно с позиций общественной морали.

«Сталинисты» достаточно толерантны, они, что касается их святынь, никому и прежде всего своим оппонентам ничего не навязывают, а отстаивают лишь право иметь свое мнение о прошлом, которое, в отличие от молодежи, у них сформировалось путем его сравнения с настоящим. Они не требуют распинать тех, у кого иные

взгляды на события прошлого, на действующих лиц истории, на характер проводившихся непосредственно с их участием социально-экономических, культурно-образовательных и нравственно-духовных преобразований.

Противостоящие же «сталинистам» «антисталинисты» не только не признают за «сталинистами» права на свою собственную точку зрения, но и оскорбляют последних. Они пребывают в состоянии постоянной агрессии и диалог подменяют разоблачительством. Они обвиняют, разоблачают, осуждают... Именно они, «антисталинисты», провоцируют развязывание гражданской информационной войны в обществе, стимулируют конфликт «стенка на стенку», тем самым добавляют гремучего горючего вещества в костры уже существующих этно-национальных, социальных и иных конфликтов.

По «примеру» «десталинизаторов» периода горбачевской перестройки, по вине которых политическая и социальная энергия общества, столь необходимая для реализации объявленной тогда в самом начале технологической модернизации (концепция «ускорения»), была переключена на бесконечные, массово-публичные, конфронтационные и не всегда профессионально выдержанные споры о прошлом и настоящем, в результате чего страна превратилась в общесоюзный политический «клуб непримиримых» и оказалась втянутой в разоженные на этом фоне конфликты, сегодняшние «десталинизаторы», используя лозунги намеченной руководством страны модернизации, решили развернуть построенную на масштабном социокультурном и политическом противостоянии кампанию по «модернизации сознания» путем «десталинизации».

Таким образом, по критерию отношения к Сталину, нынешний российский социум состоит из нескольких пребывающих в состоянии конфликта сегментов: а) «сталинистов»; б) «антисталинистов», наиболее радикальным ядром которых являются «десталинизаторы», т. е. наиболее агрессивно настроенные субъекты, девиз которых: «стенка на стенку»; в) «асталинисты» — наиболее толерантно настроенная в спорах о «сталинизме» часть социума, для нее Сталин не Бог и не дьявол; представители этого социально-политического спектра, не обожествляя и не проклиная, хотят разобраться по существу и сформировать свою, подтвержденную вескими аргументами позицию.

Опросы авторитетных социологических служб дают такую картину: в целом положительно оценивает Сталина половина граждан

страны; отрицательно — 30 %; причем 12 % — считают его преступником; 26 % — согласны с подобной оценкой хотя бы отчасти, остальные эту точку зрения не разделяют. А в числе этих миллионов и те, чья жизнь и профессиональная деятельность в советские времена даже в условиях серьезных политических деформаций являлась естественным (а не показным) проявлением честности и чести, гражданской зрелости и свойственного нашим людям патриотизма. И то, что оставшиеся в живых люди старших поколений стали в современном обществе людьми «нерентабельными», материально обделенными и морально униженными — это трагедия не только лично каждого из таких ветеранов, это трагедия всего общества.

И неужели С. А. Караганов, мнение которого значимо в либеральных кругах, заявив на том же февральском 2011 г. Совете по развитию гражданского общества и правам человека, что при оценке советского прошлого «ссылаться на ветеранов — несостоятельный аргумент, тем более, что ветеранов, чьи чувства могут пострадать, остались единицы», верит в то, что именно в этом суть либерального пути в достижении национального согласия в стране и обеспечении гражданского мира, о котором с такой озабоченностью говорил Президент Д. Медведев после печальных событий в начале 2011 г. на Манежной площади? Хотелось бы думать, что это не так. Тем более, что в конце своего выступления С. Караганов, прибегнув к метафоре о том, что «Моисей водил народ в пустыне 40 лет», отметил не только то, что «мы (либеральная Россия. — *Авт.*) уже прошли 20, сейчас мы отмечаем эти 20 лет», но и признал: «Если мы растратим и следующие 20 лет, можем из пустыни не выйти». В таких суждениях — признание того, что Россия после пройденных 20 лет находится, по словам автора таких оценок, в том состоянии, которое метафорически он определяет как «пустыню», из которой можно так и «не выйти». Признание и в самом деле симптоматично и, если его экстраполировать на сегодняшний день, оно как бы инициирует поиск ответа на другой вопрос: виновен ли в событиях, описанных в библейской легенде, пророк и боговидец Моисей, или же речь должна идти о другом мифологическом персонаже — Герострате, не забывая при этом и о многочисленной челяди разнокалиберных геростратиков?

В конечном счете речь идет о следующем: коль современный «сталинизм» является феноменом общественного сознания (а не властным орудием, политическим инструментом дестабилизации

социума и т. д.), то и отношение к нему в обществе должно базироваться на тех принципах, которые являются приемлемыми именно для этой сферы духовного бытия, на принципах убеждения, переубеждения, равноправного диалога и, что крайне важно, на уважении охраняемых Российской Конституцией прав человека иметь (при соблюдении демократических установок) свои личные взгляды — политические, религиозные т. д. Не разоблачать «на уничтожение», а изучать историю, не клеймить ее по «валовому принципу», т. е. всеохватно, а делать выводы и, главное, реализовывать положительную перспективную программу, не противопоставлять «не-сталинистов» «сталинистам» или «не совсем сталинистам», а, преодолевая наследие прошлого, повсеместно утверждать атмосферу разумного компромисса, социального согласия, толерантного отношения к тому многообразию политических, нравственных, религиозных предпочтений, которые свойственны нашему обществу.

Сегодня крайне важно выйти из тупиковой ситуации противостояния двух противостоящих друг другу крайностей: с одной стороны, агрессивного разоблачительства «всего и вся», в результате чего сложнейшая (в своих позитивных и негативных проявлениях) советская история предстает в качестве «исторической дыры», а с другой — безоглядной апологетики, нивелирующей трагические стороны нашего не совсем далекого общественно-политического бытия.

Тем более, что в настоящее время в нашем обществе, в том числе и в среде «сталинистов» всех оттенков существует отчетливое понимание того, что возвращение в прошлое сегодня нереально. Но это отнюдь не означает, что какую-то часть общества можно лишать права самостоятельно оценивать свое же прошлое, не говоря уже о том, чтобы мириться с преданием его остракизму, шельмованию, тотальному растаптыванию.

Всяческие же запреты, объявление кампаний в духе «борьбы» с остатками «тоталитарного мышления», поиск врагов модернизации в среде носителей такого мышления, как это преподносится Советом по развитию гражданского общества и правам человека, — всё это не что иное, как худшие образцы необольшевизма в либеральном исполнении. Ведь запрет упоминания имени Сталина при праздновании 65-летия Победы в великой Отечественной войне не только вызвал непонимание в широких слоях общества, но и стимулировал, как свидетельствует опрос общественного мнения, рост числа симпатизирующих Сталину (сработал принцип: на неконструктивное

«действие» — обостренное «контрдействие», обосновывающееся не на рациональных факторах, а на факторах «психологического отторжения»).

А развернувшаяся в те предпраздничные дни настоящая война между московскими и федеральными чиновниками в связи с запретом разместить в городских скверах несколько плакатов, на которых наряду с именами многих советских военачальников упоминается и имя Сталина как Верховного главнокомандующего, — это что ни есть самое примитивное применение административно-командных приемов в борьбе с «инакомыслием». Или, неужели, для решения таких инициированных Советом по развитию гражданского общества и правам человека, действительно заслуживающих внимания конкретных вопросов, как составление списков репрессированных (по примеру Министерства обороны в отношении погибших в войне), открытие памятников там, где для этого есть обоснованные аргументы, решение ряда вопросов историко-мемориального и музейного характера и др., надо объявлять шумную вселенскую кампанию и проводить ее в стиле «борьбы» с «не так думающими».

Амбициозный замах теоретически «обосновать» идентичность сталинизма и национал-социализма осуществил «известный философ и политолог» А. Ципко. Поскольку в его обширной статье на целую газетную полосу¹ содержится много «аргументов», как имеющих прямое отношение к предмету разговора, так и не относящихся к нему, но попутно провозглашенных в духе тотальной критики советского прошлого, остановимся на основных из них.

Во-первых, «родство» сталинизма и национал-социализма А. Ципко усматривает в том, что «у национал-социализма деминугом, целью человеческой истории является арийская раса», а у марксистов — пролетариат как «социальный разум и социальной сердце» всего общества (К. Маркс) и что диктатура пролетариата несет в себе такую же агрессию, как идея «высшей расы». Оставим в стороне совершенно некорректные и абсолютно неуместные в данном случае ссылки на «марксистов», тем более на самого К. Маркса, которые никакого отношения не имеют к затронутой в данном случае проблеме, а обратим внимание лишь на то, что в один ряд поставлена ориентация нацистов на арийскую расу как цель человеческой истории и марксистская идея диктатуры пролетариата. Ведь эти мета-

¹ Ципко А. Идентификация тоталитаризма // «НГ»-политика. 2009, 3 ноября.

понятия не однопорядковые, в содержательном плане они просто не могут сопоставляться. Они не могут быть подведены под один общий содержательный знаменатель: расовая теория нацистов — это строительство тоталитарного государства с опорой на фактор «избранной» нации, т. е. это прежде всего, говоря современным языком, сфера межнациональных отношений в условиях нацистского государства; а диктатура пролетариата базировалась не на системе национальных и цивилизационных ценностей, а на классовом, интернационалистском подходе, т. е. это феномен социально-классовый, имеющий только ему присущий объем содержания. Выводить же общий знаменатель для расовой теории нацистов и диктатуры пролетариата в СССР — в формальной логике это называется подменой тезиса, а в украинском фольклоре поговоркой «На городі бузина, а в Києві дядько».

Во-вторых, в нравственном отношении спекулятивным, а в содержательном недоказуемым является утверждение, что «картина ужасов, пережитых и жертвами фашизма, и русского коммунизма, в целом абсолютно одинакова (подчеркнуто нами. — *Авт.*)». Здесь, как говорится, должно быть воздано каждому свое — без малейшего снисхождения, но абсолютно справедливо и достоверно.

В-третьих, А. Ципко, не имея политических, идеологических, мировоззренческих и иных веских аргументов для отождествления нацизма и сталинизма, нашел, как ему показалось, удобный «конек»: в качестве уравнительной связи двух общественных систем он назвал наличие в них тоталитаризма, придавая при этом ему (тоталитаризму в разных странах) одинаковые содержательные параметры. Безапелляционная однозначность трактовки поставленной проблемы именно таким образом осуществлена на фоне отсутствия в научном сообществе и среди политической элиты консенсуса в понимании этой проблемы, когда на этот счет высказываются (постоянно и многократно) не только не совпадающие, но и прямо противоположные точки зрения. В телевизионных шоу-программах, например, большое количество «голосов» может завоевать академик (!), камня на камне ничего не оставляющий от «советского тоталитаризма», но еще больше сторонников может оказаться у другого тоже академика (!), который убежденно опровергает подобную позицию и говорит не о тоталитаризме, а о «неразвитой», «незрелой» демократии при советской власти. Но если даже статья на позицию радикальных критиков «советского тоталитаризма», то неужели

всерьез можно «доказывать», что тоталитаризм Сталина адекватен тоталитаризму Гитлера? Или Муссолини? Или Франко? И неужели именно таким путем должен утверждаться «плюрализм мнений» в нашем обществе?

В-четвертых, утверждение о том, «что и марксизм, и фашизм отменяют нации как продукт буржуазной эпохи», профессионально несостоятельно. Налицо две нелепости. Первая — причем в данном случае ссылки на марксизм, ведь тема публикации «сталинизм», который, судя по позиции автора, является отступлением от марксизма? Следовательно, речь должна идти о позиции по вопросам нации именно «сталинизма», а не произвольно, без всяких на то оснований «притянутого за уши» марксизма. Вторая нелепость, а точнее, неприкрытая фальсификация, — об «отмене» марксизмом нации как продукта истории.

Напомним в связи с этим азбучную для профессионалов-исследователей истину: марксизму и В. И. Ленину принадлежит большая заслуга в разработке проблем нации в последующий, после «буржуазной эпохи» период развития человечества. И если В. И. Ленин в канун Октябрьской революции констатировал, что в развитых капиталистических странах национальная общность как определяющий фактор единства наций, взаимоотношения ее классов, «давно изжила себя»¹, то надо иметь в виду, что он, если не вырывать из контекста ленинские цитаты, а читать весь текст до конца, имел в виду отсутствие в антагонистическом обществе единства и общности интересов, а не отмирание национальной общности вообще. Он считал, что ввиду нарастающих внутри буржуазной нации противоречий происходит ее (нации) дифференциация, ведущая к ослаблению «силы национального сцепления» между буржуазией и трудящимися массами. Говоря о том, «с какими трудностями, каким извилистым путем идет дифференциация внутри наций»², он отмечал «надо дождаться развития данной нации»³. А оценивая положение в Финляндии после Октябрьской революции в России, он с удовлетворением отмечал: «Благодаря тому, что мы признали право наций на самоопределение, процесс дифференциации там был облегчен»⁴.

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 30. С. 111.

² Там же. Т. 38. С. 160.

³ Там же. С. 159.

⁴ Там же. С. 158.

В. И. Ленину принадлежит высказывание: «Нет вещи хуже, чем недоверие наций»¹.

В конечном итоге, заслуга марксизма заключается в том, что он подходил к проблеме нации с позиции не статичных, а конкретно-исторических условий, выделяя наряду с «буржуазной нацией» и «самой буржуазной нацией» также «промышленную нацию» по сравнению с «крестьянской нацией», «высокоразвитую капиталистическую нацию» по отношению к «капиталистически неразвитым нациям», «империалистические нации» по сравнению с «капиталистическими нациями». В. И. Ленин выделял также отсталые государства и нации «с преобладанием феодальных или патриархальных и патриархально-крестьянских отношений»². А к этому можно лишь добавить, что тот же В. И. Ленин, очерчивая перспективы развития наций (прогресс наций) в новых исторических условиях, высказал много ценных мыслей по проблемам национального сознания, национальных идей как составной части национального сознания, соотношения национального самосознания и этнического самосознания, по проблемам национального единства, национальных интересов, национальных традиций, национальной гордости, в том числе и роли национального в патриотизме и др. Таковы научные аргументы. И если А. Ципко не только их «не видит», но еще и заявляет, что «марксизм — расистская теория» (телепередача «Поединок» на телеканале «Россия-1» от 16 сентября 2010 г.) — все это находится за пределами объективного научного диалога и представляет собой зловонную, клеветническую инсинуацию.

В-пятых, для любителей проводить параллели между нацизмом и сталинизмом большим соблазном является то, что в наименовании нацистской партии и нацистской идеологии присутствует термин «социализм» (национал-социализм). Отсюда и выводится общий знаменатель. Мол, у нацистской Германии и у сталинского СССР был социализм, в разных его видах. Но это поверхностный подход, базирующийся на внешней схожести, лексическом созвучии. Если же говорить о содержательной стороне, то гитлеровский «социализм», как мы уже отмечали выше, лишен был тех ценностей, мировоззренческих, этических установок, которые собственно и характеризуют социалистическую идею.

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 38. С. 161.

² Там же. Т. 41. С. 166.

Введение Гитлером в обиход термина «социализм» преследовало единственную и совершенно определенную цель: обольстить привлекательными лозунгами как можно больше наивных и неискушенных людей и втянуть их в орбиту создающегося нацистского государства. И несмотря на то, что «социализм» в «национал-социалистическом» использовании был всего лишь камуфляжем и маскировкой, Гитлеру и его клике все же удалось проникнуть в подсознание довольно большому числу немцев. Как никак, но призывы избежать классовой борьбы, забастовок, локаутов всегда звучат привлекательно, а в условиях жесточайшего экономического кризиса, который охватил Германию в 30-е гг. XX столетия, такие обещания приобретали особую силу. Ведь число безработных в стране к середине 1932 г. достигло 7 млн человек, производственные мощности были загружены лишь на 23 %, с каждым днем росло возмущение рабочего класса, массовые выступления которого ставили под угрозу самое существование германского капитализма.

В-шестых, для «доказательства» «аморальности» двух режимов А. Ципко в качестве сравнения приводит слова Розенберга, который призывал к насилию, не стесненному «никакими формальными и моральными табу», и высказывание Л. Троцкого, что «у революционера не должно быть никаких моральных препятствий для применения неограниченного беспощадного насилия». Но причем здесь Троцкий? Логично было бы цитирование опять-таки высказывание самого Сталина, поскольку речь идет не о троцкизме, а о «сталинизме», да и не переносить на него оценку применения насилия в интерпретации антисталиниста Троцкого (причем бескомпромиссного).

Конечно, на первый взгляд может показаться некорректным вторгаться оппоненту или читателю в принадлежащее автору, и только ему, право подбирать для аргументации своей позиции те или иные цитаты и высказывания из различных источников. Но у читателя в данном конкретном случае волей-неволей возникает sacramentalный вопрос: почему фигурирует именно Троцкий? Ведь после прихода к власти в Германии Гитлера антисталинист Троцкий не только установил непосредственные тайные отношения с главарями гитлеровцев — Гессом и Розенбергом, — но и «в благодарность» за обещание правительства Третьего рейха помочь завоеванию троцкистами власти в России, заключил с нацистами секретное соглашение, состоявшее из пяти пунктов. Обязательства Троцкого были сформулированы так: 1) гарантировать общее благоприятное отношение к

германскому правительству и необходимое сотрудничество с ним в важнейших вопросах международного характера; 2) согласиться на территориальные уступки; 3) допустить германских предпринимателей — в форме концессий (или в каких-либо других формах) — к эксплуатации таких предприятий в СССР, которые являются необходимым экономическим дополнением к хозяйству Германии (добыча железной руды, марганца, нефти, золота, леса и т. п.); 4) создать в СССР условия, благоприятные для деятельности германских частных предпринимателей; 5) развернуть во время войны активную диверсионную работу на военных предприятиях и на фронте, причем эта работа должна проводиться по указанию Троцкого согласованно с германским генштабом. После этого остается зафиксировать: приглашение Ципко А. в свои союзники Л. Троцкого для доказательства «совпадений» между нацизмом и сталинизмом — явная и примитивная подтасовка, не имеющая ничего общего с честным и объективным анализом крайне сложных и далеко не однозначных явлений политической жизни.

А. Ципко удивлен тем, что «чем вы убедительнее показываете в аудитории или в выступлении по радио сходство большевистского, сталинского режима с национал-социалистическим, тем больше вы вызываете протест лично против себя». И в самом деле, вопрос интересный. Ведь это происходит от несостоятельности доказательств, их разоблачительной зашоренности, от неубедительных, сугубо субъективных суждений. Правда, сам автор видит причины этого явления в другом: в «какой-то неразвитости мышления» сегодняшних россиян, т. е. старая песня о том, что у нас «народ не тот». Он пишет: «Надо признать, что технология лечения русской души шоком правды... сейчас в России не работает» и дает «прямо противоположный результат». Суждение весьма показательное во многих смыслах: и в том, что признается наличие «технологий» одурманивания человеческого сознания, которое автор называет «лечение души», и в том, что не только в экономике, но, как следует из текста статьи, и в сфере формирования общественного сознания должна применяться пресловутая «шоковая терапия».

И все же из всего этого выделим авторский посыл о «шоке правды». В статье содержится много конкретных пассажей, помогающих понять, что имеет в виду Ципко А. под «шоком правды»: совершенно бессмысленная и труднообъяснимая, с точки зрения здравого смысла, но модная среди фальсификаторов словесная абракадабра о победе

советского народа над нацизмом «вопреки сталинщине» (Как можно это себе представить практически? Получается, что народ боролся с «коричневой чумой», а «сталинщина» этому противодействовала.); безапелляционное, кощунственное и никак не подтверждаемое историческими данными (в том числе и официальными документами) обобщение о том, что не только поляки, но и чехи все время сожалели о том, что их освободили от немцев не американцы и англичане, а Красная Армия (наличие отдельных групп с таким настроением не тождественно всему народу, который встречал советского солдата как воина-освободителя); кощунственным является утверждение «о негативных последствиях патриотизма в ущерб совести», адресованное не кому-то персонально, а фактически всему обществу.

В этом плане необходимо выделить высказанную в сочинении А. Ципко «обеспокоенность» по поводу «раздвоенности сознания», которую (раздвоенность) он адресует всему российскому обществу, а основную причину этой раздвоенности усматривает в том, что до конца еще не уничтожена советская страница отечественной истории. Эту тему он назойливо пропагандирует и в других своих публикациях. Так, в одной из них, он, признавая, что «кризис антикоммунизма, кризис морального подхода к национальной истории, равнодушие к ценностям российской христианской, православной морали, я уже не говорю о кризисе нашей электоральной демократии, означают, что наша политическая система висит в духовной пустоте»¹, называет и причину этой печальной картины: «Население с каждым годом все больше жалеет о гибели коммунистической системы с ее ценностями и революционными символами»². Вот так — с больной головы на здоровую! Хотя в другом месте он и признает: «Чем мы дальше уходим от 1991 г., тем сильнее люди ощущают негативные последствия наших скоропалительных рыночных реформ, тем большее раздражение вызывают у людей антикоммунистическая риторика и напоминание о преступлениях большевистского режима. Антикоммунизм в посткоммунистической России, якобы освободившейся от наследства советской системы, в последнее время встречается в штыхы»³.

И в самом деле, почему же в нашем обществе антикоммунизм все больше «встречается в штыхы»? Разумеется, ответы на эти во-

¹ Ципко А. Революция 1991 года теряет почву под ногами // «НГ». 2010, 22 сентября.

² Там же.

³ Там же.

просы — не простые, не говоря уже о том, что объяснить это какой-то одной причиной просто невозможно. В нашем случае целая совокупность факторов: отсутствие в политике современного российского государства диалектически взвешенной концепции преемственности исторического развития страны, наличие в обществе больших геростратегических сил, неспособных к творческому созиданию и занимающихся только тотальной критикой прошлого, последствия величайшей геополитической катастрофы, связанной с разрушением многонациональной страны и т. д. Это, скажем так, факторы общего, более широкого плана.

Но выделим еще один, так сказать, личностный аспект проблемы, т. е. попытаемся ответить на вопрос, почему же самые изощренные антикоммунисты, к которым безоговорочно относит себя А. Ципко, говоря его же словами, не могут «пробиться к чувствам» людей, да и почему же общественное сознание современного российского общества «двойственно»? Прежде всего, отметим некорректность утверждений о том, что эта «раздвоенность» характерна всему обществу. Ведь даже в таком обществе живет немало людей (о чем А. Ципко умалчивает) с четкими (не «раздвоенными») мировоззренческими установками, которые совершенно сознательно привержены определенным ценностям, отличаются внутренней духовной цельностью. И поскольку общественное сознание — явление не только надындивидуальное, но и сугубо личностное, то вполне закономерно возникает вопрос: что собой представляют «индивиды», являющиеся, с одной стороны, объектами общественных отношений, т. е. «носителями» этой «раздвоенности» и ее передатчиками на других индивидов, а с другой — их (общественных отношений) субъектами, т. е. такими индивидами, которые сами тоже подвергаются политическим, информационным и т. д. воздействиям социума? Для наглядности сравним двух индивидов, для начала назвав их условно «индивид А» и «индивид Б». Так вот, «индивид А» — консультант ЦК КПСС, должность которого отличалась от инструкторов, не говоря уже о референтах тем, что эта должность особая, ее обладатель, как правило, освобождался от всякой организационной «текучки», от оперативной беготни и даже от продолжительных командировок, столь обязательных для большинства работников партийного аппарата. Консультант ЦК КПСС — это «мозги» ЦК, его задача писать для руководства политические и научные доклады, выступления на официальных мероприятиях, публикации начальства в печати, которые

должны отличаться марксистско-ленинской научной глубиной, последовательной партийностью и коммунистической убежденностью. И каждый раз такой консультант, прочитав в газете или журнале свое творение за подписью какого-нибудь партийного начальника или услышав его с трибуны мероприятия, на котором такой начальник «вооружал» присутствующих в зале правильным пониманием «партийной линии», переживал минуты полнейшего профессионального удовлетворения за свой «личный вклад» в укрепление теоретического и идеологического фундамента КПСС. Разумеется, за такой «творческий труд» и соответствующее вознаграждение — полный пакет материальных благ, который выделялся для партийной номенклатуры. Словом, этот индивид был «процветающим» работником аппарата ЦК КПСС.

А теперь сравним «индивида А» с «индивидом Б», который живет и дерзает в посткоммунистическое время. В отличие, например, от Н. Сванидзе, который, как запечатлели телекамеры, в 1993 г. бегал с микрофоном по коридорам Белого дома, обеспечивая пропагандистскую поддержку расстреливавшему парламент Б. Ельцину, наш «индивид Б» никуда «не высовывался», он как бы залег в узких складках местности, выжидая, чем же все закончится. Когда же политический барометр, наконец, мог хотя бы частично определить социально-политическую погоду в обществе, наш «индивид Б» вначале постепенно (чтобы не набить шишек), а вскоре и более стремительно (хорошо почувствовав, куда ветер дует) начал вклиниваться в новое идеологическое пространство.

На чем он в содержательном плане зарабатывает идеологические очки, свидетельствуют такие его сегодняшние предпочтения: не только осудить советское прошлое как «ошибку истории», но и, как он заявил по телевидению, закрепить это конституционно, т. е. внести в основной закон РФ специальную статью, осуждающую советский период отечественной истории. Он обратился с письмом к Президенту страны (вот какой масштаб притязаний) с предложением в целях похорон советского прошлого заменить красную звезду на Спасской башне Кремля двуглавым орлом. Он называет себя бескомпромиссным антикоммунистом, а задним числом, с горбачевских времен, даже «веховцем», как он сам заявил в печати, «одним из ближайших сотрудников антимарксиста Александра Яковлева». Он в числе главных обвинителей Советского Союза, подписавшего в 1939 г. «Договор о ненападении между Германией и Советским

Союзом». И, наконец, как «теоретик» он обосновывает тождество нацизма и сталинизма.

Этот перечень можно было бы продолжить, но и его достаточно, чтобы убедиться: «индивид *А*» и «индивид *Б*» — это не просто разные люди, а антиподы, исповедующие совершенно несовместимые идеологические и нравственные ценности. Но оказывается у этих двух индивидов-антиподов одни и те же фамилия, имя и отчество, они одного и того же года рождения, у них одни и те же родители, одно и то же место рождения — Советский Союз, они заканчивали одну и ту же школу и один и тот же советский вуз... Только маленькая «деталь»: если физически, т. е. телесно «индивид *А*» и «индивид *Б*» — это одно и то же, то в политическом и нравственном отношении перед нами причудливая, говоря словами сегодняшнего «индивида *Б*», «раздвоенность» души и сознания. Половина такой души и такого сознания принадлежит аппаратчику самой высокой партийной вышки (ЦК КПСС), для которого (аппаратчика) сутью профессиональной деятельности было «верное служение КПСС». Носителем же второй половины души и сознания того же индивида является самый яростный крушитель-антикоммунист всего того, чему сам верноподданнически служил.

Конечно, в условиях «безбрежного плюрализма» трудно возразить против того, чтобы человек имел в том числе и перечисленные выше «убеждения» (если, разумеется, это убеждения, а не ставшая столь распространенной в наше время нравственно-политическая миграция из одного идеологического пространства в другое). Но в таком случае во всем должна быть последовательность. Ведь под всеми сочинениями «индивида *Б*» стоит подпись доктора философских наук; эту научную степень, как и степень кандидата наук, он получил в советское время. А тогда (кто не знает — сообщим, а кто забыл — напомним) существовали, наряду с другими, такие официально закрепленные требования к диссертационным исследованиям, без соблюдения которых и помышлять было невозможно о получении искомой степени: 1) работа должна была базироваться «на марксистско-ленинской методологии»; 2) строго отвечать «принципу коммунистической партийности». Вот и возникает вопрос, насколько является нравственным подписываться степенью доктора философских наук, полученной при неукоснительном соблюдении указанных выше требований, под антикоммунистическими и антисоветскими материалами, в которых марксистско-ленинская методология

и принцип коммунистической партийности не только отрицаются, но и звучит агрессивное их осуждение. Получается так, что «индивид Б» с «коммунистическим» дипломом доктора наук борется с коммунизмом и социализмом, — и всё это А. Ципко. То, что в этом нет никакой логики, ясно, но ведь существует еще и профессиональная этика, наконец, гражданская совесть!

Опусы авторов, в том числе и российских, теоретически «обосновывающих» равноответственность СССР и Германии за развязывание Второй мировой войны, «идентичность» сталинизма и нацизма, героизацию бандеровцев на Украине (в годы президентства Ющенко), «лесных братьев» в Прибалтике, принятие Парламентской Ассамблеей ОБСЕ резолюции «Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» — эти и подобные им акции только на первый взгляд могут казаться разрозненными, не имеющими единого центра управления, единых вождей и предводителей со своей идеологической камарильей. Но это на первый взгляд! Суть же в том, что в данном случае, как и в других сферах социально-политической реальности, эффективно срабатывает новая технология психологической войны — «сетевой принцип», интегрирующий усилия самых разнородных субъектов политического процесса в направлении реализации определенной цели с общим политическим знаменателем. А приемы — самые разные: от ласкающих слух рассуждений о политическом плюрализме, «поиске исторической правды», «пересмыслении истории» до открытых и зловещих фальсификаций.

В конечном же итоге это угроза безопасности: национальной, государственной, политической, идеологической и духовно-нравственной. Причем не только для России, оказавшейся в качестве главного объекта фальсификаций, а и для Европы, познавшей на себе все ужасы нацизма. Это угроза для всего мирового сообщества, которое смогло победить гитлеризм только при решающей роли в этом СССР.

4. Метастазы «ложного сознания»

Не надо заблуждаться: стратегической целью современного либерализма является не честное и объективное «прочтение истории», в том числе и Второй мировой войны, а тотальное, осуществляемое

в самых жестких и вероломных формах уничтожение всего, что связано с советским периодом отечественной истории. А используемый при этом «плюрализм мнений» ничего общего не имеет с базирующимся на объективности и бесстрастности диалоге. Это лишь фиговый листок для прикрытия политического манипулирования общественным сознанием, крайней нетерпимости к «нелиберальной точке зрения», а также той «идеологической зашоренности», которой он (либерализм) боится в самой неприглядной форме.

С. Кургинян совершенно прав, когда говорит о том, что «проклятия в адрес либералов, ведущих общество на заклание, содержат в себе и историческую правду»¹. Касаясь же «зablуждения», он отмечает, что его суть «в том, что силы, и впрямь ведущие общество на заклание, не имеют никакого отношения к настоящему либерализму. Они антилибералы по своей сути. Мы имеем дело с антисоветской тоталитарной сектой, отрицающей все принципы либерализма: объективные доказательства, безусловное уважение к большинству, к чужой позиции. В этой связи такую идеологию, скорее следует называть либероидной (подчеркнуто нами. — *Авт.*). Тоталитарная антисоветская секта, одержимая этой идеологией, — она то и ведет общество на заклание»². Действует это господствующее меньшинство, «насекая общественное сознание различного рода тараканами (социокультурными вирусами), растлевая большинство, спекулируя на его самых низменных чувствах, препятствуя любым формам его самоорганизации, разговаривая с большинством на языке апартеида, способствуя всем формам деградации этого самого большинства, заигрывая с маргиналами, люмпенами...»³.

Свою трактовку современного российского либерализма предложил совет «Экономика и этика» при Святейшем Патриархе Московском и Всея Руси Кирилле, представив 29 марта 2011 г. заседание клуба православных предпринимателей в храме Христа Спасителя доклад под названием «Преображение и модернизация: духовные начала, цели риски и шансы». Сошлемся на отдельные положения этого доклада⁴.

¹ Кургинян С. «Страна не хочет умирать». Интервью // «Литературная газета». 2010. № 44, 3–9 ноября.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Самарина А. Страна впала в «грех либерализма» // «НГ». 2011, 30 марта.

Эксперты РПЦ пришли к выводу о неконструктивности и даже вреде идей либерализма, получивших развитие в 90-е гг. Констатируя, что сегодня «правящие элиты в России не демонстрируют надлежащее понимание сути ситуации и готовность к действиям в условиях ожидающихся внешних деструктивных воздействий», авторы доклада задаются вопросами: «Способны ли власти осознать, что проводимый курс углубляет социальные разрывы в стране и ведет, в конечном счете, к социальному взрыву?». И готово ли руководство страны избавиться от чиновников, которые «скомпрометировали себя своим растленным поведением, и от тех, кто не способен управлять ситуацией в современной обстановке?».

В докладе содержится вывод о том, что либеральная доктрина «заключает в себе идею раскрепощения греховного индивидуализма, а значит, и высвобождения потенциала греха в человеческой личности», «она предполагает, что свободный человек вправе отбросить всё, что его сковывает, препятствует в утверждении его „Я“, в том числе греховного. В этой части либеральная идея диаметрально противопоставлена христианству» (подчеркнуто нами. — *Авт.*). Заявив, что «торжествующий многоликий грех начал „править балом“ в России в лихолетье 90-х» эксперты РПЦ этот вывод конкретизируют так: «При всех переменах нулевых годов именно „либерализм“, маскирующий усугубление социальных проблем и препятствующий их исцелению, остается идеологической доминантой нашего времени».

Они утверждают, что сложившаяся ныне социальная структура российского общества «не только не справедлива, но и сулит серьезные потрясения в будущем». И далее: «Свидетельствуя о реальном доминировании ценностей индивидуализма и потребительства, торжества культа золотого тельца, такое состояние общества провоцирует возрождение протестно-революционных доктрин и практик, вплоть до самых разрушительных». Характеризуя серьезные патологии в духовно-нравственной сфере, церковные аналитики отмечают: «При этом социальные группы, не заинтересованные в модернизации страны, распоряжаются всеми необходимыми инструментами консервации сложившегося режима». Авторы доклада убеждены в том, что «западнические проекты» не находят поддержки народа «несмотря на активный сервис в СМИ и отчасти — в экспертном сообществе». Весьма симптоматично, что заявление о том, что страна впала в «грех либерализма», прозвучало со стороны

интеллектуалов Русской Православной Церкви, которая в постсоветское время постоянно демонстрировала и демонстрирует сейчас гармонию своих отношений с властью.

Словосочетание же «идеологическая зашоренность» применительно к современному российскому либерализму нами употреблено не по ошибке и не случайно: ведь он (российский либерализм), развивавшийся в лоне деидеологизации общественной жизни, представляющей собой два звена одного и того же (горбачевского и ельцинского) процесса в идеологической сфере, сам изначально превратился в одну из форм идеологии (либеральной), в которой национальным интересам России, героическим традициям народа, исконному российскому патриотизму, высоким и благородным нравственно-духовным ценностям просто нет места. Налицо появление нового вида антисоветизма, исходящего уже не от зарубежных «советологических центров» периода «холодной войны», а рожденного и утвердившегося в лоне постсоветского российского либерализма.

Если антисоветизм периода биполярного противостояния представлял собой внешнюю силу по отношению к объекту воздействия, а советское общество и его содержание определялись логикой идеологического противоборства двух систем (социализма и капитализма) и двух сверхдержав (СССР и США), то постсоветский антисоветизм стал фактором внутригосударственного идеологического распада. Принципиально иным стал и субъект постсоветского антисоветизма (т. е. состав реализаторов этой линии), представляющих собой причудливое переплетение настолько разнородных его носителей, которые по здравому смыслу никак не должны были бы быть под одними знаменами.

Не идеологизируя эту проблему, попытаемся совершенно с нейтральных позиций посмотреть на субъект «внутреннего» для нашей страны антисоветизма, основным лозунгом которого является борьба (именно борьба, а не диалог) за проведение «десоветизации» общества.

Кто правофланговые этого похода? Прежде всего, та часть либеральных кругов, которая в силу своей агрессивности по отношению к историческому советскому прошлому может быть названа радикальной, что, впрочем, не согласуется с доктриной истинного либерализма. Либеральный радикализм представлен именами довольно влиятельных в обществе политиков, деятелей науки и культуры, и

особенно СМИ, словом всех, для кого «десоветизация» — «идея фикс». И когда «отечественный антисоветизм» широко расправил свои плечи, это послужило сигналом для фактической консолидации (не организационной, разумеется, а внутренне «духовной», идеологически ценностной) всех (как внутри страны, так и за ее пределами), кто боролся против «Советов» в прошлом или кто это делает и сейчас. Даже если привести «крайние примеры» — попытка реабилитации Власова, апологетика бандеровщины и т. д., и т. п. — то какой «аргумент» при этом выдвигается? — «они уже тогда боролись против Советов». По-своему определили отношение в «советизму» некоторые деятели ОБСЕ и ПАССЕ, приравняв социализм (т. е. СССР) к нацизму. Так волей или неволей под одной крышей оказывается довольно пестрая, разношерстная «антисоветская сила», представляющая собой конгломерат внутренних и внешних политических воль, уродующих исторический ландшафт России.

Вместе с тем утверждать, что «внутренний антисоветизм» представляет собой что-то единое целое, нет оснований, хотя консенсус на платформе «десоветизации» сложился сразу же после 1991 г.

С. Кургинян выделяет такие «границы» «отечественного» антисоветизма: антисоветизм либеральный, для которого советский период — это тоталитаризм, ужас, диктатура; антисоветизм центристский, когда говорится, что советский период — это красивая, но вредная сказка; антисоветизм националистический, когда говорится, что русский народ совратили злые силы; антисоветизм конфессиональный, когда говорится, что приход большевиков к власти — это пришествие антихриста; антисоветизм предельный, зловещий¹.

Антисоветизм, в той форме и при том содержании, которые он приобрел в современной либеральной интерпретации, нацелен не только на превращение советского периода отечественной истории в «черную дыру», но и, перефразируя А. Зиновьева, метит в современную Россию, когда палаческий тотально уничтожающий подход одинаково распространяется на грешных и праведных, на тех, кто создавал мощь страны, а потом ее защищал, и тех, кто ее (страну) предавал.

У Н. Сванидзе, например, во всех его передачах (прежде всего «Суд времени», «Исторические хроники» и др.) для любой темы

¹ Кургинян С. Война, а не шоу // Интервью газете «Завтра». 2011. № 7 (900).

советской истории (будь то индустриализация страны или так называемый «пакт Молотова—Риббентропа», послевоенное восстановление или противоборство в «холодной войне» и т. д.) — целый набор только отрицательных «аргументов», которые он «подверстывает» для телезрителей под заведомо вложенные в их подсознание идеологические клише более широкого плана — «преступность» советского режима, вина «системы», «несостоятельность» социализма. Характерные черты сванидзевского «плюрализма мнений» — не только категорическое неприятие другой точки зрения, но и ее осуждение, агрессивная нетерпимость к оппоненту, нередко высокомерный тон разговора с собеседником.

К сожалению, Н. Сванидзе не исключение в информационном пространстве. Поборников «маленькой правды», имеющей локальное значение, любителей выборочного подхода к подбору фактов и их односторонней интерпретации на фоне отрицания «большой правды» исторического масштаба много и в печатных и в аудиовизуальных СМИ. И все же, если человек с подобной позицией входит в руководящий состав Общественной палаты, является членом президентской комиссии по борьбе с фальсификациями истории, да еще и имеет постоянную прописку на телеэкране в качестве глашатая «обновленной исторической правды», то он уже не «равноправный» собеседник, а политизированный функционер, обладающий большим ресурсом отнюдь не для выражения своей точки зрения, а для оказания мощного воздействия на сознание миллионов. В такой ситуации на информационной демократии можно ставить крест.

Например, для млечинско-сванидзевского дуэта по антисоветской риторике в программе «Суд времени» факты, события, действия конкретных личностей были нужны лишь в той степени, в какой они могли служить «доказательству» «преступности» советского строя. Даже при условностях жанра шоу в виде «суда» беспристрастность и объективность должны были быть обязательными для «судьи» Сванидзе. И его обязанность не «подпевать» заикленному на антисоветизме Млечину, теряющему убедительность своей аргументации, и не становится в зависимости от ситуации обвинителем или защитником, а по крайней мере, хотя бы дать «судейский комментарий» результатам голосования телезрителей (а они впечатляющие!).

Например, на вопрос: «Так называемый „пакт Молотова—Риббентропа“ — путь к началу войны или необходимая передышка для

СССР?», — 91 % опрошенных высказались за то, что это был отнюдь не путь к началу войны, а передышка, т. е. поддержали позицию С. Кургиняна и высказались против идеологических манипуляций Н. Сванидзе и Л. Млечина. На вопрос: «Объединение Германии — необходимость или политическое предательство?», — 91 % респондентов ответили, что это предательство советского руководства. Отвечая на вопрос: «Индустриализация — это неоправданный надрыв или спасительный прыжок в будущее?», — 92 % проголосовавших заняли четкую позицию — «спасительный прыжок в будущее». Такие же показатели и по многим другим темам программы «Суд времени», прекратившей, к сожалению, свое существование.

Когда же в середине 2011 г. на втором общенациональном канале появилась программа «Исторический процесс», телезрители восприняли это как продолжение журналистского поиска программы «Суд времени», причем несмотря даже на то, что создателями этих передач выступают разные каналы. На этапе анонсирования «Исторического процесса» возникал вполне резонный вопрос: что же нового несет с собой этот проект? И ответ телезрители получили исчерпывающий. Что касается формата передачи — можно назвать новые элементы: нет судьи, роль которого без всяких на то оснований была определена почему-то крайне зацикленному на тотальной критике советского прошлого, одному из самых радикальных фальсификаторов отечественной истории Сванидзе Н., нет Млечина Л., составлявшего по всем без исключения спорным вопросам дуэт с «судьей», появился закадровый голос, благодаря чему делаются ремарки о позициях спорящих сторон и регистрируется время, им предоставленное. Вот, пожалуй, и все. Основное же, т. е. содержание и интеллектуальный уровень передачи — те же, что и у «Суда времени». Но это не только все тот же высокий профессионализм, доказательно аргументированная диалоговая культура интеллектуала высокого класса, каким предстает на теледебатах и на этот раз С. Кургинян, с одной стороны, и агрессивный разрушительный субъективизм, представленный произвольным препарированием исторического процесса Н. Сванидзе, с другой стороны. Главное все же в итогах голосования, в котором выражено общественное мнение. Когда, например, при обсуждении проблем современного капитализма о нем отрицательно высказалось 90% проголосовавших телезрителей, то это было не просто подтверждение позиции С. Кургиняна, а это была очередная демонстрация состоя-

ния общественного сознания в российском обществе, отражение того, как думают о современном капитализме в различных слоях социума и как он осуществляется. Вывод тот же, что и для «Суда времени», — подобные социологические «срезы» самочувствия нации как существующая реальность, от которой никто не может уйти (ни власть, ни элиты, ни СМИ), являются серьезным материалом для глубокого анализа, осмысления состояния мыслей и чувств граждан страны и, что крайне важно, для выработки конструктивных предложений для решения острых политических, идеологических, социальных, экономических и гуманитарных задач трансформирующегося общества.

Как отметила «Литературная газета», и в новом проекте у Сванидзе нет «ни чувства юмора, ни артистичности, а лишь одно проверенное оружие — хамство. Этой кувалдой он и работает. Сванидзе хамит оголтело: закрывает рот оппонентам, подкидывает на них компромат. Он превращает дискуссии в балаган и, перекрикивая всех, изливает в эфир набор заученных идеологических штампов. Суёт и суёт эту баланду, сваренную во времена перестройки¹. Подпевают же либералу с кувалдой «пятиколонники», занимающие место на «либеральной скамеечке» и стремящиеся напомнить через телеэкран своим единоверцам (отечественным и зарубежным) о своей с ними солидарности, резервируя тем самым себе место в будущем миропорядке, построенном по западным лекалам; эти господа, как и их единомышленник Сванидзе Н., не только не боятся результатов провального для них голосования, а и вероломно демонстрируют свою демагогическую изворотливость и в ответ на очевидные факты цинично хохочут. И «Литературная газета» задается вопросом: «Кто пасет это стадо, погрязшее в ненависти и лжи?»²

Если же к этому добавить результаты голосования в проекте «Имя России», когда вперед с большим отрывом вышел И. Сталин, а также разгромный для А. Ципко счет в споре с писателем М. Веллером (12 тыс. против 40 тыс.) по вопросу замены красной звезды на Спасской башне Кремля двуглавым орлом, — все это в определенной мере отражает состояние общественного сознания в целом, характеризует общество («кто мы такие?») и в связи с этим требует

¹ Рокотов В. Кувалда для оппонента // Литературная газета. 2011. 31.08–06.09.

² Там же.

ответа на злободневные вопросы: каковы результаты двадцатилетнего либерального реформирования, каковы сегодняшние ценностные ориентации общества, как и с чем мы движемся в неопределенное завтра?

А еще это и оценка либерализма. На основе обстоятельного и честного анализа полученных в ходе голосования данных можно (и нужно!) делать выводы для принятия обществом адекватных решений — политических, экономических, социальных, гуманитарных! Такую возможность дает масштаб и ценность «добываемой» в таких телепередачах информации. И беспристрастный комментарий «судей» в «Суде времени», который фактически является «судом» над российским либерализмом и «шоковым реформаторством», мог бы сыграть свою конструктивную роль в наращивании созидательного информационного потенциала общества.

Свое же частное суждение — «а это мое, другое мнение» — «судья» Сванидзе мог бы выражать в несколько иной форме, памятуя, что функция «судьи» это отнюдь не пропаганда своих взглядов, тем более, если они носят, мягко выражаясь, односторонний, а нередко и клеветнический характер.

Что же касается требований о проведении своеобразного «нюрнбергского трибунала» над «советским тоталитаризмом» (в разных вариантах: социализмом, «сталинизмом» и т. д.), исходящих от некоторых наиболее радикально настроенных российских либералов, действующих в унисон с русофобами прибалтийских стран, Польши, а также некоторых общеевропейских структур, то совершенно очевидно, что в эту затею не верят и сами инициаторы этой шумной пропагандистской кампании.

В самом деле, каким должен быть этот «трибунал», что должно лечь в основу юридически (а не лозунгово-идеологически) обоснованных обвинений, кого судить (мертвого Сталина или социализм как систему, что может прийти в голову только человеку с ненормальным психическим состоянием), кто может сидеть в кресле «судьи», кто должен занять скамью «подсудимых»? Бред! Не правда ли?! И все же время от времени эта тема оказывается на гребне идеологических бурь. Почему? Да потому, что тема «трибунала» оказалась очень эффективной идеологической провокацией, направленной на политическую дестабилизацию российского общества, нагнетание социальной напряженности, углубление раскола в обществе (между социальными группами, общностями, нациями,

этническими группами, между поколениями), дискредитацию исторических корней и традиций России, предъявление к ней некоторыми зарубежными политиками исторических «счетов». Хорошо понимая, что такому «трибуналу» никогда не быть, эти зловещие силы стремятся в любом случае собрать антироссийские идеологические дивиденды. Как говорится, лотерея беспроигрышная!

Когда на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека руководитель правозащитного «Мемориала» предложил дать всеобщую политико-правовую оценку (подчеркнем «правовую» — *Авт.*) репрессиям в СССР, Президент Д. Медведев, согласившись с собеседником, что это «тонкая вещь», поставил перед ним вопрос, кто же это должен сделать: суд, Президент, Правительство? К сожалению, вопрос повис в воздухе...

Но следует спросить и о том, кого судить. Мертвых не судят. Если есть виновные из числа ныне живущих, то надо в индивидуальном порядке, как говорится, в каждом конкретном случае предъявить юридически обоснованные обвинения и действовать по закону. Вроде бы ясно. Но, оказывается не всем. Правозащитники хотят объявить НКВД организацией преступников, фактически приравняв его к СС или гестапо. И вот по этой логике клеймо «преступника» будет навешено на тысячи ни в чем не повинных людей, которые честно работали в этой системе и ничем себя не запятнали.

А если подобным образом (как требуют того радикальные правозащитники) поступят и в отношении комсомола, КПСС, других советских властных структур? Нетрудно представить, в какое кровавое и бессмысленное пожарище гражданской войны может оказаться ввергнутой наша множество раз жестоко травмированная страна. Неужели геростратизм настолько обуял «борцов» за соблюдение прав человека, что у них наступило помутнение разума? Борясь за права одних, они желают лишить этих же прав других!

Таким образом, произошла поистине парадоксальная метаморфоза: в результате осуществления в стране горбачево-ельцинского «деидеологического» эксперимента зарубежные антикоммунисты и антисоветчики оказались «безработными», так как их функции взяли на себя наши, российские глашатаи ценностей дикого, бездуховного и антинародного криминально-олигархического капитализма. И вот здесь, как говорится, в самый раз ответить на главный вопрос: из чего вырос российский либерализм, каков его теоретический генезис? Ответ базируется на двух ключевых посылах.

Во-первых, на постулате радикальных реформаторов, которые разрушая советскую идеологию, заявили о непризнании вообще какой угодно другой идеологии, называя ее «формой ложного сознания»¹ (подчеркнуто нами. — *Авт.*). Во-вторых, на провозглашенной еще Горбачевым и Яковлевым в период перестройки, а затем поддержанной в ельцинские времена «реформаторами первой волны» идее «полной деидеологизации» общества и государства. Благодаря стараниям «реформаторов» «деидеологизация» в обществе оказалась закрепленной в 1993 г. даже на уровне Конституции РФ.

А теперь рассмотрим конкретнее, что собой представляют указанные выше теоретические опоры российского либерализма. Дело в том, что провозглашенная Гайдаром идея о том, что какая угодно идеология (а не только коммунистическая) является формой ложного сознания, ему не принадлежит. Это как говорится, чистейшей воды откровенный плагиат. Научному сообществу хорошо известно, что еще в 60–70 гг. XX столетия в западной (по тогдашней терминологии немарксистской) политологии и социологии широко обсуждалась проблема равнозначности идеологии и ложного сознания. Стронниками сведения идеологии к ложному сознанию, к пристрастному мышлению были социологи Ирвинг Горовиц (США), Эрнст Блох (ФРГ), Якоб Барион и др. Так, И. Горовиц определял идеологию как «соединение истинного и ошибочного сознания»². Отождествляя идеологию с ложным сознанием, Э. Блох писал: «Идеология есть оправдание действительности, украшение ее с позиций ложного сознания своего времени»³. В свою очередь Я. Барион обозначал характер всякой идеологии как «темный» и «многозначный», а идеологов называл оторванными от действительности людьми, «фантастами», знающими «только альтернативы»; они, по его мнению, спорят «друг с другом, и каждый видит в инакомыслящем врага»⁴. Распространенным было мнение, что идеология — это сокрытие истинных фактов, целей, намерений и действий, направленное на то, чтобы ввести в заблуждение «других» и заставить их действовать во имя

¹ Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. М., 1995.

² Horowitz I. L. Philosophy, science and the sociology of Knowledge. Springfield, 1961. P. 79.

³ Цит. по: Теории идеологии и идеологической борьбы. Реферативный сборник. М., 1977. С. 58.

⁴ Там же. С. 59.

тех или иных интересов¹. Но вскоре немарксистская наука, пройдя известный круг, вернулась к своему исходному пункту — признанию идей (в том числе и идей ложных) в качестве определяющей силы общественного развития, придав со временем этому технократический и сциентистский характер, т. е. отрицая научную ценность как марксистской, так и буржуазной идеологии, противопоставляя им различные варианты идеологии «технократизма».

Но технократизмом дело не ограничивалось, так как в целом происходил возврат к признанию роли идеологии и происходил он в контексте анализа социального значения идеологии и ее функций в жизни общества. Видный западный социолог Карл Поппер писал: «Я верю во власть идей ошибочных и искаженных. И я верю в то, что назвал бы важной идеей... Идеи, особенно моральные и религиозные, обладают такой силой, которую можно сравнить, по меньшей мере, с силой в физике»². А автор широко известных на Западе книг по политической социологии Карл Фридрих видит социальную роль идеологии в том, что она требует определенного образа действия и связана с политикой: «Идеология неразрывно связана с политическим процессом, ибо без идей не бывает никаких политических действий»³. В свою очередь Л. Козер обращал внимание на то, что идеологии придают общественным процессам целенаправленный характер: «Идеологии придают коллективную ориентацию всякому движению, укрепляют социальные общности и делают борьбу людей целенаправленной»⁴. О том, что «настоящая идеология является выражением того, ради чего человек живет»⁵, писал западногерманский философ Эдуард Шпрангер.

Все сказанное свидетельствует о том, что к тому времени, когда Е. Гайдар решил «обогащать» общественную мысль потерявшей идеологические ориентиры России концепцией «ложного сознания», прошло уже несколько десятилетий с того момента, как уси-

¹ Цит. по: Теории идеологии и идеологической борьбы. Реферативный сборник. М., 1977. С. 60.

² *Popper K. R. Conjectures and refutations. The growth of scientific knowledge. L., 1963. P. 373.*

³ *Friedrich K. J. Man and his government. An empirical theory of politics. N.-Y., 1963. P. 91.*

⁴ *Coser L. A. Theorie sozialer Konflikte. (Übers.) Neuwied a. Rhein-Berlin, 1965. S.141.*

⁵ Цит. по: Теории идеологии и идеологической борьбы. Реферативный сборник. М., 1977. С. 66.

лиями немарксистских философов и социологов она была снята с научного пьедестала. Причем, как показало время, навсегда.

То же самое произошло и с немарксистской концепцией деидеологизации общественной жизни, которая (концепция) восходит примерно к тем же временам, что и концепция «ложного сознания». Впервые теория о «конце» идеологии была изложена Р. Ароном в его книге «Опиум для интеллигенции»¹. Его идея была поддержана на Миланском симпозиуме Конгресса за свободу культуры. Тезис о «конце идеологии» сформулировал в конце 50-х гг. Отто Брунер. В свою очередь, собственную версию о «деидеологизации» изложил американский социолог Д. Белл. Тема «заката идеологии» нашла отражение в работах таких известных западных философов и социологов, как С. Липсет, А. Шлезингер, З. Бжезинский, О. Брунер, С. Рокан, О. Киркхеймер и др. Однако вскоре произошло то же, что и с «ложным сознанием», — коренной пересмотр постулатов «деидеологизации» и «конца идеологии». Западно-германский социолог Ойген Ламберг в книге «Идеология и общество» заявил, что теория «„конца идеологии“ является заблуждением, потому что идеология может быть побеждена только другими идеологиями; отсутствие же идеологии у человека приравнивается к отсутствию инстинкта у животных со всеми вытекающими отсюда последствиями»² (подчеркнуто нами. — *Авт.*). А тот же Липсет вынужден был признать, что «идеологии необходимы в сфере международного сотрудничества как орудие защиты свободных политических и экономических институтов»³.

Таким образом, через несколько десятилетий после того как на Западе концепции «деидеологизации» и «ложного сознания» отжили свой век, усилиями лидеров перестройки и посткоммунистических реформаторов эти обветшалые муляжи были пересажены на российскую почву, и уже в 1990-х гг. возобладали идеи «полной деидеологизации» российского общества и государства.

Процесс деидеологизации, целью которого было, по словам апостола этой геростратической идеи А. Яковлева, «сломасть хре-

¹ Aron R. L'opium des intellectuels. P. Calmann-Lévy. 155. (Coll «Liberté del esprit»).

² Ideologie und Gesellschaft. Eine Theorie der Ideologischen System, ihrer Struktur und Funktion. Stuttgart. e. a. Kohlhammer, 1971. S.51.

³ Цит. по: Теории идеологии и идеологической борьбы. Реферативный сборник. М., 1977. С. 135.

бет» советскому обществу, сопровождался, прежде всего, широко-масштабной терминологической войной, когда стали осуждаться и изгоняться из обихода те или иные термины даже без рассмотрения их содержания.

Когда, например, известный театральный режиссер Марк Розовский в теле-шоу Владимира Соловьева «Поединок» с убежденностью фанатика стал доказывать своему оппоненту и многомиллионной публике, что «идеологий мы наелись» и их надо окончательно изгнать из обихода и сосредоточиться на этике, в очередной раз стало ясно: не вообще для всего общества, а прежде всего для элиты надо создавать наряду с институтом «плюрализма мнений» другой не менее важный институт — «политический ликбез». Заменять идеологию этикой — это равносильно тому, чтобы в драматургии (которая является профессиональным полем для М. Розовского) из многообразия ее жанров: драма, комедия, мелодрама, сатирическая пьеса и т. д., которые одну и ту же действительность отражают различными средствами, — изгнать какие-то жанры, заменив их другими.

Такая судьба постигла не только научную категорию «идеология», о чем говорилось выше, но и другие понятия, которые несли в себе положительную оценку советской действительности. На человека, рассуждавшего об отсутствии у современных россиян идеалов, стали смотреть как на возвращенца из далеких исторических эпох — место идеала занял его величество интерес в его потребительски-прагматичной интерпретации.

Именно либералами патриотизм, эта высочайшая духовная ценность российского народа, был предан остракизму и объявлен «прибежищем негодяев». В совершенно бессмысленных спорах о том, какое из понятий — «родина» или «отечество» — важнее, слову «родина» стала придаваться окраска консервативного мышления. А в передаче Познера на первом телеканале при упоминании словосочетания «дружба народов» (в СССР) у ее ведущего непременно появляется расплывчато-полуироничная улыбка (нет — не агрессивная, а толерантная!): мол, а вы (т. е. собеседники) верите в это.

За «борт» политологического анализа выброшено понятие «советский народ как новая историческая общность», альтернатива же не предложена. Вот и возникает вопрос: что же с позиций сегодняшнего общественно-политического бытия представляет собой многонациональное содружество советских людей: неупорядоченные хаотические сегменты социума, разнородные и ничем (ни в экономической,

ни в социальной, ни в культурной жизни) не связанные национально-этнические формирования? Но общность-то была, и действительно она была «новой исторической» по отношению к предшествовавшему национально-государственному устройству царской России.

Были ли деформации этой «общности»? Были, и никто этого не отрицал ни в советские времена, ни тем более сейчас. Были ли положительные стороны в этом многонациональном сожительстве, отрицать может только человек необъективный и, если говорить о нравственной стороне, — нечестный. Следовательно, и в данном случае необходимо поступать не по принципу «разрушить до основания», а объективно анализировать, отказываться от всего наносного, отсеивать зерна ценного опыта и, главное, предлагать достойную альтернативу. Но отнюдь не тем путем, когда в современном информационном пространстве взамен категории «народ» настойчиво внедряются лингвистические абракадабры типа «охлос» и «пипл». (Подчеркнем при этом, что в данном случае речь не идет о том, чтобы поставить препоны «терминологическому прогрессу». Обогащение словарного фонда языка — процесс объективный, он включает в себя как новации (т. е. рождение новой лексики), так и отведение лексической архаике того места, которого она и заслуживает в новом и меняющемся жизненном пространстве.) Подобные проблемы должны решаться в лучших традициях развития научного знания, его приращения, но отнюдь не путем политически мотивированной «интеллектуальной инквизиции».

Ценности предыдущей эпохи подверглась тотальному геростратизму. И поскольку взамен ничего предложено не было, образовалась идейно-нравственная пропасть, в которой российское общество пребывает и ныне. Жизнь же показала, что «деидеологизация» как всеобщая и универсальная установка — это миф, не имеющий под собой никаких реальных оснований. Идеи и идеология нужны каждому человеку, каждому обществу. И надо четко различать «идеологию» и «идеологизацию»: если первая (наряду с философией, этикой, религией и др.) является формой реально существующего общественного сознания, то вторая — это искажение предназначения идеологии, ее гиперболизация, придание несвойственных ей функций. А это совершенно разные вещи, и они должны соответствовать образом и оцениваться.

В жизни российского общества произошел поразительный парадокс: с одной стороны, в стране официально, конституционно объяв-

лена «деидеологизация», а в жизни происходит противоположное: политические партии, в том числе и «парламентские» утверждают свои идеологические концепции. В результате противоборства противостоящих идеологий произошел танковый расстрел Белого дома в 1993 г. Президент РФ Б. Ельцин обратился в 1996 г. с призывом сформулировать национальную идею, после чего появились различные ее интерпретации («российская национальная идея», «русская идея», «национальная идеология» и т. д.), но консенсусный вариант так и не «найден».

А посмотрим вокруг себя: существующие на Западе либеральная, консервативная и социал-демократическая идеологии являются неотъемлемой частью не только общественной, но и государственной жизни. Наконец, положение принятой в 1993 г. Конституции РФ о том, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹ находится в противоречии с самим Основным законом, так как он, будучи юридическим документом, в то же время является образцом одного из видов идеологии — правовой. Возведение же в правовую норму требования, чтобы никакая идеология не была «обязательной», нарушает демократический принцип плюрализма политических партий (а следовательно, и идеологического плюрализма). К тому же совершенно очевидным является и то, что «деидеологизация» явилась скрытой целью смены идеологии.

И все же после осуществленного младореформаторами и их либеральными продолжателями идейного разоружения общества постепенно происходит (пусть и в болезненных формах) процесс восстановления «гражданства» научной категории «идеология». Большую и плодотворную работу в этом плане осуществил авторитетный в научном сообществе и политических кругах исследователь Б. Ф. Славин, издавший книгу под символическим названием «Идеология возвращается». Он пишет: «Существуют некоторые заблуждения относительно природы идеологии, ее роли и функции в обществе. Одним из таких заблуждений, на мой взгляд, является недооценка объективных предпосылок и социальных корней идеологии. Это происходит каждый раз, когда абстрактные понятия и идеи превращаются в своеобразного демиурга истории, социальных и политических отношений»². И далее: «С утратой идеологии, как пра-

¹ Конституция Российской Федерации. 1993, 12 декабря. М., 1998. С. 6.

² Славин Б. Ф. Идеология возвращается. М., 2009. С. 12.

вило, происходит духовная и политическая дезинтеграция социальной общности и ее отдельных членов. Как показывает опыт истории, потеря духовной идентичности человека, его идейной ориентации и смысла жизни может заканчиваться даже физической смертью последнего. Не случайно в переломные эпохи, в годы социальных революций и контрреволюций, военных и политических переворотов, связанных со сменой господствующей идеологии, резко возрастает количество психических расстройств и самоубийств»¹.

И даже в либеральной среде, в которой в «лихие 90-е» категория «идеология» и лишилась научного статуса, сегодня наиболее объективные деятели не только отрекаются (пусть и не на словах, а практически, т. е. на деле) от своих предшественников, но и, как говорится, прямым текстом указывают на необходимость созидательной идеологии.

Это особенно ярко продемонстрировали самые что ни на есть современные либералы из не менее либерального Института современного развития (ИНСОР), опубликовавшие труд «Обретение будущего: стратегия-2012. Конспект», в котором «партии стабильности» (В. Путин) в качестве альтернативы противопоставлена «партия развития» (Д. Медведев). Авторы заявили, что для подготовки доклада «важно было реанимировать идеологический процесс (подчеркнуто авторами доклада), возобновить разговор о будущем страны по большому счету — в крупном формате и без ложной политкорректности»².

Налицо повторение того трехзвенного цикла в трактовке понятия «идеология» во второй половине XX в., когда западные (по советской терминологии «буржуазные») социологи и политологи: а) вначале признавали научную значимость идеологии, вычлняя в ней ее разновидности: научную и ненаучную, объективную и субъективную, истинную и ложную и т. д., и т. п.; б) после этого объявили широкомасштабный поход «деидеологизации всех сфер общественной жизни» (включая и внешнюю политику); в) наконец, возвращение на круги своя — объявление реидеологизации и закрепление за идеологией статуса одной из форм (наряду с правом, политикой, моралью, религией) общественного сознания. Западное обществоведение переболело этим недугом во второй половине XX в. Хотелось бы

¹ Славин Б. Ф. Идеология возвращается. М., 2009. С. 11–12.

² Обретение будущего: стратегия-2012. Конспект. М., 2011. С. 7.

надеяться и верить, что уже набравший исторический ход XXI век поможет России как можно скорее избавиться от духовной безыдейщины, вакуума мобилизующих и прогрессивных идей, без которых будущее вообще невозможно.

Таким образом, в условиях пусть еще окончательно не оформившегося, но реально существующего «идеологического плюрализма», когда ни одна из политических партий, ни одно политическое движение не выражают концепцию общегосударственной, общенациональной перспективы, во весь рост встает проблема формирования общегосударственной, «надпартийной» интегративной идеологии, способной на основе «общественного договора» и на базе фундаментальных ценностей объединить разные политические силы, социальные слои и общности для решения общегосударственных задач. Ведь В. Путин, заявив в свое время, что «при всем обилии взглядов, мнений... у нас были и есть общие ценности, которые сплачивают и позволяют называть нас единым народом»¹, хотя и не употребил слово «идеология», но фактически говорил о ней.

Российская национально-государственная идеология должна содержать объективную оценку пройденного государством сложного пути исторического развития, она должна вооружить членов общества четким пониманием того, какое общество мы строим сегодня, какой исторический опыт и национальные ценности целесообразно использовать для объединения общества на основе общих социально-политических и духовно-нравственных приоритетов, разделяемых если не всем обществом, то большинством населения. Общество, как и каждый человек, лишены идейно-нравственного стержня, — это очень удобные объекты для манипуляций и оболванивания. В том числе и этим обстоятельством можно объяснить проблему нацизма в наше время — от скамьи подсудимых до фальсификаторских трансформаций.

¹ Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации «Государство Россия. Путь к эффективному государству» // «Российская газета». 2000, 11 июля. С. 4.

Приложения

1. Документы предвоенной политической истории

1. Соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Германия, Соединенное Королевство, Франция и Италия согласно уже принципиально достигнутому соглашению относительно уступки Судето-немецкой области договорились о следующих условиях и формах этой уступки, а также о необходимых для этого мероприятиях и объявляют себя в силу этого соглашения ответственными каждая в отдельности за обеспечение мероприятий, необходимых для его выполнения.

1. Эвакуация начинается с 1 октября.

2. Соединенное Королевство, Франция и Италия согласились о том, что эвакуация территории будет закончена к 10 октября, причем не будет произведено никаких разрушений имеющихся сооружений, и что чехословацкое правительство несет ответственность за то, что эвакуация области будет проведена без повреждения указанных сооружений.

3. Формы эвакуации будут установлены в деталях международной комиссией, состоящей из представителей Германии, Соединенного Королевства, Франции, Италии и Чехословакии.

4. Происходящее по этапам занятие германскими войсками районов с преобладающим немецким населением начинается с 1 октября. Четыре зоны, обозначенные на прилагаемой карте *, будут заняты германскими войсками в следующем порядке.

Зона, обозначенная цифрой I, — 1 и 2 октября; зона, обозначенная цифрой II, — 2 и 3 октября; зона, обозначенная цифрой III, — 3, 4 и 5 октября; зона, обозначенная цифрой IV, — 6, 7 октября.

Остальная область, имеющая преимущественно немецкий характер, будет незамедлительно определена вышеупомянутой международной комиссией, и она будет занята германскими войсками до 10 октября.

5. Упомянутая в параграфе 3 международная комиссия определит районы, в которых должен состояться плебисцит. Эти районы до окончания плебисцита будут заняты международными воинскими частями. Эта же международная комиссия должна определить порядок проведения плебисцита, причем за основу следует

* Не публикуется.

принять порядок проведения плебисцита в Саарской области. Международная комиссия назначит также день проведения плебисцита; однако этот день не должен быть назначен позже конца ноября.

6. Окончательное определение границ поручается международной комиссии. Этой международной комиссии предоставляется право, в известных исключительных случаях, рекомендовать четырем державам — Германии, Соединенному Королевству, Франции и Италии — незначительные отклонения от строго этнографического принципа в определении зон, подлежащих передаче без проведения плебисцита.

7. Предусматривается право оптации для желающих переселиться в уступаемые районы, а также для желающих покинуть эти районы. Оптация должна быть произведена в течение шести месяцев с момента заключения настоящего соглашения. Германо-чехословацкая комиссия определит детали оптации, изыщет меры облегчения обмена населением и выяснит принципиальные вопросы, вытекающие из этого обмена.

8. Чехословацкое правительство в течение четырех недель со дня заключения настоящего соглашения освободит от несения военной и полицейской службы всех судетских немцев, которые этого пожелают. В течение этого же срока чехословацкое правительство освободит судетских немцев, отбывающих заключение за политические преступления.

*Гитлер
Эд. Даладь
Муссолини
Невиль Чемберлен*

Дополнение к соглашению

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве и французское правительство присоединились к настоящему соглашению, памятуя, что они поддерживают предложения, содержащиеся в параграфе 6 англо-французских предложений от 19 сентября о международных гарантиях новых границ чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии.

Как только будет урегулирован вопрос о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии, Германия и Италия со своей стороны предоставят Чехословакии гарантию.

(Следуют те же подписи)

Дополнительная декларация

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Главы правительств четырех держав согласны в том, что предусмотренная настоящим соглашением международная комиссия будет состоять из стат-секретаря германского министерства иностранных дел, аккредитованных в Берлине английского, француз-

ского и итальянского послов и из одного представителя, который будет назначен чехословацким правительством.

Дополнительная декларация

(Следуют те же подписи)

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Все вопросы, вытекающие из передачи территории, подлежат компетенции международной комиссии.

Дополнительная декларация

(Следуют те же подписи)

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Главы правительств четырех держав заявляют, что если в течение ближайших трех месяцев проблема польского и венгерского национальных меньшинств в Чехословакии не будет урегулирована между заинтересованными правительствами путем соглашения, то эта проблема станет предметом дальнейшего обсуждения следующего совещания глав правительств четырех держав, присутствующих здесь.

(Следуют те же подписи)

Печат. по сб.: Документы и материалы кавула второй мировой войны. 1937—1939.
Т. 1. Ноябрь 1937 г.— декабрь 1938 г.
М., 1981. С. 237—239.

2. Англо-германская декларация

30 сентября 1938 г.

Мы, германский фюрер и канцлер и английский премьер-министр, провели сегодня еще одну встречу и пришли к согласию о том, что вопрос англо-германских отношений имеет первостепенное значение для обеих стран и для Европы.

Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение * и англо-германское морское соглашение как символизирующие желание наших двух народов никогда более не воевать друг с другом.

Мы приняли твердое решение, чтобы метод консультаций стал методом, принятым для рассмотрения всех других вопросов, которые могут касаться наших двух стран, и мы полны решимости продолжать наши усилия по устранению возможных источников разногласий и таким образом содействовать обеспечению мира в Европе.

*А. Гитлер
Невилль Чемберлен*

Печат. по сб.: Документы и материалы кавуна второй мировой войны. Т. 1. С. 241.

* См. док. 1.

6. Нота посла Польши в Чехословакии К. Папэ министру иностранных дел Чехословакии К. Крофте

30 сентября 1938 г.

Господин министр!

По поручению моего правительства, считающего ответ чехословацкого правительства от 30 сентября 1938 г. на свою ноту от 27 сентября 1938 г. как совершенно несостоятельный и уклончивый, имею честь сообщить Вам следующее:

Польское правительство несколько месяцев тому назад обратило внимание чехословацкого правительства на нетерпимое положение, сложившееся на территориях Чехословакии, где проживает польская национальная группа. Последовавшая дипломатическая переписка была результатом этого демарша. Совсем недавно, в критический момент этого обмена мнениями, с той и с другой стороны было констатировано, что нормализация отношений между Польшей и Чехословакией может осуществиться в первую очередь только путем территориальной уступки в пользу Польши территорий, где проживает польское население, которые легко устанавливаются на основе существующих данных, а во вторую очередь — путем плебисцита на других территориях, где проживает смешанное население. Его Превосходительство господин президент Чехословацкой Республики д-р Эдуард Бенеш в своем письме от 22-го числа текущего месяца, переданном 26-го числа текущего месяца Его Превосходительству господину президенту Польской Республики, согласился с этим принципом. Заявления чехословацкого правительства подтвердили это.

Вследствие этих заявлений польское правительство сформулировало в своей ноте от 27 сентября 1938 г. конкретные предложения, в которых оно выразило требование окончательного урегулирования проблемы.

Учитывая драматическое и угрожающее положение в Тешинском пограничном районе в Силезии, польское правительство выдвинуло требование немедленной территориальной уступки двух районов, отмеченных на карте *, приложенной к вышеупомянутой ноте.

Достойно упоминания то, что Его Превосходительство господин президент Чехословацкой Республики соблаговолил лично подтвердить польскому посланнику в Праге обещание положительного ответа и что дипломатические представители Соединенного Королевства и Французской Республики сообщили польскому правительству 29-го числа текущего месяца, что чехословацкое правительство полностью согласилось с польским требованием и даже сообщило сроки, устанавливающие техническое выполнение. Эти сообщения не получили подтверждения, и обещания не были выполнены.

* Не публикуется.

Очевидно, что с учетом всех обстоятельств и ввиду того, что польское правительство не может более оказывать доверия заявлениям, сделанным от имени Чехословацкой Республики, а также принимая во внимание серьезность положения, оно вынуждено самым решительным образом потребовать выполнения пункта 2 своей ноте от 27 сентября с. г., а именно:

1. Немедленная эвакуация чехословацких войск и полиции с территории, указанной в вышеупомянутой ноте и обозначенной на приложенной к ней карте, и окончательная передача этой территории польским военным властям.

2. Эвакуация в течение 24 часов, начиная с полудня 1 октября 1938 г., с территории, указанной в прилагаемой карте.

3. Передача части территории Тешинской и Фриштатской областей должна быть окончательно произведена в десятидневный срок, начиная с той же даты.

4. Эвакуация указанных территорий должна быть осуществлена без нанесения ущерба, приведения в негодное состояние или вывоза предприятий и объектов общественного назначения. Все сооружения и строения оборонного характера должны быть разоружены.

5. Условия и детали эвакуации части территории, указанной выше в п. 3, будут сообщены до полудня 2 октября 1938 г.

6. Другие вопросы, поднятые в польской ноте от 27 сентября, а именно: вопрос плебисцита в других районах, подлежат дополнительному согласованию между заинтересованными правительствами, не исключая возможности участия третьих сторон.

Что касается вопросов, вытекающих из передачи вышеуказанных территорий, польское правительство готово урегулировать их с чехословацким правительством путем переговоров.

7. Чехословацкое правительство примет немедленные меры к тому, чтобы все выходцы из Чехословакии, говорящие на польском языке, жители двух областей, Тешина и Фриштата, состоящие в данное время на службе в чехословацкой армии, были бы освобождены от этой службы и получили бы разрешение вернуться домой.

Чехословацкое правительство примет также меры к тому, чтобы освободить всех политических заключенных польского происхождения.

8. Польское правительство ожидает недвусмысленного ответа, принимающего или отклоняющего требования, изложенные в настоящей ноте, до 1 октября 1938 г. В случае отказа или отсутствия ответа польское правительство будет считать чехословацкое правительство единственным ответственным за последствия.

Соблаговолите принять etc.

Панэ

Перевод с французского. Diariusz i teki Jana Szembeka. 1935—1945. L., 1972. T. 4. S. 444—446.

7. Телеграмма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

1 октября 1938 г.

Министр иностранных дел Крофта сообщил, что, по его сведениям, Польша готовит, возможно еще ночью, нападение с целью занятия Тешинской области силой. Ведется подготовка, чтобы возложить ответственность на Чехословакию как нападающую сторону. Польское телеграфное агентство распространило слух об инциденте на границе, во время которого чехи якобы стреляли в поляков. Это явная ложь. Такого инцидента не было. В половине двенадцатого ночи 30 сентября польский посланник явился к Крофте и передал ноту, в которой предъявляются ультимативно следующие требования.

Уступить три района в Силезии — Фрейштадт, Тешин, Яблунков — в три приема; на карте нанесены три зоны, из которых первая должна быть передана в течение 24 часов, вторая — в следующие 24 часа, третья — через 6 дней.

Намечен еще один участок, в котором должен быть проведен плебисцит: заранее отвергается международный контроль над плебисцитом.

Ответ требуют завтра, 1 октября, в 12 час. дня; начала передачи первой зоны требуют завтра же в 14 час.

Нота содержит весьма оскорбительную фразу: в связи с рядом обстоятельств, а также в связи с тем, что польское правительство уже не может верить заявлениям, сделанным от имени Чехословацкой Республики, ясно, что оно должно чувствовать себя вынужденным принять меры к осуществлению чехословацкого обещания.

Правительство будет решать вопрос о своем ответе только завтра утром на заседании в 9 час. Части войск, расположенные в Тешинской области, не получали приказа об отступлении. По сообщению Ины, главного секретаря Крофты, столкновение неизбежно. Выступление Польши является гитлеровской провокацией, совершаемой несмотря на то, что в мюнхенском соглашении Гитлер подписался под решением дать три месяца для урегулирования вопроса о польском и венгерском меньшинствах и сделать его предметом обсуждения четырех держав, если не будет достигнуто чешско-польское соглашение.

Полпред

10. Письмо посла Польши в Германии Ю. Липского министру иностранных дел Польши Ю. Беку **1 октября 1938 г.*

Вчера вечером, 30 сентября, мне позвонил заместитель статс-секретаря Вёрман и спросил, правда ли, что польское правительство направило Праге ультиматум *. В своем ответе я сказал, что пока я имею сведения только о том, что в этот день вечером польским правительством будет принято важное решение.

Сегодня утром к 11 час. 30 мин. я был приглашен г-н м Вёрманом в министерство иностранных дел. Перед этим я не смог связаться ни с генерал-фельдмаршалом Герингом, ни с министром фон Риббентроном **, так как они встречали канцлера, прибывавшего в Берлин в 10 час. 30 мин.

Перед моим уходом в министерство иностранных дел мне позвонил посол Великобритании сэр Невиль Гендерсон, сильно возбужденный в связи с нашим ультиматумом Праге, и заявил, что он имеет инструкцию связаться по этому вопросу с правительством рейха. Он указал на «роковые последствия для Польши, которые имело бы ее вооруженное выступление против Чехословакии в столь щекотливой международной обстановке». Польша потеряла бы всякую симпатию в Англии и Соединенных Штатах. Я старался разъяснить послу создавшееся положение, дав единственный совет, чтобы его правительство повлияло на Прагу в том направлении, чтобы она приняла польский ультиматум.

Затем мне позвонил посол Италии, который, правда, не грозил гневом итальянского народа, но, очевидно, был недоволен тем, что мы подрываем дело Муссолини, а именно результаты мюнхенской конференции, которая спасла мир. Я разъяснил ему, что наш ультиматум соответствует духу конференции, которая оставила тешицкий вопрос на непосредственное решение Варшавы и Праги.

После этого я отправился в министерство иностранных дел. Заместитель статс-секретаря Вёрман, в согласии с германским генеральным штабом, попросил меня подтвердить намеченную статс-секретарем Вайцзеккером и мною военную демаркационную линию на случай польско-чешской войны. Я подтвердил, что наша демаркационная линия проходит по Одере и Остравце и что главный штаб Польши в соответствии с моим предыдущим донесением будет придерживаться этой линии.

* См. док. 6.

** Министр иностранных дел Германии.

Что касается оценки политической обстановки, то г-н Вёрман не захотел высказываться по этому вопросу, но заметил, что сейчас меня примет г-н Риббентроп после предварительного разговора с канцлером. Он зачитал мне телеграмму Мольтке * о его вчерашней беседе с Вами, г-н министр, в которой Вы спрашивали, можно ли рассчитывать на доброжелательную позицию правительства рейха в случае чешско-польского вооруженного конфликта, а также на аналогичную позицию Германии в случае вооруженного конфликта Польши с Советами.

Сразу после этого я был принят г-ном фон Риббентропом, который сообщил мне, что правительства Франции и Англии, а также Италии оказывают давление на германское правительство, чтобы оно посоветовало польскому правительству продлить срок ультиматума. С минуты на минуту он ожидал разговора по телефону с Чиано **. Я объяснил г-ну фон Риббентропу создавшееся положение, указав, что срок ультиматума истекает в 12 час., то есть через несколько минут. Г-н фон Риббентроп заметил, что канцлер сказал ему, что если бы Польша ждала три месяца, то в Тешине не осталось бы ни одного поляка. Хотя г-н фон Риббентроп, несомненно, чувствовал себя несколько связанным мюнхенским соглашением и заявлением Гитлера — Чемберлена ***, тем не менее он старался уклониться от англо-итало-французского давления. Когда позвонил по телефону Чиано, г-н фон Риббентроп вышел в другую комнату, а вернувшись, сообщил мне, что сегодня утром итальянское правительство посоветовало через своего посла в Варшаве продлить срок ультиматума.

Затем он изложил позицию правительства рейха. В связи с Вашей, г-н министр, беседой с фон Мольтке он заявляет следующее:

1. В случае польско-чешского вооруженного конфликта правительство Германии сохранит по отношению к Польше доброжелательную позицию.

2. В случае польско-советского конфликта правительство Германии займет по отношению к Польше позицию более чем доброжелательную. При этом он дал ясно понять, что правительство Германии оказало бы помощь.

3. Английскому, французскому и итальянскому правительствам г-н фон Риббентроп сообщит, что он надеется, что дело не дойдет до вооруженного конфликта между Польшей и Чехословакией, особенно если Прага примет требования Польши. Он добавит, что при ситуации, которая создалась в Тешине, он не может давать советов польскому правительству.

Затем я был приглашен к генерал-фельдмаршалу Герингу. Предупредив, что он говорит лично от себя, Геринг заявил, что правительство рейха в подобной ситуации никаких советов польскому правительству давать не будет, понимая, что Варшава таких советов не приняла бы и была бы права. Далее он подчеркнул, что на-

* Посол Германии в Польше.

** Министр иностранных дел Италии.

*** См. док. 2.

шим военным властям в связи с военными операциями, возможно, важно будет знать, что германский нажим на Чехию мог бы быть значительно эффективнее после занятия IV зоны, то есть 7 октября *. Наконец, и это он особенно подчеркнул, в случае советско-польского конфликта, польское правительство могло бы рассчитывать на помощь со стороны германского правительства. Совершенно невероятно, чтобы рейх мог не помочь Польше в ее борьбе с Советами.

Затем беседа с Герингом велась на общие темы, о чем я сообщу отдельно.

Из высказываний Геринга было видно, что он на 100% разделяет позицию польского правительства.

После принятия ультиматума он охарактеризовал наш шаг в разговоре со мной по телефону как «исключительно смелую акцию, проведенную в блестящем стиле».

Во второй половине дня Риббентроп сообщил мне, что канцлер сегодня во время завтрака в своем окружении дал высокую оценку политике Польши.

Я должен отметить, что наш шаг был признан здесь как выражение большой силы и самостоятельных действий, что является верной гарантией наших хороших отношений с правительством рейха.

Посол Польской Республики
Юзеф Липский

13. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

2 октября 1938 г.

1) Утром 30 сентября, когда в Лондоне стали известны условия мюнхенского соглашения, я поехал к Масарику * выразить мое глубокое сочувствие народам Чехословакии и мое глубокое возмущение предательством Англии и Франции в отношении Чехословакии. Масарик — высокий, крепкий, в обычных условиях несколько циничный мужчина — упал мне на грудь, стал целовать меня и расплакался как ребенок. «Они продали меня в рабство немцам, — сквозь слезы восклицал он, — как когда-то негров продавали в рабство в Америке!»

2) Вчера я имел длинный разговор с Ллойд Джорджем **, во время которого последний между прочим рассказал мне, что дней десять назад, в самый разгар кризиса, Болдуин *** посетил Чемберлена и сказал ему: «Вы должны избежать войны ценой любого унижения». И дальше Болдуин остановился на неподготовленности Англии к войне, на слабости ее вооружений, на организации противовоздушной обороны, на вопиющей нехватке зенитной артиллерии и т. д. В заключение Болдуин прибавил: «Если начнется война и все эти дефекты обнаружатся, то возмущенная публика просто повесит нас с Вами на фонарных столбах». Ллойд Джордж убежден, что разговор с Болдуином сыграл немалую роль в подготовке мюнхенской капитуляции.

3) Ближайшая перспектива рисуется Ллойд Джорджу в очень мрачном виде. Западные «демократии» понесли жестокое поражение. Франция окончательно стала второстепенной державой (Ллойд Джордж считает Даладе слабым человеком, а Бонне просто изменником, поддерживающим преступные связи с германским правительством).

4) Лига наций и коллективная безопасность мертвы. В международных отношениях наступает эпоха жесточайшего разгула грубой силы и политики бронированного кулака. В Англии царит глубокая реакция, и у власти стоят наиболее консервативные круги буржуазии, боящиеся прежде всего коммунизма. Чемберлен, который сейчас добился осуществления своей мечты — «пакта четырех» (об этом Ллойд Джордж говорил мне больше года назад) и роли «умиротворителя» Европы, несомненно, постарается извлечь выгоду из найитого им политического капитала. Поэтому надо ждать в самом близком будущем новых выборов, которые, судя по всем признакам, еще на 4—5 лет закрепят господство самых черносотенных элементов британских правящих классов. Единст-

* Посланник Чехословакии в Англии.

** Премьер-министр Англии в 1916—1922 гг.

*** Премьер-министр Англии в 1935—1937 гг.

венным светлым пятном на этом мрачном фоне остается только СССР, к которому отныне еще больше, чем раньше, будут обращаться взоры всех прогрессивных и демократических кругов человечества, лейбористских лидеров Эттли, Моррисона и Веджвуда.

Берн, которого я видел вчера и сегодня, заявляет, что в завтрашних парламентских дебатах по мюнхенскому соглашению лейбористская партия выступит с решительной критикой английского правительства и лично Чемберлена. Имеются сведения, что против правительства также будут выступать Черчилль, Эмери *, вероятно, Иден ** и некоторые другие консерваторы. Наоборот, сторонники Чемберлена подготавливают ему на завтрашнем заседании овацию.

5) Настроения в стране понемногу начинают меняться. В первые два дня широкие обывательские массы были полны самого необузданного восторга по поводу того, что удалось избежать войны, хотя в более серьезных политических кругах, в том числе среди консерваторов, сразу же обнаружилось беспокойство и опасение в связи с условиями и обстановкой мюнхенского соглашения. Весьма любопытно, что «Дейли телеграф» и пресса Бивербрука *** с самого же начала взяли трезвый и даже критический тон. Вся «левая» пресса («Манчестер гардиан», «Дейли геральд», «Ньюс кроникл», «Экономист» и другие) немедленно же атаковала с различной степенью категоричности договор четырех. Сейчас обыватель начинает несколько успокаиваться, а сомнения и протесты со стороны более сознательных элементов возрастать. В этом отношении характерна отставка морского министра Дафф-Купера, вызванная его несогласием с политикой Чемберлена. Тем не менее не подлежит, конечно, никакому сомнению, что премьер-министр имеет сейчас за собой не только подавляющее большинство консервативной партии, но также и подавляющее большинство избирателей. Если бы новые выборы произошли в ближайшие недели, Чемберлен мог бы твердо рассчитывать на сохранение, а может быть, даже и на увеличение нынешнего большинства в парламенте.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, л. 278, д. 1931,
л. 53—56. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за
мир... С. 29—31.

* Лидеры английской консервативной партии, члены парламента.

** Министр иностранных дел Англии с 1935 г. по февраль 1938 г.

*** Английский газетный магнат, деятель консервативной партии.

**14. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Италии
Л. Б. Гельфанда в Народный комиссариат иностранных дел
СССР**

2 октября 1938 г.

Сегодня встретился с Чиано и имел с ним продолжительную беседу. Резюмирую основное:

1. Чиано прямо говорил о полной капитуляции Франции, издевался над ее политикой и, рассказывая о мюнхенской конференции, отмечал, что Даладье сопротивлялся очень слабо, «пытаясь защитить дело, в которое явно сам не верил». По словам Чиано, Муссолини и Гитлер шутя определили позицию Даладье как «человека, скрывающего союзное отношение Франции с Чехословакией». Чиано считает, что правильность политики Рима в отношении Парижа сейчас нашла полное подтверждение, и говорил, что ни Гитлер, ни Муссолини ни о каком соглашении с Францией не помышляют. Он спрашивал, не собирается ли СССР сделать выводы в отношении своего «одностороннего» пакта с Парижем. Чиано намекал, что Москве, мол, следовало бы подумать о своих отношениях с Берлином и Римом, однако тут же добавил, что на пути германо-советского сближения стоит «антикоммунистический пакт»¹⁰ и, в частности, Токио. Поясняя это заявление, Чиано добавил, что Япония в эти предшествующие конфликту дни вела себя «прекрасно» и недвусмысленно дала понять о каком-то новом заявлении Токио в Берлине по поводу позиции Японии в случае германо-советской войны.

2. На мой вопрос об англо-германских переговорах Чиано ответил, что между Чемберленом и Гитлером достигнуто пока только принципиальное соглашение, предусматривающее дальнейшие переговоры по конкретным вопросам. Чиано заявил, что информацию об этом Италия получила только вчера. Чиано отрицал обсуждение Чемберленом и Гитлером испанского вопроса, отметив, что вообще договориться о ликвидации иностранного вмешательства сейчас не представляет труда, поскольку «коммунистической опасности сейчас в Испании нет, а война может тянуться ряд лет». Чиано заявил, что Чемберлен признал закономерность рассмотрения колониальных требований Германии. В целом Чиано резюмировал наличие весьма реальной перспективы серьезного англо-германского соглашения, «на пути которого пока еще есть препятствия». Он энергично оспаривал мое утверждение, что такое соглашение было бы весьма неприятно Италии, заявляя, что без Рима Гитлер на соглашение не пойдет и портить итало-германские отношения не будет. Речь поэтому, по словам Чиано, может идти о ходе переговоров Лондона и с Берлином, и с Римом.

3. Чиано заявил, что в вопросе введения в силу англо-итальянского соглашения Рим будет занимать выжидательную позицию и что пока никаких новых заявлений он от английского посла не получал.

Гельфанд

16. Телеграмма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

3 октября 1938 г.

Полицейский контроль над лицами, входившими в полпредство, был снят вчера в час ночи. Несмотря на это, я был с протестом у Крофты, который приносил всяческие извинения за вчерашнюю полицейскую меру против полпредства. Уверял, что министр внутренних дел, которого Крофта вчера лично известил о происходящем, якобы ничего не знал и немедленно распорядился об отмене этого полицейского безобразия. В связи с этим Крофта ссылался на наличие серьезного расстройтва всего государственного аппарата. Говорил о парализации жизни всей страны, об опасности интриг и злоупотреблений со стороны «безответственных элементов». Тепло говорил о моральной поддержке, которую чехословацкий народ нашел в честной и последовательной позиции СССР, готового выполнить свои обязательства и оказать помощь, не прятаясь от ответственности и последствий.

Переходя к оценке создавшегося положения, Крофта прямо сказал, что Чехословакия превращена в фикцию, государство без всякого значения, без собственной линии поведения. Недалеко то время, когда она превратится в безвольный придаток Германии. Фактически вся ее внутренняя политика уже отменена в Мюнхене. Она будет нейтрализована при гарантии четырех, которой не может верить.

Уверял, что еще за день до Мюнхена Англия и Франция всеми способами поддерживали у чехословацкого правительства иллюзию неизбежности войны и свое участие в ней. У чехов создалось радужное настроение, потому что весь народ предпочитал войну исполнению гитлеровских требований, а под впечатлением особенно английского заверения в готовности создать единый фронт с СССР возникла надежда, что войны не будет, ибо Гитлер должен отступить перед такой могучей коалицией. Поворот произошел так неожиданно, что вызвал глубочайшее душевное потрясение у всех. Старый Крофта действительно находится в тяжелейшем нервном состоянии. О внутривнутриполитических мероприятиях Крофта подробно не информирован, но заявляет, что правительство доведет до конца начатую операцию над Чехословакией, и Бенеш тоже не имеет намерения уходить добровольно. Но Крофта ничуть не исключает возможности какого-нибудь нажима из Англии и в этом направлении. Во всяком случае ясно, что Гитлер всеми силами стремится к тому, чтобы достичь хаоса внутри Чехословакии, и после пережитого нет уверенности, что другие великие державы поддержат Чехословакию хоть в этом отношении. Перед моим приходом у Крофты сидела делегация из Тешинского округа. Ищут план удержать Польшу от дальнейшего наступления, ибо она уже занимает область, в которой 80 тысяч поляков и 125 тысяч чехов. Крофта буквально со слезами говорил, что Чехословакия утратила

право просить и ожидать чего-нибудь от СССР, но если бы можно было удержать Польшу от дальнейшего нажима, если бы СССР мог и хотел это сделать, чешский народ никогда не забыл бы такой услуги. Под угрозой Моравская Острава, ее угольный район, Витковицкие заводы. Это один из крупнейших экономических нервов всей страны. Англия и Франция, особенно последняя, подло предают и здесь.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 281, д. 1954,
л. 119—121.

17. Запись беседы министра авиации Германии Г. Геринга с послом Франции в Германии А. Франсуа-Понсе*3 октября 1938 г.*

Посол Франсуа-Понсе 3 октября приехал прямо из Парижа, где он имел продолжительные разговоры с Даладье и Бонне. Там сильное стремление найти вместе с Германией новые и долговременные возможности урегулирования. Даладье очень доверяет фюреру. Общественное мнение Франции радикально изменилось, против Даладье интригуют лишь левые партии. Рекомендует пойти на союз, аналогичный союзу с Великобританией. Никакой войны, в первую очередь переговоры! Это было бы решающим. Это усилило бы позицию Даладье, и после выборов он был бы в состоянии избавиться от «Народного фронта» и союза с Москвой. Куй железо, пока горячо!

Печат. по кн.: Irving D. Göring. München, 1987. S. 353.

21. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

11 октября 1938 г.

1. В сегодняшних утренних газетах появился отчет о речи, произнесенной 10 октября в Шорехаме канцлером герцогства Ланкастерского, членом кабинета лордом Уинтертоном, в которой он, между прочим, заявил, что «Россия во время чехословацкого кризиса не предлагала со своей стороны никакой помощи и в силу своей военной слабости отделялась лишь весьма общими и неопределенными обещаниями». Я сразу же дал в печать заявление от имени посольства **, текст которого вам передан Рейтером, а сверх того, учитывая высокое официальное положение оратора, попросил свидания с Галифаксом и заявил ему протест.

2. Суть моего протеста сводится к следующему. На протяжении минувших недель ряд очень высокопоставленных лиц в Англии и Франции, в том числе лица, занимающие важнейшие официальные посты, распространяли лживые измышления о позиции СССР в отношении Чехословакии. Эти измышления в основном сводились к тому, что СССР не собирается выполнять своих обязательств по советско-чехословацкому пакту и что он не может это сделать ввиду слабости Красной Армии и недостатков советского воздушного флота (в этом месте Галифакс утвердительно кивком головы и небольшой репликой подтвердил, что такие слухи действительно распространялись). Смысл данной клеветы был совершенно ясен: распространители ее таким путем пытались свалить на СССР ответственность за свое систематическое отступление перед агрессором, закончившееся, как известно, мюнхенским соглашением. Я полагал, что после речи Литвинова в Лиге наций 21 сентября *** лживые измышления, которые я имею в виду, больше не будут пускаться в оборот. Я рассчитывал также, что недавние дебаты в английском парламенте сделали совершенно очевидным для каждого британского гражданина, а тем более для каждого члена каби-

* См. док. 27.

** См.: Известия. 1938. 14 октября.

*** См.: Известия. 1938. 22 сентября.

нета одну простую истину: СССР не имел и не имеет никакого отношения ни к политике, приведшей к Мюнхену, ни к самому мюнхенскому соглашению, которое, по моему глубокому убеждению, будет иметь катастрофические для мира последствия в наши дни и которое будет сурово осуждено историей. С тем большим изумлением я узнал сегодня из газет, что не какой-нибудь безответственный журналист, даже не какой-либо рядовой член парламента, а министр кабинета публично повторяет лживые измышления об СССР, не имеющие под собой даже и тени каких-либо оснований. Ввиду указанного я считаю своим долгом заявить протест против выступления лорда Уинтертона.

3. Галифакс ответил, что он вполне понимает мотивы и законность моего протеста, поскольку Уинтертон является членом кабинета, но подчеркнул при этом, что в недавних парламентских дебатах ни он сам, ни премьер-министр не позволяли себе языка, который мог бы дать повод для каких-либо нареканий. Галифакс прибавил, что он доведет до сведения Чемберлена о моем протесте, а также переговорит с Уинтертоном и со своей стороны приложит все усилия к тому, чтобы в будущем подобных инцидентов больше не повторялось. Он тем более сожалеет о выступлении Уинтертона, что взаимные попреки и обвинения по поводу того, что уже совершилось, только без нужды осложняют отношения, а между тем Галифакс считает, что необходимо сейчас еще раз и с особой силой подчеркнуть то, что он говорил мне в прошлый раз (29 сентября) *, а именно, что, несмотря на мюнхенскую конференцию «четырех» и несмотря на то, что британскому правительству, может быть, и в дальнейшем придется от времени до времени обсуждать и решать различные вопросы с Германией и Италией, он тем не менее очень хочет сохранить с СССР хорошие отношения и отнюдь не собирается исключать СССР из урегулирования общеевропейской проблемы. Я ответил, что СССР тоже желает поддерживать с Англией хорошие отношения, но что сейчас больше, чем когда-либо мы будем судить о состоянии и перспективах этих отношений не на основании слов и заверений, а на основании фактов и дел. Галифакс заметил, что такой подход, по его мнению, является наиболее «мудрым и разумным».

4. Я хотел было уходить, полагая, что цель моего визита может считаться исчерпанной, но Галифакс остановил меня и, возвращаясь к моей оценке мюнхенского соглашения, стал разъяснять, что, мол, позицию Англии в Европе «не понимают». Суть современных событий будто бы состоит в том, что в мировом масштабе идет борьба между двумя «идеологическими фронтами» — фашистским и коммунистическим, борьба, в которой Великобритания занимает «серединное положение», не симпатизируя ни той, ни другой стороне. Я высмеял эту концепцию и подчеркнул, что на самом деле речь идет о борьбе между агрессорами и миролюбивыми державами и что если в этой борьбе Англия будет занимать

* См.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. Док. 390.

какую-то «серединную позицию», а фактически договариваться с агрессором, то в конечном счете она больше всех пострадает. В качестве иллюстрации я привел мюнхенскую капитуляцию, которая открывает перед Германией возможность в короткий срок создать «Серединную Европу», грозящую весьма тяжкими последствиями не только для дела мира, но и для самой Великобритании. «Так что же,— возразил Галифакс,— вы хотели бы войной предотвратить германскую гегемонию в Центральной и Юго-Восточной Европе?» Я ответил: «Не войной, а хорошей политикой. Почему вы всегда пугаете людей войной? До войны можно и должно не допустить, если вовремя принять меры. Беда только в том, что Англия, а за ней Франция до сих пор не хотели принимать такие меры. Всякую болезнь легко излечить в начале. Если же болезнь запустить, то может наступить момент, когда, несмотря на самые отчаянные усилия и на самые искренние симпатии врача, пациент все-таки умрет». Галифакс кивнул в знак согласия и прибавил: «Даже операция может не помочь».

5. Затем Галифакс (допуская вероятность создания «Серединной Европы») стал допрашивать меня, что, по моему мнению, Германия после того станет делать. Я понял сокровенный смысл его вопроса и с полной решительностью заявил, что, утвердивши свое господство в Центральной Европе и на Балканах, Германия, скорее всего, повернет на Запад. Я привел в подтверждение своей мысли ряд аргументов, которые, видимо, произвели на Галифакса известное впечатление, и под конец заметил: «Гитлер привык играть на нервах. Они у него крепче, чем у государственных людей Англии и Франции, поэтому он так легко выигрывает свои бескровные победы. Но Гитлер хорошо знает, что на Востоке этот метод не годится. Нервы Советского правительства еще крепче, чем нервы Гитлера. Если бы Гитлер захотел попытать счастья за счет СССР, ему не удалось бы отделаться блефом, ему пришлось бы драться серьезно, и притом без всяких шансов на успех. К чему ему это? Гораздо легче и выгоднее пойти на Запад, где Мюнхен, судя по всему, далеко не является его последней бескровной победой». «Как Вы думаете,— спросил Галифакс,— на что будет следующая крупная игра Гитлера?» Я ответил: «На колонии». Галифакс утвердительно кивнул головой и закончил: «Я тоже так думаю».

6. Перед самым уходом я спросил Галифакса, что происходит сейчас в Риме. Галифакс ответил первоначально, что переговоры между Пертом и Чиано касались вопроса о возможности разрешения испанского вопроса путем посредничества (в такой постановке вопрос был затронут в Мюнхене), однако сейчас выяснилось, что шансы на это, по крайней мере в недалеком будущем, малы. Теперь разговоры вращаются около вопроса вывода итальянских войск из Испании. Муссолини готов вывести 10 тыс. и рассчитывает за это получить ратификацию англо-итальянского соглашения*. На мой вопрос, считает ли британское правительство итальянскую цену

* См. док. 34.

достаточной, Галифакс замялся и добавил, что кабинет еще не обсуждал данного вопроса. Одна из трудностей, продолжал он, состоит в том, что, если Муссолини сейчас даже эвакуирует определенное число своих войск, нет уверенности, что он не вернет их назад в Испанию через месяц. Впрочем, при разрешении испанского вопроса британское правительство исходит прежде всего не из соображений чисто испанского характера, а из соображений о том, в какой мере данное решение будет способствовать ослаблению опасности европейской войны. Иными словами (так я понял Галифакса), британское правительство готово в любой момент продать Испанскую республику, если это в какой-либо мере сможет облегчить консолидацию «пакта четырех». До созыва парламента, предстоящего 1 ноября, Галифакс не ждет каких-либо окончательных результатов по римским переговорам.

Майский

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 278, д. 1931,
л. 80—86. Опубл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 571—574.

**23. Письмо полномочного представителя СССР во Франции
Я. З. Сурица народному комиссару иностранных дел СССР
М. М. Литвинову***

12 октября 1938 г.

Дорогой Максим Максимович,

В настоящем своем письме я меньше всего намерен останавливаться на отдельных фазах истекших событий. Они еще слишком свежи у всех в памяти, и навряд ли имеет поэтому смысл воспроизводить их в хронологической последовательности. Гораздо важнее попытаться разобраться в причинах, приведших Францию к теперешнему Седану.

О том, что Франция пережила свой второй Седан и что в Мюнхене ей нанесено было страшнейшее поражение, сейчас отдает себе отчет любой француз.

Даже те, которые еще недавно надрывали себе горло при встрече Даладье в Бурже и осыпали цветами его триумфальное шествие к могиле Неизвестного солдата, сейчас уже усвоили ряд непреложных и в достаточной мере неприятных истин, а именно что:

1) Германия при помощи Франции без единого выстрела увеличила свое население больше чем на 3 млн и сейчас довела его до размеров, больше чем в два раза превышающих население Франции;

2) Германия увеличила свою территорию больше чем на 27 тыс. кв. км;

3) получила в подарок ряд высокооборудованных фабрик и заводов и важнейшие отрасли минеральных богатств;

4) захватила сейчас в свои руки линию укреплений, которая всегда рассматривалась как наиболее серьезный барьер против германской агрессии в Центральной Европе, и что одновременно Франция:

а) лишилась своего наиболее верного союзника в Центральной Европе,

б) лишилась армии, которая в военное время могла быть доведена до 1 млн — 1,5 млн человек и, опираясь на отошедшие укрепления, способна была задержать не меньшую по численности германскую армию,

в) что Франция растеряла сейчас всех своих союзников, подорвала связь с СССР и значительно, даже в глазах Англии, обесценила свой удельный вес и свою роль союзника.

Совершенно, конечно, естественно, что у всякого возникает вопрос, как могло случиться, что французское правительство пошло на такие унижайтельные условия, что довело его до такого потрясающего поражения.

Здесь (особенно среди крайне левых кругов) очень популярно объяснение, которое может быть сведено к одной простой фразе: «Франция предана изменниками». Все, что случилось, является, мол, результатом заговора и махинаций, разработанных в верхах

* Документ публикуется в сокращенном варианте.

финансовой олигархии и осуществленных при помощи их агентуры в правительстве Бонне-Монзи * и др.

То, что «заговор» действительно существовал и что для одурачения общественного мнения были использованы и пущены в ход неслыханные по своему цинизму приемы, сейчас уже не подлежит никакому сомнению.

Но все же было бы, конечно, неправильно свести все объяснения к одному простому заговору и «махинациям». В действительности дело обстояло гораздо сложнее.

Необходимо прежде всего отметить, что в стране не наблюдалось никакого настоящего подъема, никакого серьезного движения в пользу Чехословакии, никакого ощущения, что в Чехословакии действительно задеты жизненные интересы самой Франции. Народ в общем «безмолствовал». Не было за все время ни массовых демонстраций сочувствия (если не считать нескольких собраний коммунистов), ни каких-либо иных форм проявлений симпатии к чехам. Создавалось определенное впечатление — это нужно открыто сказать, — что население не пронизано сознанием ответственности за чехословацкие дела, что война в «пользу чехов» далеко не популярна и, в лучшем случае, воспринимается как тяжелый и неприятный долг. Конечно, этому немало содействовала вся работа «организаторов капитуляции», прибравших к рукам 90% всей печати и при ее помощи солидно дезориентировавших общественное мнение. Но все же не подлежит сомнению, что, будь в стране иное, более «воинственное» настроение, ощущение «близкого», «родного», за что стоит драться, это в чем-нибудь прорвалось бы.

Этого не только не случилось, но, наоборот, на протяжении ряда дней мы все были свидетелями позорнейших сцен, когда под вой обезумевшей толпы трусость возводилась в добродетель и капитулянты прославлялись как национальные герои. Конечно, «народ», в точном смысле этого слова, ко всем этим инсценировкам и парадом не имел никакого отношения. Но все же овладевшие за эти дни улицей «люди 6 февраля»** в какой-то мере учитывали и настроения более инертных кругов населения, настроения, которые не чужды были *чувству облегчения*, что «миновала чаша сия», что спал наконец кошмар войны.

«Организаторы капитуляции», бесспорно, очень умело и ловко использовали всеобщий *страх* перед войной и глубоко внедрившееся в стране нежелание воевать. В этом, конечно, было их главное преимущество, их сильнейший козырь против своих противников из лагеря сторонников «твердой политики». Доводы последних, что такая политика вовсе не равнозначна войне, а даже, наоборот, способна предотвратить войну как ныне, так и впрямь, имели все же ту «слабую» сторону, что не исключали и не скидывали со счетов и риска войны. Умелой пропагандой (особенно в памятные дни перед самым Мюнхеном) этот «риск» был превра-

* Министр общественных работ Франции.

** Организаторы фашистских демонстраций в Париже 6 февраля 1934 г.

щен капитулянтами в «неизбежность», и страна была поставлена перед трудной дилеммой — уступать или воевать. Для того чтобы страна воочию почувствовала, что из себя представляет война, все «предупредительные мероприятия» намеренно были облачены в форму, очень болезненно задевавшую население. Париж был свергнут в темноту, началась частичная реквизиция средств передвижения, в частности автомобилей, «рекомендована» была немедленная эвакуация женщин и детей, занятия в школах были приостановлены. На вокзалах происходило нечто невероятное, за городом рылись траншеи, спекулянты начали взвинчивать цены, сберегательные кассы осаждались держателями. Ряд дней Париж жил под ощущением неизбежной войны. Все, кто в эти дни пытался напомнить о чести и достоинстве, всякий, кто призывал к благородству и твердой политике, был занесен в разряд «сторонников» и «разжигателей» войны. В такое положение, между прочим, попала и компартия.

Наряду со спекуляцией на нежелании воевать очень ловко была использована и версия (возможно, и близкая к правде) о недостаточной подготовленности Франции к войне. Из уст в уста передавались сведения об утере ею темпов в вооружениях, об отставании в ряде специальных областей, в частности о плачевном состоянии ее авиации, о слабом потенциале ее военной промышленности и т. д. Я знаю, что известное уже Вам мнение ген. Гамелена («уступаем в авиации, но в конце концов победим») далеко не разделялось некоторыми его коллегами по Военному совету. Так, например, такие специалисты, как Жорж, Гуро *, Виенен, очень скептически расценивали исход войны. Возможно, конечно, и даже наиболее вероятно, что в этих оценках сказались политические настроения их авторов, но к их мнению все же прислушивались, и, как мне известно, они в немалой степени повлияли на некоторых колеблющихся членов кабинета. Одновременно очень высоко и, по-видимому, намеренно преувеличенно расценивалось состояние сил противника. Для этого немало потрудились вконец запуганное французское посольство в Берлине и неофициальные гитлеровские агенты во Франции.

В решении капитулировать, таким образом, бесспорно сыграла свою роль и неуверенность в своих силах — боязнь проиграть войну.

Полпред СССР во Франции
Суриц

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 149, л. 160,
л. 102—111. Оpubл. в изд.: *Документы
внешней политики СССР*. Т. 21. С. 575—
581.

* Члены Высшего совета национальной обороны Франции, генералы.

33. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР*

19 октября 1938 г.

Сегодня Бивербрук сообщил мне следующее:

1) Несмотря на опыт Мюнхена и на критику мюнхенского соглашения в стране, Чемберлен по-прежнему убежден, что «замирения» Европы можно добиться путем дипломатических переговоров с Гитлером и Муссолини, не прибегая к более сильным средствам. Такая вера не удивительна, ибо Чемберлен готов и дальше капитулировать перед агрессорами, прежде всего за счет третьих стран, а если это окажется неизбежным, то даже и за счет Британской империи. Так, по словам Бивербрука, премьер и не помышляет о каком-либо сопротивлении германской экспансии в Юго-Восточной Европе и Турции. Наоборот, он рассчитывает, что создание «Серединной Европы» толкнет Гитлера на конфликт с СССР. Чемберлен, далее, готов вернуть Германии ее прежние колонии, быть может, за исключением Танганьики (имеющей очень большое стратегическое значение для Англии) и Юго-Западной Африки (находящейся под мандатом у Южно-Африканского Союза, категорически отказывающегося с ней расстаться). За это премьер склонен компенсировать Германию португальской колонией Анголой и частью Бельгийского Конго. Хотя вопрос о возвращении Германии колоний вызвал бы большую озабоченность в стране, особенно среди консерваторов, тем не менее Бивербрук полагает, что Чемберлен оказался бы в состоянии провести указанную операцию.

2) Исходя из этой своей общей установки, Чемберлен считает, что непосредственной угрозы большой войны нет, а потому серьезно не думает об осуществлении действительно стремительного темпа вооружений. Конечно, кое-что будет сделано для ускорения реализации военной программы, однако об уничтожении диспропорции между германскими и английскими военно-воздушными силами в течение ближайшего года не приходится и думать. Положение таково, что для уничтожения этой диспропорции Великобритании надо было бы немедленно принять меры военного времени, т. е. учредить министерство снабжения, мобилизовать промышленность и рабочую силу, установить приоритет за правительственными заказами, примириться с временной потерей части экспортных рынков, ослабить снабжение внутреннего рынка предметами потребления и т. п. Но Чемберлен пока об этом и слышать не хочет.

* Документ публикуется в сокращенном варианте.

Его лозунг — «бизнес эз южуэл» (дела обычного порядка). Не надо нарушать нормальный ход хозяйственной жизни страны. А без такого нарушения немисливо приведение боеиспособности Англии в надлежашее состояние в надлежаший срок.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 278, д. 1931,
л. 107—109. Опубл. в изд.: Документы
внешней политики СССР. Т. 21. С. 594—
596.

37. Из директивы рейхсканцлера и верховного главнокомандующего вооруженными силами Германии А. Гитлера*21 октября 1938 г.*

Будущие задачи вермахта и вытекающие отсюда подготовительные мероприятия для ведения войны я изложу позднее в другой директиве.

До вступления в силу этой директивы вермахт должен постоянно быть готовым к следующим случаям:

- 1) охрана границ рейха и защита против неожиданного воздушного нападения;
- 2) решение вопроса об оставшейся части Чехии;
- 3) овладение Мемельской областью *. [...]

2**Решение вопроса об оставшейся части Чехии**

Должна быть обеспечена возможность в любое время разгромить оставшуюся часть Чехии, если она, например, начнет проводить политику, враждебную Германии.

Подготовительные мероприятия, которые с этой целью следует провести вермахту, по своему объему будут значительно меньшими, чем в свое время для плана «Грюн»; но они должны поэтому при отказе от планомерных мобилизационных мероприятий обеспечить постоянную и существенно более высокую готовность. Организация, дислокация и степень готовности предусмотренных для этого соединений уже в мирное время должны быть рассчитаны на нападение таким образом, чтобы лишить Чехию даже какой-либо возможности планомерной обороны. Цель состоит в быстрой оккупации Чехии и изоляции Словакии. Подготовительные мероприятия должны проводиться таким образом, чтобы одновременно можно было осуществить план «Охрана границы на западе».

Задачи для сухопутных войск и военно-воздушных сил состоят, в частности, в следующем.

А. Сухопутные войска.

Находящиеся вблизи Чехии части и отдельные моторизованные соединения предусматриваются для быстрого неожиданного наступления. Их количество устанавливается в соответствии с вооруженными силами, остающимися у Чехии; необходимо обеспечить быстрый и решающий успех. Следует разработать план сосредоточения и развертывания войск и подготовительные мероприятия для наступления. Войска, не участвующие в наступлении, следует держать в такой готовности, чтобы их в зависимости от ситуации можно было перебрасывать или на охрану границы, или для подкрепления наступающей армии.

* Клайпедская область.

Б. Военно-воздушные силы.

Необходимо обеспечить быстрое продвижение своих сухопутных войск путем заблаговременного вывода из строя чешских военно-воздушных сил.

Для этого необходимо подготовить сначала наступательные действия находящихся вблизи границы соединений из мест дислокации мирного времени. Лишь развитие военно-политического положения в Чехии может показать, в какой мере потребуются здесь еще более крупные силы.

Наряду с этим необходимо подготовить одновременно выступление всех прочих наступательных сил против Запада. [...]

Адольф Гитлер

Верно: *Кейтель* *

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир...
С. 57—58. Опубл. в сб.: Akten zur deutschen
auswärtigen Politik... Serie D, Bd. IV.
S. 90—91.

43. Письмо посла Польши в Германии Ю. Липского министру иностранных дел Польши Ю. Беку*25 октября 1938 г.*

В разговоре, состоявшемся 24 октября во время завтрака в «Гранд отеле» в Берхтесгадене в присутствии г. Хевеля *, г. фон Риббентроп выдвинул предложение об общем урегулировании спорных проблем, существующих между Польшей и Германией. Оно включает воссоединение Данцига с рейхом, причем Польше были бы даны заверения в сохранении за ней в Данциге благоприятных условий в области железнодорожного сообщения и экономики. Польша могла бы согласиться на строительство экстерриториальной автомобильной дороги и железнодорожной линии через Поморье. Г-н фон Риббентроп упомянул о возможности продления за это польско-германского соглашения на 25 лет и о гарантии польско-германских границ. В качестве возможной сферы будущего сотрудничества между двумя странами германский министр иностранных дел назвал совместные действия по колониальным вопросам и вопросам эмиграции евреев из Польши, а также общую политику в отношении России на базе антикоминтерновского пакта. Г-н фон Риббентроп просил меня передать его предложения Вам. Он хотел бы обсудить эти вопросы с Вами при моем участии.

В своем ответе я отослал его к заявлению канцлера по вопросу о Данциге, сделанному мне 5 ноября 1937 г. и повторенному Вам в Берлине 14 января 1938 г.

Я также указал на важное значение Данцига как польского порта и еще раз заявил, что польское правительство придерживается принципа невмешательства во внутреннюю жизнь германского населения в Вольном городе, где установлено полное самоуправление.

И наконец, я сказал, что хотел бы предупредить г. фон Риббентропа о том, что я не вижу возможности заключать соглашение, которое влечет за собой воссоединение Вольного города с рейхом. Я закончил разговор обещанием передать содержание этого разговора Вам.

* Постоянный уполномоченный министра иностранных дел Германии при рейхсканцлере Германии.

После разговора г. фон Риббентроп снова пригласил меня к себе и, сославшись на спорную проблему объединения Прикарпатской Руси с Венгрией, поставил вопрос, поднимал ли я ее перед германским правительством в качестве предварительного условия Польши. Он добавил, что, если польское правительство согласилось бы с немецкой концепцией относительно Данцига и автомобильной дороги, вопрос о Прикарпатской Руси мог бы быть решен в соответствии с позицией по этому вопросу Польши. Я ответил, что моей единственной задачей было информировать германское правительство об отношении Польши к позиции Венгрии по вопросу о Прикарпатской Руси, как уже Польша информировала об этом итальянское правительство.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир...
С. 63—64.

47. Письмо посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии*31 октября 1938 г.*

Содержание: намерения английского правительства относительно возобновления переговоров с Германией.

За последние две недели я был дважды приглашен на уикэнд и имел возможность подробно побеседовать с двумя членами кабинета: министром внутренних дел сэром Сэмюэлем Хором и министром транспорта Бёрджином; эти беседы были дополнены разговорами с другими лицами, принимающими участие в политической жизни и близко знакомыми с премьер-министром. Из этих бесед складывается следующее впечатление об отношении британского правительства к Германии.

I

Чемберлен питает полное доверие к фюреру. Занятие областей, населенных судетскими немцами, которое прошло без трений, и демобилизация немецких сухопутных сил укрепили его убеждение в правильности избранного им пути, который привел к мюнхенскому соглашению. Чемберлен намерен теперь предпринять новые шаги в целях урегулирования отношений с Германией. По его мнению, в результате решения чешско-судетской проблемы и благодаря заявлению фюрера о том, что Германия больше не имеет в Европе никаких территориальных претензий, были устранены также существенные препятствия, затрудняющие англо-германское урегулирование. Мюнхенский протокол * создал основу для перестройки англо-германских отношений. Сближение между обеими странами на длительное время рассматривается Чемберленом и английским кабинетом как одна из главных целей английской внешней политики, поскольку такое решение самым эффективным образом может обеспечить мир во всем мире.

С точки зрения влиятельных политических кругов, которую выражал также и сэр Сэмюэль Хор, для осуществления подобного урегулирования нынешний момент как нельзя более благоприятен: в лице Чемберлена английское правительство располагает государственным деятелем, которому задача сближения между Англией и Германией на длительное время продиктована не только разумом, но и сердцем. Роль, которую Чемберлен сыграл во время сентябрьского кризиса, чрезвычайно укрепила его позиции в глазах английского общественного мнения. Консервативное большинство, как здесь считают, неуязвимо. Новые выборы, которые будут проведены в скором времени, стабилизируют это большинство на ряд лет вперед. В настоящее время общественное мнение положительно относится к англо-германскому урегу-

* См. док. 2.

лированию, несмотря на помехи, которые по внутривластным мотивам чинит оппозиция.

Ввиду настроений, господствующих в здешних правительственных кругах, следует считаться с тем, что в скором времени Чемберлен предложит фюреру продолжить линию, начатую в Мюнхене.

II

Соглашение по вопросу о вооружении и о гуманном ведении войны следует рассматривать как тему, которая больше всего интересует английскую сторону на таких переговорах. В частности, здесь, естественно, рассматривают переговоры по вопросам ведения воздушной войны как неотложные. Какие вопросы в отдельности будут предметом переговоров, с полной уверенностью пока еще установить невозможно. Очевидным фактом остается лишь то, что заинтересованные министерства в настоящее время заняты изучением предложений, которые можно было бы представить на рассмотрение германского правительства.

В соответствии с высказываниями сэра Сэмюэля Хора, которые он сделал в беседе со мной, речь, очевидно, пойдет о двух областях:

1) вопрос о гуманном ведении воздушной войны (запрещение применения отравляющих газов и бомбардировки крупных городов);

2) переговоры о выработке директив по строительству бомбардировщиков с целью противодействовать чрезмерному увеличению радиуса их действия, что вызвано техническим прогрессом. Сэр Сэмюэль Хор сказал при этом, что за семь лет пребывания на посту министра авиации он имел возможность наблюдать, что технический прогресс имеет тенденцию к выходу из-под контроля человека.

Здесь понимают, что Германии трудно согласиться с количественными ограничениями. В Англии поэтому понимают, что немецкая сторона постоянно вынуждена вести все переговоры об ограничении военно-воздушных вооружений с одновременным учетом состояния авиации в Советской России. Сэр Сэмюэль Хор по крайней мере на мои соответствующие разъяснения сделал замечание, что после дальнейшего сближения четырех великих европейских держав можно подумать о принятии на себя этими державами определенных обязанностей по обороне или даже гарантии против Советской России на случай советского нападения.

III

Колониальный вопрос в моих беседах с официальными лицами не затрагивался. Из сообщений, которые я получил от дружественных лиц о позиции Чемберлена и других членов кабинета в этом вопросе, а также из отношения здешнего общественного

мнения к колониальному вопросу можно тем не менее с определенностью установить общее отношение английского правительства к этой проблеме.

Британское правительство отдает себе отчет в том, что полное урегулирование англо-германских отношений своей предпосылкой имеет удовлетворение справедливых претензий Германии на колонии. Возможно даже, что британское правительство выступит с инициативой. Общественность также уже обстоятельно занимается колониальной проблемой.

О столь же интенсивном интересе к колониальной проблеме свидетельствует информация, полученная из финансовых кругов, где занимаются вопросом о том, каким образом немецкая сторона могла бы возместить те капиталовложения, которые были предприняты в наших прежних колониях после окончания войны; резкое падение курса некоторых *gold shares** также следует объяснить осуждением колониального вопроса. Заслуживает быть отмеченным тот факт, что озабоченность, связанная с требованиями Польши в колониальном вопросе, оказывает сдерживающее влияние на позитивное отношение к нашим требованиям.

В политических кругах указывают на то, что благоприятное решение колониального вопроса имеет своей предпосылкой скрупулезную и длительную подготовку английской общественности; в противовес главенствующим политическим кругам (парламент и т. д.) средний избиратель пока еще не согласен отступить от заморских областей, находящихся под британским господством. Нельзя не заметить в прессе определенную тенденцию, которая сводится к тому, чтобы, указывая на различие между колониями и мандатными территориями, лишь временно отошедшими под опеку Англии, обратить внимание на предстоящие территориальные изменения. Дело теперь зашло уже настолько далеко, что готовы признать теоретические претензии Германии на ликвидацию клеветнических положений Версальского диктата и на возвращение всех ее колониальных владений; на практике требование о возвращении немецкой Восточной Африки наталкивается пока еще на сильное сопротивление в определенных кругах; в вопросе о немецкой Юго-Западной Африке дела от этого отличаются немногим.

IV

Возможность проведения с Германией переговоров обсуждается здесь также и с технической точки зрения. Чемберлен изучает вопрос о том, не следует ли ему уже в скором времени сделать предложение о таких переговорах, или было бы более целесообразным подождать, пока германское правительство окончательно не решит самые неотложные внутри- и внешнеполитические вопросы, которые возникли в результате отхода судетских областей

* Акции, обеспеченные золотом (англ.).

к рейху и перестройки отношений Чехословакии с ее соседями.

В качестве общей позиции Чемберлена и английского кабинета можно было бы, пожалуй, наверняка констатировать следующее: для английского правительства удовлетворительное решение вопроса о вооружениях, которое, в частности, позволит ему сохранить лицо внутри страны, по отношению к своей общественности, является исходным пунктом для переговоров; английское правительство предпочло бы прийти к цели путем непосредственных и двусторонних переговоров с Германией. Если же эти непосредственные двусторонние англо-германские переговоры не привели бы к цели, то тогда, наверное, англичане предприняли бы попытку провести переговоры на уровне четверки с привлечением Франции и Италии.

V

При обсуждении указанных выше соображений я больше старался выслушивать своих собеседников. На высказывания относительно ограничения вооружений я отвечал в плане определенных фюрером директив. Если со мной начинали разговор о колониальном вопросе, я подчеркнуто указывал на то, что претензия Германии на возвращение колониальных областей — как логическое следствие позорных положений Версальского диктата — распространяется на все ее прежние колониальные владения.

Фон Дирксен

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир...
С. 65—69. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945, Serie D. Bd. IV. Baden-Baden, 1951, S. 277—278.

52. Из письма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову

17 ноября 1938 г.

[...] Ссылаясь на свои связи с судетскими немцами и через них с Германией демократического толка, Шкрах * несколько раз уверял меня в том, что считает самым большим несчастьем капитуляцию Чехословакии именно потому, что гитлеровский режим в Германии является насквозь гнилым и не выдержал бы даже самой непродолжительной войны, хотя бы с одной только Чехословакией. Без всякого подсказа с моей стороны Шкрах делал тот вывод, что Чехословакия принесена в жертву именно потому, что все участники этой трагедии страшно боялись крушения гитлеровского режима, боялись погибнуть под развалинами этого колосса, боялись неизбежной революции, которая затронула бы тогда не только Францию, но и Англию, да и всю Европу. По сведениям Шкраха, Гитлер только для внешнего мира держит себя крикливо и гордо. В разговорах же с Чемберленом он якобы прямо поставил перед ним вопрос о том, что не только война будет обозначать близкую социальную революцию, но даже просто неуспех Гитлера поведет в конечном результате и в очень близком будущем к развалу национал-социалистской системы и к торжеству большевиизма в Европе. Это якобы совпадало с оценкой Чемберлена, и отсюда его усердие в деле спасения Гитлера и его режима. Шкрах уверен в том, что к такому же убеждению быстро была приведена и Франция, а также правящая верхушка в самой Чехословакии. Отсюда понятна и естественна измена Франции, а также несомненна и измена в Чехословакии. Кто прямой носитель этой измены и ее исполнитель, совершенно ясно в смысле социально-политических группировок. Это — аграрная партия, правая часть народных социалистов и, несомненно, кое-кто из руководства социал-демократической партии. Чисто фашистские группировки, вероятно, не принимали участия, поскольку не играли никакой роли и стояли в стороне от дел правительства. Шкрах не подозревает прямо Бенеша, но все остальное ближайшее окружение Бенеша находится у него под сильным подозрением. [...]

Полпред СССР в Чехословакии
Александровский

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 149, д. 169,
л. 184—186. Опубл. в сб.: СССР в борьбе
за мир... С. 81—82.

* Начальник личного архива бывшего президента Чехословакии Т. Масарика.

60. Из письма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову

25 ноября 1938 г.

[...] Накануне еврейских погромов в Германии Чемберлен вместе с «партийной машиной» консерваторов пришли к выводу, что тактически для них было бы выгодно назначить новые выборы в начале 1939 г., вероятнее всего, в феврале. После еврейских погромов и после выборов в Бриджуотере это решение было отменено, и вопрос о сроке назначения новых выборов оставлен открытым. Насколько, однако, глубок и перманентен эффект последних событий в Германии? Ответы на этот вопрос даются здесь сейчас самые разнообразные. Я лично полагаю, что эффект этот, несомненно, серьезен, но что он носит лишь временный характер. Если Гитлер не выкинет в ближайшее время какого-нибудь нового коленца, если, наоборот, он попытается сделать хоть парочку слегка примирительных жестов, Чемберлен, располагая весьма мощным аппаратом влияния на общественное мнение Великобритании (через прессу, кино, радио, парламент, «партийную машину» и т. д.), несомненно, постарается охладить нынешнюю температуру массового возмущения и, конечно, далеко не без успеха. Весьма вероятно, что тем не менее последние германские события оставят известный постоянный след в психологии английских масс, который, естественно, ляжет дополнительной тяжестью на чашу весов античемберленовской политики. Впрочем, если, повторяю, Гитлер не позволит себе в ближайшие месяцы каких-либо новых и серьезных провокаций, общая картина внутреннего положения Великобритании в основном останется той же, что и сейчас. Чемберлен сохранит свои позиции и, несмотря на наличие многочисленных затруднений, все-таки будет по-прежнему хозяином положения. Ибо, как я указывал прошлый раз, сейчас в Англии нет альтернативного правительства, которое могло бы взять в руки власть в случае ухода Чемберлена. Попытки создания античемберленовской коалиции из лейбористов, либералов и консервативных «бунтовщиков» пока находятся все еще в зачаточном состоянии, и шансы формирования такой коалиции очень невысоки. Таким образом, в своих расчетах на ближайшее будущее нам необходимо исходить из того, что Чемберлен пока прочно держит руль в своих руках.

3. Это значит, что линия на соглашение с агрессором за счет третьих стран будет упорно продолжаться. Сейчас в связи с еврейскими погромами в Германии вышла некоторая заминка в темпах проведения данной политики. Тут сами немцы, как это нередко с ними бывает, бросили кирпич на стол. Я слышал, что перед началом погромов вожди национал-социалистов консультировались с Риббентропом, и последний санкционировал данный шаг под углом зрения внешнеполитических отношений Германии. Это

очень похоже на правду. Лучшего эксперта по вопросам международной бестактности трудно найти. Но так или иначе, а заминка, вызванная последними событиями, лишь на известное (и, по моему, короткое) время будет связывающим образом действовать на политику Чемберлена. При первой же подходящей okazji он постарается возобновить свой флирт с Германией и свою попытку создания «пакта четырех». Впрочем, после Мюнхена становится все яснее, что основная цель Чемберлена не подлинный «пакт четырех», а «пакт двух» (Англия и Германия), лишь формально облеченный в костюм «пакта четырех». Франция и Италия в соответствии с «философией» Чемберлена должны отныне играть лишь роль «младших партнеров» при Великобритании и Германии.

4. Пока же Чемберлен старается подготовить почву для своих будущих шагов по «умиротворению» и всячески заслужить благоволение Гитлера. В высшей степени характерно, например, что, несмотря на мюнхенские решения, Англия (и Франция) на протяжении последних двух месяцев совершенно устранилась от какого бы то ни было активного участия в решении вопроса о судьбах Чехословакии. Германии и Италии предоставлена полная свобода действий в определении границ Чехословакии, ее экономической политики, ее внутреннего режима и так далее. О гарантии границ Чехословакии Англией и Францией официальные круги здесь больше не вспоминают. У меня создается впечатление, что Чемберлен подготавливает почву для отказа от выполнения этого обязательства и лишь ищет для того какой-либо подходящей формы. [...]

Полномочный представитель
СССР в Великобритании
И. Майский

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 140, д. 27,
л. 166—168. Опул. в сб.: СССР в борьбе за
мир... С. 92—94.

61. Записка генерального штаба вооруженных сил Германии «Сображения относительно переговоров представителей вермахта с Италией»

26 ноября 1938 г.

1) Форма переговоров.

Переговоры начинает министр иностранных дел в контакте с начальником генерального штаба вооруженных сил. В дальнейшем переговоры ведут представители видов вооруженных сил, если речь не идет о вопросах, которые разрабатываются в генеральном штабе вооруженных сил.

2) Главная идея переговоров.

Никакого совместного ведения военных действий в одном районе и под единым командованием, а разделение особых задач и театров военных действий для каждого государства, в рамках которых оно самостоятельно осуществляет операции.

3) Военно-политическая основа для переговоров.

Война Германии и Италии против Франции и Англии с целью в первую очередь разгромить Францию. Тем самым наносится удар и по Англии, которая, потеряв базу для продолжения войны на материке, окажется перед лицом того, что все силы Германии и Италии будут направлены против нее одной.

При этом:

Швейцария, Бельгия и Голландия соблюдают строгий нейтралитет.

Венгрия и Испания придерживаются благожелательного нейтралитета по отношению к Германии и Италии.

Сомнительную позицию занимают Балканские страны и Польша. Россия враждебно настроена по отношению к Германии и Италии.

Внеевропейские державы пока не рассматриваются.

4) Разделение задач в общем плане.

а) *Германия.*

Задача в целом. Концентрация всех сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил на западном фронте.

В результате строгого соблюдения нейтралитета Бельгии и Голландии расширение этого фронта ограничивается и предположительно достигается то, что и противник вынужден будет уважать нейтралитет этих государств.

Сухопутная война. Концентрированный удар германских частей против Франции на участке между Мозелем и Рейном в юго-западном направлении, восточный фланг примыкает к Вогезам. (Прорыв линии Мажино вполне возможен. Это доказано испытательными стрельбами по чешским укреплениям, построенным по образцу линии Мажино. В распоряжении находятся самые современные наступательные средства и дальнобойная артиллерия, прикрываемая танками в районе наших укреплений. В ходе бесед нужно будет подробнее обосновать справедливость этих соображений.)

Морская война. Удар по английским и французским морским коммуникациям в Северном море и в Атлантике. Детали относительно разграничения театров военных действий на море, вопросы взаимной поддержки (материальное снабжение, снабжение горючим, ремонтные базы и т. д.) подлежат выяснению в ходе переговоров между представителями военно-морских сил обеих сторон.

Воздушная война. Одновременно наступательные операции ВВС против Англии и Северной Франции. Отсечение английских морских коммуникаций во взаимодействии с военно-морскими силами.

б) *Италия.*

Задача в целом. Нейтрализация Балкан (общая тыловая база), активизация влияния на Испанию, оккупация Балеарских островов (недопущение транзита французских вооруженных сил или пролета над островами французских самолетов). Угроза сферам французского и английского влияния в Северной Африке, Египте, Палестине и на Ближнем и Среднем Востоке. Активная поддержка повстанческого движения в Марокко и тем самым общее распыление действующих английских военно-воздушных и военно-морских сил.

Сухопутная война. Сковывание по возможности крупных французских соединений на фронте в итальянских Альпах.

Предотвращение угрозы тылу Германии на ее восточных и юго-восточных границах путем введения в действие итальянских

сил (вместе с Венгрией) против Польши в случае, если последняя займет угрожающую позицию.

Наступление на французскую Северную Африку, оккупация Корсики.

Морская война. Удар по английским и французским морским коммуникациям в Средиземноморье, главным образом по коммуникациям между Францией и Северной Африкой. Включение Гибралтара. (Относительно разграничения театра военных действий на море смотри пункт 4а.)

Воздушная война. Военно-воздушные операции против Франции на участке южнее линии Женевское озеро — Ла-Рошель; удар по североафриканским колониям и по французским коммуникациям в Средиземном море.

5) Общие военные вопросы.

а) Участие Италии во всех активных и пассивных оборонительных мероприятиях Германии.

б) Обмен информацией между видами вооруженных сил.

в) Участие Италии в мероприятиях по пресечению связей с заграницей во время войны.

г) Сотрудничество в пропагандистской и экономической войне.

д) Сотрудничество в области военного снаряжения и обеспечения сырьем.

е) Сотрудничество в области службы связи.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир...
С. 94—96. Опубл. в изд.: Akten zur
deutschen auswärtigen Politik... Serie D.
B. IV. S. 464—465.

66. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР*30 ноября 1938 г.*

Из разговора с Вильсоном (советник Чемберлена), который был у меня на завтраке, отмечу следующее:

1. Англии в ближайшем будущем не угрожает война, ибо, по мнению Вильсона, следующий большой удар Гитлера будет против Украины. Техника будет примерно та же, что и в случае с Чехословакией. Сначала рост национализма, вспышки, восстания украинского населения, а затем «освобождение» Украины Гитлером под лозунгом «самоопределения». Я, конечно, высмеял эту концепцию, но из разговора Вильсона мне все-таки стало ясно, что политика британского правительства в настоящее время в сильнейшей степени строится на ожидании германской экспансии на восток. Аналогичные мысли я слышал также из уст Уинтертона, Хора и других. Весьма вероятно, что если не весь кабинет в целом, то, по крайней мере, отдельные члены британского правительства поощряют Гитлера в сторону «восточной экспансии».

2. Вильсон утверждает, что в результате еврейских погромов и пр. вопрос о передаче Германии каких-либо колоний совершенно отпал, и притом на долгое время. Из доминионов и различных британских колоний сыплются сотни писем и телеграмм с протестами против «колониальной сделки» с Германией. Общественное мнение в самой Англии сильно возбуждено. Правительство, которое рискнуло бы поставить сейчас вопрос о возвращении Германии колоний, не удержалось бы у власти и двух недель. Впрочем, в заключение Вильсон несколько подозрительно прибавил, что «общественное настроение» подвержено изменению и что многое в окончательном решении вопроса о колониях будет зависеть от Франции.

3. По словам Вильсона, число германских самолетов первой линии в настоящее время достигает примерно 3500.

4. В области воздушной политики Англия, заявил Вильсон, отказалась от принципа «паритета» с Германией и стремится лишь к тому, чтобы предохранить себя от возможности серьезных бомбардировок с воздуха. «Паритет» излишен будто бы потому, что Германия, которой приходится всегда учитывать опасность со стороны СССР, ни при каких условиях не смогла бы бросить против Англии все свои воздушные силы.

Полпред

75. Франко-германская декларация*6 декабря 1938 г.*

Г-н Жорж Бонне, министр иностранных дел Французской Республики, и г. Иоахим Риббентроп, министр иностранных дел германского рейха,

действуя от имени и по поручению своих правительств, при встрече в Париже 6 декабря 1938 г. согласились о нижеследующем:

1. Французское правительство и германское правительство полностью разделяют убеждение, что мирные и добрососедские отношения между Францией и Германией представляют собой один из существеннейших элементов упрочения положения в Европе и поддержания всеобщего мира. Оба правительства приложат поэтому все свои усилия к тому, чтобы обеспечить развитие в этом направлении отношений между своими странами.

2. Оба правительства констатируют, что между их странами не имеется более никаких неразрешенных вопросов территориального характера, и торжественно признают в качестве окончательной границу между их странами, как она существует в настоящее время.

3. Оба правительства решили, поскольку это не затрагивает их особых отношений с третьими державами, поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, интересующим обе их страны, и взаимно консультироваться в случае, если бы последующее развитие этих вопросов могло бы привести к международным осложнениям.

В удостоверение чего представители обоих правительств подписали настоящую декларацию, которая немедленно вступает в силу.

Составлено в двух экземплярах, на немецком и французском языках, в Париже 6 декабря 1938 г.

Жорж Бонне
Иоахим фон Риббентроп

83. Телеграмма советского военного разведчика в Японии Р. Зорге в Генеральный штаб РККА*

10 декабря 1938 г.

Германский посол Отт получил сообщение от лидеров национал-социалистской партии о том, что в ближайшее время между Японией, Италией и Германией будет заключен тройственный военный пакт. Он будет якобы направлен против Коминтерна, фактически же он будет направлен против СССР, но предусматривает также давление и на другие страны.

Рамзай

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 122.

* Документ публикуется в сокращенном варианте.

89. Письмо посла Польши в Великобритании Э. Рачиньского министру иностранных дел Польши Ю. Беку *

16 декабря 1938 г.

Многоуважаемый г-н министр,

В связи с весьма резкими изменениями, происшедшими в международном положении, и реакцией на эти изменения отдельных государств попытка сделать для себя общие выводы представляется в данное время рискованной и неблагоприятной задачей. Несмотря на это, я считаю целью представить вам, г-н министр, картину положения такою, какой она выглядит с местного наблюдательного пункта. Я рискую только тем, что картина, наблюдаемая под другим углом зрения, может показаться тенденциозной, либо односторонней, либо даже прямо предвзятой или банальной.

Послемюнхенская ситуация определяется здесь как ситуация, не являющаяся ни войной, ни миром. Заявление премьеры Чемберлена о наступлении новой эры, гарантирующей мир «нашему поколению», оценено всеми как иллюзия, быстро рассеивающаяся при соприкосновении с действительностью. Необходимо признать, что г-н Чемберлен с большим упорством и последовательностью придерживается избранной линии, которая должна привести его к пакту четырех и к реализации проектов «нового порядка в Европе», опирающегося тем или иным образом на этот пакт. Он продолжает верить (как уверяют меня, честно верить) в успешность метода личного контакта между ответственными руководителями государств-партнеров в избранной им комбинации и с этой верой готовится к очередному визиту в Рим.

Однако более чем очевидно, что то, что является для англичанина наиболее привлекательным — «организация Европы», отнюдь не нравится в Берлине и что осуществление дальнейшей программы премьеры идет «как из-под палки». До сих пор ответом на его «активную мирную политику» были три резкие речи Гитлера, обостренный антиеврейский курс, равно как и новая программа итальянских притязаний, поддержанная Берлином.

Казалось бы, что вследствие столь многочисленных разочарований г-н Чемберлен должен был бы столкнуться с растущим недовольством и оппозицией не только в парламенте (где оппозиция благодаря партийной дисциплине не была бы столь эффективной), но прежде всего — в английском общественном мнении. Такая оппозиция существует, но, *mirabile dictu* *, кажется, не растет после Мюнхена. О возможном реванше лейбористской партии я слышу меньше, чем год тому назад. Правда, время от времени говорится о создании настоящего «национального правительства» с участием обеих оппозиций, однако до сих пор в этом нет уверенности.

Для всего этого имеются различные причины, из которых особенно две кажутся мне наиболее важными.

* Как ни странно (*лат.*).

Первая. Общее мнение таково, что «Мюнхен» был наиболее правильным, если не единственным, выходом из отчаянного положения.*

Я слышал недавно характерные высказывания высшего чиновника Форин офиса, известного своим критическим отношением к политике премьеря. Этот господин согласился с вышеуказанным мнением, сделав лишь ту оговорку, что премьер совершил большую ошибку, назвав мир, купленный такой ценой, «почетным миром». Впрочем, сам премьер, кажется, сожалел о своем выражении, которое он употребил под влиянием сильного волнения.

(Кроме этого, мой информатор утверждал, что возможность «вывернуться из архитрудного положения без войны западные государства получили благодаря решению чехов капитулировать без борьбы...».)

Вторая причина. Убеждение в том, что премьер (если употребить не слишком точное сравнение из области спорта) защитил английские ворота и перенес, таким образом, игру на восток Европы. Что бы ни случилось, остается факт выигрыша во времени. А отсрочка пользуется здесь, на родине политического эмпиризма, популярностью не меньше, чем в Женеве.

Мне трудно узнать, о чем думает премьер и менее ли он наивен или же менее искренен, чем о нем говорят. Зато я знаю, на основе длительного наблюдения, реакцию здешнего народа. Она является в одинаковой степени жизненной, непосредственной, солидарной, почти физиологической, как реакция муравьев и пчел, и независимой от той фразеологии, которой регулярно питают общественное мнение. Раздор на востоке Европы, грозящий Германии и России вовлечением в него в той или иной форме, несмотря на все декларации со стороны активных элементов оппозиции, здесь *повсеместно и подсознательно считается «меньшим злом», могущим отодвинуть на более длительный срок опасность от империи и ее заморских составных частей**.

Отношение Чемберлена к Советам продолжает оставаться холодным. Истиной является то, что он чересчур последователен и совершенно открыто избегает всего, что могло бы послужить для его политических партнеров поводом для уклонения от сотрудничества. Но истиной является и то, что премьер официально избегает выступать против устремлений Германии на восток.

Эдвард Рачиньский

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 1. С. 270—274.

* В оригинале подчеркнуто.

95. Из письма полномочного представителя СССР во Франции
Я. З. Сурица народному комиссару иностранных дел СССР
М. М. Литвинову

27 декабря 1938 г.

[...] Начну с недавнего визита сюда англичан. Судя по всем поступившим к нам сведениям, центральное место в переговорах действительно занимала проблема военного сотрудничества. Англичане нажимали по линии авиации и настаивали, чтобы французы добились наконец перелома в авиапромышленности и повысили ежемесячный выпуск своих самолетов. Французы выдвинули ответное требование по линии английских сухопутных сил. Такое требование выдвигается как будто впервые и, насколько мне известно, обосновывалось выпадением чехословацкой армии и изменившимся вследствие этого к невыгоде Франции соотношением сухопутных сил в Европе. Нельзя избавиться от впечатления, что это требование отчасти связано и с ослаблением расчетов на помощь со стороны СССР.

Вторым важнейшим вопросом порядка дня при парижских переговорах с англичанами был, несомненно, вопрос о франко-германской декларации *. Можно легко поверить Бонне, что Чемберлен «от всей души» благословил французов на этот шаг как всецело укладывающийся в его мюнхенскую схему «умиротворения Европы». Некоторая внешняя сдержанность, проявленная при этом Чемберленом (его осторожное по этому поводу заявление по радио), вероятнее всего, объяснялась его нежеланием выступать в роли крестного отца такого акта в момент, когда еще не остыло негодование английского общественного мнения от еврейских погромов в Германии. Очень значительное место при переговорах было, как известно, отведено средиземноморской проблеме, взаимоотношениям с Италией и испанскому вопросу. К моменту, когда состоялся английский визит, уже вполне определенно выяснилось, что итальянцы очень слабо поддались чарам Франсуа-Понсе и не проявляют особой склонности идти на мировую, не получив за это предвзвешенно каких-либо существенных «уступок». Печалась и обращая на это внимание англичан, французы, несомненно, добились приведения в некоторое соответствие английских позиций в отношении Италии с французскими интересами, но, по-видимому, не многого добились. Чемберлен не проявил особой склонности изменить свою итальянскую политику в угоду французам и, по-видимому, ограничился обещанием оказать дружеское содействие — воздействовать через своего посла и лично при предстоящем визите. Очень характерно, что в настоящее время, когда итальянцы перешли уже в открытый бой против французов, последние не только уже ничего не ждут от Чемберлена, но даже начинают опасаться его «посредничества» и «воздействия» и, как я Вам уже передавал по телеграфу, просили его «лучше не вмешиваться».

* См. док. 75.

Что касается испанского вопроса, то я не располагаю данными, что Чемберлен настаивал на немедленном предоставлении Франко прав воюющей стороны. Это, конечно, вероятно, но уже никакому сомнению не подлежит то, что, подтвердив формально свою лояльность лондонскому плану, он одновременно изыскивает меры для фактического его обхода. Утверждают, что при переговорах решено было, например, «не противиться» выходу из Лондонского комитета ряда мелких стран, признано было «в принципе» желательным установление связей с Франко и вентилировалась идея о перемирии и посредничестве по созданию «общенациональной» власти.

Неизмеримо более важным этапом на «мюнхенских» путях явился, конечно, визит сюда Риббентропа и подписание франко-германской декларации. Демонстративная сторона визита, пожалуй, гораздо шире и важнее, чем самый акт, которым визит завершился. В особенности если учесть момент, который был избран для визита. Я по-прежнему полагаю, что этот момент и явился одним из главных стимулов, побудивших Гитлера пойти на подписание декларации. Не подлежит сомнению, что приезд в Париж германского министра иностранных дел и прием, ему здесь оказанный в момент, когда по всему миру разлилась волна негодования против Германии, в какой-то мере ослабили тот ущерб и урон, которые еврейские погромы нанесли престижу Гитлера за границей. Но это, конечно, лишь один из стимулов. Другим стимулом, бесспорно, явилось желание усилить во Франции позиции сторонников непосредственного соглашения с Германией на путях двусторонних договоров. Этим сбивается новый клин в систему и принципы коллективной безопасности и узаконяются угодные Гитлеру методы переговоров с глазу на глаз. В расчеты Гитлера, конечно, входило и намерение вызвать декларацией охлаждение советско-французских отношений. Расчет при этом строился одновременно как на реакцию в СССР, так и на психологический эффект в самой Франции. В какой-то мере, вероятно, им учитывалось и то, что декларация углубит расхождение между французами и некоторыми кругами английской и американской общественности и, во всяком случае, не будет способствовать сплочению «демократического фронта». Вполне, конечно, вероятно, что Гитлер получил от французов и нечто более весомое. Намеки на этот счет проскользнули и в печати и в общем вращались вокруг пресловутой «свободы рук на Востоке». Проверить основательность этих слухов нам здесь, однако, не удалось.

Что касается французов, то их толкнули на подписание декларации тройкого рода соображения, из которых два, по крайней мере, целиком укладываются в «мюнхенскую» линию:

1. Желание «нормализовать» отношения, создать «климат» и расчистить путь для будущих переговоров. Подписанная декларация открывает для этого все возможности. Пунктом вторым взаимно гарантируются теперешние европейские границы, тем самым закрепляется отказ Германии от Эльзаса и Лотарингии (это выпячивается Бонне на первый план как главное достижение декларации).

Пунктом третьим, предусматривающим контакт и консультацию для каждой из сторон, открывается возможность начать переговоры *в любой момент и по любому вопросу*. Никаких ограничений в этом отношении не вносит и знаменитая оговорка, которой так возмущал Бонне и которая, вероятно всего, внесена по настоянию самих немцев из-за оглядки на Рим.

2. Декларация нужна была Даладье, чтобы отвлечь внимание страны от непопулярных чрезвычайных декретов.

3. Декларация нужна была, чтобы несколько разрядить ту тревожную обстановку, которую внесли новые итальянские домогательства.

Итальянская демонстрация в палате, подхваченная почти всей итальянской печатью, очень сильно омрачила не остывшие еще ликования от Мюнхена и заставила призадуматься даже и многих заядлых мюнхенцев. При такой обстановке декларация с немцами открывала все же какую-то щель в «оси» Берлин—Рим и несколько снижал остроту итальянских угроз. Декларация если не исключала, то, во всяком случае, как будто затрудняла одновременные и совместные действия Германии с Италией против Франции, и это уже представлялось большим выигрышем. Правда, оставалось невыясненным, как относится Германия к самим итальянским домогательствам и не поддержит ли она их в нужный момент. От Риббентропа ожидали, что он на этот счет даст какие-то успокоительные заверения. Ожидали если не официального неодобрения шага Италии (понимали, что так далеко он пойти не может), то, во всяком случае, какого-то декларативного отмежевания, но и этих надежд Риббентроп, как известно, не оправдал. Риббентроп ограничился заявлением, что этот вопрос касается лишь Франции и Италии, воспроизвел официальную версию Рима о непричастности к демонстрациям итальянского правительства и одновременно не преминул заявить, что «ось» Берлин — Рим прочна, как никогда. Все это доставило немало огорчения Даладье и Бонне и значительно омрачило радость от свидания. Трудно, конечно, с точностью установить, чему были посвящены все двухдневные совещания с Риббентропом. Официальная версия, известная нам через Бонне и потом им почти дословно повторенная в комиссиях по иностранным делам, в сопоставлении со сведениями, поступившими и из других источников, сходится на одном: что сверх декларации, действительно, как будто ничего другого подписано не было, как и не было принято никаких иных связывающих решений. Но я ни на минуту не сомневаюсь, что от нас скрыли очень многое, и в частности содержание всех разговоров относительно СССР. Если поверить Бонне, то Риббентроп в этой связи задал лишь один вопрос: каково содержание франко-советского пакта (вероятно, нет ли секретных военных статей). В это что-то не очень верится. Я, конечно, не подозреваю Бонне, что он взял да выложил и преподнес на блюде Риббентропу пакт с СССР — возьмите, мол, и ешьте. Но я вполне допускаю, что партнеры приценивались и нащупывали цену, за которую можно этот пакт про-

дать впоследствии. Велись ли с Риббентропом разговоры на злободневную сейчас тему об Украине? Бонне заверяет, что не велись, причем объясняет свое воздержание нежеланием «уплотнять у немцев впечатление, что французы серьезно такими слухами обеспокоены». Все это, конечно, возможно, но также возможно, что его молчание было рассчитано и на то, чтобы оставить немцев под впечатлением, что французы не особенно заинтересованы в судьбе Украины. Во всяком случае, я лично не сомневаюсь, что Бонне и его единомышленники глубоко вздохнули бы от облегчения, если бы немцы действительно полезли на Украину.

Что Бонне *фактически* взял курс на отход от Востока и центральноевропейских дел, свидетельствует и вся его дипломатическая деятельность за весь последний период. Ни одна из проблем, возникших в этом секторе Европы, не занимала по-настоящему внимания французской дипломатии. О существовании Чехословакии здесь после Мюнхена вообще стараются основательно забыть. С Польшей отношения более чем прохладные. К нам применяется политика репрессий и шикан *. Румынского короля встретили холодно, и, как мне рассказывал Патенотр, король уехал отсюда глубоко разочарованный и без всяких надежд на французскую поддержку. Вся дипломатическая активность сконцентрирована сейчас на средиземноморском участке и протекает под лозунгом защиты французских имперских интересов. Этот лозунг наряду с защитой континента включает и защиту колоний и коммуникационных связей с колониями. «Ни одной пяди французской земли» — под этим горделивым лозунгом выступает сейчас французская дипломатия. Этот лозунг объединяет, бесспорно, огромное большинство французов, но у противников теперешнего курса возникает совершенно естественное и законное сомнение, реален ли этот лозунг и способна ли Франция на деле отстоять свою территорию и особенно свои колонии, «отступив от Европы» и лишившись там всех своих тылов и друзей. Такая политика может в лучшем случае отодвинуть и отсрочить на некоторое время конфликт, но с тем чтобы быть им захваченным и застигнутым в условиях гораздо более трудных, если не явно безнадежных. Вопросы защиты колоний неразрывно связаны с вопросом о сохранении своих позиций в Европе. Так приблизительно формулируют свои позиции противники теперешней внешней политики, имеющие своих представителей даже в рядах кабинета. Обычно Бонне на это отвечает, что он и не намеревается уходить из Европы, но что нужно «по одежке протягивать ножки» и что, добившись некоторой длительной передышки, Франция сумеет «набраться новых сил», значительно окрепнет в военном и экономическом отношении, а к этому времени и англичане закончат свою программу, и тогда уже никакие немцы не будут страшны.

Но так или иначе, на настоящий день французская дипломатия почти всецело и безраздельно занята «западными» делами,

* Les chicanes (фр.) — придирки.

и в первую очередь итальянскими, и в отношении этих дел как будто действительно проявляется какая-то «твердость». Подозрительно только, что эта твердость особенно и преимущественно сосредоточивается на явно «блефных» требованиях Италии (как Ницца, Корсика) и почти замалчиваются более прозаические вещи (эти «синицы в руки»), как Джибути, участие в Суэце, новый статус итальянцев в Тунисе и уступки по испанскому вопросу. Напрашивается подозрение, что, пововав с ветряными мельницами и создав в стране впечатление, что благодаря твердости правительства удалось отбиться от нависшей грозной опасности, подготавливается исподтишка почва для новых переговоров с Италией, исход которых будет зависеть от степени готовности французов идти на новые жертвы, на новые уступки. А в том, что, вообще говоря, надо будет уступить в этом, здесь, кажется, никто не сомневается.

Полпред СССР во Франции
Суриц

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 149, д. 160,
л. 150—157. Опул. в сб.: СССР в борьбе
за мир... С. 137—141.

97. Сообщение советника посольства Германии в Польше Р. Шелли для разведки одной из западных держав

Не ранее 28 декабря 1938 г.

Еще до 26 декабря было известно, что 6 января Бек встретится по крайней мере с Риббентропом, но, возможно, также с Гитлером. 28 декабря в посольство поступил для ознакомления составленный в центре документ, озаглавленный: «Директивы для беседы Риббентропа с Беком». Основное содержание документа сводилось к следующему:

Во время запланированной на 6 января беседы прежде всего необходимо заявить, что нынешняя Германия, особенно после создания великогерманской империи, представляет собой и по отношению к Польше совершенно иную силу, нежели Германия прошлых лет. С германской точки зрения для Польши в настоящее время существует лишь одна великая держава, к которой она может примкнуть: это — Германия. Польше должно быть совершенно ясно, что со стороны Франции она не должна больше ожидать помощи, особенно после заключения германо-французского пакта о ненападении*. В этой связи Польша должна понять, что она должна будет, с учетом более отдаленного будущего и принимая во внимание Германию, изменить свои отношения с Францией.

Данциг. После того как Бек сразу же отклонил предложение о возвращении Данцига и облегчения для транзита через коридор, в настоящее время с германской стороны не проявляют интереса к постановке этого вопроса. Его можно было бы оставить в покое до тех пор, пока он не будет автоматически решен в рамках широкого генерального урегулирования на Востоке. Поэтому рекомендуется данную тему с нашей стороны вообще не затрагивать. Если Бек коснется ее, то об этом следует говорить в общих чертах.

Мемель. Польша должна будет принять к сведению, что в ближайшее время Мемельская область будет полностью преобразована в национал-социалистском духе. При этом все экономические интересы Польши, в частности интересы польского судоходства, будут соблюдаться. Во всяком случае, желательно, чтобы Польша отказалась от всех попыток завоевать влияние в Литве, так как Литва рассматривается как область, находящаяся под германским влиянием.

Меньшинства. В обращении с германским меньшинством в Польше должны будут применяться принципиально новые положения. Это относится в первую очередь к следующим секторам (следует длинный перечень: язык, школа, церковь, экономические права и т. д.).

Прикарпатская Русь. Поскольку Германия и Италия положили в основу своих действий этнографический принцип, он должен был бы быть применен также к Венгрии, территориальные притязания которой поэтому не могли бы быть полностью удовлетво-

* См. док. 75.

ны. Ревизия Венского арбитража, к которой стремились Венгрия и Польша, явилась невозможной, поскольку не было повода для ревизии и поскольку вынесенное решение не могло пересматриваться спустя лишь несколько дней после его принятия. Опасение Польши, что Германия намерена превратить Прикарпатскую Русь в зародыш великоукраинского государства, не имеет под собой основания. Германия уже дала соответствующие указания, с тем чтобы не вызывать подобного впечатления. Прикарпатская Русь сохранит свою самостоятельность в рамках Чехословакии и не будет играть никакой роли в международной политике.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир...
С. 142—143.

100. Из дневника министра иностранных дел Италии Г. Чано*1 января 1939 г.*

[...] В заключение он * сообщил мне свое решение принять предложение Риббентропа о преобразовании антикоминтерновского пакта в союз. Он хочет, чтобы пакт был подписан в последней декаде января. Он считает все более неизбежным столкновение с западными демократическими странами и поэтому хочет заранее подготовить военный союз. В течение этого месяца он намерен подготовить общественное мнение, «на которое он, однако, плюет». [...]

Печат. по об.: СССР в борьбе за мир...
С. 146. Опубл. в изд.: G. Ciano. Diario.
Vol. 1. Roma. 1946. P. 12.

102. Запись беседы рейхсканцлера Германии А. Гитлера с министром иностранных дел Польши Ю. Беком ***5 января 1939 г.*

В начале беседы полковник Бек подчеркнул тот факт, что германо-польские отношения целиком и полностью выдержали испытание сентябрьского кризиса. Если, может быть, в последние месяцы наметился некоторый спад в сравнении с высоким уровнем сентябрьских дней, то, по мнению польского правительства, обе стороны должны приложить усилия к тому, чтобы устранить причины некоторых трудностей, возникших в последнее время. В качестве одной из этих трудностей Бек упомянул вопрос о Данциге и подчеркнул при этом, что этот вопрос касается не только немецкого и польского правительств, но и третьих сторон, в том числе и Лиги наций. Что, например, произошло бы, сказал Бек, если бы однажды Лига наций отмежевалась от вопроса о Данциге? Помимо этого имеются также и некоторые другие вопросы, в которых необходимо устранить имеющиеся недоразумения, в том числе гарантия чехословацких границ, а именно будет ли она предоставлена немедленно, или, если вообще она будет иметь место, в какой момент намерены ее предоставить.

Фюрер ответил, что в целях устранения всех имеющихся трудностей необходимо обратиться вначале к главной тенденции в германо-польских отношениях. С немецкой стороны он может подчеркнуть, что в позиции Германии в отношении Польши, зафиксированной в декларации о ненападении от 1934 г., не произошло ни малейших изменений. При всех обстоятельствах Германия будет заинтересована в сохранении сильной национальной Польши, совершенно независимо от положения дел в России. Безразлично, идет ли речь о большевистской, царской или какой-либо иной России, Германия всегда будет относиться к этой стране с предельной осторожностью, и потому Германия крайне заинтересована в сохранении Польшей своих позиций. С чисто военной точки зрения наличие сильной польской армии снимает с Германии значительное бремя; дивизии, которые Польша вынуждена держать на русской границе, избавляют Германию от соответствующих дополнительных военных расходов.

Фюрер указал, что в мировой прессе Германии стараются при-

** Беседа состоялась в Берхтесгадене.

писать какие-то намерения относительно Украины, и заявил, что в этом отношении Польша ни в малейшей степени не должна опасаться Германии. Германия не имеет никаких интересов по ту сторону Карпат, и ей безразлично, что делают там страны, заинтересованные в этих областях. Подобно этому она непосредственно не заинтересована в Средиземном море, однако при всех обстоятельствах она всегда будет стоять на стороне Италии. Впрочем, необходимо проводить различие между сферами политических интересов Германии и ее стремлениями в экономической области, которые направлены исключительно на то, чтобы поддерживать широкие торговые отношения со всеми странами, на которые можно рассчитывать как на экономических партнеров. При этом есть страны, как, например, Соединенные Штаты, которые по своей экономической структуре меньше подходят для Германии в качестве партнеров, поскольку они сами производят промышленные изделия, которыми Германия только и могла бы оплатить закупаемые ею сырье и продовольствие. Другие страны, к которым относится и Польша, напротив, могли бы закупать в Германии всю промышленную продукцию, в которой они нуждаются, а за это продавать ей сырье и продовольствие. В этих случаях Германия намерена предельно расширить торговые отношения, что, в частности, касается и экономических отношений с Польшей.

Позиция, занятая Германией в украинском вопросе в связи с Венским арбитражем, которая, вероятно, вызвала в Польше некоторые недоразумения, сказал фюрер, объясняется историей развития этого дела в связи с позицией Венгрии во время сентябрьского кризиса. Затем фюрер долго и подробно разъяснял отдельные фазы чехословацкого конфликта, особенно подчеркивая нерешительную и выжидательную позицию Венгрии. В ходе неоднократных переговоров, сказал фюрер, он настоятельно советовал венграм как можно быстрее самим проявить инициативу, если они хотят найти политическое решение их территориального спора с Чехословакией, однако он почти не встретил у венгров понимания. Венгры, охваченные предвоенным ожиданием, попали в сети намерений Англии и Франции и постоянно заявляли, что боятся активного вмешательства обеих этих стран в конфликт и что проигранная война, возможно, и не будет стоить жизни Германии, а Венгрии принесет окончательную гибель. Впрочем, в результате неожиданного предложения о переговорах со стороны Чемберлена и Даладье он (фюрер) отошел от мысли о чисто политическом решении чехословацкого вопроса, которое было бы равносильно ликвидации Чехословакии, и, поскольку Венгрия не оказала ему никакой сколько-нибудь активной поддержки, он смог выступить перед мировой общественностью лишь с идеей этнографического решения вопроса, в противовес политическому решению, которое должно было бы осуществиться только в контакте между Польшей, Венгрией и Германией как единственно заинтересованными странами и заключалось бы в ликвидации Чехословакии. На будущее также ясно, что подобные политические решения никогда не могут

осуществляться односторонне, а только таким путем, когда в этом решении будут принимать участие все заинтересованные в Чехословакии страны.

Лишь тогда, продолжал фюрер, когда венгры сочли вмешательство безопасным, они стали немного активнее. При этом он, фюрер, должен указать на то, что оказалось не так-то просто добиться в Мюнхене от французов и англичан согласия на включение в соглашение также польских и венгерских претензий к Чехословакии. В соответствии с соглашением относительно этих двух претензий, которое было достигнуто в Мюнхене на основе предложения Муссолини, венгры сформулировали затем свои требования, представив карту, из которой следовало, что они не требуют украинской территории. Германия весьма неохотно согласилась с просьбой об арбитраже и сделала это только тогда, когда от обеих конфликтующих сторон — Венгрии и Чехословакии — последовало заверение, что результат арбитража будет ими принят. Это решение третейского суда, как было сказано, было вынесено на основе венгерских требований и после того, как были заслушаны обе стороны. Вскоре после этого венгры вдруг заявили, что они претендуют также на крупные области Украины, и тем самым поставили в трудное положение державы-арбитры. Конечно, было совершенно невозможно пересмотреть достигнутые в Вене решения спустя такой короткий промежуток времени после их принятия. С другой стороны, Венгрия также была не в состоянии добиться осуществления своих требований насильственным путем, так как, несомненно, чехословацкая армия оказалась бы сильнее и, возможно, уже вскоре вступила бы в Будапешт. В этом случае Германия оказалась бы в чрезвычайно затруднительном положении, так как совершенно ясно, что она была бы вынуждена не допустить поражения Венгрии от Чехословакии хотя бы только по престижным соображениям — с целью воспрепятствовать тому, чтобы весь мир торжествовал по поводу победы демократической страны над одним из государств, напавших на нее. С другой стороны, в военном отношении Германия давно уже демобилизовалась, причем на несколько месяцев задержан на службе призывной возраст, который в нормальных условиях должен был демобилизоваться. Были уже давно проведены другие мобилизационные меры в различных областях, и выявилась необходимость по окончании кризиса отменить все эти меры. Поэтому в ноябре обученный призывной возраст был демобилизован на втором году службы, вследствие чего под ружьем остались солдаты, которые еще не завершили военную подготовку, и молодые рекруты. При таком положении дел уже при незначительных международных осложнениях пришлось бы снова призвать в армию только что демобилизованный возраст и предпринять ряд обременительных мер в экономической области. Эта повторная мобилизация, само собой разумеется, легла бы чрезвычайно тяжелой психологической нагрузкой на общественное мнение в Германии и помимо этого имела бы своим следствием еще и то, что Франция автоматически предприняла бы мобилизационные мероприятия,

которые проводятся в период обострения отношений; в свою очередь, ответом на это были бы аналогичные мобилизационные меры в Германии (занятие западных укреплений и т. д.). По этой причине в ноябре Германия ни в коем случае не могла допустить возникновения международного конфликта; это и явилось в конечном итоге одним из решающих моментов для определения ее позиции в украинском вопросе.

Что касается самих германо-польских отношений, то он, фюрер, хотел бы еще раз повторить, что в позиции Германии по отношению к Польше с 1934 г. ничего не изменилось. Чтобы окончательно урегулировать все еще не решенные вопросы в отношениях между обеими странами, сказал фюрер, не следует ограничиваться соглашением 1934 г., которое носит скорее негативный характер, а надо попытаться договорным путем окончательно разрешить отдельные проблемы. Кроме вопроса о Мемеле, который будет решен в германском плане (литовцы, кажется, намерены содействовать разумному решению проблемы), немецкая сторона считает необходимым урегулировать непосредственно в германо-польских отношениях проблему Данцига и коридора, которая представляет чрезвычайную сложность для Германии с эмоциональной точки зрения. По его мнению, здесь необходимо отказаться от старых шаблонов и искать решения на совершенно новых путях. Так, например, в вопросе о Данциге можно подумать о том, чтобы в политическом отношении воссоединить этот город — в соответствии с волей его населения — с германской территорией, при этом, разумеется, польские интересы, особенно в экономической области, должны быть полностью обеспечены. Это также в интересах Данцига, поскольку Данциг в экономическом отношении не может существовать без Польши; поэтому он, фюрер, думает о формуле, в соответствии с которой Данциг в политическом отношении станет германским, а в экономическом — останется у Польши.

Данциг остается и всегда будет немецким; рано или поздно этот город отойдет к Германии. Однако он может заверить, что в вопросе о Данциге польская сторона не будет поставлена перед свершившимся фактом.

Относительно коридора, который, как было сказано, является для Германии сложной психологической проблемой, фюрер указал на то, что, несомненно, было бы полнейшей бессмыслицей думать о том, чтобы отобрать у Польши выход к морю. Если бы Польша оказалась в таком мешке, то такое положение, учитывая возникающую в связи с этим напряженность, можно сравнить с заряженным револьвером, спуск у которого может сработать в любую минуту. Следует признать, что связь с морем для Польши абсолютно необходима. Но в той же мере для Германии необходима связь с Восточной Пруссией, и в этом вопросе, используя совершенно новые методы урегулирования, можно, видимо, найти решение, отвечающее интересам обеих сторон.

Если бы удалось на этой разумной основе достичь окончательного урегулирования отдельных вопросов, причем, само собой ра-

зумеется, каждый из обоих партнеров не должен быть ущемлен в своих правах, то тогда настал бы момент и в отношении Польши, как это имело место в соглашениях с Францией, расширить скорее негативное заявление 1934 г. в том положительном смысле, что со стороны Германии Польше предоставляется ясно выраженная, зафиксированная в договорном порядке гарантия ее границ. Польша в этом случае получила бы крупное преимущество, заключающееся в том, что ее граница с Германией, включая коридор, была бы гарантирована в договорном порядке. При этом фюрер еще раз подчеркнул психологическую сложность этой проблемы, а также тот факт, что только он, фюрер, может привести к такому решению. Для него не так-то просто дать подобную гарантию коридора, и он определенно подвергнется за этот шаг довольно-таки серьезной критике со стороны буржуазных кругов. Однако, будучи реальным политиком, он все же полагает, что подобное решение оказалось бы наилучшим. Если бы Германия предоставила свои гарантии, то о польском коридоре так же мало говорили бы, как ныне о Южном Тироле или Эльзасе и Лотарингии.

Дальнейшим вопросом, в котором у Германии и Польши есть совместные интересы, является еврейская проблема. Он, фюрер, преисполнен твердой решимости выбросить евреев из Германии. Сейчас им еще будет позволено захватить с собою часть своего имущества; при этом они наверняка увезут с собою из Германии больше, чем они имели, когда поселились в этой стране. Но чем больше они будут тянуть с эмиграцией, тем меньше имущества они смогут взять с собой.

Если бы со стороны западных держав к требованиям Германии в колониальном вопросе было проявлено больше понимания, то тогда он, фюрер, возможно, предоставил бы для решения еврейского вопроса какую-либо территорию в Африке, которую можно было бы использовать для поселения не только немецких, но и польских евреев. К сожалению, однако, западные державы не проявили этого понимания, и все же Германия вынуждена настаивать на своих требованиях в колониальном вопросе, поскольку она непременно нуждается в колониях для того, чтобы прокормить свое население. Рано или поздно она получит обратно свои колониальные владения. В этом он, фюрер, твердо убежден. Расходы, которые возникают в результате того, что колониальный вопрос не решен, а именно вследствие связанной с этим гонки вооружений, эти расходы чрезвычайно велики как для западных держав, так и для Германии; если бы западные державы когда-нибудь позднее подвели итог, то они увидели бы, что их отказ пойти навстречу справедливым требованиям Германии в колониальном вопросе стоил им миллиардов и что для всех заинтересованных сторон было бы дешевле своевременно урегулировать колониальный вопрос в плане, в котором предлагает это сделать Германия.

Польский министр иностранных дел Бек поблагодарил фюрера за подробное изложение немецкой точки зрения и заявил, что Польша также прочно придерживается своей прежней позиции в от-

ношении Германии. Во время сентябрьского кризиса Польша выдержала исключительно сильное напряжение в своих отношениях с Советской Россией. Положение было гораздо серьезнее, чем это казалось со стороны. Русские сосредоточили на русско-польской границе несколько армейских корпусов, часть которых разместились непосредственно у линии границы; с польской стороны также были проведены в широком объеме соответствующие контрмеры, которые затем дали возможность быстро провести акции в отношении Чехословакии. Но поскольку уж Россия является соседом Польши, польская сторона приложила усилия к тому, чтобы снизить это чрезвычайно большое напряжение до нормальных пределов. Поэтому совершенно естественно, что сейчас предпринимаются попытки найти в отношениях с русским соседом приемлемый *modus vivendi*. Но Польша никогда не согласится быть зависимой от России и будет продолжать линию независимой политики, что она уже делала в прошлом, когда Польшу хотели толкнуть на сближение с Россией путем заключения Восточного пакта. Правда, Польша не проявляет такой нервозности в отношении укрепления своей безопасности, как, например, Франция, и не придает никакого значения так называемым «системам безопасности», которые после сентябрьского кризиса окончательно обанкротились, что означает, по мнению Бека, поворотный пункт в истории. Однако Польша в высшей степени отдаст должное позиции Германии, которая снова получила выражение в заявлении, только что сделанном фюрером. Польша также со своей стороны придерживается старой линии в отношении Германии.

В связи с Украиной он, Бек, напоминает о словах Пилсудского о «балканизации Центральной Европы». В лице агитаторов, которые подвизаются ныне на карпато-украинской территории, Польша узнает своих старых врагов и опасается, что Карпатская Украина, возможно, однажды превратится для Польши в очаг таких беспокоев, которые вынудят польское правительство к вмешательству, в результате чего могли бы возникнуть новые осложнения. Это было главной причиной стремления Польши к установлению общей границы с Венгрией. Польша также старалась побудить Венгрию к энергичным действиям в том направлении, которое было определено самим фюрером. Из своей поездки в Румынию он (полковник Бек) привез венграм заверение в том, что румыны не нападут, а польский президент заявил в кругу иностранных дипломатов, что в серьезном случае Польша окажет помощь Венгрии. Однако, несмотря на это заявление, венгры, к сожалению, не проявили никакой инициативы. Он хотел бы отметить, между прочим, что население так называемой Карпатской Украины — русины — не имеет ничего общего с населением собственно Украины. «Украина» — это польское слово и означает «восточные пограничные земли». Этим словом поляки вот уже на протяжении десятилетий обозначали земли, расположенные к востоку от их территории, вдоль Днестра.

Что касается германо-польских отношений, то он, Бек, прини-

мает к сведению пожелания, высказанные фюрером. Однако данцигский вопрос представляется ему чрезвычайно сложным. В этой связи необходимо особо учитывать общественное мнение в Польше. При этом он совершенно не берет в расчет мнение «оппозиции в кофейнях». На протяжении своей семилетней службы он ни в малейшей степени не считался с мнением кофейен и свой пост сохраняет и по сей день. Однако он должен считаться с подлинным мнением народа и усматривает в этом отношении величайшие трудности для решения вопроса о Данциге. Однако он хотел бы еще раз спокойно продумать эту проблему.

Полковник Бек не коснулся остальных вопросов германо-польских отношений, которые были подняты фюрером, а закончил изложение своих доводов повторным заверением в том, что Польша в своей общей позиции по-прежнему будет верна той линии, которой она придерживается с 1934 г.

Настоящее в соответствии с указанием представлено господину имперскому министру иностранных дел.

Д-р Шмидт,
посланник *

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир...
С. 146—153. Опубл. в изд.: Akten zur
deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd.
V. S. 127—132.

* Переводчик Гитлера, записавший беседу.

103. Из записи беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Польши Ю. Беком

6 января 1939 г.

В беседе, длившейся около полутора часов с господином Беком, последний сразу снова завел речь о проблеме Данцига. Польша также стремится, сказал он, к тому, чтобы жить с Германией в добрососедских отношениях и углублять их. Единственной проблемой, которая при этом может в ближайшее время создавать помехи, является данцигский вопрос. Применяемая данцигской стороной тактика малых «свершившихся фактов» (Faits accomplis) начинает уже сегодня затрагивать там польские права. Он действительно видит в этом известную опасность. Он не хотел говорить вчера об этом фюреру так прямо, но и не хотел бы скрывать в откровенной и доверительной беседе со мной, что он смотрит на положение с известным беспокойством. Могут возникнуть две возможности, которые заставили бы нас занять позицию по данной проблеме:

1) что Лига наций, возможно, заявила бы о своей незаинтересованности в данцигском вопросе и ликвидировала бы [свой] коммисариат, и тогда Германия и Польша сами должны были решить вопрос;

2) что из-за упоминавшейся выше тактики свершившихся фактов поляки были бы вынуждены занять [определенную] позицию.

Проблема действительно является очень трудной, и он уже ломал себе голову над тем, как можно найти ее решение, но пока безрезультатно.

Бек затронул далее вопрос о Великой Украине и сказал, что заверение фюрера, что мы в нем не заинтересованы, весьма его успокоило, как и вообще он с искренней радостью принял к сведению ясную и постоянную линию фюрера относительно дружественного взаимопонимания с Польшей.

В заключение Бек еще раз указал на то, что Данциг в представлении всего польского народа служит пробным камнем германопольских отношений и что было бы очень трудно изменить это представление. Еще раньше маршал Пилсудский также высказывал это однажды одному немецкому посетителю.

В ответ на это я разъяснил господину Беку следующее:

1. Как фюрер уже сказал, превыше всего для германской стороны ее безусловное стремление к окончательной, широкой и продиктованной великодушным консолидацией взаимных отношений.

2. В связи с этим имеют значение три проблемы:

а) Непосредственно германопольские отношения. Здесь мне представляется следующее решение:

Возвращение Данцига Германии с обеспечением всех экономических интересов Польши в этом районе, причем с наибольшей щедростью. Связь Германии с ее провинцией — Восточной Прус-

сней через экстерриториальную автостраду и железную дорогу. За это в качестве компенсации со стороны Германии — гарантия коридора и всей польской собственности, то есть окончательное и прочное признание взаимных границ.

б) Вопрос о чешской Закарпатской Украине.

Здесь я повторил, что в Мюнхене были установлены этнографические границы. Если в этой связи какой-либо стороной будет поднят принципиальный вопрос о политических границах, то Германия, конечно, не сможет остаться безучастной. Хотя германские политические интересы сами по себе и не простираются за Карпаты, Германия не может сказать, что она равнодушно отнесется к смещению границ за пределами Карпат в районе Чехословакии и Закарпатской Украины, так как она в результате таких событий легко может быть втянута в конфликт. Где бы сегодня в Европе ни раздался пушечный залп, Германия в принципе не может оставаться безучастной.

Решение венского третейского суда должно выполняться, и наша основная точка зрения сводится к тому, что, в случае возникновения здесь каких-либо иных желаний, их необходимо согласовать с германскими интересами.

в) Политика Польши и Германии, которую следует проводить в отношении России, и в этой связи также вопрос о Великой Украине.

Я заверил Бека в том, что мы заинтересованы в Советской Украине лишь постольку, поскольку мы всюду, где только можем, чинили русским ущерб, так же как и они нам, поэтому, естественно, мы поддерживаем постоянные контакты с русской Украиной. Никогда мы не имели никаких дел с польскими украинцами, напротив, это строжайше избегалось. Фюрер ведь уже изложил нашу отрицательную позицию в отношении Великой Украины. Все зло, как мне кажется, в том, что антирусская агитация на Украине всегда оказывает, разумеется, некоторое обратное воздействие на польские меньшинства и украинцев в Карпатской Руси. Но это, по моему мнению, можно изменить только при условии, если Польша и мы будем во всех отношениях сотрудничать в украинском вопросе. Сказал Беку, что, как мне кажется, при общем широком урегулировании всех проблем между Польшей и нами можно было бы вполне договориться, чтобы рассматривать украинский вопрос как привилегию Польши и всячески поддерживать ее при рассмотрении этого вопроса. Это опять-таки имеет предпосылкой все более явную антирусскую позицию Польши, иначе вряд ли могут быть общие интересы.

В этой связи сказал Беку, не намерен ли он в один прекрасный день присоединиться к антикоминтерновскому пакту.

Бек разъяснил, что сейчас это невозможно, деятельность Коминтерна подвергается в Польше судебному преследованию, и эти вопросы всегда строго разделяли от государственных отношений с Россией. Польша, по словам Бека, делает все, чтобы сотру-

ничать с нами против Коминтерна в области полицейских мер, но если она заключит по этому вопросу политический договор с Германией, то она не сможет поддерживать мирные добрососедские отношения с Россией, необходимые Польше для ее спокойствия. Тем не менее Бек пообещал, что польская политика в будущем, пожалуй, сможет развиваться в этом отношении в желаемом нами направлении.

Я спросил Бека, не отказались ли они от честолюбивых устремлений маршала Пилсудского в этом направлении, то есть от претензий на Украину. На это он, улыбаясь, ответил мне, что они уже были в самом Киеве и что эти устремления, несомненно, все еще живы и сегодня.

В заключение беседы я выразил господину Беку протест против обращения с нашими немецкими нацменьшинствами, прежде всего в районе Ольсы, и в этой связи категорически сослался на непрекращающиеся антинемецкие козни Гражинского. Господин Бек сказал мне, что он уделял уже серьезное внимание этому вопросу и со своей стороны предпринимает все, чтобы направить ход событий в более спокойное русло.

Затем я поблагодарил господина Бека за его приглашение посетить Варшаву. Дату еще не установили. Договорились, что господин Бек и я еще раз тщательно продумаем весь комплекс возможного договора между Польшей и нами. В ближайшие недели переговоры будут продолжены через Липского и Мольтке, и в любом случае визит должен состояться еще этой зимой*.

Риббентрон

Печат. по сб.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. 7. С. 20—22.

108. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу

11 января 1939 г.

1. Мировая печать будет в ближайшие дни уделять свое внимание главным образом римским разговорам. Я считаю результат этих разговоров предрешенным. Муссолини спрячет на время свои территориальные притязания, а Чемберлен заставит Даладье, в чем ему усердно будет помогать Бонне, уступить остальным итальянским требованиям. Это произойдет, может быть, не сразу, потребуются новые встречи двух, трех или четырех, но дело к этому идет. Вряд ли хватит у Даладье и Бонне решимости обусловить, по крайней мере, уступки отказом Муссолини от других своих требований к Франции.

2. Нас, однако, больше интересуют переговоры Бека с немцами. К сожалению, поляки умеют не хуже скрывать свои дипломатические тайны, чем немцы, и мы об их переговорах ничего не знаем, кроме спекулятивных рассуждений газет, которым я не придаю никакого значения. Бек, поскольку это от него будет зависеть, будет стараться по-прежнему сохранить свободу действий, лавируя между нами и Германией, не связывая себя слишком прочно ни с той, ни с другой стороной. Но позволит ли ему это Гитлер? Не поставит ли он Польшу перед дилеммой: либо полностью подчиниться указке Берлина и включиться в его политику, либо же подвергаться гневу Гитлера и вытекающим из этого последствиям. У Гитлера достаточно средств давления на Польшу. К тому же он будет учитывать затруднительное положение самого Бека, которому очень удобно будет похерить свою прежнюю политику и тесно связаться с нами. Гитлеру также в этом помогает и Бонне своим бракированием * Польши.

Конечно, спорных вопросов между Германией и Польшей накопилось очень много, и прочное длительное соглашение вряд ли возможно. Временно, однако, мыслимо соглашение на базе уступок Польши в вопросе о соединении Восточной Пруссии с остальной Германией коридором через «польский коридор», фактического отказа Польши от своих привилегий в Данциге, без формального присоединения последнего к Германии и смягчения преследования меньшинств.

Что же касается украинской проблемы, то Гитлер может убедить Бека в неактуальности ее или же в том, что акция против СССР будет направлена через Румынию, которую Гитлер также пытается теперь подмять под себя. Прошу Вас сделать все для Вас возможное для получения информации по этому вопросу.

Вернувшийся на днях из Польши посол Гжибовский заверяет нас в прочном характере сближения и в наличии перспектив, в чем его-де убедили беседы с высокопоставленными собеседниками в

* *Brusque (англ.)* — резко, грубо обращаться с кем-либо.

Польше. Если он и говорит правду, то его беседы имели место до поездки Бека в Берхтесгаден, а результаты этой поездки послу еще неизвестны.

Французы продолжают проявлять чрезвычайный интерес к советско-польским отношениям. Пайяр об этом осведомляется при каждой встрече с работниками НКВД. Французское посольство в Варшаве также старается добыть информацию в нашем полпредстве. Любопытно то, что оно старается усилить наше недоверие к Польше, рассказывая о ее вероломстве и ненадежности в сношениях с Францией. Французский журналист в Варшаве, возможно подосланный посольством, рассказывал работникам полпредства, что Бонне умышленно уехал в Альпы на отдых, чтобы избегнуть встречи с Беком, преследуя даже цель обеспечения встречи Бека с Гитлером.

По его мнению, Англия и Франция всячески способствуют Германии в агрессивных действиях, совместно с Польшей, в отношении СССР. Что Франции и Англии хочется толкнуть Германию на Восток, — совершенно понятно и известно. Если верно, однако, и то, что им хочется направить агрессию исключительно по нашему адресу, с тем чтобы Польша не была задета, то это можно объяснить следующим образом. Во-первых, сотрудничество Польши с СССР может дать новый сильный и неотразимый аргумент противникам нынешней политики Бонне и в пользу сохранения связей Франции с Востоком Европы. Во-вторых, нападение Германии на Польшу и СССР, при невмешательстве Франции, поставило бы последнюю в весьма неудобное положение нарушительницы сразу двух пактов. Вот почему Бонне хотел бы изолировать нас от Польши. Выступления «Тан», «Фигаро» и других газет против французских пактов на Востоке, несомненно, инспирированы Бонне и готовят почву для постепенной ликвидации отношений как с нами, так и с Польшей. Тот же французский журналист рассказывал, что Франция намерена задержать последний взнос в счет военного займа Польше. [...]

Литвинов

120. Запись беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Польши Ю. Беком*Варшава, 26 января 1939 г.*

1. Во время беседы с г. Беком я, в развитие переговоров, которые мы вели с ним 6 января в Мюнхене ^{***}, снова вернулся к известному германскому предложению (возвращение Данцига рейху при условии обеспечения там экономических интересов Польши и создание экстерриториальной автомобильной и железнодорожной линии связи между рейхом и его провинцией Восточная Пруссия; за это в качестве компенсации с немецкой стороны — гарантия германо-польской границы). Я снова отметил, что фюрер желает добиться общего урегулирования германо-польских отношений путем заключения соответствующего договорного акта. Г-н Бек, сказал я, должен понять, что пожелания немецкой стороны чрезвычайно умеренны, поскольку отторжение ценнейших частей германской территории и передача их Польше, осуществленные по Версальскому договору, и по сей день воспринимаются каждым немцем как огромная несправедливость, которая была возможна лишь во времена крайнего бессилия Германии. Если опросить 100 англичан или французов, то 99 из них без всякого согласились бы с тем, что возвращение Данцига, а также, как минимум, коридора является само собой разумеющимся требованием немецкой стороны.

На г. Бека мои доводы, кажется, произвели впечатление, однако он снова сослался на то, что следует ожидать самого сильного политического сопротивления внутри страны, вследствие чего он не может оптимистически расценивать это дело; все же, сказал Бек, в дальнейшем он намерен серьезно обдумать наше предложение.

Я условился с г. Беком, что, если Лига наций прекратит выполнение своих функций в отношении Данцига прежде, чем между Германией и Польшей будет заключен договор, включающий и Данциг, мы установим с ним контакт, чтобы найти решение, позволяющее выйти из этой ситуации.

2. Затем я еще раз говорил с г. Беком о политике Польши и Германии по отношению к Советскому Союзу и в этой связи также по вопросу о Великой Украине; я снова предложил сотрудничество между Польшей и Германией в этой области.

Г-н Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю; он тут же указал на якобы существующие опасности, которые, по мнению польской стороны, повлечет за собою для Польши договор с Германией, направленный против Советского Союза. Впрочем, он, говоря о будущем Советского Союза, высказал мнение, что Советский Союз либо развалится вследствие внутреннего распада, либо, чтобы избежать этой

*** См. док. 103.

участи, заранее соберет в кулак все свои силы и нанесет удар.

Я указал г. Беку на пассивный характер его позиции и заявил, что было бы целесообразней предупредить развитие, которое он предсказывает, и выступить против Советского Союза в пропагандистском плане. По моему мнению, сказал я, присоединение Польши к антикоминтерновским державам ничем бы ей не грозило, напротив, безопасность Польши только выиграла бы от того, что Польша оказалась бы с нами в одной лодке.

Г-н Бек сказал, что и этот вопрос он серьезно продумает.

Я поручил послу фон Мольтке развивать в беседах с г. Беком вопросы, указанные в пунктах 1 и 2.

3. В беседе с Беком я снова выразил протест по поводу обращения с нашим немецким меньшинством, и мы условились о том, что переговоры между высшими чиновниками министерств внутренних дел обеих стран, которые уже давно планировались, будут начаты незамедлительно.

Риббентрон

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир...
С. 170—171. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. V.
S. 139—140.

143. Телеграмма министра иностранных дел Великобритании Э. Галифакса послу Великобритании в Соединенных Штатах Америки Р. Линдсею

7 февраля 1939 г.

Пожалуйста, сообщите следующее государственному департаменту для личной и конфиденциальной информации президента:

1. В настоящее время правительство Его Величества подвергло дальнейшему изучению этот вопрос и пришло к следующим выводам:

а) правительство Его Величества подтверждает точку зрения, выраженную в пункте 4 моей телеграммы, относительно угрозы, которую представляло бы для безопасности западных держав любое германское нападение на Голландию, и считает, что в случае германского вторжения в Голландию оно будет вынуждено начать войну с Германией;

б) кроме того, оно считает, что любую попытку со стороны Германии установить господство над Голландией силой или угрозой применения силы также пришлось бы рассматривать как угрозу безопасности Англии;

с) нападение Германии на Швейцарию явилось бы также явным свидетельством попытки Германии установить свое господство в Европе силой, и с этой точки зрения нападение Германии на Голландию и нападение на Швейцарию подпадали бы под одну и ту же категорию. Следовательно, если французское правительство сделает запрос, окажем ли мы помощь Франции, если Германия вторгнется в Швейцарию, а Франция в связи с этим объявит войну Германии, то наш ответ будет положительным.

2. Ввиду этой общей позиции правительство Его Величества решило продолжить штабные переговоры с французским правительством на более широких принципах, чем до сих пор, и расширить их масштаб.

3. Правительство Его Величества далее обдумывает вопрос о том, чтобы сделать публичное заявление о своей позиции в отношении Нидерландов, которое, не будучи так конкретизировано, как выводы, суммированные выше, сделало бы ясным, что наши интересы как в Нидерландах, так и в Бельгии столь важны, что они выходят за рамки юридических обязательств, и что правительство Его Величества поэтому было бы обязано рассматривать любую попытку нарушить или подвергнуть опасности независимость и целостность этих двух стран как затрагивающую интересы, которые являются жизненно важными для безопасности Англии.

146. Телеграмма посла США в Японии Дж. Грю государственному секретарю США К. Хэллу*8 февраля 1939 г.*

Япония вступила в переговоры с Германией и Италией о конкретном союзе, как военном, так и политическом. Вопросы, обсуждаемые в данное время, касаются точного установления объема соглашения, т. е. должно ли оно быть направлено только против России или также против других государств. Вышесказанное основано на достоверных сообщениях. Говорят, что Германия и Италия добиваются широкого применения соглашения, тогда как Япония хочет ограничить сферу деятельности союза.

Очевидно, немцы и, в меньшей степени, итальянцы стремятся к соглашению, которым признавалось бы и осуществлялось бы на практике превосходящее стратегическое положение, которое они занимают по сравнению с Японией, в случае возникновения конфликта между Россией и каким-либо членом союза. У нас есть надежные сведения, что немцы и итальянцы считают Японию естественным союзником, потому что они уверены, что Япония воспользовалась бы случаем напасть на Россию, если бы эта держава оказалась в войне с Германией или Италией или с ними обеими. Вот почему они не хотят давать обязательства прийти на помощь Японии, если Япония одна вступит в конфликт с Россией.

Сейчас оказывается давление со стороны важных умеренных кругов, чтобы удержать японское правительство от полного присоединения к оси Рим — Берлин. Однако осуществляется сильный нажим и с другой стороны; более молодые армейские офицеры особенно ревностно выступают за это объединение. Полагают, что министр иностранных дел Арита относится к заключению этого союза благосклонно. Именно он был вдохновителем заключения антикоминтерновского пакта.

Используя неофициальные каналы, я высказал Арита мысль, что Япония, прежде чем предпринять окончательный шаг, следовало бы обдумать, какое действие мог бы оказать такой союз на ее отношения с Соединенными Штатами. Мой британский коллега считает, что мне было бы полезно постараться поговорить с Арита по этому вопросу, но я не уверен в том, что прямое обращение желательнее. Я убежден, что, если в дальнейших разговорах с Арита этот вопрос встанет сам собой, мне будет лучше всего ограничиться тем, чтобы подчеркнуть, что, учитывая основные интересы Японии, она должна развивать и поддерживать дружественные отношения со всеми странами и что дружественные отношения с Соединенными Штатами и Великобританией особенно важны, потому что быстрое развитие Японии в экономическом и промышленном отношении было бы невозможно без благоприятствующей торговой политики Америки и Великобритании. Мне кажется, что главной выгодой, на которую мы можем обратить внимание Арита в качестве возмещения за все то, что японцы надеются получить

от соглашения с осью, является ценностью для Японии британского и американского рынков. Вне зависимости от того, какова может быть политика правительства, правительство не может обязательно контролировать то, что с моральной точки зрения санкционируется народом.

Государственный департамент может определить лучше, чем я, целесообразно ли прямо обратиться к министру иностранных дел по этому вопросу и должно ли такое обращение, если оно будет сделано, быть предпринято по указанию государственного департамента или под мою личную ответственность.

Грю

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир...
С. 191—193. Оpubл. в изд.: Papers Relating
to the Foreign Relations of the United States,
Japan. 1931—1941. Vol. II. Washington,
1943. P. 161—162.

**150. Письмо полномочного представителя СССР в Великобритании
И. М. Майского народному комиссару иностранных дел СССР
М. М. Литвинову**

10 февраля 1939 г.

Дорогой Максим Максимович,

1. Хотя Вы очень скептически относитесь к возможности войны между державами «оси» и «западными демократиями», я полагаю, что совсем исключать такую перспективу, и именно на 1939 г., нельзя. В основном дело будет зависеть от Гитлера и Муссолини, которые вообще в последние годы целиком взяли в свои руки инициативу на международном поле европейской политики. Политика Чемберлена, как Вам известно, сводится к сделке с агрессорами за счет третьих стран. Но запас этих третьих стран довольно быстро иссякает. Чехословакия — уже пройденный этап. Та же роль, видимо, в близком будущем уготована Испании. На Восток, по известным Вам соображениям, Гитлер, во всяком случае сейчас, не собирается идти (я не считаю движением на восток такие «мелочи», как Данциг или Мемель *). Не говоря уже об СССР, он как будто бы мало склонен круто выступить даже против Польши. Несомненно, под угрозой находится Румыния, но и тут Германия до поры до времени собирается выжидать, потому что успехи Франко и активность Муссолини как раз сейчас открывают на Западе такие перспективы богатых и, по-видимому, бескровных побед, каких не видно на Востоке.

2. Таким образом, на ближайший период, скажем, до конца текущего года или во всяком случае до середины текущего года, в распоряжении Чемберлена нет таких «третьих стран», которые можно было бы сравнительно легко и удобно бросить, как кость, фашистским агрессорам. Быстро приближается момент, когда Чемберлену придется откупаться либо за счет Британской империи, либо за счет таких стран (Франция, Бельгия, Голландия), к судьбе которых по соображениям самого эгоистического свойства он не может быть слишком равнодушен. Конкретно вопрос упирается в колониальную проблему, ибо требования Муссолини к Франции, по существу, тоже являются колониальными требованиями. Мне уже приходилось Вам раньше писать, что одно дело торговать чужими странами и территориями и совсем другое дело жертвовать собственными владениями. Все, что мне приходится здесь видеть, слышать и наблюдать, подтверждает правильность этого утверждения. Должна ли, однако, постановка всерьез колониальной проблемы непременно повести к войне между двумя «осями»? Конечно, нет. Все зависит от того, как и в какой форме будет поставлена эта проблема.

3. Если Муссолини, как Вы предполагаете, спрячет на время свои территориальные требования и ограничится такими сравнительно «невинными» вещами, как статус итальянцев в Тунисе,

* Клайпеда.

льготы в Джибути, место в управлении Суэцкого канала и т. п., войны, конечно, не будет. Я Вам уже не раз сообщал, что правительственные и политические круги в Англии уже теперь полностью готовы к удовлетворению подобных притязаний Италии. Франция тоже едва ли встанет из-за этого на дыбы. Но ограничиться ли Муссолини, может ли ограничиться Муссолини минимальным вариантом своих требований? Может ли Гитлер остаться при этом пассивным и не использовать благоприятной ситуации также и в своих интересах? И если не может, то какие требования он думает выдвинуть?

4. Вся сумма наблюдений и информации, которыми я располагаю, заставляет меня допустить, что Гитлер и Муссолини попытаются до максимума использовать именно текущий 1939 г. Причина ясна: соотношение сил между двумя «осями» сейчас для фашистского блока более благоприятно, чем (судя по всем данным) оно будет для него, скажем, в 1940 или 1941 гг. На суше и в воздухе (особенно в воздухе) Италия и Германия в настоящий момент, несомненно, гораздо сильнее, чем их противники. С каждым новым месяцем положение будет изменяться в неблагоприятную для фашистских держав сторону: Англия и Франция гораздо медленнее расквашиваются в деле своих вооружений, но, раз расквашившись (а Англия уже близка к такому моменту), они благодаря неизмеримо большей мощности своих финансовых, экономических и всяких иных ресурсов имеют полную возможность не только догнать, но и перегнать своих фашистских соперников. Приведу один пример: Англия сейчас производит около 400 самолетов в месяц (против 150 весной прошлого года) и рассчитывает производить в октябре 700, а в начале 1940 г. — до 1000 в месяц. Сверх того, к услугам Англии и Франции имеются гигантские индустриальные резервы США. А вместе с ощущением все возрастающей военной мощи, естественно, меняется и будет меняться настроение руководящих кругов обеих «демократий». Далее, экономические и финансовые трудности Германии и Италии систематически возрастают. Их не надо переоценивать, но не надо также недооценивать. Все заставляет думать, что при сохранении нынешнего бешеного темпа вооружений положение названных стран в 1940 или 1941 гг. будет хуже, чем сейчас. Политическая атмосфера в данный момент, после побед Франко и полного поглощения Чехословакии, также в высшей степени благоприятна для фашистских авантюров, — неизвестно, удержится ли она до будущего года. Равным образом неизвестно, сохранится ли до того времени у власти Чемберлен — этот важнейший союзник Гитлера и Муссолини, а также останется ли в силе тот раскол между Англией и Францией, с одной стороны, и СССР — с другой, который сейчас так облегчает Германии и Италии свободное маневрирование на европейской арене. Все эти и им подобные соображения должны, мне кажется, толкать Гитлера и Муссолини к большой активности именно теперь, пока еще не поздно, в 1939 г. Вот почему мне представляется вполне вероятным,

что обе фашистские державы не смогут ограничиться сейчас минимальными вариантами своих требований, а выдвинут какую-либо гораздо более серьезную программу, которую Англии и Франции не так-то легко будет проглотить.

5. Пойдут ли Лондон и Париж на войну из-за вопроса о колониях? Я затруднился бы дать вполне определенный ответ на этот вопрос. Опыт прошлого и личность премьер-министра сильно предрасполагают к ожиданию нового Мюнхена. Однако мне кажется, что было бы все-таки неправильным совершенно исключать возможность войны. Очень многое будет зависеть от цены, которую запросят Гитлер и Муссолини. Очень многое будет также зависеть от состояния нервов Чемберлена и его коллег. Трусость и близорукость, как Вы знаете, часто, помимо своей воли, могут открыть ворота войне. Одно во всяком случае мне кажется несомненным: ближайшие полгода будут чрезвычайно опасным периодом в европейской политике, и здесь надо быть готовым ко всяким неожиданностям.

Полпред СССР
в Великобритании
И. Майский

АВП СССР, ф.06, оп.1, л.5, д.35, л.51—53.

152. Запись беседы германского журналиста с послом Германии в Польше Г. Мольтке*13 февраля 1939 г.*

Мольтке поинтересовался моим мнением о состоянии германо-польских отношений после визита Риббентропа в Варшаву. Состоялся следующий разговор.

Я. У меня складывается впечатление, что германо-польские отношения оставляют желать много лучшего. Польша явно пользуется моментом, когда взоры немцев повернуты в сторону Запада, с тем чтобы в самых разных сферах, например в вопросе о национальных меньшинствах, усиленно проводить антигерманскую политику. Я думаю, что в германо-польских отношениях, с нашей точки зрения, не будет в дальнейшем прогресса. Кажется, что и визит Риббентропа не принес никаких успехов в этом отношении.

Мольтке. Имперский министр иностранных дел прибыл в Варшаву, не имея твердой программы. У него не было и определенных намерений. Учитывая это, было бы неправильно ожидать от его варшавского визита нового этапа в германо-польских отношениях.

Я. Может быть, это и верно, но, несмотря на это, варшавский визит имперского министра иностранных дел дал возможность активизировать германо-польские отношения. Например, из высказываний министра перед представителями германской прессы я вынес впечатление, что поднимался вопрос о присоединении Польши к антикоминтерновскому пакту, по крайней мере в форме намека, и что министр Бек высказался по этому вопросу отрицательно.

Мольтке. Вы заблуждаетесь. Имперский министр иностранных дел во время бесед с Бекком вообще не касался этого вопроса. Кроме того, польская позиция в отношении борьбы с коммунизмом ясна.

Я. Будет ли достаточно этой ясной польской позиции и на тот случай, если произойдет столкновение между Германией и Россией? По моему мнению, Польша 27 ноября 1938 г., когда осложнения на Востоке, казалось, стали актуальными, дала понять в польско-советской декларации*, что она не станет активно поддерживать Германию против Советского Союза.

Мольтке. Декларация от ноября 1938 г. не имеет значения и в этом смысле понимается также и в Берлине. Обстановка полностью ясна. Мы знаем, что Польша в случае германо-русского конфликта будет стоять на нашей стороне. Это совершенно определено.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир...
С. 198—199.

* См. док. 62.

175. Записка о речи рейхсканцлера Германии А. Гитлера на совещании представителей военных, экономических и партийных кругов Германии*8 марта 1939 г.*

В среду, 8 марта, у фюрера состоялось совещание, на котором присутствовали ответственные представители военных, экономических и партийных кругов. Кроме вышеупомянутых лиц присутствовал гаулейтер Бюркель, представляющий «Австрию».

Сначала обсуждались экономические вопросы и вопросы рабочей силы. Затем выступил фюрер. Вначале он сказал, что четырехлетний план является последним прибежищем. Насущная проблема для немецкого народа — обеспечить себя источниками сырья, необходимого для его благосостояния. Кроме того, для того чтобы немецкий народ мог пользоваться этим благосостоянием, должны быть полностью истреблены его враги: евреи, демократии и «международные державы». До тех пор, пока эти враги располагают хотя бы малейшими остатками власти в каких-либо частях мира, они будут представлять угрозу мирному существованию немецкого народа.

В этой связи положение в Праге становится нетерпимым. Кроме того, Прага нужна как средство доступа к сырью. В соответствии с этим отданы приказы о том, чтобы через несколько дней, не позднее 15 марта, Чехословакия была оккупирована войсками.

Затем последует Польша. Нам не придется ожидать тут сильного сопротивления. Господство Германии над Польшей необходимо для того, чтобы снабжать Германию сельскохозяйственными продуктами и углем Польши.

Что касается Венгрии и Румынии, то они, безусловно, относятся к жизненно необходимому пространству Германии. Падение Польши и оказание соответствующего давления, несомненно, сделают их сговорчивыми. Тогда мы будем полностью контролировать их обширные сельскохозяйственные ресурсы и нефтяные источники. То же самое можно сказать о Югославии.

Это план, который будет осуществлен до 1940 г. И тогда Германия станет непобедима.

В 1940 и 1941 гг. Германия раз и навсегда сведет счеты со своим извечным врагом — Францией. Эта страна будет стерта с карты Европы. Англия — старая и хилая страна, ослабленная демократией. Когда Франция будет побеждена, Германия с легкостью установит господство над Англией и получит тогда в свое распоряжение богатства и владения Англии во всем мире.

Таким образом, впервые объединив континент Европы в соответствии с новой концепцией, Германия предпримет величайшую за всю историю операцию: используя британские и французские владения в Америке в качестве базы, мы сведем счеты с «еврей-

скими королями доллара» в Соединенных Штатах. Мы уничтожим эту еврейскую демократию, и еврейская кровь смешается с долларами. Еще сегодня американцы могут оскорблять наш народ, но настанет день, когда они, хотя и слишком поздно, горько раскаются в каждом слове, произнесенном против нас.

Среди присутствовавших некоторые отнеслись к этому восторженно, тогда как другие, по-видимому, проявили значительно меньше энтузиазма.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир...
С. 224—225.

176. Из телеграммы посла Великобритании в Германии Н. Гендерсона министру иностранных дел Великобритании Э. Галифаксу

9 марта 1939 г.

[...]12. Два года тому назад мой предшественник подытожил непосредственные (и с точки зрения Германии понятные) цели Гитлера, подразделив их на три категории:

- 1) поглощение Австрии и других населенных немцами районов (например, населенные немцами окраинные районы Чехословакии),
- 2) экспансия на восток,
- 3) возвращение колоний.

13. В прошлом году Гитлер в значительной степени достиг целей, указанных в первом пункте, и даже, вероятно, скорее, чем он предполагал. Кажется неминуемым, что с течением времени Мемель и Данциг и даже, возможно, некоторые другие незначительные районы будут вновь присоединены к рейху на основе самоопределения. Самое большое, на что мы можем надеяться, — что это произойдет без бряцания оружием, конституционным путем или путем мирных переговоров. Вопрос о колониях требует тщательной подготовки и гораздо более благоприятной атмосферы, чем та, которая возможна на протяжении этого года. Поэтому, чем меньше говорить о них в данный момент, тем лучше.

14. Остается пункт об экспансии на Восток, и поэтому главным и непосредственным вопросом является вопрос о том, каковы дальнейшие законные или незаконные цели Гитлера в этом направлении. Говорят: «Аппетит приходит во время еды», но правильный ответ, вероятно, будет находиться где-то между опасениями пессимистов и надеждами оптимистов. Германия очень большая страна, и 80 млн трудолюбивых и дисциплинированных немцев всегда будут беспокойным фактором в политике и экономике Европы. К этому, по крайней мере, мы должны быть полностью готовы. Поскольку действия людей зависят от случайных обстоятельств, остальное в значительной степени является предположительным. Тем не менее я считаю себя обязанным заметить здесь, что многое в разговорах о наступлении Германии на Голландию и Швейцарию, Украину и Румынию следует рассматривать, по меньшей мере, как весьма преждевременное. Не следует забывать, что одним из принципов нацизма в его нынешней форме является чистота расы. Одно дело — Австрия и судетские земли, населенные чистокровными немцами и где, как в первом случае, большинство населения было в принципе настроено в пользу создания Великой Германии, и совсем другое — страны, в которых такого большинства нет. Человек весьма склонен считать, что, поскольку случилось одно, следует ожидать в равной мере и другого. В каждой стране существуют экстремисты, и, хотя неизбежно, что при первом порыве безумства осуществит германское единство здесь будут идти разговоры о Швейцарии и Голландии, я считаю, что любая агрессия

в отношении них при настоящих обстоятельствах слишком гипотетична для того, чтобы уделять ей серьезное внимание. Что касается Румынии, ясно, что Германия пожелает обеспечить себя наибольшей долей продукции румынских нефтяных промыслов. Нам, видимо, трудно возражать против этого, поскольку любые соглашения, которые она в этих целях может заключить, будут достигнуты путем открытых переговоров с правительством этой страны. Что касается Украины, то хотя я и считаю идею завоевания невероятной, мне кажется тем не менее неизбежным, что Германия проявит желание попытаться отторгнуть эту богатую страну от обширного государства, которое она считает своим основным врагом. В своих собственных интересах она предпочла бы, естественно, чтобы Украина была независимой и служила бы буферным государством между ней и этим врагом, и совершенно очевидно, что она хотела бы пользоваться там преобладающим экономическим и политическим влиянием. Я не думаю, чтобы СССР покорно подчинился германским интригам до такой степени, и мне кажется, что, чем меньше мы будем принимать чью-либо сторону в этом конфликте, тем лучше.

15. По моему мнению, со времени войны мы совершили ошибку, проявив неспособность и нежелание понять подлинную сущность Германии. Как бы неприятно это ни было для нас и для остальной Европы, но стремление Гитлера объединить немцев — будь то австрийцы или судетские немцы — в Великой Германии не было неизменным. Методы, которыми было осуществлено присоединение в этих двух случаях, вызвали у нас справедливое негодование, но само по себе это присоединение было не чем иным, как осуществлением стремления, которое никогда не оставляло умы всех германских мыслителей на протяжении веков.

16. Другой фактор, который мы не сумели учесть, — это то, что за самоуверенностью нацистского режима все еще скрывается комплекс неполноценности и глубоко укоренившаяся нервозная неуверенность. Мы не можем представить себе, сколько выстрадала Германия в результате блокады во время войны и условий Версальского договора. В настоящее время всех немцев больше всего пугает возможность повторения этих страданий, и это в значительной степени оказывает влияние на политику Гитлера.

17. Гитлер указал в «Майн кампф» совершенно ясно, что «жизненное пространство» для Германии может быть найдено только в экспансии на Восток, а экспансия на Восток означает, что рано или поздно весьма вероятно столкновение между Германией и Россией. Имея под боком доброжелательную Англию, Германия может сравнительно спокойно предусматривать такую возможность. Но она живет в страхе, что может произойти обратное — война на два фронта, которая, как кошмар, преследовала также Бисмарка. Лучшим способом установления хороших отношений с Германией является поэтому следование по линии уклонения от постоянного и раздражающего вмешательства в дела, в которых

интересы Англии прямо или существенно не затрагиваются, а также по линии перспективы сохранения нейтралитета Англии в случае, если Германия будет занята на Востоке. Я говорю «по линии», поскольку, само собой разумеется, мы не можем слепо давать Германии карт-бланш на Востоке. Однако достижение соглашения с Гитлером не исключается при условии, если оно будет ограничено положениями, выполнения которых можно будет вполне разумно ожидать от Гитлера.

[...]20. Кратко я суммировал бы непосредственные цели Германии (а именно на ближайшие один-два года) следующим образом: Мемель, Данциг, колонии и полное политическое и экономическое подчинение Чехословакии Германии. Последнее, может быть, нам не по вкусу, но с географической точки зрения это неизбежно.

21. Мне не хотелось бы идти дальше этого, а лишь провести границу между незаконной целью политического господства и законной целью развития торговли. Трудно определить, где кончается одно и начинается другое. Гитлер считает себя избранныком, которому предначертано судьбой обеспечить для Германии жизненное пространство под солнцем, на которое, по его мнению и мнению всех немцев, Германия имеет право. Эта уверенность означает экономическое и политическое превосходство в Центральной и Восточной Европе. Потенциально Германия уже обладает таким превосходством, и, если мы желаем установить с ней взаимопонимание, необходимо в какой-то степени признать этот факт. Если цель нашей политики после 1938 г. состоит в том, чтобы ограничить Германию экономически, как она была ограничена территориально после 1918 г., то мы должны считаться с перспективой сохранения навсегда гонки вооружений, с возможностью разочарования в конечном счете. Более того, не следует забывать, что, если притязания Германии окажутся преувеличенными, эта болезнь несет в себе свое собственное исцеление. Проведение политики «мирового господства» или даже гегемонии в Центральной и Восточной Европе повлечет за собой враждебность всего мира или, по крайней мере, неприязнь каждой соседней европейской страны; и ни одно государство, каким бы могущественным оно ни было, не смогло бы в конце концов противостоять такому объединению.

22. Я сознаюсь в том, что мне всегда кажется, что разговоры о стремлении Германии к «мировому господству» слегка вводят в заблуждение. По-видимому, это всеобъемлющее слово означает превосходство не только в Европе, но и в Африке, в Азии, а также и в Америке. Вполне возможно, что у некоторых немцев есть такие безумные мысли, но я верю, что Гитлер все еще в достаточно здравом уме, чтобы лелеять такую дикую фантазию. До наполеоновской эры властелин Европы мог стремиться стать властелином мира. Но в XX веке эта концепция устарела. Рост могущества Соединенных Штатов Америки и Японии, которым было дозволено развиваться беспрепятственно под прикрытием британского флота, сделал это невозможным.

23. Вот почему, как я сказал выше, моя оценка целей Германии находится где-то между преувеличенными опасениями пессимистов и в равной мере преувеличенными иллюзиями оптимистов. По-моему, при рассмотрении британской политики руководствоваться идеей о Германии, стремящейся к мировому господству, так же бесполезно, как было бы неблагоприятно предсказывать границы, которые Гитлер или последующие правители Германии могут установить для своего пространства под солнцем, которое, как они слишком оптимистически считают, должно принадлежать Германии. Все зависит от обстоятельств и удобного случая, от хода развития событий, от сопротивления, которое встретит Германия, а что касается Гитлера, возможно, от его голоса, т. е. от вдохновляющей силы, которая, как он верит, руководит им свыше. И по общему признанию, «жизненное пространство» — выражение настолько туманное, что оно поддается почти любому толкованию. Какое-то решение колониального вопроса является в конечном счете необходимым, если Великобритания и Германии предстоит жить дружно бок о бок. Но в то же время будущее Германии на континенте определяется движением на Восток, и возможно, это уже не так плохо. «Дранг нах Остен» — реальность, но «Дранг нах Вестен» станет таковой только тогда, если Германия обнаружит, что все пути на Восток блокированы, или если сопротивление Запада будет таковым, что Гитлер убедится, что он не может идти в восточном направлении, не обезвредив сначала это сопротивление.

Невиль Гендерсон

P. S. Вышеприведенная телеграмма была написана до обострения теперешнего кризиса в Чехословакии и, следовательно, в данный момент представляет академический интерес.

Н. Г.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир...
С. 226—230. Опубл. в сб.: Documents on
British Foreign Policy... Third series. Vol. IV.
P. 213—217.

179. Из краткого отчета полномочного представительства СССР в Германии о политической жизни в Германии в 1938 г.*11 марта 1939 г.*

[...] *Реализация мюнхенского соглашения.* Октябрь месяц прошел под знаком реализации мюнхенского соглашения и развития всех заложённых в нем для Германии возможностей. Уступчивость берлинской комиссии послов, целиком принимавшей все германские требования, дала Гитлеру возможность выйти за пределы мюнхенского соглашения и почти целиком реализовать годесбергскую программу. Не довольствуясь территориальными приобретениями, Берлин стал навязывать Чехословакии требования по линии экономической и внутренней политики, по обеспечению прав оставшегося в новых пределах немецкого меньшинства и т. п. Визит Хвалковского 13 октября дал Гитлеру возможность продиктовать Праге свои пожелания, склонившиеся к тому, чтобы Прага целиком пошла по пути согласования всех отраслей своей политики с пожеланиями Берлина.

Не ограничиваясь присоединением V зоны, что сделало излишним оговоренный в Мюнхене плебисцит, Берлин 21 ноября «договорился» с Прагой о присоединении ряда новых участков под видом коррективов улучшения транспортной связи. Из серии актов, оформивших закабаление Чехословакии, стоит отметить соглашение от 19 декабря об экстерриториальной зоне в Богемии для постройки немцами автострады Бреславль—Вена. Известно, какие изменения во внутренней (и внешней) политике провела Прага под нажимом Берлина. Все эти уступки Праги до сих пор, однако, не считаются исчерпывающими, и Берлин продолжает постепенно выдвигать новые требования. Одним из моментов, могущим в любой момент быть использованным Берлином, является положение немцев в Чехословакии, каковые продолжают, по официальным разъяснениям Берлина, считаться под покровительством Германии и, по существу, являются государством в государстве.

Экспансия на Юго-Востоке и в Прикарпатской Руси. В октябре Германия до известной степени содействовала Венгрии, нажимавшей на Чехословакию. Впрочем, уже в то время стала намечаться особая линия Берлина в вопросе Карпатской Руси (переименованной по настоянию немцев в Украину). Берлин, не нуждаясь уже в польско-венгерской поддержке, стал явно противиться разделу Карпатской Руси между Польшей и Венгрией. Все усилия посла Липского добиться у Гитлера согласия на этот вариант раздела и предлагавшего будто бы за это ряд уступок в вопросе о «коридоре» и по линии экономики успеха не имели. Став арбитром в споре между Прагой и Будапештом, Берлин 2 ноября вместе с Римом (куда 27 октября съездил Риббентроп, договорившийся на эту тему с Муссолини) наметил новую венгеро-чехословацкую границу, сохранив, однако, Карпатскую Украину за Чехословакией и не допустив, таким образом, создания общей границы с Венгрией

и Польшей. Это создало заметное охлаждение в отношении к Берлину в Венгрии.

Эти акции дали основание серии слухов о новых агрессивных планах Берлина на Востоке. Говорилось о предстоящем нажиме на Румынию, о дальнейшей фашизации Венгрии, о планах создания «независимой» Украины из карпатской части с присоединением частей Польши и Румынии и дальнейшей экспансией в сторону СССР. Слухи об Украине особенно усиленно муссировались с французской стороны. Усиление интереса Берлина к экономике стран Юго-Восточной Европы выразилось в поездке Функа по Балканским странам и в Турцию. Появились сведения о переделке четырехлетнего плана, с тем чтобы новый вариант его включил создание промышленности, которая могла бы полностью удовлетворить импортные потребности этих стран. В таком же духе звучала и пропаганда, связанная с работами по соединению каналом Дуная с Рейном и намечающимся в результате этого выходом Германии к Черному морю.

Политическая агитация Германии по части освоения Юго-Восточной Европы не получила в 1938 г. широкого осуществления и даже натолкнулась на непредвиденные препятствия. Процесс фашизации Венгрии несколько застопорился, и усилились признаки антигерманских настроений в связи с недовольством венгров арбитражными решениями. Расправа с «железной гвардией» вызвала резкое охлаждение между Берлином и Румынией и взаимный отъезд посланников. Спротивление, наметившееся в Польше по вопросу об Украине, также заставило Берлин более осторожно отнестись к этому вопросу. Вряд ли у Берлина были серьезные предположения на ближайшее время по части Советской Украины. Скорее всего тут было желание французской стороны видеть экспансию Германии направленной на Восток. Так или иначе, эти слухи, как и слухи об отторжении польской Украины, подтвержденные не получили и в дальнейшем были опровергнуты Гитлером в беседах с Чаки и Беком в январе 1939 г.

Наоборот, все более отчетливо стали обрисовываться колониальные устремления германской политики. Усилилась пропаганда в пользу возвращения Германии колоний. Компромиссные предложения южноафриканского военного министра Пироу, приезжавшего в Германию в конце ноября и зондировавшего почву разрешения колониальной проблемы путем предоставления Германии компактной территории из бывших германских, а также португальских и бельгийских владений, не встретили одобрения фюрера. Тезис последнего: полное возвращение Германии ее бывших колоний — это вопрос чести и справедливости, в котором нет места каким-либо торжкам.

Постепенное заострение германской политики в западном направлении выразилось в форсировании строительства укреплений на западной границе. В дополнение к тому, что было построено летом, было объявлено о начале работ по укреплению местности

близ Аахена и бельгийской границы. Все эти работы были широко рекламированы и мотивированы фактом усиления военного строительства в Англии и Франции. [...]

АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 27, д. 61, л. 52—
55. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир...
С. 230—232.

205. Письмо посла Франции в Германии Р. Кулондра министру иностранных дел Франции Ж. Бонне*19 марта 1939 г.*

После аннексии рейхом Богемии и Моравии и перехода под немецкую опеку Словакии я хотел бы попытаться охарактеризовать положение, сложившееся вследствие этих перемен, резко изменивших карту Европы, определить, в каких направлениях будет развиваться немецкий динамизм, рассмотреть вопрос о том, можем ли мы по-прежнему считать, что этот динамизм направлен только на Восток, и извлечь из всего этого несколько практических выводов для нашего руководства.

Откровенный вызов мировому общественному мнению, выразившийся в вероломстве, цинизме, жестокости, применении силы, при помощи которой третий рейх только что стер с европейской карты Чехословакию, не может, однако, рассматриваться ни как отказ от генеральной политической линии Германии, которую она заняла с осени прошлого года, ни даже как отклонение от этой линии. После конференции в Мюнхене сразу стало ясно, что за Рейном подписанные соглашения истолковывают как предоставление Германии свободы действий в Центральной и Восточной Европе и что соответственно западные державы проявят относительную незаинтересованность в этих районах. В Германии поняли или сделали вид, что поняли, будто в Мюнхене Франция и Англия хотели прежде всего предотвратить применение силы, но что в остальном эти страны согласны с преобладанием немецкой воли в тех районах, где ни Париж, ни Лондон не имеют никакой возможности эффективного вмешательства.

Мюнхенские соглашения, подкрепленные англо-германской * и франко-германской ** декларациями, означали с немецкой точки зрения предоставление рейху права организовывать по своему усмотрению Центральную и Юго-Восточную Европу при молчаливом согласии западных держав или, по крайней мере, при проявлении терпимости с их стороны. Эта точка зрения в течение последних месяцев ежедневно излагается на страницах крупных немецких газет, отражающих взгляды официальных кругов, и в сообщениях посольства этот факт уже неоднократно отмечался. Я лично неоднократно имел возможность убедиться в наличии подобных настроений как у г-на Риббентропа, так и у г-на Вайцеккера. Оба они к тому же выражали некоторое недоумение всякий раз, когда я говорил им, что Франция — великая европейская держава — намеревается сохранить свои позиции повсюду в Европе и что в этом вопросе не должно быть никаких недопониманий и недоразумений. Однако же недопонимание существует. Здешние руководители используют любую возможность, чтобы подчеркнуть, что Центральная Евро-

* См. док. 2.

** См. док. 75.

па — это район, где, по заявлению самого фюрера в речи от 30 января, «западным державам делать нечего».

Поэтому захват немцами Богемии и Моравии и распространение германской опеки на Словакию соответствуют политике экспансии на Восток, которую Германия не только не скрывала с осени прошлого года, но о которой она открыто заявляла.

Тенденции немецкой внешней политики за последние полгода можно было бы резюмировать следующим образом: чисто оборонительная позиция на Западе и направление гитлеровских устремлений и целей на Восток. Попытка немцев оккупировать вооруженным путем всю Словакию и даже Закарпатскую Украину показывает, впрочем, еще убедительнее, чем аннексия Богемии и Моравии, истинные цели и направление германского продвижения.

Если дальнейшее распространение германского влияния в восточном направлении не может вызвать у нас никакого удивления, то мы имеем полное право возмутиться против тех форм, которые приняла эта акция, и против тех неслыханных методов, к которым прибегнул третий рейх. Именно эти методы и эти формы и означают отказ от политики разрядки напряженности, начало которой было положено в Мюнхене и которая нашла свое выражение в декларации от 30 сентября и 6 декабря. Франция и Англия были вправе ожидать, что в случае возникновения новых осложнений в Центральной Европе рейх будет консультироваться с ними. Германское правительство не могло к тому же не знать о том, что правительства Парижа и Лондона были готовы к подобному обмену мнениями. Франция и Великобритания были вправе также полагать, что Германия не отбросит этнические принципы, которые в Мюнхене позволили решить германско-чешский кризис, и что после своих ссылок в сентябре на право национальностей она не нарушит его так грубо. Париж и Лондон не могли ожидать, что после отказа в Мюнхене от применения силы Германия вновь прибегнет в еще более нетерпимых условиях к угрозе безжалостного истребления гражданского населения с помощью своей авиации. Франция и Англия не могли также полагать, что руководители рейха отнесутся к мюнхенским соглашениям и к последовавшим за ними декларациям как к пустым бумажкам и что они с такой легкостью выбросят в мусорный ящик документы со свежей подписью главы германского государства.

Но в действительности так произошло. Мюнхенские соглашения больше не существуют. Психологические принципы, на основе которых могли бы развиваться отношения, предусматриваемые декларациями от 30 сентября и 6 декабря, уничтожены. Некоторые газеты рейха интерпретируют уже демарш Франции и Англии, заявивших 18 марта о том, что они не могут признать законным положение, созданное рейхом в Центральной Европе, как отказ от ряда соглашений.

Таким образом, мы находимся перед лицом совершенно новой ситуации. Германия не довольствовалась лишь расширением и

упрочением своего экономического и политического влияния на народы, живущие на границах рейха. Она проявила намерение поглотить, если не уничтожить, эти народы. От политики экспансии она перешла к политике захвата, а требования, основанные на расовой общности, отныне уступили место военному империализму.

Грубое проявление аннексионистских appetитов, которые до сих пор третий рейх считал нужным маскировать, не могло не вызвать глубокого волнения во всем мире. Почувствует ли гитлеровская Германия перед лицом вызванного ею осуждения необходимость остановиться, после того как за один год она поглотила 18 млн новых граждан, в том числе 8 млн человек негерманской расы? Или же, наоборот, она продолжит свое продвижение на Восток, используя быстроту своего натиска и оцепенение, которое охватило государства Центральной Европы? Или же она не устоит перед соблазном повернуться в сторону Запада, чтобы покончить с противлением западных держав, которые стесняют свободу продвижения рейха на Востоке? Иными словами, не попытается ли фюрер вернуться к концепции автора «Майн кампф», идентичной, впрочем, классической доктрине немецкого генштаба, согласно которой рейх не сможет осуществить свои высокие предназначения на Востоке до тех пор, пока не разгромит Францию и не положит конец могуществу Англии на континенте?

Следовало бы поставить перед собой вопрос: не поздно ли еще создать на Востоке барьер, способный в какой-то мере сдерживать немецкое продвижение, и не должны ли мы в этих целях воспользоваться благоприятной возможностью, созданной волнениями и беспокоействами, царящими в столицах Центральной Европы, и в частности в Варшаве?

Выгодные для рейха перемены, вновь происшедшие в Европе, незамедлительно приведут если не к значительному численному росту армии, то, по крайней мере, к увеличению военного потенциала рейха.

Германия, все валютные ресурсы которой были почти полностью израсходованы, наложила руку на большую часть золотого и валютного запаса чешского эмиссионного банка. Полученная таким образом сумма (50 млн долларов) является весьма ценной поддержкой для страны, которая была почти полностью лишена средств для международных платежей.

Еще более важным является тот факт, что Германия получила в свои руки значительное количество первоклассного вооружения, а также заводы Шкода. Эти предприятия, пользующиеся мировой известностью, снабжали вооружением не только Чехословакию, но и Румынию и Югославию, которые, таким образом, будут значительно ослаблены в военном отношении. Напомним мимоходом, что заводы Шкода поставляли для нас авиационные моторы. Обладая заводами Круппа и предприятиями Шкода, рейх теперь, бесспорно, имеет все преимущества для поставки вооружения в Восточную и Юго-Восточную Европу. Тем самым он имеет в своем

распоряжении средства для оказания политического давления и осуществления контроля над вооружением, эффективность которых не следует недооценивать, так же как не следует недооценивать и его возможности приобретения путем продажи вооружения за границу ценной для него валюты.

Кроме того, захват Богемии и Моравии является первой территориальной операцией, которая не создаст дополнительных затруднений для рейха в области снабжения продовольствием. Наоборот, она значительно улучшит продовольственное снабжение Германии не только потому, что земли Богемии и Моравии являются относительно плодородными, но и прежде всего потому, что рейх отныне находится у ворот зерновых богатств Венгрии и Румынии.

С другой стороны, руководители экономики рейха будут иметь теперь в своем распоряжении значительный резерв рабочей силы. Автаркия, гонка перевооружений, большие строительные работы — все это требовало такого огромного количества рабочей силы, которым рейх не обладал. В промышленности и в сельском хозяйстве не хватало полутора миллионов рабочих. В этих условиях трудно было понять, каким образом Германия в случае всеобщей мобилизации могла бы обеспечить свои возросшие потребности в рабочей силе и заполнить те пробелы, которые образуются вследствие призывов в армию. Чехи, которых немцы считают недостойными службы в армии, поставят 3 млн рабочих, которые потребуются в случае всеобщей мобилизации.

И наконец, — и это является главным — стратегическое положение Германии значительно улучшилось. Беспокойная граница, разделявшая Чехословакию и рейх, протяженностью в несколько сот километров, заменена теперь более короткой границей, гораздо легче обороняемой. Эта граница соединяет Австрию с Силезией. Таким образом, Германия будет иметь дополнительно несколько дивизий, которые в случае войны должны были бы контролировать чешскую границу. Кроме того, плато Богемии и Моравии является прекрасной базой, в частности для авиации, радиус действия которой простирается отныне на большую часть Балкан, не говоря уже о Венгрии и Польше.

Кстати, первым актом немецких военных властей сразу после оккупации чешских провинций была организация в Вене центра новой, четвертой военно-воздушной армии* (юго-восточной), сформированной из частей, размещенных в Австрии, в Судетах, в Богемии и в Моравии. «Создание четвертой военно-воздушной армии, — отмечали немецкие газеты, — усиливает мощь нашей военной авиации настолько, что это превосходит все наши прогнозы».

Наряду с ростом материальных сил следует учитывать также огромное чувство национальной гордости, которое вследствие небы-

* До сих пор военно-воздушные силы рейха состояли из трех военно-воздушных армий. — Прим. авт.

валых успехов, достигнутых всего лишь за один год *, не могло не вскружить головы гитлеровским руководителям. Без боев, без особых затруднений, не считая нескольких протестов, влить в рейх 20 млн человек; полностью перетасовать структуру Европы; создать военный аппарат такой силы, что Европа была вынуждена неоднократно и в решающие моменты уступить немецким требованиям, — все это действительно может вскружить даже самые уравновешенные умы. Однако ни одна операция до сих пор не была проделана с такой легкостью, как та, что позволила фюреру вступить в пражский Кремль. И как же теперь Гитлеру не возомнить и не думать, что ничто не может устоять перед его волей? И как же не соблазниться продолжить извлекать выгоду из того безусловного воздушного превосходства, которое сумела создать Германия? Возможно, что уже завтра рейх испробует тот же метод, который ему так хорошо удался в Австрии и Чехословакии, против Румынии и Польши, чтобы поставить эти страны перед альтернативой: истребление мирного населения и уничтожение открытых городов или же принятие самых обременительных и унижайтельных германских условий. Однако нельзя также исключить и такое предположение, что рейх еще до завершения своих грандиозных планов на Востоке двинется против западных держав.

Три основных соображения прежде всего не позволяют исключить такую возможность. Вследствие той реакции, которую вызвали в Лондоне и Париже упразднение чехословацкого государства и включение чехов в рейх, гитлеровская Германия не может уже больше рассчитывать — как она рассчитывала или делала вид, что рассчитывала, после Мюнхена — на то, что западные державы полностью предоставят в ее распоряжение Европу за Рейном.

Наконец, наблюдая все с большим волнением и глухим раздражением, в которых они не желают признаваться, за мероприятиями Франции, Англии и Америки по перевооружению, руководители рейха могут задаться вопросом, долго ли еще они будут обладать превосходством в воздухе, которым они пользовались и злоупотребляли в течение года с таким цинизмом, и не придется ли им скоро считаться с воздушными силами противника, способными дать сокрушительный ответ и таким образом свести на нет угрозу авиации рейха, нависшую сейчас над всей Европой.

Правда, до сих пор нет никаких признаков того, что позволяло бы нам утверждать, что рейх может изменить генеральную линию своей политики и что он помышляет о том, чтобы, хотя бы временно, отказаться от своих честолюбивых помыслов на Востоке, с тем чтобы вступить в конфликт на Западе.

Наоборот, факты говорят о том, что при планировании операций против Богемии и Моравии гитлеровские руководители предполагали также в довольно близком будущем продвинуться

* Завоевание Австрии 12 марта 1938 г., Богемии и Моравии 15 марта 1939 г. — *Прим. авт.*

еще дальше на Восток. По полученным до настоящего времени данным, есть основания полагать, что немецкая армия намеревалась оккупировать всю Словакию и даже Закарпатскую Украину. В результате позиции, занятой Польшей, и принятого Венгрией решения не считается с немецкими представительствами военные части рейха были переведены на линию реки Ваг. А ведь полная оккупация Словакии и Закарпатской Украины, в результате которой немецкая армия оказалась бы у румынской границы, не имела бы ни политического, ни военного смысла, если бы не предусматривались другие операции против Румынии или против Польши. И в настоящее время в хорошо информированных кругах Берлина именно это склонны рассматривать как самую непосредственную угрозу.

Однако не создается впечатления, что направление дальнейшего гитлеровского продвижения и планы последующих действий уже намечены.

Один чиновник министерства пропаганды в беседе с нашим соотечественником, кажется, наиболее верно выразил нынешние умонастроения руководителей третьего рейха, заявив следующее: «Перед нами столько открытых дверей, столько возможностей, что мы просто не знаем, в каком направлении идти, за что взяться».

Совершенно не рискуя впасть в ошибку, можно полагать, что линия поведения рейха, который отныне составляет в центре Европы блок в 90 млн человек, будет прежде всего зависеть от соотношения сил в Европе.

При данном положении вещей гитлеровские руководители полагают, что превосходство, достигнутое ими в области вооружения, и закрепленная ими стратегическая позиция являются для них надежной гарантией от всяких попыток нападения. Их слабым местом является недостаточность запасов и снабжения сырьем и продовольствием, что не позволит им вести длительную войну.

Из-за материальной неподготовленности Германии к борьбе с Великобританией за господство в море перед гитлеровскими руководителями открываются два пути: либо продолжать далее завоевание Восточной и Юго-Восточной Европы, а быть может, и Скандинавских стран, обеспечив себе тем самым в той или иной мере ресурсы этих районов и возможность в определенной степени подготовиться к тому, чтобы противостоять блокаде, либо же напасть на Францию и Англию, прежде чем эти державы при поддержке Америки смогут достичь или превзойти ровень вооруженности рейха и, в частности, лишить его превосходства в воздухе.

Второе предположение в настоящее время является менее вероятным. Но все же следует считать с возможностью того, что Германия может пойти и по этому пути. Эта вероятность может даже увеличиться от того единственного факта, что мы усилим или ускорим наше вооружение.

Однако поскольку у нас нет выбора и мы должны либо подчи-

ниться однажды воле гитлеровцев, либо, объединив усилия с Англией, создать вооруженные силы, в частности авиацию, достаточно мощную для того, чтобы противостоять Германии, необходимо уже с настоящего момента:

- а) довести до максимума наши усилия по перевооружению;
- б) по возможности избежать шума вокруг этого интенсивного перевооружения.

В любом случае и независимо от того, какое направление примет немецкий динамизм после захвата Богемии и Моравии, вывод напрашивается только один: необходимо во что бы то ни стало безотлагательно мобилизовать все усилия нации на самое широкое и скорейшее развитие и укрепление военной мощи страны, и в частности на создание мощной авиации.

Имея в виду непостоянство гитлеровских руководителей и опьянение успехами, в котором должен пребывать сейчас фюрер, а также то беспокойство и раздражение, которые вызывают за Рейном перевооружение демократических держав и позиция Соединенных Штатов, я считаю, что мы должны немедленно приступить самым решительным образом, сохраняя как можно большую секретность, к мобилизации промышленности страны.

Кулондр

224. Письмо полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову

24 марта 1939 г.

Дорогой Максим Максимович,

У меня нет сегодня ни времени, ни машинистки для обстоятельного доклада, и потому я ограничусь лишь кратким письмом по одному вопросу, по которому я надеюсь получить от Вас разъяснения и указания с обратной почтой.

Я вполне согласен с Вами *, что Чемберлен и Даладье еще не сдались и будут стремиться продолжить, поскольку возможно, свою политику «умиротворения». Понятно поэтому, что все разговоры о смене вех в Лондоне и Париже пока остаются в большей своей части разговорами, а на прочность «советофильских настроений» в руководящих кругах обеих стран рассчитывать не приходится. Достаточно было бы Гитлеру сделать сейчас какой-либо миролюбивый жест для того, чтобы любители «зонтика» немедленно же воспрянули духом и вновь заговорили о необходимости «верить» обещаниям фюрера. Однако этот последний как будто бы не собирается даже делать таких «жестов». За Прагой последовал Мемель, за Мемелем — Румыния (торговый договор), за Румынией вырисовываются новые жертвы — Данциг, Дания, Югославия и др. Сверх того в порядок дня, главным образом, уже по инициативе Муссолини ставится проблема Средиземного моря. В такой обстановке Чемберлену и Даладье оказывается все труднее выдерживать линию на «умиротворение». Общественные настроения в обеих странах, несомненно, повышаются, а главное, в сознании масс, в том числе и консервативных, все больше оседает убеждение, что договориться с «диктаторами» о каком-либо приемлемом компромиссе невозможно и что единственным выходом из положения становится создание оборонительного «великого альянса» всех миролюбивых государств, т. е., по существу, возвращение к принципу коллективной безопасности.

Конечно, если бы Чемберлен и Даладье были уверены, что агрессия Гитлера можно повернуть на Восток, против СССР, они, возможно, нашли бы пути и способы «убедить» массы не волноваться по поводу разных там «великих альянсов». Но в том-то и дело, что правящие верхушки обеих стран такой уверенности не имеют. Гитлер прекрасно понимает всю опасность атаки СССР и, вероятно, десять раз подумает, прежде чем рискнуть на такую авантюру. Гораздо вероятнее поэтому, что линия его главного нажима в ближайшем будущем пойдет на Запад, конкретно по вопросу о колониях. Этому нисколько не противоречит тот факт, что в последние недели Германия как будто бы повернула острие своей агрессии в восточном направлении. Несомненно, все страны, рас-

* См. док. 204.

положенные между восточной границей Германии и западной границей СССР (т. е. Балканские и Балтийские), одни больше, другие меньше, находятся сейчас под угрозой либо превратиться в германский «протекторат», либо стать экономической колонией Берлина. Каков, однако, смысл германской агрессии в Ц[ентральной] и Ю[го]-В[осточной] Европе? Мне кажется, смысл состоит в том, чтобы в кратчайший срок реализовать пресловутую «Серединную Европу», тем самым поставить на службу Германии все сырьевые, продовольственные и другие ресурсы указанных выше стран и подготовить, таким образом, для нее возможность «большого удара» — в каком направлении? Вероятнее всего, на Запад.

Общее мое впечатление от всего, что я здесь слышу, вижу и наблюдаю, сводится к тому, что в широких массах, в том числе в широких консервативных кругах, существует полусознанное, стихийное ощущение этой надвигающейся опасности. Правительство, возможно, имеет более осознательную информацию, говорящую о том же самом. К этому надо прибавить веками сложившуюся вражду Англии ко всякой державе, господствующей или стремящейся к господству на континенте. В результате здесь сейчас складываются и быстро растут настроения, которые в недалеком будущем могут заставить даже Чемберлена всерьез поставить вопрос о «великом альянсе», т. е. конкретно о военной гарантии неприкосновенности миролюбивых государств, в основном малых и средних, со стороны Англии, Франции и СССР. На протяжении последней недели мне уже неоднократно приходилось слышать обращенный ко мне вопрос, согласился ли бы СССР на участие в «великом альянсе» и на защиту совместно с Англией и Францией границ Польши, Румынии, Голландии и других европейских стран?

Я очень просил бы Вас с обратной почтой дать мне общие указания по данному вопросу. Это чрезвычайно важно для того, чтобы знать, в каком направлении развивать здесь нашу работу. Ранее, поскольку я знаю, мы придавали пактам взаимопомощи и тому подобным дипломатическим документам, главным образом, «предвоенное» значение. Сейчас мы находимся в полосе второй империалистической войны, которая все больше грозит охватить всю Европу. Обязательства, принимаемые по пактам взаимопомощи, ныне приобретают иное значение, чем до того. Каково же могло бы быть наше отношение, скажем, к предложению Англии (беру гипотетический случай) заключить с ней пакт взаимопомощи или совместно с ней и Францией гарантировать границы малых государств Европы?

С товарищеским приветом Полпред СССР
в Великобритании
И. Майский

**235. Заявление народного комиссара иностранных дел СССР
М. М. Литвинова посланнику Латвии в СССР Ф. Коциньшу***28 марта 1939 г.**

Советско-латвийский мирный договор от 11 августа 1920 г., а равно и договор о ненападении от 5 февраля 1932 г. имели своей презумпцией получение латвийским народом и сохранение им полного самостоятельного и независимого государственного существования как соответствующего воле латвийского народа. Из этой же презумпции Советское правительство исходило при досрочном введении в силу пакта Бриана — Келлога, при продлении на 10 лет договора о ненападении, а также при принятии на себя обязательств по Уставу Лиги наций.

Латвийскому правительству известно, какие усилия Советское правительство делало в течение последних 15 лет для обеспечения ненарушимости границ Латвийской Республики, причем оно опять-таки руководствовалось той же презумпцией. Из сказанного следует, какое огромное значение Советское правительство неизменно придавало и придает сохранению полной независимости Латвийской, как и других Прибалтийских республик, отвечающему не только интересам народов этих республик, но и жизненным интересам Советского государства. Отсюда должно стать также ясно, что какие бы то ни было соглашения, добровольные или заключенные под внешним давлением, которые имели бы своим результатом хотя бы умаление или ограничение независимости и самостоятельности Латвийской Республики, допущение в ней политического, экономического или иного господства третьего государства, предоставление ему каких-либо исключительных прав и привилегий как на территории Латвии, так и в ее портах, признавались бы Советским правительством нетерпимыми и несовместимыми с предосылками и духом названных договоров и соглашений, регулирующих в настоящее время его взаимоотношения с Латвией, и даже нарушением этих соглашений, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Настоящее заявление делается в духе искренней благожелательности к латвийскому народу с целью укрепления в нем чувства безопасности и уверенности в готовности Советского Союза на деле доказать, в случае надобности, его заинтересованность в целостном сохранении Латвийской Республикой ее самостоятельного государственного существования и политической и экономической независимости, а также в невозможности для Советского Союза оставаться безучастным зрителем попыток открытого или замаскированного уничтожения этой самостоятельности и независимости.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 5, л. 119—120. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 282—283.

* В этот же день аналогичное заявление было сделано наркомом иностранных дел СССР также посланнику Эстонии в СССР Рею.

237. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с посланником Литвы в СССР Ю. Балтрушайтисом

29 марта 1939 г.

Балтрушайтис принес мне копию германо-литовского соглашения о Клайпеде *, сообщив при этом подробности «переговоров». Риббентроп обращался с Урбшисом весьма грубо, вручив ему проект соглашения и потребовав немедленного подписания. Когда Урбшис стал возражать, Риббентроп заявил, что Ковно ** будет сровнен с землей, если соглашение не будет немедленно подписано, и что у немцев все для этого готово. Риббентроп наконец согласился отпустить Урбшиса в Ковно с условием, что он немедленно вернется с подписанным соглашением.

Балтрушайтис затем сообщил о царящем в Ковно беспокойстве и о разговорах о возможности объявления Германией протектората. Дополнил он это следующими деталями.

Воинские части, занявшие Клайпедскую область, продолжают усиливаться, хотя уже начальный их контингент был настолько внушительен, что никак не соответствовал истинному положению вещей. Есть сведения, что воинские части Восточной Пруссии получают подкрепления.

Во всех концах Литвы из пока неуловимых, но, по-видимому, хорошо и заранее организованных источников распускаются всевозможные часто фантастические слухи и запугивания с целью вызвать смятение и панику и добиться возможно большей дезорганизации страны.

В самом Каунасе, как и вообще в Литве, все очень озабочены создавшимся положением, но все преисполнены решимости, в случае угрозы, защищать независимость всеми силами и средствами. Войска пополняются резервистами.

Наблюдается массовое бегство из Клайпедской области. Наплыв беженцев особенно значителен в Кретинге, Юрбаркасе, Таураге, Каунасе. Большинство семейств, поспешно покидая Клайпеду, своих близких, плачут, не находя друг друга, жалуются на то, что, спеша, пришлось оставить имущество. В числе беженцев имеются и иностранцы — чехи и немцы. В прессе отмечено, что только 26 марта одним поездом прибыло оттуда 7700 беженцев. В числе прибывающих имеется много искалеченных. Ими переполнены больницы в Кретинге и Каунасе. С одного учителя штурмовики стащили сапоги, и он приехал из Клайпедского края босиком.

Немцы навезли в Мемель *** много материалов, что указывает как будто на их намерение соорудить там какие-то укрепления или создать военно-морскую базу.

* См. также док. 221.

** Каунас.

*** Клайпеда.

На вопрос, известно ли Балтрушайтису, что-либо о литовско-польских переговорах *, Балтрушайтис ответил, что никаких сведений об этом он не получил.

Литвинов

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 5, л. 138—139.

241. Из письма посла Польши в Великобритании Э. Рачиньского министру иностранных дел Польши Ю. Беку

29 марта 1939 г.

Стремительный ход последней фазы чешского кризиса глубоко потряс здешнее общественное мнение и явился также причиной эволюции позиции здешнего правительства. Для решительных противников гитлеровской Германии последние события явились лишь подтверждением их предположений и еще одним аргументом в пользу необходимости принятия энергичных предупредительных мер. Однако еще большее значение приобрели чешские события в связи с тем влиянием, которое они оказали на здешний лагерь «согласителей». Как правило, его сторонники избегали открыто выражать свои предвидения и надежды. В общем, они ограничивались заявлениями о том, что Великобритания должна ограничиться защитой Западной Европы и, разумеется, Британской империи и ее имперских коммуникаций. Центральная и Восточная Европа являлась бы районом германской экспансии, откуда Англия могла бы уйти без больших для нее потерь. Наиболее важные, хотя открыто и не высказывавшиеся аргументы в пользу этого заключались в надежде на то, что Германия натолкнется на большие трудности при освоении уступленных ей территорий и что вследствие этих трудностей и антагонизма с Россией она утратит свою гибкость и динамизм. Предполагалось, что дело дойдет до русско-германской войны, которая ослабит обе воюющие стороны, не без косвенной выгоды для западных государств.

Быстрый ход событий, дающий Германии ценные завоевания без пролития крови, выявил слабые стороны этих соображений, а также тот факт, что, по существу, они были прежде всего отговоркой, позволявшей ответственным государственным деятелям западных держав идти по линии наименьшего сопротивления. Возникла большая тревога в связи с тем, что, как и раньше, Германия вместо ослабления своих сил в результате действий на Востоке значительно усилила их. Вследствие осознания этого появился новый тон в отношении Германии. Этот шаг нашел свое отражение в английской политической прессе, разумеется, не без ведома правительственных кругов.

По сведениям, циркулирующим в здешних дипломатических и политических кругах, поворот в лагере «согласителей» не является, однако, полным. По общему мнению, к этой группе относится сэр Джон Саймон, которому приписывают авторство проекта совместной декларации Великобритании, Франции, Польши и Советов. Несмотря на решительный тон своих последних речей, также и премьер не кажется, как это было до сих пор, свободным от сомнений в отношении того, наилучший ли был избран способ для розыгрыша партии, начатой мюнхенским соглашением. [...]

Эдвард Рачиньский,
посол Польской Республики

250. Распоряжение начальника верховного командования вооруженных сил Германии В. Кейтеля*3 апреля 1939 г.*

С о д е р ж а н и е: инструкция для вооруженных сил на период 1939—1940 гг.

Инструкция для вооруженных сил о единой подготовке военных действий на период 1939—1940 гг. перерабатывается.

Часть I («Обеспечение границы») и часть III («Данциг») будут разосланы в середине апреля. Они в основном остаются неизменными.

Часть II (план «Вайс») содержится в приложении **. Подпись фюрера будет получена позднее.

Относительно плана «Вайс» фюрер распорядился о следующем:

1. Разработка [плана] должна проходить таким образом, чтобы осуществление операции было возможно в любое время, начиная с 1 сентября 1939 г.

2. На верховное командование вооруженных сил возлагается задача разработать точную таблицу взаимодействия по плану «Вайс» и обеспечить взаимодействие во времени между тремя видами вооруженных сил.

3. Свои соображения и материалы для таблиц взаимодействия командующие видами вооруженных сил должны представить верховному командованию вооруженных сил к 1 мая 1939 г.

Начальник верховного командования
вооруженных сил
Кейтель

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир...
С. 301. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen
auswärtigen Politik... Serie D. Bd. VI. S. 154.

* См. док. 177.

** План «Вайс» — см. док. 285.

**258. Телеграмма советского военного разведчика в Японии Р. Зорге
в Генеральный штаб РККА***9 апреля 1939 г.*

Осима опять поднял вопрос о военном пакте, потребовав ответа от японского правительства. После долгого обсуждения Япония решила согласиться на военный пакт, направленный только против СССР.

Некоторые группы военных настаивали на пакте, направленном также против демократических стран, но остались в меньшинстве.

Германия и Италия настаивали на военном пакте против Англии, но японские морские круги, близко стоящие к трону, решительно выступили против этого.

Посол Отт узнал в министерстве иностранных дел, что японцы не пойдут на то, чтобы окончательно утратить хорошее отношение со стороны Америки, согласившись присоединиться к пакту против демократических стран.

Посол Отт считает, что Японию все-таки заставят присоединиться к этому пакту.

Рамзай

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир...
С. 317.

265. План нападения Германии на Польшу (план «Вайс»)*11 апреля 1939 г.*

Позиция, занимаемая Польшей в настоящее время, требует, помимо осуществления мероприятий в соответствии с разработанным планом «Обеспечения границ на востоке», проведения военной подготовки, чтобы в случае необходимости раз и навсегда положить конец любой угрозе с ее стороны.

1. Политические предпосылки и цели.

Позиция Германии по отношению к Польше по-прежнему исходит из принципа: избегать осложнений. Если Польша изменит основывавшуюся до сих пор на том же принципе политику в отношении Германии и займет угрожающую ей позицию, то с ней необходимо будет свести окончательные счета, несмотря на действующий договор.

Целью явится тогда уничтожение военной мощи Польши и создание на Востоке обстановки, соответствующей потребностям обороны страны. Вольный город Данциг будет объявлен германской территорией сразу же после начала конфликта.

Политическое руководство считает своей задачей по возможности изолировать Польшу в этом случае, т. е. ограничить войну боевыми действиями с Польшей.

Усиление внутреннего кризиса во Франции и вытекающая отсюда сдержанность Англии в недалеком будущем могли бы привести к созданию такого положения.

Вмешательство России, если бы она была на это способна, по всей вероятности, не помогло бы Польше, так как это означало бы уничтожение ее большевизмом.

Позиция лимитрофов будет определяться исключительно военными требованиями Германии.

Немецкая сторона не может рассчитывать на Венгрию как на безоговорочного союзника. Позиция Италии определяется осью Берлин—Рим.

2. Военные соображения.

Великие цели создания германских вооруженных сил определяются по-прежнему враждебным отношением со стороны западных демократий. План «Вайс» является лишь предусмотрительной мерой, дополняющей общие приготовления, но ни в коем случае он не должен рассматриваться как предварительное условие военных действий против западных противников.

После начала войны изоляция Польши может быть осуществлена в еще большей степени, если удастся начать военные действия нанесением неожиданных сильных ударов и добиться быстрых успехов.

Общая обстановка, однако, в любом случае требует также принятия надлежащих мер по защите западных границ, германского побережья Северного моря, а также воздушного пространства над ними.

В отношении лимитрофных государств, в особенности Литвы, необходимо принять меры предосторожности на случай прохождения через них польских войск.

3. *Задачи вооруженных сил.*

Задачей германских вооруженных сил является уничтожение польских вооруженных сил. Для этого желательно и необходимо подготовить неожиданное нападение. Тайная или открытая всеобщая мобилизация будет объявлена в возможно более поздний срок, в день, предшествующий нападению.

Относительно использования вооруженных сил, предусмотренных для обеспечения границ на Западе (см. п. 1 «Обеспечение границ»), пока не должно отдаваться никаких других распоряжений.

Остальные границы должны находиться лишь под наблюдением, а границы с Литвой охраняться.

4. *Задачи видов вооруженных сил:*

а) *Сухопутные войска.*

Целью операции на Востоке является уничтожение польских сухопутных войск.

Для этого на южном фланге может быть использована словацкая территория. На северном фланге следует быстро установить связь между Померанией и Восточной Пруссией.

Подготовку к началу операций необходимо проводить таким образом, чтобы можно было без промедления выступить сначала наличными силами, не ожидая планомерного развёртывания отобилизованных соединений. Можно скрытно занять этими силами исходные позиции непосредственно перед днем начала наступления. Решение об этом я оставляю за собой.

От политической обстановки будет зависеть необходимость сосредоточения в соответствующих районах всех сил, предназначенных для обеспечения границ на западе, или частичное их использование в качестве резерва для других целей.

б) *Военно-морские силы.*

На Балтийском море задачами ВМС являются:

1) Уничтожение или выключение из войны польских военно-морских сил.

2) Блокада морских путей, ведущих к польским военно-морским опорным пунктам, в частности к Гдыне. В момент начала вторжения в Польшу устанавливается срок для оставления судами нейтральных государств польских гаваней и Данцига. По истечении этого срока военно-морской флот имеет право принять меры по установлению блокады.

Следует учесть отрицательные последствия для ведения военно-морских операций, которые вызовет предоставление судам нейтральных стран срока для выхода из портов.

3) Блокада польской морской торговли.

4) Обеспечение морских сообщений между Германией и Восточной Пруссией.

5) Прикрытие германских морских коммуникаций с Швецией и Прибалтийскими государствами.

6) Разведка и принятие мер по прикрытию, по возможности скрытно, на случай выступления советских военно-морских сил со стороны Финского залива.

Для охраны побережья и прибрежной полосы Северного моря следует выделить соответствующие военно-морские силы.

В южной части Северного моря и в Скагерраке следует принять меры предосторожности против неожиданного вмешательства западных держав в конфликт. Эти меры не должны переступать границ самого необходимого. Их следует проводить незаметно. При этом надо решительно избегать всего, что могло бы оказать неблагоприятное воздействие на политическую позицию западных держав.

в) *Военно-воздушные силы.*

Следует обеспечить внезапное нападение авиации на Польшу, оставив необходимые силы на западе.

Помимо уничтожения в кратчайший срок польских ВВС, германские ВВС должны в первую очередь выполнить следующие задачи:

1) Воспрепятствовать проведению польской мобилизации и сорвать планомерное стратегическое сосредоточение и развертывание польской армии.

2) Оказывать непосредственную поддержку сухопутным войскам, и прежде всего передовым частям, с момента перехода через границу.

Возможная переброска авиационных частей в Восточную Пруссию перед началом операции не должна ставить под угрозу осуществление внезапности.

Первый перелет границы должен совпасть с началом боевых действий сухопутных войск.

Налеты на порт Гдыню разрешить лишь по истечении срока, предоставленного нейтральным судам для выхода в море (см. пункт 4б).

Центры противовоздушной обороны создать в районе Штеттина *, Берлина, в промышленных районах Верхней Силезии, включая Моравскую Оставу и Брно.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир...
С. 326—329.

* Щецин.

266. Декларация правительства Великобритании о предоставлении гарантий Греции и Румынии **13 апреля 1939 г.*

Правительство Его Величества придает важнейшее значение тому, чтобы избежать нарушения статус-кво в районе Средиземноморья и на Балканском полуострове силой или угрозами применения силы. Поэтому оно пришло к выводу, что в случае, если будет предпринята какая-либо акция, которая явно угрожала бы независимости Греции или Румынии и которой греческое или соответственно румынское правительство сочло бы жизненно необходимым оказать сопротивление своими национальными вооруженными силами, правительство Его Величества считало бы себя обязанным немедленно оказать греческому или румынскому правительству, в зависимости от возможного конкретного случая, всю поддержку, которая в его силах. Мы передаем эту декларацию непосредственно заинтересованным правительствам и другим государствам, особенно Турции, тесные связи которой с греческим правительством известны. Я полагаю, что французское правительство сделает подобную же декларацию сегодня во второй половине дня.

Печат. по сб.: *Документы и материалы кавуна второй мировой войны...* Т. 2. С. 69.

* Декларация была оглашена премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом в палате общин.

267. Декларация правительства Франции о гарантиях Греции, Румынии и Польше*13 апреля 1939 г.*

Французское правительство придает исключительно большое значение тому, чтобы предотвратить навязанное силой или угрозой применения силы любое изменение статус-кво в Средиземном море и на Балканском полуострове. Принимая во внимание особую тревогу, которую породили события последних недель, французское правительство в связи с этим дало особые гарантии Румынии и Греции на случай, если будет предпринята акция, явно угрожающая независимости Румынии или Греции, при которой румынское или греческое правительство сочтет, что сопротивление с помощью его национальных вооруженных сил является для него жизненно необходимым, тогда французское правительство будет считать себя обязанным немедленно оказать ему всю помощь, которая в его силах. Английское правительство заняло такую же позицию.

Французское правительство, с другой стороны, было радо узнать о взятии на себя взаимных обязательств Великобританией и Польшей, которые приняли решение оказать друг другу взаимную поддержку, с тем чтобы защитить свою независимость, если она будет подвергаться прямой или косвенной угрозе. Франко-польский союз с другой стороны, был подтвержден как французским, так и польским правительством в том же самом духе.

Франция и Польша дают друг другу немедленные и непосредственные гарантии против любой прямой или косвенной угрозы, которая нанесла бы ущерб их жизненно важным интересам.

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 69—70.

276. Предложение, врученное народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым послу Великобритании в СССР У. Сидсу *

17 апреля 1939 г.

Считая предложение Франции ** принципиально приемлемым и продолжая мысль г. Бонне, а также желая подвести солидную базу под отношения между тремя государствами, мы пытаемся объединить английское и французское предложения в следующих тезисах, которые мы предлагаем на рассмотрение британского и французского правительств:

1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение § 1 и 2.

4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии.

5. Существующий между Польшей и Румынией союзный договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии либо же вовсе отменяется, как направленный против СССР.

6. Англия, Франция и СССР обязуются, после открытия военных действий, не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия.

7. Соответственное соглашение подписывается одновременно с конвенцией, имеющей быть выработанной в силу § 3.

8. Признать необходимым для Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимной помощи.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 4, л. 27—28. Опул. в сб.: *Документы и материалы наукина второй мировой войны...* Т. 2. С. 72.

* 18 апреля это предложение было передано также полпредом СССР во Франции министру иностранных дел Франции.

** См. док. 269.

299. Телеграмма министра иностранных дел Германии И. Риббентропа послу Германии в Японии Э. Отту*26 апреля 1939 г.*

Уже длительное время между Берлином, Римом и Токио ведутся тайные переговоры о заключении оборонительного союза, которые по особым причинам и в соответствии с договоренностью между партнерами осуществляются вне обычных дипломатических путей.

Летом 1938 г. генерал Осима, тогда еще военный атташе, сообщил, что, по мнению японских военных кругов, наступил момент для заключения общего оборонительного союза между Германией, Италией и Японией. Содержание союзного пакта, по его мнению, могло состоять в следующем:

1. Проведение консультаций между тремя державами на тот случай, если одна из них окажется в затруднительном политическом положении.

2. Политическая и военная поддержка, если одной из трех держав угрожают извне.

3. Оказание помощи и поддержки, если одна из трех держав подвергнется неспровоцированному нападению со стороны другой державы.

В ходе конференции в Мюнхене в конце сентября этот вопрос обсуждался с Муссолини и графом Чиано. Это обсуждение было продолжено в Риме во время моего визита в конце октября; результатом этого обсуждения было то, что дуче заявил о своем принципиальном согласии, однако зарезервировал за собой право сообщить позднее свое мнение о времени заключения пакта. В начале января итальянский министр иностранных дел информировал, что теперь дуче готов к подписанию пакта.

В ходе непосредственных контактов между мной, Осимой и Чиано был выработан текст договора, который наряду с тремя указанными выше пунктами содержал также обязательство, в случае совместного ведения войны, мир и перемирие заключать только сообща и который устанавливал в качестве срока действия договора период в 10 лет. Проект договора был дополнен далее двумя секретными протоколами, которые предусматривали немедленное проведение консультаций о выполнении обязательств по оказанию поддержки в различных принимаемых в расчет случаях и, кроме того, определяли соответствующие меры по совместным выступлениям в сфере пропаганды и прессы. Осима со специальным курьером отправил проекты в Токио, где они обсуждались на заседаниях кабинета.

В начале марта Осима, а также посол Сиратори в Риме получили инструкции, в соответствии с которыми японское правительство хотя в общем и целом одобряло идею пакта, однако обязательство по оказанию взаимной поддержки хотело привязать исключительно к случаю войны с Россией. Оба посла информировали об этом меня и Чиано в личном и строго конфиденциальном порядке и в свою очередь тотчас же сообщили в Токио о своем отказе представить на рассмотрение в Берлин и Рим это столь существенное изменение итало-германского проекта. Они еще раз высказались за

принятие первоначального проекта и заявили, что в случае иного решения японского кабинета они будут вынуждены уйти со своих постов.

В ответ на это в начале апреля из Токио поступил японский проект, который в основном соответствовал итало-германскому проекту, но, правда, сокращал срок действия договора на 5 лет. Однако прежнее пожелание японцев ограничить обязательство по взаимному оказанию помощи исключительно случаем войны с Россией еще сохранялось в смягченной форме; японцы испрашивали наше категорическое согласие на то, чтобы после подписания и опубликования пакта сделать английскому, французскому и американскому послам заявление примерно следующего содержания: пакт возник в развитие антикоминтерновского соглашения; при этом партнеры в качестве своего военного противника имели в виду Россию; Англия, Франция и Америка не должны усматривать в нем угрозу для себя. Кабинет в Токио обосновывал необходимость подобного ограничительного толкования пакта тем, что Япония в данный момент по политическим и особенно по экономическим соображениям еще не в состоянии открыто выступить в качестве противника трех демократий. Осима и Сиратори сообщили в Токио о невозможности осуществления также и этого пожелания японского правительства и информировали меня и Чиано, опять-таки в строго конфиденциальном порядке, о развитии этого вопроса. Как Чиано, так и я не оставили никакого сомнения в том, что нас не устраивает заключение договора с такой интерпретацией, прямо противоречащей его тексту. Далее я, чтобы ускорить окончательное выяснение вопроса, заявил Осима и Сиратори, который находился в Берлине в связи с днем рождения фюрера, что я должен узнать об окончательном решении японского кабинета, будь оно положительное или отрицательное, до выступления фюрера, которое намечено на 28 апреля. Оба посла телеграфировали об этом в Токио.

Данное сообщение предназначено исключительно для Вашей личной информации. Прошу строго засекретить его. Эту тему в Ваших беседах по своей инициативе не затрагивать до особого распоряжения, а если в беседе с Вами она будет затронута другой стороной, то ни в коем случае не давать собеседнику понять, что Вы информированы по этому вопросу. Это относится и к послу Италии в стране Вашего пребывания, который, по сообщению Чиано, пока еще не информирован. Напротив, прошу тщательно следить за положением дел на месте и систематически телеграфировать об этом.

Риббентрон

311. Запись беседы германского журналиста с советником бюро министра иностранных дел Германии П. Клейстом*2 мая 1939 г.*

Имел продолжительную беседу с доктором Клейстом, ближайшим сотрудником Риббентропа.

Клейст нарисовал следующую картину политического положения.

По собственным словам Гитлера, сказанным им несколько дней тому назад Риббентропу, Германия переживает в настоящий момент этап своего абсолютного военного закрепления на Востоке, которое должно быть достигнуто с помощью жестоких средств и невзирая на идеологические оговорки. За беспощадным очищением Востока последует «западный этап», который закончится поражением Франции и Англии, достигаемым политическим или военным путем. Лишь после этого станет возможным великое и решающее столкновение с Советским Союзом и будет осуществим разгром Советов.

В настоящее время мы находимся еще на этапе военного закрепления на Востоке. На очереди стоит Польша. Уже действия Германии в марте 1939 г. — создание протектората в Богемии и Моравии, образование словацкого государства, присоединение Мемельской области — были не в последнюю очередь направлены против Польши и заранее рассматривались как антипольские акции. Гитлер понял примерно в феврале этого года, что прежним путем переговоров Польшу нельзя привлечь на свою сторону. Таким образом, он решил, что необходимо силой поставить Польшу на колени. Узкому кругу доверенных лиц Гитлера было известно, что последнее германское предложение Польше было сделано в твердом убеждении, что оно будет ею отвергнуто. Гитлер и Риббентроп были убеждены в том, что по соображениям внутренней и внешней политики польское правительство не сможет согласиться с германскими требованиями. Только по этой причине в германское предложение ничтоже сумняшеся вставили пункт о немыслимой самой по себе гарантии неприкосновенности границ Польши в течение 25 лет. Расчет немцев был правильным. В результате отказа Польши мы смогли фактически избавиться от германо-польского пакта о ненападении и получили по отношению к ней свободу рук.

Если развитие пойдет в соответствии с германскими планами и если Польша добровольно не капитулирует в ближайшие недели, что мы вряд ли можем предположить, то в июле — августе она подвергнется военному нападению. Польский генеральный штаб считается с возможностью военных действий осенью, после уборки урожая. Действуя внезапно, мы надеемся смять Польшу и добиться быстрого успеха. Больших масштабов стратегического сопротивления польской армии должно быть сломлено в течение 8—14 дней. Нападение на Польшу должно вестись в полную силу одновременно с германской восточной границы, из Словакии, Карпатской Украины и Восточной Пруссии и, по мнению германского генерального штаба, должно привести к полному успеху. Польские очаги сопротивления, которые останутся и которые, несомненно, будут еще возникать по всей стране, и не в малом количестве, должны подавляться в ожесточенной, но уже не имеющей международного значения малой войне.

Завершение подготовки Германии к войне против Польши приурочено к июлю — августу. К мерам военного характера приступили лишь недавно. Они проводятся основательно и в полном объеме при строжайшем соблюдении маскировки. Политико-пропагандистская подготовка против Польши еще только-только начинается. В настоящее время подбирается материал для пропагандистской атаки против Польши. На первом плане — следующие темы: под девизом «Польша — второе мозаичное государство» следует заклеить роковую политику террора, осуществляемую Польшей в национальном вопросе; под девизом «Польша — государство реакции и упадка» будут показаны нищета польских крестьян, культурная отсталость страны, феодальный способ ведения хозяйства, ведущий к упадку, и голодное прозябание польского населения; под девизом «Паразиты у власти» будет показано разложение господствующей в Польше верхушки, продажность польских руководителей, их декадентство и классовая оторванность от широких масс. Разрабатываются и другие, подобные этим темы. Они должны быть сведены в тезисы и лозунги и в надлежащее время опубликованы в прессе. Цель этой кампании — воздействовать на мировую общественность и польское население. Надо будет добиться раскола польской нации и инсценировать обусловленный классовым содержанием мятеж против политического руководства. Кто должен будет играть польскую роль Бенеша, нам еще пока не ясно. Рыдз-Смиглы, пожалуй, не подойдет для этого. В остальном подготовка пропагандистского наступления против Польши займет около двух месяцев.

Идеальным было бы, если бы конфликт с Польшей не был открыто вызван со стороны Германии. В настоящее время мы в Берлине изучаем вопрос об использовании украинцев в этом деле.

С Волошиным* и Реваем** достигнута договоренность о том, чтобы в рамках Венгерского государства предоставить широкую автономию Карпатской Украине. Этим самым мы снова завоевали бы доверие украинских масс в Восточной Галиции и укрепили бы ослабшую способность украинцев к борьбе. Не требуется подвергать специальной обработке украинские руководящие круги, ибо последние события ни в коем случае не поколебали их преданности Берлину. Осуществив подобного рода подготовку, мы смогли бы затем дать Польской Украине сигнал к восстанию. Из Словакии и Карпатской Украины мы направили бы сразу же большие партии оружия и боеприпасов, а также послали бы хорошо обученные военному делу отряды сичевиков. Между Берлином и Львовом установлен такой тесный прямой контакт, что можно не сомневаться в массовом восстании украинцев. Очаг пожара в украинских районах дал бы Германии повод для военного вмешательства в крупных размерах. Весь этот проект встречает в Берлине лишь одну оговорку. Это — возможная реакция Советского Союза.

Мы считаем, что конфликт с Польшей можно локализовать. Англия и Франция по-прежнему не готовы биться за Польшу. Если мы в кратчайший срок слоим в основном сопротивление Польши, то Англия устроит демонстрацию своего флота, Франция побряцает оружием за своей линией Мажино, на этом дело и кончится. Если же, вопреки ожиданиям, европейская война в связи с акцией против Польши окажется вероятным фактом, то тогда мы будем знать, что германский удар по Польше служит для западных государств лишь поводом для их войны против Германии, что превентивная война против Германии — дело решенное. В таком случае Гитлер готов отважиться на крупное столкновение. Во всяком случае, мы не дадим спровоцировать себя в невыгодное для нас время, а напротив, выбор момента действия мы оставим за собой. В настоящее время мы не согласились бы на европейскую войну вследствие нашей недостаточной подготовленности и малоблагоприятной международной обстановки; однако мы надеемся, что через 3—4 месяца мы будем полностью подготовлены. Руководители Германии убеждены в своей победе. Решающее значение будет иметь наша авиация. По расчетам германских военных специалистов, все английские порты, например, могут быть полностью разрушены в течение шести часов. Опустошающее действие германской авиации было испробовано до сего времени лишь один раз: во время гражданской войны в Испании под Герникой. Успех был потрясающий. В результате массированного налета германской авиации город сровняли с землей. В связи

* Глава автономного правительства Карпатской Украины с октября 1938 г. по март 1939 г.

** Министр автономного правительства Карпатской Украины с октября 1938 г. по март 1939 г.

с этим разгром Франции и Англии представляется не слишком трудным делом. Вмешательство Америки будет слишком запоздалым.

В связи с предстоящим нанесением удара по Польше сейчас в Берлине снова начали интенсивно заниматься Юго-Востоком. Мы должны ближе подойти к Румынии. Мы должны оказать непосредственное давление на Бухарест. С этой целью мы хотим ликвидировать самостоятельную Словакию, присоединив ее к Венгрии. Словакия и без того является нежизнеспособной, ее политическое руководство — неспособным. Над расширившейся за счет включения Словакии Венгрией мы хотим затем установить германский протекторат и, таким образом, выдвинуть наши войска к румынской границе. После этого Румыния капитулирует.

В Прибалтийских государствах мы хотим достичь такой же цели иным путем. Здесь не будет иметь место применение силы, оказание давления и угрозы (экономические переговоры с Литвой мы ведем, соблюдая в высшей степени доляльность и любезность). Таким способом мы достигнем нейтралитета Прибалтийских государств, то есть решительного отхода их от Советского Союза. В случае войны нейтралитет Прибалтийских стран для нас так же важен, как и нейтралитет Бельгии или Голландии; когда-то позже, если это нас устроит, мы нарушим этот нейтралитет, и тогда, в силу заключенных нами ранее пактов о ненападении, не будет иметь место механизм соглашений между Прибалтийскими государствами и Советским Союзом, который ведет к автоматическому вмешательству СССР.

Итак, акция против Польши будет осуществлена в июле или августе. Если поляки попытаются спровоцировать превентивную войну ранее этого срока, то положение будет выглядеть по-иному. Ответим ли мы массивным ударом на эту польскую провокацию, зависит от решения Гитлера и оценки им международной обстановки. Во всяком случае, будет неприятно, если поляки продиктуют нам законы действия и втянут нас в войну в настоящий момент, когда международная обстановка не является благоприятной и когда подготовка Германии к войне еще не закончена.

335. Из телеграммы посла США во Франции У. Буллита государственному секретарю США К. Хэллу*10 мая 1939 г.*

[...] Как Бонне, так и британский посол оптимистично настроены в отношении будущего. Оба они считают, что включение Советского Союза, Турции, Румынии и Польши в фронт против германской агрессии, наряду с возрастающей военной мощью Англии и Франции и при растущих экономических и финансовых трудностях в Германии и Италии, в следующие два месяца с очевидностью покажет, что соотношение сил определено не в пользу Германии и Италии. Они считают, что Германия и Италия уже сейчас настолько не уверены в соотношении сил в свою пользу, что не осмелятся начать войну. Оба они ожидают, что в течение следующего месяца последует ряд кризисов, однако считают, что в конечном счете Германия и Италия будут вынуждены вести переговоры примерно на той основе, которая была предложена президентом в его послании Гитлеру и Муссолини.

Кстати, британский посол сказал мне сегодня, как он уже дважды говорил мне в последнее время, что его правительство в настоящее время опасается только одного: Риббентроп, как определено известно британскому правительству, пытается доказать Гитлеру, что Германия может воевать с Францией и Англией безнаказанно, поскольку совершенно определено, что Англия и Франция даже не смогут получить военного снаряжения из Соединенных Штатов. Последнее обсуждение закона о нейтралитете приводится Риббентропом в качестве доказательства того, что Соединенные Штаты в случае войны не будут продавать военное снаряжение и самолеты ни Франции, ни Англии. Британское правительство считает поэтому в высшей степени важным, чтобы изменение закона о нейтралитете было осуществлено, если это возможно, в скором времени. Такое изменение закона о нейтралитете лишило бы Риббентропа всякой возможности убедить Гитлера пойти на риск немедленного развязывания войны. Вчера вечером Бонне сказал мне то же самое.

Буллит

371. Из записи совещания у рейхсканцлера Германии А. Гитлера*23 мая 1939 г.*

Участники совещания: фюрер, фельдмаршал Геринг, гросс-адмирал Редер, генерал-полковник фон Браухич, генерал-полковник Кейтель, генерал-полковник Мильх, генерал артиллерии Гальдер, генерал Боденшатц, контр-адмирал Шнивиндт, полковник Ешоннек, полковник генштаба Варлимонт, подполковник генштаба Шмундт, капитан Энгель, корветтен-капитан Альбрехт, капитан фон Белов.

Повестка дня: информация о политическом положении и задачах.

Фюрер характеризует задачу совещания следующим образом:

- 1) характеристика положения;
- 2) определение задач, вытекающих для вермахта из нынешней ситуации;
- 3) уяснение вытекающих из этих задач последствий;
- 4) обеспечение секретности всех решений и работ, которые будут определены в ходе совещания.

Секретность — предпосылка успеха.

Ниже приводится основное содержание выступления фюрера:

Наше нынешнее положение следует рассматривать с двух точек зрения:

- 1) фактическое развитие за период с 1933 по 1939 гг.;
- 2) общее положение Германии, которое на протяжении длительного периода остается неизменным.

* См. док. 369.

За период с 1933 по 1939 г. — успехи на всех участках. Колоссальное улучшение нашего военного положения.

Наше положение в окружающем мире осталось неизменным.

Германия была исключена из круга могущественных государств. Равновесие сил было восстановлено без участия Германии.

Выдвижение Германией жизненно важных для нее претензий и ее вступление в круг могущественных государств нарушают это равновесие. Все претензии рассматриваются как «вторжение».

Англичане больше боятся экономической угрозы, чем обыкновенной угрозы силой.

80-миллионная масса разрешила духовные проблемы. Необходимо решить и экономические проблемы. Ни один немец не может обойти вопрос о создании необходимых для этого экономических предпосылок. Для решения данных проблем требуется мужество. Принцип, в соответствии с которым путем приспособления к обстоятельствам устремятся уйти от решения проблем, не должен иметь места. Наоборот, необходимо обстоятельства приспособлять к потребностям. Без вторжения в иностранные государства или захвата иноземного имущества это невозможно.

Жизненное пространство, соразмерное с величием государства, является основой для любой власти. Некоторое время можно отказываться от него, однако потом так или иначе приходится решать эту проблему. Мы перед выбором: подъем или падение. Через 15—20 лет решение вопроса станет для нас вынужденной необходимостью. Ни один из немецких государственных деятелей не может более уходить от этого вопроса.

В настоящий момент мы находимся в состоянии национального подъема, равно как и два других государства: Италия и Япония.

Имевшееся время было хорошо использовано. Все шаги последовательно преследовали намеченную цель.

По истечении шести лет положение следующее:

За небольшими исключениями, национально-политическое объединение немцев осуществлено. Достичь новых успехов без кровопролития уже нельзя.

Определение границ — дело военной важности.

Поляки — наш извечный враг. Польша всегда будет стоять на стороне наших противников. Несмотря на соглашение о дружбе, в Польше всегда думали о том, чтобы использовать против нас любую возможность.

Дело не в Данциге. Для нас речь идет о расширении жизненного пространства и обеспечении снабжения, а также о решении балтийской проблемы. Продовольственное снабжение можно обеспечить только из районов с невысокой плотностью населения. Плодородие и немецкое солидное ведение хозяйства в громадных размерах увеличат излишки продукции.

В Европе нет иных возможностей.

Колонии: предупреждение от принятия в качестве подарка колониальных владений. Это не решение продовольственной проблемы. Блокада!

Если судьба заставит нас столкнуться с Западом, то в этом случае будет хорошо иметь обширную территорию на Востоке. В ходе войны мы в еще меньшей мере сможем рассчитывать на рекордные урожаи, чем в мирное время.

Население негерманских областей не несет военной службы и поэтому должно использоваться как рабочая сила.

«Проблему Польши» невозможно отделить от проблемы столкновения с Западом.

Внутренняя устойчивость Польши по отношению к большевизму — сомнительна. Поэтому Польша является сомнительным барьером против России.

Быстрое достижение победы в войне с Западом остается под вопросом, так же как и позиция Польши.

Польский режим не выдержит давления России. В победе Германии над Западом Польша усматривает угрозу для самой себя и попытается лишить нас этой победы.

Поэтому польский вопрос обойти невозможно; *остается лишь одно решение — при первой подходящей возможности напасть на Польшу.*

О повторении чешского варианта нечего и думать. Дело дойдет до борьбы. Задача в том, чтобы изолировать Польшу. Ее изоляция имеет решающее значение.

Поэтому фюрер должен резервировать за собой право на окончательный приказ о начале действий. Нельзя допустить одновременного столкновения с Западом (Францией и Англией).

Нет уверенности в том, что в ходе германо-польского столкновения война с Западом исключается; тогда борьбу следует вести в первую очередь против Англии и Франции.

Принципиальная установка: столкновение с Польшей, начиная с нападения на нее, может увенчаться успехом только в том случае, если Запад будет исключен из игры.

Если это невозможно, то тогда лучше напасть на Запад и одновременно покончить с Польшей. [...]

Верно:

Подполковник Шмундт

380. Проект соглашения Великобритании, Франции и СССР, врученный народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послом Великобритании в СССР У. Сидсом и временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром

27 мая 1939 г.

Правительства Соединенного Королевства, Франции и СССР, желая в качестве членов Лиги наций придать эффективность принципу взаимопомощи против агрессии, содержащемуся в Уставе Лиги, достигли следующего соглашения:

1. Если Франция и Соединенное Королевство будут вовлечены в военные действия с европейской державой в результате либо

1) агрессии со стороны этой державы, направленной против другого европейского государства, в отношении которого, в соответствии с желанием этого государства, они обязались оказывать помощь против такой агрессии, либо

2) помощи, оказанной ими другому европейскому государству, которое попросило о такой помощи, чтобы противодействовать нарушению его нейтралитета, либо

3) агрессии со стороны европейского государства, направленной против Франции или Соединенного Королевства, — СССР, действуя в соответствии с принципами, изложенными в статье 16, параграфах 1 и 2 Устава Лиги наций, окажет Франции и Соединенному Королевству всякую посильную помощь и поддержку.

2. Если СССР будет вовлечен в военные действия с европейской державой в результате либо

1) агрессии со стороны этой державы, направленной против другого европейского государства, в отношении которого СССР, в соответствии с желанием этого государства, обязался оказывать помощь против такой агрессии, либо

2) помощи, оказанной СССР другому европейскому государству, которое попросило о такой помощи, чтобы противодействовать нарушению его нейтралитета, либо

3) агрессии со стороны европейской державы, направленной против СССР, — Франция и Великобритания, действуя в соответствии с принципами, изложенными в статье 16, параграфах 1 и 2, Устава Лиги наций, окажут СССР всякую посильную помощь и поддержку.

3. Три правительства совместно согласуют методы, посредством которых такая взаимная помощь и поддержка смогут, в случае необходимости, быть оказаны самым эффективным способом.

4. В случае возникновения обстоятельств, которые могут потребовать выполнения их обязательств о взаимной помощи и поддержке, три правительства немедленно приступят к консультации относительно создавшегося положения. Методы и объем такой консультации станут тотчас же предметом последующего обсуждения между тремя правительствами.

5. Условлено, что оказание помощи и поддержки в указанных выше случаях не должно наносить ущерба правам и положению других держав.

6. Три правительства сообщат друг другу условия всех обязательств, перечисленных выше в параграфе 1, пункт 1, и параграфе 1, пункт 2, которые они уже взяли на себя. Если одно из них предположит возможность принятия подобного обязательства в будущем, то оно предварительно проконсультируется с другими двумя правительствами и сообщит им условия любого принятого таким образом обязательства.

7. Это соглашение будет оставаться в силе в течение пяти лет, начиная с сего дня. Не менее чем за шесть месяцев до истечения указанного срока три правительства совместно обсудят, желательно ли его возобновление с изменениями или без изменений.

Печат. по сб.: Документы и материалы ка-
нуна второй мировой войны... Т. 2. С. 104—
105.

387. Проект соглашения Великобритании, Франции и СССР, врученный народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым послу Великобритании в СССР У. Сидсу и временному поверенному в делах Франции в СССР Ж. Пайяру

2 июня 1939 г.

Правительства Великобритании, Франции и СССР, стремясь придать эффективность принятым Лигой наций принципам взаимопомощи против агрессии, пришли к следующему соглашению:

1

Франция, Англия и СССР обязываются оказывать друг другу немедленную всестороннюю эффективную помощь, если одно из этих государств будет втянуто в военные действия с европейской державой в результате либо

1) агрессии со стороны этой державы против любого из этих трех государств, либо

2) агрессии со стороны этой державы против Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии, относительно которых условлено между Англией, Францией и СССР, что они обязываются защищать эти страны против агрессии, либо

3) в результате помощи, оказанной одним из этих трех государств другому европейскому государству, которое попросило эту помощь, чтобы противодействовать нарушению его нейтралитета.

2

Три государства договорятся в кратчайший срок о методах, формах и размерах помощи, которая должна быть оказана ими на основании ст. 1.

3

В случае если произойдут обстоятельства, создающие, по мнению одной из договаривающихся сторон, угрозу агрессии со стороны какой-либо европейской державы, три государства приступят немедленно к консультации, чтобы изучить обстановку и в случае необходимости установить совместно момент немедленного приведения в действие механизма взаимопомощи и порядок его применения независимо от какой бы то ни было процедуры прохождения вопросов в Лиге наций.

4

Три государства сообщают друг другу тексты всех своих обязательств в духе обязательств, предусмотренных ст. 1, в отношении европейских государств. Если одно из них предусмотрело бы в будущем возможность принять новые обязательства такого же характера, оно предварительно это проконсультирует с двумя другими государствами и сообщит им содержание (текст) принятого соглашения.

5

Три государства обязуются, в случае открытия совместных действий против агрессии на основании ст. 1, заключить перемирие или мир только по совместному соглашению.

6

Настоящий договор вступает в силу одновременно с соглашением, которое должно быть заключено в силу ст. 2.

7

Настоящий договор будет в силе в течение пятилетнего периода с сего дня. Не менее чем за шесть месяцев до истечения этого срока три государства обсудят, желательно ли его возобновить с изменениями или без изменений.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 26, д. 18, л. 146—147. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 432—434.

404. Документы, врученные народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послами Великобритании и Франции в СССР У. Сидсом и П. Наджиаром

15 июня 1939 г.

БРИТАНСКИЙ ПРОЕКТ

Статья I

Соединенное Королевство, Франция и СССР обязуются оказать друг другу немедленно всевозможную посильную поддержку и помощь, если одна из этих стран будет втянута в военный конфликт с какой-нибудь европейской державой в результате либо

1) агрессии со стороны этой державы против одной из этих трех стран, либо

2) агрессии со стороны этой державы против другого европейского государства, которому заинтересованная договаривающаяся страна обязалась, в согласии с пожеланиями этого государства, помочь против такой агрессии, либо

3) действий со стороны этой державы, которые три договаривающихся правительства в результате взаимной консультации, предусмотренной в статье III, признали бы угрожающими независимости или нейтралитету другого европейского государства таким образом, что это составит угрозу для безопасности заинтересованной договаривающейся страны.

Такая поддержка и помощь будут оказаны в согласии с принципами пунктов 1 и 2 статьи 16 Устава Лиги наций, причем для этого не нужно ожидать действий со стороны Лиги наций.

БРИТАНСКИЙ ПРОЕКТ

Статья III

Без ущерба для оказания помощи немедленно по возникновении военных действий, как это предусматривается в пункте 1*, в случае возникновения обстоятельств о взаимной помощи, содержащихся в пункте 1*, три договаривающихся правительства по требованию одного из них приступят немедленно к консультации в целях изучения ситуации. Если возникнет необходимость, они с общего согласия установят время, когда будет приведен в действие механизм взаимной помощи, а равно и способ его применения.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 26, д. 16, л. 39—40 (перевод с англ.) Опул. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 121—122.

* Имеется в виду статья 1.

407. Памятная записка, врученная народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым послам Великобритании и Франции в СССР У. Сидеу и П. Наджиару

16 июня 1939 г.

Ознакомившись с англо-французскими формулировками, врученными Молотову 15 июня с. г.*, правительство Советского Союза пришло к следующему заключению:

1. По § 1 статьи первой (проект Советского правительства)** позиция Советского правительства совпадает с позицией английского и французского правительств.

2. По § 2 статьи первой (проект Советского правительства) позиция Советского правительства отвергается английским и французским правительствами.

Последние считают, что Советский Союз должен оказать немедленную помощь Польше, Румынии, Бельгии, Греции и Турции в случае нападения на них агрессора и вовлечения в связи с этим в войну Англии и Франции, между тем как Англия и Франция не берут на себя обязательств по оказанию Советскому Союзу немедленной помощи в случае, если СССР будет вовлечен в войну с агрессором в связи с нападением последнего на граничащие с СССР Латвию, Эстонию и Финляндию.

Советское правительство никак не может согласиться с этим, так как оно не может примириться с унижительным для Советского Союза неравным положением, в которое он при этом попадает.

Отказ от гарантирования Эстонии, Латвии и Финляндии англо-французские предложения мотивируют нежеланием этих стран принять такую гарантию. Если этот мотив является непреодолимым, а Советское правительство, как уже сказано выше, не может

* См. док. 404.

** См. док. 387.

принять участие в помощи Польше, Румынии, Бельгии, Греции, Турции без получения эквивалентной помощи в деле защиты Эстонии, Латвии, Финляндии от агрессора, то Советское правительство вынуждено признать, что весь вопрос о тройственной гарантии всех перечисленных выше восьми государств, равно как вопрос, служащий предметом § 3 статьи первой, должны быть отложены как не назревшие, а § 2 и 3 статьи первой должны быть исключены из соглашения.

В этом случае статья первая включала бы в себя только § 1, причем обязательства Англии, Франции и СССР по взаимопомощи имели бы силу лишь в случае прямого нападения агрессора на территорию любой из договаривающихся сторон, но они не имели бы распространения на те случаи, когда одна из договаривающихся сторон могла быть вовлечена в войну в связи с помощью, оказанной ею какому-либо третьему, не участвующему в настоящем соглашении государству, подвергшемуся нападению агрессора. Понятно, что в связи с этим обстоятельством формулировка § 1 статьи первой должна была бы подвергнуться соответствующему изменению.

3. По вопросу об одновременности вступления в силу общего соглашения и соглашения военного предстоит дальнейшая дискуссия ввиду наличия разногласий.

4. По вопросу о том, чтобы не заключать перемирия или мира иначе как с общего согласия, Советское правительство настаивает на своей позиции, так как оно не может представить, чтобы какая-либо из договаривающихся сторон в разгаре оборонительных военных действий против агрессора могла иметь право заключать сепаратное соглашение с агрессором за спиной и против своих союзников.

5. Ссылку на статью 16, § 1—2, Устава Лиги наций Советское правительство считает излишней.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 10, л. 14—15. Опуб. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 122—123.

419. Проект статьи 1 договора о взаимной помощи между Великобританией, Францией и СССР, врученный народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послами Великобритании и Франции в СССР У. Сидсом и П. Наджиаром

21 июня 1939 г.

Соединенное Королевство, Франция и СССР обязываются оказывать друг другу немедленно всяческую посильную поддержку и помощь, если одна из этих стран будет вовлечена в военный конфликт с каким-либо европейским государством в результате либо

1) агрессии этого государства против одной из трех стран или агрессии этого государства, которая, будучи направлена против другого европейского государства, представляла бы тем самым угрозу безопасности одной из трех держав, либо

2) агрессии этого государства против другого европейского государства, которое заинтересованная договаривающаяся держава обязалась, с согласия последнего, защищать против такой агрессии

Поддержка и помощь, предусматриваемые в настоящей статье, будут оказываться в соответствии с принципами Лиги наций, но без того, чтобы необходимо было ожидать действия Лиги наций.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 28, д. 16, л. 45.

Опубл. в сб.: Документы и материалы кавуна второй мировой войны... Т. 2. С. 126.

442. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом

28 июня 1939 г.

Шуленбург начал с того, что он был в Берлине и имел беседу с тов. Астаховым по двум вопросам: 1) о торгпредстве в Праге и 2) по вопросу, о котором он уже говорил со мною.

На мое замечание, о каком именно вопросе идет речь, Шуленбург ответил, что речь идет о моем высказывании относительно создания политической базы в отношениях между Германией и СССР. Затем Шуленбург, развивая по моей просьбе свою мысль, сказал, что германское правительство желает не только нормализации, но и улучшения своих отношений с СССР. Он добавил далее, что это заявление, сделанное им по поручению Риббентропа, получило одобрение Гитлера. По словам Шуленбурга, Германия уже дала доказательства своего желания нормализовать отношения с нами. В качестве примера он указал на сдержанность тона германской печати в отношении СССР, а также на пакты о ненападении, заключенные Германией с Прибалтийскими странами (Латвией и Эстонией), которые он рассматривает как безвозмездный вклад в дело мира и которые показывают, что Германия не имеет никаких злых намерений в отношении СССР. Также и в области экономических отношений, по словам Шуленбурга, Германия пыталась идти нам навстречу. На мое замечание, что упомянутые послом пакты заключены не с СССР, а с другими странами и не имеют прямого отношения к СССР, посол сказал, что, несмотря на то что эти пакты заключены не с СССР, вопрос о Балтстранах носит деликатный характер и представляет интерес для СССР. Мы считали, добавил Шуленбург, что заключением этих пактов Германия делает шаг, не неприятный для СССР. Воздерживаясь от подтверждения мысли Шуленбурга, я напомнил ему о недавно существовавшем пакте о ненападении между Германией и Польшей, утратившем так неожиданно свою силу. При упоминании этого факта Шуленбург пустился в объяснения о том, что в этом виновата сама Польша, Германия же в отношении Польши не имеет злых намерений. Разрыв указанного пакта, добавил Шуленбург, есть будто бы мероприятие оборонительного характера со стороны Германии.

Я не стал полемизировать с Шуленбургом насчет пактов, заключенных Германией с прибалтами, и сказал, что принимаю сообщение посла о пактах с прибалтами и его объяснения по этому вопросу к сведению. В связи с замечанием Шуленбурга, что он уверяет, что ни у кого в Германии нет, так сказать, наполеоновских планов в отношении СССР, я сказал, что нельзя никому запретить мечтать, что, должно быть, и в Германии есть люди, склонные к

* Крейсера «Лютцов» (10 тыс. т) в Бремене.— Прим. составителей «Akten zur deutschen auswärtigen Politik».

** Министр пропаганды Германии.

мечтаниям. Я сказал далее, что у посла не может быть оснований для сомнений относительно позиции СССР. Советский Союз стоял и стоит за улучшение отношений или, по крайней мере, за нормальные отношения со всеми странами, в том числе и с Германией.

На мой вопрос, как посол представляет себе возможности улучшения отношений между Германией и СССР, Шуленбург ответил, что надо пользоваться каждой возможностью, чтобы устранить затруднения на пути улучшения отношений. Если посол и теперь, после поездки в Берлин, ничего другого не предлагает, то, очевидно, сказал я, он считает, что в советско-германских отношениях все обстоит благополучно и посол — большой оптимист. Здесь Шуленбург напомнил, что СССР и Германия связаны берлинским договором о нейтралитете, заключенным в 1926 году, который был продлен Гитлером в 1933 году. Я иронически заметил, что хорошо, что Шуленбург помнит о существовании этого договора, и спросил, не находит ли посол, что заключенные Германией в последние годы договора, например «антикоминтерновский пакт» и военно-политический союз с Италией, находясь в противоречии с германо-советским договором 1926 года. Шуленбург стал уверять, что не следует возвращаться к прошлому (к тому, какое значение вначале имел «антикоминтерновский пакт»), и заявил, что договор о союзе с Италией не направлен против СССР, что этот договор имеет в виду в первую очередь Англию.

Затем Шуленбург, переходя к торговым переговорам, заявил, что Германия проявила и в этом вопросе свою добрую волю, выразив желание послать в Москву Шнурре. На это я ответил, что по торговым делам в последнее время имела место беседа тов. Микояна с советником германского посольства Хильгером * и что лучше, чтобы германское посольство дало соответствующие ответы на вопросы тов. Микояна, после чего и можно решить вопрос о приезде Шнурре.

В заключение беседы Шуленбург снова просил «умерить» нашу прессу, поскольку будто бы германская уже ведет себя вполне сдержанно в отношении СССР. На это я ответил, что наша пресса не дает никаких поводов для обвинения в резкостях, чего нельзя сказать о германской прессе, которая дает немало доказательств враждебности в отношении к СССР.

Содержание беседы посол обещал передать в Берлин.

Беседа продолжалась свыше часа.

В. Молотов

453. Документы, врученные народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послами Великобритании и Франции в СССР У. Сидсом и П. Наджиаром

1 июля 1939 г.

ПРОЕКТ СТАТЬИ I

Соединенное Королевство, Франция и СССР обязуются оказывать друг другу взаимно всякую немедленную и эффективную помощь, если одна из этих трех стран будет вовлечена в военное столкновение с какой-либо европейской державой в результате либо агрессии со стороны этой державы, направленной против одной из этих трех стран, либо же агрессии со стороны этой державы, направленной против какого-либо другого европейского государства, независимость или нейтралитет которого одна из трех заинтересованных стран считает себя вынужденной защищать против такой агрессии.

Помощь, предусмотренная настоящей статьей, будет оказываться в соответствии с принципами Лиги наций, но без того, чтобы было необходимо следовать процедуре Лиги или ожидать, когда Лига наций начнет действовать.

**ПРОЕКТ СОГЛАШЕНИЯ,
НЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО ОПУБЛИКОВАНИЮ ***

Между тремя договаривающимися правительствами условлено, что статья I договора, подписанного ими сегодня, должна будет применяться к следующим европейским государствам:

Эстонии, Финляндии, Латвии, Польше, Румынии, Турции, Греции, Бельгии, Люксембургу, Нидерландам и Швейцарии.

По соглашению между тремя договаривающимися правительствами вышеприведенный перечень может быть подвергнут пересмотру. Настоящее дополнительное соглашение * не подлежит опубликованию.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 26, д. 16, л. 54—55 (перевод с французского). Опубл. в сб.: *Документы и материалы кануна второй мировой войны...* Т. 2. С. 129.

* Заголовок воспроизведен по английскому проекту; французский проект без заголовка.

458. Документы, врученные народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым послам Великобритании и Франции в СССР У. Сидсу и П. Наджиару *

3 июля 1939 г.

ПРОЕКТ СТАТЬИ 1

Соединенное Королевство, Франция и СССР обязуются оказывать друг другу взаимно всяческую немедленную и эффективную помощь, если одна из этих трех держав будет вовлечена в военный конфликт с каким-нибудь европейским государством в результате либо агрессии, направленной этим государством против одной из трех держав, либо агрессии, прямой или косвенной, направленной этим государством против какой-либо европейской страны, независимость или нейтралитет которой одна из трех заинтересованных держав признает для себя обязательным защищать против такой агрессии.

Помощь, предусмотренная настоящей статьей, будет оказываться в соответствии с принципами Лиги наций, но без того, чтобы необходимо было следовать процедуре Лиги или ожидать, когда Лига начнет действовать.

ПРОЕКТ СТАТЬИ 3

Без ущерба для немедленного оказания помощи в соответствии со статьей 1 и в интересах лучшего обеспечения ее подготовки три договаривающихся правительства периодически информируют друг друга о международном положении и намечают пути взаимной дипломатической поддержки в интересах мира, а при возникновении обстоятельств, угрожающих необходимостью применения обязательств взаимной помощи, предусмотренной в статье 1, по требованию одного из них, немедленно приступят к консультациям, чтобы обсудить положение и сообща определить момент для безотлагательного приведения в действие механизма взаимной помощи и способы применения последней, вне зависимости от какой бы то ни было процедуры Лиги наций.

ПРОЕКТ ПРОТОКОЛА

Между тремя договаривающимися правительствами условлено, что статья 1 договора, подписанного ими сегодня, должна будет применяться — как в случае прямой агрессии, так и в случае косвенной агрессии, под которой понимается внутренний переворот или поворот в политике в угоду агрессору, — к следующим европейским государствам:

* См. док. 453.

Эстония, Финляндия, Латвия, Польша, Румыния, Турция, Греция, Бельгия.

По соглашению между тремя договаривающимися правительствами вышеприведенный перечень может быть подвергнут пересмотру.

Настоящее дополнительное соглашение не подлежит опубликованию.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 26, л. 18,
л. 195—197. Оpubл. в сб.: Документы и
материалы накануне второй мировой войны.
Т. 2. С. 130—131.

465. Проект англо-франко-советского соглашения, врученный народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послами Великобритании и Франции в СССР У. Сидсом и П. Наджиаром

8 июля 1939 г.

ПРОЕКТ АНГЛО-ФРАНКО-РУССКОГО СОГЛАШЕНИЯ

(8 июля 1939 г.) *

Вариант «А»

Правительства Соединенного Королевства, Франции и СССР, в целях увеличения эффективности принятых Лигой наций принципов взаимопомощи против агрессии, пришли к следующему соглашению:

Вариант «В»

Правительства Соединенного Королевства, Франции и СССР, считая, что любое действие, направленное против независимости или нейтралитета одного из европейских государств, затрагивает мир и безопасность Европы в целом, твердо придерживаясь уважения и сохранения этой независимости и нейтралитета и желая сделать более эффективными принятые Лигой наций принципы взаимопомощи против агрессии, пришли к следующему соглашению:

Статья 2 **

Три договаривающихся правительства согласуют друг с другом возможно скорее методы, формы и размеры помощи, которая должна быть оказана ими в соответствии со статьей 1, чтобы сделать такую помощь возможно более эффективной в случае надобности.

Статья 3

Три договаривающихся правительства будут периодически обмениваться информацией о международном положении и наметят в интересах мира линии взаимной дипломатической поддержки. Без ущерба для немедленного оказания помощи в соответствии со статьей 1 и в целях обеспечения более эффективной подготовки этой помощи в случае возникновения обстоятельств, которые угро-

* В оригинале данный заголовок повторяется перед каждой статьей настоящего проекта соглашения и перед проектом протокола. Во избежание повторений заголовков в последующем не воспроизводится.

** Проект статьи 1 см. в док. 453.

жают потребовать выполнения обязательств о взаимной помощи, содержащихся в статье 1, три договаривающихся правительства приступят по просьбе одного из них к немедленной совместной консультации, чтобы изучить обстановку и (в случае необходимости) установить по общему согласию момент немедленного приведения в действие механизма взаимопомощи и порядок его применения (независимо от какой бы то ни было процедуры Лиги наций).

Статья 4

Три договаривающихся правительства сообщат друг другу условия всех обязательств по оказанию помощи, которые они уже дали другим европейским государствам. Любое из трех правительств, которое в будущем будет иметь намерение дать какое-либо новое обязательство такого же характера, предварительно проконсультируется об этом с двумя другими правительствами и сообщит им условия всякого данного таким образом обязательства.

Статья 5

В случае совместных действий против агрессии, предпринятых в соответствии со статьей 1, три договаривающихся правительства обязуются заключать перемирие или мир только по общему согласию.

Статья 6

В целях обеспечения полной действительности настоящего соглашения, соглашение, предусмотренное в статье 2, будет заключено в возможно более короткий срок, а переговоры с этой целью начнутся немедленно после подписания настоящего соглашения.

Статья 7

Настоящее соглашение будет оставаться в силе в течение пятилетнего периода с сего дня. Не менее чем за шесть месяцев до истечения этого срока три договаривающихся правительства совместно обсудят желательность его возобновления с изменениями или же без таковых.

Протокол (параграф 1)

Три договаривающихся правительства условились, что статья 1 подписанного ими сегодня соглашения будет применяться к следующим европейским государствам, причем слово «агрессия» должно пониматься в том смысле, что оно распространяется на такие действия, на которые соответствующее государство дало свое согласие под угрозой применения силы со стороны другой

державы и которые связаны с отказом этого государства от своей независимости или своего нейтралитета.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1 а, п. 26, д. 16, л. 57—64 (перевод с английского). Опубл. в сб.:
Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 131—133.

467. Проект дополнительного письма к соглашению СССР, Великобритании и Франции, врученный народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым послам Великобритании и Франции в СССР У. Сидеу и П. Наджиару *

9 июля 1939 г.

Три договаривающихся правительства условились в том, что:

1) статья 1 договора, подписанного ими сегодня, должна будет применяться к следующим европейским государствам: Турция, Греция, Румыния, Польша, Бельгия, Эстония, Латвия, Финляндия, Швейцария, Голландия;

2) в отношении двух последних стран (Швейцария, Голландия) договор вступает в силу лишь в том случае и тогда, если и когда Польша и Турция заключат с СССР пакт взаимопомощи;

3) выражение «косвенная агрессия» относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территорий и сил данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон, — следовательно, влечет за собой утрату этим государством его независимости или нарушение его нейтралитета.

По соглашению между тремя договаривающимися правительствами вышеприведенный перечень может быть подвергнут пересмотру.

Настоящее дополнительное соглашение не подлежит опубликованию.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1 а, п. 26, д. 16, л. 70.
Опубл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 133

* См. док. 465.

479. Документы, врученные народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послами Великобритании и Франции в СССР У. Сидсом и П. Наджиром *

17 июля 1939 г.

АНГЛО-ФРАНКО-СОВЕТСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Статья 1

Соединенное Королевство, Франция и СССР обязываются оказывать друг другу всяческую немедленную и эффективную помощь, если одна из этих трех стран окажется вовлеченной в военный конфликт с какой-либо европейской державой в результате либо

1) агрессии со стороны этой державы против одного из трех государств, либо

2) агрессии со стороны этой державы против любого европейского государства, независимость или нейтралитет которого соответствующая договаривающаяся страна считает себя обязанной защищать против такой агрессии.

Между тремя договаривающимися правительствами условлено, что слово «агрессия» в пункте 2 выше следует понимать в том смысле, что оно распространяется на такие действия, на которые соответствующее государство дало свое согласие под угрозой применения силы со стороны другой державы и которые влекут за собою утрату им своей независимости или своего нейтралитета.

Помощь, предусмотренная в настоящей статье, будет оказываться в соответствии с принципами Лиги наций, но без того, чтобы было необходимо следовать процедуре Лиги наций или ожидать действий с ее стороны.

АНГЛО-ФРАНКО-СОВЕТСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Протокол

Три договаривающихся правительства согласились о следующем:

1. Пункт 2 статьи 1 соглашения, подписанного ими сегодня, должен распространяться на следующие европейские государства: Турцию, Грецию, Румынию, Польшу, Бельгию, Эстонию, Латвию, Финляндию.

2. Вышеприведенный перечень государств может быть подвергнут пересмотру по соглашению между тремя договаривающимися правительствами.

3. В случае агрессии или угрозы агрессии со стороны какой-либо европейской державы против европейского государства, не упомянутого в вышеприведенном перечне, три договаривающихся правительства, без ущерба для немедленных действий, которые какое-либо из них сочтет себя обязанным предпринять, немед-

* См. док. 487.

ленно приступят по требованию одного из них к совместной консультации, чтобы предпринять такие действия, о которых они смогут взаимно достигнуть соглашения.

4. Настоящее дополнительное соглашение не подлежит опубликованию.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, л. 26, д. 16, л. 67—68 (перевод с английского). Оpubл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 138—139.

519. Проект определения понятия «косвенная агрессия», врученный народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послами Великобритании и Франции в СССР У. Сидсом и П. Наджиаром

2 августа 1939 г.

Между тремя договаривающимися правительствами условлено, что слова «косвенная агрессия» в предыдущем § 2* должны пониматься как не исключающие (или как включающие) акцию, принятую государством, о котором идет речь, под угрозой силы со стороны другой державы и имеющую последствием потерю его независимости или его нейтралитета.

Если создадутся обстоятельства, которые не подпадают под предшествующее определение, но которые, по мнению одного из договаривающихся правительств, содержат угрозу независимости или нейтралитету государства, о котором идет речь, договаривающиеся правительства приступят по просьбе одного из них к немедленной консультации в целях любой акции, о которой будет принято решение с общего согласия.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1 а, п. 26; д. 18, л. 218.
Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 525.

* См. док. 479.

525. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом*3 августа 1939 г.*

Шуленбург начал с того, что имеет поручение из Берлина продолжить предыдущий разговор с тов. Молотовым *. Содержание последней беседы и пожелание Молотова дать ответ Микояну на советские предложения были сообщены в Берлин. В результате этого, говорит Шуленбург, начались переговоры, которые они надеются успешно завершить. Но это относится к области экономических отношений. Что же касается политических взаимоотношений, то Шуленбург указывает на беседу Шнурре и Астахова в Берлине **. Он предполагает, что об этом уже доложено народному комиссару. Тов. Молотов подтверждает это. В этой беседе, продолжает Шуленбург, Астахов спросил Шнурре, предполагают ли более авторитетные лица из германского правительства подтвердить все сказанное Шнурре. Шуленбург имеет поручение германского правительства подтвердить высказанное Шнурре.

Далее Шуленбург заявляет, что германское правительство желает улучшения отношений и представляет это себе в виде трех этапов: 1) заключение экономического соглашения; 2) улучшение отношений по линии прессы; 3) развитие культурных взаимоотношений в научной области. Все предыдущее должно служить созданию предпосылок для улучшений не только экономических, но и политических отношений между Германией и СССР путем освежения существующих или создания новых политических соглашений. Развивая указанные положения, Шуленбург отмечает, что германская сторона рассчитывает на успешное окончание экономических переговоров. Что же касается прессы, то если германская пресса ведет себя теперь сдержанно в отношении СССР, то о советской печати этого нельзя сказать и даже в последнее время имеет место ухудшение тона советской прессы в отношении Германии. Шуленбург и присутствовавший при беседе Хильгер ссылаются при этом на одну статью в «Плановом хозяйстве» и на карикатуру в одном из советских журналов («Машиностроение»), которую они даже не хотели бы показывать Молотову.

Далее Шуленбург отмечает наличие признаков улучшения отношений по линии культурной, указывая на присутствие Астахова на мюнхенском празднике немецкого искусства, и в этой же связи считает нужным отметить факт приглашения представителей Германии на Сельскохозяйственную выставку в Москву. Желательно было бы, говорит Шуленбург, продолжить эти первые шаги.

Германское правительство уполномочило Шуленбурга заявить, что, по его мнению, между СССР и Германией не имеется политических противоречий. Что касается «антикоминтерновского

* См. док. 442.

** См. док. 503.

пакта», «то он направлен не против СССР», как, по словам Шуленбурга, будто бы говорил в своей речи и Молотов, а против Англии. Дружественные же отношения Германии с Японией также не направлены против СССР. Тов. Молотов поправляет посла, указывая, что он не говорил о том, что этот «пакт» не направлен против СССР, а говорил на Верховном Совете о том, что военно-политический договор Германии с Италией направлен в первую очередь не против СССР*. Германия также, говорит дальше Шуленбург, не старается ободрять Японию в ее планах против СССР, так как Германия знает, что у самой Японии от забот полон рот. Таким образом, Германия не занимает враждебной позиции к СССР на Востоке. Что же касается Запада, то и здесь также нет пунктов, которые бы вызвали трения между Германией и СССР на всем протяжении между Балтийским и Черным морями. При этом Шуленбург указывает на заключенные Германией с прибалтами договоры о ненападении, которые, по его мнению, гарантируют независимость этих стран и Финляндии. Германию связывают с этими государствами хорошие экономические отношения. Что же касается Польши, то требования Германии также не противоречат СССР. Эти требования были изложены в речи Гитлера. С Румынией Германия стремится развивать хорошие отношения и не намерена при этом задевать интересы СССР. Посол заключает, что, принимая во внимание изложенное, имеются все возможности для примирения обоюдных интересов. Шуленбург говорит, что был бы благодарен Молотову, если бы он высказал свое мнение по этому вопросу.

Тов. Молотов отвечает, что послу известно, что мы стоим за заключение торгового соглашения с германским правительством и рассчитываем на успех ведущихся переговоров. Что же касается печати, то мне не кажется, говорит тов. Молотов, что наша пресса занимает какую-то враждебную позицию по отношению к Германии, во всяком случае, политике Советского правительства не соответствует — обострять через печать наши отношения с Германией. Германская же пресса очень часто служит источником распространения всякого рода слухов и небылиц о Советском Союзе и даже позволяет себе злостные выпады против СССР. Шуленбург пытается оправдаться тем, что, мол, во всякой прессе бывают ошибки. Переходя к вопросу о культурных взаимоотношениях, тов. Молотов, подтверждая наличие указанных послом положительных фактов, говорит, что здесь также в известной форме и в известных масштабах улучшение существующего положения нужно осуществить.

Остаются политические вопросы. В этой связи, говорит т. Молотов, нельзя не упомянуть об «антикоминтерновском пакте», вокруг которого много наговорено и много наговорено такого, что не может не иметь отрицательного значения в глазах СССР. Известно также, что «антикоминтерновский пакт» и отношения Германии

* См. док. 386.

пакта», «то он направлен не против СССР», как, по словам Шуленбурга, будто бы говорил в своей речи и Молотов, а против Англии. Дружественные же отношения Германии с Японией также не направлены против СССР. Тов. Молотов поправляет посла, указывая, что он не говорил о том, что этот «пакт» не направлен против СССР, а говорил на Верховном Совете о том, что военно-политический договор Германии с Италией направлен в первую очередь не против СССР*. Германия также, говорит дальше Шуленбург, не старается ободрять Японию в ее планах против СССР, так как Германия знает, что у самой Японии от забот полон рот. Таким образом, Германия не занимает враждебной позиции к СССР на Востоке. Что же касается Запада, то и здесь также нет пунктов, которые бы вызвали трения между Германией и СССР на всем протяжении между Балтийским и Черным морями. При этом Шуленбург указывает на заключенные Германией с прибалтами договоры о ненападении, которые, по его мнению, гарантируют независимость этих стран и Финляндии. Германию связывают с этими государствами хорошие экономические отношения. Что же касается Польши, то требования Германии также не противоречат СССР. Эти требования были изложены в речи Гитлера. С Румынией Германия стремится развивать хорошие отношения и не намерена при этом задевать интересы СССР. Посол заключает, что, принимая во внимание изложенное, имеются все возможности для примирения обоюдных интересов. Шуленбург говорит, что был бы благодарен Молотову, если бы он высказал свое мнение по этому вопросу.

Тов. Молотов отвечает, что послу известно, что мы стоим за заключение торгового соглашения с германским правительством и рассчитываем на успех ведущихся переговоров. Что же касается печати, то мне не кажется, говорит тов. Молотов, что наша пресса занимает какую-то враждебную позицию по отношению к Германии, во всяком случае, политике Советского правительства не соответствует — обострять через печать наши отношения с Германией. Германская же пресса очень часто служит источником распространения всякого рода слухов и небылиц о Советском Союзе и даже позволяет себе злостные выпады против СССР. Шуленбург пытается оправдаться тем, что, мол, во всякой прессе бывают ошибки. Переходя к вопросу о культурных взаимоотношениях, тов. Молотов, подтверждая наличие указанных послом положительных фактов, говорит, что здесь также в известной форме и в известных масштабах улучшение существующего положения нужно осуществить.

Остаются политические вопросы. В этой связи, говорит т. Молотов, нельзя не упомянуть об «антикоминтерновском пакте», вокруг которого много наговорено и много нагорожено такого, что не может не иметь отрицательного значения в глазах СССР. Известно также, что «антикоминтерновский пакт» и отношения Германии

* См. док. 386.

замечание, что и в данный момент вхождение СССР в новую комбинацию держав в Европе (намек на англо-франко-советские переговоры) может создать затруднения для улучшения отношений Германии и СССР. На это тов. Молотов отвечает разъяснениями. Что касается 1935 года, то к участию в тогдашнем соглашении приглашалась и Германия на равных условиях с другими странами. Что же касается данного момента, то, оставаясь верным своей последовательно миролюбивой политике, СССР пойдет только на чисто оборонительное соглашение против агрессии. Такое соглашение будет действовать только в случае нападения агрессора на СССР или на страны, к судьбе которых СССР не может относиться безразлично. Другое положение у Германии. Германия имеет «антикоминтерновский пакт», который Япония уже не раз использовала и использует теперь как поддержку в ее прямой агрессии против СССР. Германия заключила с Италией военно-политический договор не только в целях оборонительных, но и в целях наступательных. В ответ на это Шуленбург пытался истолковать «антикоминтерновский пакт» и военно-политический союз с Италией как оборонительные пакты. Тов. Молотов отмечает, что было бы хорошо, если бы это было действительно так.

В заключение беседы Шуленбург поднял вопрос об арестованных в СССР германских гражданах, о выезде из СССР жен германских подданных и их детей, указав, что он уже говорил об этом с тов. Потемкиным. Тов. Молотов обещал поговорить по этому вопросу с тов. Потемкиным.

Беседа продолжалась полтора часа.

В. Молотов

527. Соображения советской стороны по переговорам с военными миссиями Великобритании и Франции*4 августа 1939 г.*

При переговорах с Англией и Францией могут возникнуть несколько ВАРИАНТОВ, когда возможно вооруженное выступление наших сил.

I вариант — это когда нападение агрессоров будет непосредственно направлено против ФРАНЦИИ и АНГЛИИ.

В этом случае Франция и Англия должны развернуть немедленно большую часть своих вооруженных сил на восточных границах Франции и Бельгии и с 16-го дня мобилизации начать решительные действия против главного из агрессоров.

Главным противником считается главный из агрессоров, против которого и должны быть направлены главные силы Франции и Англии.

Действия против второстепенного из агрессоров должны носить и второстепенный характер. Теория о разгроме сначала слабого противника — второстепенного агрессора — нами не разделяется. Разгром главного из агрессоров выведет из войны и второстепенного из агрессоров, и наоборот, главный первоначальный удар по второстепенному агрессору может повести к решительному наступлению главного агрессора на Париж и к захвату Бельгии и Голландии, чем создается кризис на западном театре военных действий с первых же дней войны, давая превосходство главному агрессору.

Исходя из этого положения, Франция и Англия должны к 15-му дню мобилизации на восточных границах Франции и Бельгии развернуть и выставить на фронт против главного агрессора не менее:

80 пехотных дивизий
 14 000 — 14 500 средних и тяжелых орудий
 3500 — 4000 танков
 5000 — 5500 самолетов.

Оставив на линии «Мажино» от Бельфора до Меца из указанных сил до 10 пехотных дивизий, Франция, Англия и Бельгия должны

с 70 пехотными дивизиями
 13 000 средними и тяжелыми орудиями
 3500 танками
 5000 самолетами

повести решительное наступление к северу от Меца и из Бельгии против Рура и Кельнской промышленной области в общем направлении на Магдебург.

Воздушные силы Франции и Англии должны ударить по важнейшим промышленным районам главного агрессора на западе, по базам его морского флота, по железным дорогам, автострадам, а также по столице и другим крупным административным пунктам главного агрессора.

Действия объединенного англо-французского флота должны иметь целью: 1) закрытие Ла-Манша и прорыв сильной эскадры в Балтийское море для действий против флота главного агрессора в Балтике и против его берегов; 2) добиться от Балтийских стран согласия на временное занятие англо-французским флотом Аландских островов, Моонзундского архипелага с его островами, портов Ганге, Пернова, Гапсаля, Гайнаша и Либавы* в целях охраны нейтралитета и независимости этих стран от нападения со стороны Германии; 3) перерыв подвоза по Балтике из Швеции руды и другого сырья; 4) блокада берегов главного агрессора в Северном море; 5) господство в Средиземном море и закрытие Суэцкого канала и Дарданелл; 6) крейсерские операции у берегов Норвегии, Финляндии, вне их территориальных вод, Мурманска и Архангельска против подводных лодок и крейсеров флота агрессоров у этих берегов.

* Ханко, Пярну, Хаапсалу, Айнажи, Лиепая.

При обязательном участии в войне Польши, в силу ее договора с Англией и Францией, силами не менее 40 пехотных дивизий против Восточной Пруссии и в Познани для удара против Восточной Пруссии и Померании, Польша должна взять на себя обязательства пропустить наши сухопутные вооруженные силы к северу от Минска через Виленский коридор и по возможности через Литву к границам Восточной Пруссии. Нужно добиться того, чтобы Литва оказала помощь блоку миролюбивых держав.

Наше содействие Франции и Англии может выразиться в совместном действии наших сухопутных, воздушных сил, Балтийского и Северного флотов против главного из агрессоров.

В этом случае нами против Восточной Пруссии, к северу от Минска, было бы направлено 70% от выделенных Англией и Францией против главного из агрессоров пехотных сил, а также сверх того кавалерии, а именно:

	56 пехотных дивизий
	6 кавалерийских дивизий
8500—9000	средних и тяжелых орудий
3300	танков
3000	самолетов
а всего 2 053 000	людей.

Наши воздушные силы предпринимают операции против Восточной Пруссии и сосредоточенных здесь воздушных и сухопутных сил главного агрессора, против его флота и баз в Балтике и действуют с нашими сухопутными частями.

Наш Северный военно-морской флот ведет крейсерские операции у берегов Финляндии и Норвегии вне их территориальных вод совместно с англо-французскими эскадрами.

Что же касается нашего Балтийского флота, то он в случае благоприятного разрешения вопроса будет базироваться совместно с объединенным флотом Франции и Англии на Ганге, Аландском и Моонзундском архипелагах, Пернове, Гапсале, Гайнаше и Либаве в целях охраны независимости Балтийских стран.

При этих условиях Балтийский флот может развить свои крейсерские операции, действия подводных лодок и постановку мин у берегов Восточной Пруссии, Данцига и Померании. Подводные лодки Балтийского флота мешают подвозу промышленного сырья из Швеции для главного агрессора.

Командование всеми нашими вооруженными силами остается за нами, и координация военных действий с Англией и Францией достигается особым соглашением во время войны.

Наши силы действуют компактно и никаких частей в другие армии не выделяют.

II вариант возможного возникновения военных действий — это когда объектом нападения явится ПОЛЬША.

Если Франция и Англия так же объявят войну агрессорам в силу договора их с Польшей и немедленно выступят против них, то СССР должен будет выступить против агрессоров в силу его договора с Англией и Францией.

Польша может быть атакована не одним только главным агрессором, но, по всей вероятности, и Венгрия примет участие в войне против Польши.

Надо полагать, что в этом случае Румыния вступит в войну на стороне Польши. Правда, помощь ее будет ограничена, так как сама Румыния будет скована Болгарией и Венгрией, но все же Румынию следовало бы обязать выставить на фронт не менее

20 пехотных дивизий
3 кавалерийских дивизий
2276 средних и тяжелых орудий
240 танков
440 самолетов.

Франция и Англия должны выступить известными своими вооруженными силами, как указано в I варианте, и наносить *главный* удар против *главного* из агрессоров.

Развитие операций вооруженных сил Франции и Англии должно проводиться, как указано в I варианте.

Наше участие в войне может быть только тогда, когда Франция и Англия договорятся с Польшей и по возможности также с Литвой о пропуске наших войск к северу от Минска через Виленский коридор и о предоставлении нашему Балтийскому флоту совместного базирования с объединенным англо-французским флотом, как указано в I варианте.

В этом случае мы выделяем силы, как указано в I варианте, и направляем их против Восточной Пруссии.

Франция и Англия должны потребовать от Польши развертывания и выставления на фронт не менее 40 пехотных дивизий с соответствующей артиллерией против Восточной Пруссии и в Познани для удара по Восточной Пруссии и Померании. В то же время Польша обязана обеспечить маневр наших войск на территории северо-востока Польши предоставлением нам железных дорог и подвижного состава для подвоза боевого снабжения и продовольствия.

Одновременное вторжение агрессоров в южную часть Польши (Галиция) со стороны Словакии и Венгрии потребует от нас развертывания на границах с Польшей и Румынией дополнительных сил, но в общей совокупности с выделяемыми для действий против Восточной Пруссии в равном числе с выставляемыми силами Англией и Францией против главного агрессора, т. е. 80 пехотных дивизий, 12 кавалерийских дивизий, 9500—10 000 средних и тяжелых орудий, 3500—4000 танков, 3000—3500 самолетов.

Командование нашими вооруженными силами остается за нами. Координация военных действий с Англией и Францией достигается особой договоренностью во время войны.

III *возможный вариант* развертывания военных действий — когда Венгрия, Болгария при помощи главного агрессора нападают на РУМЫНИЮ.

Если Англия и Франция объявят в этом случае войну агрессорам и выставят на фронт вместе против главного агрессора к 15-му дню мобилизации, как указано в I варианте,

80 пехотных дивизий
 14 000 — 14 500 средних и тяжелых орудий
 3500 — 4000 танков
 5000 — 5500 самолетов и

перейдут на 16-й день мобилизации в решительное наступление против главного агрессора — как главного противника, то они могут обратиться к нам за военным сотрудничеством.

Наши предложения Франции и Англии в этом варианте должны сводиться: 1) в обязательном участии в войне ПОЛЬШИ; 2) в пропуске наших сил, как указано в I варианте, через Виленский коридор и Литву, а также совместного с англо-французами базирования нашего Балтийского флота в восточной части Балтики, как указано в I варианте; 3) в обязательстве Польши развернуть и выставить на фронт 40 пехотных дивизий против Восточной Пруссии и Померании и 4) в обязательстве Польши пропустить наши войска через Галицию к югу от Львова.

В этом случае нами также выставляется 70% от направленных Францией, Англией пехотных сил против главного агрессора, не считая 12 кавалерийских дивизий, а именно:

56 пехотных дивизий
 12 кавалерийских дивизий
 8500 — 9000 средних и тяжелых орудий
 3300 танков
 3000 самолетов

а всего 2 075 000 людей.

Причем к северу от Минска для действий против Восточной Пруссии направляется:

26 стрелковых дивизий
 6 кавалерийских дивизий
 4000 средних и тяжелых орудий
 1300 танков
 1500 самолетов

а всего 926 000 людей.

Для действий к югу от Полесья, для непосредственной поддержки Румынии, причем Франция и Англия должны добиться пропуска наших войск через румынскую территорию и южную часть Галиции, будет направлено нами:

30 стрелковых дивизий
 6 кавалерийских дивизий
 5000 средних и тяжелых орудий
 2000 танков
 1500 самолетов

а всего 1 149 000 людей.

Эти наши силы развертываются на границе СССР с Румынией и в южной части Галиции и действуют к югу от Карпат, получая самостоятельный участок фронта.

Командование нашими войсками остается за нами.

В этом варианте действия наших Северного и Балтийского флотов проводятся, как изложено это в I варианте, поэтому и задачи

для объединенного англо-французского флота остаются те же, что и указаны в I варианте.

В нападении на Румынию, возможно, примет участие Болгария, поэтому Франция и Англия должны принять на себя обязательство добиться участия в войне Турции и Греции.

Если эти оба государства примут участие в войне, то в таком случае наш Черноморский флот, заградив устье Дуная от проникновения по нему в Черное море подводных лодок агрессоров и блокируя Варну (болгарский военный порт), совместно с турецким флотом предпринимают крейсерские операции и операции подводными лодками в восточной части Средиземного моря. Однако при всяких обстоятельствах Дарданеллы и Босфор должны быть прочно закрыты от проникновения в Мраморное и Черное моря надводных эскадр противников и их подводных лодок.

IV. *Возможный вариант* возникновения военных действий, когда агрессия будет направлена против Турции, причем, возможно, в этом случае к войне на стороне агрессоров примкнет Болгария.

Франция и Англия в силу договора с Турцией объявляют войну агрессорам.

Если Франция и Англия обратятся к нам за военным сотрудничеством, это сотрудничество может быть оказано при условии: 1) участия Польши в войне против главного агрессора и пропуска наших войск через Виленский коридор и по договоренности с Литвой через ее территорию для действий против Восточной Пруссии; 2) совместно с объединенным англо-французским флотом базирования нашего Балтийского флота в восточной части Балтики, как указано в I варианте; 3) участия Румынии в войне и пропуске наших войск через Румынию для действий на юге Румынии.

В этом случае нами выставляются и развертываются силы так, как указано это в III варианте.

Задачи нашего Черноморского флота будут те же, что указаны в предыдущем варианте (III).

Действия армий Франции и Англии должны свестись к атаке главного агрессора как *главного* противника так, как изложено в I варианте.

В действиях объединенного англо-французского флота должны быть внесены изменения против того, что изложено в I варианте, — это нанесение решительного поражения объединенному флоту агрессоров в Средиземном море, в особенности в восточной его части.

V. *Возможный вариант* военных действий — это когда агрессия главного агрессора, используя территории Финляндии, Эстонии и Латвии, будет направлена против СССР.

В этом случае Франция и Англия, согласно договору, должны немедленно вступить в войну с агрессорами. Польша, связанная договором с Англией и Францией и имеющая нашу гарантию, должна выступить по варианту I.

Наше требование в отношении развертывания 40 польских пехотных дивизий против Восточной Пруссии и в Познани остается в полной силе.

Если в первом варианте мы одни разворачивали 70% тех вооруженных сил, которые могли бы быть Англией и Францией направлены против *главного* из агрессоров при нападении на одну из этих держав, то в случае нападения на нас главного агрессора мы должны потребовать от Франции и Англии выставления и развертывания на 15-й день мобилизации против главного агрессора, считающегося нами главным противником, 70% того, что мы одни выставим и развертываем против главного агрессора по этому варианту.

Мы можем выставить 120 пехотных дивизий. Поэтому мы должны потребовать развертывания и выставления на фронт против главного агрессора Англией и Францией к северу от Бельфора и до Бельгии включительно

84 пехотных дивизий
от 13 000 до 13 500 средних и тяжелых орудий
от 3000 до 3500 танков
от 5000 до 5500 самолетов.

Эти силы с 16-го дня мобилизации должны повести решительное наступление против *главного* агрессора к северу от Меца и из Бельгии с общим направлением главного удара на Магдебург.

Воздушные силы Франции и Англии должны нанести мощный удар по промышленным районам главного агрессора, по базам его военного флота, по железным дорогам, автострадам, а также по столице и крупным административным пунктам.

Действия англо-французского военно-морского флота должны происходить по варианту I.

Командование нашими вооруженными силами остается за нами. Координация военных действий достигается особым соглашением во время войны.

Трудно предполагать, чтобы главный агрессор бросил часть своих сил против нас через Румынию. Однако такой вариант не исключен, а поэтому в этом случае для оказания содействия Румынии Англией и Францией должны быть привлечены Польша, Турция и Греция, а часть наших войск обеспечена пропуском через Галицию и Румынию.

Действия нашего Черноморского флота должны быть увязаны с действиями турецкого флота, как изложено в IV варианте.

При нападении главного агрессора на нас мы должны требовать выставления указанных выше сил Францией, Англией и Бельгией, решительного их наступления с 16-го дня мобилизации против главного агрессора и самого активного участия в войне Польши, а равно беспрепятственного прохода наших войск через территорию Виленского коридора и Галицию с предоставлением им подвижного состава.

Вышеизложенное является предпосылкой для переговоров, в ходе которых будут выясняться позиции Франции и Англии в искреннем стремлении заключить договор.

Б. Шапошников

537. Письмо посла Германии в СССР Ф. Шуленбурга в министерство иностранных дел Германии*10 августа 1939 г.*

С о д е р ж а н и е: позиция Польши в отношении англо-франко-советских переговоров о заключении пакта.

Здесьшний польский посол Гжибовский в начале августа возвратился из отпуска. В беседе между ним и итальянским послом Росо был затронут также вопрос об англо-франко-советских переговорах относительно заключения пакта. Итальянский посол заявил, что, по его мнению, начинающиеся в настоящее время переговоры между военными лишь тогда могут привести к конкретному результату, когда Польша в той или иной форме примет в них участие или, по крайней мере, заявит о своем согласии принять советскую вооруженную помощь. Польский посол ответил на это, что в позиции Польши по отношению к переговорам о пакте ничто не изменилось. Польша ни в коем случае не потерпит того, чтобы советские войска вступили на ее территорию или даже только проследовали через нее. На замечание итальянского посла о том, что это, вероятно, не относится к советским самолетам, польский посол заявил, что Польша ни в коем случае не предоставит аэродромы в распоряжение советской авиации.

Граф фон дер Шуленбург

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир...
С. 539. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen
auswärtigen Politik. Serie D. Bd. VII. S. 11.

544. Из записи беседы рейхсканцлера Германии А. Гитлера с министром иностранных дел Италии Г. Чиано*12 августа 1939 г.*

[...] Фюрер ответил, что при решении польской проблемы нельзя терять времени. Чем ближе подходит осень, тем труднее будет проводить военные операции на востоке Европы. С середины сентября из-за условий погоды в этих районах почти не удастся использовать авиацию; вследствие плохого состояния дорог, которые в результате начинающихся осенью дождей быстро превратятся в болото, также невозможно было бы использовать и моторизованные части. С сентября по май Польша представляет собою большое болото и полностью непригодна для каких-либо военных действий. Таким образом, в октябре Польша просто могла бы занять Данциг — а она, по-видимому, имеет такие намерения, — тогда как Германия не могла бы ничего поделать против этого, поскольку обстреливать и разрушать Данциг, разумеется, нет смысла.

Граф Чиано спросил, в какой срок, по мнению фюрера, необходимо решить вопрос с Данцигом. Фюрер ответил, что этот вопрос так или иначе надо решить до конца августа. На вопрос Чиано, как он представляет себе решение этого вопроса, фюрер ответил, что в политическом отношении Польша должна уступить Данциг, причем само собой разумеется, что ее экономические интересы не будут затронуты и что в остальном ее общая позиция должна способствовать устранению напряжения. Он сомневается в том, что Польша будет готова на это, ибо до настоящего времени она отклоняла германские предложения. Фюрер сказал, что лично Беку он сделал эти предложения во время его визита в Оберзальцберг *. Они были чрезвычайно выгодны для Польши. За отказ от Данцига в пользу Германии в политическом отношении, при полном соблюдении польских экономических интересов, и за установление связи между Восточной Пруссией и рейхом Германия обещала гарантию границ, заключение на 25 лет пакта о дружбе и участие Польши в делах, касающихся Словакии. Бек в свое время принял к сведению данное предложение, заметив при этом, что он хотел бы изучить его. Резкий отказ последовал лишь в результате английского вмешательства. Впрочем, какие цели преследует Польша, можно со всей ясностью понять из прессы. Хотят захватить всю Восточную Пруссию, продвинуться вплоть до Берлина и т. д. Для великой державы на длительный период невыносимо терпеть соседа, питающего к ней такую сильную вражду и отдаленного от ее столицы всего на 150 км. Фюрер поэтому преисполнен решимости использовать первую же политическую провокацию (будь то ультиматум, жестокое обращение с немцами в Польше, попытка установить голодную блокаду Данцига, ввод польских войск на территорию Данцига или тому подобное), чтобы в течение 48 часов обрушиться на Польшу и таким путем решить проблему. Это означало бы существенное

укрепление «оси», точно так же как и ликвидация Югославии Италией означала бы существенный прирост сил «оси».

Граф Чиано спросил, когда можно ожидать проведения подобной операции против Польши, так как, по его мнению, Италия, естественно, должна подготовиться к любым возможностям. На это фюрер ответил, что в нынешних условиях в любой момент нужно считаться с выступлением против Польши . [...]

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир...
С. 540—542.

* См. док. 102.

556. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом**15 августа 1939 г.*

Шуленбург извиняется за настойчивость, с которой он сегодня просил приема у т. Молотова. Но эта настойчивость объясняется инструкциями, полученными им из Берлина, а также и характером тех вопросов, которые он желал бы изложить.

Шуленбург сообщает, что из беседы Астахова с Риббентропом** ему известно, что Советское правительство интересуется переговорами, но считает нецелесообразным продолжать их в Берлине. Тов. Молотов отвечает, что мы считаем т. Астахова недостаточно опытным и поэтому находим нужным вести эти переговоры здесь.

Шуленбург сообщает, что полученную им из Берлина инструкцию ему поручено изложить устно, но он желал бы прочесть ее (приложение — полный текст инструкции). Прочитанную им инструкцию Шуленбург, по поручению Риббентропа, просит доложить т. Сталину. Тов. Молотов ответил, что ввиду важности сделанного Шуленбургом заявления ответ на него он даст после доклада этого заявления Советскому правительству. Но уже сейчас он может приветствовать выраженное в этом заявлении желание германского правительства улучшить взаимоотношения с СССР. Что же касается приезда Риббентропа в Москву, то для того, чтобы обмен мнениями дал результаты, по мнению т. Молотова, необходимо проведение соответствующей подготовки. Тов. Молотов подчеркивает, что сказанное им является предварительным мнением по этому предложению.

Затем т. Молотов сообщает Шуленбургу, что еще в конце июня наш поверенный в делах в Италии телеграфировал нам о своей

* Беседа проходила с 20 час. до 21 час. 40 мин.

** См. док. 523.

беседе с Чиано *. Чиано в беседе с нашим поверенным в делах упомянул о существовании в Берлине, как сказал Чиано, «плана Шуленбурга», имеющего в виду улучшение советско-германских отношений. «План Шуленбурга» будто бы предполагает: 1) содействие Германии урегулированию взаимоотношений СССР с Японией и ликвидации пограничных конфликтов с ней; 2) заключение пакта о ненападении и совместное гарантирование Прибалтийских стран; 3) заключение широкого хозяйственного соглашения с СССР. Тов. Молотов спрашивает Шуленбурга, насколько данное сообщение из Рима соответствует действительности.

Шуленбург вначале сильно покраснел, а затем сказал, что эти сведения Чиано получил от Росо **, с которым Шуленбург беседовал лишь в общих чертах об улучшении советско-германских отношений. Шуленбург подтверждает, что в этой беседе он говорил об урегулировании отношений СССР с Японией, речи же о совместных гарантиях Прибалтийских стран не было. Разговора о деталях не было, и этот план просто излагает предположения Росо. Тов. Молотов говорит, что ничего невероятного в предложениях, содержащихся в указанном «плане Шуленбурга», он не видит, тем более что торгово-кредитное соглашение, видимо, приближается к осуществлению, намечается и улучшение политических отношений между Германией и СССР, как это видно из сегодняшнего заявления посла. Шуленбург заявляет, что все то, о чем он говорил Росо в части Балтийского моря, возможного улучшения отношений СССР с Японией, нашло свое выражение в зачитанной им сегодня инструкции. Шуленбург добавляет, что его последние предложения еще более конкретны.

Тов. Молотов говорит Шуленбургу, что из нашего опыта нам известно, что Германия до последнего времени не стремилась к улучшению взаимоотношений с СССР. И если мы сейчас видим, что Германия стремится к улучшению взаимоотношений, то мы, разумеется, приветствуем это стремление и относимся к нему положительно. Тов. Молотов добавляет, что он именно так рассматривает сегодняшнее заявление посла. О «плане Шуленбурга», продолжает т. Молотов, он упомянул, поскольку он идет по той же линии, по которой идет и сегодняшнее заявление Шуленбурга.

Шуленбург спрашивает, можно ли пункты приведенного т. Молотовым «плана» принять за основу дальнейших переговоров. Тов. Молотов отмечает, что теперь надо разговаривать в более конкретных формах. Мы рассчитываем на положительный исход советско-германских экономических переговоров. Что же касается советско-японских отношений, то т. Молотов спрашивает, может ли Германия оказать влияние на эти дела или в данное время целесообразно ставить этот вопрос. Шуленбург отвечает, что хотя об этом и не сказано ничего в инструкции, но Риббентроп указывал т. Астахову, что у него имеется своя концепция в отношении Япо-

* См. док. 437.

** Посол Италии в СССР.

нии, и что Риббентроп в свое время говорил послу, что он имеет возможность оказать «свое немалое влияние на позицию Японии».

Тов. Молотов спрашивает Шуленбурга, существует ли у германского правительства определенное мнение по вопросу заключения пакта о ненападении с СССР. Шуленбург отвечает, что с Риббентропом этот вопрос пока не обсуждался. Германское правительство не занимает в этом вопросе ни положительной, ни отрицательной позиции. Тов. Молотов заявляет, что в связи с тем, что как Риббентроп, так и Шуленбург говорили об «освежении» и о пополнении действующих советско-германских соглашений, важно выяснить мнение германского правительства по вопросу о пакте ненападения или о чем-либо подобном ему.

Шуленбург спрашивает, следует ли рассматривать упомянутые т. Молотовым пункты как предпосылку для приезда Риббентропа. Тов. Молотов заявляет, что он специально вызовет Шуленбурга и даст ему ответ на сегодняшнее заявление. Перед приездом Риббентропа, по мнению т. Молотова, необходимо провести подготовку определенных вопросов, для того чтобы принимать решения, а не просто вести переговоры. В сегодняшнем германском заявлении указано, что, во-первых, время не ждет, торопит и что, во-вторых, желательно, чтобы события не опередили и не поставили нас перед свершившимися фактами. Поэтому если германское правительство относится положительно к идее пакта о ненападении или к аналогичной идее и если подобные идеи включают сегодняшнее заявление Шуленбурга, то надо говорить более конкретно.

Шуленбург сообщает, что телеграфирует содержание сегодняшней беседы в Берлин, где подчеркнет особую заинтересованность Советского правительства в названных т. Молотовым пунктах.

В заключение Шуленбург просит т. Молотова ускорить ответ на сделанное сегодня заявление*.

Беседа продолжалась 1 час. 40 мин., из которых 40 ушло на запись текста заявления (инструкции) Шуленбурга, т. к. посол не захотел передать бумажку, на которой оно было записано.

Беседу записал *В. Павлов*

АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3,
л. 33—36.

* См. док. 570.

Приложение

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА,
ВРУЧЕННАЯ В. М. МОЛОТОВУ Ф. ШУЛЕНБУРГОМ
15 АВГУСТА 1939 г.

1. Противоречия между мировоззрением нац[ионал]-соц[иалистической] Германии и мировоззрением СССР были в прошедшие годы единственной причиной того, что Германия и СССР стояли на противоположных и враждующих друг с другом позициях. Из развития последнего времени, по-видимому, явствует, что различные мировоззрения не исключают разумных отношений между этими двумя государствами и возможности восстановления доброго взаимного сотрудничества. Таким образом, периоду внешнеполитических противоречий мог бы быть навсегда положен конец и могла бы освободиться дорога к новому будущему обеих стран.

2. Реальных противоречий в интересах Германии и Советского Союза не существует. Жизненные пространства Германии и СССР соприкасаются, но в смысле своих естественных потребностей они друг с другом не конкурируют. Вследствие этого с самого начала отсутствует всякий повод для агрессивных тенденций одного государства против другого. Германия не имеет никаких агрессивных намерений против СССР. Германское правительство стоит на точке зрения, что между Балтийским и Черным морями не существует ни одного вопроса, который не мог бы быть разрешен, к полному удовлетворению обеих стран. Сюда относятся вопросы Балтийского моря, Прибалтийских государств, Польши, Юго-Востока и т. п. Помимо того, политическое сотрудничество обеих стран может быть только полезным. То же самое относится к германскому и советскому народным хозяйствам, во всех направлениях друг друга дополняющих.

3. Не подлежит никакому сомнению, что германо-советская политика стоит в данный момент на историческом поворотном пункте. Политические решения, которые должны быть приняты в ближайшее время в Берлине и Москве, будут иметь решающее значение для развития отношений между германским народом и народами СССР в течение поколений. От этих решений будет зависеть, придется ли однажды обоим народам без принудительной на то причины опять скрестить свое оружие, или же они вновь достигнут дружественных отношений. В прошлом обе страны всегда жили хорошо, когда они были друзьями, и плохо, когда они были врагами.

4. Правда, что Германия и СССР, вследствие существовавшей между ними в течение последних лет идеологической вражды, питают в данный момент недоверие друг к другу. Придется устранить еще много накопившегося мусора. Нужно, однако, констатировать, что и в течение этого времени естественная симпатия германского народа к русскому никогда не исчезала. На этой основе

политика обоих государств может начать новую созидательную работу.

5. На основании своего опыта германское правительство и правительство СССР должны считаться с тем, что капиталистические западные демократии являются непримиримыми врагами как национал-социалистической Германии, так и Советского Союза. В настоящее время они вновь пытаются, путем заключения военного союза, втравить Советский Союз в войну с Германией. В 1914 г. эта политика имела для России худые последствия. Интересы обеих стран требуют, чтобы было избегнуто навсегда взаимное растерзание Германии и СССР в угоду западным демократиям.

6. Вызванное английской политикой обострение германо-польских отношений, а также поднятая Англией военная шумиха и связанные с этим попытки к заключению союзов делают необходимым, чтобы в германо-советские отношения в скором времени была внесена ясность. Иначе дела без германского воздействия могут принять оборот, который отрежет у обоих правительств возможность восстановить германо-советскую дружбу и при наличии соответствующего положения совместно внести ясность в территориальные вопросы Восточной Европы. Ввиду этого руководству обеих стран не следовало бы предоставлять развитие вещей самоотечку, а своевременно принять меры. Было бы роковым, если бы из-за обоюдного незнания взглядов и намерений другой страны оба народа окончательно пошли по разным путям.

Согласно сделанному нам сообщению *, у Советского правительства также имеется желание внести ясность в германо-советские отношения.

Ввиду того что прежний опыт показал, что при использовании обычного дипломатического пути такое выяснение может быть достигнуто только медленно, министр иностранных дел Германии фон Риббентроп готов на короткое время приехать в Москву, чтобы от имени фюрера изложить г-ну Сталину точку зрения фюрера. По мнению г-на фон Риббентропа, перемена может быть достигнута путем такого непосредственного обмена мнениями, не исключающего возможности заложить фундамент для окончательного приведения в порядок германо-советских отношений.

570. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом *

17 августа 1939 г.

Шуленбург сообщает, что он уже получил ответ из Берлина. Очевидно, в Берлине работают быстро, добавляет он. Этот ответ он, по поручению германского правительства, хотел бы зачитать. Шуленбург подчеркивает при этом, что пункты, изложенные т. Молотовым 15 августа **, совпадают с желаниями германского правительства.

Затем Шуленбург зачитал полученный от германского правительства ответ (см. приложение 1).

Здесь Шуленбург делает от себя замечание, говоря, что пункт о совместной гарантии Балтийских государств включен в этот ответ потому, что, как кажется германскому правительству, Советское правительство желает этого. Мы, добавляет Шуленбург, не совсем поняли т. Молотова, повторял ли он в беседе 15 августа план, изложенный Россо, или выразил этим и желание самого Советского правительства. Германское правительство, внося это, думало, что пойдет навстречу желаниям Советского правительства. Тов. Молотов заявляет, что этот пункт нуждается в уточнении.

В месте, где идет речь о принятии во внимание наступления серьезных событий, Шуленбург поясняет, что Германия не намерена терпеть польских провокаций.

В дополнение к зачитанной инструкции Шуленбург, согласно полученному им в частном порядке указанию, просит т. Молотова начать переговоры с Риббентропом на этой или следующей неделе. Вследствие этого, выполняя указание Риббентропа, Шуленбург просит ускорить ответ.

Тов. Молотов говорит, что он уже имеет ответ на германские предложения 15 августа и может вручить его Шуленбургу в письменном виде ***. Я должен предупредить, добавляет т. Молотов, что т. Сталин находится в курсе дела и ответ с ним согласован. Тов. Сталин разделяет то, что я передаю от имени Советского правительства. Поясняя прочитанный ответ Советского правительства,

* Беседа проходила с 20 час. до 21 час. 20 мин.

** См. док. 556.

*** См. приложение 2 к настоящему документу.

т. Молотов подчеркивает, что в ответе идет речь о том, что, прежде чем начать переговоры об улучшении политических взаимоотношений, надо завершить переговоры о кредитно-торговом соглашении. Это будет первым шагом, который надо сделать на пути улучшения взаимоотношений. Вторым шагом будет являться либо подтверждение договора 1926 г., что имел, очевидно, в виду Шуленбург, говоря об освежении договоров, или заключение договора о ненападении плюс протокол по вопросам внешней политики, в которых заинтересованы договаривающиеся стороны.

Переходя к вопросу о приезде Риббентропа, т. Молотов заявляет, что мы ценим постановку этого вопроса германским правительством, подчеркивающим серьезность своих намерений предложением послать в Москву видного политического деятеля, в отличие от англичан, пославших в Москву второстепенного чиновника Стрэнга. Но перед приездом Риббентропа необходимо провести соответствующую подготовку, и мы не хотели бы прежде времени поднимать много шума.

Тов. Молотов спрашивает Шуленбурга, нельзя ли не поднимать шума и делать то, что лежит по пути улучшения взаимоотношений. Затем т. Молотов задает вопрос, как оценивает Шуленбург перспективы первого и последних шагов. Что касается кредитно-торговых переговоров, отвечает Шуленбург, то у него складывается впечатление, что соглашение не сегодня завтра состоится. О втором шаге Шуленбург телеграфирует в Берлин и запросит проект договора. Но Шуленбург усматривает трудности в дополнительном протоколе.

Тов. Молотов заявляет на это, что надо иметь проект пакта о ненападении или подтверждение старого договора о нейтралитете. Необходимо сделать то или другое по выбору германского правительства. Хорошо бы получить схему пакта и тогда можно перейти к протоколу.

Шуленбург говорит, что, будь то заключение нового пакта о ненападении или подтверждение старого договора о нейтралитете, речь может идти лишь об одном параграфе. Центр же тяжести, по его мнению, будет лежать в протоколе, и поэтому желательно получить от Советского правительства хотя бы эскиз протокола. Протокол будет иметь важное значение, подчеркивает Шуленбург, так как при его составлении всплывут такие вопросы, как вопрос о гарантии Прибалтийским странам и пр. Тов. Молотов говорит, что он не располагал ответом германского правительства по поводу пакта о ненападении, вопрос о котором раньше германским правительством вообще не ставился. Надо рассмотреть сегодняшний ответ. Вопрос же о протоколе пока не детализируется. При его составлении как германской, так и советской стороной будут, между прочим, рассмотрены вопросы, затронутые в германском заявлении 15 августа *. Инициатива при составлении протокола должна исходить не только от советской, но и от германской стороны. Есте-

* См. док. 556.

венно, что вопросы, затронутые в германском заявлении 15 августа, не могут войти в договор, они должны войти в протокол. Германскому правительству следует обдумать это. Надо полагать, что договор будет содержать 4—5 пунктов, а не один, как думает Шуленбург. Шуленбург заявляет, что он не сомневается, что германское правительство готово дать проект пакта. Заведующий правовым отделом МИД блестяще справится с такой задачей, как составление проекта договора. Но он, очевидно, встретит затруднения при составлении протокола, и поэтому желательно, для облегчения работы, иметь предварительную наметку того, что он должен содержать. Например, остается открытым вопрос о гарантиях Прибалтийским странам. Может быть, в протоколе надо отразить заявление 15 августа, в котором сказано, что Германия учтет интересы СССР в Балтийском море?

Тов. Молотов отвечает, что содержание протокола должно быть предметом обсуждения. Торговое соглашение находится уже в стадии завершения, надо готовить проект пакта о ненападении или подтверждение договора 1926 г.*, и в процессе рассмотрения этого можно будет подойти к более конкретным вопросам о содержании протокола.

Шуленбург обещает запросить в Берлине проект договора. Что касается протокола, то он будет просить составить [его] на основе германского заявления 15 августа, внося туда общую формулу об учете Германией интересов в Балтике.

Записал *В. Павлов*

АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3, л. 40—43.

Приложение 1

**ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА,
ВРУЧЕННАЯ В. М. МОЛОТОВУ Ф. ШУЛЕНБУРГОМ
17 АВГУСТА 1939 г.**

1. Изложенные господином Председателем Совета Народных Комиссаров СССР в последнем разговоре** пункты совпадают с желаниями германского правительства, то есть Германия готова заключить с СССР пакт о ненападении, причем, если правительство СССР этого пожелает, без денонсации на срок в 25 лет. Далее, германское правительство готово гарантировать Прибалтийские государства совместно с СССР. Наконец, Германия в соответствии с определенно занимаемой ею позицией изъясляет готовность употребить свое влияние для улучшения и консолидации советско-японских отношений.

2. Фюрер стоит на точке зрения, что, принимая во внимание

* См.: Документы внешней политики СССР. М., 1964. Т. 9. Док. 141.

** См. док. 556.

настоящее положение и возможность наступления в каждый момент серьезных событий (Германия не намерена далее терпеть польские провокации), желательно принципиальное и скорое выяснение германо-советских отношений и обоюдной установки к актуальным в настоящий момент вопросам. По этой причине министр иностранных дел Германии г-н фон Риббентроп выражает готовность, начиная с 18 августа, во всякое время прибыть в Москву на аэроплане с полномочиями фюрера вести переговоры о совокупности германо-советских вопросов и, при наличии соответствующих условий (gegebenenfalls), подписать соответствующие договоры.

АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3,
л. 44.

Приложение 2

**ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА,
ВРУЧЕННАЯ В. М. МОЛОТОВЫМ Ф. ШУЛЕНБУРГУ
17 АВГУСТА 1939 г.**

Советское правительство ознакомилось с переданным ему 15 августа с. г. г-ном Шуленбургом заявлением германского правительства об его желании серьезного улучшения политических отношений между Германией и СССР*.

До последнего времени Советское правительство, учитывая официальные заявления отдельных представителей германского правительства, имевшие нередко недружелюбный и даже враждебный характер в отношении СССР, исходило из того, что германское правительство ищет повода для столкновений с СССР, готовится к этим столкновениям и обосновывает нередко необходимость роста своих вооружений неизбежностью таких столкновений. Мы уже не говорим о том, что германское правительство, используя так называемый антикоминтерновский пакт, стремилось создать и создавало единый фронт ряда государств против СССР, с особой настойчивостью привлекая к этому Японию.

Понятно, что такая политика германского правительства вынуждала СССР принимать серьезные меры к подготовке отпора против возможной агрессии в отношении СССР со стороны Германии и, значит, принимать участие в деле организации фронта обороны ряда государств против такой агрессии.

Если, однако, теперь германское правительство делает поворот от старой политики в сторону серьезного улучшения политических отношений с СССР, то Советское правительство может только приветствовать такой поворот и готово, со своей стороны, перестроить свою политику в духе ее серьезного улучшения в отношении Германии.

* См. док. 556.

Если добавить к этому то обстоятельство, что Советское правительство никогда не имело и не хочет иметь каких-либо агрессивных намерений против Германии, что оно считало и продолжает считать вполне возможным мирное разрешение спорных вопросов в области отношений между Германией и СССР, что принцип мирного сосуществования различных политических систем является давнишним принципом внешней политики СССР, то можно прийти к выводу, что имеется налицо не только реальная база для установления новых улучшенных политических отношений между обеими странами, но и условия для осуществления уже теперь серьезных практических шагов в этом направлении.

Правительство СССР считает, что первым шагом к такому улучшению отношений между СССР и Германией могло бы быть заключение торгово-кредитного соглашения.

Правительство СССР считает, что вторым шагом через короткий срок могло бы быть заключение пакта о ненападении или подтверждение пакта о нейтралитете 1926 г. с одновременным принятием специального протокола о заинтересованности договаривающихся сторон в тех или иных вопросах внешней политики, с тем чтобы последний представлял органическую часть пакта.

АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3,
л. 45—46.

572. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом*19 августа 1939 г.*

14 часов. Шуленбург снова извиняется за настойчивость, с которой он сегодня добивался приема, но срочность его дела требовала этого. Тов. Молотов замечает, что когда того требует дело, то не стоит откладывать. Шуленбург предупреждает, что все сообщенное ему Риббентропом соответствует взглядам Гитлера.

Шуленбург заявляет, что из последнего заявления т. Молотова * германское правительство усматривает положительное отношение Советского правительства к вопросам, поднятым Шуленбургом. При нормальных условиях эти вопросы могли бы быть урегулированы обычным дипломатическим путем. Но положение в данное время необычное, и, по мнению Риббентропа, необходимы скорые методы урегулирования вопросов. В Берлине опасаются конфликта между Германией и Польшей. Дальнейшие события не зависят от Германии. Положение настолько обострилось, что достаточно небольшого инцидента, для того чтобы возникли серьезные последствия. Риббентроп думает, что еще до возникновения конфликта необходимо выяснить взаимоотношения между СССР и Германией, т. к. во время конфликта это сделать будет трудно. Первый шаг — заключение торгово-кредитного соглашения — Шуленбург считает уже сделанным **. В вопросы взаимной гарантии

* См. док. 570.

** См. док. 575.

Прибалтийских стран, пакта о ненападении, влияния на Японию также внесена ясность. И поэтому Риббентроп придает большое значение своему приезду и считает нужным со всей быстротой приступить ко второму этапу. Риббентроп имел бы неограниченные полномочия Гитлера заключить всякое соглашение, которого бы желало Советское правительство.

Вопрос пакта о ненападении представляется ясным и простым. По мнению германского правительства, он должен состоять из следующих двух пунктов:

1) германское правительство и Советское правительство обязуются ни в коем случае не прибегать к войне или иным способам применения силы;

2) этот договор вступает в силу немедленно и действует без денонсации в течение 25 лет.

Тов. Молотов спрашивает, неужели весь договор состоит только из двух пунктов, и замечает, что существуют типичные договоры, которые можно было бы использовать при составлении проекта пакта. Надо посмотреть, что можно было бы использовать из советских и германских пактов. Шуленбург отвечает, что он ничего не имел бы против использования этих пактов. Гитлер готов учесть все, чего пожелает СССР. Представленный же Советскому правительству пакт соответствует аналогичному пакту Германии с Латвией. Тов. Молотов добавляет, что мы имеем пакты о ненападении с Польшей, Латвией и Эстонией. Желательно было знать, имеет ли германское правительство какие-либо возражения против принятия одного из этих пактов за основу при составлении проекта советско-германского пакта о ненападении. Если таких возражений со стороны германского правительства нет, то пусть оно укажет, какой именно из этих пактов оно считало бы приемлемым для себя.

Шуленбург снова настаивает на приезде Риббентропа, которому (приезду) также и Гитлер придает громадное значение. Риббентроп смог бы заключить протокол, в который бы вошли как упоминавшиеся уже вопросы, так и новые, которые могли бы возникнуть. Время не терпит, добавляет Шуленбург.

Тов. Молотов обещает передать все сказанное Шуленбургом Советскому правительству, которое должно это обсудить. Тов. Молотов подчеркивает, что мы считаем, о чем он уже говорил в прошлый раз Шуленбургу, что приезд Риббентропа имел бы положительное значение. Но перед приездом Риббентропа решения уже должны быть более или менее подготовлены. Мы не считаем нужным ограничиваться дипломатическими путями, и мы понимаем значение и высоко ценим приезд Риббентропа. Мы уже указали этапы подготовки. Первый шаг близок к завершению. Ко второму шагу можно перейти через короткое время.

Тов. Молотов спрашивает далее, правильно ли он понял то, что германское правительство желает заключения нового пакта, а не подтверждения договора 1926 г.

Шуленбург отвечает, что такое заключение можно сделать из

телеграммы. У него лично сложилось мнение, что германское правительство остановилось на заключении нового пакта.

Тов. Молотов говорит, что желательно знать, какой из пактов СССР — с Польшей, Латвией или Эстонией — германское правительство могло бы принять за основу пакта о ненападении с СССР. Вопрос о протоколе, который должен являться неотъемлемой частью пакта, является серьезным вопросом. Какие вопросы должны войти в протокол, об этом должно думать германское правительство. Об этом мы также думаем. Советское правительство считается с мнением германского правительства, что нельзя откладывать на длительный срок вопросы, которые обсуждаем. Но перед приездом Риббентропа надо получить уверенность, что переговоры обеспечат достижение определенных решений, тем более что мы еще не сделали первого шага — мы не подписали кредитно-торгового соглашения.

Шуленбург снова настаивает на приезде Риббентропа, чтобы еще до взрыва конфликта прийти к определенным результатам. У него нет сомнений, говорит он, что при составлении протокола также не должно встретиться затруднений.

Тов. Молотов спрашивает, можно ли объяснить желание германского правительства ускорить настоящие переговоры тем, что германское правительство интересуется вопросами германо-польских отношений, в частности Данцигом. Шуленбург отвечает утвердительно, добавляя, что именно эти вопросы являются исходной точкой при желании учесть интересы СССР перед наступлением событий. Шуленбург считает, что подготовка, о которой говорил Молотов, уже закончена, и подчеркивает, что они готовы идти навстречу всем желаниям Советского правительства.

Тов. Молотов, подчеркивая серьезность, с которой мы относимся к этим вопросам, заявляет, что мы что говорим, то и делаем. Мы не отказываемся от своих слов и желали бы, чтобы германская сторона придерживалась бы той же линии. Что же касается кредитно-хозяйственного соглашения, а также и политических переговоров, то мы не являлись тормозом в этих вопросах. Тов. Молотов снова повторяет точку зрения о приезде Риббентропа. Наша установка в этих вопросах изложена в ответе Советского правительства. После первого шага можно сделать второй, но первый шаг еще не сделан. Надо опубликовать, что соглашение состоялось, чего пока еще нельзя сделать. В Берлине торопятся, снова повторяет Шуленбург, заканчивая беседу.

16 час. 30 мин. Тов. Молотов сообщает, что он доложил правительству содержание сегодняшнего разговора и что для облегчения работы он передает текст проекта пакта. После прочтения пакта т. Молотов сообщает, что Риббентроп мог бы приехать в Москву 26—27 августа после опубликования торгово-кредитного соглашения.

[Беседу] записал *В. Павлов*

582. Письмо рейхсканцлера Германии А. Гитлера секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину*21 августа 1939 г.**

(перевод)

Господину И. В. Сталину

Москва

1. Я искренне приветствую заключение германо-советского торгового соглашения, являющегося первым шагом на пути изменения германо-советских отношений.

2. Заключение пакта о ненападении означает для меня закрепление германской политики на долгий срок. Германия, таким образом, возвращается к политической линии, которая в течение столетий была полезна обоим государствам. Поэтому германское правительство в таком случае исполнено решимости сделать все выводы из такой коренной перемены.

3. Я принимаю предложенный Председателем Совета Народных Комиссаров и народным комиссаром СССР господином Молотовым проект пакта о ненападении, но считаю необходимым выяснить связанные с ним вопросы скорейшим путем.

4. Дополнительный протокол, желаемый правительством СССР, по моему убеждению, может быть, по существу, выяснен в кратчайший срок, если ответственному государственному деятелю Германии будет предоставлена возможность вести об этом переговоры в Москве лично. Иначе германское правительство не представляет себе, каким образом этот дополнительный протокол может быть выяснен и составлен в короткий срок.

5. Напряжение между Германией и Польшей сделалось нестерпимым. Польское поведение по отношению к великой державе таково, что кризис может разразиться со дня на день. Германия, во всяком случае, исполнена решимости отныне всеми средствами ограждать свои интересы против этих притязаний.

6. Я считаю, что при наличии намерения обоих государств вступить в новые отношения друг к другу является целесообразным не терять времени. Поэтому я вторично предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, но не позднее среды, 23 августа. Министр иностранных дел имеет всеобъемлющие и неограниченные полномочия, чтобы составить и подписать как пакт о ненападении, так и протокол. Более продолжительное пребывание министра иностранных дел в Москве, чем один день или максимально два дня, невозможно ввиду международного положения. Я был бы рад получить от Вас скорый ответ.

Адольф Гитлер

АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3,
л. 63—64.

* Передано послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом В. М. Молотову в 15 час.

**583. Письмо секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина рейхсканцлеру
Германии А. Гитлеру**

*21 августа 1939 г. **

Рейхсканцлеру Германии господину А. Гитлеру

Благодарю за письмо **.

Надеюсь, что германо-советское соглашение о ненападении создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами.

Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях между собою. Согласие германского правительства на заключение пакта ненападения создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву г. Риббентрона 23 августа.

И. Сталин

АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3, л. 65.

592. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

22 августа 1939 г.

Полученное в Лондоне 21-го поздно вечером сообщение о предстоящем полете Риббентропа в Москву для переговоров о пакте о ненападении вызвало здесь величайшее волнение в политических и правительственных кругах. Чувства было два — удивление, растерянность, раздражение, страх. Сегодня утром настроение было близко к панике. К концу дня наблюдалось известное успокоение, но глубокая тревога все-таки остается. Симптомом этого является решение британского правительства созвать на 24-е парламент и принять в течение одного дня «закон об охране королевства», действовавший во время последней войны и отмененный с заключением мира. Закон этот предоставляет правительству исключительные полномочия в деле обороны страны. Отношение к намечавшемуся советско-германскому пакту на протяжении дня значительно изменилось. Первоначально это было понято как конец тройственным переговорам и переход СССР на позицию абсолютного нейтралитета с предоставлением Германии свободы действий в Европе. К вечеру стало преобладать мнение, что в конце концов никакой катастрофической перемены в ситуации не произошло, тройственные переговоры могут продолжаться и подписание тройственного пакта отнюдь не исключается, поскольку все советские пакты о ненападении содержат статью, предусматривающую возможность их немедленного аннулирования в случае совершения акта агрессии против третьей стороны одной из подписавших держав.

Сегодня пришлось беседовать с большим количеством людей, включая Ллойд Джорджа, герцогиню Аттольскую, Гринвуда, Черчилля, Дегвила (организатор группы английских парламентариев) и других. Общее мое впечатление сводится к тому, что шок, полученный англичанами, пойдет им на пользу, хотя, может быть, потребуются известное время для переваривания ими его значения. Ллойд Джордж настроен хорошо: он находит, что Советское правительство проявило даже слишком много терпения в переговорах с Англией и Францией.

Он ждал удара с нашей стороны раньше. Позиция лейбористов слабее. Гринвуд совершенно расстроен происшедшими событиями, и мне пришлось сказать ему немало горьких слов в ответ на его жалобы и опасения. Заседание парламента состоится 24-го. Судя по некоторым симптомам, можно ожидать, что оно будет проведено под знаком национального единства.

Полпред

593. Послание премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена рейхсканцлеру Германии А. Гитлеру*22 августа 1939 г.*

Вашему Превосходительству, очевидно, известно относительно некоторых мер, предпринятых правительством Его Величества, о которых сегодня вечером было сообщено в прессе и по радио. Эти шаги, по мнению правительства Его Величества, были необходимы в связи с военными передвижениями, о которых сообщалось из Германии, а также в связи с тем, что сообщение о заключении советско-германского договора, по-видимому, было воспринято в некоторых кругах в Берлине как свидетельство того, что вмешательство Великобритании на стороне Польши более не является тем случаем, с которым нужно считаться. Это было бы самой большой ошибкой. Каким бы ни оказался по существу советско-германский договор, он не может изменить обязательство Великобритании по отношению к Польше, о котором правительство Его Величества неоднократно и ясно заявляло и которое оно намерено выполнять*.

Утверждают, что, если бы правительство Его Величества в 1914 г. более ясно заявило о своей позиции, можно было бы избежать страшной катастрофы. Независимо от того, справедливо или нет такое утверждение, правительство Его Величества полно решимости не допустить повторения такого трагически неправильного толкования.

Если возникнет необходимость, правительство Его Величества полно решимости и готово применить без промедления все имеющиеся в его распоряжении силы, и невозможно предвидеть последствия военных действий, если они будут начаты. Было бы опасно обольщаться тем, что если война начнется, то она быстро закончится, даже в том случае, если будет обеспечен успех на одном из нескольких фронтов.

Ясно изложив нашу позицию, я хочу повторить Вам мое убеждение в том, что война между нашими двумя народами была бы величайшим бедствием, какое только можно себе представить. Я уверен, что ни наш, ни ваш народы не желают этого. Я не считаю, что существующие разногласия между Германией и Польшей не могут быть и не должны быть разрешены без применения силы, если будет восстановлен дух доверия, это даст возможность продолжить переговоры в обстановке, отличной от той, которая существует в настоящее время. Мы были и всегда будем готовы содействовать созданию условий, при которых такие переговоры станут возможными и при которых были бы совместно обсуждены более широкие проблемы, влияющие на будущее международных отношений, включая вопросы, представляющие взаимный интерес.

Трудности, стоящие на пути любых мирных переговоров при существующей напряженности, вполне очевидны, и, чем дальше

* См. док. 245.

это напряжение будет сохраняться, тем труднее будет осуществлять разумный подход к данной проблеме.

Однако эти трудности могли бы быть уменьшены, а возможно, и устранены, если бы вначале установилась разрядка между обеими странами — а лучше сказать, между всеми сторонами, — то прекратились бы подстрекательство и полемика в прессе.

Если бы можно было добиться такого перемирия, то в конце этого периода, в течение которого могли бы быть предприняты шаги по рассмотрению и урегулированию жалоб, выдвигаемых обеими сторонами в отношении обращения с национальными меньшинствами, разумно было бы надеяться на создание соответствующих условий для ведения прямых переговоров между Германией и Польшей по имеющимся между ними спорным вопросам (при содействии нейтрального посредника и при условии, что обе стороны сочтут, что это будет способствовать успеху).

Однако я должен сказать, что надежда на успешное завершение этих переговоров была бы слабой, если бы заранее не было договоренности о том, что любое соглашение, будь оно достигнуто, получит гарантии других держав. Правительство Его Величества, если будет на то желание, готово сделать посильный вклад в дело эффективного осуществления таких гарантий.

Признаюсь, что в настоящее время я не вижу другого выхода, чтобы избежать катастрофы, которая может вовлечь Европу в войну. Ввиду тех серьезных последствий для человечества, которые могут возникнуть в результате действий руководителей государств, я надеюсь, что Ваше Превосходительство с величайшим вниманием взвесит высказанные мною Вам соображения.

[Н. Чемберлен]

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 327—329. Оубл. в сб.: Documents on British Foreign Policy... Third series. Vol. VII, p. 127—128.

596. Телеграмма посла Германии в Италии Г. Макензена в министерство иностранных дел Германии **23 августа 1939 г.*

Сегодня вечером граф Чиано пригласил меня к себе, чтобы ознакомить с сообщением итальянского посла в Токио [Джачинто Аурити], которое, по его мнению, настолько серьезно, что он намерен просить меня как можно скорее передать это дальше, с тем чтобы незамедлительно и энергично могли последовать наши ответные действия. Сообщение посла основывается на информации его военного атташе [подполковника Скализе], вызванного вчера (вечером) в японское военное министерство, где ему было сообщено следующее:

Предстоящее заключение московского пакта о ненападении ** вызвало в Японии глубокое возмущение против Германии. Это означает, как было сказано военному атташе, предательство германо-японской дружбы и идеи антикоминтерновского пакта, тем более что Японию даже не уведомили заблаговременно о таких планах.

Как возможные последствия [итальянский посол] перечисляет (причем неясно, вытекает ли это из самой беседы военного атташе в военном министерстве или отражает собственное мнение посла, которое Чиано охарактеризовал в этой связи как позицию особенно спокойного наблюдателя):

1. Падение теперешнего правительства и новый англофильский кабинет.
2. Изменение курса японской внешней политики.

* В начале телеграммы помечено: к моему разговору по телефону с легационным советником В. Хевелем. Запись этого разговора не обнаружена; на телеграмме проставлено время 23 час. 30 мин.

** Подписание советско-германского пакта о ненападении состоялось между 22 час. 23 августа и часом ночи 24 августа 1939 г. по московскому времени.

3. Отзыв посла в Берлине и, возможно, также в Риме.

4. Направление подкреплений в Квантунскую армию, чтобы уравновесить русские подкрепления в этом районе.

Если, как сообщает посол, страны оси намерены что-то предпринять в противовес этой установке японцев, то необходимо действовать. Представители военного министерства Японии якобы заявили, что у них еще нет прямых известий из Берлина и Рима. Чиано немедленно дал указание послу в Токио заявить японцам, что:

1) итальянская политика не претерпела никаких изменений, дружба и понимание в отношении Японии неизменны;

2) при оценке положения японцам следовало бы помнить, что любое ослабление позиций Англии и Франции в Европе было только выгодно для Японии;

3) отзыв послов явился бы беспрецедентным компрометирующим шагом и только серьезно осложнил бы складывающуюся ситуацию, которая для Японии совсем не выглядит неблагоприятной.

Послу было поручено в заключение заверить японцев в том, что они, как и прежде, могут относиться с полным доверием к итальянской позиции. Чиано закончил свое сообщение замечанием, что он придает информации своего посла чрезвычайно серьезное значение и настоятельно просит с нашей стороны — через нашего посла, прессу и т. д. — сделать все возможное, чтобы успокоить японцев.

Макензен

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 334—335.

597. Телеграмма посла Франции в Польше Л. Ноэля министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

Варшава, 23 августа 1939 г.
(получена в Париже в 15 час. 20 мин.)

Я направляю в Москву следующую телеграмму:

Польское правительство согласно с тем, чтобы генерал Думенк сказал следующее: «Уверены, что в случае общих действий против немецкой агрессии, сотрудничество между Польшей и СССР на технических условиях, подлежащих согласованию, не исключается (или: возможно).

Французский и английский генеральные штабы считают, что существует необходимость немедленно изучить *все* варианты сотрудничества».

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVIII. P. 334.

598. Телеграмма министра иностранных дел Польши Ю. Бека дипломатическим представительствам Польши*23 августа 1939 г.*

Учитывая сложившуюся в результате приезда Риббентропа в Москву новую ситуацию, французский и английский послы в повторном демарше выразили пожелание своих правительств, заключающееся в том, чтобы, начав вновь военные переговоры для ограничения возможностей и сферы действия германо-советского договора, можно было в тактическом плане изменить ситуацию. В связи с этим к нам вновь обращаются с просьбой о «тихом согласии» на выражение военными делегациями в Москве уверенности в том, что в случае войны польско-советское военное сотрудничество не исключается.

Я заявил, что польское правительство не верит в результативность этих шагов, однако, чтобы облегчить положение франко-английской делегации, мы выработали определенную формулировку, причем я повторил не для разглашения наши оговорки, касающиеся прохода войск.

Формулировка звучала бы так: «Французский и английский штабы уверены, что в случае совместных действий против агрессора сотрудничество между СССР и Польшей в определенных условиях не исключается. Ввиду этого штабы считают необходимым составление с советским штабом любых планов».

Используя возможность, я еще раз сделал категорическое заявление, что я не против этой формулировки только в целях облегчения тактики, наша же принципиальная точка зрения в отношении СССР является окончательной и остается без изменений. Я еще раз напомнил о неприличности обсуждения Советами наших отношений с Францией и Англией, не обращаясь к нам.

Печат. по сб.: Międzynarodowe tto agresji
Rzeszy Niemieckiej na Polskę w 1939 roku.
Warszawa, 1986. S. 156.

611. Интервью главы советской военной миссии К. Е. Ворошилова о переговорах с военными миссиями Великобритании и Франции*27 августа 1939 г.*

Сотрудник «Известий» обратился к главе советской военной миссии т. Ворошилову с рядом вопросов, на которые т. Ворошилов дал следующие ответы.

Вопрос. Чем закончились переговоры с военными миссиями Англии и Франции?

Ответ. Ввиду вскрывшихся серьезных разногласий переговоры прерваны. Военные миссии выехали из Москвы обратно.

Вопрос. Можно ли знать, в чем заключаются эти разногласия?

Ответ. Советская военная миссия считала, что СССР, не имеющий общей границы с агрессором, может оказать помощь Франции, Англии, Польше лишь при условии пропуска его войск через польскую территорию, ибо не существует других путей для того, чтобы советским войскам войти в соприкосновение с войсками агрессора. Подобно тому как английские и американские войска в прошлой мировой войне не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции, если бы не имели возможности оперировать на территории Франции, так и советские вооруженные силы не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции и Англии, если они не будут пропущены на территорию Польши.

Несмотря на всю очевидность правильности такой позиции, французская и английская военные миссии не согласились с такой позицией советской миссии, а польское правительство открыто заявило, что оно не нуждается и не примет военной помощи от СССР.

Это обстоятельство сделало невозможным военное сотрудничество СССР и этих стран.

В этом основа разногласий. На этом и прервались переговоры.

Вопрос. Не говорилось ли во время переговоров о помощи Польше сырьем и военными материалами?

Ответ. Нет, не говорилось. Помощь сырьем и военными материалами является делом торговым, и, для того чтобы давать Польше сырье и военные материалы, вовсе не требуется заключение пакта взаимопомощи и тем более военной конвенции. США, как и ряд других государств, не имеют с Японией никаких пактов взаимопомощи или военной конвенции, однако они уже два года продают японцам сырье и военные материалы, несмотря на то что Япония находится в состоянии войны с Китаем. Во время переговоров речь шла не о помощи сырьем и военными материалами, а о помощи войсками.

Вопрос. Дипломатический обозреватель газеты «Дейли геральд» пишет, что военные миссии Англии и Франции будто бы спросили советскую миссию, готов ли СССР снабжать Польшу

самолетами, боеприпасами и держать в готовности на границе Красную Армию, а советская военная миссия будто бы ответила на это предложением: «Немедленно после начала войны оккупировать Вильню и Новогрудек на северо-востоке, а также Львовское, Тарнопольское и Станиславское воеводства на юго-востоке, что из этих районов Красная Армия могла бы оказать полякам военную помощь, если это потребуется».

Как вы смотрите на это заявление дипломатического обозревателя «Дейли геральд», соответствует ли оно действительности?

Ответ. Это заявление является от начала до конца лживым, автор его — наглым лжецом, а газета, поместившая это лживое заявление своего дипломатического обозревателя, — клеветнической газетой.

Вопрос. Агентство Рейтер по радио сообщает: «Ворошилов сегодня заявил руководителям английской и французской военных миссий, что ввиду заключения договора о ненападении между СССР и Германией Советское правительство считает дальнейшие переговоры с Англией и Францией бесцельными».

Соответствует ли действительности это заявление агентства Рейтер?

Ответ. Нет, не соответствует действительности. Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий.

Известия. 1939. 27 августа.

616. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР
В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом

29 августа 1939 г.

Шуленбург сообщил, что сегодня ночью и утром ему лично позвонил Риббентроп и просил передать следующее.

В последнее время в нескольких газетах появились слухи о том, что якобы Советское правительство отводит свои войска с западной границы. Такого рода слухи, служащие агитационным целям, неприятны германскому правительству. Поэтому Риббентроп по поручению Гитлера просит Советское правительство опровергнуть эти слухи в форме, которую оно сочтет удобной. Лучше, если бы это опровержение было сделано в положительной форме, т. е. что Советское правительство не отводит своих войск с границы, а, наоборот, усиливает военные силы на границе. Или желательна такая форма опровержения, в которой было бы указано, что об отводе войск с границы не может быть и речи, так как в такое тревожное время всякое правительство не уменьшает войска на границе, а усиливает их.

Молотов спрашивает, верит ли этим сообщениям германское правительство.

Шуленбург отвечает отрицательно.

Молотов говорит, что он посоветуется, как это сделать, и подчеркивает серьезность, с которой мы относимся к заключенному нами пакту с Германией*. Уже один факт появления такого рода слухов показывает серьезность нашего отношения к пакту.

Затем *Шуленбург* переходит ко второму сообщению. «Из вчерашнего разговора, — говорит *Шуленбург*, — я понял, что Вы желаете быть информированным о происходящих событиях. Риббентроп рад это сделать, но он не в состоянии в силу той быстроты, с которой развиваются события, информировать г-на Молотова через *Шуленбурга*. Поэтому имеется крайняя необходимость в наличии в Берлине представителя СССР, которого Риббентроп мог бы информировать даже через каждые два часа. Сейчас же в Берлине нет такого лица. Поэтому желательно возвращение туда *Астахова*».

Молотов отвечает, что уже назначен в Берлин Шкварцев. Назначены также четыре военных работника, которые могут выехать в Берлин немедленно.

АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3,
л. 54—55.

* См. док. 602.

617. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Н. В. Иванова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

*Немедленно
29 августа 1939 г.*

В беседе со мною сегодня Риббентроп просил довести до сведения правительства следующее: перед отъездом Гендерсона в Англию он передал Гитлеру желание англ[ийского] пра[вительства] разрешить польский вопрос мирным путем и улучшить отношения между Германией и Англией. Гитлер ответил, что он желал бы сам улучшить отношения с Англией, но польский вопрос при всех условиях рано или поздно должен быть разрешен. Как обязательное условие при переговорах с Англией об улучшении отношений Гитлер поставил два пункта:

1. Договор между СССР и Германией безусловно не подлежит пересмотру, остается в силе и является поворотом в политике Гитлера на долгие годы. СССР и Германия никогда и ни в коем случае не будут применять друг против друга оружия.

2. Улучшение отношений между Германией и Англией не влияет на дружественные отношения Германии с Италией, точно так же как Англии с Францией. Вчера Гендерсон привез ответ англ[ийского] пра[вительства]: англичане желают улучшить отношения, польский вопрос они желают окончить мирным путем. Они надеются, что возможны непосредственные переговоры Польши с Германией. Гитлер этот ответ сейчас изучает, и Риббентроп обещает держать нас в курсе. Сейчас же он, Риббентроп, просит передать Сов[етскому] пра[вительству], что изменение политики Гитлера по отношению к СССР абсолютно радикально и неизменно. Германия не будет участвовать ни в одной международной конференции без участия СССР. В вопросе о Востоке все свои решения она будет выносить вместе с СССР.

Шмидт просил передать мне от имени министра, что мобилизация в Германии на полном ходу и польский вопрос будет разрешен на днях и любой ценой.

Поверенный в делах

621. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

*Вне очереди
31 августа 1939 г.*

1. Вчера вечером Гендерсону была вручена нота Гитлера. Ответ, отправленный сегодня британским правительством, сводится к следующему: британское правительство изъявляет согласие использовать свое влияние в Варшаве для того, чтобы убедить польское правительство вступить в прямые переговоры с Германией, однако при условии, что на время переговоров сохраняется статус-кво, прекращаются всякие пограничные инциденты и приостанавливается антипольская кампания в немецкой печати. Далее в ответе подтверждается, что после «мирного решения» польского вопроса британское правительство будет согласно на созыв конференции для обсуждения более общих вопросов (торговля, колонии, разоружение), поднятых Гитлером во время свидания с Гендерсоном 25 августа.

2. Имеется ряд симптомов, что помимо официальных переговоров между британским правительством и германским правительством, осуществляемых с помощью нот, через послов и т. д., Чемберлен ведет еще «приватные» переговоры непосредственно с Гитлером через голову Форин офиса. Именно с этими «приватными» разговорами связано таинственное появление на аэродроме в Лондоне 27 августа каких-то «гонцов» из Берлина, о чем я уже сообщал вам на днях, а также менее таинственные полеты между Лондоном и Берлином каких-то подозрительных эмиссаров, наблюдавшиеся в последние 2—3 дня. Точные доказательства наличия «приватных» разговоров сейчас еще трудно привести, однако имеется много материала для весьма серьезных подозрений вплоть до того, что относительно подготовки премьером почвы для нового Мюнхена высказывали опасение даже некоторые руководящие лейбористы из числа тех, которые с усердием, достойным лучшей участи, проводят политику поддержки Чемберлена.

Полпред

622. Телеграмма и. о. военного атташе СССР в Японии Л. А. Мишина в Генеральный штаб РККА

31 августа 1939 г.

После прихода к власти кабинета Абэ * политика Японии, по нашему мнению, в основном остается прежней:

1. Продолжение агрессивных действий на материке.
2. Расширение военной подготовки страны.
3. Оживление внешней торговли.

4. Установление дружественных отношений со странами, понимающими истинные намерения Японии, при сохранении самостоятельной внешней политики.

Следует ожидать принятия мер по урегулированию взаимоотношений с США и Англией и дальнейшей провокационной политики в отношении СССР.

Л. Мишин

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир...
С. 644.

625. Докладная записка сотрудника Народного комиссариата иностранных дел СССР В. Н. Павлова * народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову

1 сентября 1939 г.

В[ячеслав] М[ихайлович],

В 11 часов 1 сентября явился Хильгер и передал мне для Вас несколько сообщений.

1. Хильгер сообщил, что ввиду отклонения Польшей предложения Гитлера о мирном урегулировании всех вопросов при по-

* Переводчик и помощник наркома.

средничестве Англии, сделанного Польше им 29 августа, Гитлер 1 сентября издал приказ войскам. Перевод приказа прилагается *.

Затем Хильгер просил передать Вам, что позвонивший сегодня Шуленбургу Риббентроп чрезвычайно обрадован содержанием речи **. Риббентроп горячо приветствует сказанное Вами и очень доволен предельной ясностью Вашей речи.

2. Сегодня, сообщил далее Хильгер, Гитлер, к которому обратился с соответствующим воззванием от имени населения глава Данцигского государства Форстер, принял Данциг в лоно германской империи. (Воззвание Форстера к населению Данцига прилагается ***)

3. Хильгер от имени Шуленбурга просил Вашего разрешения на опубликование в германских газетах прилагаемого сообщения о приезде военного атташе в Берлин ****.

Он спросил также, когда вылетают наши военные, так как ввиду запрещения полетов гражданских самолетов над Германией из Берлина должен быть выслан специальный самолет в Стокгольм.

Я сказал Хильгеру, что военные вылетают 2 сентября.

4. Хильгер просил также передать Вам просьбу начальника генштаба германских военно-воздушных сил (прилагается) *****

Павлов

В 13.00 1 сентября Хильгер сообщил, что сегодня в 5.45 начались военные действия между Польшей и Германией *****.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 74, л. 20.

* Не публикуется. Текст приказа см.: Dokumentarische Zeitchronik 1939. Chronologische Übersicht der wichtigsten Daten und Ereignisse des Zeitgeschehens mit urkundigen Zeugnissen. Ebenhausen bei München, 1943. S. 130.

** Имеется в виду речь В. М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. См. док. 817.

*** Не публикуется. Текст воззвания см.: Dokumente der deutschen Politik. Das Werden des Reiches 1939. Band VII/2. Berlin, 1940. S. 593—594.

**** Не публикуется.

***** Не публикуется. В ней речь шла о просьбе, чтобы радиостанция в Минске в свободное от передачи время передавала для срочных воздухоплавательных опытов непрерывную линию с вкрапленными позывными знаками: «Рихард Вильгельм 1.0», а кроме того, во время передачи своей программы по возможности часто слово «Минск». Из резолюции В. М. Молотова на документе следует, что было дано согласие передавать только слово «Минск». АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 7, д. 74, л. 26.

***** Дописано В. Н. Павловым от руки.

626. Телеграмма военного атташе при полномочном представительстве СССР в Польше П. С. Рыбалко и полномочного представителя СССР в Польше Н. И. Шаронова в Народный комиссариат обороны и в Народный комиссариат иностранных дел СССР

*Вне всякой очереди
Принято по телефону
1 сентября 1939 г.*

Наркомобороны, Наркоминдел.

1 сентября в 6.00 без объявления войны немецкая бомбардировочная авиация, по сообщению Второго отдела, произвела налеты на Пуцк, Гдыню, Катовице, Краков, Тчев и Варшаву. Налет на Варшаву был отбит. Второй налет на Варшаву в 8.50 был отбит. Третий налет в 10.00 — результаты неизвестны. Данциг занят немецкими войсками. На Вестерплатте идут бои. Сухопутные части немецкой армии перешли границу в направлениях Млавы, Крыница, Дзялдово и Верхней Силезии. Идут бои. Подробную ситуацию на фронте Второй отдел не может сообщить.

Рыбалко, Шаронов

АВП СССР, ф. 059, он. 1, п. 296, д. 2046, л. 266.

2. Сообщения спецслужб

Спецсообщение НКВД СССР

СОВ. СЕКРЕТНО

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

ИНО ГУГБ получены из Эстонии следующие агентурные сведения.

В политических кругах Эстонии оживленно обсуждается вопрос о намеченном в ближайшее время визите профессора Курселя — лидера прибалтийской организации в Берлине, связанного с внешнеполитическим отделом нацистов, к президенту Эстонии ПЯТСУ.

Основной целью визита профессора Курселя является обсуждение вопроса о желаемом Германией слиянии эстонской и финской политики (образование так называемой Скандинавской Антанты) и отрыв Эстонии от сближения с Латвией и Литвой. Несмотря на то что ПЯТС не имеет еще твердой точки зрения по этому вопросу, он все же будет вынужден принять профессора КУРСЕЛЯ.

Спецсообщение НКВД СССР**СССР****СОВ. СЕКРЕТНО**

**НКВД — СССР
ГУГБ
ИНОСТРАННЫЙ ОТДЕЛ
28 ноября 1935 г.
№ 229106**

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

**ТОВ. ЯГОДА
ТОВ. АГРАНОВУ
ТОВ. ПРОКОФЬЕВУ
НАЧОПЕРОТДЕЛОВ
ИНО ГУГБ НКВД СССР
НАЧ. V СЕКТОРА ИНО**

ИНО ГУГБ НКВД из Риги получены следующие агентурные сведения:

отмечается, что за последнее время со стороны крестьянства, интеллигенции и мелкобуржуазных элементов города заметно усилилось недовольство политикой латвийского правительства.

Недовольное население требует от правительства, и в частности от его премьера Ульманиса, обещанной при майском перевороте конституции и отмены военного положения, а также улучшения положения крестьян.

В самом правительстве происходит борьба группы президента Квесиса, состоящей из вице-преьера Скуенека и военного министра Балодиса с германофильской группой премьер-министра Ульманиса.

Группа Квесиса в своей борьбе с Ульманисом опирается на нелегально существующую фашистскую организацию «Парконкруст»¹ и часть армии, главным образом на офицерство, которое недовольно политикой Ульманиса в части поддержки последним легально существующей полувоенной организации айсаргов.

В начале октября с. г. группой Ульманиса был разоблачен сын президента Квесиса как активный участник нелегальной организации «Перконкруст», скрывавший у себя дома — в замке президента — типографию «Перконкруста».

Сын президента Квесиса, после раскрытия Ульманисом его участия в организации «Перконкруст», пытался покончить самоубийством, лечение сына Квесиса происходит в замке под большим секретом.

Накануне латвийского, «праздника жатвы» в октябре т. г. был раскрыт заговор против Ульманиса. Во главе заговора стоял президент Квесис и его группа.

В связи с этим Ульманис последнее время усиленно охраняется преданными ему айсаргами.

19-го ноября с. г. вблизи квартиры Ульманиса произошел сильный взрыв. Факт взрыва, его причины латвийскими властями скрываются.

В дипломатических кругах Риги, а также среди населения ходят слухи о том, что указанный взрыв являлся подготовлявшимся покушением группы Квесиса против Ульманиса.

В скором времени группа Ульманиса предполагает президента Квесиса сместить и отправить его в США послом.

В дальнейшем предполагают должность президента совместить с должностью премьер-министра и на это место выдвинуть Ульманиса, как диктатора Латвии по образцу Германии — Гитлера.

¹ Правильно — «Перконкруст», националистическая организация в Латвии.

В походе против президента Квесиса большую роль играют немцы, которые за последнее время заметно улучшили свое положение в Латвии при помощи Ульманиса и генсекретаря МИД Мунтерса.

В связи с таким положением и германофильской политикой Ульманиса замечается отход латвийского правительства от укрепления связей с СССР, а в некоторых случаях и нажимов.

Так, например, Ульманис всячески препятствует развитию торговли с СССР и при заключении последнего договора на продажу СССР свиней чинил препятствия и давал указания министерству земледелия договор сорвать.

Усилился полицейский режим в отношении советских граждан и т. д.

Спецсообщение НКВД СССР**СССР****НКВД СССР****ГУГБ****Иностранный отдел****22 февраля 1936 г.****№ 248195****СОВ. СЕКРЕТНО**

1. Т. ЯГОДЕ
2. Т. АГРАНОВУ
3. Т. ПРОКОФЬЕВУ
4. Т. ЗАКОВСКОМУ

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

ИНО ГУГБ НКВД из Гельсингфорса получены следующие агентурные сведения.

В настоящее время по Прибалтике и Финляндии разъезжает эстонец — магистр Биллем Эрнитс, состоящий лектором эстонского и финского языков при Варшавском университете.

Разъезжает он с целью подготовки финно-угорского культурного конгресса, который этим летом должен состояться в Эстонии.

По агентурным данным Эрнитс в Финляндию секретно командирован Пятсом (глава Эстонского государства), где

имел длительную беседу с министром иностранных дел Финляндии Хакселем.

В Финляндии Эрнитс посетил также руководство КАО (Карельское академическое общество) и о своей беседе с ними он сообщил следующее.

Он прямо заявил руководству КАО, что в Эстонии отлично знают, что КАО является отделением «Прометей», пользуется через последний финансовой поддержкой немецкого генштаба, который поставил своей задачей уничтожение самостоятельности Эстонии. За руководителем эстонского путча Сирком, по словам Эрнитса, стояла прометеевская организация, немецкие деньги и поддержка КАО организаторов путча и что это означает их активный шаг к войне, чего эстонцы никогда не допустят.

Лидеры КАО выслушали его молча и холодно, причем только Вуориоки (один из лидеров КАО) заметил, что Сирк ведет национальную политику, между тем как Пятс танцует под музыку Советского Союза, к чему Эрнитс добавил: «так же, как Франция, Чехословакия и т. д.».

По заявлению Эрнитса, он внимательно наблюдает за деятельностью «Прометей» и по его сведениям устанавливается, что якобы нигде так успешно эта организация не работает, как в Финляндии и Польше.

Ему известно, что недавно в Финляндию приезжал представитель Скоропадского Чхенкели и что по поручению «Прометей» разъезжает Малон (англичанин, полковник, бывший член рабочей партии Англии, друг СССР, а в настоящее время ярый противник СССР, связанный в Финляндии с немецко-японскими разведчиками Гумерусами). По данным Малона, Гумерус и Рамстед (немецко-японские агенты) являются в Финляндии подставными лицами в «Прометее», а что настоящую работу ведет конспиративная организация по прямым заданиям немецкого генштаба.

По словам Эрнитса финны в настоящее время стараются на процесс по эстонскому путчу выставить второстепенных лиц, в то время как политполиция располагает данными, ведущими к германскому генштабу и связанными с лицами, си-

дьящими в финском совете обороны. Эрнитс также располагает точными сведениями о том, что КАО в настоящее время для германской разведки поставляет кадры разведчиков по примеру 1914—1918 гг.

По сведениям, имеющимся у Эрнитса, арестованный в Эстонии капитан Холланд имел через барона фон-Цур-Мюллена (работник немецкого посольства в Эстонии) непосредственную связь с Германией, и у эстонцев по этому делу есть полные доказательства. Холланд в прошлое лето в связи с предполагающимся путчем в Эстонии посещал германское посольство в Финляндии.

Арестованный в Эстонии генерал Терванд, по сведениям Эрнитса, был связан с «Прометеем».

Документ МИД Финляндии**СОВ. СЕКРЕТНО**

ИНО ГУГБ НКВД получен из Гельсингфорса секретный документ министерства иностранных дел Финляндии.

СЕКРЕТНО**Министерство индел**

Сведения от представительства
за границей № 205
Гельсингфорс, 22 мая 1936 г.

ПОЕЗДКА МИНИСТРА ИНДЕЛ ЛИТВЫ В ПРАГУ

Настоящие сведения подписаны
5-го мая заведующим **ИНТИЛАНЫМ**
и получены министерством 8-го мая
от миссии в Праге рапортом № II

Документально

Перевод с финского

После поездки министра индел Норвегии в начале апреля месяца гостями в Праге были бывший министр индел Англии сэр Остин Чамберлен¹ и министр индел Литвы. Первый, как известно, обратил внимание английского парламента на из-

¹ Правильно — Чемберлен.

менение политического положения Чехословакии, хотел узнать, принадлежит ли Чехословакия к тем соседним странам, с которыми Германия согласна заключить пакт о ненападении.

После совещания о положении с министром Крофтой и президентом Бенешем министр Лозорайтис на этой же неделе уехал в Карлсбад. Согласно сообщению одного моего коллеги, эта поездка была связана с совещаниями, которые сейчас происходят между Литвой и Германией. Литва, несомненно, имеет повод опасаться, что Германия стремится создать торговые связи в первую очередь с Мемелем, чтобы сделать его экономически зависимым от Германии. По этому поводу Литва ответила Германии, что покупка должна осуществляться посредством центральной организации в Каунасе. Когда последние два года германский рынок был закрыт, Литва должна была искать другие рынки, ей удалось найти (их) в Англии, Голландии и не меньше в Чехословакии. Понятно, что Литва желает сохранить также эти при получении нового рынка и посылает в Германию, что требуется.

Если рассматривать торговлю Чехословакии, принимая во внимание, что Литва туда вывозила в 1933 году на 8 мил., в 1934 году на 21 мил. и в 1935 году на 30 мил. крон, торговля сильно увеличилась. Литва вывозила в Чехословакию в значительной мере сельскохозяйственные товары, которые она раньше вывозила в Германию, как-то: свиней, гусей, яйца и масло. В связи с совещаниями с Германией, Литва хотела убедиться в том, что чехословацкие рынки для нее сохраняются и чтобы в дальнейшем их расширить. Не надо сомневаться в том, что министр Лозорайтис в этом отношении получил вполне удовлетворительное обещание.

Кроме того, конечно, поводом поездки министра Лозорайтиса были также чисто политические вопросы. Как известно, Прага является каким-то соединительным кольцом между Парижем и Москвой. Эти хорошие отношения Чехословакии с востоком и западом Литва желает в дальнейшем использо-

вать. Ища новых союзников против Германии и Польши, она всей душой согласна с Чехословакией, как полагает мой осведомитель.

Внутренние волнения Польши одинаково интересуют как Чехословакию, так и Литву, они обе очень приветствовали это положение. Согласно полученным сведениям из другого источника, вопрос о Польше подвергался широкому обсуждению, так как Литву считают знатоком польских дел. Взамен своих сведений Литва, вероятно, получила другие сведения. Согласно сообщению осведомителя, Латвии обещали кое-что дать. В этом отношении у Чехословакии большие желания посредством Литвы связывать балтийский союз с Малой Антантой. Прошлым летом, когда между Чехословакией и Балтийским Союзом был подписан «прессе-антанта», была сделана первая попытка в этом отношении.

Д-р Бенеш прямо сказал, что «прессе-антанта» является первым шагом к политическому союзу. Не прошло много времени, когда премьер-министр Годжа в своем интервью представителям печати развил ту же самую мысль. Здешние эстонский и латвийский коллеги не особенно воодушевлены этой идеей, несмотря на то, что старательный латвийский посланник попытался влиять на них, чтобы Эстония и Латвия ратифицировали вышеупомянутое соглашение.

Об общем отношении Чехословакии к политическому положению Европы, между прочим, объяснили, что она занимает позицию выжидания и никоим образом в настоящий момент не стремится опередить политику великих держав. Одним виднейшим результатом углубления отношений между Чехословакией и Литвой является то обстоятельство, что во время пребывания здесь министра Лозорайтиса чехословацкий поверенный в делах в Каунасе был назначен полномочным посланником. До сих пор посланник Чехословакии в Стокгольме был аккредитован также в Литве.

Принимая во внимание, что министр Лозорайтис остался особенно довольным своей поездкой, мой осведомитель не

счел невозможным, что кто-нибудь из членов правительства Литвы будущим летом опять совершит «освежительную» поездку в Прагу.

Начальник отделения
(Подпись)

ВЕРНО:

Начальник ИНО ГУГБ НКВД СССР
Комиссар Госуд. безопасности 2 ранга

(СЛУЦКИЙ)

В документе имеется пометка:

Послано: т. Сталину

т. Молотову

т. Литвинову

15/VII.36 г.

Спецсообщение ИНО ГУГБ НКВД**СССР****СОВ. СЕКРЕТНО**

**Иностранный отдел,
2 июня 1936 г.
НКВД СССР ГУГБ
№ 250304**

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

**1. Т. ЯГОДЕ
2. Т. АГРАНОВУ
3. Т. ПРОКОФЬЕВУ
НАЧ. ИНО ГУГБ
НАЧ. 5 СЕКТОРА**

ИНО ГУГБ НКВД СССР получены от вновь завербованного источника донесения, основанные, главным образом, на документальной информации МИД'а Финляндии.

1. Финляндский посол в Москве Юрьё-Коскинен, сообщая в своем секретном рапорте МИД от 7/VI 1936 года о пребывании начальников Генеральных штабов Прибалтийских стран в Москве, отмечает следующее.

Советское правительство пригласило каждого начальника Генштаба отдельно и сделало это так, что каждый их трех генералов считал, что приглашен он один. Этот маневр советского правительства объясняется его желанием создать для внешнего мира и в особенности для Германии впечатление, что в Мос-

кве созывается конференция Генеральных штабов Прибалтийских стран по каким-то секретным вопросам. На самом же деле эта поездка никакого политического значения не имела.

По сообщению Юрьё-Коскинена, все три генерала остались недовольны этим маневром советского правительства и за время пребывания в Москве очень нервничали по поводу создания такой видимости «прибалтийской военной конференции».

Финляндский посланник в Риге Паллин в рапорте МИД сообщает, что начальник эстонского Генштаба генерал Реек перед отъездом в Москву даже не зашел к бывшему тогда министром иностранных дел Сельяма, который в последнее время вообще уже не пользовался каким-либо авторитетом.

По сведениям, имеющимся у Паллина, начальник латвийского Генштаба генерал Гартманис поехал в Москву вопреки желанию командующего армией генерала Берниса, который всячески препятствовал этой поездке.

Финляндский поверенный в делах в Эстонии Ингман сообщил в МИД, что командующий эстонской армией генерал Лайдонер в беседах с ним неоднократно подчеркивал отсутствие какой-либо политической значимости поездки генерала Реека в Москву.

II. Финляндский посланник в Будапеште Таллос в своем рапорте МИД от 4/V 1936 года сообщает о визите в Венгрию польского министра Косцялковского.

По сообщению Таллоса, на устроенном им обеде в честь Косцялковского присутствовал президент Венгрии Хорти, который между прочим сказал: «В Европе сейчас существуют два фронта — фронт большевистский и фронт буржуазный... Нашей задачей является устранение ненормальных отношений между Польшей и Литвой».

Присутствовавший при этом барон Бешенеи заявил, что Польша, очень опасаясь СССР, особенно в связи с улучшением советско-чехословацких отношений, ищет сейчас защиты со стороны Венгрии и готова с ней начать переговоры по дунайскому вопросу.

III. Финляндский посланник в Праге Йонтила в рапорте МИД освещает визит литовского министра иностранных дел

Лазарайтиса¹ в Прагу. По данным Йонтила, с Лазарайтисом велись переговоры по вопросу о включении Литвы в Малую Антанту. Много говорилось о польско-литовских отношениях, и хотя никакого определенного соглашения достигнуто не было, Лазарайтис выразил готовность присоединиться к Малой Антанте и урегулировать отношения с Польшей.

IV. Финляндский посланник в Таллине Ингман рапортом от 14/V 1936 года информирует МИД о конференции министров иностранных дел Прибалтийских стран, недавно состоявшейся в Эстонии. В частной беседе с Ингманом вице-министр иностранных дел Эстонии Ларетеи сообщил, что целью конференции являлось освобождение Прибалтики от влияния и союза с СССР и Францией, однако никакого решения по этому вопросу достигнуто не было. По мнению Ларетеи, нужно принять меры к освобождению Литвы из под влияния СССР и взятию ее под контроль.

Ведшиеся на этой конференции переговоры с Литвой имели большой успех, чем раньше.

V. Финляндский посол в Лондоне Хьелт в рапорте МИД от 7/V 1936 года пишет, что по данным, полученным им в министерстве иностранных дел Англии, английский запрос Гитлеру был намеренно сделан в очень вежливых тонах. МИД Англии надеется, что премьер будущего французского правительства Блюм поймет необходимость вести по отношению к Германии наиболее мирную политику и сумеет избежать осложнений. Со своей стороны МИД Англии будет всячески содействовать такой политике Блюма.

VI. Финляндский посол в Токио Вальване сообщил МИД, что на пост японского посла в Финляндии имеются две кандидатуры: Фудзи и советник японского посольства в Москве Сако. Фудзи является родственником принца Уто, долго жил в Берлине, свободно владеет немецким языком и, имея в Германии большие связи, хорошо ориентируется в германской политической обстановке.

¹ Правильно — Лозарайтиса.

VII. Начальник организационно-мобилизационного отдела финляндского Генерального штаба полковник Ойнонен в частной беседе заявил, что производимое укрепление Аландских островов объясняется стремлением Финляндии укрепить свою обороноспособность. На замечание, что эти работы требуют много денег, что несомненно отразится на благосостоянии страны, Ойнонен возразил, что об этом беспокоиться не нужно, т. к. средства черпаются не из Финляндии, а из другой страны.

В мае 1936 года МИД Финляндии получил донесение посла в Москве Юрьё-Коскинена с подробным изложением статьи Радека об укреплении Аландских островов. Комментируя эту статью, Юрьё-Коскинен пишет, что, если данный вопрос будет предметом дискуссии между Финляндией и СССР, финляндскому правительству нужно будет учесть, что в 1922 году СССР был единственной страной, возражавшей против демилитаризации островов.

ИНО ГУГБ располагает агентурными данными, что вся таможенная портовая администрация Аландских островов укомплектована сейчас немцами.

VIII. В 1935 году на крайнем севере Финляндии, в Лапландии, одной шведской фирмой велись работы по разведкам никеля и золота, но больших результатов они не дали и были приостановлены.

Начальник организационно-мобилизационного отдела финляндского Генерального штаба полковник Ойнонен заявил, что в текущем году эти работы начались вновь, причем в дело вкладывается английский капитал и руководство работами со стороны англичан осуществляется каким-то майором английской армии.

В данное время финляндский Генеральный штаб подбирает офицеров (до чина майора включительно) для посылки в Лапландию на организацию этих работ. По заявлению Ойнонена, участие Генштаба в этом деле объясняется тем, что военные являются хорошими организаторами и добьются необходимых результатов. В недалеком будущем он сам вы-

езжает на место работ и предполагает пробыть там два месяца.

По имеющимся в ИНО ГУГБ данным, в 1935 году под видом проведения этих работ на советско-финской границе неким Хедбергом формировались повстанческо-диверсионные банды, имевшие своей задачей переход на территорию СССР, освобождение и вооружение заключенных из концлагерей и поднятие вооруженного восстания. Среди русских белоэмигрантов, проживающих в Финляндии, конспиративно проводилась большая работа по вербовке среди них кадров для этих банд.

Спецсообщение НКВД СССР**СОВ. СЕКРЕТНО****СПЕЦСООБЩЕНИЕ****О РАБОТЕ НЕМЦЕВ В ЭСТОНИИ И ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКЕ ЭСТОНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА**

Некоторые руководители эстонского правительства все больше и больше связываются с немцами, которые все глубже проникают в Эстонию. В Эстонии определенно чувствуется приготовление к войне и к потере самостоятельности. Лайдонер, Сельтер, а отчасти и Пятс уверены в том, что с началом войны немцы оккупируют Эстонию.

В правительственных кругах муссируются слухи о том, что в ближайшие два года начнется война Германии с СССР, что Германия безусловно займет Эстонию, страна потеряет свою самостоятельность и поэтому правительство уже теперь должно подготовить следующие мероприятия: перевод государственных предприятий в частные руки и организация крупных капиталов, которыми можно было бы потом воспользоваться для сохранения нации.

Распространяя такие мысли, правительство пытается обосновать и объяснить уже начавшийся переход крупных пакетов акций предприятий, финансируемых государством, в руки частных лиц, особенно в руки семьи Пятса и лиц, близко стоящих к Лайдонеру. Например, министр Сельтер купил у частных немцев в Берлине акции разных заводов на сумму

750 000 эстонских крон. Сельтер купил все это на свое имя, хотя все знают, что он лично таких средств не имеет.

Бывший эстонский президент Теннисон в разговоре о внешней политике Эстонии рассказал почти все то, что выше изложено, и добавил, что окружение Пятса и его семьи начинает выглядеть чудовищно. Немцы медленно начинают просто подкупать их. Министр иностранных дел Акель никакой роли не играет. Всю внешнюю политику ведет сам Пятс, а задача Акеля закрывать глаза на все происходящее.

Теннисон возмущен поездкой Рееки в Германию и полагает, что за посылку Рееки в Берлин Лайдонер и Пятс получили от немцев соответствующую мзду.

Агентурное сообщение

СОВ. СЕКРЕТНО

ИНО ГУГБ НКВД из Ревеля получены следующие агентурные сведения.

Премьер-министр Эстонии Энпалу¹ является ярким германофилом и в последнее время ведет активную политику в правительстве по сближению Эстонии с Германией.

Энпалу сблизился с народным национальным союзом немцев в Эстонии настолько, что секретно субсидирует указанную организацию, выдавая последней ежемесячно по 200 крон. По мере увеличения расходов Энпалу обещает увеличивать и субсидию.

Помимо оказывания немецкой организации материальной помощи — Энпалу является у нее и советником. В последнее время он рекомендует организации обратить большее внимание на публичные выступления с расчетом популяризации идей немецких организаций в эстонских общественных кругах. Обещает поддержку ей со стороны прессы. Особое внимание Энпалу просил обратить на планомерное воспитание будущих вождей немецкого населения в Эстонии, с таким расчетом, чтобы в нужный момент народный национальный союз немцев в Эстонии смог бы дать руководителей для немецкого движения.

Энпалу также благожелательно высказался в отношении финансирования всех без исключения немецких национальных организаций в Эстонии.

¹ Правильно — Энпалу.

Эстонское правительство в лице Эппалу и министра просвещения Канна благожелательно расположены к легализации в Эстонии немецкой фашистской молодежной организации «Гитлер-Югенд», но проводить в жизнь это боятся, в силу возможного протеста со стороны советского полпредства.

**Начальник Иностранного отдела
ГУГБ НКВД СССР**

(СЛУЦКИЙ)

Агентурное сообщение**СССР****СОВ. СЕКРЕТНО****Послано 14/XI-36 г.****ТТ. СТАЛИНУ
МОЛОТОВУ
ЕЖОВУ
АГРАНОВУ**

ИНО ГУГБ НКВД получены следующие агентурные сведения о работе немцев в Прибалтике.

1. Назначенный несколько месяцев тому назад министром иностранных дел Латвии МУНТЕРС В. по всем данным — старый немецкий агент и проводит политику усиления германского влияния в Латвии.

Германофильство МУНТЕРСА известно демократическим и националистическим кругам Латвии. В 1935 г. эти круги пытались ослабить растущее политическое значение МУНТЕРСА в стране и с этой целью нелегально выпустили листовку, в которой МУНТЕРС обвинялся в измене и германофильстве.

МУНТЕРС по происхождению немец, пользуется большим авторитетом у президента государства — УЛЬМАНИСА.

2. В министерстве иностранных дел Эстонии занимает должность пом. директора торгового департамента, гитлеровский агент — прибалтийский барон фон МИКВИЦ.

Фон МИКВИЦ до такой степени известен как агент Гитлера, что в МИД'е все его опасаются, а директор торгового департамента ВЕРГО вынужден скрывать от него секретные дела.

10.05.1945

180

Новый архив 14/10-242.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Д. Сталин
 Илюминатор
 Эрмитаж
 Архив
 Кв. 10
 секретору
 2-й инт. группы

РАССЕКРЕЧЕНО
 Служба внешней разведки РФ 10

10/10/45
 10/10/45

НК ГТБ НКВД получили следующие
 агентурные сведения о работе Венцера в
 Прибалтике.

1. Назначенный несколько месяцев тому назад министром
 иностранных дел Латвии КУТИРС В., по своим данным - совет-
 ский немецкий агент в проводит попытку усиления герман-
 ского влияния в Латвии.

Германофильство КУТИРСА известно дисперсическими и
 националистическими кругам Латвии. В 1936 г. эти круги пы-
 лись ослабить растущее политическое влияние КУТИРСА в
 стране и с этой целью незаконно выпустили листовку, в ко-
 торой КУТИРС обвинялся в измене и германофильстве.

КУТИРС по провозглашению Венца, пользуется большим авторитетом у президента государства - УЛЬМАЙСА.

2. В министерстве иностранных дел Эстонии, занимают долж-
 ность кон. директора торгового департамента, гитлеровский
 агент - прибалтийский барон фон-ШИММЦ.

фон-ШИММЦ до такой степени напуган, как агент Гитлера
 что в НКД^о все его сообщает, а директор торгового депар-
 тамента ВЕТТО, вынужден скрывать от него секретные дела.

фон-ШИММЦ в департамент был назначен по протекции
 президента государства ВЕТСА.

Фон МИКВИЦ в департамент был назначен по протекции президента государства ПЯТСА.

3. За последнее время Германия настойчиво предлагает эстонцам амуницию и др. военные принадлежности, которые до сего времени закупались в Англии. Недавно командующий армией ЛАЙДОНЕР категорически приказал торговому департаменту МИД'а приобрести в Германии пушечный порох на сумму 700 000 крон.

**Начальник Иностранного отдела ГУГБ НКВД
Комиссар Государственной безопасности II ранга**

(СЛУЦКИЙ)

Документ 7 отдела ГУГБ НКВД СССР**СОВ. СЕКРЕТНО**

7-ым Отделом ГУГБ НКВД получен из Гельсингфорса следующий документальный материал.

СЕКРЕТНО**Документально**

Перевод с финского

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛИТВЫ
С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ**

Рапорт финляндского посланника в Каунасе
Палина МИД'у от 29 марта 1937 года

Я часто в своих рапортах подчеркивал, что между Литвой и Советским Союзом существуют тесные связи. Год тому назад отмечалось ослабление этой связи. Здешний русский посланник и секретарь были отозваны.

Во время же посещений Литвы Егоровым я наблюдал, что отношения вовсе не были холодны, наоборот, они стали интимнее. В дипломатических кругах Каунаса много говорили об этих отношениях, и мне были высказаны различные мнения о возможных последствиях этой интимности. Одни дипломаты говорили даже, что между обоими странами существует военный договор. Советский Союз, мол, гарантировал

целостность Литвы и обязался оказывать всякую помощь во время войны. Литва же обязалась не пропускать германских войск через свою территорию и разрешила использовать себя как стратегический пункт.

Другие говорят, наоборот, что все это только слухи. Они считают, что нет никаких пактов, так как обе страны хотят иметь свободные руки. Но и эти все же отмечают, что отношения стали так интимны, что при определенной ситуации это может вылиться в военный договор. Пока что все разговоры о военном договоре — блеф.

Что касается лично меня, то при моем посещении Каунаса у меня составила следующая картина о ситуации.

В Литве считают совершенно ясным, что Советский Союз не потерпит вторжения в Литву Германии или Польши. Но какую помощь может оказать Советский Союз? Я твердо уверен в том, что это пока устные обещания.

Конкретного пакта нет, но в Литве твердо верят, что в момент опасности помощь будет оказана.

Этому верят на все 100 %, как сказал мне эстонский посланник. И Литва готова за это уплатить. Какова будет цена — знать нельзя. Но совершенно ясно, что Литва уже сейчас координирует свою внешнюю политику с Советским Союзом и принимает от него советы. То же и в отношении обороны страны. Я полагаю, что и такая форма интимности — уже много значит.

Что касается внешней политики Литвы, то дружба ее с Советским Союзом действует отрицательно на Латвию и Эстонию, которые стремятся к полному нейтралитету. Вопрос военной помощи Советского Союза Литве особенно нервнрует Латвию, которая находится в военной связи с Эстонией. Таким образом можно констатировать, что интимность между Литвой и Советским Союзом мешает Прибалтийской Антанте. Эта интимность, разумеется, беспокоит Германию.

Польша также наблюдает за этой дружбой злыми глазами. Положение Литвы в виленском вопросе известно. В военном отношении эта дружба означает опасность для Польши, с которой Литва находится в натянутых отношениях. Таким образом констатируется, что теперешняя дружба с Советским Со-

юзом означает обострение отношений с другими соседними государствами. Но почему все же эта политика продолжается? Объясняют это следующим образом.

Территория Литвы находится между Германией, Советским Союзом и Польшей. Если произойдет столкновение между этими государствами, то это будет стоить Литве жизни. Такая устрашающая перспектива заставляет Литву искать самую надежную позицию. Является аксиомой, что искать защиты у Англии и Франции нельзя, они далеко. Нейтралитет? Но на практике нейтралитет должен означать полнейшую изолированность. Таким образом Литва должна выбирать между Польшей, Германией и Советским Союзом, при чем Литва выбирает последнее. Трудности, существующие у Литвы во взаимоотношениях с Германией и Польшей, не существуют у нее во взаимоотношениях с Советским Союзом. Уже в двух конкретных случаях была получена от Советского Союза помощь. Поэтому в Литве не сомневаются в том, что Советский Союз естественный друг, и если опасность, угрожающую со стороны Польши и Германии, расценивают как очень большую, то является только естественным, что дружба с Советским Союзом занимает такое большое место во внешней политике Литвы.

ВЕРНО:

**Начальник 7 отдела ГУГБ НКВД
Комиссар Госбезопасности 2 ранга**

(СЛУЦКИЙ)

В деле имеется пометка:

23/IV — послано:

I — т. Сталину

I — т. Молотову

I — т. Ежову

I — т. Фриновскому

I — контрольный

I — д. спецсообщений

Спецсообщение о РОВС в Эстонии

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

Проживающий в Таллине известный белогвардеец, представитель РОВСа полковник Энгельгарт Борис Владимирович получил из Берлина от немцев директивы и специальные средства на организацию в Эстонии террористических, шпионских и диверсионных групп для переброски их на территорию СССР.

ЭНГЕЛЬГАРТОМ начата вербовка людей, главным образом среди безработных белых офицеров, как в Таллине, так и в провинции преимущественно в граничащей с нами полосе: Нарва, Юрьев, Печеры. Директивы и деньги от немцев для Энгельгарта идут, по всем данным, через присяжного поверенного КРОММЕЛЯ.

КРОММЕЛЬ в 1918 году работал в германской миссии в Москве, где по нашим данным занимался разведкой.

Документ 7 отдела ГУГБ НКВД СССР**СОВ. СЕКРЕТНО**

7-м Отделом ГУГБ НКВД получены из Эстонии следующие агентурные сведения.

**О РАБОТЕ НЕМЦЕВ
В ЭСТОНИИ**

Немцы принимают все меры к тому, чтобы глубже внедриться в Эстонию. Они готовы закупить весь эстонский экспорт с тем, чтобы эстонцы импортировали немецкие промышленные товары. Особенно энергично немцы предлагают эстонцам военные материалы.

Когда немцы узнали, что Эстония заключила договор со Скандинавией о продаже Скандинавии 2 миллионов литров эстонского спирта, немцы заявили, что они согласны купить весь эстонский экспорт спирта вплоть до 5 миллионов литров.

Начальник эстонского Генштаба генерал РЕЕК и министр торговли СОЛЬТЕР после своих недавних поездок в Германию вернулись в Эстонию с явно германофильскими настроениями.

Сам ПЯТС также весьма дружелюбно настроен к Германии, хотя открыто свои настроения высказывать не решается.

Что касается эстонской армии, то вся армия и 99 % офицерства продолжают оставаться отрицательно настроенными по отношению к Германии.

Начальник VII Отдела ГУГБ НКВД
Комиссар Государственной безопасности
2 ранга

(СЛУЦКИЙ)

Послано:

т. Сталину

т. Молотову

т. Ворошилову

22.VII.1937 г.

Спецсообщение НКВД СССР**СОВ. СЕКРЕТНО****ЦК ВКП (Б) — ТОВ. СТАЛИНУ
СНК СССР — ТОВ. МОЛОТОВУ**

Резидент НКВД в Литве сообщил, что в связи с захватом Чехословакии Германией Польша, опасаясь занятия немцами не только Клайпедской (Мемельской) области, но и всей Литвы, и боясь быть окруженной с трех сторон, 16 марта с. г. предложила литовскому правительству объединить в одно целое Литву и Польшу.

Практически это объединение поляки предполагают провести путем слияния военных сил, министерств иностранных дел и рядом других мероприятий.

В какой форме поляки сделали это предложение, данных нет.

Считаясь с возможностью агрессии со стороны немцев в отношении Литвы и поддержкой их внутри страны «Союзом литовских активистов», вольдемарсовцами, хадеками и ляудининками, литовское правительство 16 и 17 марта обсуждало предложения поляков.

По непроверенным сведениям, большинство членов правительства во главе с президентом Сметона¹ якобы склонны принять предложения поляков и готовы оказать, в случае агрессии немцев, вооруженное сопротивление.

¹ Правильно — Сметоной.

При обсуждении польских предложений правительство касалось вопроса о возможных протестах народных масс, которые со дня образования самостоятельного государства воспитывались в духе ненависти к полякам. Часть литовских военных кругов, по словам председателя союза стрелков полковника Саладжиура, считают необходимым, в случае агрессии немцев, разрешить этот вопрос мирным путем, то есть путем капитуляции перед Германией, так как в противном случае объединение с Польшей приведет к потере самостоятельности Литвы и физической гибели лучшей части литовского народа, что лишило бы литовский народ в будущем вести борьбу за независимость.

Немцы в Клайпеде (Мемельской области) ведут открытую работу по подготовке присоединения области к Германии. Все существующие законы литовского правительства по Клайпедской области сеймиком игнорируются, фактически в настоящее время немцы в Клайпеде являются хозяевами.

Они создали фашистские организации, штурмовые отряды, которые вооружением и обмундированием снабжаются из Германии.

Руководитель Клайпедских фашистов доктор НЕЙМАН открыто выступает о присоединении Клайпеды к Германии. Для того чтобы спровоцировать конфликт с литовцами, НЕЙМАН всюду говорит, что литовцы, возможно, выступят против мемельских немцев. Это заявление рассматривается как подготовка путем провокаций к вооруженному вмешательству немцев с целью захвата Клайпеды.

**Народный комиссар
Внутренних дел Союза ССР**

(БЕРИЯ)

Спецсообщение НКВД СССР**СССР****СОВ. СЕКРЕТНО****НКВД СССР****5 ОТДЕЛ ГУГБ СРОЧНО****„ “ декабря 1938 г.**

№ _____

1. т. _____

2. т. _____

3. т. _____

4. т. _____

**Нач. 5 Отдела ГУГБ НКВД СССР
Комиссар Гос. Безоп. 3 ранга**

(ДЕКАНОЗОВ)**СПЕЦСООБЩЕНИЕ. —**

5-й ОТДЕЛ ГУГБ НКВД СССР приводит ниже доклад чешского посла в Латвии инж. Берачек [а] в МИД Чехословакии по вопросу об отношении Латвии и других прибалтийских стран к вероятному русско-германскому конфликту и мировой войне.

ДОКУМЕНТАЛЬНО

Перевод с чешского

Рига. 21.IX.38 г.

МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В ПРАГЕ

Даже при поверхностном знакомстве с положением в Латвии не трудно убедиться в том, что латышский народ в большинстве своем настроен антинемецки. Подобные антине-

мецкие настроения берут свое начало еще со времен владычества прибалтийских баронов в Латвии, которым русское царское правительство, к сожалению, покровительствовало. Однако бесспорно и то обстоятельство, что к русским, в особенности к большевикам, латыши особых симпатий также не питают. Причем эта симпатия направлена не столько против русского народа вообще, сколько против русского государственного режима, как царского, так и советского.

В случае возникновения европейского или мирового конфликта между Советским Союзом и гитлеровской Германией неминуемо произойдет столкновение на территориях Прибалтики. Поэтому необходимо выяснить, как отнесутся к такого рода конфликтам прибалтийские страны, в частности Латвия, когда бы им пришлось выбирать: к какой стране примкнуть.

Я уделил этому вопросу достаточное внимание еще со своего приезда в Латвию и в результате бесед с различными деятелями латвийской общественности пришел к следующему заключению:

первая забота Латвии — это ее независимость, и в случае возникновения европейского конфликта Латвия наверняка бы заняла позицию нейтралитета, поскольку это было бы возможно. Однако латыши не питают иллюзий по поводу длительного сохранения такого рода нейтралитета. Они ожидают наступления русских войск по старой, хорошо известной большевикам дороге через Эстонию, а также через Даугавпилс, расположенный вблизи латвийско-польско-русской границы.

С другой стороны, наступление немцев также шло бы по старым дорогам Восточной Пруссии через Литву.

Наконец, возможна немецкая и русская интервенция морским путем.

Со своей стороны считаю, что окончательное решение Латвии зависело бы от первоначальных успехов той или иной стороны, но все же предполагаю, что в случае столкновения русских и немецких войск на территории Латвии латыши, пожалуй, решили бы стать на советскую сторону, учитывая, симпатию большинства народа.

Большинство политиков, с которыми мне приходилось беседовать, рассуждают так: наиболее многочисленный слой Латвии — крестьянство, хотя оно и не сочувствует политике, проводимой в Сов. Союзе в области сельского хозяйства, все же страшится ее менее, чем власти баронов, о которых латышский народ знает, что они полны мести за проведенную в Латвии земельную реформу. Далее, эти бароны в большинстве своем входят в национал-социалистические дружины, которые в случае оккупации Латвии немецкими войсками смогут расправиться с негодным им элементом, а бароны займут наиболее важные административные посты. При этом необходимо различать т. н. старых владельцев от новых. Латыши, которые еще до войны имели земельную собственность, конечно, не так боятся возможного немецкого господства, как новые владельцы; последние не составляют подавляющее большинство.

Интеллигенция и лица свободных профессий согласны полностью с настроениями и взглядами крестьянских слоев, из которых они сами по существу и происходят. Наоборот, финансисты, предприниматели и торговцы составляют исключение и склоняются больше к германофильству. Как решится Латвия, находящаяся уже четыре года под гнетом авторитарного режима Ульманиса, будет зависеть:

1. Как уже мы сказали — от сил обоих соперников и от видов на победу, а также от того, как Англия и Франция будут реагировать на события.

2. От правительства УЛЬМАНИСА и его сторонников.

О президенте утверждают, что в нем много германофильства, учился в Германии и считает себя много обязанным ей в своих знаниях. Здешний французский посол ТРИПЬЕР охарактеризовал президента следующими словами: «Он реагирует на все как немец. Когда он сталкивается с силой, он пресмыкается, когда чувствует себя более уверенным, становится наглее.

В общем все его сотрудники — немцы».

Под этой оценкой французского посла я не могу расписаться, но крупинки правды в ней все же имеются.

Что касается сотрудников президента УЛЬМАНИСА, то г. ТРИПЬЕР, очевидно, имел в виду министров: МУНТЕРСА, ЭЙНБЕРГА, ГУЛЬБИСА и ВАЛЬДМАНИСА.

Из бесед, которые я имел с этими министрами, можно заключить, что среди немцев мог бы оказаться только МУНТЕРС. Он, как известно, немецкого происхождения по отцовской линии, завистлив, бесхарактерен, интриган и в момент начальных немецких успехов может быть опасен. Один здешний врач охарактеризовал его словами, что «он имеет голову двуликого Януса».

В случае поражения немцев или перевеса англо-французской комбинации, по моему мнению, МУНТЕРС будет также рьяно служить и этой комбинации. На этот случай он уже, между прочим, приобрел русскую жену, о чем в отчетах моего предшественника сообщалось.

Здешний германский посол ЭХАРД¹ фон-ШАК, однажды выразился в беседе с итальянским послом Рогери де-Конти так: «Каждый человек знает только один язык в совершенстве — это родной язык». Затем, немного помолчав, добавил: «МУНТЕРС говорит по-немецки в совершенстве».

Латышский народ относится к МУНТЕРСУ с глубоким недоверием и при каждом случае его отставку ожидает как желательную. Но (находясь под защитой президента), до сих пор, влиятельная протекция оказывается сильнее общественного мнения.

Госп. ЭЙНБЕРГ — министр транспорта, является безграничным поклонником германского технического гения, но в нем как в политике германофильства не видно. Госп. ВАЛЬДМАНИС — министр финансов, несмотря на немецкую фамилию совсем не кажется германофилом, а иногда довольно резко высказывается против германской системы хозяйствования.

Эти господа, а также остальные, менее значительные, сами, конечно, не смогли бы решить в пользу Германии, даже если бы и захотели.

¹ Правильно — Эрхард (фон Шак).

Поэтому ту позицию, которую Латвия займет в случае войны, решать будут два человека: президент УЛЬМАНИС и его заместитель — военный министр — генерал ЯНИС БАЛЛОДИС. ЯНИС БАЛЛОДИС — быв. русский офицер, вполне свободно говорит по-русски, как и большинство латвийских генералов и офицеров. Но вообще, говорит по-немецки. Он чрезвычайно популярен среди народа, враг немцев и при первом же моем посещении его он весьма энергично, с ненавистью, заявил, дословно — «надеюсь, что Чехословакия не уступит немцам и в своих уступках немцам слишком далеко не зайдет, ибо в противном случае возрос бы аппетит немецких меньшинств во всем мире, в том числе и в Латвии».

Нач. Ген. штаба ГАРТМАНИС, присутствовавший при этом разговоре, поддержал БАЛЛОДИСА, но в его враждебности к Германии много сомнительного. Противоположность ГАРТМАНИСУ — Верховный командующий армией БЕРКИС, который полностью разделяет взгляды БАЛЛОДИСА. Настроение в армейских кругах по отношению к Германии характеризуется изречением командира дворцовой стражи полк. БЕБРИСА: «19-го V. мои глаза были полны слез от радости, что Вы показали немцам их место».

В общем можно сказать, что армия во главе с БАЛЛОДИСОМ против немцев и за сотрудничество с Россией в случае, если бы удалось соблюдать нейтралитет.

Что касается президента УЛЬМАНИСА, то он не мог бы противопоставить себя крестьянству и в этом случае, вероятнее всего, пошел бы вместе с армией и аграрниками против немцев.

Другое дело, если англо-французская комбинация проявила бы свою военную беспомощность и неподготовленность, а немцы имели бы молниеносные успехи вначале.

Что касается союзников Латвии, то здесь дело менее ясно.

ЭСТОНИЯ. Проявляет резко выраженное антирусское настроение и проводит полонофильскую политику. Это означает, что она по-прежнему верит в успех политики нейтралитета полк. БЕКА, характеризуемой словами: «Ни столкновения, ни

соглашения», т. е. блок нейтральных стран не должен допустить ни столкновения, ни соглашения между Германией и Сов. Россией. Однако знатоки предсказывают, что Эстония в случае войны и поражения польской политики скорее встанет на сторону России, чем на сторону Германии.

Что касается Литвы, то дать ответ здесь еще труднее, ибо Литва до сих пор играла на 2 струнах: немецкой и русской. Но по мнению госп. ДРУВА (бывш. директор печати, а ныне президент латвийской «культурной палаты»), Литва также решила бы в пользу России.

Эти рассуждения о Эстонии и о Литве я воспроизвожу, конечно, с большим резервом.

Посол инж. ПАВЕЛ БЕРАЧЕК

ВЕРНО:

Нач. IX отделения 5 Отдела ГУГБ НКВД СССР
майор Гос. безопасности

(ЖУРАВЛЕВ)

Документ эстонской миссии

**ЭСТОНСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
ЛОНДОН, 1-го авг. 1939 г.**

МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Таллинн

Как я уже писал в донесении от 2.VIII.39 г. за № 91 д-р Дальтон 31-го июля говорил об Эстонии и Латвии в недоброжелательном тоне. Ввиду того что Дальтон является виднейшим представителем оппозиции, его речь привлекла внимание дипломатических кругов. К счастью для нас, ни одна из больших газет, даже «Дейли Геральд», не реферировала этой части речи Дальтона.

Некоторые лица, слышавшие Дальтона в Нижней Палате, говорили мне, что его речь прозвучала очень резко: при чтении она не производит такого впечатления. Это объясняется тем, что Дальтон воздержался от определенных утверждений. Он основывался, главным образом, на слухах. Но из того, что требования русских он считает вполне обоснованными, можно заключить, что он верит этим слухам.

Из каких источников Дальтон почерпнул эти сообщения?

Известно, что в некоторых здешних левых кругах считают, что Эстония, Латвия и Финляндия находятся под сильным влиянием Германии (но при этом в пользу Финляндии говорит то, что там у власти находятся социалисты, а также ее

дружба с скандинавскими государствами, которые имеют хорошую репутацию в английских левых кругах).

С другой стороны следует отметить, что против нас ведется агитация, которую руководят лица, близко стоящие к Москве и связанные также с французскими левыми кругами. Так, например, особенно часто передает сообщения о германском влиянии в Эстонии и Латвии Mediterranean Press Agency, которое получает информацию из Парижа и связано также с Советами.

У меня имеются вполне точные сведения о том, что в парижских кругах убеждены в тесной связи между Эстонией, Латвией и Германией. Недавно в Париж ездили некоторые представители рабочей партии, в том числе лорд Страбольг. Вернувшись из Парижа, этот последний выступил на одном закрытом банкете с речью, в которой подтвердил вышеупомянутые слухи о германском влиянии в Эстонии и Латвии. На этом же банкете случайно присутствовал также лорд Юзборн, который заявил, что его мнение не сходится с парижскими впечатлениями Страбольга.

Д-р Дальтон коснулся также вопроса о прибалтийской печати. К несчастью, в некоторых случаях он был прав. Так напр. в «Брива Земере» появилось несколько антианглийских статей, написанных в очень резком тоне.

Вполне понятно, что англо-русские переговоры могли вызвать наше недовольство. Но, тем не менее, нашей печати следовало бы воздержаться от излишних резкостей. Пользы от них никакой. Скорее они приносят вред.

Послание
(Подпись)

Документ эстонской миссии**ЭСТОНСКАЯ МИССИЯ**

ЛОНДОН, 22-го августа 1939 г.

СЕКРЕТНО

МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ

Таллинн

Полученная вчера вечером из Берлина официальная информация о завтрашней поездке ф. Риббентропа в Москву для подписания германо-советского пакта о ненападении была для здешних политических кругов полной неожиданностью. Вчера хотя и разбирали в Foreign Office вопрос о том, какие последствия могут возникнуть из нового германо-советского экономического соглашения, но данных, на основании которых можно было предсказать столь быстрое получение упомянутых сенсационных новостей, Foreign Office не имел.

Позавчера здешний финский посланник получил из Гельсингфорса сообщение о том, что по сведениям, полученным в Гельсингфорсе из Берлина, во вторник (т. е. сегодня) в Берлине должно произойти нечто очень важное. Посланника просили выяснить, имеются ли относительно этого ближайшие

сведения. Посланник был вчера у мр.Стренга, последний сказал, что в настоящее время разговор идет о многих датах, так что подобные слухи не следует принимать серьезно. Относительно сегодня мр.Стренг не мог ничего предсказать.

Финский посланник воспользовался случаем, чтобы переговорить со Стренгом относительно ведущихся переговоров. Стренг подтвердил финскому посланнику то же самое, о чем я уже писал 10-го августа за № 99. Именно, Стренг предполагает:

1) что интерес СССР к косвенной агрессии — и вообще к обеспечению Прибалтийских стран — обусловлен главным образом страхом перед Германией, а не вследствие его злых намерений в отношении балтийских государств, как многие предполагают;

2) что СССР теперь серьезно заинтересован в заключении договора с Великобританией и Францией.

Вчера вернулся из Франции военный министр Хора-Белиш, имевший в Париже длинный разговор с Даладье.

Одному знакомому мне члену парламента Хора-Белиш говорил, что переговоры с СССР нужно было бы ускорить.

Foreign Office'у сейчас не ясно, с каким поворотом в московской политике нужно считаться. Сообщение прессы лансируется теперь главным образом из Берлина. Москва сравнительно сдержанна.

Оттуда до сих пор было получено только подтверждение относительно прибытия ф. Риббентропа. Теперь и для Foreign Office также ясно, что Москва вела тайные переговоры с немцами уже в течение некоторого времени. Относительно этих переговоров здесь ничего не подозревали. Только тогда, когда выяснятся подробности относительно переговоров, и только тогда, когда станет известным текст нового германо-советского договора о ненападении, можно будет сказать что-нибудь точное относительно того, какие изменения в общеполитическом положении принесут с собой эти новые обстоятельства.

Здесь циркулируют самые разнообразные слухи. Так, между прочим, говорят, что у Германии с СССР был разговор не

только о Польше, но и о балтийских странах — именно, будто бы Германия согласилась признать принадлежность Финляндии, Эстонии и Латвии к специфической сфере влияния СССР. Повторяю, что это только слухи. Официального подтверждения их еще не получено.

Вообще же здесь предполагают, что положение Польши будет еще более тяжелым. Конечно, Польша и раньше не ожидала непосредственной поддержки от СССР, но неизвестность, на какую точку зрения встанет СССР в германо-польском конфликте, могла все-таки побудить немцев к осторожности. Если же германо-советский договор должен вылиться в таковой, что Германия может не бояться сюрпризов от СССР, то Германия может на востоке действовать значительно свободнее. Но что-нибудь более определенное относительно этого можно сказать только после выяснения объема германо-советского соглашения.

Ближайшие дни должны бы это выяснить.

(Подпись)

Документ эстонской миссии**ЭСТОНСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО**

№ 146

Лондон, 16-го октября 1939 года

СЕКРЕТНО**МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ**

Таллинн

Почтовое сообщение между Эстонией и Англией все еще крайне неудовлетворительно, случайно и неопределенно. Поэтому я воздерживаюсь от отправки почтой политической корреспонденции. Так как это письмо идет не с обычной почтой, то я вкратце коснусь последних событий.

1. В Foreign Office были очень озабочены ходом событий в Эстонии, Латвии и Литве. Говорят, что в будущем у этих государств будет мало подходящих условий для улучшения своего положения, которое ей в действительности навязано силой, формально же считается установленным на основании соглашения. Понимают, что Балтийские государства были поставлены в крайне затруднительное положение и сожалеют, что Англия в бассейне Балтийского моря не имеет политического влияния. Но в адмиралтействе не теряют надежду, что когда-нибудь и там положение Англии будет более благоприятным.

2. У меня создалось впечатление, что в Foreign Office после заключения договора с Москвой на будущность Балтийских

государств смотрят очень пессимистически. Еще не выяснилось, насколько в новых условиях Балтийские государства смогут развивать свои хозяйственные отношения с Англией. Все же Foreign Office надеется, что экономическое сотрудничество с Балтийскими государствами будет продолжаться, и он попросил соответствующие учреждения придти по возможности навстречу Балтийским государствам при выдаче лицензий. С другой стороны, Англия несомненно заинтересована в получении наших экспортных продуктов. Подробно об этом говорил Галлиенне в Таллинне.

3. В настоящий момент в центре внимания финский вопрос, за которым Ф. О. следит с напряженным интересом. Относительно советских требований точных сведений не имеется, т. к. как Маннергейм, так и Эркко в разговоре с английским посланником были очень скрытны. Существует предположение, что СССР будет продолжать политику Витте, т. е. постарается получить выход в открытое море через север Скандинавии, но точных сведений относительно этого не имеется.

4. В политических кругах говорят, что в случае, если возникнет война между Финляндией и СССР, и если в этой войне примет участие Швеция, то нет ничего невозможного в том, что Англия сможет послать свои морские силы в Балтийское море. Относительно этого я должен сказать, что никакого определенного решения еще не вынесено, но штабы взвешивают все возможности.

5. Заведя разговор о Балтийских государствах, главный редактор одной из местных крупных газет заметил, что эти государства очень симпатичные. К сожалению, они допустили ту крупную ошибку, что каждое считало себя в отдельности очень значительным. Никакого серьезного сотрудничества между ними не было, что особенно проявилось в событиях последних недель.

6. Ф. О. пытался уяснить себе дальнейший ход развития советской политики, но безуспешно. Разъяснения, данные Майским, были очень общими. Здесь создается впечатление, что Москва намеренно держит Майского в неведении.

(Подпись)

Информация из Эстонии в НКВД СССР

Информация из Эстонии
на 4.VII-1940 года

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
I-ГО РАНГА ТОВ. БЕРИЯ

Среди кругов населения, враждебно относящегося к новому правительству, упорно циркулируют слухи о предстоящем германо-советском столкновении, когда «Гитлер придет освобождать Эстонию от большевиков».

В русских районах продолжают (в меньшей степени) происходить собрания и митинги с требованием о присоединении к Советскому Союзу. Русское население недовольно тем, что в составе нового правительства нет ни одного русского.

Подробный доклад о настроении русского населения будет передан завтра в 3 часа дня.

Газета «Рахва Хеаль» в номере от 3 июля помещает передовую, озаглавленную «Враги народа зашевелились», в которой резко выступает против прежнего правительства и некоторых газет, проводящих замаскированную политику против нового правительства («Пявелехт», «Удислехт»). В заключении статья называет кампанию, проводимую этими газетами, клеветнической, напоминая о мерах, принимаемых министерством внутренних дел против клеветников, газета пишет:

«Министерство внутренних дел в дальнейшем будет интересоваться также и такими распространителями клеветы».

В течение 3-го июля в Таллине в небольшом количестве распространялись листовки, напечатанные типографским способом, с лаконическими погромными лозунгами: «Долой правительство», «Бей коммунистов и евреев» и прочее.

В газетах опубликовано сообщение о том, что в ближайшее время следует ожидать роспуска государственной Думы, государственного совета, волостных, городских и уездных управ.

Решением начальника внутренней обороны Г. ХАДЕРМАНА Карл Эмпалу как враг народа (дословно) уволен с поста заведующего акционерным обществом «Кескасса», председателя правления Акционерного общества «Эсти Фосфори».

3 июля правительство по предложению министра Н. РУУСА постановило ликвидировать рабочую партию, образованную в 1936 году, как не отражающую интересов рабочих, созданную прежним правительством для полицейского контроля над рабочим движением и проводившую политику, враждебную Советскому Союзу.

Сегодняшняя передовая в газете «Рахва Хеаль» посвящена разбору политики угнетения, проводимой прежним правительством по отношению к национальным меньшинствам. В статье газета пишет: «Прежнее антинародное правительство считало по примеру блаженных царских держиморд окраины колониями. Все они могли свободно эксплуатировать и угнетать не эстонцев, считая их людьми 2-го, если не 3-го или 4-го сорта, которые подобны животным».

Новым эстонским пресс-атташе в Москве вместо ЛААМАНА назначен Эвальд ТАМЛААН, до этого бывш. редактором газеты «Балтик Таймс».

Сегодня министр юстиции Борис СЕПП подал в отставку. Отставка принята. Подробности телеграммой.

Приказом президента республики ПЯТС [а] от 3-го июля по соглашению с правительствами Латвии и Литвы объявлен не действительным заключенный 12 сентября 1936 года в Же-

неве договор о единодушии и сотрудничестве между этими странами.

Следующая сводка будет передана завтра в 3 часа дня.

РЯБОВ

5.VII-40 г.

На документе имеется пометка:

Послано:

гг. Сталину

Молотову от № 2726/6 5/VII-40

На документе имеется резолюция:

г. Судоплатову

г. Кутьину

Фитин 5/VII-40 г.

Оперативная сводка НКВД СССР

ТОВ. ФИТИНУ

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ В РАЙОНАХ ЭСТОНИИ

За последние две недели в районах, где преобладает русское население, проходили массовые митинги и собрания. Основной лозунг всех собраний — требование немедленного присоединения русских районов к Советскому Союзу, введение Сталинской Конституции.

В первые дни провокационные элементы пытались выставить погромные лозунги, воспользоваться происшедшими событиями для того, чтобы организовать грабеж. Но в городах это было предотвращено частями Красной Армии, а в деревнях недавно организованными деревенскими комитетами.

Особенно крупные митинги состоялись в Нарве, Печорах, Изборске, Карягине, Серенце с участием от 1000 до 3000 человек.

На митинги крестьяне приходили из близлежащих деревень организованно, с красными флагами, портретами вождей партии и правительства, пением советских песен. В Изборске имел место случай, когда местная крестьянка Пелагея КУРОПАТКИНА призывала население к немедленному присоединению к Советскому Союзу, грабежу местных купцов. Она ходила по дворам и переписывала скот, якобы для организации колхоза. Министром внутренних дел КУРОПАТКИНА арестована.

За последнее время провокаторские выступления под влиянием разъяснительной работы местных комитетов и представителей Красной Армии почти прекратились.

Местная эстонская полиция и административные власти стоят в стороне от происходящих событий, стараясь в них не вмешиваться, занимаясь исключительно канцелярскими делами. Все политические мероприятия проводятся местными крестьянскими комитетами.

После того как было сформировано правительство, местное русское население выразило недовольство тем, что в его составе нет ни одного русского представителя. Особенно сильное возражение и недовольство вызывало наличие в правительстве в качестве министра народного хозяйства Ю. НИХТИГА (теперь он эстонизировал свою фамилию на Нарма). Русское крестьянство знает НАРМА по его работе в ЭТК (эстонское товарищество кооперативов). На митинге в Корягине в одном из выступлений о НАРМА было сказано следующее: «НАРМА вор и мошенник, украл из ЭТК 8 млн, теперь раскрадет еще больше. Когда он работал в ЭТК, то не хотел вообще разговаривать с русскими».

Вновь поднимается вопрос о создании в правительстве специального министерства по русским делам. Местное купечество, в первые дни событий находившееся в панике, за последние дни успокоилось и даже в некоторых случаях снова подняло голову, после того как убедилось, что Красная Армия и местные комитеты грабеж не допускают.

Старая русская интеллигенция стоит в стороне от событий. Это объясняется не тем, что она не хочет участвовать в событиях, некоторая часть из них в первые дни искренно перешла на сторону народа и вместе с ним участвовала в митингах и пр., а тем, что крестьянство не доверяет ей и довольно резко отстраняет от участия в событиях. Так, например, во время митинга в Нарве президиум собрания предоставил слово от имени интеллигенции города некоему журналисту ЛЕБЕДЕВУ, но митинг не дал ему говорить, освистал и заставил сойти с трибуны. Министерством внутренних дел начальником секретариата по русским делам при министерстве на-

значен известный писатель ГУЩИК. Русское население недовольно этим назначением, ставя в вину ГУЩИКУ то, что он фактически состоял на службе у прежнего правительства, написал по заданию этого правительства хвалебную книгу о ЛАЙДОНЕРЕ, ПЯТСЕ. Начальником Печорской волости назначен эстонец ВОЙНОЛА, что также вызывает недовольство русского населения, так как оно ожидало назначения русского представителя.

Русские общественные организации (союзы русских просветительных обществ) фактически прекратили свою работу. Отделения обществ на местах захвачены молодежью, изгнаны реакционные элементы, проводившие ранее политику, враждебную Советскому Союзу.

Эстонская интеллигенция в русских районах (за исключением левых элементов) стоит совершенно в стороне от событий, занимая ожидательную позицию.

Члены кайселита в русских районах в большинстве оружие сдали, в событиях участия не принимают, держатся в стороне, не разговаривают с русскими, но активных действий не предпринимают.

Следующая информация будет передана завтра в 3 ч. дня.

5.VII-40 г.

Записка НКВД СССР И. В. Сталину**СОВ. СЕКРЕТНО****Г. Г. СТАЛИНУ
МОЛОТОВУ**

Резидент НКВД в Эстонии сообщил следующие сведения:

1. Продолжается дезертирство из эстонской армии, особенно солдат русской национальности. Солдаты являются в наши части, консульство, заявляя, что обратно они в армию не пойдут, так как их ждет расправа со стороны реакционных элементов.

Распущены филиалы международной организации «Армии Спасения», а также закрыт ее печатный орган.

Внешне в Таллинне все спокойно. Прекратилась паническая выемка вкладов из банков и закупка товаров. Бывшие члены кайцелита, не отваживаясь на резкие выступления, ходят по улицам с трехцветными национальными эстонскими значками в петлицах, женщины носят белые цветы, подчеркивая этим, что они белые, а не красные. Но таких лиц немного. Среди враждебно настроенных элементов продолжают упорно циркулировать слухи о возможном столкновении между Германией и Советским Союзом, причем подчеркивается, что Германия в таком случае будет освободительницей Эстонии от большевиков. Предполагают, что первым шагом Германии в этой части будет взятие протектората над Финляндией, которая, якобы, добровольно отдаст себя под протекторат Германии.

2. Немецкое посольство обратилось к Полпредству с просьбой разрешить двум чиновникам немецкого доверительного управления (организация по реализации имущества уехавших из Эстонии немцев) совершить поездку в Нарву для «фотографирования местных архитектурных достопримечательностей» и двум другим чиновникам во главе с советником немецкого посольства в Таллинне разрешить поездку в гор. Куресаре на острове Сааремма¹ для «фотографирования и описания могил немецких солдат в Куресаре».

3. За последние две недели в районах, где преобладает русское население, проходили массовые митинги и собрания. Основной лозунг всех собраний — требование немедленного присоединения русских районов к Советскому Союзу, введение Сталинской конституции.

После того как было сформировано правительство, местное русское население выразило недовольство тем, что в его составе нет ни одного русского представителя. Особенно сильное возражение и недовольство вызывало наличие в правительстве в качестве министра народного хозяйства Ю. НИХТИГА (теперь он эстонизировал свою фамилию на НАРМА). Русское крестьянство знает НАРМА по его работе в ЭТК (Эстонское Товарищество Кооперативов). На митинге в Корягине в одном из выступлений о НАРМА было сказано следующее: «НАРМА — вор и мошенник, украл из ЭТК 8 миллионов, теперь раскрадет еще больше. Когда он работал в ЭТК, то не хотел вообще разговаривать с русскими».

Вновь поднимается вопрос о создании в правительстве специального министерства по русским делам. Местное купечество, в первые дни событий находившееся в панике, за последние дни успокоилось и даже в некоторых случаях снова подняло голову, после того как убедилось, что Красная Армия и местные комитеты грабеж не допускают.

Русские общественные организации (союзы русских просветительных обществ) фактически прекратили свою работу. Отделения обществ на местах захвачены молодежью, изгна-

¹ Правильно — Сааремаа.

ны реакционные элементы, проводившие ранее политику, враждебную Советскому Союзу.

Эстонская интеллигенция в русских районах (за исключением левых элементов) стоит совершенно в стороне от событий, занимая выжидательную позицию.

Члены кайцелита в русских районах в большинстве оружие сдали, в событиях участия не принимают, держатся в стороне, не разговаривают с русскими, но активных действий не предпринимают.

Народный комиссар внутренних дел Совза ССР

(Л. БЕРИЯ)

Разослано:

т. Сталину

т. Молотову

Оперативная сводка НКВД СССР

Информация из Эстонии на 8.VII-40 г.

ТОВ. ФИТИНУ

Продолжается выдвижение кандидатов для избрания в государственную думу «Союзом трудового народа». В Валгамаа кандидатами выдвинуты председатель профсоюза Таллинских металлистов Адольф ПЯСС — бывший политзаключенный, прошедший 14 лет в тюрьме, И. ОЙНАС и другие.

В Нарве кандидатом 65 избирательного округа выдвинут рабочий Кремгольской мануфактуры Август ПЫЛТС.

Буржуазные круги, члены прежнего отечественного союза и прочие реакционные элементы в большинстве случаев выдвижение кандидатур откладывают на последний день регистрации, на завтра 9 июля. Так как кандидаты «Союза трудового народа» ежедневно публикуются в газетах, они рассчитывают в последний день сманеврировать так, чтобы своих наиболее сильных кандидатов выдвинуть против слабых кандидатов «Союза трудового народа».

В газетах «Коммунист» и «Рахвахияль» продолжает публиковаться поток приветствий компартии в связи с ее легализацией. В сегодняшних газетах опубликованы приветствия компартии профсоюза типографских рабочих, от группы эстонских добровольцев интернациональных бригад в Испании, от профсоюзов жестянщиков и проч.

Продолжая серию статей разоблачительного порядка о «коммерческих комбинациях» членов старого правительства, газета «Рахвахияль» сегодня помещает статью, озагла-

ленную «Эстонское земельно-кредитное общество — дойная корова Юримаа, Суурсета и Виктора Пятса».

На должность заседательного контроля вместо уходящего в отставку Карла СУОМПЕ предполагается назначить нынешнего председателя центрального совета профсоюзов Эстонии Александра АБЕНА, недавно вернувшегося из эмиграции из Швеции.

Настроение служащих государственного аппарата можно характеризовать как выжидательное. Крупные чиновники, особенно в министерствах, не подвергшихся большой чистке (земледелия, иностранных дел), не решаясь на открытый саботаж, ограничиваются сухим выполнением приказов руководителей министерств.

В политическом отношении поведение служащих носит характер тихого саботажа. В демонстрации 6 июля приняло участие 10—15 % аппарата. На собрании служащих министерства земледелия 8 июля, посвященном организации профсоюза, служащие вынесли единогласное решение о вступлении в центральный союз, в то же время тайным голосованием вновь переизбрали старое реакционное руководство.

На собрании задавали провокационные вопросы, например: «Если служащие будут членами союза — будут ли они пользоваться правом забастовок так же, как и рабочие» и пр.

Однако большинство служащих в сумме положительно расценивает новое правительство, довольно его умеренной декларацией и считает, что если правительство и впредь будет действовать так же, как и сейчас, то есть не потрясая основ общества (частной собственности), работать с ним можно будет.

Усиленно подчеркивается тот факт, что, например, заместитель председателя профессор Г. КРУУС и бывший премьер К. ЭМПАЛУ являются покровителями одной и той же студенческой корпорации, якобы всегда были дружны и не расходились в политических взглядах.

В Таллине усилилась спекуляция советскими деньгами. Пущен слух, что якобы после присоединения Эстонии к Советскому Союзу эстонская крона будет приравнена к рублю,

поэтому некоторые «проницательные» капиталисты запасаются советскими деньгами. Советские деньги на черную биржу идут из Риги нелегальным путем через «зеленую границу» крупными партиями. В Таллине на Глиняной улице у банка ШЕЛЛЯ¹ продолжает существовать черная биржа, за последнее время развившая особенно широкую деятельность.

Жена СЕЛЬТЕРА прислала своим родным в Таллин письмо, в котором совершенно определенно заявляет, что СЕЛЬТЕР в Эстонию не вернется. Дополнительно нами выяснено, что СЕЛЬТЕР в Швейцарию в несколько приемов дипломатической почтой вывез крупную сумму иностранной валюты. Причем эти деньги принадлежат не только ему лично, а также так называемой «веронской группе» (группа бывших членов студенческой корпорации «Веронцы» в Рижском политехникуме), во главе которой стоят СЕЛЬТЕР, СЕПП Лео, Виктор ПЯТС, адвокат ЭВЕР и др.

Во всех кругах эстонского населения вызывает недоумение тот факт, что начальник политической полиции СУОМАН остался на своем месте. СУОМАН работает на этом посту около 15 лет, известен своим «неутомимым» преследованием коммунистов.

Директор магазина «ТООКОЛЬ» Рудольф РЕНИНГ в частных беседах высказывает свое недовольство новым составом правительства, считая всех их троцкистами, заявляет, что выборная кампания ничего хорошего эстонцам не принесет, а результатом выборов будет присоединение Эстонии к Советскому Союзу.

9 июля 1940 г.

¹ Правильно — «Шелл».

Оперативная сводка НКВД СССР

Информация из Эстонии на 9 июля

ТОВ. ФИТИНУ

Газета «Рахвахиаль» в № от 9 июля в передовой статье «Победа союза трудового народа Эстонии» разоблачает врагов народа, распространяющих слух о том, что в скором времени будет война между Советским Союзом и Германией. В этой же статье подробно разбирается враждебная деятельность старого правительства, проводимая против Советского Союза.

Подготовка к выборам в парламент проходит успешно. Во всех городах Эстонии, а также в деревнях, за последние два дня проводились митинги, которые проходили с большим подъемом.

На митингах принимались резолюции за присоединение к платформе «Союза трудового народа». Митинги в русских районах в большинстве резолюций вносили пункт о немедленном присоединении русских районов к Советскому Союзу, но присоединение не в составе Эстонии, а непосредственно к РСФСР.

На митингах сельских местностей с особой активностью обсуждались требования «Союза трудового народа Эстонии», которые охватывают жизненные интересы крестьян, как-то: оказание помощи мелким земледельцам, снабжение земель безземельных, погашение ипотечной задолженности и пр.

Враги эстонского народа в период выборов в парламент проводят агитацию среди населения, призывая последнее голосовать за кандидатов сторонников старого реакционного правительства. Враждебные элементы, проводя агитацию

среди сельского населения, действуют на собственнические интересы последнего, распуская слух о том, что коммунисты будут отбирать землю и передавать ее на нужды Советской армии.

Для обработки городского населения усиленно распускают слухи о близком приходе немцев, когда начнется расправа с коммунистами и всеми теми, кто будет голосовать за них.

В русских районах отмечены случаи, когда бывшие члены кайселита с оружием пытались помешать проведению митингов, но были разоружены народной самозащитой.

Политическим руководителем эстонской армии назначен член ЦК КП (б) Эстонии тов. ПАУЛЬ КЕРТО.

Введение политруководителей в эстонской армии офицерский состав принял враждебно. Свою враждебность офицерский состав проявляет в агитации среди солдат против компартии Эстонии, в разжигании национальной вражды между эстонцами и русскими и обработке солдат в духе враждебного отношения к Красной Армии.

В среде же самих солдат, как эстонских, так и русских, введение политического аппарата вызывает одобрение, так как солдаты полагают, что политсостав поможет им улучшить свое положение, заставит офицеров относиться к ним по-другому и т. д.

В германское консульство обращается большое количество оставшихся в Эстонии немцев, а также эстонцев и бесподанных эмигрантов за разрешением репатриироваться в Германию. Германское консульство имеет уже около 4 тыс. подобных заявлений. Разрешений на выезд, однако, немцы пока не дают. Один из чиновников немецкого посольства, фамилию которого устанавливаем, выехал в Берлин для получения инструкций по этому вопросу.

Адвокат КРОММЕЛЬ (немецкий разведчик) за последнее время усиленно ищет встречи с «компетентными» советскими чиновниками для установления контакта с целью переговоров о возможности сближения в политическом и деловом отношении между национал-социалистской партией и ВКП (б).

Однако найти посредника, который мог бы устроить подобную встречу, ему не удастся.

Все члены старого правительства из Таллина выехали и проживают в своих имениях или просто в провинции. Ни один из них кандидатуру в государственную думу не выставил.

Князь ВОЛКОНСКИЙ — сотрудник французского посольства, недавно приехавший из Швеции, снова удрал, видимо морем, в Финляндию.

10/VII—40 года

На документе имеется резолюция:

г. Судоплатову

г. Кутьину

Сообщить отдельные места в ЦК

Фитин

Спецсообщение НКВД СССР в ГКО**СССР****СОВ. СЕКРЕТНО****ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
ОБОРОНЫ СССР****Т. СТАЛИНУ****ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
ОБОРОНЫ СССР****Т. МОЛотовУ****ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
ОБОРОНЫ СССР****Т. БЕРИЯ****ЗАМ. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР****Т. МЕРКУЛОВУ****»__“ ноября 1941 г.****СПЕЦСООБЩЕНИЕ**

Передаем содержание конфиденциального доклада английского посла в СССР Криппса от 27 сентября с. г. на имя Идена, полученного Разведуправлением НКВД СССР из Лондона агентурным путем.

«1. Обозревая положение, приведшее к возникновению войны между Советским Союзом и Германией, при существующих обстоятельствах трудно точно проанализировать ход событий, поскольку взаимоотношения между обеими странами в течение двух предшествующих лет остаются покрытыми тайной.

2. Я не ставлю сейчас своей задачей перечислять обстоятельства, приведшие к подписанию советско-германского пакта от 23 августа, а также вызвавшие неудачи в перегово-

рах с Францией и Великобританией. Поэтому я начинаю свой обзор со дня подписания советско-германского пакта.

3. Нет никакого сомнения, что непосредственной причиной подписания этого пакта являлось, как это неоднократно заявляли советские лидеры, их желание остаться вне войны. Они считали возможным осуществить это, хотя бы на время, путем заключения соглашения с Германией.

4. Советскому народу этот пакт постоянно преподносился как шедевр советской дипломатии, как доказательство предвидения и благоразумия господина Сталина. В начальных стадиях войны такая точка зрения была широко распространена в Советском Союзе. Эта политика не только дала Советскому Союзу возможность оставаться вне войны, но и позволила ему за счет соседних государств приобрести такие территории, которые они считали ценными на случай нападения Германии на СССР.

5. По моему мнению, советские руководители после отставки господина Литвинова, отказавшегося от политики интернационализма, никогда не рассматривали пакт, как что-то большее, чем временное средство. Я убежден, что они постоянно считались с эвентуальной возможностью войны, по меньшей мере как с серьезной вероятностью, если не с неизбежностью. Это подтверждается всеми их действиями за время между подписанием пакта и фактическим началом советско-германской войны. В этот период они не только делали все что могли для укрепления своих границ, но и приступили к проведению программы вооружения, совместимой только с подготовкой к войне.

6. В начальной стадии войны они, наверное, надеялись, что смогут избавиться от опасности немецкого нападения, если Великобритания и Франция нанесут поражение Германии или так истощат ее, что она окажется не в состоянии атаковать Советский Союз. Несомненно, что одной из задач при проведении программы вооружения было достижение такого состояния готовности, при котором Германия побоялась бы принять решение о нападении.

7. Если бы этот результат был достигнут к концу войны, СССР оказался бы на исключительно сильной позиции и вполне смог бы оказывать решающее влияние на европейские дела как единственное государство, оставшееся мощным и не истощенным.

8. Немедленной реакцией СССР на возникновение войны (ставшей неизбежной в результате подписания советско-германского пакта) являлось проведение мероприятий по наиболее выгодному использованию занятости Германии. Начиная с этого времени, политика Советского Союза становится исключительно реалистической и совершенно не связанной с какой-либо из предыдущих деклараций, которыми был отмечен период сотрудничества его с западно-демократическими странами. Разграничения, которые советские лидеры раньше горячо проводили между неагрессивными демократическими странами и фашистскими агрессорами, были вытеснены обнаженным национализмом, политикой, сделавшей их на тот период времени друзьями фашистов и врожденными нейтралами в отношениях с союзными демократическими державами.

9. Они были полны решимости использовать возможность, пока еще имелось время, для укрепления своей обороны. Как часть этой политики, они решили, не обращая никакого внимания на соседние малые государства, оккупировать все такие территории, какие были только возможно, для укрепления своих стратегических позиций на случай войны с Германией.

10. Первый шаг в этом направлении был предпринят в середине сентября 1939 года, когда они вступили в Польшу сразу же после того, как выяснилось, что альтернативой к их вступлению может быть только полная оккупация немцами этой страны.

11. Как и во всех других случаях, официально этот акт был объяснен различными причинами, как, например, освобождение польского народа, однако основной причиной являлась необходимость улучшения их позиций в предстоящей войне с Германией. В Польше, как и в других странах, оккупирован-

ных позже, они предприняли немедленные меры к удалению части населения, могущего быть к ним враждебным. Они не хотели, чтобы их пограничные районы были заселены пятой колонной и людьми, подозрительными в смысле враждебности к советскому режиму. Несомненно, что эта политика массовой эвакуации, проводящаяся сейчас по той же причине внутри Советского Союза по мере продвижения немцев, привела к самым кошмарным лишениям для эвакуированных, жизненные условия которых в большинстве случаев очень плохие.

12. За вступлением в Польшу в конце ноября последовало нападение на Финляндию, в результате вполне правильного отклонения финским правительством требований об уступке территории Советскому Союзу.

13. Утверждалось, что нападение на Финляндию являлось результатом одного инцидента, созданного местным командиром, рассчитывавшим на легкую победу. Даже если это было и так, то несомненно, что советское правительство было намерено использовать занятость великих держав войной для урегулирования вопроса в отношении своих северо-западных границ тем методом, который она считала нужным перед лицом грозящих СССР опасностей.

14. Мирный договор, заключенный с Финляндией 12 марта 1940 года, подтверждает это. Этот договор не преследовал цели мщения. СССР, по существу, взял территорию немного большую, чем он требовал до начала войны, причем никакой контрибуции наложено не было.

15. Тем не менее результаты войны оказались значительно более далеко идущими, чем простые территориальные изменения. Совершенно естественно (хотя, пожалуй, к удивлению советских лидеров) весь мир был возмущен этим ничем не спровоцированным нападением на страну, обеспеченную всеми сортами договоров от такой агрессии. Более того, Советская армия оказалась совсем уже не такой непобедимой, как это было зарекомендовано пропагандой на весь мир. Несомненно, что обнаружение ее сравнительной неэффективности произвело некоторое впечатление на немцев, хотя в то

же время дало русским возможность начать под руководством маршала Тимошенко тщательную реорганизацию своей армии, приведшую к таким ценным результатам в настоящей войне с Германией. Сомнительно, чтобы без неудачного финского эксперимента такая реорганизация была бы предпринята вообще, а это означало бы, что к данному времени СССР был бы уже разгромлен.

16. Между тем советское правительство активизировало свою политику в отношении стран и 29 сентября, 5 и 10 октября заключило договора с Эстонией, Литвой и Латвией, давшие право на размещение войск и получение военно-морских баз.

17. Никаких других решающих шагов в этом направлении более не предпринималось вплоть до разгрома Франции, оказавшегося для СССР такой же неожиданностью, как это было и для других стран. В момент моего прибытия в Москву, когда неизбежность этого разгрома для нас была уже очевидной, у меня лично почти не было сомнения, что советское правительство было серьезно озабочено вопросом — нельзя ли было бы что-либо сделать в смысле помощи Франции для отражения нападения. Тем не менее, когда стало совершенно очевидно, что результатом немецкого наступления будет полный крах Франции, советское правительство немедленно же решило придерживаться совершенно различной тактики. Как мне заявил сам Сталин, они были всегда убеждены, что Гитлер не сможет доминировать над Европой без господства на морях. Я вполне уверен, что [Дюнкерк?] лишь укрепил эти убеждения.

18. В тот момент советское правительство имело перед собой исключительно серьезную ситуацию. В результате этого оно пошло на изменение своей политики в том направлении, которое было найдено наилучшим.

19. Германия была полнейшим хозяином в Европе, во всяком случае на суше, и не имела какого-либо занятия для своих армий, за исключением возможного вторжения в Великобританию. В случае необходимости все эти армии могли быть использованы против России. Следовательно, необходимо

делать все, что только возможно, с единственной целью улучшения позиций СССР в предстоящей войне с Германией, поскольку никаких надежд на истощение германских армий Францией и Великобританией не оставалось. Если Германия может быть разгромлена на суше, то это может быть сделано только какой-то континентальной державой.

20. Начиная с этого момента советская политика начинает страдать от тех внутренних противоречий, которые всегда оказывают свой эффект на политику «умиротворителей». Проводя против Германии все те приготовления, которые она только могла, Советское правительство в то же самое время выискивало всевозможные пути с тем, чтобы оставаться в хороших отношениях с державами.

21. Эта новая политика имела четыре основных аспекта:

а) Продвинуть, где только возможно, советские границы, чтобы отделить от них жизненные центры русской промышленности и получить большее пространство для маневра в случае немецких атак.

б) Угрозами или лестью добиться сотрудничества лимитрофных стран с Советским Союзом.

в) Умиротворять немцев экономически во всем, за исключением поставок оружия.

г) Не разрывать отношений с США и Великобританией, но и не сближаться с ними, чтобы не возбуждать немецкой враждебности.

22. Одновременно с этим должны были быть приняты все меры к ускорению военных приготовлений и к переводу страны на военное положение как можно скорее, не возбуждая у немцев ненужных подозрений.

23. Эта политика была реализована следующим образом:

а) После предъявленного 26 июня румынскому правительству ультиматума Советское правительство предприняло немедленные шаги для оккупации Бессарабии и Северной Буковины. Эти действия Советского правительства расценивались в то время как результат договоренности с Германией, но я уверен, что это было не так. Предпринятая неудачная попытка разрешить проблемы дунайской навигации в дельней-

шем подтвердила, что между Германией и СССР не было предварительной договоренности об оккупации этих территорий. В результате этого оккупация наметила взаимное недовольство между обеими странами, и она, несомненно, была частичной причиной за ускорение захвата немцами Балкан, хотя я не думаю, что это оказало какое-либо значительное влияние на планы Гитлера до того, как это случилось.

24. Следующим шагом Советское правительство завершило оккупацию балтийских стран, которым было предъявлено требование о смене правительств, выполненное 14 июня в Литве, 16 июня в Эстонии и в Латвии. Это было сделано в легальной форме, возможно, для того, чтобы затруднить возможность протеста со стороны других держав. Каковы бы ни были причины, но 21 июля эти три страны были включены в состав СССР.

25. С проведением всех этих мероприятий была установлена новая граница от Дальнего севера до устья Дуная. Немцы и те страны, от которых можно было бы ожидать, что они будут союзниками Германии, были отодвинуты от промышленных районов России.

26. Вряд ли какой-нибудь реальный политик, оценивая общее положение осенью 1940 года, ожидал, что СССР будет иметь возможность привлечь Финляндию или Румынию на свою сторону. Некоторые могли думать, что, может быть, была возможность сохранить эти страны нейтральными, но в свете действий Гитлера и его общеизвестных теорий было вполне ясно, что он не позволит какой-либо лимитрофной стране оставаться нейтральной в случае, если он будет вести войну против СССР. В отношении Румынии и Финляндии имелись еще дополнительные причины: давнишняя враждебность правителей этих стран к Советскому режиму, которого они естественно боялись.

27. Наиболее важными соседними странами, с которыми СССР пришлось считаться, являлись Финляндия, Турция, Япония и Балканы. С этой точки зрения Япония стала важной только после ее присоединения к пакту держав Оси.

28. Турция была ключом к разрешению балканской проблемы, и она имела то важное, что она уже была связана с Великобританией и, по меньшей мере, теоретически не была в одном лагере с Германией.

29. С Финляндией дела обстояли так, как я уже сообщил выше, и было ясно, что в случае войны она будет на стороне Германии. Тем не менее Советским правительством были сделаны некоторые усилия заставить финнов избрать правительство, которое было бы антигерманским и просоветским. Но эти усилия потерпели неудачу, так как немцы, более искусные в пропаганде, сумели привлечь на свою сторону наиболее важные финские элементы, в особенности военные круги, которые могли непосредственно взять контроль над страной в случае какой-либо опасности.

30. Именно на Балканах и в Турции Советское правительство имело наилучшие возможности обеспечить себя от нападения хотя бы в той мере, в какой это касалось нападения с юга.

Вскоре после моего первого приезда в Москву — в июне 1940 г., я сообщил эту точку зрения Советскому правительству, и Сталин тогда мне сказал, что он будет рад, если мы сможем оказать какую-либо помощь в сближении Турции с СССР. Несмотря на все усилия, это оказалось невозможным. Я считаю, что эта неудача в значительной степени объясняется подозрительностью Мининдела Турции, чем какими-либо иными причинами. Полагаю, что как тогда, так и после этого Советское правительство очень желало достижения более тесного договора между Турцией и СССР, поскольку это соответствовало их взаимным интересам. Если бы они достигли этого, то тогда история войны на Балканах была бы совершенно иной.

31. Я не сомневаюсь в том, что во время известной встречи Молотова с Гитлером в Берлине в ноябре 1940 года балканская проблема обсуждалась, хотя не важно, по чьей инициативе. Я уверен, что обсуждение этого вопроса не дало никаких результатов в смысле достижения договоренности по вопросам общей политики. Обе стороны играли, но немцы

имели лучшую позицию, чем русские. Румыния находилась уже под полным контролем немцев, а их проникновение в Болгарию с согласия болгарского правительства, но не болгарского народа, уже происходило в течение довольно длительного периода. Положение Советского правительства было невыгодным, так как оно не пользовалось популярностью и все правительства балканских стран боялись его. Гитлер играл и продолжал играть с большим искусством своими антисоветскими картами. Поэтому с этой точки зрения дипломатическая игра уже была выиграна Гитлером.

Советское правительство ничего не могло сделать с существовавшими балканскими правительствами и не было никаких перспектив революционных изменений в какой-либо стране, за исключением таких стран, которые находились под германским контролем, как, например, Румыния.

32. Единственной надеждой СССР являлась помощь по созданию независимого фронта на Балканах против всякой интервенции.

Но было уже поздно для этого, так как ключом к такому фронту являлась Болгария. Царь Борис сумел обмануть союзников своей игрой в беспристрастный нейтралитет, в то время когда он тайно передавал страну в руки своих немецких друзей.

33. Когда в конце концов нападением Италии на Грецию начались военные операции на Балканах, Советское правительство оказывало большую симпатию и помощь Греции. Это объяснялось не только их ненавистью к Италии, но и тем, что они почувствовали сильную опасность, создавшуюся на их фланге. По ходу этой войны Советский Союз пытался сделать все возможное, чтобы повлиять на другие балканские страны.

34. Советское правительство пыталось убедить их правительства перейти на его сторону и даже предложило Болгарии весьма значительные территориальные взятки, включая некоторые за счет Турции. Однако было уже слишком поздно, учитывая отношение болгарского правительства к СССР.

35. В то же время Советское правительство давало ясно понять югославскому правительству, что оно готово пойти на соглашение с Югославией о взаимопомощи, но принц Павел был слишком антисоветски настроен, чтобы прислушиваться к таким предложениям. Его антисоветские настроения были сильно подкреплены прямым обещанием Гитлера и германского посла в Белграде предпринять активные действия против СССР.

36. В марте сего года, после моего возвращения из Турции, я опять указал Советскому правительству на опасность, угрожающую его флангу, и подчеркнул, что отношения между СССР и Турцией не так хороши, какими они должны были бы быть. В результате этого Советское правительство передало Турции декларацию, которая была позднее опубликована, как совместная декларация обеих стран. Несомненно, что этот шаг Советского правительства не только возбудил подозрение Гитлера, но также и озлобил его. Однако его гнев не был еще так силен, как накануне его нападения на Югославию, когда Советское правительство заключило с новым югославским правительством, сменившим прогерманское правительство Павла, дружественный пакт. Я не сомневаюсь, что этот пакт был решающим фактором, который предопределил нападение на СССР. Каждое мероприятие, проведенное советским правительством на Балканах, обуславливалось двумя противоположными желаниями с его стороны. Первое — не провоцировать Гитлера на войну и второе — не допускать захвата им Балкан. В результате такой политики он был раздражен, но не остановлен. Германский посол в Москве, в беседе с одним нейтральным дипломатом, рассказывал о своем интервью с Гитлером в конце апреля с. г., когда он пытался отговорить Гитлера от нападения на СССР, что в то время Гитлер не мог удержаться от проявления бешеной ненависти к Советскому правительству за заключение последним пакта с Югославией.

38. Почти в это же время в СССР начали происходить вещи, имевшие, очевидно, некоторые специальные цели. Вскоре после первомайского парада был опубликован Указ о на-

значении Сталина на пост премьер-министра, что, несомненно, было актом громадного политического значения. Несмотря на то что ряд лет Сталин был у руководства, но никогда открыто этого не подчеркивал. Все утверждали, что за этим его шагом скрывается какая-то важная цель, но никто с уверенностью не знал, что это значило.

39. За некоторое время до этого появились слухи, имевшие, возможно, под собой некоторую почву о том, что среди служебных кругов проводилась пропаганда войны против Германии. Общая пропаганда стала сильно патриотичной и националистской. Темпы военных приготовлений в промышленности были ускорены. Наряду с этим был опубликован ряд постановлений, которые, очевидно, были направлены на подготовку страны к войне.

40. После вступления Сталина на пост премьер-министра последовала серия «умиротворительных» мероприятий весьма крикливого характера. Все представители стран, чьи правительства исключительно изгнаны немцами, были лишены дипломатического статуса. Советское правительство выбрало момент, когда английское правительство было в конфликте с Рашид Али, признало его правительство и установило с ним дипломатические отношения. Также были сделаны экономические уступки, о которых я говорил в пункте 3 § 21.

41. Доставка товаров Германии была ускорена. Этим самым и некоторыми другими путями было ясно показано, что Советское правительство желает избежать войны с Германией любой ценой. Политика экономического «умиротворения» была доминирующим мотивом во всех действиях Советского правительства в отношении Германии. Некоторые наиболее способные немецкие дипломаты в Москве и большинство других дипломатов рассматривали Россию только как источник снабжения Германии и как отдушину для срыва блокады путем доставки материалов через Владивосток.

42. Второй аргумент договора от 10 января с. г. обеспечил немцам увеличение снабжения (пакт был возобновлен в это же время), и Советское правительство, несмотря на большую нужду в каучуке, отказалось заключить с нами какое-либо со-

глашение, по которому в обмен на русские товары мы поставили бы им наши товары, в том числе и каучук. Оно также заключило ряд соглашений со странами, оккупированными немцами. Так или иначе, но оно действительно снабжало Германию различными товарами в колоссальном количестве, хотя никогда не давало вооружения. Эта политика продолжалась до начала войны, по моему мнению, именно такой аспект ее вселил в них убеждение, что прежде чем напасть на СССР, немцы предъявят ему ряд требований. Эта точка зрения полностью была подтверждена Майским в беседе со мной в Лондоне 21 июня, когда я пытался убедить его, что внезапное нападение на СССР неминуемо. Он терпеливо объяснил мне, почему это невозможно без предварительного предъявления требований.

43. Я был всегда убежден, что, несмотря на враждебность господина Молотова к Великобритании, СССР будет поддерживать с нами такие отношения, какие им только позволит боязнь Германии. В течение всего этого периода они были озабочены сохранением своих отношений с вами, хотя время от времени близость этих отношений варьировалась.

44. Я прибыл слишком поздно для проведения каких-либо эффективных действий в смысле помощи Франции. Тем не менее, припоминая настойчивость, с которой Майский добивался отправки британского посла в Москву, а также производя в памяти прием, оказанный мне по приезду, я верю, что в то время они серьезно думали об изменении своей политики. После разгрома Франции они отдалились от нас и пересмотрели свою позицию только в начале осени (перед поездкой господина Молотова в Берлин), когда правительство его величества выступило со своим «политическим» предложением о генеральном урегулировании основных трудностей.

45. Весной 1941 года они опять были более дружественно настроены. Только незадолго до возникновения войны в последних судорогах «умиротворения» они возвратились на дружественную позицию, как это было продемонстрировано в коммюнике ТАСС от 14 июня.

46. Я не намерен в этом докладе детально анализировать, как и почему Германия напала на СССР. Для того чтобы ответить на эти вопросы, нужно иметь материал о немецкой экономике, военной и гражданской морали, о стратегических нуждах Германии и прочее, которые послу здесь невозможно достать.

47. Многие выражали величайшее удивление по поводу того, что нападение Германии застало Советское правительство врасплох. Меня лично это так не удивляет, ибо перед самым возникновением войны я имел две очень подробных беседы с господином Майским, когда он изложил мне советскую точку зрения. Тот факт, что они были застигнуты совершенно врасплох, подтверждается не только радиовыступлением господина Молотова и Сталина, но и их личными заявлениями мне.

48. Советское правительство также считало, что немцы хотят только получить из России как можно больше товаров не только прямо, но и косвенно — через Транссибирскую железную дорогу из Японии. Если бы это действительно было целью Гитлера, то он, конечно, пытался бы вначале организовать переговоры и в результате их получил бы все, что ему было нужно. Однако подлинной целью Гитлера был разгром русской армии до того, как она станет достаточно мощной, чтобы сокрушить его. Ясно, что с этой точки зрения внезапное нападение вполне устраивало его.

49. В вышеизложенном резюме я выпустил два важных пункта, которые следует рассматривать отдельно от основного направления советской политики.

Первый пункт очень прост и легко объясним. Советское соглашение с Японией было просто попыткой в той мере, в какой это возможно, нейтрализовать Японию ввиду опасности немецкого нападения на западе. Цена за это была уплачена небольшая, и я сомневаюсь, чтобы какая-либо сторона придавала большое значение взаимовзятым обязательствам, поскольку, вероятно, оба правительства считали, что позиция каждого из них будет определяться не бумажным документом, а требованиями момента. Смысл соглашения за-

ключался в создании той атмосферы умиротворения, которой и до сих пор в некоторой степени руководится дальневосточная политика Советского правительства. Однако проведение последней стало значительно труднее.

Второй пункт, представляющий на сегодня только академический интерес. Смысл этого пункта таков: как и почему после краха Польши Советское правительство присоединилось к агрессивному пакту Гитлера и пыталось свалить на Францию и Великобританию ответственность за отклонение мирных предложений.

50. Советское правительство, вероятно, считало, что, приобретая ту часть польской территории, которую немцы позволили им взять при наличии непобежденных Франции и Великобритании, — СССР удастся удержать позицию, дающую ему возможность быть достаточно сильным для полного использования такого мирного периода, в течение которого оно достаточно подготовится к отражению эвентуального нападения Германии, продемонстрировавшей во время польской кампании, каким мощным оппонентом она является. Реализация мысли, что с такой германской армией им не справиться, вероятно заставило их придти к убеждению о необходимости любой ценой добиться отдаления военной угрозы, причем наиболее безопасным путем для получения такой отсрочки могло бы быть заключение компромиссного мира в Европе.

51. Я пытался обрисовать политику Советского правительства от начала англо-германской войны до того времени, когда оно само оказалось вовлеченным в ее колеса.

52. Я не критиковал его и не указывал, что было бы, если Советское правительство придерживалось иной политики, а также не пытаюсь давать оценку — была ли его политика умной или глупой. Несомненно, что оно крайне осторожно все это время пыталось держаться вне войны, но в конце концов, так же как и другие страны, убедилось, что односторонняя решимость быть вне войны бесполезна, если другая антагонистическая страна намерена воевать. Однако оно сделало то, что другие страны не смогли сделать, а именно — исполь-

зовало время, выигранное «умиротворением» для усиления своей силы сопротивления.

53. С момента поражения Франции оно имело год для усиления своей силы сопротивления, и нет сомнения, что оно хорошо использовало это время. Результаты происходящих сейчас сражений подтверждают это».

**Начальник Разведывательного управления
НКВД СССР**

(ФТИН)

Разослано:

- 1 — т. Сталину**
- 2 — т. Молотову**
- 3 — т. Берия**
- 4 — т. Меркулову**

**Спецсообщение Первого управления
в ГКО и НКВД СССР**

СССР

СОВ. СЕКРЕТНО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР

**Г. Т. СТАЛИНУ,
МОЛОТОВУ,
БЕРИЯ**

НКВД СССР

Г. МЕРКУЛОВУ

Передаем содержание телеграммы № 4976 от 2 октября с. г. английского посла в США ГАЛИФАКСА в адрес министерства иностранных дел Англии, полученной Разведуправлением НКВД СССР из Лондона агентурным путем.

«1. Государственный секретарь прочитал мне ряд телеграмм от американского посла в Гельсингфорсе. Содержание их заключается в том, что правительство США сделало правительству Финляндии решительное представление с целью отговорить его от помощи Германии, от продолжения войны, но безрезультатно. Правительство США также просило финское правительство сделать формальное заявление о его дальнейшем намерении. У американского посла создавалось впечатление, что финский ответ будет мало отличаться от их ответа на недавнюю британскую ноту.

2. Финский президент хотя и был вежлив, однако не проявил никакой отзывчивости и проявил признаки озлобления в отношении Англии. Он заявил о своей совершенной уверен-

ности в том, что Англия никогда не собиралась помочь Финляндии в ее прошлогодней войне против России и что ее политика в то время была сугубо эгоистична. Он сослался на ту готовность, с которой Англия приносит в жертву своим интересам интересы малых наций. Он также заявил, что масштаб немецкой помощи Финляндии в деле снабжения ее продуктами питания в течение последних 3 месяцев был значительно выше, чем масштаб английской и американской помощи в любой более ранний период.

3. Президент сказал, что финны не будут нападать на суда, везущие военное снаряжение, которое США могут послать в СССР северным путем. Он сделал заявление, которое государственный департамент считает совершенно ложным, что в Финляндии имеется только 1000 германских солдат в дополнение к одной дивизии, отозванной на отдых после боев на Карельском фронте. Касаясь военного положения, он заявил, что немцы быстро продвигаются на Архангельск и что падение Ленинграда, которое, по его предположению, произойдет в течение нескольких недель, „очистит“, как он выразился, финский фронт».

**Начальник Разведуправления
НКВД СССР**

(ФИТИН)

Разослано:

- 1 — т. Сталину**
- 2 — т. Молотову**
- 3 — т. Берия**
- 4 — т. Меркулову**

„ “ ноября 1941 г.

Спецсообщение I Управления в ГКО и НКВД СССР**СССР**

Снятие копий без разрешения
Секретариата I Управл. НКВД СССР
запрещается

СОВ. СЕКРЕТНО

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР —**

**Т. СТАЛИНУ,
Т. МОЛотову,
Т. БЕРИЯ,**

НКВД СССР**Т. МЕРКУЛОВУ****28 февраля 1942 г.**

Сообщаем содержание секретного меморандума ИДЕНА за № WP/42/48 от 28 января с. г., разосланного для ознакомления членам английского правительства.

Содержание меморандума получено Разведывательным Управлением НКВД СССР из Лондона агентурным путем.

ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РОССИИ

Меморандум министра иностранных дел. Со времени моих переговоров со СТАЛИНЫМ в Москве я занимался изучением следующих вопросов:

1) Принципы, на которых может быть построено послевоенное сотрудничество России и Англии.

2) Наилучший способ действий в связи с требованием СТАЛИНА признать за Советским Союзом границы 1941 года.

1. Если предположить, что Германия потерпит поражение, германская военная мощь будет уничтожена и Франция, по крайней мере в течение долгого времени, останется слабой державой, то в Европе не будет ни одного государства, которое могло бы противостоять России. Однако может оказаться необходимым и дальше сотрудничать с Россией, во-первых, потому, что иначе она может поддаться искушению сотрудничества с Германией, побужденная к этому историческими тенденциями и экономической необходимостью; во-вторых, для того, чтобы восстановить в наших собственных интересах такое соотношение сил в Европе, уничтоженное поражением Франции, которое могло бы помешать возрождению Германии; в-третьих, для того, чтобы в военном отношении Германия была окружена. Правда, Франция, величие которой мы обещали восстановить, может также стать мощной державой в Европе благодаря ее материальным ресурсам и уничтожению германской военной мощи.

Таким образом, соотношение сил в Европе может быть частично восстановлено через возрождение Франции, но это в высшей степени проблематично и, конечно, еще не будет иметь место непосредственно в послевоенный период, о котором мы должны подумать сейчас.

2. Любая оценка возможного курса политики СССР должна определяться ходом войны, тем, как война отражается на России, состоянием, в котором Советский Союз выйдет из войны, и обстоятельствами, при которых кончится война. Если поражение германских армий состоится, главным образом, благодаря действию советских войск и до того как полностью развернется военная мощь Великобритании и США, то позиция России на европейском континенте будет неприступной. Русский престиж будет настолько велик, что облегчит установление коммунистических правительств в ряде европейских стран, и, естественно, Советский Союз соблазнится вести работу в этом направлении. Больше того, русские смогут тогда забрать с германских предприятий оборудование, в котором они будут нуждаться для восстановления своей промышленности, не считаясь с нуждами Великобритании

и США. В результате Советский Союз может стать совершенно независимым от той помощи, за которой при других обстоятельствах он был бы вынужден обращаться к нам и к Америке, и не захочет больше приспосабливаться к той политике, которую Англия и Америка могут пожелать вести.

Эта возможность сама по себе является доводом за установление тесных отношений с Советским Союзом уже сейчас, пока его политика еще расплывчата, чтобы оказать максимальное влияние на формирование его политики в будущем.

3. Но если Россия будет окончательно истощена войной, тогда, нуждаясь в англо-американской помощи для восстановления страны, СТАЛИН будет вынужден хотя бы временно придерживаться наиболее приемлемой политики при таком менее монопольном положении СССР. Если бы мы могли быть уверены, что события развернутся именно таким образом, то можно было бы сказать, что на этой стадии нам не нужно идти на уступки и жертвы и считать, что мы сможем добиться того, чтобы СТАЛИН неизбежно равнял свою политику по политике Великобритании и Америки, ибо в конце войны он зависел бы от этих двух стран. Но очевидно, что мы не можем рисковать, рассчитывая на это, и благоразумие требует, чтобы мы в наших планах исходили [из] предпосылки, что если мы хотим сотрудничества с русскими после войны, то должны быть готовы сделать для них эту политику выгодной. Больше того, применение такого рода политики в будущем будет трудным и необоснованным процессом, и если мы хотим придерживаться ее, то должны уже сейчас проводить ее, не дожидаясь окончания войны.

4. Безусловно, на практике будет трудно согласовывать англо-русское сотрудничество с англо-американским: советская политика безнравственна; американская политика преувеличенно нравственна, по крайней мере там, где она не затрагивает американские интересы. В Америке до сих пор имеют широкое распространение недоверие и нелюбовь к России, усилившиеся после подписания последней пакта с Германией и нападения на Финляндию. Но, поскольку пози-

ция Америки под влиянием войны принимает все более реальное направление, это отношение может постепенно измениться, особенно потому, что русские могут оказать Америке ценную помощь в предупреждении возрождения японского милитаризма на Дальнем Востоке. Вопрос о балтийских государствах является первым примером столкновения принципов СССР и США: Советское правительство одобрило Атлантическую Хартию, но в то же время пытается обойти один из принципов Хартии, тогда как США, по крайней мере в данный момент, считает их священными. Если дело дойдет до прямого политического конфликта и нам нужно будет выбирать между США и СССР, то мы, несомненно, решим вопрос в пользу англо-американского сотрудничества, как более необходимого, более естественного, основанного на более широкой и давней базе, чем англо-русское сотрудничество.

5. С другой стороны, мы должны будем удерживаться от каких-либо действий, которые могут усилить существующее у Советского правительства подозрение в том, что мы намерены рассматривать заключение мира только как англо-американское дело, где русские интересы могут игнорироваться или не учитываться.

6. Практически это означает, что для того, чтобы успешно примирить наиболее уязвимые стороны американской и русской политики и координировать нашу политику с политикой той и другой стороны, нужно советоваться с американским правительством по всем пунктам наших переговоров с Советским правительством и добиться его одобрения или по крайней мере согласия на все англо-советские мероприятия. Там, где возможно, мы будем прибегать к обсуждению и решениям с участием всех трех сторон.

7. При рассмотрении пункта 2, а именно о наилучшем способе действий в связи с требованием СТАЛИНА признать за СССР границы 1941 года, возникают затруднения, вытекающие из наших собственных интересов:

а) На первый взгляд требование СТАЛИНА кажется умеренным, если мы подумаем о том, что он мог бы потребовать гораздо больше, как, например, контроль над Дарданеллами,

сферу влияния на Балканах, одностороннего навязывания Польше русско-польской границы, доступов к Персидскому заливу и к Атлантическому океану с предоставлением русским норвежской и финской территории. Конечно, нам могут возразить, что у нас нет оснований полагать, что предъявленное СТАЛИНЫМ требование является окончательным и что за ним не последуют в будущем другие требования. Но если даже это и так, то удовлетворение нами этого требования не означает, что мы не будем противиться дальнейшим требованиям, которые могут последовать. Поступая таким образом, мы только усилим наши позиции.

б) С чисто стратегической точки зрения как раз в наших интересах, чтобы Россия снова обосновалась в Прибалтике с тем, чтобы иметь возможность лучше оспаривать у Германии господство в Балтийском море, чем она могла это делать с 1918 года, когда для доступа к Балтийскому морю имелся только Кронштадт.

в) Конечно, нельзя делать СТАЛИНУ эту или другую уступку без того, чтобы не требовать соответствующей услуги за услугу.

Если бы мы этого не потребовали, то, по своей восточной манере мыслить, он истолковал бы это как проявление слабости. Кроме того, настаивая на этом, мы вводим правило, сводящееся к тому, что взаимные уступки друг другу являются необходимым условием во взаимоотношениях с нами, что затруднит Советскому правительству возможность производить на нас нажим с требованием дальнейших уступок, то есть толкнуть нас на «скользкий путь».

Список возможных контртребований, которые мы могли бы предъявить, я даю в приложении.

г) Нельзя отрицать того, что требование СТАЛИНА о прибалтийских государствах и в меньшей степени требования финской и бессарабской территорий едва ли находятся в соответствии с принципами, изложенными в Атлантической Хартии, в которой говорится о том, что союзные государства не стремятся к территориальному или иному расширению и к таким территориальным изменениям, которые могут идти

против свободно выраженной воли самого народа, что они хотят восстановления суверенных прав и самоуправления там, где они были отняты насильно. Удовлетворение требований СТАЛИНА также противоречит условию, изложенному в Хартии, что союзники будут уважать права всех народов самим выбирать желательную для них форму правления.

С другой стороны, СТАЛИН может возразить, что он: 1) требует возвращения только того, что уже являлось русской территорией до войны и что теперь оккупировано немцами; 2) что прибалтийские государства сами голосовали за присоединение к СССР в соответствии с принципами, изложенными в Атлантической Хартии, и 3) что финская и румынская территории были предоставлены СССР по договору, законно заключенным с Финляндией и Румынией.

д) Если мы соглашаемся с изложенной мной и первой части доклада необходимостью тесного сотрудничества с Советским Союзом после войны, то я считаю, что доводы в пользу удовлетворения требований СТАЛИНА убедительны, если бы не серьезное затруднение, создаваемое Атлантической Хартией, и боязнь в Америке всего того, что носит характер принесения в жертву свободы независимых наций. Мы должны также учесть, что американское правительство, вероятно, будет весьма недоволено нашими уступками советскому правительству в том, что оно считает основными принципиальными вопросами.

8. Совершенно нелегко решить, каково было истинное намерение СТАЛИНА, когда он настаивал именно на этом требовании при подобных обстоятельствах. Наше согласие или наш отказ так или иначе не могут отразиться на русских послевоенных границах: ни мы, ни Америка не сможем заставить СССР уйти с занятой им в конце войны территории. Однако возможно, что требование СТАЛИН [А] имеет цель испытать, насколько правительство его величества готово сделать безоговорочные уступки для обеспечения послевоенного сотрудничества с Советским Союзом, иными словами — посмотреть, какое значение мы придаем этому сотрудничеству и насколько для достижения его мы готовы пожертвовать

своими принципами. Если цель СТАЛИНА в самом деле такова, то надо полагать, что он не согласится на меньшее или на замену этого требования другим.

Сэр КРИППС, с которым я советовался после его возвращения из России, придерживается того мнения, что вопрос идет о том — все или ничего, и наш отказ удовлетворить СТАЛИНА будет означать конец всяких перспектив плодотворного сотрудничества с Советским правительством в наших обоюдных интересах. Советская политика повернет на путь преследования собственных, эгоистических интересов, что может иметь неизмеримые последствия для послевоенного периода. Однако я обещал СТАЛИНУ, что поставлю этот вопрос на обсуждение перед правительством его величества и правительствами доминионов. И я думаю, что нам не надо больше откладывать обсуждение этого вопроса с президентом РУЗВЕЛЬТОМ.

9. Если даже мы и не рассчитываем на то, что СТАЛИН согласится на какое-либо урезывание его требований, я все же предложил бы передать на рассмотрение РУЗВЕЛЬТА весь вопрос целиком, так, как он нам представляется.

Одна сторона этого вопроса совершенно непосредственно относится к ближайшим перспективам войны для США: наш ответ на требование СТАЛИНА может при известных обстоятельствах повлиять на решение русских объявить войну Японии или воздержаться от этого. Если, как мы предполагаем, президент будет возражать против нашего полного удовлетворения русских требований, я предложил бы президенту рассмотреть вопрос о том, можем ли мы при особых обстоятельствах предложить СТАЛИНУ взамен тот или иной проект, который должен был бы удовлетворить его, если предъявленные им требования действительно выдвинуты в интересах безопасности, а не для того, чтобы посмотреть, насколько он может заставить нас пожертвовать нашими принципами и подвергнуть опасности наши отношения с США. Нужно, чтобы президент не только согласился на это, но и принял участие в таких предложениях, потому что СТАЛИН, возможно,

скорее примет со стороны Англии и США то, что он отказался бы принять только от одной Англии.

10. Любое предложение, которое мы сделаем, должно базироваться на требовании русской «безопасности», к которой Советский Союз стремится с 1917 года (то есть создания такого стратегического положения, которое помогло бы Советскому правительству довести до конца социальное и экономическое устройство внутри России, не боясь иностранной интервенции и войны), исходя из чего мы могли бы предложить СТАЛИНУ по крайней мере две альтернативы:

а) Русские базы в прибалтийских государствах. Мы могли бы заявить СТАЛИНУ, что в то время как мы не видим сейчас оснований для восстановления границ 1941 года, Великобритания могла бы дать гарантии уже сейчас, что, исходя из интересов советской безопасности, в нужный момент мы поддержим требования Советского правительства о создании советских баз на территориях, смежных с Россией, особенно на Балтике и в Черном море, т. е. там, откуда можно угрожать безопасности Советского Союза. Принятие Советским правительством такой гарантии не мешает ему выставить на мирной конференции требование о поглощении прибалтийских государств, Бессарабии и части Финляндии, а правительство его величества тем временем получит возможность воздержаться от предварительного принятия или удовлетворения подобного требования, если таковое будет предъявлено на мирной конференции.

Создание баз одной страной на территории другой применялось также США, и надо полагать, что Америка встретит это предложение благоприятно. Весьма вероятно, что мы сами также прибегнем к этому методу после войны, а кроме того Советское правительство первое осуществило такого рода идею в отношении прибалтийских государств в 1939 году.

б) Установление Советским правительством контроля над внешней политикой и обороной в прибалтийских государствах.

Я обязан британскому послу в Вашингтоне формулой, согласно которой, оставляя как бы нетронутой внутреннюю ав-

тономию прибалтийских государств, Советскому правительству фактически передается весь контроль над этими странами, необходимый русским с точки зрения их безопасности. Эта формула заключается в следующем:

«Мы желаем и намерены работать вместе с Вами после и считаем, что тесное сотрудничество существенно для обеих сторон и для поддержания мира в Европе. Мы понимаем важность, которую Вы придаете границам июня 1941 года, исходя из соображений Вашей собственной безопасности. Мы не возражаем против границы, которую Вы установили с Финляндией, потому что финны позволили ГИТЛЕРУ использовать себя, как орудие в его руках, и мы, конечно, не защищаем Румынию. Однако в твердом решении вопроса о прибалтийских государствах мы исходим из принципов Атлантической Хартии, к которой Вы, господин СТАЛИН, присоединились, и из того, что это может означать для нашего положения.

Для того чтобы сочетать Ваше требование безопасности и наши общие обязательства по Атлантической Хартии, мы окажем Вам поддержку при заключении мира, если Вы потребуете, чтобы внешняя политика и вопросы обороны в прибалтийских государствах были переданы Советскому Союзу, который для этой цели получит возможность установления на их территории необходимого руководства и контроля».

По этой формуле можно будет примирить желания Советского правительства с нашими обязательствами по Атлантической Хартии и с болезненным восприятием этой проблемы Америкой.

11. Мы не должны забывать вопроса о Литве. Польское правительство высказало желание, чтобы мы не вступали ни в какие переговоры относительно будущей передачи Литвы Советскому правительству, не посоветовавшись с ним, и надо полагать, что в его намерения входит создание польско-литовского союза после войны. Этот план, конечно, совер-

шенно противоположен советскому плану аннексирования Литвы и даже противоречит предложению о контроле Советами внешней политики и обороны прибалтийских государств.

С другой стороны, юридически это можно увязать с компромиссным решением, по которому Советское правительство будет иметь только базы в этих государствах. Если СТАЛИН будет настаивать, что он, несомненно, намеревается настаивать на принятии линии КЕРЗОНА как новой польско-русской границы, то Польша не будет иметь с Литвой общей пограничной линии, если только она не присоединит к себе Восточной Пруссии (на что, как СТАЛИН сказал, он готов согласиться). Поэтому с географической точки зрения польские намерения в отношении Литвы могут стать практической политикой, только в том случае если она получит от Советского Союза границы с Россией — значительно восточнее линии КЕРЗОНА или же разрешение аннексировать Восточную Пруссию.

12. В заключение я просил бы уполномочить лорда ГАЛИФАКСА объяснить обстановку правительству США и, если возможно, лично президенту РУЗВЕЛЬТУ и выяснить у него, не согласится ли он ввиду чрезвычайных обстоятельств на наше удовлетворение требований СТАЛИНА в том виде, как они есть, или же, в случае отрицательного ответа, поддержать нас при выдвижении нами того или другого контрпредложения, упомянутых в моем докладе. Это нужно сделать как можно скорее, поскольку СТАЛИНУ было обещано, что решение английского правительства и правительств-доминионов последует через 3—4 недели после моего возвращения в Англию.

Министерство иностранных дел, 26 января

Приложение. Требования, которые мы могли бы предъявить Советскому Союзу в связи с предполагаемым соглашением.

1. Исходя из основ безопасности, мы должны обеспечить признание Советским правительством за Великобританией

права на создание баз на европейском континенте, основываясь на том, что сказал мне СТАЛИН 16 декабря, а именно:

«Я думаю, что если в ближайшем будущем Франция не будет восстановлена как великая держава, то в ваших интересах иметь на французском побережье военные и морские базы, как, например, в Булони и Дюнкерке. Бельгия и Голландия должны находиться в открытом военном союзе с Великобританией, с правом последней иметь в этих странах военные и морские базы, а также при наличии необходимости держать там свои войска.

Я считаю это весьма важным как для Великобритании, так и в целях гарантии независимости Бельгии и Голландии. Советский Союз будет готов поддержать Вас в этих планах, которые он считает важными с точки зрения Великобритании».

2. Мы должны потребовать от Советского Союза присоединения к параграфу 5 британского проекта соглашения от 16 декабря 1941 года, а именно:

«Что касается решения вопросов о территориях, при заключении мира, то оба правительства положат в основу своей политики принципы, изложенные в объединенной декларации президента США и премьер-министра Англии о том, что они „не стремятся к территориальному или другому расширению“, и заявление СТАЛИНА в его речи от 5 ноября 1941 года о том, что СССР не вмешивается во внутренние дела других народов».

3. Мы должны также просить Советское правительство формально одобрить принципы федерации в отношении слабых стран Европы, особенно балканских, а также в отношении Польши и Чехословакии.

4. Просить Советское правительство сотрудничать с американским и английским правительствами и другими странами Европы в подготовке переустройства Европы на основе

статьи 4 проекта соглашения, предложенного его СТАЛИНУ министром иностранных дел, которая гласит:

«Обе договаривающиеся стороны приступают к совместной работе по переустройству Европы после войны с полным соблюдением интересов каждой стороны и в соответствии с принципами не расширять свою территорию и не вмешиваться во внутренние дела других народов.

В задачу этого переустройства входит:

а) Сохранение и усиление экономической и политической независимости европейских стран, равно как объединенных и федеративных государств

б) Переустройство промышленной и экономической жизни тех стран, территория которых была захвачена немцами или их союзниками».

**Начальник Разведывательного управления
НКВД СОЮЗА ССР**

(ФТИН)

Разведсводка I Управления НКВД СССР**СОВ. СЕКРЕТНО****РАЗВЕДСВОДКА
на 15-е марта 1942 года****АНГЛИЯ**

II. АНГЛО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

1. Английская политика по отношению к СССР (послевоенные планы)

а) ИДЕН в своем секретном меморандуме для членов правительства от 28-го января излагает свою точку зрения на англо-советские отношения в связи с послевоенными планами Англии, точнее, этот меморандум отражает взгляды ИДЕНА по вопросу о том, какой должна быть английская политика в отношении СССР в интересах английского империализма.

Основные выводы, к которым приходит ИДЕН, состоят в том, что а) Англии выгодно и поэтому необходимо обеспечить послевоенное сотрудничество с СССР (поскольку Франция не будет в течение долгого времени существовать как великая держава, а также для того, чтобы не допустить советско-германского сближения и препятствовать возрождению Германии) и что б) в целях обеспечения послевоенного сотрудничества необходимо наладить это сотрудничество уже сейчас, так как позднее это, возможно, окажется слишком поздно. ИДЕН высказывает предположение, что если СССР победит в войне в основном собственными силами, то престиж Советского Союза возрастет настолько, что может облегчить установление коммунистического строя в ряде европейских стран и избавить СССР от необходимости обращаться за помощью, необходимой для восстановления своего народного хозяйства к Англии и США. Таким образом Советский Союз не захочет приспособливаться к английской политике.

Между строк меморандума ИДЕНА можно прочесть признание того, что Англия не заинтересована в особенно больших военных успехах Советского Союза, а главное, в успехах в течение коротких промежутков времени, так как по предположению ИДЕНА, если Советский Союз будет истощен войной, то он будет, безусловно, нуждаться в англо-американской помощи и зависеть от нее. Все же, в связи с тем, что еще далеко нет уверенности в этой последней [желательной перспективе для Англии], ИДЕН считает разумным не рисковать,

а идти на сотрудничество с Советским Союзом сейчас, хотя это и потребовало бы известных уступок. Само выражение «сотрудничество с СССР» в понимании ИДЕНА означает скорее обеспечение английского влияния на СССР. Для того чтобы достигнуть поставленной цели (обеспечить «сотрудничество» с Советским Союзом «в английском понимании этого слова»).

ИДЕН намечает тактическую линию англичан по отношению к СССР в обсуждении вопросов послевоенного устройства Европы. Основной вопрос, который он при этом ставит на рассмотрение, это как должны англичане ответить на выставленное Советским Союзом требование — признания за СССР границ 1941 года. Для обеспечения «сотрудничества» ИДЕН считает необходимым ответить на этот вопрос в положительном для СССР смысле, однако сопровождает это такими оговорками, которые сводят по существу на нет первоначальный принципиально положительный ответ.

Согласие с данным требованием Советского Союза ИДЕН считает тактически правильным, так как это даст возможность англичанам противиться другим возможным советским требованиям, а также считает это выгодным и со стратегической точки зрения, так как выход Советского Союза в Балтийское море из Прибалтики должен ослабить Германию. Однако дальнейшие рассуждения по этому вопросу показывают, что англичане все же настроены против того, чтобы в состав СССР входили Прибалтийские государства, якобы главным образом потому, что против этого будут возражать США, и ИДЕН выдвигает компромиссное предложение: согласиться с созданием советских военно-морских баз в Балтийском море и советским контролем над внешней политикой и учреждениями Прибалтийских стран, которые формально будут автономными, оставив за СССР право выдвинуть на мирной конференции требование о включении их в состав Союза. Даже такое «компромиссное» согласие с этими советскими территориальными требованиями ИДЕН считает необходимым сопровождать контртребованиями к СССР, в частности выдвигает в качестве примерных требований — признать за Великобританией право на создание

военно-морских баз на европейском континенте; одобрить принцип федерации в отношении Балканских стран, а также Польши и Чехословакии и т. д.

Меморандум ИДЕНА наглядно демонстрирует заинтересованность Англии в том, чтобы СССР вышел из войны по возможности более слабым, а также стремление Англии своей политикой сегодняшнего дня (пользуясь тем, что военная помощь союзников нужна сейчас Советскому Союзу) максимально ослабить позиции СССР в послевоенной Европе.

б) В ряде телеграмм в течение февраля м-ца английский поверенный в делах в СССР БАГГАЛЕЙ излагает свои соображения по вопросу о советских послевоенных территориальных требованиях. Его точка зрения еще больше откровенно антисоветская, чем позиция ИДЕНА, БАГГАЛЕЙ открыто рекомендует не идти навстречу советским территориальным требованиям, так как, по его мнению, Советский Союз все равно вынужден будет пойти навстречу англичанам, пока мы им полезны. В другой телеграмме БАГГАЛЕЙ высказывает недовольство тем, что британской военной миссии, главным образом персоналу военно-воздушных сил, находящемуся в СССР, не созданы условия для сотрудничества («сотрудничество» на языке БАГГАЛЕЯ следует понимать как благоприятные условия для ведения широкой разведывательной и другой антисоветской работы на территории СССР). Реагировать на эти обстоятельства он рекомендует путем применения санкций, а именно — на все советские требования в Лондоне по поводу нового вооружения, изменений в чертежах и т. д. отвечать, что эти требования не будут обсуждаться, пока не будет получен доклад о целесообразности этих требований от эксперта военной миссии из СССР, а последний не будет представлять такого рода доклада, пока не получит возможность на месте ознакомиться, насколько данный вид оружия необходим и как используется.

2. Антисоветская деятельность

а) «Мирные» планы немцев и прогермански настроенных элементов

Судя по агентурным данным (со слов КЕМББЕЛА Стюарта, одного из редакторов «Таймс», возглавлявшего в первые месяцы войны английскую секретную пропаганду в странах противников), в процессе смены кабинета немцы сделали правому крылу консерваторов предложение возобновить начатые ГЕССОМ мирные переговоры, в том случае, если будет сформирован «приемлемый» кабинет, и обещали, что Англия получит таким путем более благоприятные мирные условия, чем предполагает. Главной фигурой, участвовавшей в этом деле со стороны консерваторов, был бывший военный министр капитан МОРГЕССОН. Утверждают, что до начала английского наступления в Ливии МОРГЕССОН послал в Лиссабон на самолете некоего ЗАМБРА для обсуждения с немцами возможного перемирия в Ливии. Предполагалось прекратить активные операции как в Ливии, так и на западном фронте и начать с Германией мирные переговоры.

Известно также, что в Лондон приезжал шведский промышленник ВАЛЛЕНБЕРГ, который посетил МИД и просил встретиться с ДАЛЬТОНОМ. Этот промышленник якобы открыто заявлял, что он является представителем группы германских генералов, которые ищут возможного обмена мнениями между британскими официальными кругами и германским генералитетом.

В начале марта английская контрразведка выяснила, что испанский посол в Англии 28-го февраля получил секретную телеграмму СУНЬЕРА с поручением выяснить, как в Англии будут реагировать на возможные мирные предложения со стороны немцев. Испанскому послу также рекомендовалось поддерживать контакт с турецким послом в Англии, передавая последнему информацию, поскольку он передает, якобы, эту информацию немцам через Анкару.

Разведсводка I Управления НКВД СССР

СОВ. СЕКРЕТНО

РАЗВЕДСВОДКА
от I-го апреля 1942 года

АНГЛИЯ

III. АНГЛИЯ И ГЕРМАНИЯ

1. Признаки подготовки немцами сговора с англичанами

Получен целый ряд данных, свидетельствующих о том, что немцы зондируют возможность переговоров с англичанами о мире.

В сводке английской политической разведки за последнюю неделю февраля указывается, что в середине февраля от французского посла в Берне были получены сведения о том, что в течение февраля месяца дипломатические круги стран Оси в Берне начали усиленную деятельность, связанную с планами компромиссного мира. Фашистские дипломаты при этом подчеркивают, что если Советский Союз не будет побежден к лету 1942 года, то большевизм распространится по всему европейскому континенту. Германия оказывает сильное давление в этом направлении на Швейцарию и Францию, а также на все нейтральные страны через их миссии в Швейцарии. Немцы заявляют, что правительство Виши согласилось выступить в роли посредника в Вашингтоне, а также Швейцария намерена обсудить с Португалией план мирной кампании.

По агентурным данным, относящимся к концу марта, в Англию намечается приезд швейцарской торговой делегации, возглавляемой неким СУЛЬЦЕР [ОМ]. У английской контрразведки якобы имеются непроверенные сведения, что СУЛЬЦЕР собирается позондировать обстановку в смысле возможности англо-германских мирных переговоров. Фирма СУЛЬЦЕР имеет филиал в Вильгельмсгафене и имеет большие связи в Германии. Ходят слухи, что СУЛЬЦЕР принимал участие еще в мирных переговорах 1917—1918 годов, в частности ездил в США, где беседовал с ВИЛСОНОМ. СУЛЬЦЕР собирается встретиться в Англии с министром экономической войны графом ВОЛЬМЕР [ОМ] (владелец крупных цементных заводов, близок к ЧЕРЧИЛЛЮ). По непроверенным данным, якобы исходящим от сотрудника «Таймс» МАКДОНАЛЬДА, немецкое мирное предложение будет вручено

БИВЕРБРУКУ. Якобы утверждают, что БИВЕРБРУК до момента вступления США в войну поддерживал регулярную связь с немцами через Нью-Йорк с помощью шведа ВАЛЛЕНБЕРГА, а также упоминалось о благоприятном отношении ГЕРИНГА к заключению сепаратного мира.

Наиболее определенная и явная попытка зондирования возможности заключения мира с Англией была проведена немцами в Турции через посредство генерального секретаря турецкого МИД'а (документальные данные, полученные по этому поводу, перекрываются агентурными материалами).

В телеграмме английского посла из Анкары от 5-го марта посол сообщает в МИД о беседе с генеральным секретарем турецкого МИД'а НУМАНОМ, в которой последний спросил посла, что тот думает о заключении мира, набросав при этом широкий план действий, направленных к заключению мира, и утверждая, что лучше рискнуть и пойти на соглашение с Германией, чем подвергать весь мир опасности разрушения. В этой же беседе НУМАН положительно отозвался о ПАПЕНЕ, назвав его единственным разумным немцем. Судя по агентурным данным, ПАПЕН предложил НУМАНУ выступить в роли посредника для примирения Англии и Германии, на что НУМАН якобы ответил в положительном смысле, что он «готов служить делу мира».

2. Англичане о германских военных планах

Из ряда английских источников получены сведения о том, что немцы собираются нанести главный удар в южном направлении и рассчитывают на одновременное выступление Японии против СССР.

По мнению личного помощника ЧЕРЧИЛЛЯ МОРТОНА, действия ГИТЛЕРА диктуются острой необходимостью захватить источники снабжения нефтью, так как Германия имеет запасов нефти для войны лишь на 4 месяца и таким образом, если Германия начнет наступление в мае, то она либо должна будет достигнуть иранской или кавказской нефти в сентябре, либо проиграть войну. Германская стратегия рассчитывает на соединение с японскими военными силами на Ближнем

Востоке. Предполагается, что правительство Виши отдаст немцам Мадагаскар; генерал РОММЕЛЬ возобновит попытку нападения на Суэцкий канал и немцы будут наступать на Кавказ через Турцию или в обход через Сипер и Сирию одновременно с началом весеннего наступления на центральном фронте. МОРТОН считает вполне возможным одновременное нападение Японии на СССР в Сибири.

Получены также данные о том, что Германия усиливает давление на Японию и требует от нее: 1) выступить против СССР с целью захвата советского Дальнего Востока и в частности с тем, чтобы сократить силы, которые Красная Армия способна противопоставить германскому весеннему наступлению; 2) усилить действия в Индийском океане, чтобы отрезать союзников от Ближнего Востока, Ирака и Индии и 3) усилить действия в Северном Китае с тем, чтобы продвинуться по советской территории в район Внешней Монголии.

Наряду с нажимом на Японию, по данным, полученным из голландских, югославских источников, Германия обеспокоена успехами японцев, в частности тем, что Япония сорвала план присвоения немцами Голландской Индии. Утверждают, что фон-ПАПЕН заявил, что японцы ведут войну не только против Англии и России, но и против Европы.

По информации английских послов из Швейцарии и Швеции, немцы сконцентрировали большие силы на острове Зееланд¹ и значительное количество судов в Тронхейме, так как намерены захватить Исландию и перерезать коммуникационные линии, связывающие союзников с СССР.

Английская оценка немецких военных планов подтверждается также материалами, полученными из американских источников. Так, например, представитель американского военного командования в Лондоне адмирал ГЕРМЛИ заявил в одной из частных конфиденциальных бесед, что по его мнению в настоящее время германо-японская стратегия сводится к плану, направленному на захват европейской и азиатской нефти. В соответствии с этим ГЕРМЛИ предполагает, что

¹ Правильно — Зееланд.

немцы поведут наступление на Кавказ через Турцию в направлении к Сирии и Батуми. Одновременно японцы будут наступать в Индийском океане, оккупируют Цейлон и нападут на Индию с суши, а затем продвинутся к Персидскому заливу. Такое направление германо-японского наступления продиктовано стремлением овладеть богатыми нефтяными резервами и отрезать союзников от их баз снабжения. По мнению ГЕРМЛИ, единственно правильная контрстратегия — это быстрая помощь СССР, что позволит Советскому Союзу осуществить наступление на Германию с Севера и отвлечет немецкие войска с юга. ГЕРМЛИ считает необходимым также реорганизовать систему конвоирования судов в Атлантике за счет увеличения скорости следования караванов и применения новых способов защиты судов.

4. Англо-турецкие отношения

Судя по английской информации, поступающей из Турции, турки крайне обеспокоены военными неудачами союзников на Тихом океане и напуганы ожидающимся немецким весенним наступлением. В Турции предполагают, что немцы будут наступать на Кавказ и Суэц через Турцию, в связи с этим отмечают пораженческие настроения и усиление прогерманской пропаганды. Английский посол, например, отмечает, что генеральный секретарь турецкого МИД'а заявил, что «Турция будет защищаться, хотя и знает, что будет быстро разгромлена». Посол также отмечает, что в стране «снова получают распространение взгляды относительно непобедимости стран Оси». Эти настроения в частности являются благоприятной базой для привлечения турок к немецким попыткам «мирного сговора с англичанами».

**Начальник I Отделения 3 Отдела I Упр.
НКВД СССР
лейтенант Госбезопасности**

(МОДРЖИНСКАЯ)

„ “ апреля 1942 г.

Донесение источника Медхена

3/VIII.42 г. Перевод с английского

ДОНЕСЕНИЕ ИСТ. «МЕДХЕН»
от 2/I.42 г.

Ниже — довольно полный отчет РИДСДЕЙЛСА¹ об его разговорах с ИДЕНОМ после возвращения последнего. Каких либо особо выдающихся фактов в этом отношении не имеется, но, вероятно, тут могут быть ценными даже впечатления. 30-го декабря РИДСДЕЙЛ говорил (это подтверждают из различных других источников, напр. — ХЕТТОН, СМОЛЛЕТТ и др.):

«Я виделся с ИДЕНОМ вчера и сегодня, после его беседы с дипломатическими корреспондентами, и спросил его, доволен ли он своей поездкой и была ли она полезной». ИДЕН ответил: «Я определенно доволен. Мы со СТАЛИНЫМ беседовали чрезвычайно откровенно...» — видите ли, ИДЕН нарисовал СТАЛИНУ полную картину нашей военной мощи, наших потерь судов ремонта, строительства и т. д. — т. е. в точности все наше положение. На ИДЕНА произвели впечатление следующие слова СТАЛИНА: «Видите ли, мы не доверяли друг другу, но теперь мы несколько продвинулись вперед по пути взаимного доверия». — ИДЕНУ это понравилось, и он говорит, что атмосфера вообще была совершенно другая, чем в 1935 г.: весьма дружественная. В частности ИДЕН поражен переменой в МАЙ-

¹ Очевидно, Ридсдэйла — см. предыдущий документ.

СКОМ, его доверием, видимо, внушенным ему СТАЛИНЫМ: МАЙСКИЙ очень хорошо переводил заявления СТАЛИНА, дополняя их, и вообще разговаривал с ним, как с другом («а не как с диктатором», — говорит РИДСДЕЙЛС). По мнению ИДЕНА, все это будет иметь совершенно другие последствия в будущем. На ИДЕНА произвела большое впечатление личность СТАЛИНА, которого он описывает, как человека невысокого роста, спокойного и страшно много работающего, который в точности знает, чего он хочет, и крепко верит в себя самого, в свою страну и в своих сотрудников. Он показал величайшее чувство юмора, бросив меткое замечание, после того как пришлось помогать ВОРОШИЛОВУ встать из-за стола после обеда: «Скажите мне, г-н ИДЕН, а ваши генералы много пьют?» ИДЕН, смущенно: «Нет!» — СТАЛИН: «А наши пьют много, и я нахожу, что чем лучше генералы, тем они больше пьют. Так вы говорите, что ваши генералы пьют мало?» — У ИДЕНА создалось впечатление, что СТАЛИН — патриот, занятый великим социальным экспериментом, мало интересующийся мировой революцией. Война задержала продвижение эксперимента вперед, но ИДЕН добавил: «Конечно, после войны СТАЛИН и его народ будут стремиться только к безопасности от внешнего вмешательства, а посему я передам Кабинету, что без всякой опасности можно будет заключить долгосрочное соглашение. Тогда не будет ни советской политики экспансии, ни советского „жизненного пространства“ („Лобенсраум“), а если их дипломатия будет действовать успешно и они добьются безопасности, за границей больше не будет коммунистических пятых колонн». — Для иллюстрации этого, ИДЕН процитировал слова СТАЛИНА: «Если я подпишу договор, то я лично буду настаивать на включении одной статьи: о взаимном невмешательстве во внутренние дела, потому что я знаю, что вы боитесь этого с моей стороны и хотите этого не больше, чем мы хотим вмешательства с вашей стороны». — ИДЕН с этим согласился.

СТАЛИН был с ИДЕНОМ весьма откровенен и нарисовал ему полную картину советской позиции на Дальнем Востоке. На базе этого Форейн Оффис вновь приобрело уверенность

в том, что нам не следует просить СССР объявить войну на Дальнем Востоке, таким образом отвлекая его внимание от основного врага. Мы попросим Соед. Штаты Америки не настаивать на том, чтобы СССР выступил в войне на Дальнем Востоке (такова позиция Форейн Оффис).

«Это подтверждают и другие в Форейн Оффис, добавляя, что лично ИДЕН даже еще до своей поездки не хотел настаивать в отношении Японии, а по своем возвращении из нее он подчеркнул это Соед. Штатам Америки».

«ИДЕНУ хотелось, по возможности, напомнить о пакте, но СТАЛИН не подписал бы никакого документа, в котором не признавались бы включение прибалтийских государств, граница 1940 года с Финляндией и если не Буковина, то Бессарабия. ИДЕН не мог бы сделать этого в связи с Атлантической Хартией и со своим письмом из Кабинета. Однако СТАЛИН отнесся к этому не слишком серьезно, и действительно, это не слишком серьезный вопрос. Да мы и не захотим в будущем ссориться с русскими в отношении границ, необходимых им для их безопасности. (По мнению Р. — нет необходимости в этом пункте цитировать ИДЕНА.) Вашингтонские переговоры не явились помехой для переговоров ИДЕНА».

ИДЕН заинтересовался вопросом СТАЛИНА относительно будущего Франции. После некоторого колебания ИДЕН сказал СТАЛИНУ, что он лично убежден в том, что Франция едва ли будет державой крупнее Испании. ИДЕН связал это со своей собственной уверенностью (? в противовес УИНСТОНУ) в том, что США не будут после войны слишком заинтересованы в Европе и что Европа имела значение только для двух великих европейских держав, которые, должно быть, и останутся, — для СССР и Великобритании.

УОРНЕР — из Северного Отдела Фор. Оффис — заявляет, что причина, почему ИДЕН не мог согласиться с советским тезисом о Прибалтийских государствах, Бессарабии и т. д., заключается в том, что со [стороны] США имеется соглашение, чтобы до заключения мира не устанавливать и не признавать никаких послевоенных границ. Одной из причин служит воспоминание государственного департамента о том, как

в последний раз ВИЛЬСОНУ помешали советские договоры. УОРНЕР говорит, что это соглашение с США общее и не имеет особого [...] значения в отношении вопроса об СССР.

КУК заявляет, что ВИНСЕНТ согласен с британским мнением в отношении Дальнего Востока (не оказывать давления на СССР).

ВИЛЬСОН (помощник КРИППСА), вернувшийся из СССР, заявляет, что разделяет мнение ИДЕНА о том, что СССР преследует [...], а не революционные цели. УОРНЕР не согласен с этим. По этому вопросу здесь, конечно, все время имеется такое раздвоенное мнение. Вы верите одному из них или другому; — связи между ними не замечают и не рассматривают этот вопрос диалектически.

4/VIII-42 г.

О преследованиях евреев в Латвии*

Перевод с немецкого

О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ЕВРЕЕВ В ЛАТВИИ
ВО ВРЕМЯ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ

(Доклад, написанный рижской еврейкой,
бежавшей из Латвии в Швецию осенью 1944 года)

* Документ публикуется в сокращенном варианте.

Первое крупное выступление против евреев

3-е июля 1941 года. Члены команды АРАЙСА получили приказ арестовать всех трудоспособных евреев (только мужчин).

Моя сестра и я провели ночь на 3 июля в квартире нашей соседки, мадам Леа ИОФФЕ. В 2 часа ночи мы услышали стук в дверь квартиры. Как только мадам И [О]ФФЕ открыла дверь, вошли двое 18—20-летних латышей с красно-бело-красной повязкой на рукаве и спросили ее, нет ли в квартире евреев, обязанных идти на работу. Г-н ИОФФЕ был единственный. Они стащили его с постели, приказали ему одеться и пойти с ними. Его жена должна была в это время приготовить для него теплое белье и одежду «на неопределенное время». Из соседней комнаты я слышала, как оба латыша оценивали имущественное положение семьи ИОФФЕ. Когда мадам ИОФФЕ спросила, может ли она пойти вместе с ними, ей ответили: «Пока нет, но ваше время скоро придет». Г-на ИОФФЕ увели, а его жена упала в обморок в детской комнате, так как не знала, что случится с ее мужем.

Я слышала, как охранники стучались в другие двери еврейских квартир. Наша служанка открыла дверь нашей квартиры. На вопрос, не еврейская ли это квартира, она ответила мужественно: «Почему вы так думаете, здесь живу я!» Латыши извинились и сказали, что они не хотели причинить зла никому из своих соотечественников, что они имели только намерение «помучить евреев». Мой отец, который был в квартире, остался тогда нетронутым.

Арестованных евреев нашего дома под охраной собрали во дворе. Наша служанка последовала за ними, когда их повели. Арестованных евреев привели в третий полицейский участок, откуда затем они вместе со всеми арестованными в эту ночь были переведены в центральную тюрьму. 6000 евреев было арестовано при этой первой операции.

Речь шла в большинстве случаев о евреях в возрасте от 16 до 40 лет, в том числе были и более пожилые люди и даже старики. Арестованных загнали в камеру центральной тюрьмы, где они не могли ни лежать, ни сидеть.

Родственники несчастных проводили дни на Матейштрассе, по дороге в тюрьму, в надежде узнать что-нибудь о своих родных. Жены, которые спрашивали о своих мужьях, в боль-

шинстве случаев арестовывались, заключались в подследственную [...] тюрьму и некоторые расстреливались.

Было невозможно узнать, что случилось с этими 6000 евреев. Родственники были оставлены в неизвестности. Немцы распространили слух, что арестованные посланы в деревню на работу, что часть из них будет выполнять дорожные работы недалеко от Тукума и т. д.

Латышки приходили в квартиры пострадавших и предлагали свои услуги завязать связь с арестованными, передать продукты питания, одежду, белье и особенно деньги. Однако дело в том (как это выяснилось позже), что это было чистое вымогательство, так как эти женщины никогда не могли бы передать никакой записки. Несмотря на это, им удавалось в большинстве случаев вымогать ценные вещи.

10-го июля м-м ИОФФЕ получила через тюремного надзирателя, которому она дала взятку, открытку от своего мужа, в которой он прощался с ней и с детьми. Вероятно, он слышал, что он будет расстрелян. В некоторых случаях родные через посредство взяток получали обратно одежду и фотографии арестованных, как последний признак их жизни.

В конце июля узнали, что все арестованные в ночь на 3-е июля, за немногим исключением, были убиты.

Из всех арестованных, в числе которых, кроме друзей моей семьи, находились также мой дядя и кузен, я знаю только двоих — д-ра медицины БЕРНИКЕР [А] и его сына, которым удалось спастись. От обоих ничего нельзя было узнать про обращение в тюрьме. Они поклялись своей жизнью в том, что ничего не будут говорить. Тюремные надзиратели рассказывали потом своим друзьям, что евреев во время ареста подвергали различным пыткам. Евреям связывали руки под коленями и затем их сажали в холодную воду, которая доставала им до подбородка. Их снова и снова мучили до тех пор, пока они не теряли сознания.

Подтверждение этих фактов я получила от двух хороших знакомых (арийцев), которые в период преследований евреев были в заключении в центральной тюрьме — по другим

причинам, — позже были освобождены и подтвердили мне вышеупомянутые слухи.

Мне известны случаи, когда пожилые еврейские женщины, которые шли покупать продукты, были арестованы латвийской полицией и заключены в подследственную тюрьму (м-м ШНЕЕВЕЙС, жена проф. МИНЦА). Об обращении в этой тюрьме мне ничего не известно, так как еще никому не удавалось бежать из нее.

Почти каждая еврейская семья уже в первые дни оккупации оплакивала жертву.

Сожжение синагог

Через несколько дней после вступления немецких войск в Ригу несколько сотен еврейских женщин и мужчин были приведены в один домик, который стоял на старом еврейском кладбище в Вилану Йело («Московское предместье»). Домик был подожжен латышами, и запертые там женщины и мужчины были сожжены.

Проживавшие по соседству русские были свидетелями этих зверств, и позже они сообщали об этом. Мне удалось перепроверить эти сообщения, так как многие люди слышали крики несчастных, призывавших на помощь.

То же самое случилось и на новом еврейском кладбище, на котором были сожжены вместе с домами прислужник синагоги со своей семьей и другие еврейские семьи, которые жили в кладбищенских постройках.

В большой синагоге на ул. Гоголя был сожжен вместе со многими другими евреями главный раввин ЗАК.

В синагоге на Зауленштрассе был сожжен также вместе со многими несчастными зять главного раввина ЗАКА — раввин КИЛОВ.

Как-то ночью латышские охранники ворвались в квартиру моего знакомого на Зауленштрассе и хотели его забрать с собой, чтобы, как они издевательски ему заявили, сжечь его вместе с другими евреями в синагоге на Зауленштрассе. Но

когда они заметили на его ночном столике его фотографию в форме латвийского солдата, то сохранили ему жизнь.

В доме, где я в то время проживала, Стабу иела, 6, в квартире на нижнем этаже была небольшая еврейская молельня. Однажды вечером сюда пришли латыши (охранники) и хотели ее сжечь. Все же нам удалось уговорить латышей, дав им взятку, пощадить синагогу и вместе с ней дом.

Разбои и грабежи

В первые 3—4 недели немцы разрешили латышам действовать против евреев по собственному усмотрению.

Ночью молодые латыши с красно-бело-красной повязкой на рукавах врывались в еврейские квартиры, бесчинствовали и грабили.

Два латышских полицейских со своими женами днем пришли на квартиру моей подруги Марии Х. Полицейские взяли с собой белье, одежду и предметы домашнего обихода и утащили даже кровати.

Латвийский офицер, капитан ДЕЙЧ (Deutsch) зашел в квартиру одного моего знакомого и приказал перенести в свою квартиру всю мебель этого г-на. Описанные примеры ни в коем случае не являются единичными. Почти каждая еврейская квартира была разграблена.

Евреи не имели права заявлять никакого протеста, так как латыши устраивали свои погромы под покровительством немцев.

Латыши, которые были недовольны своими квартирами, с особого разрешения полиции могли конфисковать по своему усмотрению еврейские квартиры, заставляя евреев в течение нескольких часов освободить квартиры. Латыши имели право оставить за собой предметы домашнего обихода, мебель, ковры и т. д., т. е. все имущество еврейских квартир.

Чиновник латвийской полиции безопасности Константин КАРКЛИН (Kahrklin) занял квартиру одного еврея вместе с обстановкой на Авоту иела; чиновник латвийской полиции безо-

пасности Теодор БЕККЕР (Becker) занял квартиру на Кирхенштрассе, 7.

Офицеры и солдаты бывшей латвийской армии, которые в лесах вели борьбу с русскими, возвратились после вступления немцев в Ригу и заявили полиции, что они потеряли якобы за время войны свою одежду, квартиры и т. д. Они получили право присвоить себе еврейское имущество.

Часто случалось так, что латвийские полицейские врываются ночью в еврейские квартиры, особенно где были одни женщины, наводили им в голову пистолет и угрожали им расстрелом, если они не отдадут деньги и дорогие вещи. Руководителем этих разбоев был АРАЙС, начальник команды безопасности.

На улице Гертруды два латыша ворвались в еврейскую квартиру. Владелец квартиры был уже арестован. Два латыша забрали его жену, мать и 9-летнего мальчика, повели всех трех по улицам Риги, заставляли их бежать, причем били резиновыми дубинками, если они отставали. Маленькому мальчику они поранили руку, из-за чего ему нужно было ампутировать два пальца; старая женщина была забита насмерть, а матери удалось остаться в живых.

Введение трудовой повинности для евреев

В середине июля в латвийских газетах появилось распоряжение; что все евреи в возрасте от 16 до 60 лет обязаны отбывать трудовую повинность.

Швейцары тех домов, где жили еврейские семьи, должны были оповестить евреев, мужчин и женщин, обязанных отбывать трудовую повинность, что они должны явиться в близлежащий полицейский участок.

Полицейский участок нашего округа был на углу Щуленштрассе и Айцаргусштрассе.

Сотрудниками полиции были исключительно латыши.

Когда я в первое утро, в 7 часов, явилась в полицейский участок, я и остальные евреи нашего округа были посажены в две камеры. Надзиратель в возрасте около 20 лет, с красно-

бело-красной повязкой, охранял выход из нашей камеры. В две небольшие камеры третьего полицейского участка, в которые обычно сажали пьяных и в которых места нормально хватало на 5—6 человек, было втиснуто 40—45 человек. В течение дня на всех запертых в эти камеры выдавались буханка хлеба и две банки консервов.

В первый день нас не посылали на работу, а держали в камерах, оскорбляли, насмехались и били. «Коммунистически выглядевших» латышей и русских задерживали на улицах и вместе с нами сажали в камеры. Нам не разрешали говорить друг с другом. После того как мы протомились в камерах в течение 8 часов, произошло следующее событие.

Дверь камеры открылась, вошел пожилой латыш Олле ОЛИНШ (чиновник 3-го полицейского участка — Olle Olinsch) и сказал, что ему нужна молодая расторопная еврейка для уборки его квартиры. Две мои подруги и я вызвались пойти, так как мы не могли больше сидеть в камере. Он выбрал моих подруг и еще одну даму. Мне повезло, так как мне было приказано прийти к нему только на следующий день. Те три пошли с ним в его квартиру на ул. Свободы. Он приказал моим подругам прийти к нему по очереди через каждый час, а с третьей дамой и с бутылкой водки он пошел в комнату. Мои подруги — Ида КОЦИН и Роза ЛАГУШКЕР — поняли, в чем тут дело, и пришли обратно в полицейский участок. Весь вечер мы провели в большом страхе, между тем из моей камеры были уведены также другие еврейки и изнасилованы полицейскими. Вечером, около 9 часов, мы были отпущены, причем я должна заметить, что после 9 часов вечера на улице не имел права задерживаться ни один еврей, в противном случае его тотчас же арестовывали.

На следующее утро нас построили в колонны и повели по улицам Риги. При грубых оскорблениях со стороны населения мы подошли к дому полицейской префектуры. На дворе мы увидели стоящей группу молодых евреев, которых латышские полицейские заставляли бить и истязать друг друга. Еврейские женщины были поставлены в круг, причем их издевательски спрашивали, знают ли они наизусть Конституцию

СТАЛИНА. Мужчин кололи иголками и поливали водой из шланга, пока они не теряли сознания. Когда они приходили в себя, их снова подвергали пыткам.

Нашу группу повели наверх. Мы должны были натирать полы, мыть окна и двери. Наш надзиратель, 15-летний латыш, уличный мальчишка в порванной одежде, держал в руке гибкую стальную линейку и бил нас всех по кончикам пальцев, когда проходил мимо. Тот, кто просил у него перерыв на обед на 15 минут, получал пощечину. Старая еврейская чета, которую привели в наше рабочее помещение несколько минут спустя, рассказала, что их совершенно ограбили. Старых людей с руганью и побоями отвели в камеру префектуры. В этой камере уже голодало много евреев, и особенно пожилые люди. Около 6 часов вечера нас также привели в камеру, где мы должны были наблюдать, как били и истязали старых нетрудоспособных евреев. Русские военнопленные, совершенно изголодавшиеся и запущенные, которых вели по дороге в подвал, просили у нас хлеба. В подвале находился также наш латвийский учитель каллиграфии из английского колледжа в Риге. После нескольких часов, проведенных в подвале, нас отпускали.

На третий день отбывания мною трудовой повинности группу, где была я, около 200—300 женщин и мужчин, послали в разрушенный войной квартал Старого города, где мы должны были убирать камни и щебень. Эта работа была опасна, так как над нами висели каменные глыбы и балки разрушенных домов и угрожали каждую минуту засыпать кого-нибудь из нас.

Нас принуждали работать ударами и руганью двое юношей по 17—18 лет, члены латвийской молодежной организации «Мацпулкса». Старых еврейских женщин, которые под палящими лучами июльского солнца падали в обморок от переутомления, с побоями бросали на груды камней. Во время обеденного перерыва (еду мы должны были приносить с собой) шли немецкие офицеры в сопровождении латышей, чтобы осмотреть работу евреев. Латышам нужно было показать, насколько усердно они заставляли евреев работать, и они на-

чали заставлять нас работать быстрее палочными ударами, кулаками и страшными ругательствами. Поздно вечером нас снова привели сначала в полицейский участок и потом отпустили.

Каждое утро, как только мы приходили в полицейский участок, нас выстраивали в колонны. Ежедневно из рядов вызывали еврейских девушек и оставляли их в полицейском участке. На следующий день мы узнавали, что они были опозорены и подвергались самому жестокому обращению.

Еврейские общины в Риге получили приказ, в котором требовалось выделить определенное число молодых евреев на торфоразработки в Слока. Спустя некоторое время я узнала, что 35 молодых евреев и евреек самым зверским образом были убиты там латышами.

Я работала в Старом городе только одну неделю, потому что заболела. Начальник полиции третьего участка освободил меня от работы на неопределенное время на основании врачебного свидетельства (мне особенно повезло, так как свидетельства других заболевших евреев в дальнейшем считались уже недействительными).

Через четыре дня я услышала на нашем дворе страшный шум. Немецкий офицер кричал и требовал, чтобы еврейки пошли на работы по уборке. Так как я испугалась, что иначе меня пошлют на другие, более тяжелые работы, то я изъявила согласие пойти. Меня и несколько моих соседок он привел на Зауленштрассе, 4. Этот дом населяли раньше почти одни еврейские семьи, которых немецкие офицеры заставили освободить свои квартиры в течение 6-ти часов.

Имя вышеназванного офицера — инспектор Военного управления ПОЛЬ. (Pohl). До войны ПОЛЬ был конюхом, а теперь стал членом НСДАП. Задачей ПОЛЯ было приготовить 8 квартир для немецких офицеров его подразделения — хозяйственной инспекции Севера. В числе людей, находящихся в распоряжении ПОЛЯ, было 10 евреев — мужчин и женщин.

Я получила приказание сопровождать его при его разбойничьих налетах в расположенные поблизости еврейские квартиры. Он врвался в еврейские квартиры и приказывал пере-

носить самые дорогие предметы на Сауленштрассе, 4. Часто он начисто грабил квартиры и не оставлял бедным людям ни кровати, ни столов.

На Зауленштрассе, 4 раньше жила еврейская семья ТАЛЬ-РОЗЕ, высланная русскими. Квартирные удобства были безупречными. В больших ящиках лежали упакованными дорогие вещи, серебро, хрусталь и фарфор. ПОЛЬ приказал мне перепаковать ящики, а самые ценные вещи отослал своей жене в Германию. Его собственная квартира на Зауленштрассе, 4 была завалена дорогими вещами, стены увешаны прекрасными картинами, так как он не хотел делить свою добычу с остальными офицерами.

Когда ПОЛЬ убрал свою спальню, он приглашал меня переночевать с ним сначала вежливо, затем угрозами. Я отказалась. Когда он стал слишком настойчив, я стала защищаться. Так как он опасался, что я побегу за помощью к другим офицерам, живущим в доме, то он сказал следующее: «Вам ничего не нужно опасаться. Я партийный человек и никогда не забуду, что вы еврейка».

На следующий вечер меня привели в комнату, где я была представлена другим офицерам. Командир вышеупомянутого подразделения, лейтенант ГЕДДЕ (Goedde), представил меня как свою служанку. ГЕДДЕ, который уже в первую мировую войну был лейтенантом, присвоил собственность бывшего латвийского полицейского инспектора КИЗИСА (Kihsis), который эвакуировался вместе с русскими. Я должна была выполнять у ГЕДДЕ самые тяжелые работы.

На Зауленштрассе, 4 проживал также зондерфюрер барон фон-КЛОДТ (Klodt), прибалтийский немец. В его квартиру была перенесена мебель, украденная у еврейской семьи КОЛЛАН с Шуленштрассе. В этом же доме жили впоследствии д-р ЛИЛИЕНФЕЛЬД, член НСДАП и военный корреспондент.

Часть рижских евреев продолжала работу в развалинах Старого города. Многие группы работали при СД (Служба Безопасности) и при войсках СС. Немецкие воинские части также использовали евреев на самых тяжелых физических работах.

Моя подруга Леа ГОТТЛИБ (Gottlieb) работала вместе с другими евреями в рижском военном госпитале. По 12 часов ежедневно она выполняла самые тяжелые работы и за свой труд получала один раз в день чашку черного кофе и кусок хлеба.

После проделанной работы евреев часто приводили в префектуру, где им пропускали по телу электрический ток, кололи их иглками и подвергали другим пыткам (Борис ЦЕСВАН) (Zeswan).

Как-то утром в нашем рабочем помещении появилась мать нашего коллеги по работе — Харри ШЕНКЕР — и умоляла нашего начальника ПОЛЯ позаботиться о ее сыне. Он был арестован членами команды АРАЙСА и уведен на Вольдемарштрассе, 19. ПОЛЮ, как немцу, удалось освободить ШЕНКЕРА, поскольку он был нужен ему, как рабочая сила. Позже ШЕНКЕР рассказал о нечеловеческом обращении с ним.

15-го августа наш начальник сообщил нам, что он не имеет больше права использовать евреев. В действительности же лейтенант ГЕДДЕ распорядился, чтобы уволили всех евреев, так как он является известным антисемитом.

В день моего рождения, 19 августа, когда мне исполнился 21 год, я была вынуждена явиться на Вольдемарштрассе, 69, в немецкую часть — строительную инспекцию войск СС и полиции.

Я была встречена немецким обершарфюрером БУНГАЦОМ (Bungaz), который в этот момент избивал еврея резиновой дубинкой. В этой части я должна была по 12 часов ежедневно выполнять самую тяжелую кухонную работу. В 7 час. утра мы должны были приходиться на работу. Нас выстраивали по порядку, и моя бывшая латышская подруга по школе Герта БРИКЕР из Голдинген выкликнула наши имена. Герта БРИКЕР, братья которой организовывали убийства евреев в Голдинген, окончив высшую школу в Риге, работала добровольно в качестве секретаря при этой части.

В первое утро БУНГАЦ обратился к нам с речью, в которой заявил: «Наша часть пришли из Польши. Так как там мы расправились с 300 евреями, то с вами я тоже расправлюсь».

Рабочая группа, в которой была я, состояла примерно из 40 человек. Мужчины должны были маскировать украденные немцами автомобили, т. е. перекрашивать, чистить и т. д. и переносить «конфискованную» мебель евреев в немецкие квартиры.

Командиры этой части конфисковывали еврейские виллы в Кайзеровском лесу (дачное место под Ригой).

Мы, евреи, должны были поэтому ездить в кайзеровский лес (на грузовиках), чтобы привести в порядок виллы перед вселением туда новых хозяев. Часто мы заставляли в виллах латвийских женщин, которые врывались в еврейские квартиры и пользовались возможностью утащить что-нибудь.

На Вольдемарштрассе, 69 часто работали русские военнопленные вместе с евреями. Я работала как раз на кухне, когда я услышала, что кто-то стонет. Это был русский военнопленный, который, стоя во дворе, просил хлеба. Я пошла к старшему начальнику и попросила у него разрешения раздать русским хлеб. Моя просьба была, конечно, отклонена им. Часто в то время, когда немцы сидели за столом, я бежала в близлежащую лавку и покупала хлеб — евреям запрещалось тогда покупать хлеб без карточек, и в это время дня евреи не имели права делать какие-либо покупки, — однако хозяин этой лавки специально откладывал всегда хлеб в сторону и продавал его евреям. Я клала хлеб, завернув его в бумагу, за помойное ведро, откуда русские брали незаметно его. Из кухонного окна я часто наблюдала, как военнопленные искали в помойных ведрах остатки пищи. Они жадно съедали увядшие капустные листья, картофельные очистки и другие кухонные отбросы.

Русский капитан, лет 40, с которым я разговаривала — нам было запрещено под страхом смертной казни разговаривать с русскими военнопленными, — рассказал мне, что в лагерях русских военнопленных истязают самым бесчеловечным образом и что многие ежедневно умирают там с голода.

Евреи не получали за свою работу никакой платы, и только в редких случаях они получали один раз в день жидкий суп или черный кофе с куском хлеба.

Законы и распоряжения против евреев

Июль 1941 года

Все евреи, служащие у арийцев, должны быть тотчас же уволены.

Евреи не имеют права предоставлять работу арийцам.

Еврейские врачи, зубные врачи; адвокаты и т. д. не могут дальше работать по своей специальности.

Все еврейские магазины, фабрики, предприятия и т. д. закрываются.

Все еврейские школы и учебные заведения закрываются.

Евреи имеют право проезда по железной дороге только со специального разрешения.

Евреям могут быть проданы только самые необходимые предметы питания. Запрещается продавать белый хлеб, сыр, молоко, какие-либо сладости, консервы и т. д.

Евреи не имеют права покупать никаких товаров, кроме продуктов питания.

В еврейских квартирах выключаются телефонные аппараты.

Евреи не имеют права слушать радио. Радиоаппараты конфискуются. Евреи должны сами принести радиоаппараты в полицейский участок, расположенный вблизи их квартир, где аппараты будут распределены среди латышей и немцев.

Евреи не имеют права пользоваться трамваем, автомобилями и другими средствами сообщения.

Еврейских покойников нельзя возить на кладбище на катафалке. Родственники сами должны каким угодно способом отнести их туда.

Все евреи Риги должны зарегистрировать паспорта.

Все евреи должны носить на груди звезду Давида.

Евреи могут делать покупки только в определенное время дня.

Август 1941 года

Вводятся Нюрнбергские законы.

Евреям запрещается ходить по тротуару.

Звезду Давида следует носить не только на груди, но и на спине.

Некоторые районы Риги должны быть очищены от евреев.

До 15 октября все евреи Риги должны освободить свои квартиры в городе и переселиться в гетто.

Евреи не могут ходить на рынок.

Сентябрь 1941 года

Евреям выдаются специальные продуктовые карточки. В карточке имеется надпись «Еврей».

Нормы продуктов для евреев уменьшены.

Евреи, даже те, которые не проживают в гетто, должны делать покупки в гетто.

Поведение латвийского населения во время преследования евреев

После завоевания Латвии немцами латвийское население начало проводить против евреев ужасные бесчинства.

Латыши, с разрешения немцев действовать по собственному усмотрению, в первое время совершенно терроризовали еврейское население.

Большая часть латвийского населения в городах агрессивнo вела себя по отношению к евреям, остальные, за малым исключением, молча наблюдали эту картину.

Насколько мне известно, ни один латыш не высказывал протеста против преследования евреев.

В латвийскую полицию охраны и порядка, а также в команду АРАЙСА латыши вступали добровольно.

Латыши-добровольцы в ночь на 3-е июля 1941 г. врываются в еврейские квартиры и арестовали 6000 евреев.

35 молодых евреев, которые были заняты на торфоразработках в Споке, были убиты латышами.

Надзиратели, которые издевались и били евреев во время принудительных работ, были латыши.

Латвийские служащие префектуры приводили евреев в подвал здания префектуры, пропускали им по телу электри-

ческий ток, держали их там запертыми в течение дня без пищи и издевались над ними.

Продавцы и служащие в магазинах отказывались обслуживать евреев, несмотря на то, что об этом еще не было опубликовано никаких распоряжений.

Латышские женщины и мужчины врвались в еврейские квартиры, угрожали евреям и грабили их квартиры.

Я приведу некоторые примеры, которые пережила я сама, а также мои родственники и знакомые.

Один латыш рассказал мне, что старую еврейскую женщину, которая проходила мимо главного почтамта, какой-то латыш столкнул с тротуара.

Однажды утром мой отец пошел вниз покупать продукты и один латыш столкнул его с тротуара со словами: «Евреи должны ходить там, где бегают собаки и лошади».

Я пошла со своей подругой Розой ЛАГУШКЕР к нашим знакомым. Нас задержали два молодых латыша:

«Вы еврейки?»

«Да».

«Сойдите с тротуара».

«Но мы имеем право пользоваться тротуаром».

Один из латышей схватил меня за руку и пригрозил, что он отведет меня на Вольдемарштрассе, 19, в резиденцию команды АРАЙСА. Когда я его попросила не делать этого, он приказал мне встать на колени и сказал, что я должна проделывать это перед каждым латышом — безразлично, молодым или старым.

Группа евреев была поймана латышами, затем ее повели по мосту через Двину и сбросили в реку. Пожилые евреи, которые не могли плавать, утонули. Одному моему знакомому удалось добраться до берега. Во время этого злодеяния латыши пели насмешливые песни, потешаясь над страданиями несчастных. Они распевали песню, слова которой в переводе означают: «А ну-ка, братья, скорей, скорей бросайте в Двину евреев. Двина, наша матушка, освободит нас от евреев».

Часто, когда мы усталые шли с принудительных работ домой, уже со звездой Давида на груди, латвийские женщины кидали в нас камнями, плевали в нас и бранились.

От м-м ТРУБЕК, еврейки, проживавшей на Зауленштрассе, 6, парикмахерша Зуна (Suna), проживавшая на Зауленштрассе, 8, получила на сохранение меховые пальто и драгоценности, так как еврейские квартиры грабились и м-м ТРУБЕК боялась держать при себе свои дорогие вещи. Дамы были знакомы уже несколько лет, и м-м ТРУБЕК питала доверие к м-м ЗУНЕ. Последняя захотела присвоить дорогие вещи, но побоялась, что м-м ТРУБЕК впоследствии может потребовать их назад, поэтому она донесла в гестапо на м-м ТРУБЕК. М-м ТРУБЕК была арестована и затем расстреляна.

Те евреи, на которых латышами был сделан донос, без лишних разговоров арестовывались и расстреливались.

Еврейка — м-м Роза КАУФМАНН, проживавшая ранее на Фриденштрассе, 29, передала свои вещи на хранение латвийке ГЛАЗЕР, проживавшей на Гертрудштрассе. Последняя донесла в полицию на м-м КАУФМАНН, которая на основании этого доноса была арестована и расстреляна.

Хозяйка продовольственной лавки м-м МУЦЕНИЕКС (Muceniecks) (Фриденштрассе, 29) с момента немецкой оккупации раздавала своим покупателям брошюры антисемитского характера с целью натравливать население на евреев.

Евреи, которые снимали у латышей меблированные комнаты, сразу же после немецкой оккупации были изгнаны из своих комнат, несмотря на то, что об этом не было еще опубликовано никакого распоряжения. Латышка ЛАГЗДИН, Мюленштрассе, угол Мариенштрассе, просто выбросила на улицу некоего гр-на — еврея, который снимал у нее меблированную комнату.

Евреи, которые снимали у латышей комнаты, выбрасывались на улицу, не имея права взять с собой свою мебель.

В час пропаганды по рижскому радио население натравливалось против евреев. На многих евреев был сделан донос якобы за то, что они слушали американские и английские известия.

Примеры, описанные мною выше, ни в коем случае не являются единичными, каждый день я слышала новые сообщения о жертвах латвийских доносов.

Организация гетто

В августе немцы издали приказ, согласно которому город Рига порайонно должен быть очищен от евреев и что в Московском предместье должно быть основано гетто.

Устройство гетто было поручено отъявленному немецкому антисемиту КРАУЗЕ, который после латвийского офицера ДАНКОПА (Danскоп) был назначен комендантом гетто. 33 000 евреев должны были переселиться в гетто.

Гетто было организовано в районе самого грязного и бедного квартала города Риги, в Московском предместье. В большинстве одно- и двухэтажных домиков этого предместья на протяжении десятков лет жили почти исключительно одни русские. Они получили приказ переселиться в город, чтобы очистить место евреям. Но так как в большинстве случаев это касалось бедных людей, которым была не под силу высокая квартплата, а недостаток в квартирах был большой, то они отказывались оставлять свои квартиры и переселяться в город. В большинстве случаев немцы угрозами и силой заставляли жителей будущего района гетто покинуть свои квартиры.

Многие квартиры Московского предместья состояли из небольшой комнаты и крохотной кухни. Санитарное состояние не выдерживает никакой критики. В большинстве домов были вредные насекомые и не было электрического освещения. В квартире, состоящей из комнаты и кухни, должны были поместиться 8 человек. Но так как не все евреи находили себе место в квартирах, то многие были вынуждены жить в подвалах. Подвалы были сырыми и прогнившими, с земляными полами, на которых просачивалась вода.

Подвалы и большинство обветшалых домов были непригодны для жилья.

Гетто было обнесено двойным кольцом густых проволочных заграждений. Несмотря на недостаток рабочей силы, устройством забора были заняты на протяжении недель многие рабочие. Проволочная изгородь поддерживалась столбами, вбитыми в землю.

В начале ул. Садовникова были выстроены огромные ворота гетто. Устройство гетто длилось около 2-х месяцев. Евреи, которые должны были освободить свои квартиры в городе, могли уже в течение этих двух месяцев переселиться в гетто, другие могли оставаться пока в городе.

К 15 августа все евреи должны были переселиться в гетто. До этого числа они могли свободно, т. е. без пропусков, входить в гетто и покидать его.

Во время переселения евреев Гертрудштрассе, которая вела к гетто, была переполнена евреями, вынужденными самим нести в гетто свои пожитки, оставшиеся им после грабежей, не имея права использовать арийских извозчиков. В редких случаях евреи могли нанять для перевозки лошадей; поэтому можно было видеть, как по Гертрудштрассе тянулись старые и малые с чемоданами и узлами. Евреи не имели больше права ходить по тротуару и были вынуждены проделывать длинный путь в гетто по ухабистой середине дороги.

Так как русских было нелегко выселить из Московского предместья, то переселение евреев длилось около 2-х месяцев; это время использовали латыши и немцы, с целью дальнейших грабежей еврейского населения.

Латыши с удовольствием прохаживались по Гертрудштрассе, где они с тротуара глумились и издевались над евреями.

Хозяева латвийских продовольственных магазинов, за немногим исключением, не выдавали больше евреям никаких продуктов, поэтому евреи не могли взять с собой в гетто почти никакого питания, что привело потом к голоду.

Уже задолго до 15 октября 1941 года все евреи должны были проделывать длинный путь в гетто (они не имели права больше использовать средства транспорта), чтобы купить

там в немногочисленных продовольственных лавках свои до смешного маленькие пайки.

Все трудоспособные евреи, а также живущие уже в гетто, должны были каждое утро являться на принудительные работы.

До 15 октября гетто могли посещать также и арийцы (мирные граждане), но после этого числа арийцам, кроме сторожей и работников, которым нужно было пройти в гетто по служебным целям, было запрещено под страхом смертной казни посещать гетто.

До 15 октября в гетто часто можно было видеть полуарийцев, которые тайно приносили своим родственникам продукты питания. В большинстве случаев полуарийцы имели право жить в городе.

15 октября ворота гетто были закрыты. Под угрозой смертной казни евреи не имели больше права покидать гетто без пропуска, и все евреи — вплоть до евреек, вышедших замуж за арийцев, — должны были переселиться к этому времени в гетто.

Гетто охранялось очень строго, вокруг гетто, вдоль проволочной изгороди, на небольшом расстоянии друг от друга стояли латвийские охранники (сотрудники полиции охраны и порядка) с заряженными винтовками. Они имели приказ — стрелять в каждого еврея, который приближался к изгороди, единственные ворота гетто также строго охранялись.

Евреи могли покидать гетто только группой по пропускам и под охраной. Отдельным лицам выдавались специальные личные пропуска, по которым владельцы имели право выходить в город без охраны — речь идет о евреях, которые особенно рано должны выходить на работу в город.

Евреи, обязанные отбывать трудовую повинность, должны были собираться рано утром в центре гетто, где их пересчитывали руководители колонн (евреи). При выходе из гетто охранники еще раз считали их и число записывали. Немцы или латыши, сотрудники учреждений, в которых работали евреи, заходили за евреями в гетто и приводили их на место работы.

Питание евреи должны были брать с собой из гетто на целый день, так как водянистый суп, который выдавался евреям впоследствии на некоторых местах работы, нельзя было называть пищей. Каким образом евреи, которые должны были бесплатно целый день работать в городе, покупали себе пищу и чем они должны были за нее платить — это новых господ не касалось.

Вечером евреев вели под охраной с различных мест работы обратно в гетто. У ворот скапливались сотни евреев, так как они снова переучитывались охранниками гетто.

При входе в гетто обыскивали всех евреев — им было запрещено приносить из города в гетто хлеб и другие продукты. Устраивались проверки на выборку, причем во дворе одного домика, который служил для целей контроля, раздевали мужчин и тщательно просматривали одежду. В домике производили личные обыска у женщин латвийская надзирательница. Некоторые евреи, которые работали в городе, пытались пронести своим голодающим родственникам в гетто каких-нибудь продуктов, в большинстве случаев хлеб и картошку.

Евреев — мужчин и женщин, у которых надзиратели находили продукты, избивали и подвергали различным пыткам.

Часто охранники врываются в домик, в котором еврейки должны были раздеваться для контроля, и издевались над ними.

Немцы никогда не присутствовали при контроле у ворот гетто. Обыски проводились исключительно латышами.

Норма выдачи продуктов на продовольственные карточки евреев была крайне мала. Продукты, которые отпускались в магазин гетто, были недоброкачественны — картофель сгнивший или мороженый, мясо — только конина.

Молока евреи не получали вовсе. Латыши, которым было поручено доставлять продукты для магазинов гетто, тайно продавали хлеб без карточек за баснословные цены. При такой торговле из-под полы коврига хлеба стоила 100 марок (за 100 марок тогда можно было купить 2 хороших костюма или пальто).

Еврейская женская больница «Динас Хацедек», которая издавна помещалась на Лудцштрассе (район гетто), была оставлена евреям и на последующее время в качестве больницы. В больнице могли работать только еврейские врачи. Большая часть инструментов и медикаментов у еврейских врачей была или конфискована ранее, или конфискована впоследствии в гетто.

Смертность среди евреев, особенно среди стариков и детей, была очень велика. Трупы свозились на старое еврейское кладбище на тачках. Это кладбище было расположено в районе гетто, и до немецкой оккупации его не использовали, так как оно было переполнено.

Ежедневно в гетто приходили немецкие офицеры армии и войск СС по особым разрешениям, врываются в квартиры и брали с собой все, что представляло еще некоторую ценность.

В гетто было образовано еврейское общинное управление, которое должно было заботиться о том, чтобы немцы или латыши получали затребованную рабочую силу.

В гетто была образована еврейская полиция, на службу в которую могли поступить добровольно молодые, интеллигентные, хорошо выглядевшие евреи. Эти еврейские полицейские не получали никакого оружия. Их задачей было наблюдение за порядком в гетто.

Служащие общинного управления и полицейские были освобождены от трудовой повинности, но не получали никакой платы.

Часто по ночам в гетто происходили обыски. Искали якобы немецких дезертиров. В таких случаях еврейские полицейские должны были помогать немцам и латышам при обысках квартир.

По воскресеньям большинство евреев по законам освобождалось от работы. Но несмотря на это, в воскресенье в гетто приходили офицеры частей СС и немецкой Службы Безопасности и требовали рабочую силу. Еврейские полицейские посылали на работы евреев, которых они ловили на улицах.

Евреям было запрещено брать с собой в город деньги и дорогие вещи. Они не смели также носить обручальные кольца.

Все евреи должны были сдать свои меховые пальто.

Еврейская община получила от немцев приказ, согласно которому каждая семья в гетто должна поставить для немецкой армии в обязательном порядке теплое одеяло, подушку и теплое белье.

Вскоре после основания гетто было расстреляно несколько евреев. Полицейский расстрелял у ворот молодого еврея, который якобы пытался покинуть гетто без пропуска.

Одного еврея, женатого на арийке, приходившего к ней после окончания работы в город, заметили соседи жены и донесли на него в полицию. Он был расстрелян.

Некий еврей, который не переселился вместе с другими в гетто, а спрятался в городе у своей супруги-арийки, был найден во время домашнего обыска и расстрелян. Жена была арестована.

В одну из ноябрьских ночей 1941 года в гетто пришли семь пьяных охранников. Они вошли в квартиру семейства ПРОПЕС, произвели обыск и нашли коробку сигарет. Тогда они поставили дочь ПРОПЕС к стене и расстреляли на глазах у матери.

Иногда еврейские группы рабочих не возвращались обратно. Позже становилось известно, что они были убиты гестапо.

Каждую ночь случались такие истории, что часовые, стоявшие вдоль проволочного ограждения вокруг гетто, без всякой на то причины обстреливали окна квартир в гетто. В связи с этим евреи не решались задерживаться на улицах гетто с наступлением темноты.

Когда вечером 27 ноября 1941 года я возвращалась со своей группой с работы и подошла к воротам гетто, бросилось в глаза, что впуска перед воротами ожидали гораздо больше евреев, чем раньше.

Нас пересчитывали, как обычно, латвийские охранники и пропускали в ворота. Перед домиком, описанным мною ра-

нее, у ворот я увидела, что на земле лежат хлеб и картофель. Это было всегда признаком того, что нас ожидает особенно строгий контроль. Я услышала удары плетью, стон избиваемых и крики латвийских надзирателей. Латвийский офицер, которого по звезде у воротника можно было причислить к служащим бывшей латвийской армии, отделял женщин от мужчин и направлял нас во двор домика. Там нас контролировали охранники особенно подлым образом. Когда мы покидали двор, мы должны были проходить мимо охранников, которые выстроились в два ряда по правой и по левой стороне дороги на некотором расстоянии. Нам приказали бежать от одного охранника к другому и перед каждым становиться на колени. А они били нас резиновыми дубинками. Из группы, в которой была я, они поранили голову моей подруге РОЗЕ ЛАГУШКЕР. Моей приятельнице по работе ЦОДИК они вышибли глаз. Моему знакомому ранили ногу.

Обыкновенно улицы гетто в это время были уже безлюдны, однако в этот вечер мы увидели на улицах мужчин, женщин и детей, несущих узлы. Испугавшись, я спросила, что же произошло. Плачущая женщина рассказала мне, что гетто разделяется на две части. В течение 24-х часов все женщины и дети должны переселиться на одну сторону гетто, мужчин на другую.

Придя домой, я узнала от своих родителей, что женщины не имеют больше права покидать гетто. Ходил слух, что женщины от 16 до 25 лет будут помещены в специальном лагере.

28 ноября 1941 года все евреи получили приказ не выходить из своих квартир в воскресенье 30 ноября, так как будет проводиться якобы перепись населения. Если кто решится покинуть гетто (некоторые имели, как я упоминала ранее, личные пропуска), то у провинившихся будет отбираться продовольственная карточка.

Утром 29 ноября у ворот гетто царил хаос. У нас было такое чувство, что нас ожидает что-то необыкновенное. Говорили, что женщины не имеют больше права покидать гетто, однако моя группа, в которой, кроме меня, находилось еще несколько женщин, была пропущена.

«Перепись населения» в гетто была предлогом к тому, чтобы задержать евреев 30 ноября 1941 года в своих квартирах.

Я не возвращаюсь больше в гетто

Когда я 28-го июля 1941 года, усталая от работы, возвращаю [ла]сь домой, мой отец сообщил мне, что меня спрашивал один латыш. Я была убеждена, что буду арестована. Латыш пришел еще раз, и я узнала латвийского офицера, с которым я познакомилась в феврале во время русской оккупации, впоследствии я ничего не слыхала о нем, и даже его имени я не могла вспомнить.

Этот офицер вспомнил меня, когда Рига была занята немцами и были введены законы против евреев, нашел меня и предложил мне свою помощь. Он вышел из армии и поступил служащим на строительное предприятие. Он снял комнату у знакомого в доме, где я жила со своими родителями.

Во время массовых грабежей он оказывал помощь всем еврейским жителям дома, пряча их дорогие вещи, и если он был дома, то защищал их.

Сразу же после вступления немцев евреям было запрещено посылать и получать письма. И так как выяснилось, что мы могли положиться на него, то мои родители и я поддерживали через него письменную связь с нашими бывшими знакомыми. Иногда мы получали от знакомых из деревни на его адрес посылки с продовольствием.

15 октября я переселилась в гетто. Когда я жила уже в гетто, я ходила иногда вечером после работы без звезды Давида к этому офицеру. Поскольку я получала на его адрес посылки с продовольствием и я не решалась брать с собой в гетто больше крохотного кусочка масла или нескольких кусков хлеба, то я должна была часто посещать его, даже рискуя жизнью. Иногда мне удавалось проскользнуть при контроле через ворота гетто и пронести что-нибудь для моей голодающей семьи.

Моя мать придумала остроумную систему. Она набивала газетами мои ботинки, которые я одевала на домашние туфли.

Когда я вечером возвращалась в гетто, то в каблуках вместо газеты я часто приносила немного продуктов. Кроме того, я насыпала немного крупы в промежутки между домашними туфлями и ботинками. Голод в гетто был ужасный, и мы считали себя счастливыми, если у нас было покушать несколько картофелин или так наз. «пудинг» из картофельной шелухи.

В ноябре я работала еще в той же самой эсэсовской части, но в отделении на Альбертштрассе, 7. Там я не получала никакой еды. Каждый вечер, прежде чем возвратиться в гетто, я должна была явиться под охраной в главное управление вышеназванной части на Мариенштрассе, 4. Иногда латышская служанка давала мне покушать остатки из тарелок немецких эсэсовцев.

Вечером 29 ноября на пути в гетто я выскользнула из своей группы, так как утром я заметила, что количество нашей группы не записали, и побежала к знакомым, у которых жил офицер. Я рассказала о последних событиях в гетто, и офицер уговорил меня не возвращаться больше туда.

Утром 30.XI я опять пошла на свое место работы и надеялась, что мне удастся незаметно смешаться с моими товарищами по работе. Я пришла на кухню и никого не нашла там. Квартира была пуста, никого из немецких офицеров там не было. Я присела в комнате, ожидая наступления темноты, вдруг немецкий офицер открыл дверь квартиры, но пошел в соседнюю комнату, меня он не видел. Когда стало темно, я снова пошла к моим друзьям.

Ночью 30.XI я спала, спрятанная в квартире моих друзей. В той же самой квартире, кроме моих знакомых, жили еще два сотрудника латвийской полиции охраны и порядка, у них сидели женщины. Они справляли вечеринку. Зазвонил телефон, стены были тонкие, я проснулась и услышала, что говорили. Этим двоим полицейским их начальник приказал тотчас же идти в гетто. Возмущенные, они покинули квартиру.

Кто-то постучал в мою дверь, я открыла. Мой знакомый вошел, плача, в мою комнату. Он рассказал мне, что полиция охраны и порядка дала тревогу, и все полицейские должны

тотчас же явиться вместе с командой АРАЙСА в гетто, они должны были охранять отправку евреев на расстрел.

Массовые убийства, 30 ноября 1941 года

Все трудоспособные евреи, которые не были женаты, должны были переселиться 29 ноября в отведенную для них часть гетто. Женатые трудоспособные мужчины должны были переселиться также в эту часть гетто, но они получили разрешение остаться вместе со своими семьями до 1-го декабря.

Вечером 30 ноября в ту часть гетто, где жили еврейские семьи, пришли члены команды АРАЙСА и сотрудники полиции охраны и порядка немецких войск СС. Они врываются в квартиры, стаскивали людей с постели под предлогом, что их будут переселять в другой лагерь, и взяли таким образом около 15 000 евреев. Имеющиеся ценные вещи евреи должны были взять с собой.

Много детей было расстреляно еще на месте — в гетто. На глазах у родителей их кололи штыками. Старые евреи, которые не могли идти, также были убиты прикладами на месте.

На следующее утро в гетто было найдено 700 трупов зверски убитых евреев.

Команде, которая была откомандирована в гетто для массовых убийств, предварительно выдали водки.

Прежде чем покинуть гетто, убийцы открыли по окнам квартиры стрельбу.

Часть евреев была выстроена в колонны, другие погружены на грузовики и автобусы. Автомшины под строгой охраной полицейских с ружьями наготове поехали в неизвестном направлении.

Выстроенных в колонны несчастных повели вдоль Латгалерштрассе (Москауэрштрассе) в направлении к Скиротава. Длинные колонны охранялись с обеих сторон вооруженными полицейскими.

Евреи не имели никакого представления, какая судьба их ожидает, они думали, что их переводят в другой лагерь, в Саласпилс.

Молодая еврейская женщина с ребенком на руках спросила полицейского Фрициса ВАЙДЕЛИСА (Weidels): «Куда нас ведут?» Он ответил: «Скажите мне, куда вы спрятали ваши драгоценности, тогда я вам скажу правду». Когда она сказала ему, что ее оставшиеся драгоценности зарыты во дворе ее квартиры в гетто в определенном месте, он ответил ей: «Вас везут на расстрел».

В пути с евреями обращались самым жестоким образом. Их били дубинками, кололи штыками и били прикладами. Людей, падавших в изнеможении, истязали, и если они не приходили в себя, то их убивали или расстреливали. У матерей, которые были не в силах нести своих детей, выхватывали детей из рук и убивали на краю дороги.

Позади колонны ехали пустые грузовики. Убитых по дороге бросали в эти машины.

Рабочие, которые ранним утром 1 декабря ехали на трамвае № 5 по улице Латгалерштрассе на работу на фабрику «Квадрат», видели это траурное шествие и слышали жалобные стоны несчастных. На краю дороги рабочие видели трупы стариков, женщин и детей, вдоль всей дороги валялись жалкие чемоданчики и узелочки, которые побросали уставшие евреи.

Вблизи фабрики «Квадрат» колонна была остановлена. Большая лужайка была плотно окружена полицейскими. Небольшими группами несчастных подводили к огромной яме. Яма эта была вырыта заранее русскими военнопленными и евреями, которые не имели никакого представления, для какой цели она будет служить. На пути к яме стояли большие деревянные ящики, в которые евреи должны были бросать свои ценные вещи, многие евреи уже поняли, что они будут убиты, и поэтому бросали свои последние ценности, которые они попрятали под одеждой, просто на дорогу, в надежде, что латыши и немцы их не найдут. Многие еврейские женщины в волнении забывали бросать в ящик свои серьги, на краю ямы убийцы срывали у них серьги вместе с ушными мочками.

На краю ямы евреи должны были раздеться и прыгать в яму. Там они должны были встать на колени. Полицейские

и члены команды АРАЙС стояли на краю ямы и избивали евреев палками и дубинками. Затем немецкие эсэсовцы и вышеупомянутые полицейские открыли по евреям огонь из пулеметов. Так как убийцы были совершенно пьяны, то они не были в состоянии сразу убить свои жертвы. Многие были только ранены.

После того как была убита одна группа, другая должна была стать на колени на убитых и раненых; их также истязали и затем убивали.

Еврейских детей подбрасывали в воздух и стреляли по ним, как по цели.

Один охранник рассказал моему знакомому Карлису ДОКТОРОВСУ, что он также участвовал в расстрелах евреев. У еврейки, которая была подведена к яме, он взял из рук ее примерно двухгодовалого мальчика. Ребенок, сидя у него на руке, начал считать пуговицы на его форме. Когда ребенок увидел, что все стоимшие на краю ямы евреи раздеваются, он опросил: «Дядя, я тоже должен снять, свою рубашечку?» Даже полицейскому стало жаль ребенка, и он застрелил его, чтобы его не мучили перед смертью, как других еврейских детей.

Русские военнопленные рассказывали потом, что они должны были 1 декабря засыпать яму, откуда они слышали еще несколько часов после расстрела жалобные стоны и крики.

В ту же ночь тысячи немецких евреев, привезенных из Германии, вместе с латвийскими евреями были расстреляны на той же поляне.

В последующие дни к общей могиле приходили латышки и граблями перерывали землю в поисках драгоценностей, брошенных евреями.

Полицейский Борис РОВЕ, проживающей по Заубес иела, рассказал, что он не мог смотреть, как другой пьяный полицейский бил палкой еврейку, которая уже лежала раненая в яме. Он вырвал палку из рук пьяного.

Латвийский студент рассказал позже, что он лично расстрелял в эту ночь 3000 евреев. После в отеле «Зауле» он покончил жизнь самоубийством.

Латвийский студент Петер ЭГЛИТИС (Eglitis) (Вольдемарштрассе, 8), находившийся на службе в гестапо, рассказал, что он разбогател в эту ночь, так как он расстрелял очень много евреев и присвоил себе драгоценности.

Латвийский летчик Герберт ЦУКУРС (Cukurs), прославившийся своим полетом в Африку, особенно проявил себя при убийстве еврейских детей. В Риге его называют «Жиду бенде», т. е. убийца евреев.

Латыш Арвидс СИПОЛС (Sipols) (Юмарштрассе, 20) прославился позже тем, что сам расстрелял своих знакомых евреев, которые жили раньше вместе с ним в одном доме.

Латвийский комендант гетто, оберлейтенант ДАНСКОП, играл исключительно большую роль в убийствах евреев.

После массового убийства ДАНСКОП отправился в гетто и заставлял евреек, которых он видел на улице, выстраиваться перед ним, а затем без всякой причины, из простого садизма, он расстреливал каждую четвертую женщину. Позже он был смещен со своего поста, и на его место был назначен КРАУЗЕ, основатель гетто.

Хозяйственным комендантом гетто был латвиец БРОДЕРС (Broders).

7 декабря 1941 года

Оставшиеся в гетто евреи думали, что другие вывезенные евреи привезены в лагерь в Саласпилсе. Жизнь в гетто пошла своим чередом дальше — снова была введена трудовая повинность.

Вечером 7-го декабря еврейские полицейские в гетто получили приказ объявить, что оставшиеся в гетто евреи будут переведены в другой лагерь. Снова повторились страшные события 30-го ноября 1941 года.

Живыми остались только трудоспособные мужчины, которые еще до 30 ноября переселились в предназначенную им часть гетто, и около 300—400 женщин, в большинстве случаев портнихи. Несколько старых женщин и мужчин и 13 детей совершенно случайно остались живы.

Преобразование гетто

После массовых убийств рижское гетто было разделено на три части.

После 7-го декабря на внешней стороне проволочного забора гетто были вывешены плакаты со словами: Кто будет грабить, тот будет расстрелян!

В самом гетто и вне его за проволочным ограждением после 7-го декабря выставлялись для охраны помимо латвийских часовых также немецкие. Никто, и даже из членов команды АРАЙСА или сотрудников в полиции охраны и порядка, не имели права без разрешения посещать гетто. В гетто стояли открытыми квартиры убитых евреев со всей мебелью, бельем и одеждой.

Несмотря на запрещение, латвийские полицейские и члены команды АРАЙС ночью неоднократно пробирались сквозь проволочные ограждения и грабили квартиры.

Часто дело доходило до вооруженных столкновений между немецкими часовыми и грабителями.

Из Германии неоднократно прибывали транспорты евреев в Рижское гетто.

Одну часть реорганизованного гетто населяли трудоспособные рижские евреи (мужчины). 300—400 еврейских женщин были размещены в другой части. В третьей части, т. е. в квартирах убитых рижских евреев, были размещены немецкие евреи — мужчины, женщины, дети. У немецких евреев по пути в Латвию были отобраны все их пожитки. Они также должны были отбывать трудовую повинность.

Контроль у входа в гетто ежедневно не производился; устраивались только обыски на выборку. Если у еврея находили продукты, то комендант гетто КРАУЗЕ избивал его собственноручно. За большие «преступления» (как попытка пронести в гетто кусочек масла или другие продукты) евреев публично вешали, все жители гетто должны были присутствовать на казни.

Комендант гетто КРАУЗЕ сам осуществлял эти смертные казни, выступая в качестве помощника палача.

Он часто приходил в гетто, чтобы дать волю своим садистским инстинктам. Если он замечал еврейку с красивыми волосами, то обстригал ее наголо. На кладбище он расстреливал провинившихся мужчин и женщин. Убитых должны были хоронить сами евреи.

После своих гнусных поступков он шел всегда гулять по улицам гетто вместе со своей женой и ребенком.

Неоднократно евреи должны были собирать ему большие суммы денег, чтобы откупиться от массовых расстрелов, которыми он угрожал. Получив изрядную сумму денег, он прекращал террор на короткое время.

В 1942 году КРАУЗЕ издал следующий приказ:

Если у кого-либо в квартире в гетто находили деньги или дорогие вещи, то все жители этого дома расстреливались. По-прежнему часто производили домашние обыски.

Евреи были вынуждены, рискуя жизнью, прятать свои еще оставшиеся у них дорогие вещи.

В начале 1943 года все еврейские полицейские в гетто были собраны и расстреляны эсэсовцами. Во время расстрела некоторые полицейские, которые в первый момент не были убиты, пытались убежать. Эсэсовцы стреляли по бежавшим и при этом попали в одного эсэсовца, который остался лежать мертвым. На месте, где он упал, был поставлен памятник.

Немец, член НСДАП, Мартин ХАНКЕ из Тильзита, заведовавший украденными еврейскими вещами, тайно с помощью 11 рабочих переправил в свою квартиру на Фриденштрассе, 29 в Риге одежду, обувь и шерстяные чулки, предназначенные для немецкой армии. Эти утаенные вещи он отослал со своей дочерью и женой в Германию. Так как он боялся, что через этих евреев станет известно, что он присвоил вещи, предназначенные немецкой армии, он расстрелял всех 11 евреев. Его жена сама говорила об этом своим знакомым. Я поддерживала связь с гетто через одного из этих 11-ти евреев.

Евреи, которые работали в немецких частях, размещались в лагерях, поблизости от их рабочих мест. Они работали в немецких госпиталях, в дезинфекционных камерах, в немецких

автомастерских, на фабрике ВЕР и т. д. В городе евреи работали в различных мастерских, как, например, в швейной мастерской государственного комиссариата.

В гетто сразу же после больших расстрелов были устроены мастерские. Эти мастерские работали на немецкую армию, на областной комиссариат (Gebitskommissariat), государственный комиссариат, для Службы Безопасности и для различных немецких властей.

Евреи, которые работали в городе, жили в лагерях, имели право один раз в неделю ходить в гетто и посещать своих родных и знакомых. Их приводили обычно под охраной в субботу вечером, в гетто, где они могли оставаться все воскресенье. В воскресенье вечером их снова уводила охрана.

Евреи гетто пытались получить работу в городе, т. к. там их жизнь была в меньшей опасности, чем в гетто.

Ликвидация гетто

В качестве предлога для последнего массового убийства в гетто немцы выставили причину, что евреи якобы имели в гетто большие склады с оружием и готовились к вооруженному восстанию.

В действительности же было небольшое количество оружия, которое было спрятано в плите на кухне еврейского сапожника. Это оружие приготовили молодые евреи, чтобы как можно дороже продать свою жизнь.

От сотрудников латвийской службы безопасности я узнала, что все евреи, которые остались жить еще в гетто, за исключением мастеровых и около 250 женщин, были увезены и расстреляны. Оставшиеся в живых были переведены в лагерь, расположенные вблизи места работы.

Гетто было ликвидировано.

Немногочисленная мебель, белье и одежда убитых евреев были снесены на сборные пункты, находившиеся в различных частях города.

Забор гетто был снесен. В районе гетто теперь живут русские беженцы.

В Риге имелись сборные пункты украденных у евреев вещей.

После массовых расстрелов 30 ноября и 7 декабря вся одежда, которую евреи должны были снимать на краю ямы, была отвезена на вышеупомянутые сборные пункты. Там работали латышки, которые должны были просматривать одежду, так как некоторые евреи зашивали в свою одежду деньги и драгоценности.

Как я уже упоминала, евреи должны были бросать свои украшения по пути к могиле в ящики, выставленные на дороге для этой цели. Самые дорогие украшения немцы и латыши делили между собой на месте.

В лучших еврейских квартирах поселились сотрудники полиции охраны и порядка и члены команды АРАЙСА, разбогатевшие от грабежей при убийствах евреев.

АРАЙС, руководитель латвийской команды безопасности (команда АРАЙСА), ездил по улицам города в элегантном экипаже.

Жены полицейских, которые раньше были в большинстве своем служанками и крестьянками, разряженные ходили по улицам Риги.

Ювелиры ЯКОБСОНС — Айцзаргусштрассе, ЯКОБСОНС в Старом городе, золотых дел мастера МОРОЗОВС и ШМИТХЕН скупали у полицейских украденные драгоценности по ценам до смешного низким. Эти ювелиры стали миллионерами.

«Конфискованные» в свое время из еврейских магазинов и фабрик новые вещи были привезены на один сборный пункт — как я слышала, во дворец д-ра Карлиса УЛЬМАНИСА (бывший латвийский президент), где они охранялись латвийскими полицейскими. Эти полицейские предлагали в городе в обмен на водку меховые пальто, пуховые одеяла, шелковые чулки и т. д.

Каждый латвийский полицейский, служащий, член команды АРАЙС[А] или сотрудник полиции охраны и порядка, Службы Безопасности и т. д. имели право подать заявление своему начальнику с просьбой выдать ему из фондов сборного

пункта мебель, белье, предметы домашнего обихода и т. д. Такие заявления в большинстве случаев удовлетворялись.

Все немецкие сотрудники и сотрудницы получали со сборных пунктов комплектную обстановку. Они получали также золотые часы и могли использовать золото для зубных протезов.

Немка Элизабет РОНГЕ, сотрудница Рейхскомиссариата, в Риге получила 4 пары ручных часов с браслетом, радиоаппарат, 2 новых платья, пальто, костюм и т. д.

В районе ликвидированного гетто был устроен аукцион, на котором латыши и латышки стояли в очереди, чтобы получить туда доступ. Все оставшиеся в гетто вещи были проданы с аукциона по ценам до смешного низким.

Желание латвийцев было выполнено. Зверскими массовыми убийствами они освободились от «внутреннего врага» — евреев.

Они называли убийство евреев «Dziesmu svetki», т. е. «праздником песни». Праздник песни — теперь самый большой праздник латвийского народа и отмечается очень торжественно.

Команду АРАЙСА они называли «капеллой АРАЙСА», так как эта команда при убийствах «играла первую скрипку».

Убийство евреев в провинциях Латвии

После вступления немецких войск в Ригу, когда еще велись бои между немцами и русскими на латвийской земле, в большинстве провинциальных городов евреи были убиты латышами.

В моем родном городе Гольдинген (Кульдига) в первые же июльские дни были убиты наиболее уважаемые евреи. Остальные евреи были изгнаны из своих квартир и заперты в синагоге.

Латыши Карлис БРИКЕРС и его брат, а также Вальдис ГРАНОВСКИС и ФИБИГС организовывали убийства евреев и привозили в лесок, лежащий вблизи города, заставляли вырыть себе могилу и затем расстреливали.

В мою девятилетнюю кузину Хеллу ХОЛЬЦМАНН они не могли попасть сразу, так как были пьяные. Она молила пощадить ей жизнь. Убийца БРИКЕРС закричал: «Разве никто не может убить такую маленькую жабу?» Он подбросил мою сестренку в воздух. На землю она упала мертвой.

Еврейки — м-м Нану ГИТТЕЛЬЗОН, фрейлин КАТЦ и м-м ФЕЙТЕЛЬБЕРГ были только ранены, и им удалось, после того как убийцы ушли, добраться до города. В Красном Кресте их перевязали. Однако позже они были пойманы и расстреляны.

Свидетелем этих убийств был латыш, который незаметно в лесу все видел. Он рассказал об этом моим знакомым в Риге.

В Модонне евреи должны были сами сжечь синагоги. При этом присутствовал окружной начальник РЕЙНЕКС. Латыш Роберт ШПРОГИС принимал участие в сожжении синагог.

Евреев привели в школьное здание, где их мучили несколько дней. Служащие немецкой полевой жандармерии и латыши — студент Билис КИНКЕРС и БОГДАНОВС принуждали молодых евреек к сожительству, обещая, что спасут их от расстрела. Дочери торговца КАЦИНА, студентки рижской консерватории, отказывались: «Лучше мы умрем честно, чем будем опозорены», — заявили они. Все они были расстреляны.

Все ценности евреев из Модонн были проданы в полицейском участке полицейским чиновникам по ничтожным ценам.

Все это я узнала через чиновника полиции этого города.

Во всех городах Латвии, где евреи были убиты, на подъездных дорогах был установлен щит с надписью: «свободен от евреев».

Во время расстрелов в Модонне латвийские полицейские чиновники фотографировали немецкую полевую жандармерию, которая расстреливала евреев. Они делали эти снимки с намерением, чтобы доказать впоследствии миру, что за эти зверства ответственны немцы.

Смешанные браки

Евреи, женатые на арийках, должны были вместе с другими евреями переселиться в гетто. Жены их имели право сво-

бодно проживать в городе. Дети таких пар в большинстве случаев могли оставаться в городе. Некоторые арийки, вышедшие замуж за евреев, обращались в областной комиссариат с просьбой разрешить их мужьям-евреям остаться в городе. В подобных просьбах всегда давался отказ.

Еврейки, которые вышли замуж за арийцев, получали также продовольственные карточки, как и остальные евреи, но им разрешали остаться вместе со своими семьями. Позже немцы издали приказ, что только те еврейки, вышедшие замуж за арийцев, могут не ехать в гетто, которые подвергнут себя стерилизации. Большинство согласилось подвергнуться этой операции.

В Риге имелось около 400 смешанных браков.

Судьба иностранных евреев

С немецкими евреями, которые проживали в Риге, обращались так же, как и с латвийскими. Они также должны были в установленные сроки переселиться в гетто.

Евреи — иностранные подданные имели право ходить по улицам без звезды Давида. До февраля 1942 года они имели право сохранить свои квартиры в городе. В феврале немецкая тайная полиция арестовала всех иностранных евреев. Они были частично расстреляны, частично интернированы в центральную тюрьму.

2/III-1945

3. Материалы, связанные с подготовкой и проведением Международного Нюрнбергского Трибунала

ДЕКЛАРАЦИЯ ЧЕТЫРЕХ ГОСУДАРСТВ ПО ВОПРОСУ О ВСЕОБЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

Правительства Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Советского Союза и Китая,

объединенные в своей решимости в соответствии с Декларацией Объединенных Наций от 1 января 1942 г. и с последующими декларациями продолжать военные действия против тех держав оси, с которыми они соответственно находятся в состоянии войны, пока эти державы не сложат своего оружия на основе безоговорочной капитуляции;

сознавая свою ответственность в деле обеспечения освобождения самих себя и союзных с ними народов от угрозы агрессии;

признавая необходимость обеспечения быстрого и организованного перехода от войны к миру и установления и поддержания международного мира и безопасности при наименьшем отвлечении мировых человеческих и экономических ресурсов для вооружений;

совместно заявляют:

1. Что их совместные действия, направленные на ведение войны против их соответственных врагов, будут продолжены для организации и поддержания мира и безопасности.

2. Что те из них, которые находятся в войне с общими врагами, будут действовать совместно во всех вопросах, относящихся к капитуляции и разоружению этих соответственных врагов.

3. Что они примут все те меры, которые они считают необходимыми, против любого нарушения условий, предъявленных к их противникам.

4. Что они признают необходимость учреждения в возможно короткий срок всеобщей Международной Организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства — большие и малые.

5. Что они будут консультироваться друг с другом и по мере

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», Госполитиздат, т. I, 1944, стр. 414, 415.

ДЕКЛАРАЦИЯ ЧЕТЫРЕХ ГОСУДАРСТВ О ВСЕОБЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ 23

того, как этого потребуют обстоятельства, с другими членами Объединенных Наций, имея в виду совместные действия в интересах сообщества наций в целях поддержания международного мира и безопасности, пока не будут восстановлены закон и порядок и пока не будет установлена система всеобщей безопасности.

6. Что по окончании войны они не будут применять своих вооруженных сил на территории других государств, кроме как после совместной консультации и для целей, предусмотренных в этой декларации.

7. Что они будут совещаться и сотрудничать друг с другом и с другими членами Объединенных Наций в целях достижения осуществимого всеобщего соглашения в отношении регулирования вооружений в послевоенный период.

Москва, 30 октября 1943 г.

ДЕКЛАРАЦИЯ ТРЕХ ДЕРЖАВ ¹

Мы, Президент Соединенных Штатов, Премьер-Министр Великобритании и Премьер Советского Союза, встречались в течение последних четырех дней в столице нашего союзника-Ирана и сформулировали и подтвердили нашу общую политику.

Мы выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время.

Что касается войны, представители наших военных штабов участвовали в наших переговорах за круглым столом, и мы согласовали наши планы уничтожения германских вооруженных сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга.

Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, гарантирует нам победу.

Что касается мирного времени, то мы уверены, что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью признаем высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединенных Нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранил бедствия и ужасы войны на многие поколения.

Совместно с нашими дипломатическими советниками мы рассмотрели проблемы будущего. Мы будем стремиться к сотрудничеству и активному участию всех стран, больших и малых, народы которых сердцем и разумом посвятили себя, подобно нашим народам, задаче устранения тирании, рабства, угнетения и нетерпимости. Мы будем приветствовать их вступление в мировую семью демократических стран, когда они пожелают это сделать.

Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожить германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха.

Наше наступление будет беспощадным и нарастающим.

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», Госполитиздат, т. I, 1944, стр. 424—425.

ДЕКЛАРАЦИЯ ТРЕХ ДЕРЖАВ

25

Закончив наши дружественные совещания, мы уверенно ждем того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действию тирании, и в соответствии со своими различными стремлениями и своей совестью.

Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели.

Подписано в Тегеране 1 декабря 1943 г.

РУЗВЕЛЬТ
СТАЛИН
ЧЕРЧИЛЛЬ

ПОДПИСАНИЕ АКТА О БЕЗОГОВОРОЧНОЙ КАПИТУЛЯЦИИ ГЕРМАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ¹

АКТ О ВОЕННОЙ КАПИТУЛЯЦИИ

1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени Германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных экспедиционных сил.

2. Германское Верховное Командование немедленно издает приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23-01 часа по центральноевропейскому времени 8 мая 1945 г., остаться на своих местах, где они находятся в это время, и полностью разоружиться, передав все их оружие и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителями Союзного Верховного Командования, не разрушать и не причинять никаких повреждений пароходам, судам и самолетам, их двигателям, корпусам и оборудованию, а также машинам, вооружению, аппаратам и всем вообще военно-техническим средствам ведения войны.

3. Германское Верховное Командование немедленно выделит соответствующих командиров и обеспечит выполнение всех дальнейших приказов, изданных Верховным Главнокомандованием Красной Армии и Верховным Командованием Союзных экспедиционных сил.

4. Этот акт не будет являться препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным Объединенными Нациями или от их имени, применимым к Германии и германским вооруженным силам в целом.

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, Госполитиздат, стр. 261—262

ПОДПИСАНИЕ АКТА О ВЕЗОГОВОРЧНОЙ КАПИТУЛЯЦИИ

29

5. В случае, если немецкое Верховное Командование или какие-либо вооруженные силы, находящиеся под его командованием, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции, Верховное Командование Красной Армии, а также Верховное Командование Союзных экспедиционных сил предпримут такие карательные меры или другие действия, которые они сочтут необходимыми.

6. Этот акт составлен на русском, английском и немецком языках. Только русский и английский тексты являются аутентичными.

Подписано 8 мая 1945 г. в г. Берлине.

**ДЕКЛАРАЦИЯ О ПОРАЖЕНИИ ГЕРМАНИИ
И ВЗЯТИИ НА СЕБЯ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ
В ОТНОШЕНИИ ГЕРМАНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВАМИ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК, СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА
И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
И ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ¹**

Германские вооруженные силы на суше, на море и в воздухе потерпели полное поражение и безоговорочно капитулировали, и Германия, которая несет ответственность за войну, неспособна больше противостоять воле держав-победительниц. Тем самым безоговорочная капитуляция Германии осуществлена, и Германия поставила себя в зависимость от таких требований, которые могут быть сейчас или впоследствии ей навязаны.

В Германии нет центрального правительства или власти, способной взять на себя ответственность за сохранение порядка, управление страной и за выполнение требований держав-победительниц.

Именно при этих обстоятельствах необходимо без ущерба для последующих решений, которые могут быть приняты по отношению к Германии, распорядиться о прекращении дальнейших военных действий со стороны германских вооруженных сил, сохранении порядка в Германии и об управлении страной и объявить те непосредственные требования, которые Германия обязана выполнить.

Представители Верховных Командований Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки и Французской Республики, в дальнейшем называемые «представители союзников», действуют по

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, Госполитиздат, стр. 273—281.

уполномочию своих соответствующих правительств и в интересах Объединенных Наций, провозглашают в соответствии с этим следующую декларацию:

Правительства Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки, и Временное Правительство Французской Республики настоящим берут на себя верховную власть в Германии, включая всю власть, которой располагают германское правительство, верховное командование и любое областное, муниципальное или местное правительство или власть. Взятие на себя такой власти, прав и полномочий для вышеуказанных целей не является аннексией Германии.

Правительства Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки, и Временное Правительство Французской Республики впоследствии установят границы Германии или любой части ее, а также определят статут Германии или любого района, который в настоящее время является частью германской территории.

В силу верховной власти, прав и полномочий, взятых на себя четырьмя правительствами, представители союзников объявляют следующие требования, возникающие из полного поражения и безоговорочной капитуляции Германии, которые Германия обязана выполнить.

Статья 1

Германия и все германские военные, военно-морские и военно-воздушные власти и все вооруженные силы под германским контролем немедленно прекращают военные действия на всех театрах войны против вооруженных сил Объединенных Наций на суше, на море и в воздухе.

Статья 2

а) Все вооруженные силы Германии или находящиеся под германским контролем, где бы они ни располагались, включая сухопутные, воздушные, противовоздушные и военно-морские силы, СС, СА и гестапо, а также все другие силы или вспомогательные организации, имеющие оружие, должны быть полностью разоружены с передачей своего вооружения и имущества местным союзным командующим или офицерам, назначенным представителями союзников.

б) Личный состав соединений и частей всех сил, упомянутых выше, в пункте «а», объявляется военнопленными по усмотрению Главнокомандующего вооруженных сил соответствующего союз-

32 ДЕКЛАРАЦИИ И ЗАЯВЛЕНИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГИТЛЕРОВЦЕВ

ного государства впредь до дальнейших решений и подчиняется таким условиям и распоряжениям, которые могут быть предписаны соответствующими представителями союзников.

с) Все вооруженные силы, упомянутые выше, в пункте «а», где бы они ни находились, остаются на своих местах впредь до получения распоряжений от представителей союзников.

д) Эвакуация упомянутых вооруженных сил со всех территорий, расположенных вне границ Германии, существовавших на 31 декабря 1937 г., осуществляется согласно указаниям, которые будут даны представителями союзников.

е) Отряды гражданской полиции, подлежащие вооружению только ручным оружием для поддержания порядка и несения охраны, будут определяться представителями союзников.

Статья 3

а) Все военные, морские и гражданские самолеты любого типа и государственной принадлежности, находящиеся в Германии или на оккупированных или контролируемых Германией территориях или водах, за исключением тех, которые обслуживают союзников, должны остаться на земле, воде или на борту судов впредь до дальнейших распоряжений.

в) Все германские или находящиеся в распоряжении германских самолеты на территориях или водах, не оккупированных и не контролируемых Германией, или над ними, должны направляться в Германию или в такое другое место или места, которые будут указаны представителями союзников.

Статья 4

а) Все германские или контролируемые Германией военноморские корабли, надводные и подводные, вспомогательные, а также торговые и другие суда, где бы они ни находились во время издания настоящей декларации, и все другие торговые суда какой бы то ни было национальности, находящиеся в германских портах, должны оставаться на месте или немедленно отправиться в порты или базы, указанные представителями союзников. Команды этих судов остаются на борту впредь до дальнейших распоряжений.

в) Все корабли и суда Объединенных Наций, находящиеся во время издания настоящей декларации в распоряжении или под контролем Германии, независимо от того, передано или не передано право владения ими в результате решения призового суда или как-нибудь иначе, должны направиться в порты или базы и в сроки, указанные представителями союзников.

Статья 5

а) Все или любой из следующих предметов, находящихся в распоряжении германских вооруженных сил или под германским контролем или в распоряжении Германии, должны быть сохранены неповрежденными и в хорошем состоянии и предоставлены в распоряжение представителей союзников для такого назначения и в такие сроки и в местах, которые они могут предписать:

1) все оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, военное оборудование, склады и запасы и всякого рода другие орудия войны и все остальные военные материалы;

2) все военно-морские суда всех классов, как надводные, так и подводные, вспомогательные военно-морские суда и все торговые суда, находящиеся на плаву, в ремонте, построенные или строящиеся;

3) все самолеты всех типов, авиационное и противовоздушное оборудование и установки;

4) все оборудование и средства связи и транспорта по суше, воде и воздуху;

5) все военные установки и учреждения, включая аэродромы и гидроавиабазы, порты и военно-морские базы, склады, постоянные и временные внутренние и береговые укрепления, крепости и другие укрепленные районы вместе с планами и чертежами всех таких укреплений, установок и учреждений;

а) все фабрики, заводы, мастерские, исследовательские институты, лаборатории, испытательные станции, технические данные, патенты, планы, чертежи и изобретения, рассчитанные или предназначенные для производства или содействия производству или применению предметов, материалов и средств, упомянутых выше, в пунктах 1, 2, 3, 4 и 5, или иным образом предназначенные способствовать ведению войны.

б) По требованию представителей союзников должны быть предоставлены:

1) рабочая сила, обслуживание и оборудование, необходимые для содержания или эксплуатации всего входящего в любую из шести категорий, упомянутых в пункте «а»;

2) любые сведения и документы, которые представители союзников могут в связи с этим потребовать.

с) По требованию представителей союзников должны быть предоставлены все средства для перевозки союзных войск и органов, их имущества и предметов снабжения по железным дорогам, шоссе и другим наземным путям сообщения или по морю, рекам или по воздуху. Все средства транспорта должны содержаться в

34 ДЕКЛАРАЦИИ И ЗАЯВЛЕНИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГИТЛЕРОВЦЕВ

порядке и исправности, а также должны быть предоставлены рабочая сила, обслуживание и оборудование, необходимые для этого.

Статья 6

а) Германские власти должны передать представителям союзников в соответствии с порядком, который будет ими установлен, всех находящихся в их власти военнопленных, принадлежащих к Вооруженным силам Объединенных Наций, и представить полные списки этих лиц с указанием мест заключения в Германии и на территории, оккупированной Германией. Впредь до освобождения таких военнопленных германские власти и народ должны охранять их жизнь и имущество и обеспечить их достаточным питанием, одеждой, кровом, лечебной помощью и денежным содержанием согласно их званиям и должностям.

б) Германские власти и народ должны подобным же образом обеспечить и освободить всех других граждан Объединенных Наций, которые заключены, интернированы или подвергнуты другого рода ограничениям, и всех других лиц, которые могут оказаться заключенными, интернированными или подвергнутыми другого рода ограничениям по политическим соображениям или в результате каких бы то ни было нацистских мер, закона или постановления, которые устанавливают дискриминацию на основании расовой принадлежности, цвета кожи, вероисповедания или политических воззрений.

в) Германские власти по требованию представителей союзников должны передать контроль над местами заключения офицерам, которые могут быть назначены с этой целью представителями союзников.

Статья 7

Соответствующие германские власти должны представить представителям союзников:

а) полную информацию относительно вооруженных сил, упомянутых в статье 2, пункте «а», и, в частности, должны немедленно представить все сведения, которые могут потребовать представители союзников относительно численного состава, размещения и расположения таких вооруженных сил, независимо от того, находятся они внутри или вне Германии;

б) полную и подробную информацию относительно мин, минных полей и других препятствий движению по суше, морю и воздуху, а также о существующих безопасных проходах. Все такие безопасные проходы должны держаться открытыми и ясно обозначенными: все мины, минные поля и другие опасные препятствия по мере возможности должны быть обезврежены, и все

ДЕКЛАРАЦИЯ О ПОРАЖЕНИИ ГЕРМАНИИ

35

навигационное оборудование должно быть восстановлено. Невооруженный германский военный и гражданский персонал о необходимом оборудовании должен быть предоставлен и использован для вышеуказанных целей, а также для удаления мин, обезвреживания минных полей и устранения других препятствий по указанию представителей союзников.

Статья 8

Не должно быть никакого разрушения, перемещения, сокрытия, передачи, затопления или повреждения того или иного военного, военно-морского, воздушного, судоходного, портового, промышленного и другого подобного оборудования и имущества, а также всех документов и архивов, где бы они ни находились, за исключением тех случаев, когда это будет указано представителями союзников.

Статья 9

Впредь до установления контроля представителей союзников над всеми средствами связи все телеграфные, телефонные и радиостановки и другие виды проволочной и беспроводной связи как на суше, так и на воде, находящиеся под германским контролем, должны прекратить передачу, за исключением производимой по распоряжению представителей союзников.

Статья 10

На вооруженные силы, суда, самолеты, военное имущество и другую собственность, находящиеся в Германии или под ее контролем, на ее службе или в ее распоряжении и принадлежащие любой другой стране, находящейся в состоянии войны с какой-либо союзной державой, распространяются положения этой декларации и всех издаваемых в соответствии с ней прокламаций, приказов, распоряжений и инструкций.

Статья 11

а) Главные нацистские лидеры, указанные представителями союзников, и все лица, чьи имена, ранг, служебное положение или должность будут время от времени указываться представителями союзников в связи с тем, что они подозреваются в совершении, подстрекательстве или издании приказов о проведении военных или аналогичных преступлений, будут арестованы и переданы представителям союзников.

36 ДЕКЛАРАЦИИ И ЗАЯВЛЕНИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГИТЛЕРОВЦЕВ

б) Положения пункта «а» относятся к любому гражданину любой из Объединенных Наций, который обвиняется в совершении преступления против своего национального закона и чье имя, ранг, служебное положение или должность могут быть в любое время указаны представителями союзников.

с) Германские власти и народ будут выполнять издаваемые представителями союзников распоряжения об аресте и выдаче таких лиц.

Статья 12

Представители союзников будут размещать вооруженные силы и гражданские органы в любой или во всех частях Германии по своему усмотрению.

Статья 13

а) При осуществлении Верховной власти в отношении Германии, принятой на себя правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки и Временным Правительством Французской Республики, четыре союзные правительства будут принимать такие меры, включая полное разоружение и демилитаризацию Германии, какие они сочтут необходимыми для будущего мира и безопасности.

б) Представители союзников навязнут Германии дополнительные политические, административные, экономические, финансовые, военные и другие требования, возникающие в результате полного поражения Германии. Представители союзников или лица или органы, должным образом назначенные действовать по их уполномочию, будут выпускать прокламации, приказы, распоряжения и инструкции с целью установления этих дополнительных требований и проведения в жизнь других положений настоящей декларации. Все германские власти и германский народ должны безоговорочно выполнять все требования представителей союзников и полностью подчиняться всем этим прокламациям, приказам, распоряжениям и инструкциям.

Статья 14

Эта декларация вступает в силу в день и час, указанные ниже. В случае, если германские власти или народ не будут быстро и полностью выполнять возлагаемые на них данной декларацией обязательства, представители союзников предпримут любые действия, которые они сочтут целесообразными при этих обстоятельствах.

ДЕКЛАРАЦИЯ О ПОРАЖЕНИИ ГЕРМАНИИ

37

Статья 15

Настоящая декларация составлена на русском, английском, французском и немецком языках. Только русский, английский и французский тексты являются аутентичными.

Подписано 5 июня 1945 г. в г. Берлине.

По уполномочию Правительства Союза Советских Социалистических Республик Главнокомандующий Советскими оккупационными войсками в Германии Маршал Советского Союза <i>Г. К. Жуков</i>	По уполномочию Правительства Соединенных Штатов Америки Генерал Армии <i>Д. Эйзенхауэр</i>	По уполномочию Правительства Соединенного Королевства Фельдмаршал <i>Б. Л. Монтгомери</i>	По уполномочию Временного правительства Французской Республики Генерал <i>Делатр де Тассиньи</i>
---	--	---	--

**ОБРАЩЕНИЕ № 1
К НАРОДУ ГЕРМАНИИ:
СОЗДАНИЕ КОНТРОЛЬНОГО СОВЕТА**

Главнокомандующие Вооруженными Силами в Германии Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временного Правительства Французской Республики, действуя совместно в качестве членов Контрольного Совета, настоящим провозглашают:

I

Как было объявлено 5 июня 1945 г., верховная власть в отношении Германии была взята Правительствами Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства и Временным Правительством Французской Республики.

II

В силу верховной власти и полномочий, таким образом принятых четырьмя Правительствами, учрежден Контрольный Совет, и верховная власть в делах, затрагивающих Германию в целом, передана Контрольному Совету.

III

Любые военные законы, обращения, приказы, указы, извещения, правила и постановления, изданные соответственными Главнокомандующими или от их имени для их соответственных зон оккупации, продолжают оставаться в силе в их соответственных зонах оккупации.

Составлено в Берлине 30 августа 1945 г.

*Генерал армии Д. Эйзенхауэр
За генерала корпуса П. Кенига
Генерал-лейтенант Л. Кельц
За фельдмаршала Б. Монтемери
Генерал-лейтенант В. Г. Робертсон
Маршал Советского Союза Г. Жуков*

ОБРАЩЕНИЕ № 2
НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ
К ГЕРМАНИИ, К ГЕРМАНСКОМУ НАРОДУ:

Мы, представители Союзников, Главнокомандующие оккупационными вооруженными силами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Французской Республики, исходя из Декларации о поражении Германии, подписанной в Берлине 5 июня 1945 г., настоящим объявляем некоторые дополнительные требования, вытекающие из полного поражения и безоговорочной капитуляции Германии, которые Германия обязана выполнить (насколько они еще не выполнены), а именно:

РАЗДЕЛ I

1. Все сухопутные, морские и воздушные вооруженные силы Германии, СС, СА, СД и гестапо со всеми организациями, штабами и учреждениями, включая генеральный штаб, офицерский корпус, корпус резервистов, военные училища, организации ветеранов войны, и все другие военные и полувойенные организации вместе с их клубами и ассоциациями, служащими интересам поддержания военных традиций в Германии, будут полностью и окончательно упразднены в соответствии с процедурой и методами, установленными Представителями Союзников.

2. Все виды военного обучения, военной пропаганды и какой бы то ни было военной деятельности германского народа, создание каких бы то ни было организаций или групп, предназначенных содействовать тому или иному виду военного обучения, запрещаются. Запрещается также создание организаций ветеранов войны или других групп, могущих развивать военные качества или предназначенных для поддержания германских военных традиций, хотя бы внешне они и претендовали на характер политических, образовательных, религиозных, общественных, спортивных или иных организаций.

РАЗДЕЛ II

3. а) Германские власти и чиновники на всех территориях, находящихся за пределами германских границ, существовавших на 31 декабря 1937 г., а также в любых расположенных внутри этих границ районах, которые в любое время могут быть указаны

Представителями Союзников, должны подчиняться всем распоряжениям об отзыве и эвакуации, которые они могут получить от Представителей Союзников.

б) Германские власти должны дать необходимые распоряжения и принять необходимые меры по приему и содержанию в Германии всех германских гражданских лиц, которые проживают на территориях или в районах, упомянутых выше, и относительно эвакуации которых будет издан приказ Представителей Союзников.

с) Отзыв и эвакуация согласно вышеуказанным подпунктам «а» и «б» должны производиться в сроки и при условии, которые могут быть указаны Представителями Союзников.

4. На территориях и в районах, упомянутых выше, в пункте 3, все вооруженные силы, находящиеся под германским командованием, германские власти и гражданские лица, должны немедленно и полностью прекратить всякое принуждение и применение принудительного труда, а также все меры, которые могут повлечь за собой повреждение здоровья или увечье. Равным образом должны быть прекращены всякие мероприятия по реквизиции, захвату, перемещению, сокрытию или уничтожению имущества, в частности, отзыв и эвакуация, упомянутые выше, в пункте 3, должны быть проведены без нанесения ущерба и без перемещения лиц и имущества, на которых не распространяются распоряжения Представителей Союзников. Представители Союзников укажут, какое личное имущество и предметы могут быть взяты с собой лицами, эвакуируемыми согласно вышеупомянутому пункту 3.

РАЗДЕЛ III

5. Представители Союзников будут регулировать все вопросы, затрагивающие отношения Германии с другими странами. Германские власти и граждане не должны брать на себя прямо или косвенно никаких иностранных обязательств или вступать в такого рода соглашения без санкции Представителей Союзников.

6. Представители Союзников дадут указания относительно аннулирования, введения в силу, возобновления или применения любого договора или иного международного соглашения или какой-либо их части или положения, в которых Германия участвует или участвовала в качестве одной из сторон.

7. а) В силу безоговорочной капитуляции Германии и со дня этой капитуляции дипломатические, консульские, торговые и другие отношения германского государства с другими государствами прекращаются.

б) С дипломатическими, консульскими, торговыми и другими чиновниками и членами военных миссий в Германии стран, нахо-

50 ДЕКЛАРАЦИИ И ЗАЯВЛЕНИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГИТЛЕРОВЦЕВ

дящихся в состоянии войны с любой из четырех держав, будет поступлено так, как это могут предписать Представители Союзников. Представители Союзников могут потребовать отъезда из Германии дипломатических, консульских, торговых и других чиновников и членов военных миссий нейтральных стран.

с) Все германские дипломатические, консульские, торговые и другие чиновники и служащие и члены германских военных миссий за границей настоящим отменяются. Установление контроля и мер в отношении зданий, имущества и архивов всех германских дипломатических и других представителей за границей будет предписываться Представителями Союзников.

8. а) Впредь до получения дальнейших распоряжений германским гражданам запрещается оставлять германскую территорию, кроме как с разрешения или по указанию Представителей Союзников.

б) Германские власти и граждане должны выполнять все распоряжения Представителей Союзников по отъезду германских граждан, проживающих за границей, и по приему в Германии всех лиц, указываемых Представителями Союзников.

9. Германские власти и народ должны принять все соответствующие меры для обеспечения безопасности, содержания в благополучии лиц не германского гражданства и их имущества, а также имущества иностранных государств.

РАЗДЕЛ IV

10. Германские власти должны предоставить в распоряжение Представителей Союзников всю германскую систему связи (включая все военные и гражданские, почтовые, телеграфные и телефонные системы и вспомогательное оборудование и средства обслуживания) и должны выполнять любые распоряжения Представителей Союзников о подчинении таких систем связи полному контролю Представителей Союзников. Германские власти должны выполнять все распоряжения Представителей Союзников об установлении последними такого рода цензуры и контроля над почтовой, телеграфной и телефонной связью, а также над документами и другими предметами, перевозимыми лично или иным образом, и над всеми другими видами связи, какие Представители Союзников сочтут целесообразными.

11. Германские власти должны выполнять все, издаваемые Представителями Союзников распоряжения относительно использования контроля и цензуры над всеми средствами воздействия на общественное мнение, включая всякого рода радиовещание, прессу и печатные издания, рекламу, кинофильмы, публичные представления и выставки.

РАЗДЕЛ V

12. Представители Союзников будут осуществлять такой контроль, который они сочтут необходимым, над всеми или любой частью или видом германских финансов, сельского хозяйства (включая лесоводство), производства горной промышленности, коммунальных предприятий, промышленности, торговли, распределения и экономики вообще, как внутренней, так и внешней, и над всем, что связано с ними или подчинено им, включая руководство или запрещение изготовления, производства, строительства, обработки, использования всяких зданий, предприятий, установок, государственных и частных фабрик, заводов, машин и оборудования, продукции материалов складов и ресурсов а также распоряжения ими. Подробные указания по вопросам, к которым относятся положения данного пункта, а также соответствующие требования Представителей Союзников будут время от времени передаваться германским властям.

13. а) Изготовление, производство и строительство, а также приобретение вне Германии военного имущества и материалов и других, определяемых Представителями Союзников продуктов, используемых для такого изготовления, производства или строительства, а также ввоз и вывоз и транзит таковых запрещается, за исключением производимых по указанию Представителей Союзников.

б) Германские власти должны немедленно предоставить в распоряжение Представителей Союзников всю исследовательскую работу, экспериментирование, усовершенствование и проектирование, имеющие прямое или косвенное отношение к войне или производству военного имущества, материалов как на государственных, так и на частных предприятиях, заводах, в технологических институтах или где бы то ни было.

14. а) Без санкции Представителей Союзников запрещается каким бы то ни было образом распоряжаться имуществом, активами, правами, имущественными документами и интересами (как внутри, так и вне Германии) германского государства, его политических подразделений, германского центрального банка, государственных, полугосударственных, областных, муниципальных и местных властей или нацистских организаций и теми из них, которые находятся вне Германии, но принадлежат любому лицу, проживающему или ведущему дела в Германии. В отношении имущества, активов, прав, имущественных документов и интересов (как внутри, так и вне Германии) таких частных компаний, корпораций, трестов, картелей, фирм, объединений и ассоциаций, которые могут быть указаны Представителями Союзников, не должно приниматься никаких мер без санкции Представителей Союзников.

52 ДЕКЛАРАЦИИ И ЗАЯВЛЕНИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГИТЛЕРОВЦЕВ

b) Германские власти должны представить полную информацию относительно имущества, активов, прав, имущественных документов и интересов, упомянутых в подпункте «а», выше, и выполнять указания Представителей Союзников относительно их передачи и распоряжения ими. Без ущерба для каких-либо дальнейших требований, которые могут быть предъявлены в этом отношении, германские власти должны предоставить в распоряжение Представителей Союзников в сроки и в местах, указанных ими, все ценные бумаги, сертификаты, акты и другие имущественные документы, находящиеся в распоряжении любых учреждений или органов, упомянутых в подпункте «а», выше, или какого-либо лица, подчиненного германскому закону, и относящиеся к имуществу, активам, правам, имущественным документам и интересам, находящимся на территории Объединенных Наций, включая все акции, ценные бумаги, долговые и другие обязательства любой компании, учрежденной в соответствии с законами любой из Объединенных Наций.

c) Имущество, активы, права, имущественные документы и интересы, находящиеся внутри Германии, не должны без санкции Представителей Союзников переводиться за пределы Германии, а также передаваться или предоставляться в распоряжение какого-либо лица, проживающего или ведущего дела вне Германии.

d) Что касается имущества, активов, прав, имущественных документов и интересов внутри Германии, то ничто в подпунктах «а» и «b», выше, не должно истолковываться как намерение предотвратить операции по продаже или передаче лицам проживающим в Германии, с целью поддержания или ведения повседневной национальной жизни, экономики и администрации при условии соблюдения положений подпункта 19 «b» и «с», ниже, а также положений Декларации о поражении Германии или изданных на основании ее прокламаций, приказов, распоряжений и инструкций.

15. a) Германские власти и все лица, находящиеся в Германии, должны передать Представителям Союзников все золотые и серебряные монеты и слитки и платиновые слитки, находящиеся в Германии, которые находятся во владении или хранятся по поручению любого из учреждений или органов, упомянутых в подпункте 14 «а», выше, или любого лица, проживающего или ведущего дела в Германии.

b) Германские власти и все лица, находящиеся в Германии, полностью должны сдать Представителям Союзников все иностранные банкноты и монеты, находящиеся во владении любой германской власти или любой корпорации, ассоциации или лица, проживающего и ведущего дела в Германии, и все денежные знаки, выпущенные или подготовленные для выпуска Германией на ранее оккупированных ею территориях и где бы то ни было.

16. a) Все имущество, активы, права, имущественные докумен-

ты и интересы в Германии, хранящиеся по поручению или принадлежащие любой стране, против которой какая-либо из Объединенных Наций ведет войну, или хранящиеся по поручению или принадлежащие гражданам любой такой страны или лицам, проживающим или ведущим там какое-либо дело, должны быть взяты под контроль и должны сохраняться впредь до получения дальнейших указаний.

б) Все имущество, активы, права, имущественные документы и интересы в Германии, хранящиеся по поручению или принадлежащие частным лицам, частным предприятиям и обществам тех стран, которые с 1 сентября 1945 г. находились в состоянии войны с любой из Объединенных Наций, за исключением Германии и стран, упомянутых в подпункте «а», выше, должны быть взяты под контроль и должны сохраняться впредь до дальнейших распоряжений.

с) Германские власти примут все необходимые меры для обеспечения выполнения положений, изложенных выше, в подпунктах «а» и «б», и будут выполнять все распоряжения, издаваемые для этой цели Представителями Союзников, а также предоставлять все необходимые в связи с этим сведения и средства.

17. а) Со стороны германских властей и народа не должно иметь место никакое сокрытие, уничтожение, затопление, разборка, перемещение или передача, а также никакое повреждение судов, транспортных средств, портов или гаваней, ни какого бы то ни было рода зданий, учреждений, установок, приспособлений, средств производства, снабжения, распределения или связи, машин, оборудования, валюты, складов или ресурсов или вообще государственных муниципальных или частных предприятий, служб или вспомогательных средств любого рода, где бы они ни находились.

б) Не должно иметь место никакое уничтожение, перемещение, сокрытие, изъятие или изменение каких бы то ни было документов, архивов, патентов, чертежей, спецификации, планов или какого бы то ни было рода сведений, на которые распространяются положения настоящего документа, могущих понадобиться Представителям Союзников. Они должны сохраняться нетронутыми на своем месте впредь до дальнейших распоряжений. По требованию Представителей Союзников германские власти должны предоставить все сведения и услуги в связи с вышеизложенным.

с) Любые меры, уже предписанные, предпринятые или начатые вопреки положениям подпунктов «а» и «б», выше, должны немедленно быть отменены или прекращены. О всех складах, оборудовании, машинах, архивах, патентах, документах, чертежах, спецификациях, планах и других материалах, уже укрытых или вне Германии, должно быть немедленно сообщено, и с ними будет поступлено согласно распоряжению Представителей Союзников.

54 ДЕКЛАРАЦИИ И ЗАЯВЛЕНИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГИТЛЕРОВЦЕВ

д) В соответствии с положениями Декларации о поражении Германии или изданных на основании ее прокламаций, приказов, распоряжений или инструкций германские власти и народ должны нести ответственность за сбережение, сохранность и содержание в порядке всех видов имущества и материалов, на которые распространяется любое из вышеизложенных положений.

е) Все транспортное имущество, склады, оборудование, машины, предприятия, учреждения, установки, приспособления и вообще все имущество, подлежащее передаче или доставке согласно Декларации о поражении Германии или изданным на основании ее прокламациям, приказам, распоряжениям и инструкциям, должны быть переданы неповрежденными и в хорошем состоянии или подвергшимися лишь нормальному износу или повреждениям, причиненным во время военных действий, исправление которых оказалось невозможным.

18. Не должно быть никаких финансовых, коммерческих или иных сношений или связей со странами или в пользу стран, находящихся в состоянии войны с какой-либо из Объединенных Наций, или с территориями, оккупированными такими странами, или с какой-либо другой страной или лицом, указанными Представителями Союзников.

РАЗДЕЛ VI

19. а) Германские власти должны принимать в пользу Объединенных Наций такие меры по реституциям, восстановлению, реставрации, репарациям, реконструкции и оказанию помощи, которые предпишут Представители Союзников. С этой целью германские власти должны осуществить или обеспечить сдачу или передачу такого имущества, активов, прав, имущественных документов и интересов, произвести такие поставки и выполнить такие работы по ремонту и строительству в Германии или где бы то ни было и предоставить такие транспортные средства, машины, оборудование и материалы всякого рода, рабочую силу, персонал, специалистов и другие услуги для использования в Германии или в других местах, согласно указаниям Представителей Союзников.

б) Германские власти должны также выполнять все распоряжения Представителей Союзников в отношении имущества, активов, прав, имущественных документов и интересов, находящихся в Германии, принадлежащих какой-либо из стран Объединенных Наций или ее гражданам, или принадлежащим им в начале войны, или в любое время после начала войны между Германией и такой страной, или после оккупации любой части ее территории Германией. Германские власти несут ответственность за сохранность, содержание и предотвращение расхищения такого имущества, активов, прав, имущественных документов и интересов и за передачу

их в полной сохранности по требованию Представителей Союзников. Для этих целей германские власти предоставят всю информацию и средства, требуемые для розыска всякого имущества, прав, имущественных документов или интересов.

с) Все лица в Германии, во владении которых могут быть такое имущество, активы, права, имущественные документы и интересы, будут лично ответственны за сообщение о них и за их сохранение до тех пор, пока они не будут переданы таким путем, который может быть предписан.

20. Германские власти должны бесплатно предоставить столько германской валюты, сколько потребуют Представители Союзников, изъять и выкупить в германской валюте в такие сроки и на таких условиях, как укажут Представители Союзников, всю находящуюся на германской территории валюту, выпущенную Представителями Союзников за время военных действий или оккупации, и передать бесплатно Представителям Союзников изъятую таким образом валюту.

21. Германские власти должны выполнить все распоряжения Представителей Союзников по несению расходов на питание, содержание, оплату, квартирование и перевозку вооруженных сил и органов, расположенных в Германии по распоряжению Представителей Союзников, нести расходы, возникающие в связи с выполнением требований безоговорочной капитуляции, и оплачивать всякую помощь в какой бы форме она ни оказывалась Объединенными Нациями.

22. Представители Союзников возьмут и будут неограниченно пользоваться (как внутри, так и вне Германии) любыми, упомянутыми в пункте 12 предметами, которые Представители Союзников могут потребовать в связи с ведением военных действий против любой страны, с которой какое-либо из соответствующих правительств находится в состоянии войны.

РАЗДЕЛ VII

23. а) Ни одно торговое судно (включая рыболовные и другие суда) не должно выходить в море из какого бы то ни было германского порта, кроме как с разрешения или по указанию Представителей Союзников. Германские суда, находящиеся в портах, вне Германии, должны оставаться в них, а суда, находящиеся в море, должны направиться в ближайший порт Германии или Объединенных Наций и оставаться там впредь до получения распоряжения от Представителей Союзников.

б) Все германские торговые суда, включая строящиеся или находящиеся в ремонте, должны быть предоставлены в распоряжение Представителей Союзников для такого использования и на таких условиях, которые могут быть ими предписаны.

56 ДЕКЛАРАЦИИ И ЗАЯВЛЕНИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГИТЛЕРОВЦЕВ

с) Иностранные торговые суда, находящиеся на германской службе или под германским контролем, должны быть также предоставлены в распоряжение Представителей Союзников для такого использования и на таких условиях, которые могут быть ими предписаны. Что касается иностранных торговых судов, числящихся в регистре нейтральных стран, то германские власти должны принять все такие меры, которые могут быть потребованы Представителями Союзников для передачи или распоряжения о передаче Представителям Союзников всех прав, относящихся к вышеупомянутым судам.

д) Всякая передача под другой флаг, контроль или на другую службу судов, упомянутых в подпунктах «b» и «с», выше, запрещается, кроме как по распоряжению Представителей Союзников.

24. Все действующие права на выкуп, приобретение вновь или возобновление контроля над судами, проданными или каким-либо другим образом переданными или зафрахтованными Германией во время войны, должны использоваться согласно указаниям Представителей Союзников. Такие суда должны быть предоставлены для использования Представителями Союзников в таком же порядке, как и суда, упомянутые в подпунктах 23 «b» и «с», выше.

25. а) Команды всех германских торговых судов или торговых судов, находящихся на германской службе или под германским контролем, остаются на борту и содержатся германскими властями впредь до получения распоряжений от Представителей Союзников относительно их дальнейшего использования.

б) С грузами, находящимися на борту таких судов, будет поступлено согласно распоряжениям, которые будут даны германским властям Представителями Союзников.

26. а) Находящиеся в руках у немцев торговые суда Объединенных Наций (или любой страны, порвавшей дипломатические отношения с Германией), включая рыболовные и другие суда, где бы они ни были, должны быть переданы Представителям Союзников независимо от того, передано или не передано право владения ими в результате решения призового суда или как-нибудь иначе. Все такие суда должны быть сданы в полной исправности и мореходной готовности в таких пунктах и в такие сроки, которые будут определены Представителями Союзников для использования по их усмотрению.

б) Германские власти должны принять все меры, которые будут указаны Представителями Союзников, для осуществления или обеспечения полной передачи права владения на вышеуказанные суда независимо от того, передано или не передано право владения в результате решения призового суда или как-нибудь иначе. Они должны обеспечить прекращение всяких арестов или судебных процессов против таких судов в нейтральных портах.

27. Германские власти должны выполнять все распоряжения Представителей Союзников относительно уничтожения, рассредоточения, спасения, исправления или подъема разбитых, севших на мель, покинутых или потопленных судов, где бы они ни находились. Со всяким спасенным или поднятым судном будет поступлено согласно указаниям Представителей Союзников.

28. Германские власти должны предоставить в неограниченное распоряжение Представителей Союзников все германское судостроение, судостроение и судоремонтную промышленность и все вспомогательное оборудование и средства, прямо или косвенно относящиеся к ним или зависящие от них, а также должны предоставить необходимую рабочую силу и услуги специалистов. Требования Представителей Союзников будут указываться в распоряжениях, которые будут время от времени передаваться ими германским властям.

РАЗДЕЛ VIII

29. Германские власти должны предоставить в неограниченное распоряжение Представителей Союзников всю систему германского внутреннего транспорта (дороги, железные дороги, воздушные и водные пути) и все связанные с ним материалы, технику и оборудование, а также все ремонтные, строительные, вспомогательные и эксплуатационные средства и рабочую силу согласно распоряжениям Представителей Союзников.

30. Производство в Германии, а также владение, содержание или эксплуатация немцами летательных аппаратов каких бы то ни было типов или их частей запрещаются.

31. Все германские права в международных транспортных организациях или органах и в отношении пользования транспортом и осуществления перевозок в других странах, а также использование в Германии транспортных средств других стран будут осуществляться в соответствии с распоряжениями Представителей Союзников.

32. Все установки для производства, передачи и распределения энергии, включая предприятия по производству и ремонту таких установок, должны быть переданы под полный контроль Представителей Союзников для использования в таких целях, которые могут быть ими определены.

РАЗДЕЛ IX

33. Германские власти должны выполнять все распоряжения Представителей Союзников по регулированию передвижения населения и по контролю над поездками и переездами лиц в Германии.

58 ДЕКЛАРАЦИИ И ЗАЯВЛЕНИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГИТЛЕРОВЦЕВ

34. Ни одно лицо не может выехать из Германии или въехать в нее без разрешения, выданного Представителями Союзников или по их уполномочию.

35. Германские власти должны выполнять все распоряжения Представителей Союзников о репатриации всех лиц не немецкого гражданства, находящихся в Германии или проезжающих через нее, о возвращении их собственности и имущества и об оказании содействия передвижению беженцев и перемещенных лиц.

РАЗДЕЛ X

36. Германские власти предоставят любую информацию и документы и обеспечат присутствие любых свидетелей, которые будут потребованы Представителями Союзников для суда над:

а) главными нацистскими лидерами, указанными Представителями Союзников, и всеми лицами, чьи имена, ранг, служебное положение или должность будут время от времени указываться Представителями Союзников в связи с тем, что они подозреваются в совершении, подстрекательстве или издании приказов о проведении военных или аналогичных преступлений;

б) любым гражданином любой из Объединенных Наций, который обвиняется в совершении преступления против своего национального закона и чье имя, ранг, служебное положение или должность могут быть в любое время указаны Представителями Союзников, и будут оказывать всякую другую помощь и содействие для этих целей.

37. Германские власти будут выполнять любые, даваемые Представителями Союзников распоряжения в отношении имущества любого лица, упомянутого в подпунктах 36 «а» и «б», выше, как, например, его захват, хранение и передача.

РАЗДЕЛ XI

38. Германская национал-социалистская рабочая партия (НСДАП) настоящим полностью и окончательно упраздняется и объявляется вне закона.

39. Германские власти должны быстро выполнять все распоряжения, которые Представители Союзников могут издать с целью упразднения национал-социалистской партии и подчиненных ей организаций, примыкающих к ней ассоциаций и находящихся под ее наблюдением организаций и всех нацистских общественных институтов, созданных в качестве орудия нацистского господства, а также таких других организаций, которые могут рассматриваться как представляющие угрозу безопасности вооруженных сил союзников или всеобщему миру, и с целью запрещения их возрождения в какой бы то ни было форме, а также для

смещения и интернирования нацистского персонала, контроля или захвата нацистского имущества и фондов пресечения нацистской идеологии и учения.

40. Германские власти и германские граждане не должны допускать существования каких бы то ни было тайных организаций.

41. Германские власти должны выполнять такие распоряжения, которые Представители Союзников могут издать с целью отмены нацистского законодательства и реформы германских законов и германской правовой, судебной, административной, полицейской и образовательной систем, включая замену их персонала.

42. а) Германские власти должны выполнять такие распоряжения, которые Представители Союзников могут издать с целью отмены германского законодательства, влекущего за собой дискриминацию на основании расовой принадлежности, цвета кожи, вероисповедания, языка или политических воззрений, а также с целью отмены всех правовых или других, вытекающих из него ограничений.

б) Германские власти должны выполнять такие распоряжения, которые Представители Союзников могут издать в отношении имущества, активов, прав, имущественных документов и интересов лиц, на которых распространялось законодательство, влекущее за собой дискриминацию на основании расовой принадлежности, цвета кожи, вероисповедания, языка или политических воззрений.

43. Запрещается всякое преследование или притеснение германскими властями или гражданами какого бы то ни было лица на основании расовой принадлежности, цвета кожи, языка, вероисповедания или политических воззрений или за сношения с Объединенными Нациями или сочувствие им, включая совершение любого действия, рассчитанного на облегчение выполнения положений Декларации о поражении Германии или любых изданных на основании ее прокламаций, приказов, распоряжений и инструкций.

44. При любом разбирательстве, производимом любым германским судом или властью, судопроизводство должно вестись с учетом положений Декларации и всех издаваемых на ее основании прокламаций, приказов, распоряжений и инструкций, которые заменят все несовместимые с ними положения германского закона.

РАЗДЕЛ XII

45. Без ущерба для каких-либо особых обязательств, содержащихся в положениях Декларации о поражении Германии или любых, изданных на ее основании прокламаций, приказов,

60 ДЕКЛАРАЦИИ И ЗАЯВЛЕНИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГИТЛЕРОВЦЕВ

распоряжений и инструкций, германские власти и всякие другие, могущие это сделать лица должны представить или обеспечить предоставление всех сведений и всякого рода государственных и частных документов, которые Представители Союзников могут потребовать.

46. Германские власти должны также обеспечить явку для опроса и использования Представителями Союзников любых, требуемых ими лиц, чьи знания или опыт могут быть полезными для Представителей Союзников.

47. Представители Союзников в любое время будут иметь доступ в любое здание, к любой установке, на любое предприятие, к любому имуществу или любой район, а также ко всему их содержимому с целью обеспечения выполнения Декларации о поражении Германии или любых прокламаций, приказов, распоряжений или инструкций, изданных на ее основании, и в частности с целью охраны, осмотра, копирования или приобретения любых требуемых документов и информации. Германские власти должны предоставить для этой цели все необходимые средства и содействие, включая услуги всего штаба специалистов, в том числе архивариусов.

РАЗДЕЛ XIII

48. В случае возникновения какого-либо сомнения относительно значения или толкования любого термина или выражения в Декларации Германии и изданных на ее основании прокламаций, приказов, распоряжений и инструкций решение Представителей Союзников будет окончательным.

Составлено в Берлине, 20 сентября 1945 г.

Генерал-лейтенант *Л. Кельц*
Фельдмаршал *Б. Л. Монтемери*
Генерал армии *Д. Эйзенхауэр*
Генерал армии *В. Д. Соколовский*

ЗАКОН № 10 О НАКАЗАНИИ ЛИЦ, ВИНОВНЫХ В ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ МИРА И ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

В целях осуществления Московской Декларации от 30 октября 1943 г., Лондонского Соглашения от 8 августа 1945 г. и Устава Международного Военного Трибунала и в целях установления в Германии единообразных принципов судебного преследования военных и других подобных преступников, за исключением лиц, против которых ведется преследование Международным Военным Трибуналом, Контрольный Совет постановляет следующее:

Статья I

Московская Декларация от 30 октября 1943 г. «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства» и Лондонское Соглашение от 8 августа 1945 г. «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси» составляют неотъемлемую часть этого закона. Присоединение к постановлению Лондонского Соглашения любой из Объединенных Наций, согласно статье 5 этого Соглашения, не дает права такой нации участвовать или вмешиваться в проведение настоящего закона в пределах сферы, на которую распространяется компетенция Контрольного Совета в Германии.

Статья II

1. Следующие действия признаются преступными:

а) Преступления против мира. Вторжение в другие страны и ведение агрессивных войн в нарушение международных законов и договоров, включая (но не ограничиваясь этим): планирование и подготовку войны, развязывание или ведение агрессивной войны или войны с нарушением международных договоров, соглашений и обязательств, или участие в общем плане или заговоре для выполнения какого-либо из вышеуказанных действий.

б) Военные преступления. Зверства или враждебные действия против лиц или имущества, представляющие нарушение

законов и обычаев войны, включая, в частности (но не ограничиваясь этим), убийство, плохое обращение, увод в рабство или увод для каких-либо других целей гражданского населения с оккупированной территории, или применение рабского труда на самой оккупированной территории, а также убийство или плохое обращение с военнопленными, находящимися в море, убийство заложников, ограбление общественной и частной собственности, умышленное разрушение городов и деревень и опустошение, не оправдываемое военной необходимостью.

с) Преступления против человечности. Зверства и враждебные действия, включая (но не ограничиваясь этим): убийства, истребление, обращение в рабство, высылка, заключение в тюрьмы, пытки, изнасилование или другие бесчеловечные действия, совершаемые против любого гражданского населения, преследование на политической, расовой или религиозной почве, независимо от того, были ли эти преступления совершены в нарушение законов страны или нет.

д) Принадлежность к определенным категориям преступной группы или организации, объявленной преступной Международным Военным Трибуналом.

2. Любое лицо, независимо от его национальности и должности, которую оно занимало, считается совершившим преступление, как это определено в параграфе 1 данной статьи, в том случае, если оно было:

- а) основным участником или
- б) соучастником в совершении какого-либо из этих преступлений, отдавая приказ или подстрекая к преступлению;
- с) давало согласие на участие в нем;
- д) участвовало в разработке планов или мероприятий, повлекших за собой совершенные преступления;
- ф) или (со ссылкой на параграф 1 «а») если занимало высокий политический, гражданский или военный (включая генеральный штаб) пост в Германии или у стран ей союзных, совоющих или сателлитов или занимало высокие посты в финансовой, промышленной или экономической жизни в любой из этих стран.

3. Любое лицо, будучи виновным в каком-либо из вышеперечисленных преступлений, может быть подвергнуто наказанию, которое может быть определено Трибуналом как справедливое.

Приговор может включать одно или несколько следующих наказаний:

- а) смертная казнь;
- б) пожизненное заключение или заключение на несколько лет с отбытием каторжных работ или без такового;
- с) штраф или заключение в тюрьму с отбыванием принудительных работ или без такового;
- д) конфискация имущества;

е) реституция незаконно приобретенного имущества, лишение некоторых или всех гражданских прав.

Любое имущество, объявленное конфискованным или реституция которого предусмотрена приговором Трибунала, поступает в распоряжение Контрольного Совета, который определяет его назначение.

4. а) Официальное положение любого лица независимо от того, было ли оно главой государства или руководящим чиновником в правительственных департаментах, не освобождает его от ответственности за преступления и не дает основания для смягчения ему наказания.

б) Тот факт, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказов своего правительства или вышестоящего над ним начальника, не освобождает его от ответственности за преступления, но может служить смягчающим обстоятельством при определении наказания.

5. Во время суда или предъявления обвинения в совершении вышеперечисленных преступлений обвиняемый не имеет права пользоваться преимуществами статута, установленного в период с 30 января 1933 г. по 1 июля 1945 г., и, кроме того, право неприкосновенности или амнистия, дарованные при нацистском режиме, не могут служить препятствием для наказания.

Статья III

1. Оккупационная власть в своей зоне:

а) имеет право арестовывать любое лицо, подозреваемое в совершении преступления, включая тех, кому предъявлено обвинение одной из Объединенных Наций, и брать под контроль имущество недвижимое и личное, находящееся в собственности или контролируемое лицами, о которых идет речь, до постановления или вынесения решения о том, как поступить с этим имуществом;

б) обязана сообщить Правовому Директорату имена всех подозреваемых преступников, причину и место их задержания, если они задержаны, и заключения, имена и местожительства свидетелей;

в) примет соответствующие меры, чтобы обеспечить свидетелей и доказательства, когда они потребуются;

д) будет иметь право распорядиться о доставке в компетентный суд всех лиц, арестованных и обвиняемых таким образом если они не выданы другой власти, как это предусмотрено настоящим законом, или не освобождены.

В случае совершения преступления лицом немецкого гражданства или национальности против других лиц немецкого гражданства или национальности или лицом, не имеющим гражданства,

82 ПОДГОТОВКА СУДА НАД ГЛАВНЫМИ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ

дело может быть рассмотрено немецким судом по разрешению оккупационных властей.

2. Трибунал, который будет судить лиц, обвиняемых в перечисленных преступлениях, будет назначаться Главнокомандующим соответствующей зоны. Он же будет определять процедуру Трибунала.

Настоящим никоим образом не ущемляются и не ограничиваются юрисдикция и полномочия любого суда или трибунала уже существующих или тех, которые могут быть созданы в любой зоне ее Главнокомандующим, а также Международного Военного Трибунала, учрежденного Лондонским Соглашением от 8 августа 1945 г.

3. Лица, которые должны судиться Международным Военным Трибуналом, не будут предаваться суду без согласия Комитета главных обвинителей. Каждый Главнокомандующий зоны передает таких лиц, находящихся в его зоне, этому Комитету по его просьбе и представляет в распоряжение Комитета свидетелей и доказательства.

4. Те лица, которые должны быть преданы суду в другой зоне или вне Германии, не будут судимы до разрешения вопроса о них в соответствии со статьей IV, за исключением случаев, когда о факте ареста было сообщено в соответствии с разделом 1 (в) статьи III и когда после ареста прошло три месяца и не было сделано запроса соответствующему Главнокомандующему зоны о выдаче преступника, определенного в статье IV.

5. Приведение в исполнение смертных приговоров может быть отложено на срок не более одного месяца после вынесения окончательного приговора, если Главнокомандующий зоны имеет основание полагать, что показания лиц, приговоренных к смертной казни, будут представлять ценность при расследовании и разбирательстве других преступлений, совершенных в его зоне, или вне его зоны.

6. Каждый Главнокомандующий зоны будет осуществлять решения компетентного суда в отношении имущества, взятого на основании вышеизложенного под его контроль, так, как он сочтет соответствующим интересам правосудия.

Статья IV

1. Когда какое-либо лицо в зоне Германии заподозрено в совершении преступления, определенного в статье II, в другой стране, а не в Германии или в другой зоне, правительство другой страны или Главнокомандующий другой зоны, в зависимости от того, как это может иметь место, может просить Главнокомандующего

той зоны, где находится данное лицо, об его аресте и выдаче для суда над ним в страну или зону, где совершилось преступление.

Удовлетворение просьбы о выдаче может быть дано Главнокомандующим, получившим ее, за исключением тех случаев, когда он считает, что такое лицо потребуется в качестве подсудимого или свидетеля для Международного Военного Трибунала, или в Германии или в другой стране, нежели той, которая делает запрос, или если Главнокомандующий считает, что такую выдачу производить не следует, причем в каждом из этих случаев он будет иметь право направлять указанный запрос Правовому Директорату Союзной Контрольной власти. Такая же процедура должна иметь место в отношении свидетелей, вещественных улик и других видов доказательства.

2. Правовой Директорат должен рассматривать все запросы, переданные ему, и должен принять решение по ним в соответствии со следующими принципами, сообщая о своем решении Главнокомандующему зоны:

а) Лицо, подлежащее суду Международного Военного Трибунала, а также вызываемое в качестве свидетеля, не будет предаться суду или давать показания вне Германии, смотря по обстоятельствам, иначе, как с согласия Комитета главных обвинителей, действующего в соответствии с Соглашением от 8 августа 1945 г.

б) Лицом, привлекаемым к суду несколькими властями (кроме Международного Военного Трибунала), надлежит распорядиться в соответствии, прежде всего, со следующим:

1. Если лицо это требуется для суда в зоне, в которой оно находится, оно не должно быть выдано до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение о его возвращении после суда в другом месте.

2. Если это лицо требуется для суда в другой зоне, то оно должно быть доставлено в эту зону предпочтительно к выдаче за пределы Германии, если только не имеется договоренности о его возвращении в эту зону после суда в другом месте.

3. Если это лицо подлежит суду за пределами Германии двумя или более Объединенными Нациями, гражданином одной из которых оно является, эта страна будет иметь приоритет.

4. Если это лицо подлежит суду за пределами Германии различными странами и не все из них входят в число Объединенных Наций, приоритет предоставляется Объединенным Нациям.

5. Если лицо подлежит суду за пределами Германии двумя или более Объединенными Нациями, тогда с учетом пункта 3 параграфа «d» раздела 2, статьи IV приоритет будет иметь страна, предъявляющая наиболее серьезные обвинения против него и которые могут быть подтверждены доказательствами.

ПОДГОТОВКА СУДА НАД ГЛАВНЫМИ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ

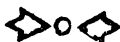
Статья V

Выдача согласно статье IV этого закона лиц для суда должна быть произведена по требованию правительства или командующих зон таким образом, чтобы эта выдача для одной юрисдикции не стала средством нарушения или ненужного откладывания осуществления правосудия в другом месте.

Если в течение шести месяцев выданное лицо не будет осуждено судом зоны или страны, которая его затребовала, то такое лицо будет возвращено по требованию Командующего той зоны, где это лицо находилось до выдачи.

Составлено в Берлине 20 декабря 1945 г.

Генерал Джозэф Т. Макнарни
Фельдмаршал Б. Л. Монгомери
Генерал-лейтенант Л. Кельц
Маршал Советского Союза Г. Жуков

**Заявление советского правительства об ответственности
гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния,
совершаемые ими в оккупированных странах Европы**

Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр Чехословацкой Республики г. Фирлингер и представитель Французского Национального Комитета г. Гарро передали через Народный Комиссариат Иностранных Дел на имя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталина коллективную ноту правительств Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии, Греции, Бельгии, Голландии и Люксембурга и французского Национального Комитета, подписавших 13 января с. г. «Декларацию о наказании за преступления, совершенные во время войны». В этой ноте выражено пожелание, чтобы со стороны Советского Союза было сделано предупреждение об ответственности за злодеяния, совершаемые гитлеровцами в оккупированных ими странах.

14 октября Народный Комиссар Иностранных Дел В. М. Молотов, по поручению Советского Правительства, направил г-ну Фирлингеру и г-ну Гарро нижеследующее заявление:

«Председатель Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталин, ознакомившись с обращенным к нему призывом представителей стран, временно оккупированных гитлеровской Германией, сделать торжественное предупреждение об ответственности за злодеяния, совершаемые гитлеровцами на захваченных ими территориях, поручил Народному Комиссариату Иностранных Дел довести до сведения правительств Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии, Греции, Бельгии, Голландии и Люксембурга и Французского Национального Комитета нижеследующее заявление Советского Правительства:

Советское Правительство и весь советский народ относятся с чувством братской солидарности и с глубокой симпатией к страданиям и к освободительной борьбе народов оккупированных гитлеровской Германией стран Европы. Бедствия, унижения и мучения, причиняемые этим народам гитлеровской тиранией, тем более понятны народам Советского Союза, что гитлеровские захватчики во временно оккупированных ими советских районах совершают в чудовищных масштабах свои злодейские преступления — массовые убийства мирных граждан, разрушение городов и деревень, ограбление и разорение населения, зверские насилия над женщинами, детьми и стариками, увод в рабство сотен тысяч людей.

Сообщенные Советскому Правительству в полученном им коллективном обращении сведения о зверствах гитлеровских оккупантов и их сообщников снова подтверждают повсеместный и предумышленный характер их кровавых преступлений, свидетельствуя

о том, что немецко-фашистское правительство и его сообщники, стремящиеся поработить народы оккупированных стран, разрушить их культуру и унижить национальное достоинство, поставили себе также целью прямое физическое истребление значительной части населения на захваченной территории.

Советское Правительство в то же время констатирует, что германским фашистам не удалось ни методами устрашения и подкупа, ни путем разжигания расовой розни, ни грабежами и голодом, ни кровавыми расправами сломить волю европейских народов к борьбе против оккупантов за освобождение и восстановление независимости своих стран. Не страшась неизбежных жертв, которые несет с собой эта справедливая освободительная борьба, и не зная ни пощады к врагу, ни компромиссов с ним и его пособниками, патриоты в угнетаемых гитлеровцами странах применяют все доступные средства борьбы с захватчиками, вплоть до развертывания народного партизанского движения.

Мужественные борцы за честь, свободу и независимость народов, угнетаемых гитлеровцами, не останавливаются ни перед чем, чтобы нанести гитлеровским оккупантам и германской военной машине максимально возможный ущерб; они срывают военно-промышленное производство на оккупированных территориях, действуя разными методами, от замедления темпов и ухудшения качества работы до забастовок, массового ухода с производства, порчи машин и продукции, диверсионных актов на заводах, электростанциях, шахтах; они организуют бойкот сельскохозяйственных поставок немецким угнетателям; они срывают мероприятия гитлеровцев по вербовке и увозу в Германию иностранных рабочих, обрекаемых на рабский труд для производства оружия, предназначенного против союзников угнетенных народов Европы; они, борцы против гнета германских разбойничьих империалистов, уничтожают или портят военные и сырьевые запасы оккупантов, они нарушают коммуникации врага, разбирая рельсы, взрывая мосты и пуская поезда под откос, вызывая аварии на торговых судах и военных кораблях, разрывая телеграфную и телефонную связь; они оказывают практическую помощь действиям союзной авиации над оккупированной гитлеровцами территорией; они саботируют мероприятия военных и гражданских оккупационных властей; они наказывают смертью виновников, организаторов и исполнителей гитлеровского насилия и террора, так же как и предателей, помогающих оккупантам. Наиболее ощутимый ущерб нанесен врагу в тех странах, где, наподобие великому движению народных мстителей-партизан, борющихся против оккупантов на временно оккупированных гит-

леровцами советских территориях, верные патриоты бесстрашно вступили на тот же путь вооруженной борьбы с захватчиками...

Не подлежит сомнению, что успешное развитие этой славленной освободительной борьбы во всех ее проявлениях станет одним из самых важных условий окончательного разгрома общего врага и приблизит час возмездия, к которому столь справедливо призывают представители оккупированных гитлеровской Германией стран.

В нотах Народного Комиссара Иностранных Дел В. М. Молотова от 25 ноября 1941 г. „О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных“, от 6 января с. г. „О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях“ и от 27 апреля с. г. „О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных ими советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления“, направленных всем правительствам, с которыми Советский Союз», поддерживает дипломатические отношения, Советское Правительство возложило «всю ответственность за бесчеловечные и разбойничьи действия немецких войск на преступное гитлеровское правительство Германии» и заявило, что «гитлеровское правительство и его пособники не уйдут от суровой ответственности и от заслуженного наказания за все их неслыханные злодеяния, совершенные против народов СССР и против всех свободолюбивых народов». Советское Правительство сообщило также, что его органы «ведут подробный учет всех этих злодейских преступлений гитлеровской армии, за которые негодующий советский народ справедливо требует и добьется возмездия».

Ознакомившись ныне с полученной информацией о чудовищных злодеяниях, совершенных и совершаемых гитлеровцами по приказу правительства и военных и гражданских властей Германии на территории Франции, Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии, Греции, Бельгии, Голландии и Люксембурга, и предавая поступившую от представителей этих стран информацию широкой гласности, Советское Правительство настоящим вновь заявляет во всеуслышание, со всей решительностью и непреклонностью, что преступное гитлеровское правительство и все его пособники должны понести и понесут заслуженное суровое наказание за злодеяния, совершенные ими против народов Советского Союза и против всех свободолюбивых народов на территориях, временно оккупированных немецкой армией и ее сообщниками.

Советское Правительство одобряет и разделяет выраженное в полученной им коллективной ноте законное стремление обеспечить передачу в руки правосудия и привлечение к ответственно-

сти виновных в указанных преступлениях и приведение в исполнение вынесенных приговоров. Советское Правительство готово поддержать направленные к этой цели практические мероприятия союзных и дружественных правительств и рассчитывает, что все заинтересованные государства будут оказывать друг другу взаимное содействие в розыске, выдаче, предании суду и суровом наказании гитлеровцев и их сообщников, виновных в организации, поощрении или совершении преступлений на оккупированной территории.

Советское Правительство согласно с заявлением Президента Соединенных Штатов Америки г. Рузвельта, сделанным им в его речи 12 октября, по вопросу о наказании «нацистских лидеров, конкретно ответственных за бесчисленные акты зверств», а именно, что «клика лидеров и их жестоких сообщников должна быть названа по имени, арестована и судима в соответствии с уголовным законом». Всему человечеству уже известны имена и кровавые злодеяния главарей преступной гитлеровской клики — Гитлера, Геринга, Гесса, Гёббельса, Гимmlера, Риббентропа, Розенберга и других организаторов немецких зверств из числа руководителей фашистской Германии. Советское Правительство считает, что оно, так же как и правительства всех государств, отстаивающих свою независимость от гитлеровских орд, обязано рассматривать суровое наказание этих уже избалованных главарей преступной гитлеровской шайки как неотложный долг перед бесчисленными вдовами и сиротами, родными и близкими тех невинных людей, которые зверски замучены и убиты по указаниям названных преступников. Советское Правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии.

Возобновляя в данный момент свое предупреждение о всей тяжести ответственности, которую должны понести преступные гитлеровские правители и все их пособники за совершаемые ими чудовищные злодеяния, Советское Правительство считает своевременным подтвердить выраженное в его официальных заявлениях убеждение в том, что гитлеровское правительство, признающее только грубую силу, «должно быть сломлено всесокрушающей силой свободолюбивых народов», ибо «интересы всего человечества требуют, чтобы как можно скорее и раз навсегда покончить с шайкой оголтелых убийц, именуемой правительством гитлеровской Германии».

Народный Комиссар Иностранных Дел СССР

В. МОЛОТОВ

г. Москва, 14 октября 1942 г.

Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства *

Великобритания, Соединенные Штаты и Советский Союз получили из различных источников свидетельства о зверствах, убийствах и хладнокровных массовых казнях, которые совершаются гитлеровскими вооруженными силами во многих странах, захваченных ими, из которых они теперь неуклонно изгоняются. Жестокости гитлеровского господства не являются новым фактом, и все народы или территории, находящиеся в их власти, страдали от худшей формы управления при помощи террора. Новое заключается в том, что многие из этих территорий сейчас освобождаются продвигающимися вперед армиями держав-освободительниц и что в своем отчаянии отступающие гитлеровцы-гунны удваивают свои безжалостные жестокости. Об этом теперь с особой наглядностью свидетельствуют факты чудовищных преступлений на освобождаемой от гитлеровцев территории Советского Союза, а также на территории Франции и Италии.

В соответствии с вышеизложенным три союзные державы, выступая в интересах тридцати двух объединенных наций, торжественно заявляют и предупреждают своей нижеследующей декларацией:

В момент предоставления любого перемирия любому правительству, которое может быть создано в Германии, те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы. Списки будут составлены со всеми возможными подробностями, полученными от всех этих стран, в особенности в отношении оккупированных частей Советского Союза, Польши и Чехословакии, Югославии и Греции, включая Крит и другие острова, Норвегии, Дании, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Франции и Италии.

Таким образом, немцы, которые принимали участие в массовых расстрелах итальянских офицеров, или в казнях французских, нидерландских, бельгийских и норвежских заложников, или критских крестьян, или же те, которые принимали участие в истреблении, которому был подвергнут народ Польши, или в истреблении населения на территориях Советского Союза, которые сейчас очища-

* Настоящая декларация опубликована во время конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США, происходившей в Москве с 19 по 30 октября 1943 г.

ются от врага, — должны знать, что они будут отправлены обратно в места их преступлений и будут судимы на месте народами, над которыми они совершали насилия. Пусть те, кто еще не обагрил своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзных державы наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей с тем, чтобы смогло совершиться правосудие.

Эта декларация не затрагивает вопроса о главных преступниках, преступления которых не связаны с определенным географическим местом и которые будут наказаны совместным решением правительств-союзников.

РУЗВЕЛЬТ, СТАЛИН, ЧЕРЧИЛЛЬ

Соглашение между правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и временным правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран Оси

Принимая во внимание, что Объединенные Нации неоднократно заявляли о своем намерении совершить правосудие над военными преступниками;

И принимая во внимание, что в Московской Декларации от 30 октября 1943 г. об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства было заявлено, что те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за зверства и преступления или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы;

И принимая во внимание, что было заявлено, что эта Декларация не затрагивает вопроса о главных преступниках, преступления которых не связаны с определенным географическим местом и которые будут наказаны совместным решением правительств союзников;

В настоящее время Правительства Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временное Правительство Французской Республики (в дальнейшем именуемые «Подписавшимися Сторонами»), действуя в интересах всех Объединенных Наций и в лице своих должным образом уполномоченных представителей, заключили нижеследующее соглашение:

Статья 1. Учредить после консультации с Контрольным Советом в Германии Международный Военный Трибунал для суда над военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом, независимо от того, будут ли они обвиняться индивидуально, или в качестве членов организаций или групп, или в том и другом качестве.

Статья 2. Организация, юрисдикция и функции Международного Военного Трибунала определяются в прилагаемом к настоящему Соглашению Уставе, который составляет неотъемлемую часть этого Соглашения.

Статья 3. Каждая из Подписавшихся Сторон предпримет необходимые меры, чтобы предоставить для расследования обвинений

и суда главных военных преступников, содержащихся у них под стражей и подлежащих суду Международного Военного Трибунала. Подписавшие Стороны также предпримут максимальные усилия, чтобы предоставить для расследования обвинений и суда Международного Военного Трибунала тех главных военных преступников, которые не находятся на территории какой-либо из Подписавшихся Сторон.

Статья 4. Ничто в настоящем Соглашении не умаляет установленных Московской Декларацией положений о возвращении военных преступников в страны, где ими были совершены преступления.

Статья 5. Любое из Правительств Объединенных Наций может присоединиться к настоящему Соглашению, оповестив дипломатическим путем Правительство Соединенного Королевства, которое в каждом от дельном случае сообщит об этом другим Подписавшимся и Присоединившимся Правительствам.

Статья 6. Ничто в настоящем Соглашении не умаляет компетенции и не ограничивает прав национальных или оккупационных судов, которые уже созданы или будут созданы на любой союзной территории или в Германии для суда над военными преступниками.

Статья 7. Настоящее Соглашение вступает в силу в день его подписания и остается в силе в течение года, а затем продолжает действовать при условии, что любая из Подписавшихся Сторон имеет право за месяц сообщить дипломатическим путем о своем намерении прекратить Соглашение. Такое прекращение Соглашения не умаляет значения любых действий, уже совершенных, или любых решений, уже принятых в соответствии с настоящим Соглашением.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся подписали настоящее Соглашение.

Составлено в Лондоне 8 августа 1945 г., в четырех экземплярах, каждый на русском, английском и французском языках. Каждый текст имеет одинаковую силу.

**Устав Международного Военного Трибунала.
Организация Международного Военного Трибунала**

Статья 1. В соответствии с Соглашением, заключенным 8 августа 1945 г. между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики, учреждается Международный Военный Трибунал (в дальнейшем именуемый «Трибунал») для справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси.

Статья 2. Трибунал состоит из 4 членов и их заместителей. Каждая из Подписавшихся Сторон назначает по одному члену и одному заместителю. Заместители будут, поскольку они могут, присутствовать на всех заседаниях Трибунала. В случае болезни кого-либо из членов Трибунала или невозможности для него нести свои обязанности по какой-либо другой причине, его место занимает его заместитель.

Статья 3. Ни Трибунал, ни его члены, ни их заместители не могут быть отведены обвинителем, подсудимыми или защитой. Каждая из Подписавшихся Сторон может заменить назначенного ею члена Трибунала или его заместителя по болезни или по другим уважительным причинам. Во время судебного процесса член Трибунала может быть заменен только его заместителем.

Статья 4.

- a) Для наличия кворума необходимо присутствие всех четырех членов Трибунала или заместителей, заменяющих отсутствующих членов Трибунала.
- b) Члены Трибунала до начала судебного процесса договариваются между собой о выборе одного из их числа председателем; председатель выполняет свои обязанности в течение этого судебного процесса или так, как будет решено голосами не менее трех членов Трибунала. Устанавливается принцип очередности председательствования на последующих судебных процессах. Однако, если заседание Трибунала происходит на территории одной из четырех Подписавшихся Сторон, то председательствует представитель этой Стороны в Трибунале.
- c) За исключением вышеуказанного, решения принимаются Трибуналом большинством голосов, а при разделении голосов голос председательствующего является решающим; однако признание виновности и определение наказания выносятся всегда большинством голосов не менее трех членов Трибунала.

Статья 5. В случае необходимости и в зависимости от количества требующих рассмотрения дел могут быть учреждены другие

трибуналы; порядок учреждения, функции и процедура каждого из трибуналов будут тождественны и будут регулироваться настоящим Уставом.

II. Юрисдикция и общие принципы

Статья 6. Трибунал, учрежденный Соглашением, упомянутым в статье 1 настоящего Устава для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, имеет право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организации, совершили любое из следующих преступлений.

Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность:

- a) *преступления против мира*, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;
- b) *военные преступления*, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень, разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;
- c) *преступления против человечности*, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана.

Статья 7. Должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государства или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания.

Статья 8. Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания, если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия.

Статья 9. При рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией.

После получения обвинительного акта Трибунал сделает такое объявление, какое он найдет нужным, о том, что обвинение намеревается ходатайствовать перед Трибуналом о вынесении определения о признании организации преступной. Любой член организации будет вправе обратиться в Трибунал за разрешением быть выслушанным Трибуналом по вопросу о преступном характере организации. Трибунал будет вправе удовлетворить или отклонить эту просьбу. В случае удовлетворения такой просьбы Трибунал может определить, каким образом эти лица будут представлены и выслушаны.

Статья 10. Если Трибунал признает ту или иную группу или организацию преступной, компетентные национальные власти каждой из Подписавшихся Сторон имеют право привлекать к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации. В этих случаях преступный характер группы или организации считается доказанным и не может подвергаться оспариванию.

Статья 11. Любое лицо, осужденное Международным Военным Трибуналом, может обвиняться на суде национального, военного или оккупационного трибунала, упомянутого в статье 10 настоящего Устава, в совершении другого преступления, помимо принадлежности к преступной группе или организации; по осуждении такой трибунал может наложить на это лицо новое наказание в дополнение к тому, которое было наложено Международным Военным Трибуналом за участие в преступной деятельности этой группы или организации.

Статья 12. Трибунал вправе рассматривать дела лиц, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных статьей 6 настоящего Устава, в отсутствие обвиняемых, если обвиняемый не разыскан или

если Трибунал по любым основаниям признает необходимым в интересах правосудия слушать дело заочно.

Статья 13. Трибунал устанавливает регламент своей работы. Этот регламент не должен противоречить положениям настоящего Устава.

III. Комитет по расследованию дел и обвинению главных военных преступников

Статья 14. Каждая из Подписавшихся Сторон назначит главного обвинителя для расследования дел и обвинения главных военных преступников.

Главные обвинители будут действовать в качестве Комитета для следующих целей:

- a) согласования плана индивидуальной работы каждого из главных обвинителей и их штата;
- b) окончательного определения лиц, подлежащих суду Трибунала;
- c) утверждения обвинительного акта и передаваемых с ним документов;
- d) передачи обвинительного акта и прилагаемых документов в Трибунал;
- e) составления и рекомендации Трибуналу для его утверждения проекта регламента его работы, предусмотренного статьей 13 настоящего Устава. Трибунал вправе утвердить с поправками или без поправок или вовсе отвергнуть этот регламент.

Во всех вышеуказанных случаях Комитет принимает решения большинством голосов; Комитет выделяет из своего состава председателя, как это будет удобно и в соответствии с принципом очередности. Однако, при разделении голосов по вопросу об определении лиц, подлежащих суду Трибунала, или преступлений, в которых они будут обвиняться, будет принято предложение той стороны, которая предложила предать обвиняемого суду или предъявить ему определенные обвинения.

Статья 15. Главные обвинители, действуя индивидуально и в сотрудничестве друг с другом, выполняют следующие обязанности:

- a) расследуют, собирают и представляют до или во время судебного процесса все необходимые доказательства;
- b) готовят обвинительный акт для утверждения Комитетом в соответствии с п. «с» ст. 14;
- c) производят предварительный допрос всех необходимых свидетелей и подсудимых;
- d) выступают в качестве обвинителей на суде;

- e) назначают уполномоченных для выполнения таких обязанностей, какие будут им поручены;
- f) производят другие действия, которые окажутся необходимыми в целях подготовки дела и производства суда.

Устанавливается, что ни один свидетель или подсудимый, содержащийся под стражей какой-либо из Подписавшихся Сторон, не будет взят из-под власти этой Стороны без ее согласия.

IV. Процессуальные гарантии для подсудимых

Статья 16. Для обеспечения справедливого суда над подсудимыми устанавливается следующий порядок:

- a) В обвинительный акт включаются все подробности, детально излагающие обвинения против подсудимого.
Копии обвинительного акта и всех документов, направляемых вместе с обвинительным актом, переведенные на язык, который подсудимый понимает, передаются ему заблаговременно до начала суда.
- b) При любом предварительном допросе и на суде подсудимый имеет право давать любые объяснения по обстоятельствам выдвинутых против него обвинений.
- c) Предварительный допрос подсудимого и судебное заседание будут вестись или переводиться на язык, который подсудимый понимает.
- d) Подсудимый имеет право защищаться на суде лично или при помощи защитника.
- e) Подсудимый имеет право лично или через защитника представлять на суде доказательства в свою защиту и подвергаться перекрестному допросу любого свидетеля, вызванного обвинением.

V. Права трибунала и судебное заседание

Статья 17. Трибунал имеет право:

- a) вызывать свидетелей на суд, требовать их присутствия и показаний и задавать им вопросы;
- b) допрашивать подсудимого;
- c) требовать предъявления документов и других материалов, используемых как доказательства;
- d) приводить к присяге свидетелей;
- e) назначать должностных лиц для выполнения указанных Трибуналом задач, включая собирание доказательств по полномочию Трибунала.

Статья 18. Трибунал должен:

- a) строго ограничивать судебное разбирательство быстрым рассмотрением вопросов, связанных с обвинением;
- b) принимать строгие меры для предотвращения любых выступлений, которые могут вызвать неоправдываемую задержку процесса, исключать какие бы то ни было не относящиеся к делу вопросы и заявления;
- c) принимать решительные меры во всех случаях неподчинения требованиям суда и налагать надлежащие взыскания, включая лишение любого подсудимого или его защитника права присутствовать на всех или некоторых заседаниях, однако без ущерба для расследования обвинений.

Статья 19. Трибунал не должен быть связан формальностями в использовании доказательств. Он устанавливает и применяет возможно более быструю и не осложненную формальностями процедуру и допускает любые доказательства, которые, по его мнению, имеют доказательную силу.

Статья 20. Трибунал может потребовать, чтобы ему сообщили о характере любых доказательств перед тем, как они будут представлены, с тем, чтобы Трибунал мог определить, относятся ли они к делу.

Статья 21. Трибунал не будет требовать доказательств общеизвестных фактов и будет считать их доказанными. Трибунал также будет принимать без доказательств официальные правительственные документы и доклады Объединенных Наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных союзных странах для расследования военных преступлений, протоколы и приговоры военных или других трибуналов каждой из Объединенных Наций.

Статья 22. Постоянное местонахождение Трибунала — Берлин. Первые заседания членов Трибунала и главных обвинителей состоятся также в Берлине, в том месте, которое будет определено Контрольным Советом в Германии. Первый процесс состоится в Нюрнберге, а последующие процессы состоятся в местах по определению Трибунала.

Статья 23. В каждом судебном процессе участвуют один или несколько главных обвинителей. Функции главного обвинителя могут выполняться им лично или любым лицом или лицами по его полномочию.

Функции защитника могут выполняться по ходатайству подсудимого любым адвокатом, имеющим право выступать на суде в его родной стране, или любым другим лицом, которое будет специально уполномочено на это Трибуналом.

Статья 24. Судебное заседание проходит в следующем порядке:

- a) оглашается обвинительный акт на суде;
- b) Трибунал опрашивает подсудимых, признают ли они себя виновными;
- c) обвинитель произносит вступительную речь;
- d) Трибунал опрашивает обвинителей и защитников, имеются ли у них и какие ходатайства о представлении доказательств, после чего Трибунал выносит определение по этим ходатайствам;
- e) допрашиваются свидетели обвинения, а затем свидетели защиты, после чего обвинители или защитники представляют такие доказательства в опровержение доказательств, представленных другой стороной, какие Трибунал признает допустимыми;
- f) Трибунал может в любое время задавать любые вопросы любому из свидетелей и подсудимых;
- g) обвинение и защита допрашивают и могут подвергать перекрестному допросу любого свидетеля и любого подсудимого, который дает показания;
- h) защитник произносит защитительную речь;
- i) обвинитель произносит обвинительную речь;
- j) каждый из подсудимых вправе выступить с последним словом;
- k) Трибунал выносит приговор.

Статья 25. Все официальные документы представляются и все судебные заседания ведутся на русском, английском и французском языках и на языке подсудимого. На язык той страны, в которой заседает Трибунал, может быть переведена такая часть протоколов и судебного заседания, какую Трибунал признает желательной в интересах правосудия и общественного мнения.

VI. Приговор

Статья 26. Приговор Трибунала должен содержать мотивы, на основании которых он вынесен; приговор является окончательным и не подлежит пересмотру.

Статья 27. Трибунал имеет право приговорить виновного к смертной казни или другому наказанию, которое Трибунал признает справедливым.

Статья 28. Трибунал вправе в дополнение к определенному им наказанию постановить об отобрании у осужденного награбленного имущества и распорядиться о передаче этого имущества Контрольному Совету в Германии.

Статья 29. В случае осуждения приговор приводится в исполнение согласно приказу Контрольного Совета в Германии; Контрольный Совет может в любое время смягчить или каким-либо образом

изменить приговор, но не может повысить наказание. Если после осуждения подсудимого и вынесения приговора Контрольный Совет получит новые доказательства, которые, по его мнению, дают основание для возбуждения нового обвинения против подсудимого, он сообщит об этих доказательствах Комитету, учрежденному в соответствии со статьей 14 настоящего Устава. Комитет поступит, как он найдет нужным, в интересах правосудия.

VII. Расходы

Статья 30. Расходы по содержанию Трибунала и проведению судебных процессов будут покрываться Подписавшимися Сторонами за счет фондов, выделенных на содержание Контрольного Совета в Германии.

Летопись организации и деятельности Международного Военного Трибунала

1. *8 августа 1945 г.* В Лондоне представителями СССР, США, Великобритании и Франции было подписано соглашение об организации Международного Военного Трибунала для суда над главными военными преступниками европейских стран «Оси» и утвержден Устав этого Трибунала.
2. Для собирания доказательств и поддержания обвинения был создан Комитет обвинителей в составе Главных обвинителей: от СССР — Р. А. Руденко, от США — Р. Джексона, от Великобритании — Х. Шоукроса и от Франции — де Ментона*.
3. *18 октября 1945 г.* В Берлине состоялось заседание Международного Военного Трибунала, на котором от Комитета обвинителей был принят обвинительный акт против главных немецких военных преступников: Геринга, Гесса, Риббентропа, Лея, Кейтеля, Кальтенбруннера, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Шахта, Густава Круппа, Функа, Деница, Редера, Зейсс-Инкварта, Иодля, Заукеля, Шираха, Нейрата, Шпеера, Палена, Фриче и Бормана, а также о признании преступными организациями руководящего состава НСДАП, имперского правительства, ОКВ и генерального штаба, СА, СС, СД и гестапо**.
4. *20 ноября 1945 г.* В Нюрнберге, в здании Дворца юстиции, состоялось первое открытое заседание Международного Военного Трибунала. Судебное заседание открылось вступительным словом председательствующего — лорда Лоренса. Был оглашен обвинительный акт.
5. *21 ноября 1945 г.* Председательствующий опросил всех подсудимых, которые на вопрос: «Признают ли они себя виновными?», ответили отрицательно. Главный обвинитель от США Джексон произнес вступительную речь.
6. *22 ноября 1945 г.* Представитель американского обвинения полковник Стори доложил Трибуналу порядок представления доказательств американским обвинением и представил доказательства подлинности немецких трофейных документов. Судебно-психиатрическая экспертиза в отношении подсудимого Штрейхера. Оглашение решения Трибунала о признании

* В ходе процесса Главный обвинитель от Франции де Ментон был заменен французским правительством Шампетье де Рибом.

** 25 октября 1945 г. Лей в тюрьме покончил жизнь самоубийством. В отношении Круппа Трибунал 15 ноября 1945 г. вынес постановление о приостановлении дела в связи с болезнью обвиняемого.

Штрейхера вменяемым. Американские обвинители начали представление доказательств по разделу обвинения: «Общий план, или заговор».

7. *23 ноября 1945 г.* Американские обвинители представляли доказательства по разделам обвинения: «Экономическая подготовка Германии к агрессивной войне» и «Агрессивная война». Оглашение решения Трибунала о порядке представления документальных доказательств и заявления ходатайств.
8. *26–28 ноября 1945 г.* Продолжение представления доказательств американским обвинителем Олдерманом по разделу обвинения: «Агрессивная война».
9. *29 ноября 1945 г.* Американский обвинитель Олдерман представил доказательства по разделу обвинения: «Агрессия против Австрии». В качестве доказательства демонстрировался документальный фильм «Нацистские концентрационные лагеря».
10. *1 декабря 1945 г.* Оглашение решения Трибунала о признании подсудимого Гесса вменяемым.
11. *4 декабря 1945 г.* Главный обвинитель от Великобритании Шоукросс произнес вступительную речь.
12. *5 декабря 1945 г.* Заместитель главного обвинителя от Великобритании Файф представлял доказательства по разделу обвинения: «Общие договоры».
13. *6 декабря 1945 г.* Английский обвинитель представил документы, относящиеся к обвинению в агрессии против Польши, Великобритании и Франции.
14. *7 декабря 1945 г.* Английские обвинители представляли доказательства по разделам обвинения: «Вторжение в Данию и Норвегию», «Агрессия против Бельгии, Нидерландов и Люксембурга». Американский обвинитель Олдерман выступил по разделу обвинения: «Агрессия против СССР».
15. *10 декабря 1945 г.* Выступление американского обвинителя Олдермана по разделу обвинения: «Германское сотрудничество с Италией и Японией и агрессивная война против США».
16. *11 декабря 1945 г.* Демонстрация в качестве документального доказательства фильма «Нацистский план».
17. *11–13 декабря 1945 г.* Американские обвинители представляли документальные доказательства по разделам обвинения: «Нацистская политика рабского труда» и «Гитлеровские концентрационные лагеря».
18. *17–20 декабря 1945 г.* Представление обвинением документальных доказательств преступности организаций гитлеровского

режима: «Руководящий состав НСДАП», «Имперское правительство», «СА», «СС». «Гестапо» и «СД».

19. *3 января 1946 г.* Допрос «свидетеля» Отто Олендорфа представителями обвинения — полковником Эйменом (США) и полковником Ю. В. Покровским (СССР). Олендорф признал, что руководимая им эйнзатцгруппа «Д» уничтожила на оккупированной территории СССР свыше 90 тысяч мирных жителей. Перекрестный допрос Олендорфа адвокатами. Допрос Олендорфа членом Международного Военного Трибунала от СССР генерал-майором И. Т. Никитченко, членом Трибунала от США Фрэнсисом Биддлом и Председателем Трибунала Джеффри Лоренсом.
20. *4 января 1946 г.* Допрос «свидетеля» Вальтера Шелленберга американским обвинителем, а также членом Трибунала от СССР И. Т. Никитченко. Представление обвинением документальных доказательств преступности гитлеровского генерального штаба ОКВ.
21. *7 января 1946 г.* Допрос «свидетеля» Бах-Зелевского представителем обвинения от СССР полковником Ю. В. Покровским.
22. *8 января 1946 г.* Выступление представителя обвинения от Великобритании майора Элвина Джонса на тему «Агрессия как база нацистской идеологии» и представление им в качестве доказательства книги Гитлера «Майн кампф».
23. *8–10 января 1946 г.* Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Геринга, Риббентропа, Розенберга, Франка, Штрейхера.
24. *11 января 1946 г.* Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Шахта и Функа. Допрос представителями обвинения от СССР, США и Франции свидетеля Франца Блаха — бывшего узника гитлеровского концентрационного лагеря в Дахау.
25. *14–16 января 1946 г.* Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Деница, Редера, Шираха, Бормана, Зейсс-Инкварт, Фрика.
26. *17 января 1946 г.* Главный обвинитель от Франции де Ментон произнес вступительную речь. Представитель французского обвинения представил доказательства по разделу обвинения: «Экономическое разграбление».
27. *18–19 января 1946 г.* Представитель обвинения от Франции представлял доказательства по разделам обвинения: «Принудительный труд при оккупации Франции», «Экономическое

разграбление Дании, Норвегии и Нидерландов», а также индивидуальной ответственности подсудимого Заукеля.

28. *23 января 1946 г.* Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Фриче, Папена и Нейрата. Председательствующий огласил решение Трибунала о принятии в качестве доказательства письменных показаний банкира фон Шредера.
29. *24 января 1946 г.* Представитель обвинения от Франции представил доказательства по разделу обвинения: «Нарушение законов и обычаев войны».
30. *25 января 1946 г.* Допрос свидетеля Мориса Лампа Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко. Допрос в качестве свидетеля Мари Вайян-Кутюрье о злодеяниях в гитлеровских концентрационных лагерях.
31. *29 января 1946 г.* Допрос Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко свидетеля Франсуа Буа — очевидца массового истребления советских военнопленных.
32. *31 января 1946 г.* Представление французским обвинителем доказательств по разделу обвинения: «Террористические действия против патриотов».
33. *1 февраля 1946 г.* Выступление представителя обвинения от Франции на тему: «Юридическая квалификация преступлений».
34. *6–7 февраля 1946 г.* Выступление французского обвинителя на тему: «Определение понятия преступного заговора». Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Шпеера, Кейтеля, Йодля и Гесса.
35. *8 февраля 1946 г.* Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко произнес вступительную речь. Представитель обвинения от СССР полковник Д. С. Карев доложил Трибуналу порядок представления доказательств советским обвинением.
36. *8–11 февраля 1946 г.* Советский обвинитель полковник Ю. В. Покровский представлял доказательства по разделу обвинения: «Агрессия против Чехословакии Польши и Югославии».
37. *11 февраля 1946 г.* Представление советским обвинителем доказательств по разделу: «Агрессия против СССР». Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко допрашивал в качестве свидетеля бывшего фельдмаршала германской армии Паулюса.
38. *12 февраля 1946 г.* Перекрестный допрос Паулюса защитой, членом Трибунала от СССР И. Т. Никитченко, членом Трибунала от США Биддлом и председательствующим. Допрос советским обвинителем свидетеля Бушенгагена — бывшего генерала гитлеровской армии.

39. 13–14 февраля 1946 г. Советский обвинитель полковник Ю. В. Покровский представлял доказательства по разделу обвинения: «Преступное попрание законов и обычаев войны об обращении с военнопленными».
40. 14–18 февраля 1946 г. Советский обвинитель Л. Н. Смирнов представлял доказательства по разделу обвинения: «Преступления против мирного населения»*.
41. 19 февраля 1946 г. Представление советским обвинителем Л. Н. Смирновым вещественных доказательств (мыла, изготовленного из человеческого жира, изделий из человеческой кожи) и демонстрация в качестве доказательства документального фильма о зверствах гитлеровцев на оккупированной территории СССР. Оглашение решения Трибунала об отклонении ходатайства защиты о назначении перерыва в судебных заседаниях.
42. 20 февраля 1946 г. Советский обвинитель Л. Р. Шейнин представил доказательства по разделу обвинения: «Разграбление и расхищение государственной, частной и общественной собственности».
43. 21 февраля 1946 г. Советский обвинитель М. Ю. Рагинский представил доказательства по разделу обвинения: «Разрушение и разграбление культурных и научных ценностей». Демонстрация в качестве доказательства документального фильма «Разрушение произведений искусства и памятников национальной культуры на оккупированной территории СССР».
44. 22 февраля 1946 г. Советский обвинитель М. Ю. Рагинский представил доказательства по разделу обвинения: «Разрушение сел и городов». Демонстрация в качестве доказательств документальных фильмов о разрушении Лидице в Чехословакии и разрушениях, произведенных гитлеровцами на оккупированной территории СССР.
Допрос советским обвинителем М. Ю. Рагинским свидетеля академика И. А. Орбели.
45. 22 февраля 1946 г. Представление советским обвинением доказательств по разделу обвинения: «Угон в рабство».
46. 23 февраля 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с возражениями против некоторых ходатайств защиты о вызове свидетелей и приобщении ряда документов.

* 16 и 17 февраля судебных заседаний не было.

47. *25 февраля 1946 г.* Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с возражениями против ходатайства защитника Риббентропа о вызове некоторых свидетелей.
48. *25–27 февраля 1946 г.* Советский обвинитель Л. Н. Смирнов представлял доказательства по разделу обвинения: «Преступления против человечности».
49. *26 февраля 1946 г.* Допрос советским обвинителем Ю. В. Покровским свидетелей Григорьева и Кивелиша.
50. *27 февраля 1946 г.* Допрос советским обвинителем Л. Н. Смирновым свидетелей Суцкевера, Ройзмана и протоиерея Ломакина. Представление обвинением некоторых дополнительных документов, относящихся к разделу обвинения: «Экономическая сторона заговора».
51. *28 февраля 1946 г.* Выступления Главных обвинителей по вопросу о рассмотрении дела в отношении преступных организаций.
52. *2 марта 1946 г.* Повторное выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко по вопросу о преступных организациях.
53. *4 марта 1946 г.* Оглашение представителем советского обвинения Л. Н. Смирновым некоторых пунктов официального отчета английского правительства, касающегося расстрела 50 английских летчиков.
54. *5 марта 1946 г.* Оглашение решения Трибунала об отклонении ходатайства всех подсудимых о выделении дела в отношении преступных организаций гитлеровского режима в отдельное производство и удовлетворении ходатайства адвоката Бергольда о рассмотрении дела в отношении Бормана после рассмотрения дела всех других подсудимых.
55. *6–7 марта 1946 г.* Трибунал заслушал заключения обвинителей по ходатайствам защитников подсудимых об истребовании документов и вызове свидетелей.
56. *8 марта 1946 г.* Защита начала представление доказательств.
57. *11 марта 1946 г.* Перекрестный допрос «свидетеля» Мильха — бывшего фельдмаршала гитлеровской армии Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко.
58. *12 марта 1946 г.* Перекрестный допрос Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко и Главным обвинителем от США Р. Джексоном «свидетеля» Кернера.
59. *13 марта 1946 г.* Перекрестный допрос американским и английским обвинителями «свидетеля» Кессельринга — бывшего гитлеровского фельдмаршала.
60. *18 марта 1946 г.* Перекрестный допрос подсудимого Геринга Главным обвинителем от США Джексоном.

61. *20 марта 1946 г.* Перекрестный допрос подсудимого Геринга заместителем Главного обвинителя от Великобритании Файфом.
62. *21–22 марта 1945 г.* Перекрестный допрос подсудимого Геринга Главным обвинителем СССР Р. А. Руденко. Выступления Главных обвинителей по вопросу об оглашении документов, представляемых защитой. Возражения Р. А. Руденко против оглашения и представления адвокатом Штамером выдержек из так называемой «Белой книги».
63. *25 марта 1946 г.* Выступления представителей советского и английского обвинения с возражениями против некоторых документов, представленных адвокатом Зейдлем. Перекрестный допрос обвинителями «свидетеля» Боле — одного из основных руководителей шпионско-диверсионных организаций нацистской партии за границей.
64. *26 марта 1946 г.* Оглашение решения Трибунала об отклонении третьего тома документов подсудимого Гесса, представленных его защитником Зейдлем.
65. *27 марта 1946 г.* Перекрестный допрос представителями советского, английского, американского и французского обвинения «свидетеля» Штейнграхта — гитлеровского дипломата, вызванного защитником Риббентропа.
66. *28 марта 1946 г.* Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с возражениями против заявления адвоката Зейдла и поставленных им вопросов «свидетельнице» Маргарите Бланк (секретарь Риббентропа).
67. *1 апреля 1946 г.* Перекрестный допрос подсудимого Риббентропа заместителем Главного обвинителя от Великобритании Файфом.
68. *2 апреля 1946 г.* Перекрестный допрос подсудимого Риббентропа французским обвинителем, представителем обвинения от США и Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко.
69. *5–6 апреля 1946 г.* Перекрестный допрос подсудимого Кейтеля Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко.
70. *8 апреля 1946 г.* Перекрестный допрос подсудимого Кейтеля представителями обвинения от Великобритании и США.
71. *9 апреля 1946 г.* Выступление представителя обвинения от СССР с возражениями против некоторых документов, представленных защитником Розенберга. Перекрестный допрос советским обвинителем Ю. В. Покровским «свидетеля» Ламмерса.
72. *10 апреля 1946 г.* Перекрестный допрос советским обвинителем Ю. В. Покровским «свидетеля» Вестгофа. Выступления Главного

73. обвинителя от СССР Р. А. Руденко и представителя обвинения от США с протестом против нарушения защитой порядка представления доказательств.
73. *12 апреля 1946 г.* Перекрестный допрос подсудимого Кальтенбруннера представителем обвинения от США.
74. *13 апреля 1946 г.* Перекрестный допрос подсудимого Кальтенбруннера советским обвинителем Л. Н. Смирновым. Выступление советского обвинителя М. Ю. Рагинского с возражениями против представления показаний Данкера по делу Розенберга.
75. *15 апреля 1946 г.* Перекрестный допрос обвинителями «свидетеля» Рудольфа Гесса — гитлеровского палача, коменданта концентрационного лагеря Освенцим, где было злодейски умерщвлено три миллиона человек.
76. *17 апреля 1946 г.* Перекрестный допрос подсудимого Розенберга Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко. Выступления представителей советского обвинения М. Ю. Рагинского и Ю. В. Покровского с возражениями против принятия некоторых документов, представленных адвокатами Тома и Зейдлем.
77. *18 апреля 1946 г.* Перекрестный допрос подсудимого Франка представителем советского обвинения Л. Н. Смирновым и американским обвинителем Доддом*.
78. *23 апреля 1946 г.* Перекрестный допрос советским обвинителем Л. Н. Смирновым «свидетеля» Бюллера.
79. *25–26 апреля 1946 г.* Допрос «свидетеля» Гизевуиса Главным обвинителем от США Джексоном и представителем советского обвинения Г. Н. Александровым.
80. *29 апреля 1946 г.* Перекрестный допрос подсудимого Штрейхера английским обвинителем Гриффитом Джонсом.
81. *2 мая 1946 г.* Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с возражениями против принятия некоторых документов, представленных защитником Шахта. Перекрестный допрос подсудимого Шахта Главным обвинителем от США.
82. *3 мая 1946 г.* Перекрестный допрос подсудимого Шахта представителем советского обвинения Г. Н. Александровым.
83. *6 мая 1946 г.* Перекрестный допрос подсудимого Функа обвинителем от США Доддом.
84. *7 мая 1946 г.* Перекрестный допрос подсудимого Функа советским обвинителем М. Ю. Рагинским. Выступление представи-

* С 19 по 22 апреля судебных заседаний Трибунала не было в связи с объявлением пасхальных каникул.

теля советского обвинения Ю. В. Покровского с возражениями против принятия некоторых документов, представленных адвокатом Кранцбюлером в защиту Деница.

85. *9 мая 1946 г.* Перекрестный допрос подсудимого Деница английским обвинителем Файфом.
86. *10 мая 1946 г.* Перекрестный допрос подсудимого Деница советским обвинителем Ю. В. Покровским.
87. *11 мая 1946 г.* Выступление советского обвинителя Ю. В. Покровского с заключением по дополнительному ходатайству подсудимого Геринга о вызове свидетелей.
88. *16 мая 1946 г.* Выступление представителя советского обвинения Ю. В. Покровского с возражениями против принятия некоторых документов, представленных защитником Редера.
89. *20 мая 1946 г.* Перекрестный допрос подсудимого Редера английским обвинителем Файфом и советским обвинителем Ю. В. Покровским.
90. *21 мая 1946 г.* Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с возражениями против некоторых вопросов, заданных адвокатом Зейдлем «свидетелю» Вейцекеру — гитлеровскому дипломату. Перекрестный допрос английским обвинителем Элвином Джонсом свидетеля Зеверинга.
91. *22 мая 1946 г.* Перекрестный допрос английским обвинителем «свидетеля» Вейцекера.
92. *24 мая 1946 г.* Перекрестный допрос американским обвинителем Доддом подсудимого Шираха.
93. *27 мая 1946 г.* Перекрестный допрос подсудимого Шираха представителем советского обвинения Г. Н. Александровым. Допрос Шираха председателем Трибунала.
94. *28 мая 1946 г.* Представление американским обвинителем дополнительных документов по делу подсудимого Функа.
95. *29–30 мая 1946 г.* Перекрестный допрос французским обвинителем подсудимого Заукеля.
96. *30–31 мая 1946 г.* Перекрестный допрос подсудимого Заукеля представителем советского обвинения Г. Н. Александровым. Допрос Заукеля членом Трибунала от США Биддлом.
97. *3 июня 1946 г.* Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с заключением по ходатайству подсудимого Геринга о вызове дополнительных свидетелей. Допрос свидетеля Егера — немецкого врача, давшего показания о рабском труде и массовой гибели военнопленных и мирных граждан, угнанных гитлеровцами с оккупированных территорий, на предприятиях Круппа в Эссене.

98. 6 июня 1946 г. Перекрестный допрос английским обвинителем Робертсом подсудимого Иодля.
99. 7 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Иодля советским обвинителем Ю. В. Покровским. Допрос Иодля членом Трибунала от США Биддлом.
100. 10–12 июня 1946 г. Допрос подсудимого Зейсс-Инкварта.
101. 13 июня 1946 г. Оглашение решения Трибунала о заключительных речах адвокатов.
102. 17–19 июня 1946 г. Допрос подсудимого Папена.
103. 21 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Шпеера Главным обвинителем от США Джексоном и советским обвинителем М. Ю. Рагинским. Допрос Шпеера членом Трибунала от США Биддлом.
104. 25 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Нейрата заместителем Главного обвинителя от Великобритании Файфом.
105. 25–26 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Нейрата советским обвинителем М. Ю. Рагинским. Допрос Нейрата членом Трибунала от СССР И. Т. Никитченко, членом Трибунала от США Биддлом и председательствующим.
106. 28 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Фриче Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко.
107. 29 июня 1946 г. Допрос подсудимого Фриче председательствующим Лоренсом и членом Трибунала от США Биддлом.
108. 1 июля 1946 г. Допрос советским обвинителем Л. Н. Смирновым и членом Трибунала от СССР И. Т. Никитченко «свидетеля» Арнса — участника злодеяний гитлеровцев над польскими военнопленными.
109. 3 июля 1946 г. Представление защитой и обвинением дополнительных доказательств.
110. 4–25 июля 1946 г. Защитительные речи адвокатов.
111. 26 июля 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от США Джексона.
112. 26–27 июля 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от Великобритании Шоукросса.
113. 29 июля 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от Франции де Рибо.
114. 29–30 июля 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко.
115. 30 июля 1946 г. Защитники преступных организаций начали представление доказательств.

116. *31 июля 1946 г.* Представление советским обвинителем М. Ю. Рагинским дополнительных документов в доказательство преступности НСДАП.
117. *1 августа 1946 г.* Представитель обвинения от СССР Д. С. Карев дополнительно представил некоторые документы о преступной деятельности гестапо.
118. *5–7 августа 1946 г.* Перекрестный допрос английским обвинителем Элвином Джонсом и советским обвинителем Л. Н. Смирновым «свидетелей» по делу «СС» Бриля, Гаузера и Рейнеке.
119. *8–9 августа 1946 г.* Перекрестный допрос английским обвинителем и членом Трибунала от США «свидетеля» по делу «СС» Зиверса. Перекрестный допрос «свидетеля» Браухича представителем советского обвинения Г. Н. Александровым и представителем обвинения от США генералом Тейлором.
120. *12 августа 1946 г.* Перекрестный допрос «свидетеля» Манштейна представителем советского обвинения Г. Н. Александровым. Допрос защитой «свидетеля» Рундштедта.
121. *16 августа 1946 г.* Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко в связи с заявлением адвоката Штамера о непричастности Геринга к преступным медицинским опытам над заключенными в гитлеровских концентрационных лагерях.
122. *22–28 августа 1946 г.* Защитительные речи адвокатов по делу преступных организаций.
123. *26 августа 1946 г.* Допрос генерал-майора медицинской службы гитлеровской армии профессора военно-медицинской академии Вальтера Шрайбера представителем советского обвинения Г. Н. Александровым. Шрайбер дал подробные показания о подготовке гитлеровцами бактериологической войны.
124. *28–29 августа 1946 г.* Заключительная речь английского обвинителя Файфа по делу преступных организаций.
125. *29–30 августа 1946 г.* Заключительные речи американских обвинителей Додда и Тейлора и Главного обвинителя от Франции де Рибо по делу преступных организаций. Обвинение представляло доказательства против преступных организаций одновременно с представлением доказательств по делам отдельных подсудимых. Заключительная речь Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко по делу преступных организаций.
126. *31 августа 1946 г.* Последние слова подсудимых. Трибунал удался на совещание для постановления приговора.
127. *30 сентября – 1 октября 1946 г.* Оглашение приговора Международного Военного Трибунала. Трибунал приговорил Геринга,

Риббентропа, Кейтеля, Кальтенбруннера, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Заукеля, Иодля, Зейсс-Инкварта и Бормана (заочно) к смертной казни через повешение; Гесса, Функа и Редера — к пожизненному тюремному заключению; Шираха и Шпеера — к 20 годам тюремного заключения; Нейрата — к 15 годам тюремного заключения и Денница — к 10 годам тюремного заключения. Объявление председательствующим о занесении в протокол судебного заседания особого мнения члена Трибунала от СССР И. Т. Никитченко в связи с оправданием Шахта, Папена и Фриче, неприменением смертной казни к Гессу и непризнанием преступными организациями имперского правительства, ОКВ и генерального штаба.

128. *16 октября 1946 г.* Приговор Международного Военного Трибунала, осудившего к повешению Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Кальтенбруннера, Фрика, Франка, Штрейхера, Иодля, Заукеля и Зейсс-Инкварта, приведен в исполнение в здании Нюрнбергской тюрьмы. Геринг за 2 часа до казни покончил жизнь самоубийством, приняв цианистый калий.

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

URSS

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

- Канто А. С.* Пакт Молотова—Риббентропа: мистификации или реальность?
Никаноров Г. Л. Надрыв: Правда и ложь отечественной истории XX века.
Науомов В. И. Преднамеренный развал СССР. Вселенская трагедия.
Робертс Дж. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю.
Джохадзе Д. В., Косолапов Р. И. (ред.) Сталин и современность.
Калинин Л. А. Интервью со Сталиным.
Бузалин А. В., Колганов А. И. Сталин и распад СССР.
Плотников А. Ю. Русская дальневосточная граница в XVIII — первой половине XX в.
Плотников А. Ю. Прибалтийский рубеж: К десятилетию заключения российско-литовского договора о границе.
Труш М. И. От политики революционной борьбы к победам на дипломатическом фронте: Жизненный путь Александры Коллонтай.
Хорос В. Г., Красильщиков В. А. (ред.) Постиндустриальный мир и Россия.
Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема.
Батыров К. А. Почему фунт лиха в казино-капитализме: Заметки промышленника.
Синдеев А. А. От мировой войны к европейскому миру под эгидой Германии.
Синдеев А. А. История западноевропейской интеграции: Начало (1947—1957 годы).
Мусатов В. Л. Россия и Восточная Европа: связь времен.
Никитин А. К., Кабулова О. З. Модель взаимодействия России и Германии по преодолению глобального финансового кризиса.
Хорошева А. О. (ред.) Малые страны Европы в XX веке.
Исаев Л. М., Шишкина А. Р. Египетская смута XXI века.
Шахин Ю. В. Югославия на пути модернизации: 1947—1961 гг.
Кузнецов Д. В. Югославский кризис: Взгляд сквозь призму общественного мнения.
Ефимов Н. Н. Политико-военные аспекты национальной безопасности России.
Печуров С. Л. Англо-саксонская модель управления в военной сфере.
Печуров С. Л. Коалиционные войны англо-саксов.
Фоменко А. В. Прибалтийский вопрос в отношениях США с Советской Россией.
Мальшев Д. В. Содружество Независимых Государств: Основные аспекты развития.
Дынкин А. А., Иванов И. С. (ред.) Евroatлантическое пространство безопасности.
Кокошин А. А. Проблемы обеспечения стратегической стабильности.
Кокошин А. А. Политика как общественный феномен.
Кокошин А. А. О стратегическом планировании в политике.
Кокошин А. А. (ред.) Россия в современной системе обеспечения глобальной стабильности: политика и восприятие.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
 тел. +7 (499) 724-25-45 (многоканальный)
 или электронной почтой URSS@URSS.ru
 Полный каталог изданий представлен
 в интернет-магазине: <http://URSS.ru>

Научная и учебная
литература

Об авторе

Александр Семенович КАПТО

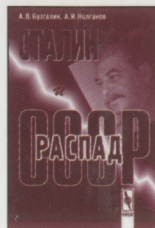

Российский и украинский ученый, социолог и политолог, политический и государственный деятель, дипломат, журналист. Доктор философских наук (1985). Область научных интересов: проблемы войны и мира, морали и воспитания, социальная активность молодежи, профессиональная этика, теория художественной культуры. В настоящее время — заместитель директора Института социологических исследований РАН, заведующий отделом политического анализа и стратегических оценок, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН, почетный доктор Днепрпетровского университета, председатель экспертного совета ВАК по политологии. Имеет высший дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла; был послом

СССР на Кубе, последним послом СССР и первым послом РФ в КНДР. Награжден тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы Народов, орденом Почета, кубинским орденом «Солидарность», орденом «За заслуги и большой вклад в развитие и укрепление государства Российского», 16 медалями. Отмечен медалью академика С. И. Вавилова «За выдающийся вклад в распространение научных знаний, просветительскую и гуманитарную деятельность».

Автор 24 монографий, среди которых: «Философия мира: истоки, тенденции, перспективы» (М., 1990), «От культуры войны к культуре мира» (М., 2002), «Энциклопедия мира» (2002; 2005; 2008), «Профессиональная этика» (Ростов н/Д, 2006), «Пакт Молотова—Риббентропа: мистификации или реальность?» (М.: URSS, 2011), «Художественная культура: понятия, сущность, основные функции» (М., 2011), а также ряда статей в научных сборниках и журналах.

Наше издательство предлагает следующие книги:

10877 ID 155091

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

URSS

E-mail: URSS@URSS.ru

Каталог изданий в Интернете:

<http://URSS.ru>

URSS НАШИ НОВЫЕ
КООРДИНАТЫ

ТЕЛЕФОН/ФАКС +7(499) 724-25-45
(многоканальный)
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56

АРГУМЕНТЫ
ИСТИНЫ

А. С. КАПТО

НАЦИЗМ
И «ЛИБЕРАЛЬНЫЙ
АНТИСТАЛИНИЗМ»

ОПТОР
ФАЛЬСИФИКАТОРАМ
ИСТОРИИ

URSS